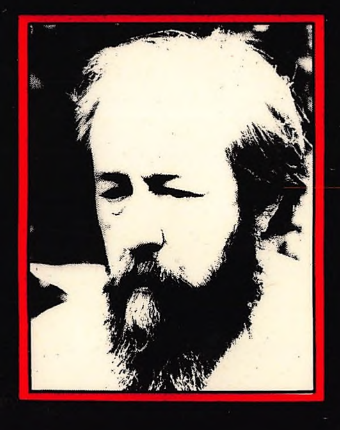
КРЕМЛЕВСКИЙ САМОСУД

КРЕМЛЕВСКИЙ САМОСУД

СЕКРЕТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТБЮРО О ПИСАТЕЛЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНЕ

КРЕМЛЕВСКИЙ САМОСУД

БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
«ИСТОЧНИК»

СЕКРЕТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПОЛИТБЮРО О ПИСАТЕЛЕ А.СОЛЖЕНИЦЫНЕ

«Родина»

ББК 63.3(2)45
Ш31

КРЕМЛЕВСКИЙ САМОСУД

(*Сборник документов*)

Составители:
А. В. КОРОТКОВ, С. А. МЕЛЬЧИН,
А. С. СТЕПАНОВ

Редактор
В. Н. ДЕНИСОВ

Художник
А. Ф. БЫКОВ

Г $\frac{4702010202}{94}$ (2)

ISBN 5-7330-0044-9

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

С 1965 года, когда органами госбезопасности были изъяты литературные произведения А. Солженицына антисоветского характера, писатель стал объектом пристального внимания ЦК КПСС. Политбюро ЦК не только активно собирало информацию о А. Солженицыне, но и выступало в качестве главного организатора и режиссера всех пропагандистских мероприятий и общественно-политических кампаний в СССР и за рубежом, направленных против неугодного ему литератора. Ни один вопрос в отношении А. Солженицына не решался без соответствующих указаний и директивных рекомендаций высшего партийного органа. Это можно было предположить, ибо литературная деятельность, исходя из установок известной ленинской статьи, была таким же партийным делом, как и многое другое в нашей недавней жизни, о чем ЦК КПСС проявлял неустанную "отеческую заботу". Публикуемые в сборнике документы еще раз со всей очевидностью подтверждают это положение.

Предназначенные для узкого круга лиц высшего партийного руководства документы достаточно полно и подробно отражают события, описанные А. Солженицыным в книге "Бодался теленок с дубом". Их с полным правом можно рассматривать как дополнительное документальное приложение к этой книге очерков литературной жизни 60—70-х годов, с той лишь только разницей, что видятся эти события "литературной жизни" глазами могучего дуба, имеющего свой, отличный от писательского, взгляд на вещи и явления.

В сборник включены практически все документы, выявленные в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС. В большинстве своем они неизвестны исследователям и публикуются впервые. За основу систематизации документов внутри сборника принят хронологический принцип, позволяющий проследить ход развития событий, их непосредственное восприятие и оценку партийными и государственными органами, реакцию общественности, влияние на последующие действия и события. Вместе с тем, неуклонное следование принципу хронологической последовательности в отдельных случаях привело к разрушению внутренней логической связи между документами, которую пришлось восстанавливать с помощью соответствующих отсылок.

Документы публикуются полностью, без сокращений и изъятий, за исключением рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС от 30 марта 1972 года — в ней опущены выступления, не связанные с А. Солженицыным.

Рабочие записи Политбюро и Секретариата ЦК КПСС нельзя рассматривать как полную стенограмму обсуждавшихся вопросов. В записке К. Черненко, являвшегося в тот период заведующим Общим отделом ЦК, указывается, что "краткие рабочие записи заседаний велись им лично, главным образом, для того, чтобы сохранилась последовательность каждого выступления по отдельным вопросам, а также некоторые мысли, характеризующие содержание выступления членов Политбюро".

Документы воспроизводятся с сохранением всех особенностей их оформления, исправлялись только явные орфографические ошибки и опечатки. Ошибки принципиального характера, например, неправильное написание или искажение фамилий и инициалов, названий литературных произведений, неточная датировка и др., оставлены без изменения, о чем даются соответствующие пояснения в примечаниях. Резолюции, записи и пометы на документах, относящиеся к их содержанию в целом, также воспроизводятся в примечаниях. Пометы делопроизводственного характера типа "в дело", "хранить в архиве Политбюро" и т. п. составителями при публикации опущены. Собственные заголовки документов вынесены в редакционный заголовок и даются в кавычках. Делопроизводственный номер и даты документов указываются непосредственно после редакционного заголовка. В конце каждого документа указываются его поисковые данные (фонд, опись, дело, листы) и сведения о подлинности.

Составители сочли возможным ограничиться краткими примечаниями к документам, содержащими минимум пояснений для правильного понимания текста, особенностей оформления документа и его логической связи с другими документами. Все примечания (текстуальные и по содержанию) обозначаются знаком сноски арабскими цифрами и помещаются после документа, сохраняя валовую нумерацию для каждого из них.

В конце сборника помещены именной указатель, перечень документов, включенных в сборник. В именной указатель включены все персоналии, упоминаемые в документах и примечаниях к ним. В перечне документов их систематизация дается по номинальному признаку.

Все документы рассекречены на основании Указа Президента Российской Федерации № 658 от 23 июня 1992 года "О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека".

Выявление и подготовка документов к публикации, их комментирование, составление именного указателя и перечня документов осуществлены творческим коллективом в составе А. Короткова, С. Мельчина и А. Степанова.

1963

№ 1

ИНФОРМАЦИЯ В. ЛЕБЕДЕВА[1]

22 марта 1963 г.

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Справка

После встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией в Кремле и после Вашей речи[2], Никита Сергеевич, мне позвонил по телефону писатель А. И. Солженицын и сказал следующее:

Я глубоко взволнован речью Никиты Сергеевича Хрущева и приношу ему глубокую благодарность за исключительно доброе отношение к нам, писателям, и ко мне лично, за высокую оценку моего скромного труда. Мой звонок Вам объясняется следующим: Никита Сергеевич сказал, что если наши литераторы и деятели искусства будут увлекаться лагерной тематикой, то это даст материал для наших недругов, и на такие материалы, как на падаль, полетят огромные, жирные мухи.

Пользуясь знакомством с Вами и помня беседу на Воробьевых горах во время первой встречи наших руководителей с творческой интеллигенцией, я прошу у Вас доброго совета. Только прошу не рассматривать мою просьбу, как официальное обращение, а как товарищеский совет коммуниста, которому я доверяю. Еще девять лет тому назад я написал пьесу о лагерной жизни "Олень и шалашовка". Она не повторяет "Ивана Денисовича", в ней другая группировка образов: заключенные противостоят в ней не лагерному начальству, а бессовестным представителям из своей же среды. Мой "литературный отец" Александр Трифонович Твардовский, прочитав эту пьесу, не рекомендовал мне передавать ее театру. Однако мы с ним несколько разошлись во мнениях, и я дал ее для прочтения в театр-студию "Современник" О. Н. Ефремову — главному режиссеру театра.

Теперь меня мучают сомнения, — заявил далее А. И. Солженицын, — учитывая то особенное внимание и предупреждение, которое было высказано Никитой Сергеевичем Хрущевым в его речи на встрече по отношению к использованию лагерных материалов в искусстве, и сознавая свою ответственность, я хотел бы посоветоваться с Вами — стоит ли мне и театру дальше работать над этой пьесой.

А. И. Солженицын убедительно просил меня прочитать его пьесу.

— Я хочу еще раз проверить себя: прав ли я или прав Александр Трифонович Твардовский, который не советует мне выступать с этой пьесой. Если Вы скажете то же, что А. Т. Твардовский, то эту пьесу я немедленно забираю из театра "Современник" и буду над ней работать дополнительно. Мне будет очень больно, если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев.

Получив пьесу, я поинтересовался у главного режиссера театра-студии "Современник" Олега Николаевича Ефремова, с которым я знаком, — правда ли, что они собираются ставить эту пьесу? О. Н. Ефремов сообщил мне, что эту пьесу они пока ставить не собираются, хотя пьеса для их театра, по его мнению, им подходит. С пьесой знаком лишь небольшой круг работников театра, и текст ее имеется лишь у него, как у главного режиссера.

Видимо, от кого-то из работников театра-студии "Современник" и узнал корреспондент агентства "Франс Пресс" Мазанкин о том, что в этом театре будто бы готовится к постановке пьеса А. Солженицына "Уголовники". Однако в своем сообщении от 21 марта он извратил не только название пьесы, но и придумал все остальное, так как никаких репетиций в театре не было и никаких декораций, оформлений не готовилось. О. Н. Ефремов сказал, что было лишь авторское чтение этой пьесы, когда А. И. Солженицын прочитал группе актеров театра свою пьесу "Олень и шалашовка". Причем, как уверяет тов. Ефремов, все актеры, присутствовавшие на чтении, были предупреждены о том, чтобы они ничего не говорили об этой пьесе, так как вопрос о ее постановке не решен ни автором, ни руководством театра.

Прочитав пьесу "Олень и шалашовка", я сообщил тов. Солженицыну, что по моему глубокому убеждению эта пьеса в ее теперешнем виде для постановки в театре не подходит. Серьезного успеха она не принесет ни ав-

тору, ни театру. Пьеса, по-моему, является именно таким материалом, на который, как сказал в своей недавней речи перед творческой интеллигенцией Никита Сергеевич Хрущев, в театр тучами полетят "огромные, жирные мухи". Этими "мухами" будут корреспонденты зарубежных газет и телеграфных агентств, всевозможные обыватели.

То же самое я высказал и в беседе с главным режиссером театра-студии "Современник" О. Н. Ефремовым.

И автор пьесы А. И. Солженицын, и режиссер театра-студии О. Н. Ефремов согласились с этими доводами и сказали, что они не будут готовить пьесу к постановке.

Писатель А. И. Солженицын просил меня, если представится возможность, передать его самый сердечный привет и наилучшие пожелания Вам, Никита Сергеевич. Он еще раз хочет заверить Вас, что хорошо понял Вашу отеческую заботу о развитии нашей советской литературы и искусства и постарается быть достойным высокого звания советского писателя.

В. Лебедев

Ф. 3, оп. 80, д. 194, л. 104—107. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На первом листе запись "Тов. Хрущев ознакомился. В архив. 23-III-63 (подпись неразб.)"

[2] Первая встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства проходила 17 декабря 1962 г. в Доме приемов на Ленинских горах. Вторая встреча состоялась 7—8 марта 1963 г. в Свердловском зале в Кремле. На ней Н. Хрущев выступил с речью "Высокая идейность и художественное мастерство — великая сила советской литературы и искусства"

1965

№ 2

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2275-с 5 октября 1965 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

Комитет государственной безопасности докладывает меморандум по оперативным материалам о настроениях писателя А. СОЛЖЕНИЦЫНА, а также аннотацию по рукописи его романа "В круге первом" и другим неопубликованным произведениям, изъятым при обыске 11 сентября 1965 г. у его близкого знакомого ТЕУША В. Л.

Председатель
Комитета Госбезопасности *В. СЕМИЧАСТНЫЙ*

Приложение 1

СОВ. СЕКРЕТНО
экз. №1

МЕМОРАНДУМ

ПО ОПЕРАТИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ О НАСТРОЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Комитетом госбезопасности установлен автор анонимной рукописи антисоветского содержания ТЕУШ В. Л.

В ходе работы по розыску автора стало известно, что с ТЕУШЕМ постоянно поддерживает связь писатель А. СОЛЖЕНИЦЫН, который, как это видно из оперативных

материалов, допускает политически вредные высказывания и распространяет клеветнические измышления.

Ниже приводятся высказывания СОЛЖЕНИЦЫНА:

"...Я говорил вам о книге ФИШЕРА?.. Мне привезли книжку американского журналиста "Жизнь ЛЕНИНА"... При всем том, что у меня уже давно было совсем невосторженное мнение о ЛЕНИНЕ в период революции... Я вынужден был два месяца читать ее, каждый день по 5 часов. В общем, я считаю, что я сэкономил на этом несколько лет, потому что я собирался сталкивать ленинские цитаты одну с другой, изучать его книги. Теперь ничего не надо, все сделано. По любому вопросу он дает: ЛЕНИН — вот, ЛЕНИН — вот. Это просто змея, это просто беспринципнейший человек. Если он буквально может вам сказать, что он за вас, а вы пойдете к двери — он вам выстрелит в спину. Полная беспринципность.

...Слушайте, прямо волосы дыбом становятся, когда читаешь... А вообще ЛЕНИН с момента переворота просто переродился, стал другим человеком... Он оппортунист. У нас это слово неправильно понимают. То есть он хватает возможность. Он как орел видит мышь в поле. Он гениальный человек. Он сразу видит возможности. Он видит возможности победы или разгрома врага и все, дальше он уже не интересуется, соответствует ли это теории, стоит ли это на нравственном уровне. Может быть — он берет. Что может — хватает, больше ничего. Поэтому, когда он построил одну теорию, а потом выяснил, что это совсем ни к чему, совсем не так надо делать, стал делать совсем не так, но гениально. Он признает, что он гений...

...Там потрясающие вещи. Такие простые вещи он умеет выпятить. О том, что Советская власть прекратила свое существование 6 июля 1918 года... Это совершенно понятно, друзья мои... Власть Советов кончилась... (Стала) диктатура этой партии... Как это все было сделано? Во-первых, наши систематически подделывали результаты выборов... Тогда, в 1918 году... Абсолютно наглым образом. Были сфальсифицированы все выборы на 3—4—5 съездах Советов. Все фальсифицировали, и все больше и больше большевиков проходило. Например, с января 1918 года большевики вместе с "левыми" эсерами вытеснили из Советов "правых" эсеров и меньшевиков. И сразу же стали их сажать, тут же, немедленно. В начале 1918 года. Понимаете? Подавили сразу и их, и анархистов. А "левые" эсеры остались. Тогда были сфальси-

фицированы выборы на 5 съезде. Крестьянство было за "левых" эсеров. Крестьянство кипело от негодования...

У нас было знакомство с одной латышкой... Она сама рассказывала... Она сама была в охране ЛЕНИНА. Он не работал на субботнике. ЛЕНИН пришел, они окружили его, чтобы не знали, кто пришел, вызвали одного чекиста, переодетого в рабочего, сфотографировали его с ЛЕНИНЫМ, и ЛЕНИН ушел. А там, где они вшестером, — это рисунок. А снимок один. Он — с чекистом на виду, а она стояла с пистолетом. ЛЕНИН ушел, и больше ничего не было... ФИШЕР этого не знает. Это я вам рассказываю...

...Знаете, когда-нибудь мы этим займемся более основательно. У меня есть многие люди, которые просто жаждут, чтобы перепечатать. Я возьму, дам эти свои выписки перепечатать. Просто для сохранности. Тогда вы сможете прочесть..."

На высказанную в разговоре концепцию о том, что "когда-то была правда, но злые люди ее спрятали и потом стала кривда", СОЛЖЕНИЦЫН ответил: "Такая концепция возможна, но не с большевиками... Правда была у народа, а не у большевиков".

Говоря о Советском правительстве, СОЛЖЕНИЦЫН заявил: "...Это правительство без возможностей. У них просто нет приводов ни к идеологии, ни к массе, ни к экономике, ни к внешней политике, ни к мировому коммунистическому движению, ни к чему. Рычаги всех приводов обломились, не работают. Они могут решать, сидя за столом, все что угодно. Но сразу выясняется, что это не сработает. Понимаете? Честное слово, у меня такое впечатление. Паралитики".

Делясь своими впечатлениями о недавнем посещении г. Обнинска Калужской обл. и встречах с научными работниками, СОЛЖЕНИЦЫН говорил: "...Там сейчас такой стиль — не вступать в партию. ТИМОФЕЕВ-РЕССОВСКИЙ (начальник отдела Института медицинской радиологии Академии медицинских наук, бывший "сокамерник" СОЛЖЕНИЦЫНА, по его словам) сказал: "У нас не было ни одного партийного среди 725 младших сотрудников. Потом вступили двое. Когда они вступили, то они как-то безнадежно оторвались от коллектива — их все презирали, высмеивали. "Один кандидат, один член. Они уже оторвались, отделились от них!"

Высказывая мнение по национальному вопросу, СОЛЖЕНИЦЫН заявил: "...Меня поражает, что либеральные русские люди не понимают, что надо расставаться

с республиками, не понимают, что надо смотреть сознательно" — и далее — "Либеральные люди. Я им говорю, что Украина — все, должно отойти. — "Нет, нет". Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не о чем, пусть идет. А в левобережной по областям надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради бога! Только решите вопрос по финансовым расчетам. Что нам предстоит? Это будет ужас, если начнется развал у нас на Западе, да еще совместится с центральным! Я вообще не знаю, что будет. Полный развал. Интересно, что армяне, как и грузины... Это республика, которая подвергается такому жестокому контролю, как и многие другие. Допустим, как Прибалтика или Украина. А вместе с тем, она достаточно самобытна и может избрать полурумынский путь. У армян есть течение, желание освободиться, как у румын..."

По поводу опубликования произведений за границей, возможных в связи с этим осложнениях и неприятностях СОЛЖЕНИЦЫН сказал:

"...Значит, "Энкаунтер" — английский журнал напечатал мои "Эссе" на почетном месте... Знаете, как я решил с "Эссе" делать? Мне иногда приходится бывать в общественных местах, где в какой-то нежелательной компании могут меня спросить, мои ли "Эссе"? Я отвечаю незначащей фразой: "Я в "Новый Мир" печатать, обычно, отдаю". Я уклоняюсь от прямого ответа. Допустим, меня вызывают в какую-то партийную инстанцию. Я еще могу туда не идти. Что я на службе у них состою? Почему я должен идти, если меня вызывают? Я могу не идти. Но, допустим, так или иначе мне скажут. Я решил не признавать полностью своего авторства "Эссе"... Я скажу: "Действительно я написал некоторые стихотворения в прозе. Сдал их в "Новый Мир", правда, с опозданием, но неважно. Там вы можете их найти. А остальные? Да мало ли что ходит". А те, от которых я отказываюсь,— рязанские, с большим знанием Рязани и подрязанских мест. "Ловкая подделка; может быть, провокация; может быть, искреннее подражание. Я не знаю". И все. И если же все же меня потом прижмут и каким-то образом докажут мне, что это так, тогда я скажу: "А почему я с самого начала обязательно должен сказать. Что я гимназист? Почему я должен отвечать? Может, у меня их еще в три раза больше?.."

...Теперь я буду иметь косвенную информацию о том, какие планы созданы, где это будет храниться, кто будет этим заведовать, в каком случае это будет пускаться. Я дал им разработанное завещание. Я собираюсь всем им нанести первый удар, чтобы "Шарашка" была напечатана в том виде, в каком она лежит. Но это не скоро"...

На поставленный вопрос: "Может быть, раньше?" — последовал следующий ответ СОЛЖЕНИЦЫНА: "Может быть. Но это же автоматически, то есть, если у меня с ними не будет никакой связи больше, то все равно они напечатают... И потом там вся поэма, там все стихи, пьесы... В случае моей смерти печатайте мгновенно все сразу. С начала моего ареста начинаете выдавать с перерывом по три месяца по одной вещи. Все автоматически. В случае сильной разнузданной газетной травли тоже, но реже — через полгода, через год".

СОЛЖЕНИЦЫН утверждает, что он "пока готов к такому ультиматуму": "... Если они возьмут меня по-серьезному или вызовут по-серьезному объяснить, скажут: "Мы с вами то-то сделаем", я им скажу: "Господа! Вам это обойдется дороже. Предупреждаю вас, что пока что, как видите, я не печатался за границей. Но если только вы меня возьмете, начнут появляться такие вещи, перед которыми "Иван Денисович" померкнет"...

А я сейчас пока должен выиграть время, чтобы написать "Архипелаг". ...Я сейчас бешено пишу, запоем, решил сейчас пожертвовать всем остальным... Я обрушу целую лавину... Я ведь назначил время, примерно, от 72 до 75 года. Наступит время, я дам одновременный и страшнущий залп".

На вопрос: "А если события пойдут гораздо быстрей?"— СОЛЖЕНИЦЫН ответил: "Слава Богу, раньше так раньше. Но я для себя назначил вот этот крайний срок в том смысле, что если даже ничего не произойдет, если события будут неблагоприятные, не позже 75 года, я даю этот страшный залп...

...Я пущу здесь по рукам все и там опубликую (смеется). Что будет, не знаю. Сам, наверное, буду сидеть в Бастилии, но не унываю".

О своей новой работе СОЛЖЕНИЦЫН говорит: "Я сейчас выгляжу немного отчаянным. Я такую вещь дал сейчас, что мне "Шарашка" кажется ерундой... Понимаете, в чем дело. Я чувствую, что скоро придет время, когда захотят услышать про Октябрьскую революцию, когда нужно будет объяснить. И вот это объяснение, я чувствую, что смогу дать художественно. И я должен его

дать. Это сейчас моя главная задача... Вещь убийственная будет, "Архипелаг". Это такая убойная вещь!"

На вопрос: "Это что, художественная вещь?" — СОЛЖЕНИЦЫН ответил: "Я определяю так: опыт художественного исследования. Значит там, где наше научное исследование не может иметь место, благодаря отсутствию всех данных статей, можно применить метод художественного исследования, т. е. там много логики, там очень ясная схема, очень ясное построение, но во многих недостающих звеньях работает интуиция, языковый образ...

...Я там себя ограничиваю. С 21 года. У меня абсолютно нет гражданской войны... Конечно, не все удается подогнать... Материал такой, что либерально относиться не будут. Не знаю, что получится.

...Первая часть "Фабрика тюрьмы". Я все написал, 15 печатных листов. Вторая часть "Вечное движение". Это этапы и пересылки... Я ее закончил. Кроме этого, у меня написана 5-я часть, "Каторга" — 12 глав. Вся написана... Теперь мне надо возвращаться к третьей части... Мне сейчас не хватает дел по раскулачиванию... Я в Тамбов съездил, так хорошо! Я там такого повидал! Участников этих всех событий! ... Ведь Тамбов задержался с Октябрьской революцией на четыре с половиной месяца. Произошла Октябрьская революция, а там никакие не белые, никакие и не красные. Самая обыкновенная местная власть демократическая, в основном меньшевики и эсеры. Обыкновенная выборная демократическая власть, которая не знает никакой революции, не нуждается в ней. И вот они месяц за месяцем освещают все, что происходит в стране, их глазами. Это совершенно невероятная вещь. Я такого еще не видел. Мы привыкли: красные или белые. Была городская дума, земская управа, они не пользовались почти никаким влиянием, но Тамбов продержался 4 с половиной месяца. Большевики "Ура" кричали, свистели, пытались прыгать на столы, чтобы сорвать заседание. Вот такие вещи... Я там был и в архиве собрал такой материал!..

...Я использую себя только в самых ударных местах, ярких сценках, в которых я сам был свидетелем. Это я здорово сделал... И историческая, и идеологическая, и экономическая, и психологическая канва. Полная картина "Архипелага"... прямо лава течет, когда я пишу "Архипелаг", нельзя остановить. Думаю, что к будущему лету я закончу "Архипелаг".

На высказанную в разговоре мысль о возможности передачи рукописей за границу СОЛЖЕНИЦЫН ответил: "Так там оно и есть. Но понимаете в чем дело. Там почему-то говорят, что гранки там не принимают, как будто такой формы хранения нет. Я же не могу поехать туда, походить, потолкаться...

...Нам надо предусмотреть ряд вещей, кто передает в русское издательство, когда, по чьей команде, каким образом будет обеспечен перевод. Русское издательство не может себя окупить. Очень маленький тираж, и им не выгодно перепечатывать. Я принял такое условие, чтобы за каждый перевод платили 10 процентов, чтоб русскому издательству каждое иностранное платило 10 процентов. Тогда русскому издательству будет очень выгодно, и оно все сделает. Такая простая вещь, но и ее нужно предусмотреть. В каком порядке, какие издательства других стран имеют право это получить. Оказывается, там масса таких вопросов начинает возникать, которые здесь в голову не пришли. Мне вся информация пока не известна, я ее должен получить".

В части получения гонорара за произведения, опубликованные за рубежом, СОЛЖЕНИЦЫН ответил: "Ни черта пока не поступает, но приняты меры по нескольким каналам. Сказали в Италии, во Франции, чтобы не зажимали, чтобы слали деньги... ".

Утверждая, что его "бойкотируют" в Советском Союзе, СОЛЖЕНИЦЫН высказывает готовность сделать открытое заявление: ... "Нужно делать в таком месте, чтобы резонанс получило на Западе... К этому делу у меня несколько ходов. Я должен, во-первых, сделать так, чтобы наверняка задержали мою пьесу "Свеча на ветру". Это хороший признак тоже... Неважно, что говорят, важно, что не пускают. Вот у меня было бы больше оснований. Одну пьесу зажали, вторую зажмут... И потом в одном местечке сказать так, как бомбу сбросить, чтобы сразу на Западе было известно. Отвечу на вопросы. Интервью там... Когда какой-нибудь иностранец будет присутствовать. Не надо советского! И на вопрос я могу дать ответ: "Положение такое. Меня зажали — во! Не дают печатать. Роман там задержат, там".

Заместитель Начальника 2 Главного Управления
Комитета Госбезопасности
при СМ СССР /ЩЕРБАК/

" 2 " октября 1965 года
№ 2/7 — 3423

Приложение 2.

АННОТАЦИЯ

по роману А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "В круге первом".

Время описываемых в романе действий и событий автор относит к декабрю 1949 года.

В подмосковном поселке Маврино в системе МГБ создан научно-исследовательский институт для разработки "секретной телефонии", обслуживающей СТАЛИНА. Одновременно с этим стоит задача в ограниченные сроки создать аппаратуру, которая бы позволяла органам госбезопасности негласно осуществлять отождествление голосов в телефонных разговорах с целью выявления все новых невинных жертв.

Штат института укомплектован заключенными, отбывающими наказание по "пятьдесят восьмой статье". Здесь при их полном бесправии, как и во всяком другом из многочисленных мест заключения, несколько улучшено питание и разрешены пустяковые бытовые мелочи, что создает видимость привилегированного положения. Используя известную классификацию ДАНТЕ, автор сравнивает этих заключенных с грешниками высшего круга ада, где страдания не так тяжки, как для других его "обитателей". Отсюда и название романа — "В круге первом". На языке литературных героев романа — заключенных институт называется "шарашкой", а по терминологии работников мест заключения — "спецтюрьмой".

Роман начинается с эпизода, в котором ответственный работник МИДа Иннокентий ВОЛОДИН, узнав о готовящейся органами МГБ провокации в отношении профессора ДОБРОУМОВА при его попытке передать иностранцам несекретный патент, в мучительном страхе решается предупредить об этом ДОБРОУМОВА по телефону.

Ради ловли подобных "преступников" собственно и работает "шарашка", история создания которой излагается в ряде последующих глав: описываются ее лаборатории и их назначение; автор знакомит с основными персонажами романа из числа заключенных (НЕРЖИН, РУБИН, СОЛОГДИН, ПРЯНЧИКОВ, ДОРОНИН и другие), рассказывает о том, как они попали в "шарашку". При этом основное внимание уделяется не столько развитию сюжетных линий, как содержанию разговоров между заклю-

ченными, их оценкам различных сторон жизни советского общества.

Начальник "шарашки" полковник госбезопасности ЯКОНОВ испытывает гнетущий страх перед карой за невыполнение в срок порученного задания. Совместно с другими ответственными работниками министерства он докладывает о ходе работы АБАКУМОВУ, причем в ожидании неотвратимого возмездия за срыв задания привычно изворачивается во лжи, собственно как и сам АБАКУМОВ, докладывая этот же вопрос СТАЛИНУ.

Несколько глав романа под названиями "Юбиляр", "Язык — орудие производства", "Верните нам казнь!", "Император Земли" — отводятся автором личности СТАЛИНА. В подчеркнуто гротескном плане здесь приводятся многочисленные детали, характеризующие облик и стиль работы СТАЛИНА, обстановку загородной дачи, прием им АБАКУМОВА, личность ПОСКРЕБЫШЕВА.

Параллельно описанию жизни заключенных в "шарашке", их взаимоотношений с администрацией и вольнонаемным составом автор выводит категорию персонажей, которая имеет к "шарашке" как бы косвенное отношение. В частности, прокурора МАКАРЫГИНА, его дочерей — Динэру (Дитя новой эры), Дотнару (Дочь трудового народа) и Клару, их мужей ВОЛОДИНА и писателя ГАЛАХОВА, прокурора СЛОВУТУ и других. Все персонажи из "вольных" людей находятся на двух полюсах — морально опустошенные представители "нахально жиреющего богатства" и бесправные, еле перебивающиеся и сводящие концы с концами остальные многочисленные советские люди.

Этот контраст особенно виден в главах о семье прокурора МАКАРЫГИНА и в сценах свиданий родственников с заключенными. Последним эти встречи не приносят облегчения, так как они узнают, что и на воле по причине их ареста близкие подвергаются различным гонениям.

Наконец, работникам МГБ удается напасть на след человека, звонившего ДОБРОУМОВУ. В "шарашке" "исследуются" голоса подозреваемых. С тем, чтобы ускорить процесс "выяснения преступника", принимается решение арестовать всех, чьи голоса есть на записи.

В квартире ВОЛОДИНА раздается телефонный звонок его руководителя, который приглашает в МИД для согласования деталей перед поездкой ВОЛОДИНА за границу. По пути ВОЛОДИНА арестовывают... Затем автор

очень детально описывает процедуру водворения арестованного "на Лубянку".

Роман завершается сценами отправки части заключенных из "шарашки" в лагерь, где "их ожидали опять кирка и тачка, голодный паек сырого хлеба, больница, смерть". По улицам города едут "воронки", замаскированные под фургоны "Мясо", "Хлеб", а иностранный корреспондент в своей корреспонденции отмечает: "На улицах Москвы то и дело встречаются автофургоны с продуктами, очень опрятные, санитарно-безупречные. Нельзя не признать снабжение столицы превосходным".

Как видно из отметки в тексте, роман создан в 1955—1963 гг. Он состоит из 86 глав, объем рукописи — 839 машинописных страниц.

* * *

Отсутствие цельного сюжета вместе с тем не свидетельствует об отсутствии целей, которым автор по существу подчиняет все изложение и содержание романа. Если попытаться их раскрыть, то можно прийти к следующим основным выводам, к которым, судя по всему, и стремился А. СОЛЖЕНИЦЫН:

1. Показать наличие "рабского труда" в Советском Союзе, а возможно, и доказать, что строительство социализма — это прежде всего необузданная эксплуатация людей, система лагерей, бесправный труд заключенных. Причем это — не произвол, а продуманная и организованная система использования рабочей силы государством.

На странице 91, раскрывая содержание Научно-исследовательского института, именуемого "шарашкой", автор пишет: "... Все эти "шарашки" повелись с девятьсот тридцать первого года, когда осудили промпартию и решили попробовать, как зэки-инженеры будут работать в неволе. Ведущим инженером самой первой "шарашки" был, таким образом, Леонид Константинович РАМЗИН. Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или больших ученых: борясь за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле — это бледный кружок вокруг одной яркой головы. Бюро получаются немощные. А на "шарашке"? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаевичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны. Дюжина академических медведей мирно живет в одной берлоге, потому что деться

некуда. Поиграют в шахматы, покурят — скучно. Может, изобретем что-нибудь? Давайте! Так создано многое! И в этом основная идея "шарашек".

"Шарашка" — привилегированный лагерь. Он создан по принципу: "... Высокие настриги шерсти с овец зависят от питания и ухода". Их много таких "шарашек": эта, в частности, МГБ, есть еще "артиллерийская", где-то работают немцы-военнопленные, но все они призваны взять продукты ума за полстакана сметаны. Кроме них, еще много непривилегированных мест заключения, где используется грубый физический труд (стройки, каналы, лесоповалы и т. д.). Трудом этих заключенных создавалось богатство страны, завоевывались вершины в науке, воздвигались днепрогэсы, новые города, прорывались каналы. То, что аресты людей вызывались необходимостью восполнять потребность в рабочей силе, можно видеть из стремления администрации лагерей держать "полезных" заключенных, увеличивать сроки, время от времени пополнять число заключенных арестами невиновных на воле, как ВОЛОДИН и его сослуживцы.

2. Система лагерей — это государство в государстве ("Страна ГУЛАГ"), но если внимательно читать роман, то нетрудно заметить, что лагеря — это уже организованное государство, так сказать, — идеал. "Воля", или собственно государство, находится как бы придатком системы ГУЛАГа, так как свобод на свободе нет. Единственное преимущество не заключенного в лагерь человека — это то, что он имеет доступ к женщинам (стр. 100), в остальном все то же. У заключенного даже меньше страха перед своим будущим.

Бесправное положение независимо от того, являешься ли ты оперуполномоченным в лагере или вольнонаемным, дипломатом или прокурором, старым коммунистом или партийным работником, — все живут в страхе. И даже СТАЛИН, оказавшись за семью замками, не верит никому. Единственно, кому он доверился однажды — ГИТЛЕР. Кстати, сравнение с фашизмом не только в этом. По роману крупицами разбрасываются сравнения, которые должны у читателя вызывать ассоциации нашего государства с фашистским режимом.

3. О жертвах народа.

На протяжении всей книги автор пытается проводить нить, что вся история Советского государства, начиная с Октября, — это неоправданные и ненужные жертвы (гражданская война, коллективизация, первые пятилетки, Отечественная война). И вот 1949 год и опять жертвы.

Оказывается — жертвы культурной революции, и один из персонажей романа прокурор МАКАРЫГИН (стр. 531) говорит: "...Когда Владимир Ильич говорил нам, что **культурная** революция будет гораздо труднее Октябрьской, мы не могли себе представить! И вот теперь мы понимаем, как далеко он предвидел".

Интересен вывод автора, что жертвы эти приносятся во имя мирового господства. СОЛЖЕНИЦЫН везде, где по контексту следует говорить о победе коммунизма во всем мире, употребляет выражение "мировое господство". Причем это не стремление масс. Идет один человек, подчиняя всех своей воле, "идет одному ему известным путем, способным привести человечество к счастью".

Нового ничего этот строй не приносит народу, государству, наоборот, возрождается вся старина, в чем СТАЛИН находил много приятного. В частности: "... чтобы были не "заведующие школами", а директоры; не "комсостав", а офицерство; не ВЦИК, а "Верховный Совет" (верховный — очень слово хорошее); и чтоб офицеры имели денщиков; а гимназистки чтобы учились отдельно от гимназистов, и носили пелеринки, и платили за обучение; и чтобы советские люди отдыхали как все христиане в воскресенье, в не в какие-то безличные номерные дни; даже в том, чтобы брак признавать только законный, как было при царе, — хоть самому ему круто пришлось от этого в свое время, и чтобы об этом не думал ЭНГЕЛЬС в морской пучине".

И ради чего же делалась революция? Видимо, чтобы прийти к выводу автора, что "Император Земли" ничуть не противоречит мировому коммунизму.

4. Мысль о том, что Октябрь себя не оправдал, излагается автором и с других позиций: с позиций перерождения партии коммунистов, да и людей, которые участвовали в Октябрьской революции.

"...Против чего произошла революция? — рассуждает заключенный ДОРОНИН. —...Против п р и в и л е г и й! (разрядка автора). Тошно было русским людям отчего? От привилегий. Одни одеты были в робу, другие — в соболя, одни — пешкодралом, другие — на фаэтонах, одни — по гудочку на фабрику, другие — в ресторанах морду наращивали... Но почему же теперь люди не отталкиваются от привилегий, а тянутся к ним?.. Я же насмотрелся. Живу в небольшом городке в Казахстане. Что я вижу? Жены местных начальников бывают в магазине? Да никогда! Меня самого посылали первому секретарю райкома ящик макарон отнести. Целый ящик. Не-

распечатанный. Можно догадаться, что не только этот ящик и не только в этот день... И вот видим мы с детских лет такое дело: в школе говорят красивые слова, а дальше не ступишь без блата, а нигде нельзя без лапы... " (стр. 330—331). Или: "Первая жена прокурора, покойница, прошедшая с мужем гражданскую войну, хорошо стрелявшая из пулемета, ходившая в кожанке и жившая последними постановлениями партячейки, не только не была бы способна довести дом МАКАРЫГИНА до его сегодняшнего изобилия, но не умри она в девятьсот двадцать пятом году при рождении Клары — трудно даже себе представить, как вросла бы она в новое время" (стр. 505).

Это понимают и руководители государства, которые фактически превращают это государство в фарс, демонстрируя его успехи "потемкинскими деревнями", и не зря по лагерю проносится слух, что СТАЛИН и БЕРИЯ бежали в Китай, МОЛОТОВ и КАГАНОВИЧ приняли католицизм. В результате власть взяло временное демократическое правительство и все ждут выборов в Учредительное собрание.

5. К чему же зовет автор? Скорее всего к реставрации частной собственности, к разгулу мелкобуржуазной стихии. Это то, чего хочет простой русский крестьянин.

Автор выводит такого крестьянина в лице заключенного Спиридона, честно работавшего дворником на "шарашке". Дважды в своей жизни спокойно жил Спиридон: в период "славного семилетия России — НЭПа", "до бесколхозья", и при немцах, когда они вернули ему клочок собственной земли.

6. Бросается в глаза дотошное стремление автора опорочить буквально все, где он соприкасается с советской действительностью. Утренняя Москва — это время, "когда на улицах уже нет того, кто раздевает, и нет того, кого раздевают". Потомкам не вообразить, как ездили люди по стране в годы первых пятилеток и после войны. Бескультурье народа, не говоря уже об уродливом изображении государственных и партийных работников и чекистов.

Хорошо было в прежней России, в тихом мире церквей, в религии, в этой уничтоженной правде народной, среди честной и доброй старой интеллигенции, в мир которой в свое время вошел человек, опоясанный гранатой.

7. И, наконец, есть ли проблески в этом государстве, можно ли надеяться на лучшее?

Последние главы романа дают ответ на этот вопрос. Лагери пополняются новыми безвинными жертвами, ко-

торых всюду преследует и примиряет с действительностью тюрьмы символ "хранить вечно". И лишь вместо бывших "черных воронов" по улицам Москвы идут автобусы, перекрашенные в другой цвет, с надписями "Мясо", "Хлеб" и т. д.

Видя эту картину на улице, корреспондент газеты "Либерасьон" делает запись: "На улицах Москвы то и дело встречаются автофургоны с продуктами, очень опрятные, санитарно-безупречные. Нельзя не признать снабжение столицы превосходным". Фарс продолжается.

* * *

Помимо романа "В круге первом" обнаружен еще ряд неопубликованных в СССР произведений СОЛЖЕНИЦЫНА:

1. Пьесы "Пир победителей" и "Республика труда" (здесь автор выступает под псевдонимом Степан ХЛЫНОВ). Эти пьесы, по существу, отражают те же взгляды, которые автор приводит в рассмотренном выше романе, а поэтому нет необходимости делать подробной аннотации этих произведений.

Пьеса "Республика труда" — пьеса из жизни племени "зеков". Как пишет автор, действие происходит в стране "Гулаг" осенью 1945 года. Вот две выдержки из этой пьесы:

"... Из освещенного фойе зрители входят в темный зрительный зал, где желто-неярко светятся только фонари под жестяными колпаками, посаженные как бы на верхушки столбов по всему полукругу барьера оркестра. Столбы выдаются невысоко, чтобы не мешать видеть действие. Они оплетены колючей проволокой, уходящей вниз, в помещение оркестра. На среднем столбе косой указатель, разделяющий поле наблюдения двух соседних вышек. Безобразные лагерные охранные вышки приставлены к правому и левому обрезу сценического проема. На вышках весь спектакль стоят часовые.

Раздвигается (и больше не используется до конца спектакля) обычный, театральный занавес, обнажая второй занавес: ткань, грубо разрисованную в плакатный, оптимистически-индустриальный пейзаж с мускулистыми румяными веселыми мужчинами и женщинами, трудящимися безо всякого напряжения. В одном из углов занавеса изображено радостное шествие со знаменами, цветами и детьми.

Где-то высоко, невидимый, гремит динамик, мощный хор молодых голосов с энтузиазмом разборчиво поет:

"Мы подымаем знамя!
Товарищи! — сюда!
Идите строить с нами
Р е с п у б л и к у т р у д а !"

Когда и этот занавес раздвигается, зритель обнаруживает лагерь заключенных, в котором и происходит все последующее действие, время от времени прерываемое (конец картин) указанным выше жизнерадостным занавесом".

"... Картина II ("Премирование"). (Небольшой зал собраний. На скамьях сидят спиной к зрителю человек пятьдесят работников треста. В глубине на возвышении — сцена, убранная стандартными лозунгами, маленьким бюстом Ленина и большим портретом Сталина. За столом президиума — пять человек, все — характерные "руководящие товарищи", среди них — главный инженер КАПЛЮЖНИКОВ, лейтенант ОВЧУХОВ. Слева, за трибуной, докладчик мучительно дочитывает по шпаргалке свой доклад. В зальце — гул невнимательной аудитории).

Докладчик — ... еще большой механизацией, еще большой добычей мы ПРОИЗОШЛИ довоенный уровень. Топливная промышленность — это костяк. Современного производства, если бы не было у нас своего угля, своего леса. Остановились бы фабрики, заводы, пароходы и паровозы, вездесущие... везущие пушки, танки и снаряжение нашей овеянной слабой армии. Если бы не всемирно-историческая победа Советского Союза под руководством нашего гениального (четыре члена президиума, кроме председателя, до сих пор совершенно неподвижные, теперь все одновременно и в одинаковой мере разводят руками, приготовляясь хлопать, и чуть приподнимаются, всем этим открывая, что они — к у к л ы) вождя, учителя и лучшего друга работников топливной промышленности товарища СТАЛИНА.

(До конца встают куклы в президиуме, встает председатель и зал. Аплодисменты. Куклы хлопают в точности одновременно и так же одновременно кончают, садясь)... на Западе и на Востоке, то весь мир нагрузился в Днепроглядную тьму порабощения и производства. Или взять разгром наглой квантовой армии японского миталиризма. Чего не могли американцы со своими хвалеными совсем не опасными атомными бомбами, то в каких-нибудь десять дней высокосознательная советская пехота! Пусть же помнят социал-регенаты и их прихлебатели в нашу 28-ю годовщину, что мы стоим на страже

НИЩИХ завоеваний! (аплодисменты). Братский привет народам стран ВОСТОЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ, вместе с нами отмеТающих славную годовщину Великой Октябрьской Революции! Слава нашей родной коммунистической партии и ее гениальномудрому горячо любимому... !!! (куклы встают, за ними весь зал. Выкрики докладчика тонут в аплодисментах. Он тоже хлопает и уходит с трибуны. Куклы все разом садятся, председатель остается стоять).

Пьеса "Пир победителей" из жизни фронтовиков. Из нее следует привести лишь одну выдержку:

"СССР! Ведь это лес дремучий!
Дремучий лес!
Законов нет! — есть ВЛАСТЬ — хватать и мучать
По конституции и без.

Доносы, сыщики, анкеты,
Лауреаты и банкеты,
Магнитогорски и онучи —
— Страна чудес!

Страна измотанных, запуганных, оборванных!
Трибуны главарей — один в один как боровы!
Туристам западным —

зажиточность потемкинских колхозов,
Для школьников — доносчик на родителей Морозов,
С дверьми за кожей черной —
комнаты-капканы,
В пять Франций — лагери вдоль Вычегды и Камы,
Куда ни глянь —. погоны с ядовитой бирюзою,
Вдов живомужних боязно-отертая слеза,
МАТРОСОВЫ придуманные, глупенькие Зои,
Аплодисменты,
Сто процентов
3 А!!!

Страна чудес! За голод, за невзгоды
Единым выдохом хвалебные акафисты и оды!
Страна чудес, где целые народы —
— Коммунистические чудеса! —
Переселяют в глубь Сибири
За двадцать и четыре
Часа!
Ваш Рокоссовский не вчера ли

Еще был З Э К,
Не человек,
В Сибири ж где-то на лесном повале
Не то стволы пилил, не то грузил на баржи,—
— Сегодня вызван, нужен, маршал —
— А завтра, может быть, опять его
в тайгу??"

2. Этюды и маленькие рассказы.

Это отдельные зарисовки из жизни нашего общества. Наибольший интерес представляет то, что все они, за исключением одного, уже напечатаны в журнале НТС "Грани" №56 за 1964 год.

3. Есть еще поэма в стихах "Невеселая повесть", которая отражает те же настроения и взгляды автора, что и предыдущие произведения.

В этой поэме, как и в других произведениях, А. СОЛЖЕНИЦЫН вновь пытается доказать никчемность коллективизации, надуманность тезиса о классовой борьбе с кулаком. Кулак, собственно, по утверждению автора, самый работящий человек деревни, откликнувшийся на призыв государства интенсивно развивать сельское хозяйство. Интенсивник-то и был раскулачен.

"...Ты — с Луны? В т р и д ц а т о м-то?
Не знаешь,
что да как?
Потому что был сочтен — кулак.
Ну и... Ликвидировать. Как класс.
Потому ль, что каменный сложил я дом.

Потому ль, что не бил низко лбом.
Потому ль, что был я
и н т е н с и в н и к —
В общем, вин моих сошлось на рубь
да гривник.
... С той поры, братишка, как в селе
Нам прочли декретик о земле,
Мы за землю эту, да за волю,
Да за нашу родственную власть
Чехов двинули! поперли Колчака!
Дали землю — день да ночь тирал мозоли,
А они меня — шарасть
В кулака!
Да кого ж она, земля, не богатит,
Если только вкалывать здоров?
Государство вишь! — а что ему претит,
Если у крестьян да по две пары лошадев?"

Интересна и другая мысль поэмы: в Маркса верят лишь молодые люди, народ же больше интересует водка.

Опять же "рабский труд" в условиях социализма, прелести "ошельмованного НЭПа" и царство СТАЛИНА.

Ф. БОБКОВ
В. СТРУНИН

"30" сентября 1965 года

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 1—22. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе подписи Н. Подгорного, Д. Полянского, А. Микояна, Г. Воронова, М. Суслова, П. Демичева, Б. Пономарева, И. Капитонова, Ф. Кулакова, А. Шелепина, Д. Устинова, Ю. Андропова, А. Косыгина, К. Мазурова

№ 3

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

№ 2285-с 5 октября 1965 г.

СЕКРЕТНО

Ц К К П С С

(для Отдела культуры ЦК КПСС)

Комитет госбезопасности направляет один экземпляр рукописи романа А. СОЛЖЕНИЦЫНА "В круге первом", пьес "Республика труда" /под псевдонимом Степана Хлынова/ и "Пир победителей", а также поэму "Невеселая повесть", этюды и крохотные рассказы: "Дыхание", "Озеро Сегден", "Утенок", "Прах поэта", "Вязовое бревно", "Отраженье в воде", "Город на Неве", "Шарик", "Способ двигаться", "Старое ведро", "На родине Есенина", "Колхозный рюкзак", "Костер и муравьи", "Мы-то не умрем", "Приступая ко дню", "Путешествуя вдоль Оки", "Молитва".

Все эти материалы были изъяты при обыске 11 сентября 1965 г. у близкого знакомого А. СОЛЖЕНИЦЫНА ТЕУША В. Л.

Председатель
Комитета Госбезопасности *В. СЕМИЧАСТНЫЙ*

Ф. 3, оп. 80, д. 651, л. 1. Подлинник.

1966

№ 4

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР И ПРОКУРАТУРЫ СССР[1]

№ 6-с 4 января 1966 г.

Секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности и Прокуратура Союза ССР докладывают о результатах расследования уголовного дела, возбужденного по факту распространения анонимных документов, озаглавленных "О художественной миссии А. И. Солженицына" и "Некоторые черты ритмики и композиции поэмы об Иване Денисовиче".

Восхваляя мастерство писателя А. И. Солженицына и художественные достоинства повести "Один день Ивана Денисовича", автор названных документов делает вывод, что в этом небольшом по объему произведении Солженицыну удалось отобразить основные черты Советского государства, якобы являвшегося в недавнем прошлом в силу кризиса духовной жизни общества подобием концентрационного лагеря со всеми его атрибутами, и призывает представителей искусства возглавить борьбу за возрождение человеческого достоинства и свободу.

Установлено, что автором и распространителем этих документов является ТЕУШ Вениамин Львович, 1898 года рождения, еврей, беспартийный, кандидат технических наук, лауреат государственной премии, ныне пенсионер, проживающий в гор. Москве.

ТЕУШ показал на следствии, что эти работы написаны им в 1963—1964 годах будто бы под влиянием его глубокого разочарования и большого душевного волнения, вызванных нарушениями социалистической законности и

другими извращениями, вскрытыми на XX и XXII съездах КПСС и описанными затем в советской периодической печати и художественной литературе.

Антисоветскую направленность своих работ и наличие у него умысла на подрыв и ослабление советской власти ТЕУШ отрицает и поясняет, что в работе "О художественной миссии А. И. Солженицына" он позволил себе выразить перед близкими людьми свое отрицательное отношение к последствиям культа личности и искупить, как ему казалось, свою вину за оправдание в прошлом политики Сталина. Именно поэтому он ознакомил с этой работой в 1964—1965 годах некоторых своих знакомых и родственников.

Что же касается работы "Некоторые черты ритмики и композиции поэмы об Иване Денисовиче", то ее, заявил ТЕУШ, он написал как литературоведческое исследование повести Солженицына, которое намеревался опубликовать в советской печати, и с этой целью ознакомил с работой отдельных компетентных в литературе лиц.

Как выяснилось, ТЕУШ отпечатал свои работы в пяти экземплярах, из которых три экземпляра были изъяты во время обысков, а остальные уничтожены лицами, у которых они хранились.

Авторство ТЕУША и распространение им указанных выше документов подтверждается показаниями ряда свидетелей, заключением криминалистической экспертизы, вещественными доказательствами и другими материалами дела.

Учитывая преклонный возраст и тяжелое состояние здоровья ТЕУША, его раскаяние в содеянном и ограниченную огласку упомянутых работ, принято решение ТЕУША к уголовной ответственности не привлекать и ограничиться проведением с ним работниками Комитета госбезопасности с участием прокурора обстоятельной профилактической беседы по материалам следствия.

Полагаем, что само возбуждение уголовного дела по факту распространения клеветнического содержания документов, допросы ТЕУША и его связей уже произвели на них определенное влияние и будут способствовать прекращению их идейно-порочной деятельности. Кроме того, материалы расследования при необходимости могут быть использованы в печати.

Как уже сообщалось[2], в процессе следствия по этому делу были изъяты рукописи неопубликованных произведений Солженицына А. И. — романа "В круге первом", пьес "Республика труда", "Пир победителей" и другие.

Принимая во внимание, что произведения Солженицына в силу их враждебного содержания не могут быть изданы в СССР и не подлежат распространению, а также, имея в виду возможность передачи этих произведений за границу для опубликования, что может нанести ущерб международному престижу Советского Союза, нами принято решение об их конфискации и оставлении на хранение в архиве КГБ. В настоящее время с названными произведениями, с согласия Секретариата ЦК КПСС, знакомятся некоторые писатели (по списку).

Считали бы целесообразным:

— поручить Союзу писателей СССР по ознакомлении с произведениями организовать обсуждение их с участием Солженицына, после чего совместно с Отделом культуры ЦК КПСС определить целесообразность публикации в печати результатов этого обсуждения[3];

— о причинах конфискации рукописей провести беседу с Солженицыным в Прокуратуре СССР с участием работника Комитета госбезопасности[4].

Просим рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
В. СЕМИЧАСТНЫЙ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ПРОКУРОР
СОЮЗА ССР
Р. РУДЕНКО

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 23—25. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция "Тов. Шауро. М. Суслов", на последнем — запись "Справка. С рукописями А. Солженицына ознакомлен ряд видных писателей. Вопрос о беседе с ним в Союзе писателей СССР будет решен дополнительно. Тов. Семичастный и Руденко проинформированы и согласны. Зам. зав. отделом культуры ЦК КПСС Ю. Мелентьев" и виза В. Шауро

[2]См. документ № 3

[3]См. документы № 6, 18—20

[4]См. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни//Новый мир. 1991. № 6. С. 88

№ 5

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 81-С 14 января 1966 г.

Секретно

ЦК КПСС

Представляю фотокопии пьесы А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА под названием "Пир победителей", изъятой при обыске на квартире ТЕУША, следствие по делу которого, как уже докладывалось запиской № 6-с от 4 января 1966 года[2], закончено и в отношении его проводятся профилактические мероприятия.

С этим и другими произведениями СОЛЖЕНИЦЫНА, изъятыми в процессе следствия, с согласия Секретариата ЦК КПСС знакомится группа ведущих советских писателей с тем, чтобы обсудить их в Союзе писателей СССР с участием СОЛЖЕНИЦЫНА.

Приложение: по тексту 24 экз.[3]

Председатель
Комитета Госбезопасности *В. СЕМИЧАСТНЫЙ*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 27. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК КПСС 21 января 1966 г. за № П118
[2]См. документ № 4
[3]Фотокопии в деле отсутствуют

№ 6

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС[1]

29 января 1966 г.

ЦК КПСС

В соответствии с указанием, Отдел культуры ЦК КПСС знакомит ряд видных писателей с изъятыми у некоего Теуша рукописями писателя А. Солженицына.

С рукописями уже ознакомились секретари правления Союза писателей СССР т. т. Бровка, Сурков, Грибачев,

Кожевников, Чаковский, Воронков, секретарь правления Союза писателей РСФСР т. Алексеев, главный редактор журнала "Иностранная литература" т. Рюриков. Знакомятся с рукописями секретари правления СП СССР т. т. Федин, Тихонов, Марков, директор Института мировой литературы им. Горького т. Анисимов. **Не взяли** рукописи т. т. Леонов и Твардовский; последний — ссылаясь на то, что почти все эти произведения он читал, кроме пьесы "Пир победителей", которую, однако, также **отказался прочитать**. Тов. **Симонов** ознакомился только с романом "В круге первом", от чтения остальных произведений **наотрез отказался.**

В целях информации прилагаем отзыв т. Суркова на произведения А. Солженицына.

Зам. зав. Отделом культуры
ЦК КПСС — */Ю. Мелентьев/*

Зав. сектором Отдела — */Ю. Барабаш/*

Приложение

Я успел прочесть только пьесы, поэмы и коротенькие рассказы А. Солженицына. Роман читал только выборочно — и времени не было, и так напечатано, что глаза отказываются читать.

Каково мое впечатление от прочитанного? Очень горестное. Я не апологет "Одного дня Ивана Денисовича", но в нем было много горькой правды жизни, хотя и окрашенной неприемлемой для меня философией "существовательства". Кроме того, я не мог не учитывать, что для человека, невинно пострадавшего от нашего тогдашнего очень специфического "правосудия", мне казалось естественным чувство личной обиды и оскорбленного человеческого достоинства, пробивавшееся сквозь строки этой повести. В положении, в каком находился Солженицын, я в 1919 был в лагере военнопленных у белоэстонцев и по себе знаю, как на всю жизнь незабываемо то, что с людьми происходит в подобных условиях. А Солженицын, к тому же, был еще беспартийным интеллигентом и к тому же, как мне кажется, "принципиально" беспартийным.

При всем этом, чтение перечисленных произведений Солженицына меня огорчило тем, что этот безусловно талантливый человек во всем, что я прочел, не только в силу своей справедливой обиды, но мне кажется, **органически** противник всего нашего строя жизни. Процесс

Промпартии (см. места поэмы о Рамзине), являющийся выразительным примером классовой борьбы во время НЭПа, кажется ему нашим преступлением. В той же поэме он говорит о Бухарине как о человеке, который хотел, чтобы народ жил сыто, что НЭП не надо было менять на индустриализацию и коллективизацию, которую он ненавидит. По всему прочитанному, все годы существования нашего строя есть годы превращения России в какой-то всеобщий концлагерь, а народа в "зеков". Что для Солженицына в нашей послеоктябрьской истории нет ни единого светлого пятнышка, ярко показывает пьеса "Пир победителей". В ней армия наша представлена как сброд офицеров-мародеров и приспособленцев, сброд грабителей и насильников, армия, которую наиболее любимая автором "Героиня" Галина называет "вашей" армией. И, как это ни парадоксально, единственный "светлый" офицер из этой армии Нержин берется проводить эту суку и предательницу через фронт к ее жениху, власовскому офицеру.

Вообще все, что я прочел, продиктовано какой-то совершенно зоологической ненавистью и презрением ко всему, во имя чего я прожил три четверти своей жизни, и не хочу я этого понять, и не могу я этого принять как литературу вообще и как советскую литературу в особенности. Какой бы ни был талант у Солженицына, эта его злоба и презрение заплющивают его глаза, и то, что я читал, — не литература всерьез, кто бы мне ни доказывал обратное. Заблуждение не может помешать гению быть гением (Толстой, Достоевский), но злоба всегда, даже у великих, рождала хилые или не очень сильные вещи ("Бесы" Достоевского), антинигилистические произведения талантливых Писемского, Лескова. То же получается и с Солженицыным, хотя признаков гения я и в его предыдущих вещах не замечал.

Образ Ленина я воспринял в писаниях, мной прочитанных, как кощунство. Весь строй восприятия жизни, выраженный в этих писаниях, противостоит Ленину, как эс-эровщина противостоит большевизму.

Читая Солженицына и вспоминая Тарсиса, Синявского, Даниэля, Ремезова и им подобных, я с грустью устанавливал, что в эпоху откровенной классовой борьбы (20-е годы) явления, подобные "Мы" Замятина или "Красному дереву" Пильняка, были по сравнению с этими "опусами" довольно либеральными. Даже "Доктор Живаго" и то на фоне этих "опусов" кажется лояльным к каким-то сторонам нашей жизни.

Как это все увязывается с тем, что у нас сейчас нет классовой борьбы в "общенародном" государстве трудящихся? И где в нашей осмысливающей литературные процессы литературе можно найти объяснение этого "феномена"?

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 29—30 об. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе указание "Ознакомить секретарей ЦК КПСС" и подписи М. Суслова, Ю. Андропова, И. Капитонова, Б. Пономарева, Ф. Кулакова, Д. Устинова, П. Демичева, А. Шелепина, А. Рудакова

№ 7

ПИСЬМО К. СИМОНОВА
"О романе А. Солженицына "Круг первый"[1]

1 февраля 1966 г.

В ЦК КПСС

Три дня я сидел в стенах ЦК и, выполняя данное мне, как члену партии, поручение, с тяжелым чувством в душе читал этот роман.

В свое время, прочитав в "Новом мире" повесть Солженицына "Один день Ивана Денисовича"[2], я считал ее появление в нашей печати положительным фактом и высказал в газете "Известия" свое мнение и о повести, и о незаурядном, на мой взгляд, таланте автора. Подо всем, что было написано в моей рецензии, я подписываюсь и сегодня и продолжаю считать, что о тех темных и трагических сторонах жизни нашего общества, о которых идет речь в повести "Один день Ивана Денисовича", литература обязана рассказать правду прежде всего во имя того, чтобы никогда и ничего похожего не могло повториться.

Я считал и считаю, что наиболее полную и многостороннюю правду о жизни нашего общества в тот период сможет рассказать тот писатель, который расскажет о ней, взяв все ее стороны во всех их внутренних связях и противоречиях, а не только одну, хотя и неотъемлемую в те годы сторону, связанную с изображением лагерной жизни.

Однако мне казалось и кажется, что писатель, сам проведший ряд лет в тюрьмах и лагерях, имел моральное право сосредоточиться именно на этой существенной и

трагической стороне нашей жизни в ту эпоху. Мне кажется, что он изобразил эту существенную и трагическую сторону правдиво и талантливо. Причем изобразил так, что у читателя, у меня в частности, возникало не только чувство возмущения тем, что это могло иметь место в жизни социалистического общества, но и чувство уверенности, что ничего похожего на это больше никогда не может повториться.

В этом я видел и вижу большую объективную пользу повести Солженицына, хотя, в то же время, не считал и не считаю, что все взгляды, высказанные в ней автором, есть истина в последней инстанции.

Почему же я читал новый роман Солженицына "Круг первый" с тяжелым чувством в душе?

Потому ли, что он менее талантлив, чем первая вещь автора?

Нет, в своих наиболее сильных главах этот роман еще талантливее.

Но я читал его с тяжелым чувством, потому что в этом новом романе Солженицын поставил перед собой задачу дать более или менее многостороннюю картину жизни нашего общества в первое послевоенное пятилетие, и картина этой жизни получилась у него предвзятой и несправедливой.

У меня, как у читателя, не вызывает особых сомнений истинность изображенной автором обстановки работы того научно-исследовательского секретного института в системе тогдашнего, руководимого Берия и Абакумовым, НКВД, где в условиях тюремного заключения занимаются научной работой главные действующие лица романа.

Сама эта система, когда на людей, объявленных шпионами и врагами народа, в тюремных условиях возлагается выполнение важнейших и секретнейших государственных заданий, кажется мне иезуитской и вызывает чувство омерзения. И одновременно с этим чувством я испытываю чувство уважения к нашему обществу, которое после смерти Сталина нашло в себе внутреннюю силу сразу же покончить с этой позорной системой.

Сам объект изображения не кажется мне запретным — к сожалению, это тоже часть истории нашего общества в период жизни Сталина, и, говоря всю историческую правду, хочешь — не хочешь, надо сказать правду и об этом.

Но когда Солженицын переходит от изображения этой стороны жизни общества к другим сторонам его жизни и к другим людям, то здесь обнаруживается, что он, за

очень редкими исключениями, не видит в тогдашнем обществе в сущности никого, кроме людей, связанных родственными узами с теми, кто сидит в тюрьмах и лагерях, и тоже в силу этого, в той или иной мере, являющихся жертвами, и кроме людей, которым сложившееся положение в большей или меньшей мере удобно и выгодно и которые в конечном итоге являются или фактическими или моральными пособниками тюремщиков. И уж во всяком случае являются нравственной базой для устойчивого существования всех тех страшных несправедливостей, о которых идет речь в романе.

Если принять на веру такое изображение нашего общества тех лет, станет совершенно непонятным, почему это общество после смерти Сталина не пошло по его стопам, почему оно не продолжало действовать в духе карательной политики Сталина, почему оно вместо этого ликвидировало лагеря, освобождало заключенных, почему оно прижизненно и посмертно восстанавливало добрые имена сотен и сотен тысяч людей?

Читая роман Солженицына, невозможно догадаться — кто же все это сделает после смерти Сталина? Общество, которое он изображает в своем романе, не заинтересовано в восстановлении справедливости. Люди, которых он выводит в своем романе вне тюремных стен, не способны бороться за справедливость. А других людей, кроме этих, не способных не только восстановить справедливость, но даже и захотеть это сделать, в его романе, вне тюремных стен, нет или почти нет.

Это было неправдой по отношению к людям той эпохи, которая изображена в романе, и оказалось исторической неправдой по отношению к нашему обществу.

Если бы предположить, что этот роман написан тогда, в 1950-ом году, в дни, когда разворачивается его действие, в тюрьме, человеком оклеветанным, глубоко оскорбленным, потерявшим веру в справедливость, отчаявшимся и в силу сложившихся обстоятельств видящим все общество только через тюремный глазок, в искаженном свете, я бы еще мог психологически понять саму возможность появления такой точки зрения на общество, хотя объективно она не стала бы от этого более справедливой.

Но сегодня, после XX и XXII съездов партии, после всего сделанного нашим обществом для исправления ошибок и преступлений Сталина, после того, как оно, в этой огромной и психологически очень трудной работе, показало свою большую нравственную силу, я не могу принять

той точки зрения на наше общество конца сороковых годов, которая высказана в романе Солженицына.

Таким образом, я не приемлю этот роман в самой главной его отправной точке, в его неверии во внутреннюю здоровую основу нашего общества, которая присутствовала в нем всегда, в том числе и в такие тягчайшие периоды его развития, как последние годы жизни Сталина.

И это для меня самое главное.

А существование в романе таких, со слепой злобой, а поэтому и почти с полной потерей таланта написанных глав, как главы о Сталине, — обстоятельство второстепенное. Эти главы в конце концов, сам почувствовав их антихудожественность, автор мог бы безболезненно изъять из своего романа.

Другое дело с его общим взглядом на людей той эпохи, а вместе с тем в значительной мере и на наше общество вообще. Тут, если бы автор дал мне прочесть свой роман в рукописи и спросил бы мое мнение, я бы полностью изложил ему все, что сказано мною выше. И если бы мне не удалось убедить его в несправедливости той общей концепции нашего общества, которая содержится в романе, я бы остался противником его романа в целом, несмотря на ту высокую меру таланта, с какой написаны многие главы романа, и в особенности многие его тюремные главы.

Если же роман в таком виде, в каком он есть, был бы напечатан, я бы тоже высказал в печати, от первого до последнего слова, все написанное мною здесь (за исключением, разумеется, первого и последнего абзацев этого письма). Насколько мне известно, Солженицын обратился по вопросу о своем романе в ЦК КПСС[3]. Я читал его роман по поручению ЦК КПСС. И буду только рад, если будет сочтено полезным познакомить автора с изложенным здесь мнением о его романе.

(Константин Симонов)

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 31—34. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На обороте последнего листа запись "ЦК КПСС. **Справка**. 4 октября 1967 г. Отдел культуры доложил ЦК КПСС о ходе и решении специального заседания Секретариата правления союза писателей СССР от 22 сентября с. г. , обсудившего неопубликованные произведения А. Солженицына. К. Симонов присутствовал на заседании Секретариата СП СССР. Зав. секретариатом Отдела культуры ЦК КПСС Г. Дьяконов 5 октября 1967 г. "

[2]Новый мир. 1962. № 11
[3]См. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни//Новый мир. 1991. № 6. С. 81—83

№ 8

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС[1]

19 апреля 1966 г.

Ц К К П С С

Считаем необходимым проинформировать о следующем.

В журнале "Ост-Ойропа" №11—12 за 1965 год опубликована статья Барбары Бодэ "Дискуссия вокруг Солженицына". Статье предпослано обширное "Примечание от редакции". Считая характерной чертой современного литературного процесса в нашей стране борьбу "догматиков" и "либералов", составители примечания подчеркивают, что "разногласия, полем битвы для которых является литература, концентрируются, начиная с 1963 года, все больше и больше вокруг личности и произведений Александра Солженицына". Свои надежды на то, что "воля либеральных сил, отстаивающих свои позиции, ни в какой мере не сломлена, хотя они и кажутся в настоящее время сильно ослабленными", редакция прямо связывает с "ведущим либеральным журналом" "Новый мир", указывая, что осужденный недавно Синявский был его сотрудником.

Особое внимание в примечании уделено редакционной статье "Нового мира", помещенной в сентябрьском номере за 1965 год; в ней, по словам авторов "Ост-Ойропы", редакционная коллегия твердо обещает "сохранить верность позициям, которые она занимала до сих пор, и выражает намерение и в дальнейшем "отстаивать свою точку зрения на ряд важных проблем, выдвигаемых сегодняшним днем".

Пытаясь подытожить отношение широкой общественности к позиции журнала "Новый мир", авторы примечания утверждают: "Как бы то ни было, в рядах власть имущих, несомненно, имеет место растерянность, непоследовательность и недостаточная координация действий в культурно-политических вопросах. Не подлежит сомнению и стремление существующего режима задержать всеми средствами, даже ценою террора, прогрессивный процесс либерализации и духовного раскрепощения".

Барбара Бодэ начинает свою статью с комментариев к встрече руководителей партии и правительства с представителями литературы и искусства в марте 1963 года. Результаты этой встречи оцениваются так: "либеральный лагерь понял, в каком тяжелом положении он очутился". Сообщая о произведениях, подвергнутых партийной критике (мемуары Эренбурга и путевые заметки В. Некрасова), автор статьи отмечает, что, несмотря на поддержку Н. С. Хрущевым рассказа Солженицына "Один день Ивана Денисовича", этот писатель "стал мишенью для догматиков, потому что они хорошо знали, какое значение он имеет для либерального лагеря и для всей России. Но либералы не могли им жертвовать, ибо этот писатель стал в течение нескольких месяцев их знаменем и вместе с тем символом, который связывал их с миллионами русских читателей". Поэтому, считает Бодэ, "либералы" прибегли к тактическому маневру: в апрельском номере журнала "Новый мир" за 1963 г. появилась статья "с догматическим заголовком: "За идейность и социалистический реализм", что "демонстрирует все трудности легальной борьбы за свободу в сегодняшней Советской России". Перечислив чисто тактические, на ее взгляд, приемы авторов "Нового мира" (патетическое утверждение социалистического реализма и принципа партийности, а также решительное отрицание абстракционизма и формализма), Бодэ подчеркивает, что редакция вслед за этим "в свою очередь переходит в наступление и заходит при этом весьма далеко". Краеугольным в позиции "Нового мира" автор статьи считает положение о полноте "жизненной правды". Автор журнала "Ост-Ойропа" пишет: "в передовой статье "Нового мира" мысль о "жизненной правде" получает дальнейшее развитие и как бы невзначай превращается в "художественную правду", а "художественная правда не имеет ничего общего с унылым копированием действительности", с "ложноромантической манерой письма", со стремлением "приподнимать" действительность и т. д. Главным критерием "Нового мира" в подходе к художественной литературе Бодэ считает "художественную одаренность", в противовес тезису "догматиков" о "преданности коммунистической идее и генеральной линии партии".

Вслед за изложением теоретической программы, заявляет далее Бодэ, авторы "Нового мира" "сочли возможным перейти к основной цели статьи". Такая цель — защита А. Солженицына от нападок "догматиков". Ссылаясь на цитаты из комментируемой ею статьи "Нового мира", Бодэ показывает, что редакция в этой за-

щите всячески использует поддержку повести "Один день Ивана Денисовича" Н. С. Хрущевым и одновременно с этим пытается доказать, что герой этого произведения — типичный советский человек. Однако, замечает Бодэ, "и здесь авторы передовой показывают на мгновение другое лицо, чем только партийную маску", заявляя, что повесть "утверждает непреходящее значение традиций правды в искусстве". Бодэ особо выделяет оценку редакцией "Нового мира" солженицынской повести как явления беспрецедентного — "из тех явлений литературы, после которых невозможно вести речь о какой-либо литературной проблеме или литературном факте, так или иначе не сопоставив их с этим явлением". Эта оценка, распространенная затем на все последующее творчество Солженицына, имеет принципиальное значение, считает Бодэ. Неоднократно повторяя ее, Твардовский и его единомышленники "вряд ли... имели в виду лишь одаренность и художественные особенности прозы Солженицына". Дело в "духовно-моральных критериях" писателя, которые, дескать, должны стать для советских литераторов образцом. "Но критерии Солженицына, — подчеркивает автор журнала "Ост-Ойропа", — уходят своими корнями, как явствует из его произведений, в мир христианской русской культуры XIX века, сумевшей создать "святую русскую литературу".

Далее Барбара Бодэ формулирует краеугольный тезис своей статьи: "У Солженицына нет никаких точек соприкосновения с критериями коммунистической морали, проникающей не только в советскую литературу, но и во всю жизнь коммунистического государства и сформулированного им общества. Если же заменить основы коммунистической морали духовно-моральными критериями Солженицына, то это привело бы к резким изменениям во всей жизни Советского Союза. В провозглашении Солженицына новым литературным мерилом для всей России и заключается важность и революционное значение усилий Твардовского".

Затем Бодэ перечисляет посвященные Солженицыну выступления тех, кого она именует "догматиками" (В. Кочетова, Н. Селивестрова, Ю. Барабаша, В. Чалмаева), некоторые эпизоды полемики вокруг произведений Солженицына (публикация "Новым миром" подборки читательских писем, выступления "Литературной газеты" и т. д.). При этом автор журнала "Ост-Ойропа" с сожалением отмечает, что, защищая А. Солженицына от нападок "догматиков", "либералы" поступились "бескомпромиссностью и абсолютной честностью", т. к. в так-

тических целях вынуждены были называть этого писателя представителем социалистического реализма.

Далее Бодэ комментирует события, связанные с выдвижением повести Солженицына "Один день Ивана Денисовича" на Ленинскую премию. С большим сочувствием упоминается статья В. Лакшина "Иван Денисович, его друзья и недруги", автор которой фактически разделил страну на два лагеря — "на друзей и врагов Ивана Денисовича, на сторонников и врагов тоталитаризма". Затем перечисляются выступления "Литературной газеты", "Известий", статья С. Маршака в "Правде"[2]. Завершающим этапом полемики вокруг Солженицына Бодэ считает опубликованный в "Правде" обзор читательских писем, где утверждалось, что повесть Солженицына "не может быть причислена к тем выдающимся произведениям, достойным Ленинской премии"[3]. Этим высказыванием было-де положено начало замалчиванию писателя, а "Ленинскую премию получил преданный догматизму и социалистическому реализму писатель Олесь Гончар".

Упомянув, что имя Солженицына почти совершенно исчезло со страниц печати, Бодэ вновь возвращается к своему основному тезису, который на этот раз формулируется со ссылкой на Пушкина. "Если же попытаться представить себе возобновление этой борьбы, то возникают сомнения, возможен ли вообще исход в пользу Солженицына при условии коммунистического господства, ибо если перефразировать знаменитую строку Пушкина из "Моцарта и Сальери" о гении и злодействе, то она прозвучит: "Солженицын и коммунизм — две вещи несовместные".

Статья Барбары Бодэ и примечание к ней редакции журнала "Ост-Ойропа" интересны как свидетельство того, как реакционные круги на Западе используют творчество А. Солженицына и некоторые выступления журнала "Новый мир" во враждебной нам пропаганде.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС *(В. Шауро)*
Зав. сектором Отдела *(Ю. Барабаш)*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 36—39. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На отдельном листе указание "Ознакомить секретарей ЦК КПСС" и подписи Б. Пономарева, И. Капитонова, Д. Устинова, Ф. Кулакова, М. Суслова, А. Кириленко, П. Демичева, А. Шелепина

[2]Статья С. Маршака "Правдивая повесть" опубликована в "Правде" 30 января 1964 г.

[3]Обзор читательских писем под заголовком "Высокая требовательность" опубликован в "Правде" 11 апреля 1964 г.

1967

№ 9

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

10 марта 1967 года

Председательствовал тов. СУСЛОВ.
Присутствовали: т.т. Андропов, Демичев, Капитонов, Кулаков, Пономарев, Соломенцев, Шелепин, Пельше.

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ ПОВЕСТКИ ДНЯ

XVI. **О писателе Солженицыне А.**

СЕМИЧАСТНЫЙ. С этим писателем никто серьезно не говорил. Сейчас он разъезжает по различным учреждениям, по писательским организациям, читает отрывки из своих произведений, дал интервью японской газете[1]. Журнал "Советская женщина" собирается опубликовать отрывок из его романа "Раковый корпус". Солженицын поднимает голову, считает себя героем.

АНДРОПОВ. Вопрос о Солженицыне не укладывается в рамки работы с писателями. Он написал конкретные вещи, такие, как "Пир победителей", "Раковый корпус", но эти произведения имеют антисоветскую направленность. Надо решительно воздействовать на Солженицына, который ведет антисоветскую работу.

СОЛОМЕНЦЕВ. Московские организации должны нести ответственность за действия Солженицына. Здесь организуются художественные выставки. Есть ли управа на этих людей? В Москве неблагополучно с творческими организациями.

СЕМИЧАСТНЫЙ. Партком Института имени Курчатова приглашал Солженицына читать отрывки из его романа.

ШАУРО. В последнее время Солженицын развил большую активность. Он живет в Рязани, но большую часть

времени проводит в Москве. Ему помогают, кстати, крупные ученые, такие, как Капица, Сахаров. В Отделе культуры с Солженицыным беседовали два раза. Намечается еще одна беседа с участием ведущих писателей нашей страны, где будет обсуждаться творческая деятельность Солженицына.

ДЕМИЧЕВ. Солженицын — это свихнувшийся писатель, антисоветски настроенный. С ним надо повести решительную борьбу.

ГРИШИН К. Он клевещет на все русское, на все наши кадры.

ДЕМИЧЕВ. Необходимо Отделу культуры разработать меры и доложить ЦК.

СЕМИЧАСТНЫЙ. Прежде всего нужно исключить Солженицына из Союза писателей. Это первая мера.

Решено ограничиться обсуждением на Секретариате данного вопроса.

Рабочая запись заседаний Секретариата ЦК КПСС за 1967 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерк литературной жизни. Приложение 1//Новый мир. 1991. № 6. С. 112—113

№ 10

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 1197-С 17 мая 1967 г.

Секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности докладывает, что писателем А. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ начато массовое распространение документа, адресованного IV-му съезду писателей[2] (вместо выступления), членам Президиума и делегатам съезда, членам Союза писателей и редакциям литературных газет и журналов (фотокопия прилагается[3]).

17 мая 1967 г. зафиксирована пересылка СОЛЖЕНИЦЫНЫМ документа в адреса членов Союза писателей т. т. БОРИСКОВА П. С. (г. Петрозаводск), МАКАЕНКА

А. Е. (г. Минск), ВЕЯНА А. (г. Рига), АБУ-БАКАРА А. (г. Махачкала) и журнала "Литературная Армения".

Председатель
Комитета Госбезопасности *В. СЕМИЧАСТНЫЙ*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 41. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 25 мая 1967 г. за № П698
[2]IV съезд писателей СССР состоялся в мае 1967г.
[3]Фотокопия в деле отсутствует

№ 11

ПИСЬМО С. ТОКИ В ЦК КПСС[1]

№ 63 1 июня 1967 г.

Направляю "письмо" некоего Солженицына А. И., адресованное IV Всесоюзному съезду писателей СССР, копия которого послана на мое имя, как делегата. На мой взгляд, так называемое "письмо" как по содержанию, так и по форме сквозь пронизано клеветой на нашу советскую действительность.

Тувинская республика является тем живым фактом, как в результате мудрой ленинской политики ЦК нашей партии и правительства здесь расцветают все стороны культуры, искусства и литературы. Тувинский народ до 1930 года полностью был неграмотным, а теперь вся республика превратилась в край сплошной грамотности, дети школьного возраста охвачены обязательным 8-летним образованием, заново выросли местные кадры всех отраслей народного хозяйства и культуры. Тувинцы в недалеком прошлом не только о писателях, но и о письменности, книгах и газетах не имели даже представления. Теперь же, в результате Советской власти и Коммунистической партии, в Туве работают более пятидесяти писателей, имена которых известны далеко за пределами республики. Это — Степан Сарыг-оол, Олег Саган-оол, Алдын-оол Даржаа, Антон Калзан, Олег Сувакпит и другие.

Клевета Солженицына, огульное охаивание великих завоеваний советского народа в культурной революции говорят, кем является автор указанного "письма". Я, как член Союза советских писателей, целиком отвергаю враж-

дебные высказывания Солженицына, так как они голословны, огульны и злобно-антисоветские.

Очевидно, Солженицын послал это "письмо" с целью провокации. Прошу ЦК КПСС поручить кому следует разобраться с ним и сделать по отношению к нему соответствующие выводы.

"Письмо", которое я получил после приезда со съезда писателей, датировано 16 мая 1967 года. Ввиду этого направляю его с некоторым опозданием.

Член Союза Писателей СССР *(С. ТОКА)*

Приложение

ПИСЬМО IV-му ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(вместо выступления)

В президиум съезда и делегатам — Тока С. К.
Членам ССП —
Редакциям литературных газет и журналов —

Не имея доступа к съездовской трибуне, я прошу Съезд обсудить:

I. то нетерпимое дальше **угнетение**, которому наша художественная литература **из десятилетия в десятилетие** подвергается со стороны цензуры и с которым Союз Писателей не может мириться впредь.

Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем "Главлита" тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе **удел нетленного времени**: отбирать достойные книги от недостойных.

За нашими писателями не предполагается, не признается права высказывать **опережающие суждения** о нравственной жизни человека и общества, по-своему изъяснять социальные проблемы или исторический опыт, так глубоко выстраданный в нашей стране. Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль,

своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, — запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным; эгоистическим, а для народной жизни недальновидным.

Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они "не пройдут". Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не устаивали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо искажали их. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется в свет в искаженном виде.

А между тем сами цензурные ярлыки ("идеологически-вредный", "порочный" и т. д.) недолговечны, текучи, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (не полностью печатают и сейчас), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался "контрреволюционным" Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки)? Не был ли и Маяковский "анархиствующим политическим хулиганом"? Десятилетиями считались "антисоветскими" неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено "грубой политической ошибкой". Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратимо стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежать когда-то "признать" и Замятина, и Ремизова. Тут есть разрешающий момент — смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или невскоре, его возвращают нам, сопровождая "объяснением ошибок". Давно ли имя Пастернака нельзя было и вслух произнести, но вот он умер — и книги его издаются, и стихи его цитируются даже на церемониях.

Воистину сбываются пушкинские слова:

ОНИ ЛЮБИТЬ УМЕЮТ ТОЛЬКО МЕРТВЫХ!

Но позднее издание книг и "разрешение" имен не возмещает ни общественных, ни художественных потерь, которые несет наш народ от этих уродливых задержек, от угнетения художественного сознания. (В частности, были писатели 20-х годов — Пильняк, Платонов, Мандельштам,

которые очень рано указывали и на зарождение культа и на особые свойства Сталина, — однако их уничтожили и заглушили вместо того, чтобы к ним прислушаться). Литература не может развиваться в категориях "пропустят — не пропустят", "об этом можно — об этом нельзя". Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая **не смеет передать обществу свою боль и тревогу**, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь — косметики. Такая литература теряет доверие у собственного народа, и тиражи ее идут не в чтение, а в утильсырье.

Наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого века и в начале нынешнего, и тот блеск эксперимента, которым она отличалась в 20-е годы. Всему миру литературная жизнь нашей страны представляется сегодня неизмеримо бедней, проще и ниже, чем она есть на самом деле, чем она проявила бы себя, если б ее не ограничивали, не замыкали. От этого проигрывает и наша страна в мировом общественном мнении, проигрывает и мировая литература: располагай она всеми нестесненными плодами нашей литературы, углубись она нашим духовным опытом — все мировое художественное развитие пошло бы иначе, чем оно идет, приобрело бы новую устойчивость, взошло бы даже на новую художественную ступень.

Я ПРЕДЛАГАЮ СЪЕЗДУ ПРИНЯТЬ ТРЕБОВАНИЕ И ДОБИТЬСЯ УПРАЗДНЕНИЯ ВСЯКОЙ — ЯВНОЙ ИЛИ СКРЫТОЙ — ЦЕНЗУРЫ НАД ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ, ОСВОБОДИТЬ ИЗДАТЕЛЬСТВА ОТ ПОВИННОСТИ ПОЛУЧАТЬ РАЗРЕШЕНИЕ НА КАЖДЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ЛИСТ.

II.... обязанности Союза по отношению к своим членам. Эти обязанности не сформулированы отчетливо в уставе ССП ("защита авторских прав" и "меры по защите других прав писателей"), а между тем за треть столетия плачевно выявилось, что ни "других", ни даже авторских прав гонимых писателей Союз не защитил.

Многие авторы при жизни подвергались в печати и с трибун оскорблениям и клевете, ответить на которые не получали физической возможности, более того — личным стеснениям и преследованиям (Булгаков, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Зощенко, Платонов, Александр Грин, Василий Гроссман). Союз же писателей не только не предоставил им для ответа и оправдания страниц своих

печатных изданий, не только не выступил сам в их защиту — но руководство Союза неизменно проявляло себя первым среди гонителей. Имена, которые составят украшение нашей поэзии XX века, оказались в списке исключенных из Союза либо даже не принятых в него! Тем более руководство Союза малодушно покидало в беде тех, чье преследование окончилось ссылкой, лагерем и смертью (Павел Васильев, Мандельштам, Артем Веселый, Пильняк, Бабель, Табидзе, Заболоцкий и другие). Этот перечень мы вынужденно обрываем словами "и другие": мы узнали после XX съезда партии, что их было БОЛЕЕ ШЕСТИСОТ — ни в чем не виноватых писателей, кого Союз послушно отдал их тюремно-лагерной судьбе. Однако свиток этот еще длинней, его закрутившийся конец не прочитывается и никогда не прочтется нашими глазами: в нем записаны имена и таких молодых прозаиков и поэтов, кого лишь случайно мы могли узнать из личных встреч, чьи дарования погибли в лагерях нерасцветшими, чьи произведения не пошли дальше кабинетов госбезопасности времен Ягоды — Ежова — Берии — Абакумова.

Новоизбранному руководству Союза нет никакой исторической необходимости разделять с прежними руководствами ответственность за прошлое.

Я ПРЕДЛАГАЮ ЧЕТКО СФОРМУЛИРОВАТЬ В ПУНКТЕ 22-м УСТАВА ССП ВСЕ ТЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ, КОТОРЫЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ СОЮЗ ЧЛЕНАМ СВОИМ, ПОДВЕРГШИМСЯ КЛЕВЕТЕ И НЕСПРАВЕДЛИВЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ — С ТЕМ, ЧТОБЫ НЕВОЗМОЖНЫМ СТАЛО ПОВТОРЕНИЕ БЕЗЗАКОНИЙ.

Если Съезд не пройдет равнодушно мимо сказанного, я прошу его обратить внимание на запреты и преследования, испытываемые лично мною:

1. Мой роман "В круге первом" (35 авт. листов) скоро два года, как отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его открытое редакционное продвижение. Напротив, еще при моей жизни, вопреки моей воле и даже без моего ведома этот роман "издан" противоестественным "закрытым" изданием для чтения в избранном неназываемом кругу. Мой роман стал доступен литературным чиновникам, от большинства же писателей его прячут. Добиться открытого обсуждения романа в писательских секциях, отвратить злоупотребления и плагиат я не в силах.

2. Вместе с романом у меня отобран мой литературный архив 20- и 15-летней давности, вещи, не предназ-

начавшиеся к печати. Теперь закрыто "изданы" и в том же кругу распространяются тенденциозные извлечения из этого архива. Пьеса "Пир победителей", написанная мною в стихах наизусть в лагере, когда я ходил под четырьмя номерами (когда, обреченные на смерть измором, мы были забыты обществом и вне лагерей НИКТО не выступил против репрессий), — давно покинутая, эта пьеса приписывается мне теперь как самоновейшая моя работа.

3. Уже три года ведется против меня, всю войну провоевавшего командира батареи, награжденного боевыми орденами, безответственная клевета: что я отбывал срок якобы как уголовник или сдался в плен (я никогда там не был), "изменил Родине", "служил у немцев". Так истолковываются 11 лет моих лагерей и ссылки, куда я попал за критику Сталина. Эта клевета ведется на закрытых инструктажах и собраниях людьми, занимающими официальные посты. Тщетно я пытался остановить клевету обращением в Правление ССП РСФСР и в печать: Правление даже не откликнулось, ни одна газета не напечатала моего ответа клеветникам. Наоборот, клевета с трибун против меня в последний год усилилась, ожесточилась, использует искаженные материалы конфискованного моего архива — я же лишен возможности на нее ответить.

4. Моя повесть "Раковый корпус" (25 авт. листов), одобренная к печати (I-я часть) секцией прозы московской писательской организации, не может быть издана ни отдельными главами (отвергнуты в пяти журналах), ни тем более целиком (отвергнута "Новым миром", "Звездой" и "Простором").

5. Пьеса "Олень и шалашовка", принятая театром "Современник" в 1962 году, до сих пор не разрешена к постановке.

6. Киносценарий "**Знают истину танки**", пьеса "Свет, который в тебе", мелкие рассказы ("Правая кисть", серия "крохотных") не могут найти себе ни постановщика, ни издателя.

7. Мои рассказы, печатавшиеся в журнале "Новый мир", не переизданы отдельной книгою ни разу, отвергаются всюду ("Советский писатель", Гослитиздат, "Библиотека "Огонька") и таким образом недоступны широкому читателю.

8. При этом мне запрещаются и всякие другие контакты с читателями: публичное чтение отрывков (в ноябре 1966 г. из таких уже договоренных 11 выступлений было в последний момент запрещено 9) или чтение по радио.

Да просто дать рукопись "прочесть и переписать" у нас теперь под уголовным запретом (древнерусским писцам пять столетий назад это разрешалось!).

Так моя работа окончательно заглушена, замкнута и оболгана.

При таком грубом нарушении моих авторских и "других" прав — возьмется или не возьмется IV Всесоюзный Съезд защитить меня? Мне кажется, этот выбор немаловажен и для литературного будущего кое-кого из делегатов.

Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой. Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть. Но, может быть, многие уроки научат нас, наконец, не останавливать пера писателя при жизни?

Это еще ни разу не украсило нашей истории.

16 мая 1967 г. *Солженицын А. И.*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 42—47. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе подпись П. Демичева, на последнем — запись "ЦК КПСС. Вопрос о письме А. Солженицына обсужден на заседании секретариата правления Союза писателей СССР. О результатах этого обсуждения "Литературная газета" сообщит в ближайшее время. Тов. Тока об этом информирован. Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС И. Черноуцан. Инструктор А. Галанов. 27. 10. 67"

№ 12

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 1740-Б 5 июля 1967 г.

Секретно

ЦК КПСС
(Отдел культуры ЦК КПСС)

По просьбе тов. МЕЛЕНТЬЕВА Ю. С. направляется справка в отношении писателя СОЛЖЕНИЦЫНА А.

Заместитель Председателя Комитета
Госбезопасности *БАННИКОВ*

Приложение

Секретно

СПРАВКА

в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА А. И.

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич родился 11 декабря 1918 года в гор. Кисловодске. Детские и юношеские годы провел в Ростове-на-Дону, где в 1927—1936 г. г. учился в средней школе, а в 1936 году поступил на физико-математический факультет Ростовского университета и в 1941 году его окончил. Одновременно он заочно обучался на литературном факультете. Во время учебы в Университете являлся членом ВЛКСМ.

Как видно из материалов, СОЛЖЕНИЦЫН в своих автобиографических данных по существу ничего не сообщает о своих родителях, не указывая даже их фамилий, имени и отчества. С целью получения более полных сведений проводилась проверка по месту рождения СОЛЖЕНИЦЫНА и местам его жительства, учебы и работы, просматривались учетные, архивные и другие официальные документы.

Из личного дела, которое хранится в Ростовском университете, усматривается, что до войны СОЛЖЕНИЦЫН проживал со своей матерью, о которой указывает единственно, что она являлась стенографисткой. В автобиографии, находящейся в личном деле члена Союза писателей, он указывает, что родился в семье служащих, мать работала машинисткой-стенографисткой, а отца потерял до своего рождения.

Архивные материалы за 1918 год в гор. Кисловодске не сохранились, поэтому получить сведения о родителях по месту рождения СОЛЖЕНИЦЫНА не представилось возможным.

В материалах архивного следственного и оперативного дела на СОЛЖЕНИЦЫНА в архивах Министерства обороны СССР данных о родителях СОЛЖЕНИЦЫНА не содержится.

Жена СОЛЖЕНИЦЫНА — РЕШЕТОВСКАЯ Наталья Алексеевна, 1919 года рождения, урож. гор. Новочеркасска, русская, беспартийная, с которой он зарегистрировал брак в 1940 году, окончила Ростовский университет в 1941 году, после войны защитила диссертацию на кандидата химических наук. В анкетах она указывает, что

ее отец РЕШЕТОВСКИЙ Алексей Николаевич, 1888 года рождения, до революции занимался литературной деятельностью, умер в 1919 году. Ее мать — РЕШЕТОВСКАЯ Мария Константиновна, 1890 года рождения, по профессии учительница, в настоящее время проживает в гор. Рязани.

По оперативным данным, отец РЕШЕТОВСКОЙ — казачий сотник из Новочеркасска, погиб во время гражданской войны при обстоятельствах, которые РЕШЕТОВСКИЕ скрывают.

В 1941 году СОЛЖЕНИЦЫН был призван в армию. До марта 1942 года служил рядовым 74 отдельного гужевого транспортного батальона, в апреле—ноябре 1942 года являлся курсантом 3-го Ленинградского артиллерийского училища. С декабря 1942 года по февраль 1945 года находился в действующей армии командиром батареи звуковой разведки на Северо-Западном, Брянском, Центральном, 1-м и 2-м Белорусских фронтах. Награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды и двумя медалями.

В феврале 1945 года СОЛЖЕНИЦЫН был арестован и позднее осужден Особым Совещанием НКВД СССР по ст. ст. 58-10, ч. II и 58-II УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. По оперативным данным, он допускал антисоветские выпады и клеветнические измышления в адрес СТАЛИНА. На следствии он сначала отрицал предъявленные ему обвинения, а затем признал себя виновным в проведении антисоветской агитации и попытке создать антисоветскую группу.

Отбывая наказание, СОЛЖЕНИЦЫН в 1946—1950г.г. являлся научным сотрудником научно-исследовательских институтов МВД и МГБ СССР, в 1950—1953г.г. использовался на работах в тресте "Иртышуглестрой" в гор. Экибастузе Павлодарской области. После освобождения был направлен в ссылку и с февраля 1953 года по апрель 1956 года работал преподавателем математики в средней школе им. Кирова с. Берлик бывшего Коктерекского района Джамбулской области.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 февраля 1957 года СОЛЖЕНИЦЫН реабилитирован. Из ссылки он прибыл на жительство в Курловский район Владимирской области, где в 1956—1957 годах работал преподавателем математики Мезиновской средней школы.

В июне 1957 года СОЛЖЕНИЦЫН выехал в гор. Рязань и проживает там в настоящее время по адресу: проезд Яблочкова, дом №1, кв. 11.

СОЛЖЕНИЦЫН — беспартийный, членом Союза писателей состоит с декабря 1962 года.

Заместитель Начальника
2 Главного Управления Комитета Госбезопасности
При Совете Министров Союза ССР *(БОБКОВ)*

3 июля 1967 года

№2/7-2272

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 48—51. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе запись "**Справка**. Работники Отдела культуры ЦК КПСС т. т. Шауро, Мелентьев и Беляев ознакомились. Зав. секретариатом Отдела культуры ЦК КПСС Г. Дьяконов, 6 октября 1967 г. "

№ 13

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

№ 1756-А 5 июля 1967 г.

Секретно

ЦК КПСС

Направляются листовка НТС[1] и вырезка из антисоветской эмигрантской газеты "Русская мысль", издающейся в Париже, с текстом письма члена Союза писателей СССР СОЛЖЕНИЦЫНА А. И. "IV Всесоюзному съезду советских писателей (вместо выступления)"[2], которые засылаются по почтовому каналу на территорию СССР.

Указанные документы нами конфискуются.

Председатель Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 67. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]НТС — народно-трудовой союз
[2]См. приложение к документу № 11

№ 14

ЗАПИСКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС[1]

№ 25-С-1014 10 июля 1967 г.

Секретно

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

В центральном органе Итальянской компартии газете "Унита" 5 июля с. г. опубликована статья ее московского корреспондента А. Гуэрра, озаглавленная "Выступление Солженицына не может остаться без ответа". В статье рекламируется письмо Солженицына в адрес IV съезда советских писателей и критикуются методы партийного руководства литературой и порядок опубликования художественных произведений в Советском Союзе.

Считали бы необходимым обратить внимание руководства ИКП на недружественный характер статьи московского корреспондента газеты "Унита" А. Гуэрра и просить его дать А. Гуэрра указания о недопустимости подобных публикаций в будущем. Считали бы также целесообразным провести беседу с т. Гуэрра в Международном отделе и Отделе культуры ЦК КПСС по затронутым в его статье вопросам.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[2].

Б. Пономарев

Ф. 3, оп. 68, д. 515, л. 50. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС 11 июля 1967 г. за № 47-40

[2]17 июля 1967 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П47/95 (см. документ № 15)

№ 15

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "Об указаниях совпослу в Италии"

№ П47/95 17 июля 1967 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

Утвердить текст указаний совпослу в Италии для беседы с т. Лонго (прилагается).

Секретарь ЦК

Приложение
К пункту 95 прот. № 47

Секретно

Р И М
СОВПОСОЛ

Встретьтесь с т. Лонго и, сославшись на поручение инстанции, переговорите с ним о следующем.

В Москве обратили внимание на статью московского корреспондента "Унита" А. Гуэрра "Выступление Солженицына не может остаться без ответа", опубликованную в газете 5 июля с. г. , и хотели бы в этой связи по-товарищески высказать т. Лонго некоторые соображения.

Факт опубликования явно недружественной нам статьи, рекламирующей письмо Солженицына, критикующей методы партийного руководства литературой и порядок опубликования художественных произведений в СССР, по нашему мнению, не соответствует тем братским отношениям, которые сложились между КПСС и ИКП. Это выступление "Униты" используется нашими противниками, как об этом свидетельствует передача "Голос Америки" от 6 июля с. г. , в антикоммунистических целях, особенно в связи с приближающимся 50-летием Октябрьской революции, для распространения враждебных и провокационных домыслов относительно характера взаимоотношений между нашими партиями.

Подчеркните при этом, что письмо Солженицына написано им с откровенно провокационными целями и полностью искажает реальную обстановку в советской литературе, игнорирует и искажает факты. В корне неверно изображать частный эпизод с Солженицыным как признак того, будто в Советском Союзе не решена проблема "соотношения революции и культуры", как об этом пишет Гуэрра. Такой проблемы нет. Она решена в ходе 50-летнего строительства социализма в нашей стране, важными итогами которого является создание преданной идеалам коммунизма и активно участвовавшей в его строительстве советской интеллигенции, овладение широкими массами народа всеми богатствами культуры.

Нам кажется, что статьи типа той, которую написал Гуэрра, создают у итальянской интеллигенции ложное впечатление, что социализм в течение 50 лет будто бы не может решить проблем культуры, в то время как в действительности они в Советском Союзе решены. Разумеется, процесс развития социалистической культуры

выдвигает все новые и новые задачи перед нашей партией. Здесь могут возникать известные дискуссии, которым наша партия, если они идут в русле строительства коммунизма, не чинит препятствий. В этом вопросе, как знает т. Лонго, нашей партией сделано немало, и мы впредь будем идти по пути совершенствования методов партийного руководства культурой.

В Москве рассчитывают на то, что руководство ИКП с пониманием отнесется к откровенно высказанным нами соображениям и даст А. Гуэрра соответствующие указания.

Исполнение телеграфируйте.

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 52—54. Выписка из протокола.

№ 16

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

18 июля 1967 г.

Председательствовал т. СУСЛОВ М. А.
Присутствовали т. т. : Демичев, Капитонов, Кириленко, Кулаков, Соломенцев, Устинов, Шелепин.

ВОПРОСЫ, ОБСУЖДЕННЫЕ ЗА ПОВЕСТКОЙ ДНЯ

2. **О поведении и взглядах А. Солженицына**

УСТИНОВ. У меня возникает сомнение — нужно ли посылать информационную записку по этому вопросу во все партийные организации[1].

КУЛАКОВ. Не будет ли посылка такой информационной записки означать, что мы как бы оправдываемся перед партией за такое поведение Солженицына.

ДЕМИЧЕВ. Почему возник вопрос о посылке информационной записки в местные партийные организации? Сейчас по иностранному радио и в зарубежной печати очень широко рекламируется поведение Солженицына, его письмо съезду писателей. Наши партийные работники часто сталкиваются с таким положением, когда они не имеют возможности ответить на вопросы относительно поведения Солженицына, которые ставятся перед ними на собраниях и совещаниях. Мы имели в виду на-

править такую записку с тем, чтобы ориентировать наши партийные кадры по этому вопросу.

ТУМАНОВА. Мы считаем, что посылка такой записки является формой информации партийного актива.

КИРИЛЕНКО. Я считаю, что не следует нам издавать такого документа. Можно было бы поручить Союзу писателей рассмотреть вопрос о поведении Солженицына и внести определенное суждение по этому вопросу. Если нужно, то опубликовать соответствующий материал в печати, но документа по партийной линии рассылать не следует.

ДЕМИЧЕВ. Солженицын известная фигура. Мы не можем положиться на то, чтобы поручить Секретариату Союза писателей дать соответствующую информацию по этому вопросу. Может быть, как-то все же следует проинформировать партийный актив. Возможно, записку послать не от ЦК, а от Отдела культуры ЦК КПСС.

КАПИТОНОВ. Я считаю, что записку посылать нецелесообразно. Если мы направим такую записку относительно Солженицына, то она может вызвать неприятный отклик. Известно, когда были осуждены Синявский и Даниель, то это вызвало очень неприятную реакцию. Солженицына нужно развенчать в печати. Пусть Союз писателей сделает это соответствующим образом.

СОЛОМЕНЦЕВ. То, что Солженицына следует развенчать, в этом нет сомнения. Но сможет ли это сделать Союз писателей? Видимо, все же нужно в какой-то форме проинформировать партийные организации.

УСТИНОВ. Я против посылки письма в парторганизации. Не надо заострять внимание партийного актива на этом вопросе. Получится не так, как мы бы хотели. Может быть, Союзу писателей поручить это дело.

СУСЛОВ. Возможно такое решение: поручить Союзу писателей ускорить рассмотрение в Союзе всех вопросов, связанных с поведением Солженицына, и дать принципиальную оценку[2]. После этого мы еще раз вернемся к этому вопросу и посмотрим, каким образом нам поступить.

Предложение принято.

Рабочая запись заседаний Секретариата ЦК КПСС за 1967 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Имеется в виду записка Отдела культуры ЦК КПСС от 13 июля 1967 г. "О поведении и взглядах Солженицына". Упоминается в документах №19,38. В делах не обнаружена.

[2]См. документ № 18

№ 17

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2338-А 14 сентября 1967 г.

Секретно

Ц К К П С С

Направляются копии писем СОЛЖЕНИЦЫНА А. И. в адрес ТВАРДОВСКОГО А. Т. и в Секретариат Правления Союза писателей СССР.

Как видно из текста, эти письма рассылаются им всем секретарям Правления Союза писателей СССР, от которых он требует вмешательства в решение вопроса о публикации повести "Раковый корпус".

Председатель
комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Приложение 1

12. 9. 67.

Дорогой Александр Трифонович!

Сегодня весь день ждал Вас в "Новом мире", но, к сожалению, Вас не было. Я хотел посоветоваться с Вами. Секретариат СП тянет, тянет, и время уходит непростительно. Я считаю необходимым подтолкнуть их к решению. Но я не могу рассматривать 3—4-х секретарей как представляющих весь секретариат, и поэтому шлю письмо **всем** секретарям СП — строго и точно им, больше никому. С моей повестью они обязаны сказать "да" или "нет".

В перечне секретарей на встрече 12 июня не пишу Вас. Не сочтите это за пренебрежение: просто перо не вывернулось вписать Вас — не могу я отвыкнуть видеть каждую строчку из дали лет. Да Вы в тот день и не были, собственно, "хозяином дворца", так что это вполне справедливо.

Имею сведения, что Марков и Воронков сами приложили усилия к искажению событий. Марков распространяет сведения, что мы с Вами на встрече 12 июня

якобы "крупно поругались", а Воронков с трибуны добавляет фантастические подробности к истории изъятия моего архива.

Крепко жму руку!

С самыми добрыми пожеланиями

А. Солженицын

Приложение 2
В Секретариат Правления Союза Писателей СССР
Всем Секретарям Правления

А. Т. Твардовскому

Мое письмо IV-му съезду Союза Писателей, хотя и поддержанное более чем ста писателями, осталось без оглашения и без ответа. Лишь распространились единообразные, по-видимому, централизованные, слухи, успокаивающие общественное мнение: будто архив и роман мне возвращены, будто печатается "Раковый корпус" и книга рассказов. Но все это — ложь, как вы знаете.

Секретари Правления СП СССР Г. Марков, К. Воронков, С. Сартаков, Л. Соболев в беседе со мной 12 июня 1967 г. заявили, что Правление СП считает своим долгом публично опровергнуть низкую клевету, распространявшуюся обо мне и моей военной биографии. Но не только не последовало опровержения, а клевета не унимается: на закрытых инструктажах, активах, семинарах агитаторов обо мне распространяется новый фантастический вздор — вроде того, что я бежал в Арабскую республику, не то в Англию (хотел бы заверить клеветников, что они побегут скорей). Наиболее же настойчиво видными лицами выражается сожаление, что я не умер в лагере, что был освобожден оттуда. (Впрочем, и сразу после "Ивана Денисовича" такие сожаления уже выражались. Теперь эта книга тайно изымается из библиотечного пользования).

Те же секретари Правления обещали "рассмотреть вопрос" по крайней мере о печатании моей последней повести "Раковый корпус". Но за три месяца — четверть года! — и это нисколько не сдвинулось. За три месяца сорок два секретаря Правления не оказались способны ни вынести оценку повести, ни принять рекомендацию о ее печатании. В этом странном равновесии — без прямого запрета и без прямого дозволения — моя повесть существует уже более года, с лета 1966-го. Сейчас жур-

нал "Новый мир" хочет печатать эту повесть, однако не имеет разрешения.

Думает ли Секретариат, что от такой бесконечной затяжки моя повесть тихо изникнет, перестанет существовать и не надо уже будет голосовать о включении или невключении ее в отечественную литературу? А между тем, начиная с писателей, она охотно читается. По воле читателей **она уже разошлась в сотнях машинописных экземпляров**. При встрече 12 июня я предупредил Секретариат, что надо спешить ее печатать, если мы хотим ее появления сперва на русском языке; что в таких условиях мы не сможем остановить ее неконтролируемого появления на Западе.

После многомесячной бессмысленной затяжки приходит пора заявить: если так произойдет, то по явной вине (а может быть, и по тайному желанию?) Секретариата Правления СП СССР.

Я настаиваю на опубликовании моей повести безотлагательно!

Солженицын

12 сентября 1967 г.

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 63—65. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе указание "Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также т. т. Шауро В. Ф. , Степакова В. И. " и подписи М. Суслова, И. Капитонова (дважды), П. Демичева, А. Кириленко, Ф. Кулакова, Д. Устинова, Б. Пономарева, В. Шауро, В. Степакова

№ 18

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "Об обсуждении поведения А. Солженицына в Союзе писателей СССР"[1]

4 октября 1967 г.

Сов. секретно

ЦК КПСС

Как уже докладывалось, писатель А. Солженицын в мае с. г. обратился с письмом к IV съезду писателей СССР. Президиум съезда поручил вновь избранному секретариату СП СССР рассмотреть данное письмо. Подготовка обсуждения потребовала значительного времени, так как секретари СП СССР решили подробнее ознако-

миться с неопубликованными произведениями А. Солженицына, чтобы более точно оценить идейные тенденции его творчества в целом.

Ими были прочитаны: пьесы "Пир победителей" и "Республика труда", роман "В круге первом" — 839 стр. , повесть "Раковый корпус" — 500 стр. , отдельные рассказы. (По утверждению Солженицына, пьеса "Пир победителей" написана им в годы пребывания в заключении).

12 сентября А. Солженицын направил в Союз писателей СССР новое письмо[2], в котором в ультимативной форме потребовал безотлагательно решить вопрос об издании его повести "Раковый корпус". В письме утверждается, что рукопись его повести разошлась в сотнях машинописных экземпляров и не исключено, что она может быть вскоре опубликована за рубежом. Ответственность за это Солженицын пытается переложить на секретариат СП СССР.

22 сентября с. г. состоялось заседание секретариата, на котором письма Солженицына были рассмотрены в его присутствии. Из 26 секретарей правления СП СССР, принявших участие в работе секретариата, выступил 21 человек, в том числе: К. Федин, И. Абашидзе, Т. Абдумомунов, С. Баруздин, П. Бровка, К. Воронков, Б. Кербабаев, В. Кожевников, А. Корнейчук, Г. Марков, Г. Мусрепов, Л. Новиченко, В. Озеров, Б. Рюриков, А. Салынский, С. Сартаков, К. Симонов, А. Сурков, А. Твардовский, А. Шарипов, К. Яшен. Председательствовал от начала до конца обсуждения, продолжавшегося более шести часов, К. Федин.

Секретари правления СП СССР М. Шолохов, Б. Полевой, С. Михалков, не имевшие возможности быть на заседании, прислали письма, в которых изложили свою точку зрения на обсуждаемый вопрос. Их письма были оглашены. М. Шолохов, в частности, дав должную оценку антисоветской сущности пьесы "Пир победителей", предложил исключить Солженицына из Союза писателей.

Обсуждая письма Солженицына, участники заседания вели широкий и принципиальный разговор об идейной направленности творчества этого литератора, указывали на его заблуждения и ошибочные концепции.

В выступлениях секретарей подробно и обстоятельно был рассмотрен весь круг вопросов, связанных с творческой и гражданской позициями Солженицына. При этом обмен мнениями отличался откровенностью, принципиальностью, идейной требовательностью. Разговор о сочине-

ниях и поведении Солженицына шел под углом зрения ответственности советского писателя за свое творчество в условиях современной идеологической борьбы двух систем, честного писательского служения делу социализма. Секретари правления СП СССР решительно и бескомпромиссно осудили недостойное поведение Солженицына, которое дает пищу для разжигания за рубежом антисоветской истерии в канун 50-летия Великой Октябрьской революции.

Открывая заседание, К. Федин отметил, что содержание и тон обоих писем Солженицына являются оскорбительными для Союза писателей, что секретариат отвергает его ультимативные требования. К. Федин призвал присутствующих не ограничиваться в своих выступлениях анализом тех или иных сочинений Солженицына, а дать оценку и его общественному поведению.

После этого Солженицын выступил с "заявлением", в котором говорилось о том, что он отмежевывается от пьесы "Пир победителей", и просил участников обсуждения больше к ней не возвращаться.

Присутствующие приняли его заявление, однако обходить молчанием пьесу в своих выступлениях не нашли возможным, так как, по выражению Б. Рюрикова, "корешки" от "Пира победителей" — этой махрово-антисоветской пьесы, обнаруживаются в том или ином виде в последующих сочинениях Солженицына, в том числе и в повести "Раковый корпус".

Так, обращаясь к Солженицыну, А. Сурков сказал: "Ваша пьеса "Пир победителей" написана по принципу: да будьте вы все прокляты!.. И я не стал бы об этом говорить, если бы, читая "Раковый корпус", я не почувствовал, что кое-что в этой рукописи напоминает то, что я читал в пьесе".

Отмечалось, что все неопубликованные сочинения этого литератора, в том числе и те, на обнародовании которых он настаивает, пронизаны мстительными мотивами, озлобленностью, неверием в жизненную силу советского строя.

Вместе с тем, отмечая литературные способности Солженицына, участники обсуждения не исключали возможность возвращения его на правильные позиции, подчеркивали, что все целиком зависит от самого Солженицына, от его готовности пересмотреть свои нездоровые и ошибочные концепции.

Секретариат СП СССР предложил Солженицыну определить прежде всего свое отношение к тому факту,

что его имя и произведения используются за рубежом в антисоветских целях. К. Федин высказал мысль о том, чтобы Солженицын выступил в печати с достойным отпором его зарубежным "защитникам", показав тем самым, что он, Солженицын, не отделяет себя от советского общества и советской литературы. Такой шаг, по мнению К. Федина и других секретарей СП СССР, был бы положительно воспринят советской общественностью и помог бы самому Солженицыну выбраться из того порочного круга, в котором он оказался по собственной вине. Секретари правления СП СССР (т. т. Марков, Корнейчук, Рюриков, Кожевников, Шарипов, Сурков и др.) , поддержав идею К. Федина, подчеркнули при этом, что ответ зарубежным антисоветчикам — это прямой гражданский долг советского писателя, если он сознает свою ответственность перед страной и народом.

Солженицын предпочел уклониться от этого вопроса. Он демагогически заявил, что не понимает, почему так "дорожат" зарубежными мнениями, что не обязательно, мол, "так чувствительно считаться с заграницей", что совершенно безразлично, что о нем говорят за границей, да он и не знает, якобы, что там говорят и пишут. Когда же ему предложили почитать переводы зарубежных публикаций о нем, Солженицын отказался это сделать, сославшись на отсутствие времени.

В конце заседания, еще раз взяв слово, Солженицын заявил, что выступит с ответом "Западу" лишь в том случае, если хотя бы половина его требований, сформулированных в письме съезду писателей, будет выполнена — "тогда я приму предложение Константина Александровича и всех выступавших".

Секретариат СП СССР решительно отверг попытки Солженицына ставить свои условия.

Поскольку Солженицын настаивал на том, чтобы секретариат высказал свое мнение о повести "Раковый корпус", участники обсуждения проанализировали это его сочинение и в откровенной форме изложили свои соображения. Отмечалось, что она пропитана недоброжелательностью по отношению к нашему обществу, неприемлема по своей идейной концепции. А. Сурков, Л. Новиченко и другие указывали, что Солженицын в этом своем сочинении "тянет нас назад", к идеалистическим воззрениям Вл. Соловьева, Михайловского, Кропоткина, что от его рукописи "отдает очевидной эсеровщиной" (А. Сурков). Солженицын, отвечая на эту критику "Ракового кор-

пуса", заявил, что, по его убеждению, "... задача писателя не сводится только к защите того или иного способа распределения общественного продукта, той или иной "общественной формации". По мнению Солженицына, долг писателя заключается в том, чтобы ставить "вечные" вопросы человеческого бытия.

Подавляющее большинство секретарей пришло к единому мнению, что повесть публиковать в настоящем виде нецелесообразно.

Иной позиции придерживался А. Твардовский. Правда, он, как и остальные секретари, заявил, что форма ультимативного обращения Солженицына к съезду писателей, а по существу к зарубежной общественности, должна быть осуждена, что подобные действия недопустимы для советского писателя. В то же время А. Твардовский неоднократно подчеркивал, что лично он преклоняется перед талантом Солженицына, и для того, чтобы сохранить этого писателя для советской литературы, следует обеспечить безотлагательную публикацию "Ракового корпуса". При этом Твардовский игнорировал главный вопрос обсуждения — гражданскую позицию этого литератора и ошибочные концепции его творчества.

С некоторыми оговорками, но также уходя от главного — определения гражданской позиции Солженицына, поддерживали предложение о немедленной публикации "Ракового корпуса" К. Симонов и А. Салынский.

Участники обсуждения оценили письмо Солженицына к IV съезду писателей СССР как политическую прокламацию, использованную буржуазной пропагандой для опорочивания нашей страны, советской системы, осудили вызывающее поведение Солженицына. Секретариат потребовал от него дать ответ попыткам буржуазной пропаганды использовать его имя в антисоветских целях. В случае, если Солженицын этого не сделает, было внесено предложение (т. т. Марков, Яшен) рассмотреть вопрос о пребывании его в рядах Союза писателей СССР.

Обсуждение показало идейное единство и твердую партийную позицию подавляющего большинства секретарей СП СССР, их непримиримое отношение к любым действиям, порочащим имя советского писателя. Участники обсуждения разъяснили Солженицыну, что острая и нелицеприятная критика его творчества и поведения преследовала одну цель — помочь ему осознать свои заблуждения и ошибки.

Секретариат решил подготовить для печати сообщение о состоявшемся заседании. Это сообщение предполагается опубликовать в “Литературной газете”[3].

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС *(В. Шауро)*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 57—61. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 5 октября 1967 г. за № П1590
[2]См. приложение 2 к документу № 17
[3]См. документ № 38

№ 19

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС

5 октября 1967 г.

В соответствии с указанием ЦК КПСС с рукописями А. Солженицына ознакомились секретари правления Союза писателей СССР, о чем 29 января[1] и 15 апреля[2] прошлого года было доложено ЦК КПСС.

В связи с письмом А. Солженицына в Президиум IV съезда писателей СССР, распространенным им в сотнях экземплярах и напечатанным в западной буржуазной печати, Отдел культуры 13 июля с. г. доложил ЦК КПСС о его поведении и взглядах (см. записку Отдела за № 22166[2]).

22 сентября с. г. Секретариат правления Союза писателей СССР провел специальное заседание, на котором обсудил поведение А. Солженицына и его повесть “Раковый корпус”, а также упомянутые в записке т. Семичастного его произведения[3]. В ближайшие дни в “Литературной газете” будет опубликован отчет об этом заседании[4].

4 октября 1967 г. Отдел культуры доложил ЦК КПСС о ходе заседания и решении Секретариата правления СП СССР от 22 сентября этого года[5].

Зам. зав. Отделом культуры
ЦК КПСС *(Ю. Мелентьев)*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 70. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См. документ № 6
[2]В делах не обнаружена
[3]См. документ № 3
[4]См. документ № 38
[5]См. документ № 18

№ 20

ЗАПИСКА СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 812 12 декабря 1967 г.

ЦК КПСС

Секретариат Правления СП СССР обсудил вопросы, связанные с письмом А. Солженицына IV Всесоюзному съезду писателей. На наш взгляд, возможны два варианта решения этого вопроса.

Первый вариант: публикация сообщения о заседании Секретариата, осудившего позицию А. Солженицына. Проект, подготовленный бюро Секретариата, прилагается. Однако такое коммюнике еще требует дополнительной работы и может быть опубликовано только после одобрения его всеми секретарями Правления СП СССР.

Второй вариант возник в связи с некоторыми новыми обстоятельствами. Дело в том, что уже после обсуждения этого вопроса в Секретариате редакция "Нового мира" заключила с А. Солженицыным договор и считает повесть "Раковый корпус" подготовленной к печати. Тем самым снимается ряд наших серьезных аргументов об установлении взаимоотношений А. Солженицына с органами печати на определенной основе. Существенно меняется позиция редакции "Нового мира", солидаризировавшейся отныне с позицией автора романа.

В то же время есть основания предполагать, что сейчас А. Солженицын склонен пересмотреть некоторые свои позиции. В частности, очередное его письмо в Секретариат (копия прилагается) спокойнее по тону, чем предыдущие, и локальнее по содержанию, хотя значительная часть приведенных в нем утверждений также не соответствует действительности.

Учитывая вышесказанное, быть может, следует еще раз попытаться добиться от А. Солженицына печатного осуждения фактов использования его имени зарубежной печатью в антисоветских целях. Быть может, следует еще

раз пригласить его для беседы и сделать соответствующие рекомендации, разъяснив, что только такой путь даст ему право рассчитывать на встречные шаги со стороны писательской организации.

Если же и этот разговор не принесет положительных результатов, тогда уж применить более радикальные меры в виде предложенного проекта коммюнике.

Поскольку вся эта проблема имеет ряд очень сложных аспектов и является не внутрилитературной, а общеполитической, государственной, мы крайне нуждаемся в советах о характере и тактике ее решения. Поэтому просим секретарей ЦК КПСС принять нас совместно с руководством Отдела культуры ЦК.

По поручению Бюро Секретариата
Правления Союза писателей СССР *К. Воронков*
С. Сартаков

Приложение 1

Проект

О ПИСЬМАХ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

В редакцию "Литературной газеты" поступают письма читателей, содержащие резкое осуждение поступка писателя А. Солженицына, письмо которого, адресованное IV съезду писателей СССР, длительное время используется рядом зарубежных радиостанций в целях спекулятивной антисоветской пропаганды, не вызвав до сих пор протеста против этого со стороны самого писателя. Читатели спрашивают, каково отношение Союза писателей к письму А. Солженицына.

Редакция "Литературной газеты" обратилась за разъяснениями в Союз писателей СССР, где было сообщено следующее.

А. Солженицын направил IV съезду писателей СССР письмо, использовав уставное право члена СП обращаться прямо к съезду. Но в нарушение общепринятых норм, до открытия съезда, он разослал письмо по меньшей мере еще в 250 различных адресов, с очевидным расчетом на то, что оно, уже бесконтрольно, будет и дальше размножаться в качестве литературной сенсации. Естественно, что при таких обстоятельствах западная пропаганда немедленно и широко взяла на свое вооружение ряд его

утверждений, грубо искажающих историю советской литературы, положение советского писателя в обществе.

Поскольку в письме А. Солженицына содержались ссылки на его рукописи, ознакомление с которыми, а также тщательная проверка всех содержащихся в письме утверждений требовали значительного времени, это письмо Президиумом съезда было передано для рассмотрения Секретариату вновь избранного Правления Союза писателей СССР. А. Солженицына, в личной беседе с ним, о необходимости такой работы тогда же поставили в известность. Однако в начале сентября он направил в Союз писателей второе письмо[1], в котором ультимативно потребовал **немедленного опубликования** своей повести "Раковый корпус", заявляя, что иначе "мы не сможем остановить ее неконтролируемого появления на Западе".

Заботясь о творческой судьбе одного из членов писательской организации и несмотря на вызывающий тон писем и поступков А. Солженицына, Секретариат Правления Союза писателей СССР на заседании от 22 сентября с. г. , с приглашением автора, эти письма обсудил спокойно и объективно.

Заседание проходило под председательством К. Федина. В нем участвовало абсолютное большинство секретарей Правления Союза, представляющих литературы всех братских республик. Те из секретарей Правления, которые по каким-либо причинам не смогли присутствовать лично, сообщили свое мнение в письменном виде.

В ходе заседания отмечалось, что, гипертрофируя уже осужденные XX и XXII съездами КПСС имевшие место в прошлом нарушения социалистической законности, А. Солженицын в своем письме изображает исторический путь советской литературы, как непрерывную цепь ее угнетения со стороны государственных органов, ведающих выпуском в свет печатных изданий, и тем самым клеветнически низводит писателей до роли жалких приспособленцев, а признанные всем миром достижения советской литературы попросту зачеркивает. Он требует "добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями", иными словами, предоставить писателям ничем не ограниченную возможность печатать свои произведения любого содержания и в том виде, в каком их предложит издательству сам автор. Иными словами, наряду с высокоидейными произведениями открыть простор для бесконтрольной публикации самых низкопробных по художественному уровню сочинений, создать благоприятные условия для проник-

новения в печать и злостно инспирированной антисоветской писанины. Тем самым А. Солженицын выступает против партийного руководства литературой, против идейно-воспитательной ее значимости, стремится обособить задачи советской литературы от общенародных задач — строительства коммунистического общества.

Правильное решение вопроса об устранении ненормальностей, подчас встречающихся во взаимоотношениях писателей с редакторами издательств, журналов или органами Главлита, видится писательской общественностью в повышении профессиональной и политической ответственности авторов за предлагаемые ими к печати произведения и в укреплении квалифицированными кадрами организаций, ведущих творческую работу с авторами.

А. Солженицын предлагает включить в Устав Союза писателей специальный пункт, предусматривающий "все те гарантии защиты, которые предоставляет Союз членам своим, подвергшимся клевете и несправедливым преследованиям, — с тем, чтобы невозможным стало повторение беззаконий". Он хочет поставить Устав Союза писателей над общегосударственными законами, обеспечивающими для всех советских граждан защиту от клеветы и несправедливых преследований. Он хочет предоставить писателям, по сравнению с другими гражданами, исключительное место в советском обществе.

В своем письме А. Солженицын пытался доказать, что он подвергается преследованиям, а некоторые его рукописи "отняты государственной безопасностью".

Как установлено проверкой, эти заявления не соответствуют действительности. По запросу Секретариата Союза писателей Прокуратура СССР сообщила, что в квартире А. Солженицына, проживающего в Рязани, никаких обысков никогда не производилось и никакие рукописи у него не отбирались. На самом деле машинописные копии рукописей А. Солженицына, как анонимные, были обнаружены при обыске и изъяты наряду с другими материалами в Москве у некоего гр. Теуша, к которому привел ход следствия, возбужденного соответствующими органами в связи с обнаружением при таможенном досмотре у одного иностранного туриста рукописных клеветнических измышлений о жизни советской страны.

Противоречит истине и утверждение А. Солженицына, будто его произведения безосновательно отвергались печатными органами, в частности, повесть "Раковый корпус", представленная поочередно в журналы "Новый

мир", "Звезда" и "Простор". Из сообщений главных редакторов названных журналов выяснилось, что писателю А. Солженицыну делались серьезные критические замечания, но в рамках обычной практики взаимоотношений между авторами и печатными органами. "Новый мир", например, даже предлагал А. Солженицыну заключить с ним договор, разумеется, высказывая вместе с тем и свои пожелания о существенных поправках в рукописи. Однако А. Солженицын предложения редакции "Нового мира" тогда отклонил (теперь, после заседания Секретариата, договор с ним заключен).

По справке издательства "Советский писатель", от Солженицына действительно поступала заявка относительно выпуска в свет сборника его ранее опубликованных в периодической печати рассказов, но рукопись представлена не была. Секретариат не видит никаких причин возражать против такого издания.

В своем письме А. Солженицын заявляет, что вокруг него, "всю войну провоевавшего командира батареи, награжденного боевыми орденами", распространяются безответственные слухи, будто он "отбывал срок, как уголовник, или сдался в плен", "изменил Родине", "служил у немцев". В действительности же, пишет А. Солженицын, он был заключен в исправительно-трудовые лагеря "за критику Сталина". Секретариат принял к сведению сообщение компетентных органов, что заключение А. Солженицына в исправительно-трудовые лагеря постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР было признано необоснованным за отсутствием состава преступления.

Обсуждение писем А. Солженицына на Секретариате велось в товарищеском тоне, с искренней заинтересованностью в творческой судьбе писателя. Участники заседания ожидали, что А. Солженицын выразит свое отношение к политическим провокациям, которыми занимается враждебная западная пропаганда, используя его имя. К сожалению, поведение А. Солженицына на заседании Секретариата только подтвердило демагогический характер его обращений к общественности. Сославшись на нехватку времени, А. Солженицын отказался даже хотя бы ознакомиться с имеющимися в распоряжении Союза писателей высказываниями антисоветской зарубежной печати, воздающей хвалу его письму. Секретариат посоветовал А. Солженицыну продумать все происшедшее, а затем определить в той форме, которую он признает необходимой, свое отношение к сделанным ему замечаниям и

предложениям. Прошло больше двух месяцев, Секретариат напомнил А. Солженицыну об этом. В ответ, в прежнем ультимативном тоне, он только повторил свои претензии. Таким образом, обращаясь с широковещательными заявлениями к писательской организации, А. Солженицын фактически игнорирует ее.

Подавая в свое время заявление о вступлении в Союз писателей СССР, А. Солженицын тем самым выразил согласие с Уставом Союза, с его принципами деятельного участия писателей художественным творчеством в строительстве коммунизма. Теперь эти принципы он отвергает в своих письмах. На заседании Секретариата он даже заявил, что идеалы писателя не должны быть связаны с той или иной общественной формацией.

Ультимативная постановка А. Солженицыным вопроса о принятии Секретариатом специального решения относительно немедленной публикации повести "Раковый корпус" вызвала возражение.

Было подчеркнуто, что печатные органы имеют все права компетентно и самостоятельно решить этот вопрос. У Секретариата нет оснований подменять собою редакционные коллегии, которые ответственно определяют готовность того или иного произведения к публикации и ведут соответствующую работу с авторами.

Не предрешая вопроса о дальнейшей судьбе повести "Раковый корпус", участники заседания Секретариата высказали серьезные критические замечания по рукописи и выразили надежду, что А. Солженицын учтет их и требовательно подойдет к своему труду. Как будут складываться его дальнейшие взаимоотношения с печатными органами, зависит только от него самого. Намерен ли он признавать общие для всех нормы нашей жизни?

Что же касается предупреждения, сделанного А. Солженицыным о возможном выходе повести первым изданием за границей, следует отметить, что враждебная западная пропаганда давно уже поднаторела прибирать к своим рукам все, что ей кажется можно направить против Советской страны. Если зарубежные издатели проявят такого рода интерес к неготовой еще повести "Раковый корпус", так это только разоблачит недостойные приемы их деятельности. И, безусловно, в воле и праве самого автора воспрепятствовать выпуску кем-либо своей неготовой книги в свет, особенно, когда этот выпуск может быть осуществлен в нечистых целях.

Прямой и взыскательный разговор, в котором участвовали многие видные советские литераторы, вновь на-

поминает об ответственности художника перед своим временем, перед народом. Об этой ответственности нужно еще раз подумать и А. Солженицыну.

Долг каждого советского писателя быть в единой шеренге с народом, коллективным трудом своим строящим коммунизм.

Приложение 2

Копия
1. 12. 67
Рязань

В СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Из Вашего № 3142 от 25. 11. 67 г. я не могу понять:

1) Намеревается ли Секретариат защитить меня от непрерывной трехлетней (мягко было бы назвать ее "недружественной") клеветы у меня на родине? (Новые факты: 5. 10. 67 в Ленинграде в Доме Прессы при многолюдном стечении слушателей главный редактор "Правды" Зимянин повторил надоевшую ложь, что я был в плену, а также нащупывал избитый прием против неугодных — объявить меня шизофреником, а лагерное прошлое — навязчивой идеей. Лекторы МГК выдвинули новые лживые версии о том, будто я "сколачивал в армии" то ли "пораженческую"; то ли "террористическую" организацию. Непонятно, почему не увидела этого в деле Военная Коллегия Верх-Суда.)

2) Какие меры принял Секретариат, чтобы отменить незаконный запрет моих печатных произведений в библиотечном пользовании и цензурное распоряжение изымать мою фамилию из упоминания в критических статьях? (В "Вопросах литературы" так поступили даже... в переводе японской статьи. В Пермском университете подвергнута санкциям группа студентов, пытавшихся обсуждать мои печатные произведения в своем научном сборнике.)

3) Хочет ли Секретариат предотвратить бесконтрольное появление "Ракового корпуса" за границей или он остается равнодушен к этой опасности? Делаются ли какие-нибудь шаги для печатания отрывков из повести в "Литературной газете", а всей повести — в "Новом мире"?

4) Нет ли у Секретариата намерения ходатайствовать перед правительством о присоединении нашей страны к международной конвенции об авторском праве? Тем самым наши авторы получили бы надежное средство защиты своих произведений от незаконных зарубежных изданий и бесстыдной коммерческой гонки переводов.

5) За прошедшие п о л г о д а от моего письма Съезду прекращено ли наконец распространение незаконного "издания" отрывков из моего архива и уничтожено ли это "издание"?

6) Какие меры принял Секретариат к возвращению мне изъятого архива и романа "В круге первом", кроме публичных заверений, что они уже якобы возвращены (секретарь Озеров, например)?

7) Принято или отвергнуто Секретариатом предложение К. М. Симонова издать сборник моих рассказов?

8) Почему я до сих пор не получил стенограммы заседания Секретариата 22 сентября для ее изучения?

Я был бы очень признателен за разъяснение этих вопросов.

Солженицын.

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 77—87. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]См. приложение 2 к документу № 17

№ 21

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 218-А 31 января 1968 г.

Секретно

ЦК КПСС

По поступившим данным, А. ТВАРДОВСКИЙ в январе 1968 года обратился к К. ФЕДИНУ с письмом, в котором призывает принять меры к поддержке А. СОЛЖЕНИЦЫНА и опубликованию его нового произведения "Раковый корпус".

Отрывки из письма, полученные оперативным путем, приводятся ниже:

"... СОЛЖЕНИЦЫН — незаурядная фигура в нашей литературе. Хочу Вам напомнить, что история печатания "Ивана Денисовича" такова: многоопытный старец ЧУКОВСКИЙ озаглавил рецензию свою о нем "Литературное чудо". Я помню и Вашу высокую оценку. И я ссылался на нее в письме, когда просил разрешения печатать "Ивана Денисовича". Я помню также, что ШОЛОХОВ, хоть и не написал, но устно просил меня передать автору его поцелуй. Один руководитель заявил тогда: "Я должен отметить, что у СОЛЖЕНИЦЫНА растущая мировая популярность. Объяснить это сенсационностью материала нельзя. ДЬЯКОВЫМ повесть написана на том же сенсационном материале, однако ДЬЯКОВА как бы и не было". Я, как редактор, имею твердое убеждение, что залыгинские и айтматовские вещи во многом обязаны прозе СОЛЖЕНИЦЫНА. Не в том смысле, что они, скажем, в стиле или еще в чем-то, а тот же принцип правдивости. А хотели бы они писать по-старому, но повесть им не дает; потому что их теперь уже и не хотят читать по-старому.

Литературная жизнь с появлением СОЛЖЕНИЦЫНА очень осложнилась. Я принимаю СОЛЖЕНИЦЫНА вовсе не целиком, без изъянов. Но СОЛЖЕНИЦЫН сейчас уже стал не сам по себе, а предвестием тенденции — назад или вперед. "Дело СОЛЖЕНИЦЫНА" не делает чести ни секретариату, ни, словами ЧЕХОВА, тем, "от кого это будет зависеть". Форма письма СОЛЖЕНИЦЫНА, действительно, заслуживает осуждения. Но содержание его — такое четкое, пунктуальное; я не помню вот в длительной цепи обсуждений ни одной попытки опровергнуть содержание. Все только говорят по поводу рассылки. А почему? А потому, что неопровержимое содержание. Я подписался бы под ним обеими руками. И я не исключение, хотя до сих пор я не писал и не подписывал никаких документов относительно его письма. О цензуре я не раз даже говорил в ЦК и еще резче СОЛЖЕНИЦЫНА. И о личной судьбе СОЛЖЕНИЦЫНА я, так сказать, всюду уже говорил. Безнадежно решать это в одних спорах. Так или иначе надо признать, что СОЛЖЕНИЦЫН заслонил собой пустопорожнее словоговорение на съезде. "Дело СОЛЖЕНИЦЫНА" стало вопросом вопросов сегодняшней деятельности Союза писателей. Самое страшное и потрясающее, что СОЛЖЕНИЦЫН со своими претензиями к Союзу писателей готов в любой час выступить в любой аудитории или в печати. А Союз писателей не может себе разрешить ни того, ни другого...

До крайности огорчает Ваша позиция, позиция Ваша — друга ГОРЬКОГО, продолжателя его традиций. А ШОЛОХОВ? Сейчас написал — не допускать СОЛЖЕНИЦЫНА к перу. Не допускать к перу! Ни к печати! То есть как ШЕВЧЕНКО на каторге было запрещено писать, рисовать... Особенно печально это после известных литературно-политических выступлений автора "Тихого Дона", который так уронил себя в глазах читателей... Дать отповедь! Отмежеваться! Вот СЕРЕБРЯКОВА и ВОЗНЕСЕНСКИЙ отмежевались. Такие отмежевания приносят огромный вред нам. Они порождают представление о писателях, как людях неразборчивых в морально-этическом смысле, лишенных чувства собственного достоинства и всецело зависящих от указаний.

... Мне предлагалось употребить свое влияние на СОЛЖЕНИЦЫНА. Не следует преувеличивать, во-первых, моего влияния на него. Он вовсе не подшефный мне молодой автор. В этом году ему исполняется, кстати, 50 лет. И он сам с усам. А второе, что я ему могу посоветовать? Посоветовать ему, чтобы он клеймил тех за-

падных писателей, которые поддерживают его письмо и которые хотят печатать его "Раковый корпус"? А как же быть с коммунистами? Наши коммунистические западные товарищи тоже поддерживают его письмо и тоже хотят печатать его "Раковый корпус". А их как, клеймить или не клеймить?

Какой-то древний автор сказал, если книга возвышает душу, если книга зовет к благородному порыву, то это уже хорошая книга. Так вот, книга СОЛЖЕНИЦЫНА именно такая... Мы даже больше заинтересованы с Вами в издании этого романа, чем сам автор. Преступно утаивать столь значительное произведение. Роман распространился, может быть, в тысячах списков. На днях он может выйти в свет во Франции и, по моим сведениям, готовится в Италии. Не хватает нам еще повторения истории с ПАСТЕРНАКОМ. Ну, наконец, и внутренние соображения. Роман, задержанный в наборе, становится во главе очереди задержанных, но никем не запрещенных книг. Вот, например, "Сто суток" СИМОНОВА, "Новое назначение" Бека... создается пробка. И для того, чтобы ее рассосать, головной машине надо тронуться. И все зависит только от Вас, целиком от Вас. Секретариат бы поддержал, если бы Вы согласились... На усмотрение редакции "Нового мира" — вот что от Вас я прошу...

Какую выгоду нынче берете Вы на себя во всем этом деле? Не думаю, что Вы с легкой душой будете отделывать заключительные страницы "Костра", имея прямое касательство к погребению законченной вещи Вашего товарища... Я не так наивно самонадеян, что Вы вдруг прослезитесь и измените свою точку зрения, но Вас заставят обстоятельства. "Нужда заставит калачи есть". Призываю Вас поступить согласно разуму и совести. Не могу же я предположить, что Вы несете бремя внешних воздействий или побуждений! Слава богу, не те времена! Именно нам предстоит решать вопросы литературной жизни. Прямых указаний нам никаких не будет. Принять решение Вы боитесь, что ошибочное решение? Но Вы знаете, главное — лучше уж скорее ошибочное решение, чем никакого. Для Вас существует реальная двуединая опасность — скрепить своим именем стыдное решение или не менее стыдное нерешение. Кроме того, совсем между нами, мировая история литературы не знает примеров, когда гонение на талант увенчалось бы успехом.

... Я наслышан, ФЕДИН — человек чести, ФЕДИН — благородный человек! Вы в 54-ом году меня защищали на самом верху, когда снимали. Вы поймите мое письмо

правильно. Собака, которая лает, не кусает. Я не способен наносить удары исподтишка. Моя резкость на последнем секретариате объяснялась непонятной Вашей раздраженностью по отношению к СОЛЖЕНИЦЫНУ. СОЛЖЕНИЦЫН заплатил за каждую строку, как никто из нас. Он перенес войну, тюрьму, смертельную болезнь, а теперь подвергнут негласному политическому остракизму. Я понимаю степень его отчаяния и по-человечески не могу бросить камень даже из-за формы письма... Я знаю, Вам недосуг, и не жду ответа, но я жду решения".

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 72—75. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 13 февраля 1968 г. за № П238

№ 22

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС

6 марта 1968 г.

Ц К К П С С

Вопросы, поставленные в записке Союза писателей СССР[1], рассматривались в Отделе культуры ЦК КПСС и неоднократно докладывались ЦК КПСС (записки Отдела от 13 июля[2], 4 октября и 5 октября 1967 г.[3]).

Тт. Сартаков и Воронков сообщили, что Секретариат Союза писателей СССР продолжает вести работу по подготовке необходимых мероприятий, о которых в ЦК КПСС будет доложено дополнительно.

Зам. зав. Отделом культуры
ЦК КПСС *(Ю. Мелентьев)*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 76. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. документ № 20
[2] В делах не обнаружена
[3] См. документы № 18 и 19

№ 23
ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР И ОТДЕЛА ЦК КПСС ПО СВЯЗЯМ С КОММУНИСТИЧЕСКИМИ И РАБОЧИМИ ПАРТИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН[1]

№ 1506/гс
№ 15-Д-887 16 июня 1968 г.

Секретно

Ц К К П С С

По сообщению совпосольства в Белграде, югославская газета "Дело" в июне с. г. поместила положительную информацию о клеветнической книге Солженицына "Раковый корпус" и начала публиковать отрывки из нее.

Югославской стороне известно, что указанная книжка не издавалась в СССР, что она переправлена на Запад нелегально и что даже американские издательства отказались публиковать ее.

В этой связи Отдел ЦК КПСС и МИД СССР считали бы целесообразным поручить совпослу в Белграде посетить ГСИД СФРЮ[2] и высказать наше недоумение по поводу указанных недружественных публикаций в югославской печати.

Проект постановления прилагается[3].

Просим рассмотреть.

А. Громыко *К. Русаков*

Ф. 3, оп. 68, д. 838, л. 133. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 17 июня 1968 г. за № 86-22

[2]ГСИД — Государственный секретариат по иностранным делам

[3]21 июня 1968 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П87/7 (см. документ № 24)

№ 24
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об устном заявлении Госсекретариату по иностранным делам СФРЮ в связи с опубликованием в югославской газете "Дело" книги Солженицына "Раковый корпус"

№ П87/7 21 июня 1968 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

Утвердить проект указаний совпослу в СФРЮ по этому вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
к пункту 7 прот. № 87

Секретно

БЕЛГРАД
СОВПОСОЛ

Посетите Госсекретаря по иностранным делам СФРЮ или лицо, его замещающее, и скажите ему следующее:"Югославская газета “Дело” — орган Социалистического Союза трудового народа Словении — поместила 1 и 3 июня с. г. положительную информацию о так называемом романе А. Солженицына “Раковый корпус”, а с 4 июня начала публиковать отрывки из него.

Югославской стороне известно, что указанная книжка не издавалась в СССР, что она переправлена на Запад нелегально и что даже американские издательства отказались публиковать ее.

Обращая Ваше внимание на выступление газеты “Дело”, хотел бы выразить недоумение по поводу того, что газета дружественной нам страны сочла возможным предоставить свои страницы для публикации клеветнических материалов о Советском Союзе.

С нашей стороны уже не раз обращалось внимание официальных лиц СФРЮ на то, что подобные выступления югославской печати не соответствуют характеру дружественных отношений между нашими странами.

Мы рассчитываем на то, что югославские товарищи правильно поймут наше обращение и примут надлежащие меры к недопущению публикаций, наносящих ущерб развитию добрососедских отношений между Советским Союзом и СФРЮ”.

Исполнение телеграфируйте.

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 88—89. Выписка из протокола.

1969

№ 25

ЗАПИСКА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "О литераторе А. Солженицыне в связи с публикацией его произведений за рубежом"[1]

22 января 1969 г.

Секретно

Ц К К П С С

По имеющимся данным, в ряде зарубежных стран началась активная публикация некоторых рукописей А. Солженицына, поступивших туда нелегальным путем. Некоторые издательства США, ФРГ, Италии, Англии и Франции уже выпустили в свет роман "В круге первом" и повесть "Раковый корпус". Отрывки из этих произведений публикуются также в периодической печати Югославии.

Как уже докладывалось ЦК КПСС, указанные произведения А. Солженицына содержат серьезные идейно-художественные недостатки, имеют антисоциалистическую направленность. Вполне понятно, что публикация этих произведений за рубежом сопровождается шумной пропагандистской кампанией о "зажиме" свободы творчества в СССР и используется для очередных антисоветских выпадов.

Секретариат Союза писателей СССР неоднократно обращал внимание А. Солженицына на ошибочность его идейно-творческих позиций и гражданского поведения. В сентябре 1967 года секретариат правления СП СССР под председательством К. А. Федина решительно осудил письмо А. Солженицына IV съезду советских писателей, дал принципиальную критическую оценку тем произведениям, на издании которых он настаивал, и потребовал от А. Солженицына публично отмежеваться от антисоветской шумихи, поднятой за рубежом вокруг его имени[2].

А. Солженицын не выполнил требований секретариата СП СССР. Более того, когда стало известно, что некоторые буржуазные издательства готовятся публиковать повесть "Раковый корпус", А. Солженицын вместо гласного определения своих позиций направил в "Литературную газету" краткое письмо, содержащее лишь формальные возражения против издания рукописей за рубежом без его согласия.

Поскольку А. Солженицын продолжал придерживаться ошибочных позиций, секретариат правления СП СССР счел необходимым вместе с публикацией указанного письма напечатать статью "Идейная борьба. Ответственность писателя" ("Литературная газета" от 26 июня п. г.), в которой дал принципиальную оценку творчеству и поведению этого литератора. В статье указывалось, что дальнейшая творческая судьба А. Солженицына зависит от него самого, от его отношения к критике, высказанной на заседании секретариата Союза писателей СССР.

Поведение А. Солженицына в последние месяцы показывает, что никаких выводов он не сделал.

В Союзе писателей СССР высказывается мнение, что назрело время рассмотреть вопрос о пребывании А. Солженицына в рядах Союза. При этом отмечается, что исключение его из Союза писателей следовало бы провести в Рязанском отделении Союза писателей РСФСР, где этот литератор стоит на учете, с последующим утверждением принятого решения секретариатом Союза писателей РСФСР.

Полагали бы возможным согласиться с мнением Союза писателей СССР.

Просим рассмотреть.

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС *(В. Шауро)*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 90—91. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюции "Политбюро. **Вкруговую**. Согласиться. М. Суслов (спросить также т. Демичева)" и подписи Д. Полянского, К. Мазурова, Н. Подгорного, А. Шелепина, Г. Воронова, А. Пельше, А. Косыгина, П. Демичева; на последнем — запись "Тов. Шауро В. Ф. сообщено. Н. Соловьев"

[2]См. документ № 18

№ 26

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС
"Отклики писателей в связи с исключением А. Солженицына из Союза писателей СССР"[1]

13 ноября 1969 г.

Ц К К П С С

Решение об исключении А. Солженицына из Союза писателей СССР активно поддерживается авторитетными литераторами страны[2].

"Солженицын давно сам поставил себя вне Союза. Последнее решение — это логическое завершение того, что произошло на заседании секретариата Союза писателей СССР в сентябре 1967 года", — говорит Константин Федин.

"Мое мнение зафиксировано в письме секретариату Союза писателей СССР, — сказал Михаил Шолохов. — Я уже тогда настаивал на исключении Солженицына из Союза писателей".

"Тот факт, что вокруг Солженицына поднимается большой шум на Западе, — говорит Александр Чаковский, — еще больше убеждает меня в том, что решение об исключении его из рядов Союза писателей правильно и своевременно".

"Я непримиримый идейный противник Солженицына по всем линиям, — заявил Алексей Сурков. — Рано или поздно этот вопрос надо было решать".

"Хотя эта акция вызовет новую волну антисоветской пропаганды за рубежом, — сказал Борис Полевой, — его надо было исключить. Все стало ясно уже после письма к IV съезду писателей СССР, в котором Солженицын, по существу, обратился за поддержкой к буржуазным пропагандистам".

"Наш Союз, — говорит Сергей Смирнов, — это организация, которая объединяет политических единомышленников. Писатель обязан выполнять требования Устава. Солженицын этого не делал".

"Человек, который разрешает использовать свое творчество в целях враждебной, антисоветской пропаганды,— сказала Антонина Коптяева, — не может состоять в наших рядах".

"На заседании в Союзе писателей СССР я говорил уже, что не хочу состоять в одной организации с Солженицыным", — заявил Вадим Кожевников.

"Проблему Солженицына необходимо было решать, и решать безотлагательно. Рязанские писатели поступили правильно", — высказался поэт Егор Исаев.

Того же мнения придерживаются Петрусь Бровка, Мустай Карим, Георгий Березко, Сергей Васильев, Елизар Мальцев, Василий Ардаматский, Владимир Фирсов и многие другие.

Вместе с тем есть факты отрицательного отношения к исключению Солженицына из Союза писателей.

Александр Твардовский в беседе с секретарем правления Союза писателей СССР Константином Воронковым назвал решение Рязанской писательской организации и секретариата правления Союза писателей РСФСР недопустимым и неправильным. Он заявил, что А. Солженицын — "выдающийся писатель современности", что его исключение из Союза писателей вызовет неодобрение в среде советской и зарубежной интеллигенции.

Поэт Семен Кирсанов сказал, что, может быть, было бы лучше не исключать Солженицына из Союза писателей, а заставить его самого выйти из организации.

Секретариат правлений Союзов писателей СССР и РСФСР, писательские организации на местах ведут работу по разъяснению вопросов, связанных с исключением А. Солженицына из членов СП СССР.

Сообщается в порядке информации.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС (*В. Шауро*)

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 93—94. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На отдельном листе указание "Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также Степакова В. И. " и подписи Б. Пономарева, К. Катушева, Д. Устинова, И. Капитонова, М. Суслова, П. Демичева, А. Кириленко, В. Степакова

[2]См. документы № 27, 28, 34, 38

№ 27

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "Об откликах писателей на антиобщественные действия А. Солженицына"[1]

18 ноября 1969 г.

Ц К К П С С

Поднятая буржуазной пропагандой антисоветская шумиха в связи с исключением А. Солженицына из Союза

писателей СССР, его последующие антиобщественные действия (передача за рубеж информации о собрании Рязанской писательской организации, публикация в буржуазной прессе так называемой "стенограммы" этого собрания и т. п.) вызвали справедливое возмущение многих советских писателей.

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Леонид Леонов заявил, что "Солженицын зарвался, потерял истинное представление о своем месте в обществе. Писатель может, конечно, изображать в своих произведениях и отрицательные явления, но сыпать соль на раны нельзя и недостойно".

Герой Социалистического Труда Николай Тихонов полностью одобрил исключение Солженицына из Союза писателей как меру своевременную и справедливую.

Поэт Сергей Наровчатов подчеркнул, что Солженицын ведет себя "как открытый антисоветчик. Для русского литератора позорно апеллировать к врагам своей Родины".

Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького Борис Сучков считает, что антигражданское поведение Солженицына заслуживает самого сурового осуждения.

Секретарь правления СП РСФСР Даниил Гранин, который, как сообщалось ранее, воздержался при голосовании вопроса об исключении Солженицына из Союза писателей, пересмотрел свои позиции и официально обратился в секретариат правления СП РСФСР с просьбой считать решение секретариата СП РСФСР об исключении Солженицына принятым единогласно.

Вместе с тем отдельные литераторы (С. Антонов, Г. Бакланов, Б. Окуджава, В. Тендряков, Б. Можаев) обратились в Союз писателей СССР с устным заявлением о желательности рассмотрения вопроса о Солженицыне на пленуме СП СССР. Аналогичная просьба высказана и в телеграмме, присланной А. Арбузовым, Е. Евтушенко и А. Штейном из дома творчества в Гаграх.

С некоторыми из этих писателей состоялись беседы в Отделе культуры ЦК КПСС, в райкомах КПСС гор. Москвы и в Союзе писателей СССР. После соответствующей информации писатели С. Антонов, Г. Бакланов сняли свою просьбу.

МГК КПСС наметил провести заседание парткома и секретариата Московской писательской организации совместно с активом, которое заслушает информацию т. т. Л. Соболева и К. Воронкова и примет соответствующую резолюцию.

15 ноября с. г. американская газета "Нью-Йорк Таймс" опубликовала так называемое "Открытое письмо" Солженицына секретариату Союза писателей РСФСР[2]. Следует отметить, что подлинник этого письма получен Союзом писателей РСФСР только 17 ноября с. г. Этот факт еще раз подчеркивает преднамеренность действий Солженицына в его стремлении апеллировать к буржуазной пропаганде.

Содержание письма Солженицына вызвало возмущение секретариата СП РСФСР. Председатель правления СП РСФСР Леонид Соболев заявил, что письмо Солженицына не оставляет сомнения в том, что его автор окончательно переходит на позиции открытого противника нашего строя. От имени своих товарищей по секретариату СП РСФСР Леонид Соболев высказал мнение о том, что поведение Солженицына не совместимо со званием советского гражданина.

Союзы писателей СССР и РСФСР предполагают опубликовать в литературной печати статью, в которой будет дана резкая отповедь Солженицыну и высказана принципиальная оценка его антиобщественных действий.

В бюллетене Союза писателей СССР, который рассылается местным писательским организациям страны, будет помещен подробный материал о поведении и взглядах Солженицына.

Сообщается в порядке информации.

Зам. зав. Отделом культуры
ЦК КПСС *(Ю. Мелентьев)*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 96—97. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 19 ноября 1969 г. за № П1985

[2]См. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Приложение 13// Новый мир. 1991. № 7. С. 157—158

№ 28

ИНФОРМАЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КПСС[1]

№ 328 20 ноября 1969 г.

ЦК КПСС

Считаем необходимым информировать ЦК КПСС об откликах и высказываниях отдельных писателей Москвы в связи с опубликованием романа В. Кочетова "Чего же

ты хочешь?" и исключением из Союза писателей А. Солженицына.

В целом Московская писательская организация, насчитывающая в своих рядах свыше 1600 человек, живет полнокровной творческой и политической жизнью. Абсолютное большинство писателей вовлечены в общественно-политическую работу, активно участвуют в творческих дискуссиях, занимаются в сети политического образования.

Писатели стремятся встретить 100-летие со дня рождения В. И. Ленина новыми высокоидейными и высокохудожественными произведениями. Настроение среди писателей хорошее, в беседах они высоко оценивают внимание к писателям со стороны ЦК КПСС, награждение многих писателей орденами за заслуги в развитии советской литературы.

Писатели столицы, горячо одобряя внутреннюю и внешнюю политику нашей партии, ее курс на развертывание борьбы с буржуазной идеологией, живо интересуются текущими политическими и международными событиями.

В последнее время внимание писателей привлекла публикация на страницах журнала "Октябрь" романа В. Кочетова "Чего же ты хочешь?" ("Октябрь", 1969 г., № 9, 10, 11) и исключение из членов Союза писателей СССР А. Солженицына.

Роман В. Кочетова "Чего же ты хочешь?" вызвал среди писателей различные отклики. Многие писатели положительно оценивают роман, отмечают актуальность и злободневность поставленных в нем проблем. Часть писателей считает это произведение слабым по художественному уровню, особенно в последней его части. Некоторые литераторы высказывают мнение, что в романе затронуто слишком много проблем внешнеполитической и внутренней жизни страны, но ни одна из них более или менее полно не раскрыта, что В. Кочетов допустил много скоропалительных выводов, не вытекающих из самого содержания романа. Подобную точку зрения высказали писатели А. Сурков, Г. Бакланов, А. Борщаговский и другие.

Большинство литераторов одобрительно относится к мысли о необходимости объективного подхода к оценке деятельности И. В. Сталина. Вместе с тем некоторые писатели задают вопрос о том, не является ли публикация романа подготовкой общественного мнения к пересмотру оценки культа личности И. В. Сталина, а также к пе-

ресмотру нашей политики мира и мирного сосуществования.

Отдельные писатели, работники театров, кино (В. Каверин, Е. Шевелева, В. Соколов, кинорежиссер М. Донской, режиссер Ю. Любимов) высказывают отрицательное отношение к роману В. Кочетова, обвиняют автора в клевете на советскую интеллигенцию, на советских писателей, в стремлении противопоставить интеллигенцию рабочему классу и колхозному крестьянству, поссорить их и т. д.

Большое внимание писателей привлекло исключение А. Солженицына из членов Союза писателей СССР. Сам факт исключения А. Солженицына из членов СП СССР одобряется большинством московских писателей. При этом отмечается, что поведение А. Солженицына носит явно антисоветский, подстрекательский характер, что А. Солженицын грубо игнорировал писательскую организацию, самоустранился от ее жизни и работы, снабжает буржуазную прессу клеветническими материалами.

Однако некоторые писатели высказывают сомнение в правильности выбора времени для исключения А. Солженицына. Писатели П. Сажин, Н. Аросева поставили вопросы: "Почему не исключили раньше? Ведь факты неправильного поведения А. Солженицына известны были давно. Что произошло нового?" Писатели, выступившие в последние дни в литературных аудиториях, сообщают, что такие вопросы задаются также во время лекций и бесед.

Краткие информации в "Литературной газете" и "Литературной России" об исключении из Союза писателей СССР А. Солженицына удовлетворили не всех писателей. Отдельные литераторы, поддерживая в принципе решение о А. Солженицыне, считают, что с исключением поторопились, что это, мол, может отразиться на отношении интеллигенции зарубежных стран к Советскому Союзу.

Группа писателей — беспартийные Ю. Трифонов, С. Антонов, Б. Можаев, коммунисты В. Тендряков, Г. Бакланов и Б. Окуджава обратились в секретариат Союза писателей СССР с предложением созвать пленум правления Союза писателей СССР, на котором поставить вопрос о А. Солженицыне.

В Московской писательской организации, МГК КПСС, Краснопресненском и Ждановском РК КПСС состоялись беседы с названными литераторами (кроме Б. Окуджавы, находящегося вне Москвы), в ходе которых Г. Бакланов и С. Антонов сняли свою просьбу.

Вместе с тем В. Тендряков и Б. Можаев продолжают настаивать на своем предложении, при этом заявили, что исключение "виднейшего представителя русской литературы"является "оскорблением для каждого честного писателя", что они будут добиваться созыва специального пленума, где, как заявил В. Тендряков, "еще неизвестно, кто будет в большинстве". Если не будет созван пленум Союза писателей, то они подумают о каких-то других шагах для выражения своего протеста против исключения из Союза писателей А. Солженицына.

Аналогичные позиции занимают драматурги А. Арбузов, А. Штейн, поэт Е. Евтушенко, находящиеся сейчас на отдыхе в Гаграх, литераторы Л. Копелев и Л. Чуковская.

Некоторые коммунисты-писатели считают, что исключение из членов Союза писателей СССР А. Солженицына и появление романа В. Кочетова создадут сейчас трудности при проведении отчетно-выборных партийных собраний в Московской писательской организации и собрания по выдвижению делегатов на III-й съезд писателей РСФСР[2].

МГК КПСС наметил провести совместное заседание парткома и секретариата Московской писательской организации совместно с активом, на котором будут определены меры по усилению работы среди писателей Москвы в поддержку решения секретариата правления СП РСФСР о Солженицыне.

Будет усилено внимание подготовке и проведению отчетно-выборных партийных собраний в писательской организации и печатных органах, обеспечена тщательная подготовка собрания писателей по выборам делегатов на съезд писателей РСФСР.

Секретарь МГК КПСС *В. Гришин*

Ф. 3, оп. 80, д. 643, л. 99—101. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На отдельном листе указание "Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также т. т. Шауро В. Ф. , Степакова В. И. " и подписи Б. Пономарева, Д. Устинова, К. Катушева, И. Капитонова, А. Кириленко, М. Суслова, Ф. Кулакова, П. Демичева, В. Степакова; на последнем листе запись "т. Шауро В. Ф. ознакомлен. Г. Дьяконов 18. 12. 69"

[2]III съезд писателей РСФСР состоялся в марте 1970 г.

1970

№29

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС "О мерах в связи с провокационным актом присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии 1970 года в области литературы"

№ Ст-112/гс 9 октября 1970 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Согласиться с предложениями, изложенными в записке Отдела культуры и Отдела пропаганды ЦК КПСС (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС *М. Суслов*

Приложение 1
к п. 1 гс, пр. № 112

Ц К К П С С

О мерах в связи с провокационным актом присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии 1970 года в области литературы

8 октября с. г. Нобелевский комитет (г. Стокгольм, Швеция) присудил премию 1970 года в области литературы А. Солженицыну с формулировкой: "За ту этическую силу, с какой он развивает бесценные традиции русской литературы"[1]. Как известно, кандидатура Солженицына выдвигалась на эту премию и в прошлые годы.

Сочинения и поведение А. Солженицына давно уже используются буржуазной пропагандой в антисоветских целях. Присуждение ему Нобелевской премии рассчитано на дальнейшее усиление этой кампании.

Полагали бы целесообразным:

1. Опубликовать в советской печати (газеты "Известия", "Труд", "Комсомольская правда", "Литературная

газета") краткое сообщение секретариата правления Союза писателей СССР с разъяснением того, что данная акция Нобелевского комитета носит не литературный, а политический характер. Сообщение секретариата правления СП СССР может быть сделано в форме ответа на вопрос корреспондента "Известий" (прилагается).

2. В "Литературной газете" опубликовать памфлет, раскрывающий существо политических спекуляций вокруг имени и творчества Солженицына на Западе[2].

3. Поручить Государственному комитету Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию (т. Лапин) и АПН (т. Удальцов) в связи с решением Нобелевского комитета подготовить и распространить по соответствующим каналам на зарубежные страны необходимые пропагандистские материалы.

4. Проинформировать руководителей местных партийных комитетов (в устной форме) о провокационном характере присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии.

Отдел культуры ЦК КПСС	Отдел пропаганды ЦК КПСС

9 октября 1970 г.

Приложение 2
к п. I гс, пр. № 112

НЕДОСТОЙНАЯ ИГРА[3]

(по поводу присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии)

По сведениям зарубежных газет и радио, Нобелевский комитет присудил свою премию по литературе А. Солженицыну.

В связи с этим корреспонденту "Известий" в секретариате Союза писателей СССР сообщили:

Как уже известно общественности, сочинения этого литератора, нелегально вывезенные за рубеж и опубликованные там, давно используются реакционными кругами Запада в антисоветских целях.

Советские писатели неоднократно высказывали в печати свое отношение к творчеству и поведению А. Солженицына, которые, как отмечалось секретариатом правления Союза писателей РСФСР, вступили в противоречие

с принципами и задачами добровольного объединения советских литераторов. Советские писатели исключили А. Солженицына из рядов своего Союза. Как мы знаем, это решение активно поддержано всей общественностью страны.

Приходится сожалеть, что Нобелевский комитет позволил вовлечь себя в недостойную игру, затеянную отнюдь не в интересах развития духовных ценностей и традиций литературы, а продиктованную спекулятивными политическими соображениями.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 1—3. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Нобелевские премии — международные премии, названные в честь их учредителя шведского инженера-химика А. Нобеля. Присуждаются ежегодно (с 1901) за выдающиеся работы в области физики, химии, медицины и физиологии, экономики (с 1969), за литературные произведения, за деятельность по укреплению мира. Присуждение Нобелевских премий по литературе поручено Шведской академии в Стокгольме

[2] Статья "К вопросу о приоритете" опубликована в "Литературной газете" 14 октября 1970 г.

[3] Опубликовано в "Правде" 10 октября 1970 г.

№ 30

ИНФОРМАЦИЯ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТАЙН В ПЕЧАТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 988с 13 октября 1970 г.

Секретно
экз. № 1

ЦК КПСС

В порядке информации сообщаем, что в связи с присуждением А. Солженицыну Нобелевской премии печатные органы ряда коммунистических партий капиталистических стран выступили со статьями и корреспонденциями, в основном положительно оценивающими творчество и поведение Солженицына. Из некоторых публикаций можно заключить, что решение шведской Академии наук используется для очередных наскоков на политику КПСС.

Газета "Унита" 9 октября опубликовала большую подборку материалов размером более 250 строк о присуждении А. Солженицыну Нобелевской премии, поместив

при этом портрет писателя. В подборке приведена информация из Стокгольма, корреспонденция Гуэрры из Москвы, в которой предприняты попытки доказать большой авторитет и уважение, которыми пользуется Солженицын в Советском Союзе, для чего разбираются итоги опроса, якобы проведенного "Литературной газетой" среди своих читателей. В центре же внимания поставлена большая статья Джузеппе Боффы "Его произведения и его злоключения". В статье излагается биография Солженицына, рассказывается о его произведениях, при этом выделяются те из них, которые не были опубликованы в СССР, но появились на Западе и, как утверждает автор, "упрочили славу Солженицына как писателя". Далее Боффа перечисляет "заслуги" "Униты" в защите Солженицына: газета опубликовала его письмо зарубежным издателям, выступила против его исключения из Союза писателей и заявляет: "Именно в связи с правом, которое отстаивает Солженицын, правом на несогласие с официальной точкой зрения, господствующей в социалистическом обществе, он привлек наше внимание... Концепции и произведения Солженицына можно принимать или отвергать, но они являются неотъемлемой составной частью того противоречивого движения, в условиях которого только и может развиваться и утверждать себя социалистическое общество".

Газета "Юманите" поместила 9 октября большую статью А. Вюрмсера "Солженицын — Нобелевский лауреат". В начале своей статьи автор не без основания критикует шведскую Академию наук за политическую тенденциозность, проявленную при награждении Солженицына. Однако после этого Вюрмсер в восторженных тонах пишет о "великом писателе и его прекрасных книгах", о том, насколько близки ему (Солженицыну) страдания народа и понятны мечты и устремления советских людей. Заканчивает свои славословия Вюрмсер так: "Вопрос не о том, устраивает ли нас солженицыновское понимание мира, ясно одно, что Нобелевская премия бесспорно присуждена ценному писателю".

Оценка Солженицына и его романов, данная Вюрмсером, удовлетворяет требованиям буржуазных изданий. Этим можно объяснить тот факт, что крупнейшая буржуазная газета "Монд" 10 октября целиком перепечатала заключительную часть статьи Вюрмсера, не сопроводив ее какими-либо замечаниями.

Орган австрийской компартии газета "Фолькcштимме"

в номере за 9—10 октября опубликовала статью Виммер "Нобелевская премия Солженицыну". Автор хотя и "осуждает" политические действия реакционной шведской Академии, подробно цитирует ее решение, в котором Солженицын представлен как "сын ленинской революции, сохранивший великие демократические традиции русской литературы", называет Солженицына "сильным гуманистом", творчество которого, впрочем, "может быть использовано и против социализма". Виммер считает неубедительными мотивы, по которым в СССР не опубликованы последние романы Солженицына. В связи с этим он ссылается на Брехта, приводя его слова: "Правительства не должны бояться произведений искусства. Горе тому, кто принимает лекарство за яд". В целом статья противоречива, написана она в объективистском духе.

Датская коммунистическая газета "Ланд ог фольк" напечатала 9 октября статью "Солженицыну присуждена Нобелевская премия", сопроводив ее фотографией Солженицына. Большую часть статьи занимает биографическая справка, составленная в хвалебных тонах. Редакция выделяет слова генерального секретаря шведской Академии наук о том, что "свои убеждения Солженицын никогда не продавал". Газета сообщает также, что Солженицын с благодарностью принял решение о присуждении ему премии и собирается приехать в Стокгольм за получением ее.

"Морнинг стар" (орган компартии Великобритании) опубликовала 9 октября заметку "Солженицын получает Нобелевскую премию", в которой подробно излагается решение шведской Академии наук и согласие Солженицына получить эту премию. В заметке говорится также, что "в СССР вышел только один роман Солженицына, тогда как два других, еще более крупных, не были опубликованы".

Газета компартии Финляндии "Кансан Уутисет" в номере за 9 октября также информировала читателей о награждении Солженицына, сочувственно представила его жизнь и написанные им романы, заявив, что "они помогают лучше понять человеческие страдания". Упомянув об исключении Солженицына из Союза писателей СССР, газета акцентировала на том, что "членство дает право печататься в стране".

В таком же духе откликнулись на присуждение Солженицыну Нобелевской премии основные югославские газеты. "Борба" за 9 октября поместила портрет Солже-

ницына и заметку о его награждении, акцентируя внимание читателей на "несправедливое отношение" к нему на родине: "хотя репутация у него огромна (Евтушенко назвал его "единственным русским классиком"), в своей стране он не признан". Газета "Политика" в номере за то же число приводит текст решения шведской Академии наук и заявляет: "Солженицын — продукт советского общества, его выражение. Он действует как новый Достоевский... Консервативная шведская Академия сделала лишь политический жест, а настоящую литературную оценку его крупных трудов дадут историки и литературные критики".

Все названные выше газеты Главным управлением задержаны при контроле и в продажу не пропущены.

Начальник Главного управления по охране
государственных тайн в печати при Совете
Министров СССР *П. Романов*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 7—9. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 20 октября 1970 г. за № П1927

№ 31

ПИСЬМО А. СОЛЖЕНИЦЫНА М. СУСЛОВУ[1]

14 октября 1970 г.

Секретарю ЦК КПСС
т. М. А. СУСЛОВУ

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ!

Пишу именно Вам, памятуя, что мы с Вами были познакомлены в декабре 1962 г. [2] и Вы тогда отнеслись к моей работе с пониманием.

Прошу Вас рассмотреть лично и сообщить другим членам государственного руководства следующее мое предложение.

Я предлагаю пересмотреть ситуацию, созданную вокруг меня и моих произведений недобросовестными деятелями из Союза Писателей, дававших правительству неверную информацию.

Как Вам известно, мне присуждена Нобелевская премия по литературе. В течение 8 недель, оставшихся до ее вручения, государственное руководство имеет возможность энергично изменить литературную ситуацию со мной, и тогда процедура вручения будет происходить в обстановке, несравненно более благоприятной, чем сложилась сейчас. По малости оставшегося времени ограничиваю свое предложение минимальными рамками:

1) В кратчайший срок напечатать (при моей личной корректуре) отдельной книгой, значительным тиражом и выпустить в свободную продажу мою повесть "Раковый корпус" (Гослитиздату, если ему будет указано, вся эта работа посильна в две—три недели). Запрет этой повести, одобренной московской секцией прозы, принятой "Новым миром", является ЧИСТЫМ НЕДОРАЗУМЕНИЕМ.

2) Снять все виды наказаний (исключения студентов из институтов и др.) с лиц, обвиненных в чтении и обсуждении моих книг. Снять запрет с библиотечного пользования еще уцелевшими экземплярами моих прежде напечатанных рассказов. Дать объявление о подготовке к печати сборника рассказов (не издававшегося ни разу).

Если это будет принято и осуществлено, я могу передать Вам для опубликования мой новый, в этих днях кончаемый, роман "АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО". Эта книга и вовсе не может встретить цензурных затруднений: она представляет детальный военный разбор "самсоновской катастрофы" 1914 г. , где самоотверженность и лучшие усилия русских солдат и офицеров были обессмыслены и погублены параличом царского военного командования. Запрет в нашей стране еще и э т о й книги вызвал бы всеобщее изумление.

Если потребуется личная встреча, беседа, обсуждение — я готов приехать.

Солженицын.

тлф: 158—66—81 (дача Ростроповича в Жуковке)

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 12. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На отдельных листах: резолюция "Тов. Демичеву, тов. Шауро. Просьба ознакомиться и переговорить. М. Суслов. 16. 10. 70", записка "**Лично**. Тов. Тумановой З. П. Направляю Вам по просьбе т. Демичева П. Н. и в соответствии с договоренностью. Гаврилов. 19. 10. 70. " На письме запись "В соответствии с поручением разговор у товарища Суслова М. В. (так в тексте. — *Сост.*) состоялся. Шауро 07. 01. 71"

[2]В парижском издании книги "Бодался теленок с дубом" (YMCA-PRESS, 1975) А. Солженицын так описывает свое знакомство с М. Сусловым: "Когда в декабре 1962 года на кремлевской встрече Твардовский представлял меня Хрущеву, — никого из политбюро близко не было, никто не подошел. Но когда в следующий перерыв Твардовский водил меня по фойе и знакомил с писателями, кинематографистами, художниками по своему выбору, — в кинозале подошел к нам высокий, худощавый, с весьма неглупым удлиненным лицом — и уверенно протянул мне руку, очень энергично стал ее трясти и говорить что-то о своем крайнем удовольствии от "Ивана Денисовича", так тряс, будто теперь ближе и приятеля у меня не будет. Все другие себя называли, а этот не назвал. Я осведомился: "С кем же... ", незнакомец и тут себя не назвал, а Твардовский мне укоризненно вполголоса: "Михаил Андреевич..." Я плечами: "Какой Михаил Андреевич?. . " Твардовский с двойной укоризной: "Да Су-услов!!". Ведь мы должны на сетчатке и на сердце постоянно носить две дюжины их портретов! — но меня зрительная память частенько подводит — вот я и не узнал". И даже как будто не обиделся Суслов, что я его не узнал". (с. 326—327)

№ 32

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "О реакции писательской общественности на присуждение Нобелевской премии А. Солженицыну"[1]

15 октября 1970 *г.*

ЦК КПСС

8 октября с. г. Нобелевский комитет объявил о присуждении своей премии по литературе за 1970 г. А. Солженицыну, кандидатура которого выдвигалась в течение последних трех лет некоторыми буржуазными писателями и различными антисоветскими органами печати.

9 октября с. г. секретариат Союза писателей СССР опубликовал краткое заявление по этому поводу в форме ответа на вопрос корреспондента газеты "Известия"[2]. В заявлении подчеркивалось, что решение Нобелевского комитета продиктовано "спекулятивными политическими соображениями" и не имеет ничего общего с подлинными интересами литературы.

Советская литературная общественность в своем подавляющем большинстве расценивает присуждение Нобелевской премии А. Солженицыну как акт холодной войны, направленный на организацию длительной антисоветской пропагандистской кампании.

По мнению К. Федина, премия А. Солженицыну не имеет никакого отношения к литературе и носит откро-

венный политический характер. Н. Тихонов сказал, что члены Нобелевского комитета премировали позицию Солженицына, а вернее сказать, его оппозицию социализму. А. Сурков отметил, что Нобелевский комитет, присудив премию А. Солженицыну, пошел на поводу антисоветских сил.

Выступая на заседании выездного секретариата Союза писателей РСФСР в г. Архангельске, писатель С. Михалков заявил: "Эта акция преследует чисто политические цели и по своей сути провокационна... Мы, советские литераторы, рассматриваем это как очередной международный акт антисоветского характера".

Писатели В. Кожевников, Н. Грибачев, Б. Сучков, С. Наровчатов, А. Рекемчук, В. Ардаматский и многие другие рассматривают присуждение премии А. Солженицыну как попытку оказать поддержку отдельным антисоциалистически настроенным литераторам и деятелям искусства в странах социализма в целом, а не только в СССР.

Сообщение секретариата Союза писателей СССР по поводу присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии большинство писателей расценивает как достойную и четкую отповедь организаторам провокаций.

Вместе с тем, имеются отдельные высказывания и в поддержку А. Солженицына. Так, поэт П. Антокольский в беседе с оргсекретарем Московской писательской организации т. Ильиным заявил, что он рад присуждению Нобелевской премии "хорошему русскому писателю".

Как сообщил т. Марков Г. М. , в Союзе писателей СССР и в редакции "Литературной газеты" за эти дни получено 14 поздравительных телеграмм и писем на имя А. Солженицына. Из них восемь писем анонимные, шесть — подписаны неизвестными лицами и не имеют обратных адресов. Одно письмо из г. Минска резко осуждает недостойное поведение А. Солженицына.

Докладывается в порядке информации.

Зам. зав. Отделом культуры
ЦК КПСС (*З. Туманова*)

Зав. сектором Отдела (*А. Беляев*)

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 18—19. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 15 октября 1970 г. за № П1895

[2]См. примечание 3 к документу № 29

№ 33

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "Об откликах творческих работников на публикацию материалов о Солженицыне"[1]

21 октября 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

В соответствии с поручением в советской периодической печати опубликован ряд материалов, в которых решение Нобелевского комитета о присуждении литературной премии А. Солженицыну расценивается как провокационный акт, носящий политический, антисоветский характер. К их числу относятся заявление секретариата Союза писателей СССР ("Известия", 9 октября с. г.), комментарий "Литературной газеты" от 14 октября "К вопросу о приоритете", подготовленная АПН статья "Где ищет писательский талант и славу Нобелевский комитет?" ("Комсомольская правда", 17 октября с. г.).

Согласно устной информации ЦК компартий союзных республик, Ленинградского, Горьковского, Рязанского, Архангельского, Вологодского и других обкомов КПСС, позиции секретариата Союза писателей СССР в связи с присуждением А. Солженицыну Нобелевской премии разделяются и поддерживаются творческой интеллигенцией союзных республик и областей РСФСР, а опубликованные в нашей печати материалы оцениваются положительно.

По мнению видных деятелей литературы и искусства, публикации в советской печати убедительно раскрывают политический характер решения Нобелевского комитета, показывают антисоветскую подоплеку этой акции. Отмечается также сдержанный тон этих статей, ясность изложенной в них позиции. По мнению секретариата Союза писателей СССР, было бы важным сохранить этот тон в устной разъяснительной работе с творческой интеллигенцией.

Писатели **Г. Марков**, **С. Михалков**, подчеркнув точность аргументации, содержащейся в статьях о А. Солженицыне, сказали, что сейчас, по их мнению, нет необходимости в публикации дополнительных материалов.

Президент Академии художеств СССР **Н. Томский**, расценивая факт присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии как политическую диверсию, отметил убедительность статьи, опубликованной в "Комсомольской правде".

Кинорежиссер **С. Герасимов**, резко осудив поведение

А. Солженицына, высказал мнение, что в наших публикациях можно было бы сказать и об антисоветской деятельности самого "лауреата", напомнить читателям ранее опубликованные материалы по этому вопросу.

Положительно оценив статьи, кинорежиссер **М. Калатозов** сказал: "Публикации открыли мне тех, кто стоит за этим решением, кто особенно усердствовал в этом деле".

Некоторые творческие работники считают нужным дать в печати ряд новых материалов. Так, председатель правления Союза художников СССР **Е. Белашова** заявила, что "людям типа Солженицына нечего делать в СССР, их надо лишать советского гражданства". Она считает необходимым публикацию статей, более полно раскрывающих идеологическую сущность произведений Солженицына. По ее мнению, было бы полезным сообщить и о том, как сам Солженицын отнесся к присуждению ему Нобелевской премии и использованию этого факта в антисоветских целях.

Предложение о целесообразности дополнительных публикаций выдвигают парторг МГК КПСС в Московской писательской организации **Арк. Васильев**, писатель **А. Сахнин**.

Лауреат Государственной премии писатель **В. Беляев** сказал: "Выступление "Литературной газеты" считаю полезным. Причастность к этому делу русской белоэмиграции проливает дополнительный свет на характер деятельности Солженицына. На мой взгляд, развитие событий может потребовать нового выступления нашей печати по так называемому "делу Солженицына". Хотелось бы, чтобы это выступление было глубоким, убедительным, ярким по форме".

Выступая на заседании секретариата Союза писателей РСФСР в г. Архангельске, писатель **В. Липатов** говорил: "Всем своим творчеством А. Солженицын изменил правде искусства, он изменил и своему народу". Писатель **Ф. Абрамов**: "Раньше я не уважал Солженицына и не принимал его творчество, теперь я его ненавижу и презираю".

Скульптор **Е. Вучетич** считает, что "этой акции (присуждения Нобелевской премии А. Солженицыну) следовало ожидать, так как наши идеологические враги стремятся ухватиться за любой случай, чтобы разжечь антисоветскую кампанию. Люди, подобные Солженицыну, нужны Западу в грязных антисоветских целях только тогда, когда они сочиняют свои пасквили, находясь в Советском Союзе".

Председатель правления Союза кинематографистов СССР **Л. Кулиджанов** расценивает присуждение Нобелев-

ской премии А. Солженицыну как неприкрытое политиканство, спекуляцию на антисоветизме, всяческое раздувание его. "Подавляющее большинство кинематографистов страны, — сказал т. Кулиджанов,—поддерживает мнение советских писателей, осудивших решение Нобелевского комитета".

Кинорежиссер **А. Згуриди** заявил, что "только грубым игнорированием подлинной ценности А. Солженицына в литературе или, что еще хуже, сознательной политической диверсией можно объяснить присуждение ему Нобелевской премии. Творчество Солженицына справедливо осуждено советскими писателями и всей советской общественностью".

Ректор Литературного института имени А. М. Горького профессор **В. Пименов** сообщил, что в литературных кругах высказывается недоумение по поводу того, как ведут себя отдельные деятели культуры (например, М. Ростропович), опекающие людей, подобных А. Солженицыну.

Некоторые писатели и работники искусства высказывают различные предложения по поводу возможного выезда А. Солженицына за границу для получения Нобелевской премии.

Докладывается в порядке информации.

Зам. зав. Отделом культуры
ЦК КПСС (*З. Туманова*)

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 21—23. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 22 октября 1970 г. за № П1941

№ 34

ЗАПИСКА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "О письме А. Солженицына"[1]

27 октября 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Отдел культуры уже докладывал ЦК КПСС о мерах в связи с присуждением А. Солженицыну Нобелевской премии и об откликах творческой интеллигенции на материалы советской печати по

этому вопросу (записка Отдела культуры и Отдела пропаганды от 9 октября[2], записки Отдела культуры ЦК КПСС от 15 и 22 октября с. г. [3]).

Как сообщала норвежская буржуазная газета "Афтенпостен", А. Солженицын выразил признательность Нобелевскому комитету и высказал намерение поехать и лично получить премию, если ему будет предоставлена такая возможность.

Реакционная буржуазная печать использует решение Нобелевского комитета для разжигания антисоветской пропагандистской кампании, открыто подчеркивая политический характер этой акции.

14 октября с. г. А. Солженицын обратился в ЦК КПСС с письмом[4], в котором в недопустимой форме требует в кратчайший срок издать его повесть "Раковый корпус" и опубликованные ранее произведения, выдвигает несостоятельные обвинения в адрес руководства Союза писателей СССР. Развязный тон письма А. Солженицына мало чем отличается от тона его прежних писем в Союз писателей СССР.

Секретариаты правлений Союзов писателей СССР и РСФСР неоднократно рассматривали письма, заявления А. Солженицына и со всей определенностью выразили свое отношение к идеологически вредным сочинениям и недостойному поведению этого литератора.

Так, 22 сентября 1967 г. Секретариат правления Союза писателей СССР под председательством К. Федина обсудил в присутствии А. Солженицына его письмо в адрес IV съезда советских писателей с требованием немедленного издания повести "Раковый корпус" и романа "В круге первом", которые ранее были отклонены редколлегиями журналов "Новый мир", "Звезда", "Простор".

Секретари правления Союза писателей СССР т. т. К. Федин, Г. Марков, А. Сурков, В. Кожевников, И. Абашидзе, А. Корнейчук, П. Бровка, К. Яшен, Б. Кербабаев, В. Озеров, Г. Мусрепов, Л. Новиченко и др. (всего 26 человек) в своих выступлениях осудили недостойное поведение А. Солженицына и предложили ему определить свое отношение к тому факту, что его имя и произведения используются буржуазной пропагандой в антисоветских целях. Секретариат высказал мнение о невозможности публикации повести "Раковый корпус".

М. Шолохов в письменной форме предложил уже тог-

да исключить А. Солженицына из членов Союза писателей СССР, как "открытого и злобного антисоветского человека".

А. Сурков заявил, что от повести "Раковый корпус" отдает "очевидной эсеровщиной", и подчеркнул, что многое в этой повести напоминает пьесу Солженицына "Пир победителей", которая "написана по принципу: да будьте вы все прокляты!"

Солженицын игнорировал мнение Секретариата Союза писателей СССР. Его дальнейшее поведение (публикация за рубежом тенденциозно изготовленной им так называемой "стенограммы" заседания Секретариата Союза писателей СССР от 22 сентября 1967 г. , ряда других писем и материалов) являлось грубейшим нарушением устава СП СССР.

В связи с этим 4 ноября 1969 г. общее собрание Рязанской писательской организации исключило А. Солженицына из членов Союза писателей СССР. Решение было утверждено Секретариатом правления Союза писателей РСФСР.

И после этого А. Солженицын продолжал апеллировать к зарубежным реакционным кругам, опубликовав в буржуазной прессе клеветническую информацию о собрании Рязанской писательской организации и очередное "открытое письмо" Секретариату Союза писателей РСФСР, которое вызвало возмущение у советских деятелей литературы и искусства своим злобным антисоветским характером.

В июне 1970 г. во многих изданиях за границей была опубликована статья А. Солженицына "Вот как мы живем"[5], где вновь клеветнически изображалась жизнь советского общества.

Присуждение А. Солженицыну Нобелевской премии воспринято общественностью нашей страны как провокационный политический акт, не имеющий ничего общего с подлинными интересами литературы.

Возвращаться к вопросу об издании в СССР произведений А. Солженицына оснований нет.

Что же касается выезда А. Солженицына за рубеж для получения Нобелевской премии (вручение премий обычно производится в г. Стокгольме 10 декабря), то считали бы необходимым поручить Отделу административных органов, Отделу пропаганды, Международному отделу и

Отделу культуры ЦК КПСС подготовить соответствующие предложения.

Просим согласия.

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС (*В. Шауро*)

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 13—15. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подпись П. Демичева
[2]См. приложение 1 к документу № 29
[3]См. документы № 32, 33
[4]См. документ № 31
[5]См. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Приложение 14// Новый мир. 1991. № 8. С. 95—96

№ 35

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2945-А 29 октября 1970 *г.*

Совершенно секретно

Ц К К П С С

Вопрос о присуждении СОЛЖЕНИЦЫНУ Нобелевской премии и его возможной поездке в Швецию продолжает активно обсуждаться среди творческой интеллигенции и других представителей советской общественности. В частности, высказываются следующие мнения.

Поэт И. КОБЗЕВ: "На этот раз надо воспользоваться случаем присуждения СОЛЖЕНИЦЫНУ премии, выпустить его за границу и лишить права советского гражданства".

Актриса Новосибирского театра оперы и балета ФИРСОВА: "Присуждением премии хотят поднять к СОЛЖЕНИЦЫНУ интерес. Была бы моя власть, я бы выгнала его из страны. Одним подонком стало бы меньше. А к ругани нам не привыкать".

Рабочий ЛЕВАШОВ А. (г. Свердловск): "Почему так терпимо относимся к этому клеветнику СОЛЖЕНИЦЫНУ. Его давно следовало бы выслать за границу. Нельзя

позволять, чтобы так безнаказанно клеветали на наш народ".

Литературный переводчик Н. БАННИКОВ: "Нужно позволить СОЛЖЕНИЦЫНУ получить премию, чтобы не устраивать новой истории с ПАСТЕРНАКОМ".

Старший научный сотрудник Института теории и истории искусств при Академии художеств СССР В. СТАРОДУБОВА: "О СОЛЖЕНИЦЫНЕ не стоит много говорить. И очень хорошо, что у нас не стали разводить вокруг этого дела слишком много шума".

Прозаик В. АРХАНГЕЛЬСКИЙ: "Каков бы ни был СОЛЖЕНИЦЫН, ему надо дать возможность получить премию, чтобы продемонстрировать наше миролюбие и терпимость".

Драматург А. ШТЕЙН: "Попробуйте не пустите СОЛЖЕНИЦЫНА за получением Нобелевской премии — и мы потеряем за рубежом последних друзей. Во-первых, его кандидатуру поддержали "первачи" мировой литературы, а, во-вторых, они считают его замечательным писателем. И не так уж ошибаются".

Поэт Е. ЕВТУШЕНКО: "Это будет история с трагическим исходом в любую сторону: и если его не выпустят; и в случае, если выпустят, но обратно не впустят. Имеется один выход, но никто не решится на него. Признать и восстановить СОЛЖЕНИЦЫНА в Союзе писателей. Взять и объявить, что "Раковый корпус" печатается".

Литературовед А. ДЕМЕНТЬЕВ: "Самое глупое, что только может быть придумано, это не пустить его в Швецию на церемонию вручения Нобелевской премии. Он не пойдет на то, чтобы ему приклеили не очень-то в общем приятный ярлык невозвращенца. Скажет ли он там что-нибудь нехорошее о нас? Человек он прямой, резкий и непримиримый — и уж, конечно, выступать по согласованной шпаргалке вряд ли будет. Пожалуй, может сказать что-нибудь такое, что нам не очень-то подходит".

Как уже сообщалось, СОЛЖЕНИЦЫН намеревается выехать в Швецию для получения Нобелевской премии. Недавно он направил в адрес А. ТВАРДОВСКОГО письмо следующего содержания: "... О моих новостях (8 октября) Вы знаете. Сожалею, что опять пытаются (очками ВОРОНКОВА—МАРКОВА и К°) увидеть в этом не славу русской литературы, а какую-то политическую игру. А у меня сердце щемит за всех тех русских, кто достоин был этой премии, но так и умер, не получив".

Представляет интерес оценка личности СОЛЖЕНИЦЫНА со стороны его жены РЕШЕТОВСКОЙ Наталии Алексеевны, 1919 года рождения, кандидата химических наук, временно не работающей, которая рассказала сле-

дующее: "У меня произошло полное крушение образа моего мужа. Раньше я считала его совершенно уникальным, необыкновенным; он меня всегда гипнотизировал. Все было очень хорошо до того, как он прославился.

Успех его всегда портил. Ему стал никто не нужен как личность. В любом обществе разговор только о нем. Как же! Он пуп земли! Он у людей интересуется только тем, что ему где-то, как-то понадобится, кто может быть полезным для его дела. Весь ужас в том, что перед ним все преклонялись. Его же страшно испортили.

Недавно выяснилось, что он стал на путь разложения. Когда первый раз это произошло, я сказала: "Если она серьезная женщина, ты можешь к ней идти, но на этом моя жизнь кончится". "Нет, ни в коем случае, ты погубишь меня и мою карьеру", — ответил он. Мне было невероятно тяжело. Он же все эти годы мне лгал. А ведь я практически от всей жизни отказалась ради него. Домострой до предела. Он не давал мне никакой дороги. Взяла какую-нибудь книгу — не читай ее! Читай мои конспекты или энциклопедию. Читай "Новый мир", где я писал. Этот фильм не смотри, эту газету вообще из дома изжить, радио не слушай и т. д. Это не что иное, как подавление личности.

Слишком мучительными стали наши отношения. Он, который призывает людей к правде, который во всех своих произведениях за правду, и тут — ложь! Он боится моего самоубийства, но ему бы хотелось, чтобы мы расстались".

Установлено, что СОЛЖЕНИЦЫН некоторое время назад стал сожительствовать со СВЕТЛОВОЙ Натальей Дмитриевной, 1939 года рождения, окончившей аспирантуру механико-математического факультета МГУ, которая сейчас беременна.

15 октября 1970 года жена СОЛЖЕНИЦЫНА — РЕШЕТОВСКАЯ приняла большую дозу снотворного и была доставлена в больницу с диагнозом "отравление". Сейчас она находится на излечении в психоневрологическом отделении Московской городской клинической больницы № 1.

СОЛЖЕНИЦЫН стремится скрыть истинное положение в своей семье.

По имеющимся данным, СОЛЖЕНИЦЫН проживает на даче виолончелиста М. РОСТРОПОВИЧА в поселке Жуковка Одинцовского района Московской области, где работает над завершением рукописи под названием "Август 1914 года"[2], в которой описываются события, относящиеся к началу первой мировой войны.

Комитет государственной безопасности полагает, что,

в случае официального обращения СОЛЖЕНИЦЫНА с ходатайством о выезде в Швецию для получения Нобелевской премии, можно было бы пойти на удовлетворение его просьбы. Что касается вопроса об обратном въезде в Советский Союз, то его следовало бы решать в зависимости от поведения СОЛЖЕНИЦЫНА за границей. Если СОЛЖЕНИЦЫН решит остаться за рубежом, то, по нашему мнению, предпринимать какие-либо меры к его возвращению в Советский Союз вряд ли целесообразно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 25—28. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе помета М. Суслова "Вкруговую" и подписи М. Суслова, А. Косыгина, Н. Подгорного, А. Шелепина, А. Пельше, А. Кириленко, Д. Полянского, К. Мазурова, а также запись "т. Брежневу Л. И. доложено. К. Черненко"
[2]Так в тексте документа

№ 36

ИНФОРМАЦИЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ "ПРАВДА" М. ЗИМЯНИНА

№ ГЛ-124

ЦК КПСС
Общий отдел

тов. *ЧЕРНЕНКО К. У.*

Направляю полученное мною 9. XI. с. г. письмо М. Ростроповича (датированное 31. X).

Главный редактор "Правды" *М. Зимянин*

Приложение

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРАМ ГАЗЕТ "ПРАВДА", "ИЗВЕСТИЯ", "ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА", "СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА"[1]

Уважаемый тов. редактор!

Уже не стало секретом, что А. И. Солженицын большую часть времени живет в моем доме под Москвой.

На моих глазах произошло и его исключение из СП — в то самое время, когда он усиленно работал над романом о 1914-м годе, и вот теперь награждение его Нобелевской премией и газетная кампания по этому поводу. Эта последняя и заставляет меня взяться за письмо к Вам.

На моей памяти уже третий советский писатель получает Нобелевскую премию, причем в двух случаях из трех мы рассматриваем присуждение премии как грязную политическую игру, а в одном (Шолохов) — как справедливое признание ведущего мирового значения нашей литературы. Если бы в свое время Шолохов отказался бы принять премию из рук, присудивших ее Пастернаку "по соображениям холодной войны", — я бы понял, что и дальше мы не доверяем объективности и честности шведских академиков. А теперь получается так, что мы избирательно то с благодарностью принимаем Нобелевские премии по литературе, то бранимся. А что если в следующий раз премию присудят т. Кочетову? — ведь нужно будет взять!? Почему, через день после присуждения премии Солженицыну, в наших газетах появляется странное сообщение о беседе корреспондента Икс с представителем секретариата СП Икс о том, что в с я общественность страны (т. е. , очевидно, и все ученые и все музыканты и т. д.) активно поддержала его исключение из Союза Писателей? Почему "Литературная газета" тенденциозно подбирает из множества западных газет лишь высказывания американской и шведской коммунистических газет, обходя такие несравненно более популярные и значительные коммунистические газеты, как "Юманите", "Леттр Франсэз", "Унита", не говоря уже о множестве некоммунистических? Если мы верим некоему критику Боноски, то как быть с мнением таких крупных писателей, как Белль, Арагон, Ф. Мориак?

Я помню и хотел бы напомнить Вам наши газеты 1948 года, сколько вздора писалось там по поводу признанных теперь гигантов нашей музыки С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича, например: "Т. т. Д. Шостакович, С. Прокофьев, В. Шебалин, Н. Мясковский и др. ! Ваша атональная дисгармоничная музыка ОРГАНИЧЕСКИ ЧУЖДА народу... формалистическое трюкачество возникает тогда, когда налицо имеется немного таланта, но очень много претензий на новаторство. Мы совсем не воспринимаем музыки Шостаковича, Мясковского, Про-

кофьева. Нет в ней лада, порядка, нет широкой напевности, мелодии". Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно. За то, что три десятка лет не звучала опера "Катерина Измайлова"; что С. С. Прокофьев при жизни так и не услышал последнего варианта своей оперы "Война и мир" и Симфонии-концерта для виолончели с оркестром; что существовали официальные списки запретных произведений Шостаковича, Прокофьева, Мясковского, Хачатуряна.

Неужели прожитое время не научило нас осторожно относиться к сокрушению талантливых людей? не говорить от имени всего народа? не заставлять людей высказываться о том, чего они попросту не читали или не слышали? Я с гордостью вспоминаю, что не пришел на собрание деятелей культуры в ЦДРИ, где поносили Б. Пастернака и намечалось мое выступление, где мне поручили критиковать "Доктор Живаго", в то время мной еще не читанный.

В 1948 г. были СПИСКИ запрещенных произведений. Сейчас предпочитают УСТНЫЕ ЗАПРЕТЫ, ссылаясь, что "есть мнение", что это не рекомендуется. Где и у кого ЕСТЬ МНЕНИЕ — установить нельзя. Почему, например, Г. Вишневской запретили исполнить в ее концерте в Москве блестящий вокальный цикл Бориса Чайковского на слова И. Бродского? Почему несколько раз препятствовали исполнению цикла Шостаковича на слова Саши Черного (хотя тексты у нас были изданы)? Почему странные трудности сопровождали исполнение XIII и XIV симфоний Шостаковича? Опять, видимо, "было мнение"!.. У кого возникло "мнение", что Солженицына надо выгнать из Союза Писателей? — мне выяснить не удалось, хотя я этим очень интересовался. Вряд ли пять рязанских писателей-мушкетеров отважились сделать это сами без таинственного МНЕНИЯ. Видимо, МНЕНИЕ помешало моим соотечественникам узнать проданный нами за границу фильм Тарковского "Андрей Рублев"[2], который мне посчастливилось видеть среди восторженных парижан. Очевидно, МНЕНИЕ же помешало выпустить в свет "Раковый корпус" Солженицына, который был уже набран в "Новом мире". Вот когда б его напечатали у нас, — тогда б его открыто и широко обсудили бы на пользу автору и читателям.

Я не касаюсь ни политических, ни экономических вопросов нашей страны. Есть люди, которые в этом разбираются лучше меня, но объясните мне, пожалуйста,

почему именно в нашей литературе и искусстве так часто решающее слово принадлежит людям, абсолютно не компетентным в этом. Почему дается им право дискредитировать наше искусство или литературу в глазах нашего народа!?

Я ворошу старое не для того, чтобы брюзжать, а чтобы не пришлось в будущем, скажем через 20 лет, стыдливо припрятывать сегодняшние газеты.

Каждый человек должен иметь право безбоязненно самостоятельно мыслить и высказываться о том, что ему известно, лично продумано, пережито, а не только слабо варьировать заложенное в него МНЕНИЕ. К свободному обсуждению без подсказок и одергиваний мы обязательно и придем!

Я знаю, что после моего письма непременно появится МНЕНИЕ и обо мне, но не боюсь его и открыто высказываю то, что думаю. Таланты, которые составят нашу гордость, не должны подвергаться предварительному избиению.

Я знаю многие произведения Солженицына, люблю их, считаю, что он выстрадал право писать правду, как ее видит, и не вижу причин скрывать свое отношение к нему, когда против него развернута кампания.

(*Мстислав Ростропович*)

31 октября 1970 г.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 41—44. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Опубликовано в книге Вишневская Г. "Галина. История жизни". М.: Новости, 1991

[2]Фильм режиссера А. Тарковского "Андрей Рублев" ("Страсти по Андрею"), законченный в 1966 г. , был запрещен к показу в СССР. В 1969 г. фильм был продан во Францию, где в том же году получил приз ФИПРЕССИИ на Международном кинофестивале в Каннах, и лишь после этого в 1971 г. был выпущен на экраны страны

№ 37

ПИСЬМО А. ЧАКОВСКОГО В ЦК КПСС[1]

11 ноября 1970 *г.*

Ц К К П С С

Хотел бы доложить ЦК предложение о выступлении "Литературной газеты" в связи с "Солженицынской ис-

торией". Однако вначале — некоторые предварительные соображения.

1. "Литературная газета" совместно с руководством Союза писателей СССР неоднократно выступала как с сообщениями, так и с развернутыми статьями, квалифицирующими характер произведений Солженицына и его поведение.

Так, еще несколько лет тому назад газета выступила с критикой рассказов Солженицына, появившихся в нашей печати после "Одного дня Ивана Денисовича", в частности — рассказа "Матренин двор".

В 1968 году "Литгазета" опубликовала большую редакционную статью "Идейная борьба. Ответственность писателя"[2], в которой была подробно изложена позиция Союза писателей по отношению к произведениям Солженицына, широко печатающимся в буржуазных издательствах, в том числе — к "Раковому корпусу", а также дана развернутая оценка антиобщественного поведения этого писателя.

Всего, до присуждения Солженицыну Нобелевской премии, в нашей газете в 1968—70 г. г. было опубликовано семь материалов, в которых раскрывалась антисоветская сущность ряда его произведений и давалась политическая квалификация его деятельности.

После того, как Солженицыну была присуждена премия, "Литературная газета" выступала трижды, раскрывая политический антисоветский смысл этой акции.

Я столь подробно перечисляю напечатанные нами материалы для того, чтобы сказать: дальнейшая публикация аналогичных, т. е. квалифицирующих творчество и поведение Солженицына статей в "Литературной газете", с моей точки зрения, будет лишь "повторением пройденного", не дающим никакого пропагандистского эффекта.

Иное дело — появление такой статьи в "Правде", поскольку в течение всего этого времени наша партийная печать не давала развернутой политической оценки "Солженицынской истории". Целесообразность публикации статьи на эту тему именно в "Правде" тем очевиднее, что кое у кого, под влиянием зарубежной пропаганды, может создаться впечатление, что Солженицына "травит" только "консервативная часть" руководства Союза писателей, а партийная общественность молчит.

Повторяю: поскольку дело уже давно вышло за чисто литературные рамки и приобрело явный политический характер, молчание партийной прессы может вызвать недоуменные толки.

Однако появление статьи в "Правде" не исключает еще одной публикации в "Литературной газете", по методологии своей **отличающейся** от предыдущих. Из чего следует исходить при ее подготовке? Полагаю, что эта публикация должна быть по характеру своему адресована не той преобладающей части политически зрелой интеллигенции другим читателям, которым сущность "Солженицынской истории" уже совершенно ясна, а тем, кому буржуазная пропаганда внушила мысль, будто ничего антисоветского в произведениях Солженицына не содержится, будто он — просто "критический реалист", остро реагирующий на недостатки советского общества и жаждущий его "совершенствования" в "рамках социализма".

Уже по меньшей мере три года все буржуазные радиостанции и антисоветская пресса пытаются "подкрепить" этот лживый тезис одним аргументом: Союз писателей не в состоянии "предъявить факты", т. е. дать возможность читателям собственными глазами убедиться, что обвинения по адресу Солженицына справедливы. Поэтому "реакционеры из Союза писателей" и вынуждены, мол, бесконечно употреблять различные бранные эпитеты и произвольно, по-своему, истолковывать произведения Солженицына, который виноват лишь в том, что "пишет правду".

При этом наши недруги используют и такой спекулятивный аргумент, как напоминание, что некоторые советские писатели в свое время также объявлялись "врагами", а впоследствии оказались не только реабилитированными, но и причисленными к "золотому фонду" советской литературы.

Имеются ли среди интеллигенции (и не только в ее среде) люди, находящиеся под влиянием подобной "аргументации"? Полагаю, что да, имеются. Это подтверждает и характер писем в "Литературную газету".

Разумеется, попытка разоблачить буржуазную пропаганду путем публикации того или иного антисоветского солженицынского сочинения была бы не только бессмысленной, но и вредной.

Однако не следует, на мой взгляд, пренебрегать возможностью доказать, **фактами** (а не просто их описанием и характеристикой), что Солженицын является автором действительно антисоветских произведений.

2. Из этих предпосылок и вытекает предложение, сводящееся к тому, чтобы опубликовать в "Литгазете" письмо читателя, смысл которого сводился бы к тому, что,

хотя он, читатель, не имеет оснований не верить обвинениям против Солженицына, поскольку они выдвинуты столь уважаемой организацией, как Союз писателей, тем не менее, он, читатель, лично хотел бы убедиться в том, что Солженицын действительно способен написать откровенно антисоветские вещи (найти такое письмо в почте "Литгазеты" нетрудно). В ответ на это редакция публикует обширные выдержки из пьесы "Пир победителей" с соответствующими комментариями. Выдержки эти не принесут нам никакого вреда, поскольку касаются вопросов, по которым у нашего народа нет двух мнений: в них позорится Советская Армия во время войны, поэтизируются власовский офицер и его любовница и т. д.

Каждому прочитавшему эти выдержки станет ясно, что человек, написавший подобное, — явный антисоветчик.

3. Во время обсуждения "Ракового корпуса" в секретариате правления СП СССР Солженицын заявил, что "Пир победителей" написан им "не как писателем, а как "зэком" номер такой-то". В письме Солженицына съезду писателей содержится "мимолетная" фраза, что он вроде бы от этого произведения ныне "отказывается". Конечно, возможность использования таких контраргументов необходимо учесть.

На довод Солженицына, что в период написания "Пира" он был несправедливо лишен свободы, можно ответить: истинно советские люди, оказавшиеся в те годы в аналогичном положении, тем и отличались от антисоветчиков, что никогда не распространяли своего негодования на советский строй, на нашу Армию, ведущую священную борьбу с фашизмом и т. д. Об этом свидетельствует ряд опубликованных воспоминаний.

4. Нет сомнений, что в результате уже проделанной работы советское общественное мнение, в основном, подготовлено к правильному восприятию всей "Солженицынской истории". Статья в "Правде", наряду с предлагаемой публикацией в "Литературной газете", поставит все точки над "i".

Если ЦК сочтет вносимое предложение в принципе приемлемым, редакция "Литгазеты" займется подготовкой соответствующего материала. Разумеется, он будет доложен ЦК. Предпринимать эту сложную работу без предварительного принципиального одобрения, нам кажется, вряд ли целесообразно.

А. ЧАКОВСКИЙ

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 30—34. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На отдельном листе указание "Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также тт. Шауро В. Ф. , Яковлева А. Н. ", подписи М. Соломенцева, Б. Пономарева, Д. Устинова, К. Катушева, М. Суслова, И. Капитонова, помета А. Кириленко "А что отвечено т. Чаковскому. Подобное предлож. вносит и т. Михалков и др. "; на первом листе запись "Секретарям ЦК КПСС вопрос доложен. Зав. отделом культуры ЦК КПСС Шауро. 4 марта 1971 г. "

[2]Статья опубликована 26 июня 1968 г.

№ 38

ЗАПИСКА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "О Солженицыне"[1]

11 ноября 1970 г.

Секретно

Ц К К П С С

На протяжении последних лет Союз писателей СССР и Отдел культуры ЦК КПСС неоднократно информировали ЦК КПСС о мерах, принимаемых в связи с антиобщественным поведением и чуждой литературе социалистического реализма и идеалам коммунизма направленностью творчества А. Солженицына.

После публикации рассказов А. Солженицына "Матренин двор" и "Случай на станции Кречетовка" (журнал "Новый мир", № 1, 1963 г.) в ряде периодических изданий появились критические статьи, в которых высказывались серьезные замечания по идейно-художественному содержанию как этих рассказов, так и опубликованной ранее повести "Один день Ивана Денисовича".

В связи с выдвижением этой повести редколлегией журнала "Новый мир" на соискание Ленинской премии в нашей печати развернулась широкая полемика. 11 апреля 1964 года под заголовком "Высокая требовательность" в "Правде" был опубликован обзор писем читателей, в большинстве которых содержались отрицательные оценки этого произведения. Ленинская премия А. Солженицыну присуждена не была.

В 1964 году А. Солженицын предложил журналу "Новый мир" рукопись своего нового романа "В круге пер-

вом". Редколлегия журнала не сочла возможным публиковать это сочинение в предложенном виде. Затем в редакции журналов "Новый мир", "Звезда" и "Простор" Солженицыным была представлена рукопись повести "Раковый корпус". Редколлегии указанных журналов отклонили повесть, предложив автору коренным образом ее переработать. Однако он отказался внести в рукопись какие-либо изменения.

11 сентября 1965 года при обыске на квартире у московского пенсионера Теуша органами госбезопасности были изъяты машинописные копии ряда произведений А. Солженицына, в числе которых обнаружены и неизвестные ранее его сочинения — пьесы "Пир победителей", "Свеча на ветру", "Республика труда", поэма "Невеселая повесть", "Крохотные рассказы" и другие.

С копиями этих произведений, а также романа "В круге первом" и повести "Раковый корпус" были ознакомлены секретари Союза писателей СССР и ряд видных писателей, в том числе: К. А. Федин, Н. С. Тихонов, Г. М. Марков, В. М. Кожевников, А. А. Сурков, А. Б. Чаковский, К. М. Симонов, Н. М. Грибачев, Л. Н. Новиченко, Б. С. Рюриков, П. У. Бровка, М. Н. Алексеев, С. С. Смирнов и др. Все они высказали резко отрицательное мнение о направленности творчества А. Солженицына, а пьеса "Пир победителей" вызвала всеобщее возмущение ее явно антисоветским характером.

В мае 1967 года А. Солженицын обратился к IV съезду советских писателей с провокационным "Открытым письмом", размножив и разослав его как политическую прокламацию в сотнях экземпляров. Это письмо, в котором извращенно толковалось положение писателей и литературы в СССР, было опубликовано в зарубежной печати и передано западными радиостанциями уже в ходе съезда.

По поручению президиума IV съезда писателей СССР 12 июня 1967 года состоялась беседа секретарей правления СП СССР т. т. Маркова, Сартакова, Твардовского, Воронкова с Солженицыным по поводу его "Открытого письма" съезду.

22 сентября 1967 года секретариат правления СП СССР в составе 26 человек под председательством К. Федина в присутствии А. Солженицына на протяжении семи часов обсуждал творчество, письма и заявления этого литератора. Секретари правления М. Шолохов, Б. Полевой, С. Михалков, не имевшие возможности быть на заседании, прислали письма, в которых изложили свою

точку зрения на обсуждаемые вопросы. М. Шолохов, оценивая сущность пьесы "Пир победителей", предложил исключить А. Солженицына из Союза писателей СССР "как открытого и злобного антисоветского человека".

К. Симонов ранее в письменном виде заявил о романе "В круге первом": "Я не приемлю этот роман в самой главной его отправной точке, в его неверии во внутреннюю здоровую основу нашего общества"[2].

Секретари правления СП СССР т. т. К. Федин, Г. Марков, А. Сурков, В. Кожевников, И. А. Абашидзе[3], А. Корнейчук, П. Бровка, К. Яшен, Б. Кербабаев, В. Озеров, Г. Мусрепов, Л. Новиченко и другие в своих выступлениях осудили недостойное поведение А. Солженицына и предложили определить свое отношение к тому факту, что его имя и произведения используются буржуазной пропагандой в антисоветских целях. Все выступавшие на заседании отмечали, что произведения Солженицына пронизаны озлобленностью, неверием в жизненные силы советского строя, мстительными мотивами, которые особенно характерны для пьесы "Пир победителей". Секретариат высказал мнение о невозможности публикации повести "Раковый корпус". А. Сурков, Л. Новиченко и другие указывали, что в этом сочинении Солженицын по существу проповедует идеалистические воззрения Вл. Соловьева, Михайловского, Кропоткина, что от его рукописи "отдает очевидной эсеровщиной" (А. Сурков).

Г. Марков и К. Яшен высказались за исключение Солженицына из Союза писателей СССР, если он не выполнит рекомендаций секретариата СП СССР.

Все дальнейшее поведение А. Солженицына свидетельствовало о том, что он высокомерно игнорирует критику литературной общественности, пренебрегает рекомендациями и советами секретариата правления СП СССР. Более того, Солженицын фактически встал на путь борьбы с Союзом писателей СССР, все более откровенно апеллируя к буржуазным органам печати. Так, за рубежом была опубликована тенденциозно составленная Солженицыным так называемая "стенограмма" заседания секретариата СП СССР от 22 сентября 1967 года, были напечатаны также его письма в Союз писателей СССР и другие материалы. Эти действия явились грубейшим нарушением Устава СП СССР.

13 июля 1967 года Отдел культуры доложил ЦК КПСС специальной запиской "О поведении и взглядах А. Солженицына"[4]. С разрешения ЦК КПСС содержание за-

писки было доведено в устной форме до сведения партийного актива республик, краев и областей страны (в выступлениях ответственных работников Отдела культуры ЦК КПСС на совещаниях секретарей ЦК КП союзных республик, ряда крайкомов и обкомов КПСС, проведенных в Отделе культуры ЦК КПСС, а также на семинаре вторых секретарей ЦК КП республик, краев и областей страны, на Всесоюзном совещании лекторов партийных комитетов страны, на зональных совещаниях и различных семинарах, проводимых партийными комитетами).

Еще до обращения Солженицына с "Открытым письмом" к IV съезду советских писателей за рубежом уже были опубликованы некоторые из его произведений, не предназначавшиеся (по словам самого Солженицына) для печати. Так, в белоэмигрантском журнале "Грани" были напечатаны "Крохотные рассказы", в издательстве "Посев" вышел сборник его произведений, в том числе и не публиковавшихся в СССР.

С весны 1968 года за рубежом в издательствах разных стран началась широкая публикация и реклама романа "В круге первом", а также повести "Раковый корпус".

Солженицын ограничился формальным письмом по этому поводу в "Литературную газету". В нем высказывалась по существу лишь забота о том, чтобы зарубежные издательства в спешке не исказили текста повести "Раковый корпус". Какого-либо протеста, связанного с использованием его имени и произведений в антисоветских целях, письмо А. Солженицына не содержало.

В целях широкого информирования советской общественности секретариат правления СП СССР подготовил статью, в которой содержалась принципиальная оценка антиобщественного поведения Солженицына, приводились факты грубого нарушения им Устава Союза писателей СССР. Она была опубликована 26 июня 1968 года в "Литературной газете" под названием "Идейная борьба. Ответственность писателя".

В статье было убедительно показано идейное отступничество Солженицына от принципов и задач добровольного объединения советских писателей. "Он предпочел избрать, — писала "Литературная газета", — другой путь — путь атак на основные принципы, которыми руководствуется советская литература". В статье подчеркивалось,

что "само имя Солженицына, все вообще его литературные работы и письмо IV съезду писателей западной пропагандой используются в идеологической борьбе против Советского Союза". Разоблачая демагогическое, лицемерное поведение Солженицына на заседании секретариата правления СП СССР 22 сентября 1967 года и в последующие месяцы, "Литературная газета" констатировала: "Стало окончательно ясно, что А. Солженицына вполне устраивает роль, отведенная ему нашими идейными недругами".

Проявляя выдержку и терпение, Союз писателей СССР предоставил Солженицыну возможность и время для того, чтобы осознать ошибочность своих позиций. В статье "Литературной газеты" говорилось: "Писатель А. Солженицын мог бы свои литературные способности целиком отдать Родине, а не ее злопыхателям. Мог бы, но не пожелал. Такова горькая истина. Захочет ли А. Солженицын найти выход из этого тупика, зависит прежде всего от него самого".

Однако и после этого Солженицын никаких выводов для себя не сделал. Он продолжал ультимативно требовать издания в СССР повести "Раковый корпус", причем все его письма и заявления в СП СССР оказывались немедленно опубликованными за рубежом.

Партийный актив, писательская общественность страны неоднократно подвергали резкой критике антиобщественное поведение Солженицына. В октябре 1969 года на собрании писателей-коммунистов Москвы было высказано мнение о том, что назрела необходимость рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании Солженицына в рядах Союза писателей СССР.

4 ноября 1969 года общее собрание Рязанской писательской организации, где Солженицын состоял на учете, исключило его из членов Союза писателей СССР. Солженицын на этом собрании присутствовал.

Секретариат правления СП РСФСР 5 ноября 1969 года под председательством Л. Соболева утвердил это решение. В обсуждении вопроса приняли участие секретари правления СП РСФСР т. т. Г. Марков, Л. Татьяничева, Ф. Таурин, А. Кешоков, В. Федоров, А. Барто, Д. Гранин, В. Панков, В. Закруткин, С. Хакимов. Секретариат подчеркнул, что Солженицын уже давно противопоставил себя Союзу писателей СССР и практически перешел на враждебные делу социализма позиции.

Солженицын приглашался официальной телеграммой

прибыть на заседание секретариата СП РСФСР, однако на заседание не явился.

Сообщение об исключении Солженицына из членов СП СССР было опубликовано в "Литературной газете" от 12 ноября 1969 года. 17 ноября 1969 года в СП РСФСР было получено очередное "открытое письмо" Солженицына, которое 15 ноября уже было опубликовано в газете "Нью-Йорк таймс". В своем письме Солженицын называет наше общество "тяжело больным", утверждает, будто "ненависть, не уступающая расовой", стала его "бесплодной атмосферой". Руководителей Союза писателей Солженицын клеветнически называет "слепыми поводырями слепых".

26 ноября 1969 года в "Литературной газете" было опубликовано сообщение секретариата правления Союза писателей РСФСР, в котором подчеркивалось, что своим "открытым письмом" Солженицын "доказал, что стоит на чуждых нашему народу и его литературе позициях, и тем самым подтвердил необходимость, справедливость и неизбежность его исключения из Союза советских писателей".

Секретариат правления СП РСФСР отметил, что в своих действиях и заявлениях Солженицын по сути своей "сомкнулся с теми, кто выступает против советского общественного строя". В сообщении отмечалось, что писатели нашей страны не собираются чинить препятствий Солженицыну, если он "пожелает отправиться туда, где всякий раз с таким восторгом встречаются его антисоветские произведения и письма".

Решение об исключении Солженицына из Союза писателей СССР было активно поддержано литературной общественностью страны. Отдел культуры информировал об этом ЦК КПСС (записки Отдела от 13 и 18 ноября 1969 г.)[5].

В декабре 1969 года на объединенном пленуме творческих союзов СССР в докладе секретаря правления СП СССР Г. М. Маркова вновь была дана развернутая оценка антиобщественным действиям и творчеству Солженицына. Участники пленума в своих выступлениях поддержали решение об исключении А. Солженицына из Союза писателей СССР. Материалы пленума были опубликованы в литературной печати, а также изданы отдельной брошюрой.

В июне 1970 года во многих изданиях за рубежом была опубликована разнузданная клеветническая статья Солженицына "Вот как мы живем", в которой автор изо-

бражает жизнь в СССР как систему насилия, беззаконий и злодеяний, как "вариант газовой камеры". По Солженицыну, в нашей стране якобы узаконена "кривая расправа без поиска вины" со всеми, кто проявляет "внимание к общественным проблемам".

Разжигая антисоветскую пропаганду вокруг Солженицына, враждебные нашей стране круги за рубежом предприняли попытки избрать его почетным членом международного Пен-клуба. Эти попытки провалились благодаря согласованным усилиям Союза писателей СССР и представителей социалистических стран в Пен-клубе.

В течение последних трех лет Солженицын систематически выдвигался на соискание Нобелевской премии. В июле 1970 года его кандидатура вновь была выдвинута группой французских литераторов и деятелей культуры. 8 октября Нобелевская премия А. Солженицыну была присуждена.

Отделы культуры и пропаганды ЦК КПСС запиской от 9 октября сего года доложили ЦК КПСС "О мерах в связи с провокационным актом присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии 1970 года в области литературы"[6].

9—10 октября в газетах "Правда", "Известия", "Комсомольская правда", в литературной печати было опубликовано сообщение Союза писателей СССР "Недостойная игра", в котором присуждение премии этому литератору квалифицировалось как акция, продиктованная "спекулятивными политическими соображениями".

В "Литературной газете" 14 октября напечатан памфлет "К вопросу о приоритете", в котором были раскрыты неприглядные обстоятельства, связанные с выдвижением А. Солженицына на Нобелевскую премию злобным белогвардейским журналом "Часовой". В памфлете подчеркивалось, что лицемерная забота Нобелевского комитета об "этической силе" литературы имеет в случае с Солженицыным ярко выраженную политическую подоплеку.

17 октября с. г. "Комсомольская правда" опубликовала статью АПН "Где ищет писательский талант и славу Нобелевский комитет?". В статье указывалось, что "Солженицын легко поддался на лесть людей, которые не выбирают средств, когда речь идет о борьбе против советского строя", и "чем дальше, тем больше литературное уступает в его работах политически пасквильному".

Отдел культуры ЦК КПСС записками от 15 и 21 октября с. г. [7] доложил ЦК КПСС об откликах творческих

работников на присуждение премии Солженицыну и на публикацию материалов по этому поводу.

В настоящее время Союз писателей СССР готовит публикации, в которых имеется в виду вновь вернуться к оценке взглядов и поведения А. Солженицына.

Считали бы необходимым поручить Отделу административных органов, Отделу пропаганды, Международному отделу и Отделу культуры ЦК КПСС подготовить предложения в связи с возможным выездом А. Солженицына за рубеж.

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС *В. Шауро*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 74—81. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 12 ноября 1970 г. за № П2198
[2]См. документ № 7
[3]Ошибка, имеется в виду И. В. Абашидзе
[4]См. примечание 2 к документу № 19
[5]См. документы № 26, 27
[6]См. приложение 1 к документу № 29
[7]См. документы № 32, 33

№ 39

ИНФОРМАЦИЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ "ИЗВЕСТИЯ" Л. ТОЛКУНОВА[1]

13 ноября 1970 г.

Ц К К П С С

В порядке информации направляем текст открытого письма М. Ростроповича, адресованного главным редакторам газет "Правда", "Известия", "Литературная газета", "Советская культура"[2].

Главный редактор "Известий" *Л. Толкунов*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 36. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС, а также В. Шауро 13 ноября 1970 г. за № П2208
[2]См. приложение к документу № 36

№ 40

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3125-Ц 14 ноября 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

По полученным Комитетом госбезопасности данным, среди некоторых писателей высказывается мнение о возможной передаче СОЛЖЕНИЦЫНЫМ денежного вознаграждения, полагающегося лауреатам Нобелевской премии, в фонд помощи детям Вьетнама.

Учитывая провокационный характер этого акта, считали бы целесообразным через соответствующие каналы информировать вьетнамских друзей и высказать пожелание, чтобы вьетнамские друзья (в случае, если СОЛЖЕНИЦЫН действительно примет такое решение) выразили бы свой отказ от получения каких-либо денежных ассигнований со стороны литератора, скомпрометировавшего себя антисоциалистической деятельностью.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *ЦВИГУН*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 47. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 14 ноября 1970 г. за № П2218

№ 41

ТЕЛЕГРАММА ПОСОЛЬСТВА СССР В ШВЕЦИИ

Спец. № 694 15 ноября 1970 г.
из Стокгольма

СОВ. СЕКРЕТНО
Экз. № 24[1]

Спец. № 694

СРОЧНО

В Швеции продолжается недружественная Советскому Союзу кампания в связи с присуждением Солженицыну

Нобелевской премии, хотя и в несколько меньшем объеме, чем прежде.

За решением Шведской академии стоят прежде всего определенные круги международной реакции, цели которых в идеологической борьбе против нас совпадают и с целями реакционных кругов Швеции. Проведение этой акции следует также рассматривать как стремление усилением антисоветских выступлений сбалансировать антиамериканские настроения и критику США в Швеции.

Направленность кампании остается прежней: восхваляется "творчество" Солженицына, извращается положение в советской литературе и искусстве. В частности, в этих целях используется заявление Растроповича[2] в поддержку Солженицына. Характерно, что социал-демократическая печать проявляет не меньшую активность в антисоветских выступлениях, чем пресса буржуазных партий.

К периоду, непосредственно примыкающему к дате вручения премий (10 декабря), ведется подготовка: намечена премьера кинофильма по книге "Один день Ивана Денисовича", радиоспектакль, ряд телепередач, широко рекламируются книги Солженицына, планируются возможные его выступления перед шведской общественностью.

Таким образом, следует ожидать, что независимо от характера решения по Солженицыну произойдет значительная активизация антисоветских выступлений. По нашей оценке, направленность этой кампании останется прежней, могут меняться лишь ее формы. В частности, приезд сюда Солженицына явно был бы преподнесен как уступка с нашей стороны давлению антисоветских сил.

В связи с вышеизложенным, исходя из принципиальных соображений, с учетом наших внешних и внутренних интересов, представляется более предпочтительным решить вопрос о поездке Солженицына в Швецию отрицательно.

По тактическим соображениям нам не следовало бы делать каких-либо официальных заявлений по вопросу о Солженицыне с тем, чтобы не давать пищи антисоветской пропаганде. В этой связи было бы также целесообразно не сообщать о характере нашего решения вплоть до последних дней, и в любом случае не раньше завершения визита в Швецию министра обороны тов. А. А. Гречко[3].

МАЛЬЦЕВ

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 55—57. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Экземпляр ЦК КПСС
[2]Так в тексте документа
[3]Визит А. Гречко в Швецию проходил с 2 по 6 декабря 1970 г.

№ 42

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ЦК КПСС ПО СВЯЗЯМ С КОММУНИСТИЧЕСКИМИ И РАБОЧИМИ ПАРТИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "Об указаниях послу СССР в ДРВ"[1]

17 ноября 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

По сообщению КГБ при Совете Министров СССР (П2218)[2], среди некоторых советских писателей высказывается мнение о возможной передаче Солженицыным денежного вознаграждения, полагающегося лауреатам Нобелевской премии, в фонд помощи детям Вьетнама.

Учитывая провокационный характер подобного акта, считали бы целесообразным через советское посольство в Ханое устно проинформировать вьетнамских друзей о нашем отношении к нему и высказать пожелание, чтобы они (в случае, если Солженицын действительно примет такое решение) соответствующим образом прореагировали на эту акцию.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[3].

К. Русаков

В. Шауро

Ф. 3, оп. 68, д. 1397, л. 78. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 17 ноября 1970 г. за № 183—101
[2]См. документ № 40
[3]18 ноября 1970 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П183/134 (см. документ № 43)

№ 43

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "Об указаниях послу СССР в ДРВ"

№ П183/134 18 ноября 1970 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

Утвердить указания послу СССР в ДРВ (прилагаются).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 134 прот. № 183

Секретно

ХАНОЙ

СОВПОСОЛ

Посетите ЦК ПТВ[1] и представительство ЦК НФОЮВ[2] и устно проинформируйте вьетнамских друзей о следующем:

Как известно, антикоммунистические круги на Западе разжигают очередную, продиктованную спекулятивными политическими соображениями кампанию по поводу присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии за изданные в капиталистических странах произведения, носящие антисоветский, антисоциалистический характер. В последнее время ими распространяются сведения относительно того, что Солженицын якобы имеет в виду передать денежное вознаграждение, полагающееся лауреатам этой премии, "в фонд помощи детям Вьетнама".

Советские организации исходят из того, что как само присуждение премии Солженицыну, так и возможный демагогический шаг Солженицына "по оказанию помощи" Вьетнаму на грязной антисоветской основе являются звеньями одной провокационной затеи империалистических и других антикоммунистических кругов.

В Москве просят, чтобы вьетнамские товарищи учитывали изложенное выше и соответствующим образом прореагировали, если этот вопрос будет поставлен перед ними.

Исполнение телеграфируйте.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 48—49. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]ПТВ — Партия трудящихся Вьетнама

[2]НФОЮВ — Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама

№ 44

ЗАПИСКА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС "О публикации материалов о Солженицыне"[1]

20 ноября 1970 г.
Секретно

Ц К К П С С

Отдел культуры ЦК КПСС в записке от 11 ноября с. г. [2] докладывал ЦК КПСС о том, что секретариат правления Союза писателей СССР готовит для публикации материалы по поводу присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии.

Предполагалось, что публикации будут осуществлены в виде заявления группы известных советских писателей и редакционной статьи в "Литературной газете", в которой можно было бы дополнительно разъяснить некоторые вопросы, связанные с оценкой взглядов и творчества Солженицына.

В ходе подготовки материалов ряд видных советских писателей выразили готовность подписать текст заявления. В то же время первый секретарь правления Союза писателей СССР т. Федин и секретарь правления Союза писателей СССР т. Тихонов, соглашаясь в основном с подготовленным текстом заявления, настоятельно возражают против его публикации за подписями известных советских писателей.

Тов. Федин считает, что подобная форма заявления может создать ложное представление о реальном месте Солженицына в литературе. Кроме того, по многим обстоятельствам (болезнь, длительные командировки, заграничные поездки и т. п.) некоторые видные литераторы не смогут подписать заявления; отсутствие ряда подписей может вызвать неоправданные суждения в литературной среде.

Учитывая, что предыдущие заявления и сообщения по поводу Солженицына печатались от имени секретариата Союза писателей СССР или секретариата Союза писателей РСФСР, т. т. Федин и Тихонов считают, что, если будет признана целесообразной публикация подготовленных материалов, то можно было бы и в этом случае сохранить принятую ранее форму.

Руководители Союза писателей СССР (т. т. Федин, Марков) высказали просьбу напечатать заявление не только в литературной, но и в центральной общеполитической прессе. (Тексты материалов прилагаются.)

Отдел культуры ЦК КПСС полагал бы возможным со-

гласиться с мнением т. т. Федина и Тихонова о характере публикации указанных материалов.

Просим рассмотреть.

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС *В. Шауро*

Приложение

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

В ответ на статью "К вопросу о приоритете", напечатанную в "Литературной газете" 14 октября 1970 года, постоянный секретарь Шведской академии Карл Рагнер Гиров прислал в нашу редакцию письмо, в котором разъясняет, что Нобелевские премии в различных областях "присуждаются именно за вклад в каждую из этих областей, а не за взгляды или вклад в другие области". Он дает справку, что, во-первых, "Нобелевская премия по литературе присуждается путем голосования" и, во-вторых, не принимается во внимание "нажим с любой стороны".

Вот, по существу, и все письмо. Господин Гиров поступил весьма любезно, разъяснив нам принципы присуждения Нобелевской премии. Спасибо ему. И, как говорится, услуга за услугу. Мы в свою очередь хотели бы разъяснить кое-какие вещи и, кстати, не только ему, но и всем тем господам за рубежом, которые, подобно нашему адресату, не прочь порассуждать об объективности Нобелевского комитета.

Г-н постоянный секретарь пытается убедить нас, будто своим письмом в "Литературную газету" "опроверг... утверждение, что Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена по политическим мотивам". Именно так, не без апломба, заявил он в своем интервью шведским и другим журналистам.

Блажен, кто верует, легко ему на свете!

Единственное, что нам непонятно, почему г-н Гиров решил вступить в полемику по данному вопросу именно с "Литературной газетой"? Не проще ли, не естественнее ли было бы для него поспорить с теми органами печати, которые расположены ближе к нему — пусть не во всех случаях территориально, но уж политически наверняка?

Стоило бы, например, обратиться в те органы буржуазной печати разных стран, которые высказали свой взгляд на истинные причины присуждения премии Солженицыну (многочисленные цитаты такого рода приве-

дены в письме секретариата правления Союза писателей СССР, которое мы публикуем сегодня).

Мы могли бы прибавить работы г-ну Гирову, приведя еще несколько других аналогичных высказываний. Так, например, западногерманская "Ди цайт" 6 ноября опубликовала статью, в которой решение Нобелевского комитета квалифицируется как "новый шахматный ход в холодной войне", как "самая настоящая сделка". В статье подчеркивается, что "вся эта шумиха вокруг Солженицына — скверная история".

А вот голос из другой части света. Цейлонский еженедельник "Мавбима" в редакционной статье "За какие заслуги эта премия" пишет, что Нобелевский комитет исходил не из "вклада" Солженицына "в мировую литературу, а из его политической деятельности", которая, продолжает еженедельник, "уже давно превратилась в его произведениях в открытый антисоветизм. Во всех случаях он выступал против основных принципов социализма"...

Присуждение Солженицыну Нобелевской премии представляет собой "открытую политическую демонстрацию, в первую очередь, против Советского Союза", утверждает в редакционной статье шведская (уже совсем близко от Вас, г-н Гиров) газета "Норшенофламман". Главный редактор газеты "Афтонбладет" (тоже Швеция) г-н Фредриксон подчеркивает, что выбором кандидатуры Солженицына будут довольны США и все антисоветские силы. И особенно — "в определенных кругах и организациях, действующих за пределами СССР и распространяющих, в частности, антисоветские листки, которые при более внимательном их изучении оказываются по существу фашистскими".

Видите, как оно получается, г-н Гиров!

Интересно, пошлете ли Вы "протестующе разъяснительные" письма во все эти органы печати, которые на этот раз проявили поразительное единодушие с "Литературной газетой" в определении подлинной причины присуждения премии Солженицыну?

Может быть, Вас заинтересует, как мы сами объясняем такое единодушие? Что же, объяснение очень простое. Есть факты настолько очевидные, что извратить их невозможно.

Разумеется, далеко не все, даже из упомянутых газет и журналов, осуждают Шведскую академию за то, что она, по выражению "Нойе Цюрихер цайтунг", "сунула руку в политическое пекло". Многие из них этому откровенно радуются. Однако неопровержимым остается главное: даже буржуазные газеты, которые невозможно упрекнуть в симпатиях к нашей социальной системе, к

советской литературе, не только не в состоянии оспорить политический характер премии Солженицыну, но и открыто его констатируют.

Поверьте нам, г-н Гиров: если бы у этих органов печати была бы хоть малейшая возможность присоединиться к Вашему столь поспешно написанному "разъяснению", они бы непременно так и поступили. Но сделать это, т. е. не заметить антисоциалистической направленности многих сочинений Солженицына, закрыть глаза на явно политический характер поощрения этих сочинений, как говорится, "физически" невозможно.

Свое отношение к советскому обществу, ко всему строю нашей жизни Солженицын недвусмысленно высказал много лет назад в стихотворной пьесе "Пир победителей". Действие в этом сочинении происходит на заключительном этапе Великой Отечественной войны, когда наша армия, добивая фашизм, несла народам Европы долгожданное освобождение. И эта великая армия предстает в изображении Солженицына скопищем мародеров, тупиц, насильников. Невероятно, но так! Единственный, кому отданы все без остатка симпатии автора —капитан Нержин — "одухотворен" особой целью — помочь изменнице Родины бежать к власовцам.

Можно ли представить себе советского человека, который написал бы: "Матросовы придуманные, глупенькие Зои"?! Но Солженицын — написал. Он поднял руку на самое святое для нашего народа, на его гордость и славу. Это они-то, советские воины, на разных фронтах и в разное время грудью своей закрывавшие стволы гитлеровских пулеметов, чтобы проложить товарищам путь к победе, — "придуманные"? Это тысячи и тысячи героев, сознательно шедших на смерть во имя победы Родины, — "придуманные"? А как назвать глумление над Зоей Космодемьянской, восшедшей на эшафот во имя победы над фашизмом?

Перед светлой памятью героев мы склоняем головы и просим прощения у читателей за то, что приводим слова, рожденные воспаленной ненавистью. Но мы вынуждены были привести эти слова, — одни из немногих им подобных, — чтобы знали люди, чем заплатил Солженицын за свою теперешнюю премию.

В этой связи хочется остановиться на одном немаловажном обстоятельстве. Во время разговора в секретариате правления Союза писателей СССР в сентябре

1967 года шла речь о ряде его произведений, в том числе и о пьесе "Пир победителей". Солженицын заявил тогда, что пьеса эта написана им в то время, когда он был несправедливо осужден и находился в местах заключения, а сейчас он от нее вроде бы отказывается.

Этому можно было бы и поверить, если бы не появились вслед за "отказом" изданные на Западе "Раковый корпус" и "В круге первом". Стало совершенно ясно, что именно в пьесе "Пир победителей" сокрыта та сумма идей, которая и составляет все существо Солженицына. Яснее выявилась и подлинная цена лицемерных "отказов".

Действительно, в "Раковом корпусе" и "В круге первом" все тот же, как и в "Пире победителей", извращенный взгляд на советское общество, отрицание социализма и его великих завоеваний.

Высокое чувство коллективизма, присущее нашим людям, именуется у него "облагороженной стадностью". Продолжая линию пьесы, Солженицын снова измывается над великим подвигом Матросова, над самым дорогим для истинного патриота — над любовью к Родине. Советские люди выведены в его книгах забитыми и темными. И будто ничего не было — ни пятилеток, ни Комсомольска-на-Амуре, ни Днепрогэса и Магнитки, ни героического покорения Арктики и Космоса, ни великой победы над фашизмом — ничего, чем мы жили и живем, чем гордились и будем гордиться.

Впрочем, о чем мы говорим? Какое Солженицыну дело до всего этого, до героизма, до патриотизма, до высоких чувств гражданственности? Он насквозь пропитан злобой и ненавистью. Вот в чем сомневаются, о чем "философствуют" персонажи его "Ракового корпуса": любить Родину или не любить; считать героями Павку Корчагина и его соратников по духу и борьбе или не считать и т. д. Для нормального советского человека сама постановка подобных "вопросов" просто кощунственна.

Или вот как описывает он советских космонавтов: "...Перед стартом, около ракеты, будет, конечно, митинг. Экипаж ракеты возьмет на себя обязательство: экономить горючее, перекрыть в полете максимальную космическую скорость, не останавливать межпланетного корабля для ремонта в пути..."

Какая низость — так писать о людях, добровольно идущих на подвиг во имя своей Родины! Человечество никогда не забудет ни творческого горения Королева, ни солнечной улыбки Гагарина, ни мужества славных его

собратьев, отважно штурмующих бездонный Космос. А Солженицын долдонит с гаденькой ухмылочкой: "...не останавливать межпланетного корабля для ремонта в пути".

Но что же он любит? Может быть, советскую литературу? Не тут-то было! "Очень правильный Горький, но какой-то неувлекательный; очень правильный Маяковский, но неповоротливый..."; "Васса Железнова" — тягостное впечатление"; "Маяковский считал за честь не подняться выше газеты" и т.д. и т.п.

Точно предвидя упреки в политической и чисто человеческой безнравственности, Солженицын высокомерно декларирует, будто он является адептом некоего "нравственного социализма". Что это значит, он не поясняет. Не слышали мы от него ответа и на вопрос, какую конкретную социальную систему предполагает этот "нравственный социализм", исключает ли он возможность глумления над советским образом жизни, над армией, спасшей человечество от гитлеризма, предполагает ли он, наконец, братание с врагами Отечества, вплоть до отщепенцев из НТС?

Небезызвестный Борис Савинков в свое время отвечал за схожие по духу вопросы. Задолго до Солженицына он торжественно заявлял: "Для России существует одна возможная форма социализма — нравственная". Но при этом Савинков откровенно ставил точки над "и": "...только без большевиков".

Солженицынскими посланиями заполнены все реакционные газеты, они звучат по различным "волнам" и "голосам", специально созданным для борьбы против нас.

Одно время Солженицын заверял, будто не он засылает все это в стан наших врагов. Ой ли? Ведь его письма в Союз писателей, сработанные им самим "стенограммы" через день-два после их сочинения, порой не успев дойти до советского адресата, уже публикуются в "Нью-Йорк таймс" или иных столь же "симпатизирующих" нашей стране изданиях. Как же так? И кто для Солженицына был действительным адресатом? Не проще ли, не честнее ли было бы не изворачиваться, а направлять свои письма прямо тем, для кого они и предназначены, — своим зарубежным радетелям?

Обращения в писательскую и другие организации нашей страны для Солженицына не более чем камуфляж. Истинная же сущность этого "нравственного социалиста" проявляется на страницах тех западноевропейских и американских органов пропаганды, которые ныне уже и не

скрывают, что Солженицын "мечтает о строе, при котором в России будут пересмотрены и отвергнуты существующие общественные и государственные принципы".

В выступлении на заседании секретариата правления Союза писателей СССР и в "Открытом письме" Союзу писателей РСФСР Солженицын высказывался в том смысле, что писатель якобы "свободен" от социально-классовых интересов. Рядясь в тогу "гуманиста без берегов", Солженицын вот уже многие годы ведет самую настоящую классовую борьбу против своей Родины, против социализма.

Солженицын неоднократно заявлял, что он стоит "над схваткой" и озабочен лишь "вечными" категориями бытия. На самом же деле во всех своих сочинениях, включая и эпистолярные, он одержим целями сугубо конкретными: опорочить все, что сделано нашим народом за годы Советской власти, извратить и оболгать идеи социализма.

В высшей степени логично, что самыми ярыми пропагандистами солженицынских измышлений являются контрреволюционное охвостье, эмигрантско-белогвардейские гнезда типа НТС. Такова логика той самой классовой борьбы, которую на словах отрицает Солженицын.

Нобелевский комитет, принимая решение о литературной премии, рассуждал о некоей "этической силе", о традициях русской литературы, будто бы присущих сочинениям Солженицына. Но ложь и двуличие так же далеки от нравственности, как и от традиций русской литературы. Значит, премия не за это. Но, может быть, за богатый и образный язык, являющийся неотъемлемым свойством художественного произведения?

Даже такой ярый антисоветчик, как известный в буржуазных кругах литературовед Г. Адамович, вынужден был признать, что с точки зрения литературной роман "В круге первом", например, — это скорее черновики или заготовки к роману. Но затем, как бы спохватываясь (не сболтнуть бы лишнего!), Г. Адамович восклицает: "Какой мелочью, какими пустяками представляются в этом мощном потоке (надо понимать — антисоветчины. — *Ред.*) та или иная не совсем складная фраза, не вполне доработанная страница!"

...Вот так обстоит дело, г-н Гиров. Еще раз благодарим за присланное "разъяснение". В порядке обмена мы предложили Вам свое. Мы отнюдь не в претензии за то, что Вам не удалось хоть сколько-нибудь связно обосновать премирование Солженицына "за литературные за-

слуги", ибо понимаем, что доказать недоказуемое невозможно. Ваше письмо также вряд ли можно признать самым удачным образцом эпистолярного жанра. Наверное, Вы знали и лучшие дни, когда Вам писалось легче, проще, а главное — честнее.

Наше мнение

На второй день после присуждения Нобелевской премии А. Солженицыну Союз писателей СССР сделал заявление для печати, в котором охарактеризовал эту акцию как провокационную, ничего общего с интересами литературы не имеющую и преследующую чисто политические антисоветские цели.

Прошедшие с тех пор недели принесли множество новых доказательств правильности этой характеристики. В неистовом хоре славословий Солженицыну и ругани по адресу нашей страны и всей социалистической культуры органически слились голоса буржуазных пропагандистов. Радиостанции и газеты от "солидных" органов капиталистических монополий до откровенно погромных антикоммунистических неонацистских и белоэмигрантских листков не только на все лады прославляют Солженицына, но и открыто говорят о политических целях этого прославления.

Американский еженедельник "Ньюс уик" указывает, что "политические ветры вокруг присуждения премии А. Солженицыну задули с новой силой". Английский журнал "Экономист" признает, что "Нобелевский комитет действовал по политическим мотивам", что "романы А. Солженицына — откровенно политические, и вполне возможно, что некоторые люди, которые за него заступаются, действуют тоже по политическим мотивам". Швейцарская "Нойе цюрихер цайтунг" пишет, что Шведская академия своим решением "сунула руку в политическое пекло".

Реакционнейшая "Фигаро Литерэр", посвятив пять полос присуждению премии Солженицыну, выносит в заголовок одной из статей слова: "Его цель — это борьба человека против системы", а еженедельник "Экспресс", характеризуя премию Солженицыну как "политический жест", констатирует, что этому человеку "наплевать на социализм".

Наконец, "Русская мысль" — откровенно белогвардейская газета, десятилетиями грезившая видением царского генерала, въезжающего в Москву на белом коне под "малиновый звон кремлевских колоколов", так и не

дождавшись этого "торжества", сообщила в своей передовой о другом "светлом празднике" в таких выражениях:

"Четверг, 8 октября, полдень. Телефонный звонок, взволнованный голос:

— Солженицын получил Нобелевскую премию!

Первое чувство не просто радость, нет, а скорее глубокое, неожиданное удовлетворение..."

Нужны ли более убедительные подтверждения справедливости той характеристики, которую дал Союз писателей, определяя свое отношение к этому недостойному решению Нобелевского комитета?..

Нет надобности восстанавливать предысторию падения Солженицына. В печати в свое время об этом сообщалось подробно.

После ряда попыток разъяснить Солженицыну, что его антиобщественное поведение, его сочинения служат злейшим врагам Советского Союза и всего социалистического мира, стало ясно, что этот литератор сознательно стремится к тем "лаврам", которые для каждого честного советского человека были бы позорными: Солженицын хотел завоевать в буржуазном мире сомнительную славу антисоветчика. Что же, он ее добился.

Сейчас все те, кто за рубежами нашей страны восторженно курят фимиам Солженицыну, объявляют, что его надо немедленно причислить к лику "самых крупнейших" и "самых выдающихся". Однако мы знаем, как легко стать "выдающимся" у буржуазных пропагандистов. Достаточно любому, даже третьестепенному литератору проявить активность на ниве антисоветизма, как восторженные оценки его творчеству будут автоматически обеспечены.

Никто не принуждал Солженицына вступать в наш Союз — он сам в свое время просил о приеме, подав соответствующее заявление.

Союз писателей СССР является не просто объединением литераторов, но и союзом единомышленников, стоящих на платформе Советской власти и активно участвующих в социалистическом строительстве. Вступив на путь, несовместимый с этим условием, Солженицын, естественно, оказался вне Союза писателей СССР.

В качестве "компенсации" ему теперь присудили Нобелевскую премию, которую в данном случае было бы справедливо назвать премией за антисоциалистическую деятельность.

Мы уверены; что антисоветский шабаш, устроенный

по этому поводу буржуазными пропагандистами, не только лишний раз подтвердит тот факт, что Солженицын идет по пути, несовместимому с гражданским достоинством советского человека, но откроет глаза и тем зарубежным литераторам, которые до сих пор не замечали политической, антисоветской подоплеки "солженицынской истории".

Именно эти злобные нападки на нашу страну и социалистическую культуру, усилившиеся в последние недели в буржуазной печати, и заставили нас взяться за перо, чтобы сказать:

Как бы ни бесновались антикоммунистические пропагандисты, какими бы лаврами ни увенчивали они тех, кто помогает им в стремлении подорвать морально-политическое единство нашего общества, советская литература, советские писатели будут идти своим путем. Вместе с партией. Вместе с народом.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 82—93. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 20 ноября 1970 г. за № П2276

[2]См. документ № 38

№ 45

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР И ПРОКУРАТУРЫ СССР[1]

№ 3181-А 20 ноября 1970 г.

Сов. секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

Анализируя материалы в отношении Солженицына, а также его произведения, нельзя не прийти к выводу, что мы имеем дело с политическим противником Советского государственного и общественного строя. Его антисоветская позиция уже довольно четко определена в романе "В круге первом" и, по мнению читавших, в неизданном произведении "Архипелаг ГУЛАГ". Не рассматривая иных произведений Солженицына (рассказы, пьесы), о которых он говорит как о вещах, написанных не для публикации,

политическое кредо Солженицына четко прослеживается и в двух его письмах: "IV съезду Союза советских писателей" и в "защиту" Жореса Медведева[2]. Письмо к IV съезду советских писателей практически послужило сигналом к открытым выступлениям правых чехословацких писателей против Компартии Чехословакии и существующего строя; письмо в "защиту" Жореса Медведева — к еще более активному использованию имени Солженицына в антисоветской кампании за рубежом. Кроме того, Солженицын сфабриковал материал о его исключении из Союза писателей, опубликованный затем на Западе в т. н. книге "Дело Солженицына". Поскольку все это предшествовало присуждению ему Нобелевской премии, то само по себе подтверждает, что этим актом Запад оплатил "политические заслуги" Солженицына.

Вместе с тем в стране сложилась некоторая двойственность в общественном положении Солженицына. С одной стороны, его имя используется за рубежом в антисоветских кампаниях и даже служит знаменем в консолидации лиц и организаций, враждебно относящихся к нашему государству; с другой стороны — часть нашей интеллигенции, поощряемая ревизионизмом в коммунистическом движении, стремится видеть в нем только талантливого писателя, нуждающегося в поддержке, закрывая глаза на его антисоветизм.

Сам же Солженицын ведет себя вызывающе, не считается с мнением партийной общественности, охотно играет под диктовку Запада роль "лидера" антисоветских элементов и пытается подстрекать открытые антиобщественные действия против нашего государства. Всем своим поведением и деятельностью он создает общественное мнение против руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза, стремясь одновременно придать им политический характер, рассчитанный на обман общественного мнения. Таким путем Солженицын пытается завоевать авторитет у советской интеллигенции. Особенно это проявилось в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Заявляя открыто о том, что он принимает премию и готов выехать для ее получения в Швецию, тем не менее Солженицын не предпринимает реальных шагов для оформления документов на право получения визы. Складывается мнение, что он инспирирует очередной скандал вокруг своего имени.

В таких условиях правомерно поставить вопрос, в каком случае будет меньше вреда от деятельности Солже-

ницына: если он останется в стране или же будет выдворен за пределы нашего государства?

Проживание Солженицына в стране после вручения ему Нобелевской премии укрепит его позиции, позволит ему активнее пропагандировать свои взгляды. Акт присуждения премии и ее вручения в обстановке, когда Солженицын не реагировал на требования писательской общественности, будет рассматриваться в общественных кругах как бессилие государственной власти и возможность безнаказанно вести враждебную деятельность против страны социализма. Он продолжал бы играть роль внутреннего эмигранта, издавая свои произведения за границей, а его имя будет использоваться враждебными кругами как знамя антисоветизма.

Выдворение Солженицына из Советского Союза лишит его этой позиции — позиции внутреннего эмигранта и всех преимуществ, связанных с этим.

Пребывание за границей Солженицын использует, безусловно, для активизации своей антисоветской деятельности. Сам же акт выдворения вызовет кратковременную антисоветскую кампанию за рубежом с участием некоторой части коммунистической прессы.

Вместе с тем, Солженицын в глазах советских людей перестанет быть фигурой двусмысленной, так как отношение к нему Советского государства будет высказано прямо и открыто. Это сыграет свою положительную роль в правильном формировании мирового общественного мнения в отношении Солженицына.

Взвесив все эти обстоятельства, считали бы целесообразным решить вопрос о выдворении Солженицына из пределов Советского государства.

Представляется три возможных варианта:

— при выезде Солженицына в Швецию за получением Нобелевской премии аннулировать визу и запретить ему возвращаться в Советский Союз;

— не препятствовать возможному решению Солженицына к самостоятельному выезду за границу;

— издать Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына гражданства СССР и принудительном выдворении его за пределы Союза ССР.

Наряду с этим не проходить мимо факта укрытия врачами попытки жены Солженицына — Решетовской покончить жизнь самоубийством[3] и возбудить по этому вопросу уголовное дело.

Просим рассмотреть.

Андропов *Руденко*

Приложение

Проект

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О лишении советского гражданства и выдворении из пределов СССР Солженицына А. И.

На основании статьи 7 "Закона о гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" от 19 августа 1938 года Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. За несовместимые с высоким званием гражданина СССР попытки опорочить Советское общество, за направленность литературной деятельности, ставшей орудием самых реакционных антикоммунистических сил в их борьбе против принципов социализма и социалистической культуры, лишить Солженицына Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца гор. Кисловодска, гражданства СССР.

2. Выдворить Солженицына А. И. из пределов Советского Союза.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР — *Н. Подгорный*
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР — *М. Георгадзе*
Москва, Кремль

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 70—73. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 20 ноября 1970 г. за № П2277

[2]Имеется в виду заметка А. Солженицына "Вот как мы живем". См. примечание 5 к документу № 34

[3]См. документ № 35

№ 46

ЗАПИСКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС И МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР[1]

№ 2147/ГС
№ 25-С-1993 — 23 ноября 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

По сообщению посольства СССР из Стокгольма (спец. № 694)[2], в связи с присуждением Нобелевской премии

Солженицыну в Швеции развертываются антисоветские выступления в печати, по радио, телевидению, готовятся выпуски специальных фильмов и т. д. Не исключено, что по мере приближения даты вручения Нобелевской премии — 10 декабря — эти выступления усилятся. Какого-либо противодействия этой пропаганде со стороны шведских правительственных кругов не наблюдается. Более того, шведы предпринимали попытки использовать дипломатические каналы для передачи Солженицыну извещения о присуждении ему премии.

Представляется целесообразным поручить совпослу в Швеции встретиться с министром иностранных дел и изложить ему наше отношение к этой кампании, а также сказать, что принятие шведским правительством соответствующих мер, направленных на прекращение антисоветской пропаганды, отвечало бы интересам Швеции и Советского Союза.

Проект постановления прилагается[3].

Просим рассмотреть.

Б. Пономарев *В. Кузнецов*

Ф. 3, оп. 68, д. 1401, л. 154. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 24 ноября 1970 г. за № 184—42

[2]См. документ № 41

[3]27 ноября 1970 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П184/59 (см. документ № 47)

№ 47

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об указаниях совпослу в Стокгольме в связи с присуждением Нобелевской премии Солженицыну"

№ П184/59 27 ноября 1970 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

Утвердить с поправкой[1] проект указаний совпослу в Стокгольме (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 59 прот. № 184

Секретно

СТОКГОЛЬМ
СОВПОСОЛ

694. Посетите министра иностранных дел Швеции Т. Нильссона и заявите ему следующее.

Решение Шведской академии о присуждении Солженицыну Нобелевской премии вызвало возмущение как в советских литературных кругах, так и в самых широких кругах советской общественности, которая расценивает это решение как недружественный акт в отношении Советского Союза.

Широкая, враждебная Советскому Союзу кампания, развернутая в последнее время в Швеции определенными кругами в связи с этим решением Академии, направлена на то, чтобы нанести ущерб советско-шведским отношениям. В Советском Союзе вызывает недоумение то обстоятельство, что этой кампании не оказывается какого-либо противодействия.

Между тем, принятие мер по прекращению антисоветской пропаганды, несомненно, отвечало бы интересам советско-шведских отношений.

Выражается надежда, что шведское правительство со всем вниманием рассмотрит высказанные соображения и предпримет со своей стороны возможные шаги с тем, чтобы не допустить использования указанной кампании для ухудшения отношений между Швецией и Советским Союзом. В частности, ожидается, что шведские представительства за границей воздержатся от участия в мероприятиях, имеющих отношение к Солженицыну.

Исполнение телеграфируйте.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 52—53. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Поправка А. Косыгина касалась редакционного изменения последнего предложения предпоследнего абзаца проекта указаний (см. приложение). Первоначально было: "В частности, ожидается, что шведские представительства за границей воздержатся от участия в мероприятиях, связанных с выполнением решения Академии о присуждении Солженицыну премии по литературе"

№48

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3249-цв 28 ноября 1970 г.

Сов. секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

Комитетом госбезопасности получены данные, что в последнее время Солженицын активизировал контакты с находящимися в Москве иностранными представителями. 24 и 26 ноября он имел встречи с аккредитованным в Москве корреспондентом норвежской газеты "Афтенпостен" Хегге, на одной из которых присутствовал известный своей антиобщественной деятельностью Ж. Медведев, а 27 ноября посетил посольство Швеции.

27 ноября Солженицын направил в Швейцарию на имя Ф. Хееба, являющегося, по сообщениям зарубежной печати и радио, его доверенным лицом за границей по литературным гонорарам, письмо следующего содержания:

"Я уже писал в Нобелевский фонд, что я отказываюсь от поездки в Стокгольм, так как я боюсь, что меня не впустят назад на родину. Я предложил господам из Нобелевского фонда вручить мне диплом и медаль в Москве. Но часть денег от нобелевской премии я просил перевести на мой счет в шведский или швейцарский банк после переговоров с Вами, но таким образом, чтобы Вы могли ими распоряжаться. (Причем, согласно нобелевского статуса вся сумма должна быть снята со счета не позже 1.10.71 г.)

Я надеюсь, что Вы уже в конце декабря или начале января сможете располагать ею. В таком случае я прошу Вас мне лично перевести через Внешторгбанк 3000 долларов. При этом обязательно, пожалуйста, укажите, что это только часть нобелевской премии[2].

Насколько мне известно, согласно международному праву такие премии не облагаются налогом. В зависимости от того, какие будут препятствия и в полном ли размере я получу эту сумму, я буду или не буду просить Вас о дальнейших денежных переводах.

Я буду Вам очень обязан, если Вы сразу же, по получении этого письма, ответите мне. Мой адрес для писем с сегодняшнего дня следующий: Москва, К-9, ул. Горького, 12, кв.169. Светлова Наталья Дмитриевна

(можно добавить: для А. И. Солженицына, можно и не добавлять).

Для денежных переводов через Внешторгбанк, пожалуйста, пока указывайте старый адрес: Рязань,12, ул. Юннатов, 8/1, кв.11. Солженицын Александр Исаевич.

Я надеюсь, что Вы здоровы и что заботы о моем деле еще не нанесли Вам большого вреда.

С наилучшими пожеланиями. Привет Вам и Вашей семье.

Если Нобелевский фонд даст согласие на церемонию вручения медали или диплома в Москве, я непременно буду просить их, разумеется, пригласить на эту церемонию Вас".

Заместитель председателя
Комитета госбезопасности при
Совете Министров СССР *С. Цвигун*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 94—95. Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС за № П2319

[2]Размер Нобелевской премии составляет около 2 млн. шведских крон (225 тыс. долларов США) — см. "Лауреаты Нобелевской премии". Энциклопедия. М.: Прогресс, 1992. Т. 1. С. XX

№ 49

ТЕЛЕГРАММА ПОСОЛЬСТВА СССР В ШВЕЦИИ

Спец. № 742
из Стокгольма 1 декабря 1970 г.

СЕКРЕТНО
Экз. № 24[1]

496. Посетил министра иностранных дел Нильссона и в соответствии с поручением сделал ему заявление в связи с присуждением Солженицыну Нобелевской премии.

Нильссон сказал, что Шведская академия принимает и публикует в печати свои решения о присуждении премий совершенно независимо от правительства Швеции. По его словам, шведское правительство не имеет влияния ни на эти решения, ни на то, как они освещаются в печати. Он признал в то же время, что творчество пи-

сателей, которым присуждается премия, нередко по-иному оценивается у них на родине, чем Шведской академией.

Министр подчеркнул, что в той сфере деятельности, которая находится под контролем шведского правительства и направляется им, между СССР и Швецией нет каких-либо противоречий. Он сказал, что по их оценке советско-шведские отношения развиваются хорошо.

Со своей стороны отметил также, что решение о присуждении премии Солженицыну носило политический характер и было направлено против Советского Союза. Высказал надежду, что шведское правительство найдет возможности, чтобы предотвратить использование кампании в связи с этим решением для ухудшения отношений между СССР и Швецией. Подчеркнул, что ожидается, что шведские представительства за границей воздержатся от участия в мероприятиях, имеющих отношение к Солженицыну.

Нильссон заявил, что вмешательство правительства Швеции в дела, связанные с присуждением премии, исключено.

Указанная формулировка позволяет полагать, что шведские официальные лица за границей не будут участвовать в мероприятиях, связанных с Солженицыным.

В шведской прессе опубликовано письмо Солженицына, переданное в адрес Шведской академии (текст перевода письма передаем по ТАСС), которое сопровождается различными спекуляциями.

Представитель Нобелевского фонда Столе заявил, что с Солженицыным будут проведены дополнительные переговоры о месте и форме вручения премии, а также об использовании премиальных денег. Как в его заявлении, так и в печати прослеживается стремление не исключать возможности приезда Солженицына в Швецию для выступления с "нобелевской лекцией".

Обращает на себя внимание статья корреспондента газеты "Свенска дагбладет", в которой, со ссылкой на дипломатические круги в Москве, высказывается мысль, что шведское посольство в СССР будет трудно втянуть в официальную церемонию вручения премии, так как это может обременить отношения между Советским Союзом и Швецией.

МАЛЬЦЕВ

СПРАВКА: № 496 (исх. № 42888) от 27. XI. 70 г. т. Громыко дал указание посетить министра иностранных дел Швеции Нильссона и сделать заявление в связи с присуждением Солженицыну Нобелевской премии.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 62—64. Копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Экземпляр ЦК КПСС

№ 50

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР[1]

№ 2235/ГС 3 декабря 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

В соответствии с постановлением № П184/59[2] от 27 ноября 1970 года совпосол в Швеции сделал шведскому министру иностранных дел Нильссону заявление в связи с присуждением Солженицыну Нобелевской премии (спец. № 742 из Стокгольма)[3].

В ответ на это Нильссон заявил совпослу, что вмешательство правительства Швеции в дела, связанные с присуждением Нобелевской премии, исключено. Тем не менее известно, что Солженицын встречался в Москве со шведским послом Яррингом.

В своем письме от 27 ноября с. г. в Шведскую академию и Нобелевский фонд Солженицын сообщил, что он хотел бы получить Нобелевский диплом и медаль в Москве.

Не исключено, что будут предприниматься попытки использовать посольство Швеции в Москве для передачи Солженицыну диплома и медали. МИД считал бы целесообразным дополнительно к ранее предпринятым шагам сделать послу Швеции соответствующее предупреждение.

Проект постановления прилагается[4].

Прошу рассмотреть.

В. Кузнецов

Ф. 3, оп. 68, д. 1406, л. 78. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 3 декабря 1970 г. за № 184—131

[2]См. документ № 47

[3]См. документ № 49

[4]4 декабря 1970 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П185/7 (см. документ № 52)

№51

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3271-А   3 декабря 1970 г.

Совершенно секретно

Ц К К П С С

Комитетом госбезопасности получены данные, что на имя Солженицына (в адрес его сожительницы Светловой) проследовала телеграмма Нобелевского комитета следующего содержания:

"Благодарим за открытое письмо и остальной материал. Мы сожалеем, но понимаем Ваши мотивы не приехать. Как удобную форму публикации, мы прочитаем письмо как принятое приветствие от отсутствующих лауреатов на банкете 10 декабря. Одновременно текст передается прессе. Однако полностью содержание этого письма прессе пока не передано. К вопросу о вручении диплома и медали вернемся. Благодарим за Нобелевский текст. Будем благодарны получить рукопись не позднее 1 апреля 1971 года. Распоряжение премией по Вашему желанию".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ   *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 58. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На документе подписи М. Суслова, А. Кириленко, Л. Брежнева, А. Косыгина, Г. Воронова, К. Мазурова, А. Пельше, Н. Подгорного, Д. Полянского, П. Шелеста, А. Шелепина

№52

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "О заявлении послу Швеции в СССР в связи с присуждением Нобелевской премии Солженицыну"

№ П185/7   4 декабря 1970 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

Утвердить проект заявления послу Швеции в Советском Союзе (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 7 прот. №185

Секретно

ТЕКСТ УСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ПОСЛУ ШВЕЦИИ В СССР

Решение Шведской академии о присуждении Солженицыну Нобелевской премии вызвало возмущение как в советских литературных кругах, так и в самых широких кругах советской общественности.

Кампания, развернутая определенными кругами в Швеции в связи с этим решением Шведской академии, направлена на то, чтобы нанести ущерб советско-шведским отношениям, что не отвечает интересам как Советского Союза, так и Швеции.

В беседе 1 декабря с. г. с совпослом министр иностранных дел Швеции Т. Нильссон заявил, что вмешательство шведского правительства в дела, связанные с присуждением Нобелевской премии, исключено[1].

Советская сторона поэтому ожидает, что шведское посольство в Москве будет придерживаться высказанной министром Нильссоном линии и воздержится от какого-либо участия в мероприятиях, связанных с вручением Нобелевской премии Солженицыну.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 59—60. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]См. документ № 49

№53

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР[1]

№ 2322/ГС 17 декабря 1970 г.

Секретно

Ц К К П С С

МИД СССР в соответствии с поручением представляет предложение по поводу заявления итальянского министра по делам туризма и зрелищ Маттеотти, касающегося так называемого "дела Солженицына".

Проект постановления прилагается[2].
Прошу рассмотреть.

А. Громыко

Ф. 3, оп. 68, д. 1416, л. 107. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 17 декабря 1970 г. за № 185—156

[2]18 декабря 1970 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П185/135 (см. документ № 54)

№54

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "О заявлении МИД СССР посольству Италии в Москве в связи с выступлением министра Маттеотти по т. н. "делу Солженицына"

№ П185/135 *18 декабря 1970 г.*

СОВ. СЕКРЕТНО

Поручить МИД СССР сделать заявление посольству Италии в Москве по данному вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 135 прот. № 185

ТЕКСТ ЗАЯВЛЕНИЯ ПОСОЛЬСТВУ ИТАЛИИ В МОСКВЕ

Министерство Иностранных Дел СССР считает необходимым заявить следующее:

Как сообщила римская газета "Мессаджеро", итальянский министр по делам туризма и зрелищ Маттеотти выступил с публичным заявлением по поводу так называемого "дела Солженицына". Приходится с сожалением констатировать, что официальный представитель итальянского правительства счел для себя возможным включиться в кампанию клеветы, подогреваемую определенными кругами в неблаговидных политических целях.

Факт такого выступления официального представителя правительства Италии, которое носит явно выраженный недружественный по отношению к Советскому Союзу характер, не согласуется с состоянием советско-итальянских отношений и теми усилиями, которые пред-

принимаются с обеих сторон для укрепления и развития отношений между двумя странами.

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 65—66. Выписка из протокола.

№55

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3511-А 28 декабря 1970 г.

Секретно

ЦК КПСС

Как сообщалось ранее (№ 3249-Ц от 28 ноября 1970 г.)[2], СОЛЖЕНИЦЫН проявляет заинтересованность в получении из-за рубежа денежных средств из фонда по Нобелевским премиям.

22 декабря 1970 года на имя СОЛЖЕНИЦЫНА (с указанием адреса его сожительницы СВЕТЛОВОЙ, научного сотрудника Института международного рабочего движения) в Банк для внешней торговли СССР поступили из Стокгольма 3000 долларов как часть Нобелевской премии.

В соответствии с установленным порядком, переводы, поступившие от иностранных банков во Внешторгбанк, подлежат вручению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 68. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе запись "29/XII ознакомлены т. т. Брежнев, Косыгин, Подгорный, Кириленко. М. Суслов"

[2]См. документ № 48

1971

№ 56

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Вопрос Комитета госбезопасности и Прокуратуры СССР (о Солженицыне)"[1]

№ П187/XI

СОВ. СЕКРЕТНО

Поручить комиссии в составе т. т. Суслова М. А., Кириленко А. П., Андропова Ю. В., Гришина В. В., Демичева П. Н., Шауро В. Ф., Маркова Г. М. дополнительно изучить этот вопрос с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК и, если будет необходимо, внести соответствующие предложения в ЦК КПСС.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 69. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Рабочая запись этого вопроса на заседании Политбюро ЦК КПСС не велась

№ 57

ИНФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ МИРА[1]

№ 15 — 20 января 1971 г.

ЦК КПСС

Направляем для сведения присланное в Советский комитет защиты мира письмо от видного американского артиста и общественного деятеля Дина Рида, адресованное Солженицыну.

Перевод письма прилагается.

Ответственный секретарь
Советского комитета защиты мира — *(М. Котов)*

Приложение 1

26 декабря 1970 года
Виа Мизурина, 73
Рим, Италия

Дорогой товарищ Котов!

Надеюсь, что мое письмо застанет Вас в добром здравии и в высоком революционном духе. Мне также хотелось бы поблагодарить Вас за доброту и внимание, проявленные Вами ко мне во время пребывания в Москве.

Прилагаю копию личного письма, направленного мною более года тому назад господину Солженицыну. С того времени капиталистическая пресса превратила его в мученика и каждодневно использует инцидент с ним для нападок на социалистическую систему.

Я полагаю, что теперь как никогда раньше важно, чтобы содержание моего письма стало известным, чтобы народы мира смогли раскрыть те лживые выдумки, которые капиталистическая пресса создает вокруг "дела Солженицына".

Пусть новый год принесет вам и всему миру много счастья и мира и пусть все народы, борющиеся за свое национальное освобождение и свободу, добьются своих справедливых целей.

Ваш друг *Дин Рид*

Приложение 2

16 ноября 1969 года

Рим, Италия

Мой дорогой коллега по искусству Солженицын!

Я, как американский артист, должен ответить на некоторые ваши обвинения, публикуемые капиталистической прессой во всем мире. По моему мнению, они являются ложными обвинениями, и народы мира должны знать, что они ложные.

Вы заклеймили Советский Союз как "глубоко больное общество, пораженное ненавистью и несправедливостью". Вы говорите, что Советское правительство "не может жить без врагов, и вся атмосфера пропитана ненавистью, не останавливающейся даже перед расовой ненавистью". Вы, должно быть, говорите о моей родине, а не о своей!

Ведь именно Америка, а не Советский Союз ведет войны и создает напряженную обстановку возможных войн с тем, чтобы давать возможность своей экономике действовать, а нашим диктаторам, военно-промышленному комплексу, наживать еще больше богатства и власти на крови вьетнамского народа, наших собственных американских солдат и всех свободолюбивых народов мира. Больное общество у меня на родине, а не у вас, господин Солженицын!

Именно Америка, а не Советский Союз, превратилась в наиболее насильственное общество, которое когда-либо знала история человечества. Именно в Америке мафия контролирует больше экономического могущества, чем наши крупнейшие корпорации, и где наши граждане не могут, не боясь преступного нападения, ходить ночью по улицам. Ведь именно в Соединенных Штатах, а не в Советском Союзе их граждане убили после 1900 года больше своих соотечественников, чем число всех американских солдат, погибших в боях в первой и второй мировых войнах плюс в Корее и во Вьетнаме! Именно наше общество считает удобным убивать любого и каждого прогрессивного лидера, который находит в себе мужество поднять голос против некоторых наших несправедливостей. Вот что такое больное общество, г-н Солженицын!

Далее вы говорите о расовой ненависти! В Америке, а не в Советском Союзе за последние двести лет остается безнаказанным убийство негров, которых держат в полурабстве. В Америке, а не в Советском Союзе полиция без разбору избивает и арестовывает любого и каждого негра, пытающегося выступить за свои права.

Затем вы говорите, что "свобода слова, честная и полная свобода слова — вот первое условие здоровья любого общества, и нашего также". Попытайтесь распространить эти мысли среди страдающих народов, вынужденных бороться за существование и жить вопреки своей воле при сотнях диктаторских режимов, поддерживаемых у власти лишь благодаря военной помощи США.

Скажите о своих мыслях людям, чье "здоровье" заключается лишь в том, что половина их детей умирает при рождении, так как у них нет денег на врача и они всю свою жизнь мучаются из-за отсутствия медицинского обслуживания. Скажите об этом людям капиталистического мира, чье "здоровье" состоит в том, что всю свою жизнь они проводят в постоянном страхе перед безработицей. Скажите американским неграм, сколько "здоровья" и "свободы слова" им дано на самом деле в итоге

их справедливой борьбы за равноправие с белыми, если через двести лет "свободы слова по-американски" во многих районах США считают, что убить негра это все равно что поохотиться на медведя!

Скажите трудящимся капиталистического мира о ваших идеях по поводу "свободы слова, как первого условия здоровья", если из-за нехватки денег их сыновья и дочери так и не смогут развить своих умственных способностей в школе, а поэтому никогда не сумеют даже научиться читать! Вы говорите о свободе слова в то время как большая часть населения земного шара пока еще говорит об умении прочесть слова!

Нет, г-н Солженицын, ваше определение свободы слова как первого условия здоровья неверно. Первое условие заключается в том, чтобы сделать страну достаточно здоровой морально, умственно, духовно и физически с тем, чтобы ее граждане умели говорить, читать, писать, трудиться и жить вместе в мире.

Нет, г-н Солженицын, я не принимаю вашего первого условия здоровья общества и особенно в вашем определении и контексте слова. Моя страна, известная своей "свободой слова", — это страна, где полиция нападает на мирных участников походов. В моей стране разрешены мирные походы, и в то же время продолжающаяся война губительно отражается на жизни вьетнамского народа, ибо демонстрации, разумеется, нисколько не меняют политику правительства. Неужели вы действительно думаете, что военно-промышленный комплекс, правящий моей страной и полмиром, печется о "свободе слова"?! Представители его сознают, что они и только они обладают полномочиями принимать решения. Воистину, свобода слова — на словах, но не на деле!

Вы заявляете также, что Советский Союз идет не в ногу с 20-м веком. Если это и верно, то потому, что Советский Союз всегда идет на полшага впереди 20-го века! Неужели вы предлагаете вашему народу отказаться от своей роли вождя и авангарда всех прогрессивных народов мира и вернуться к бесчеловечным и жестоким условиям, существующим в остальной части земного шара, где несправедливость воистину изобилует при почти феодальных условиях многих стран?

Г-н Солженицын, в статье далее сказано, что вы "многострадальный писатель из Советского Союза". По-видимому, это означает, что вы много страдаете от отсутствия моральных и общественных принципов и что ваша совесть

мучает вас в тихие ночные часы, когда вы остаетесь наедине с собой.

Верно, что в Советском Союзе есть свои несправедливости и недостатки, но ведь все в мире относительно. В принципе и на деле ваше общество стремится к созданию подлинно здорового и справедливого общества. Принципы, на которых построено ваше общество, здоровы, чисты и справедливы, в то время как принципы, на которых построено наше общество, жестоки, корыстны и несправедливы. Очевидно, в жизни могут быть ошибки и некоторые несправедливости, однако несомненно, что общество, построенное на справедливых началах, имеет больше перспектив прийти к справедливому обществу, нежели то общество, которое строится на несправедливости и эксплуатации человека человеком. Общество и правительство моей страны отстали от времени, потому что их единственная цель заключается в стремлении сохранить во всем мире статус-кво. Именно ваша страна стремится делать прогрессивные шаги во имя человечества, и если в чем-то она не совершенна и порою спотыкается и падает, мы не должны осуждать за эти недостатки всю систему, а должны приветствовать ее за ее мужество и стремление прокладывать новые пути.

Искренне ваш *Дин Рид*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 150—155. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 21 января 1971 г. за № П113

№ 58

ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "ОГОНЕК"[1]

22 января 1971 г.

ЦК КПСС

Направляем на Ваше рассмотрение открытое письмо Солженицыну американского певца и киноактера Дина Рида с просьбой опубликовать это открытое письмо на страницах журнала "Огонек". Редколлегия считала бы целесообразным напечатать это письмо на наших страницах.

Дин Рид с 1965 года активно сотрудничает со всемирным движением стронников мира. Сын калифорнийского фермера-ковбоя, Дин Рид эмигрировал из США в

Латинскую Америку. Его песни наполнены чувством гнева и протеста против насилия, агрессии, расовой дискриминации и пользуются популярностью в Советском Союзе, ряде социалистических стран и за рубежом. Последние годы Дин Рид проживает в Италии, так как климат этой страны рекомендован врачами его супруге, недавно родившей ребенка. Дин Рид дважды посещал редакцию журнала "Огонек", где выступал со своими песнями и недавно опубликовал собственное стихотворение, осуждающее несправедливость буржуазного общества.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ЖУРНАЛА "ОГОНЕК" *А. СОФРОНОВ*

Приложение 1

26 декабря 1970 г.

Виа Мизурина, 73.
Рим, Италия

Дорогой товарищ Софронов!

Надеюсь, что мое письмо застанет Вас в добром здравии и бодром революционном настроении. Посылаю Вам копию моего личного письма, которое я направил свыше года тому назад господину Солженицыну. С того времени капиталистическая пресса сделала из него мученика и использует его "дело" для повседневных атак на социалистическую систему. Я думаю, что очень важно давать отпор этой лжи, и если мое письмо может послужить этой цели, предоставляю Вам напечатать его.

Прилагаю также текст речи[2], который я огласил в Чили перед тем, как стал символически стирать (отмывать) в ведре флаг Соединенных Штатов, за что был арестован чилийскими властями. Это случилось за три дня до всеобщих выборов, на которых, как известно, победу одержали социалистические силы Чили. Теперь я вернусь туда, совершу путешествие по стране, буду выступать с политическими речами в поддержку нового правительства и снимать прогрессивные фильмы для "ТИС", который является профсоюзным кинообъединением Чили.

Пусть наступающий год принесет Вам и всему человечеству мир и счастье, пусть все народы, борющиеся за свое национальное освобождение и свободу, достигнут этой своей благородной цели.

Искренне *Дин Рид.*

Приложение 2

16 ноября 1969
Рим, Италия

Господин Солженицын!

Я, как американский артист, считаю нужным ответить на некоторые из ваших обвинений, распространяемых капиталистической печатью разных стран. Эти обвинения я считаю лживыми, и народы мира должны знать, почему они лживы.

Вы клеймите Советский Союз, как "серьезно больное общество". Вы говорите, что Советское правительство "не может жить без врагов и что атмосфера стала насыщенной ненавистью, ненавистью, не исключая даже расовую ненависть".

Вы, очевидно, говорите о моей стране, а не о вашей.

Это Америка, а не Советский Союз прибегает к войнам, создает напряженность и угрозы новых войн — для того, чтобы могла функционировать ее экономика и чтобы наши диктаторы — военно-промышленный комплекс — черпали еще больше богатств и власти из крови народа Вьетнама, из крови наших собственных американских солдат, из крови многих борющихся за свободу народов мира.

Это моя родина — больное общество, а не ваша, господин Солженицын.

Это Америка, а не Советский Союз превращена ныне в общество жестокости и насилия, невиданное в истории человечества. Это в Америке Мафия (преступный мир) располагает большей экономической властью, чем даже некоторые крупнейшие наши корпорации, а наши соотечественники не могут выходить по вечерам на улицу, каждую минуту опасаясь бандитского нападения. Это в Соединенных Штатах, а не в СССР, начиная с 1900-го года, погибло от рук убийц больше мирных людей, чем пало солдат в битвах первой и второй мировых войн, не считая корейской и вьетнамской! Это в нашем обществе находят уместным убивать любого прогрессивного лидера, который нашел в себе мужество поднять голос против тех или других несправедливостей и беззаконий. Вот оно — больное общество, господин Солженицын!

Вы беретесь говорить о расовой ненависти! Это в Америке, а не в Советском Союзе происходит безнаказанное истребление людей негритянской расы на протяжении последних двух столетий и сохраняется и посейчас полурабское положение негров.

Вы говорите далее, что “свобода слова, честная и сводная свобода слова — вот условие здоровья любого общества, и нашего тоже”. Попробуйте-ка поторговать вразнос этой своей “идеей” среди угнетенных народов, которым приходится бороться за то, чтобы выжить физически, и которые вынуждены влачить свое существование под десятками диктаторских режимов, держащихся у власти исключительно благодаря военной помощи Соединенных Штатов. Попытайтесь всучить вашу “идею” тем народам, все “здоровье” которых заключается в том, что у них половина детей умирает в грудном возрасте, потому что они не могут себе позволить воспользоваться помощью врача и сами вымирают от болезней и эпидемий. Поделитесь вашим “открытием” с рабочими капиталистических стран, “здоровье” которых едва ли поддерживается висящим над ними постоянным страхом потерять работу. Спросите тех же негров Америки, много ли “здоровой” свободы слова они обрели в своей тяжелой, справедливой борьбе за равные права с белым человеком — там, у нас, в Америке, где после двух столетий “свободы по-американски” во многих районах страны еще считается, что затравить и линчевать негра это все равно что отправиться поохотиться на медведя!

Изложите рабочим некоторых капиталистических стран вашу мысль о том, что “первым условием” здоровья общества является свобода слова — они ответят вам, что из-за отсутствия денег их сыновьям и дочерям не всем бывает доступно развить свои способности даже в начальной школе, а иногда — и просто научиться грамоте! Вы разглагольствуете о свободе слова, когда большинство населения Земли лишено даже простейшего умения прочитать чьи-либо слова.

Нет, господин Солженицын, ваше определение свободы слова как первого условия здоровья общества — ошибочно. Первое условие построения здорового общества — это обеспечить людям достойные условия существования, возможность иметь работу и жить в мире, и на этой основе — расти умственно, морально, духовно, овладевать грамотой, знаниями, умением выражать свои мысли и чаяния.

Нет, господин Солженицын, я не приемлю вашего “первого условия” создания свободного общества — особенно в вашем определении и в вашем контексте. Моя страна, которая славится своей “свободой слова”, — это страна, где полиция нападает с оружием в руках на участников мирных демонстраций. И даже если иногда де-

монстрации разрешаются, все равно война во Вьетнаме, со всеми ее ужасными, опустошительными последствиями для вьетнамского народа, продолжается по-прежнему, ибо, несмотря на массовые протесты и демонстрации американцев, наше правительство продолжает вести прежнюю политику. Неужели вы всерьез думаете, что военно-промышленный комплекс, который правит моей страной и распоряжается в десятках других стран, станет задумываться над вопросом о "свободе слова"? Что ж, конечно, свобода слова, но... только в теории, а никак не на практике!

Вы также заявляете, что Советский Союз не идет в ногу с XX веком. Это может быть верным лишь в том смысле, что Советский Союз всегда идет, как говорится, "на полшага" впереди XX века! Вы что же предлагаете, чтобы ваш народ отказался от своей роли лидера и авангарда всех прогрессивных народов мира и вернулся к бесчеловечным и жестоким условиям, в которых прозябают многие страны, где действительно царят капиталистический гнет и несправедливость, если не феодальное средневековье?

Господин Солженицын, в одной из статей, опубликованных на Западе, говорится, что вы — "давно страдающий писатель из Советского Союза". Может быть, авторы этой статьи хотят этим сказать, что вы издавна страдаете нехваткой моральных и гражданских принципов и что ваша совесть мучает вас в тихие ночные часы, когда вы остаетесь наедине с самим собой?

Это верно, что и в Советском Союзе могут быть факты несправедливости и различные несовершенства, но ведь все в мире относительно. Ваша страна, и в принципе и на практике, стремится создать подлинно здоровый и справедливый общественный строй. Принципы, на которых зиждется ваше общество, — это здоровые, чистые и справедливые принципы, а общественный строй моей страны держится на жестокости, своевластии, беззаконии. Разумеется, на практике всегда могут быть ошибки и те или иные несправедливости, но совершенно очевидно, что общество, которое построено на здоровом фундаменте, имеет бесконечно больше шансов прийти к полному торжеству в нем идеалов справедливости, чем общество, опирающееся на заведомую несправедливость, на эксплуатацию человека человеком.

Да, это мое правительство и представляемый им социальный строй шагают не в ногу с веком и далеко отстают от него, ибо главная цель, которую они перед собой

ставят, — это пытаться удержать в мире "статус-кво", сохранить отжившее прошлое. А ваша страна — она настойчиво открывает для человечества новые исторические пути. И если она в тот или иной момент может оказаться в чем-либо не на высоте (далекой от совершенства) или даже споткнуться — мы не вправе осуждать за эти недостатки всю систему. Мы должны приветствовать Советский Союз за смелость и мужество, с которыми он прокладывает в истории новые тропы.

Искренне *Дин Рид.*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 136—142.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе запись "**Справка**. Письмо Д. Рида с согласия ЦК КПСС опубликовано в "Литературной газете" 27 января 1971 г. и в журнале "Огонек" № 5 за 1971 г. Зав. сектором Отдела пропаганды ЦК КПСС И. Кириченко. 28.01.71" и подпись Г. Смирнова
[2]Не публикуется

№ 59

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС[1]

22 января 1971 г.

ЦК КПСС

Дин Рид, видный американский артист и общественный деятель, прислал в Советский комитет защиты мира и журнал "Огонек" копию своего письма, адресованного более года тому назад Солженицыну. Дин Рид высказывает пожелание, чтобы это письмо стало известно широким кругам общественности нашей страны и за рубежом.

Отдел пропаганды ЦК КПСС считает целесообразным опубликовать текст письма Дина Рида Солженицыну в очередных номерах "Литературной газеты" и журнала "Огонек", сопроводив его краткой справкой об общественной и творческой деятельности Дина Рида[2]. Его публикация будет способствовать разоблачению измышлений буржуазной пропаганды по поводу "дела Солженицына".

Текст письма Дина Рида разослан членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС за № П113 от 21 января с. г.[3]

Просим согласия.

Зам. зав. Отделом пропаганды
ЦК КПСС *(Г. Смирнов)*

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 148. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На документе помета "Согласиться. П. Демичев"
[2]См. примечание 1 к документу № 58
[3]См. документ № 57

№ 60

ПИСЬМО А. СОЛЖЕНИЦЫНА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР[1]

18 февраля 1971 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР т. КОСЫГИНУ А. Н.

писателя СОЛЖЕНИЦЫНА А. И.

Заявление

Я вынужден обратиться непосредственно к Вам, главе правительства СССР, из-за того, что низшие и средние инстанции (Внешпосылторг, министерство Внешней торговли) уклоняются от решения этого вопроса.

Как Вам известно, я получил Нобелевскую премию. Намереваясь использовать ее в СССР, я затребовал начальную сумму. Однако Внешпосылторг (к тому же измысливший препятствие в виде "справки от Союза Писателей о получении Нобелевской премии") соглашается реализовать только 65% моей суммы, изъяв 35%, как это делается с авторскими гонорарами с июля 1969 г.[2] Соответствующее распоряжение о вычетах из гонораров хранится в строгой тайне, что свидетельствует о НЕЗАКОННОСТИ решения, ибо ЗАКОНУ нет надобности таиться. Но даже и это тайное распоряжение не может содержать в себе указания относительно Нобелевской литературной премии:

— ввиду непредвидимости, исключительности случая;

—ввиду того, что как по международным законам, так и по законам СССР премии (в том числе Нобелевская) не облагаются никакими налогами и поборами.

Я прошу Вашего распоряжения министерству Внешней торговли о том,

1) чтобы Внешпосылторг дал мне возможность беспрепятственно и в объеме 100% реализовать приходящие из Нобелевской премии суммы;

2) чтобы мне было разрешено в том числе приобрести за валюту КВАРТИРУ в г. Москве. (На это, в общем

порядке, требуется еще московская прописка, которой у меня нет. Но, я думаю, пора признать нереальность и бесполезность усилий изолировать меня от Москвы при помощи рязанской прописки: жить в Рязани я не буду ДАЖЕ ПО СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ.)

Однако я хотел бы поставить вопрос ш и р е: действительно ли заинтересовано государство в привлечении наибольших валютных средств в нашу страну? Если — да, то не следует делать получение, например, литературных гонораров из-за многочисленных вычетов — БЕССМЫСЛЕННЫМ для авторов. Что касается меня, то я мог бы привлечь на родину суммы, значительно превышающие мои личные потребности, и, значит, использовать их для общественных нужд, — если бы приходящие деньги не обесценивались, а то и фактически аннулировались практикой министерства Финансов и министерства Внешней торговли.

18 февраля 1971 г.

Солженицын

Ф. 3, оп. 80, д. 644, л. 161. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе указание "Общий отдел ЦК КПСС. Прошу разослать членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС. (Указание тов. Косыгина А. Н.) А. Горчаков. 25 февраля 1971 г."

[2]До присоединения СССР к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве в 1973 г. существовало положение, при котором гонорар, поступивший в свободно конвертируемой валюте, автор мог использовать следующим образом:

— положить на счет типа "Б" во Внешторгбанке СССР и лишь частично использовать при поездках за рубеж с разрешения валютного управления Минфина СССР;

— купить сертификаты Внешпосылторга СССР, который удерживал с автора 35 процентов;

— получить всю сумму в рублях

№ 61

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 1630-А — 25 июня 1971 г.

Сов. секретно

Ц К К П С С

При этом направляются изданная в Париже (издательство "Имка-Пресс") книга А. Солженицына "Август

Четырнадцатого" ч. 1 "Узел" и краткая аннотация на нее.

В послесловии "К русскому зарубежному изданию 1971 г." Солженицын пишет:

"Эта книга сейчас не может быть напечатана на нашей родине, иначе как в Самиздате — по цензурным выражениям, недоступным нормальному человеческому рассудку, да даже из-за того одного, что потребовалось бы писать слово Бог непременно с маленькой буквы. На это унижение я уже не могу пригнуться. Директива писать Бога с маленькой есть дешевая атеистическая мелочность... для понятия, обозначающего высшую творческую силу Вселенной, можно было бы отпустить одну большую букву".

По оперативным данным известно, что с рукописью указанной книги знакомились Ростропович М. Л., Чуковская Л. К. и ее дочь, Твардовский А. Т., Копелев Л. З., Медведев Ж. А. и некоторые другие лица из числа близких связей автора.

Также известно, что Чуковская, доктор философских наук Кольман Э. Я., проверяемый органами госбезопасности в связи с его враждебными высказываниями, сожительница Солженицына — Светлова и другие дают отрицательную оценку художественным качествам этого произведения.

В настоящее время Солженицын работает над второй частью книги "Октябрь Шестнадцатого".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Приложение

А. СОЛЖЕНИЦЫН

"АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО"

(аннотация)

Из предисловия издательства "Имка-Пресс" видно, что "Август четырнадцатого" является первой частью произведения, в котором автор намерен затронуть важные общественно-политические аспекты России.

"Август четырнадцатого" состоит из 64 глав на 571 странице, имеет послесловие автора, датированное маем 1971 года. В романе рассказывается о начале 1 мировой

войны, ее первых десяти днях на Северо-Западном русском фронте, описывается наступление армии генерала САМСОНОВА в Восточную Пруссию и разгром этой армии.

На историческом фоне дается описание нескольких семей богатых землевладельцев и скотопромышленников Ставропольской губернии. 9 первых глав романа посвящены, в основном, жизни двух семей — ЛАЖЕНИЦЫНЫХ и ТОМЧАКОВ. Следует отметить, что в этой части роман в определенной степени имеет автобиографический характер. По описанию места жительства, биографическим данным действующих лиц можно предположить, что прообразом семьи ЛАЖЕНИЦЫНЫХ является семья деда автора Семена Ефимовича СОЛЖЕНИЦЫНА, владевшего двумя тысячами десятин земли в селе Сабля Ставропольской губернии, 2000 голов овец и имевшего до 50 батраков. Прообразом сына ЛАЖЕНИЦЫНА — Исаакия является, по всей вероятности, отец автора, который также учился в Пятигорской гимназии, а затем в Харьковском и Московском университетах на историко-филологическом факультете, а в 1914 году добровольно вступил в действующую армию.

Описывая семью Томчаков, автор основывается на истории семьи крупного ставропольского землевладельца ЩЕРБАКА Захара Федоровича. Он и его сын выведены в романе под именами ТОМЧАКОВ Захара Ферапонтовича и Романа Захаровича, причем сведения о богатой жизни ТОМЧАКОВ совпадают до деталей с воспоминаниями ныне живущих старожилов Ставропольского края, бывших очевидцами событий. Прототипом Ксении — одной из дочерей Р. Ф. ТОМЧАКА, является мать автора романа — СОЛЖЕНИЦЫНА (ЩЕРБАК) Таисия Захаровна, которая умерла в 1944 году в г. Георгиевске Ставропольского края.

Ниже приводится краткое содержание романа.

В первых главах показана жизнь семьи ЛАЖЕНИЦЫНЫХ, выходцев из крестьян Воронежской губернии, сосланных в Прикумские степи, по словам автора, за бунт, а впоследствии разбогатевших благодаря своему "трудолюбию", занятых исключительно интересами хозяйства и с пренебрежением относящихся к образованию детей.

Лишь один из сыновей ЛАЖЕНИЦЫНЫХ — Исаакий с трудом получил разрешение отца продолжать свое образование в университете. Наконец был отпущен в Харьков, "но принят не сразу: по имени Исаакий отказали ему как еврею, уже была у них процентная норма вы-

полнена". И пришлось ему, по словам автора, доказывать, что "он не из той нации, через которую пришел к нам Христос". От станичников Исаакий получил прозвище народника, "хотя никогда б не осмелился так представиться вслух, а понимал себя, пожалуй, именно народником — тем, что ученье свое получил для народа и идет к народу с книгою, словом и любовью".

Мировоззрение его формировалось под влиянием идей Л. Толстого, к которому он специально ездил для выяснения —"какая жизненная цель человека на земле?" Толстой ответил ему:

—"Служить добру. И через это создавать Царство Божие на земле".

—"Но скажите — служить чем? Любовью? Непременно — любовью?"

—"Конечно. Только любовью", — отвечал Л. Толстой.

—"Что до меня — я так и хочу, через любовь! Я так — и буду. Я так и постараюсь жить — для добра", — говорил Исаакий.

Война застала Исаакия в станице. "Из семьи ЛАЖЕНИЦЫНЫХ не взяли никого: старший брат был уже в годах, его сын и без того служил на действительной, у среднего брата не хватало пальцев, Исаакий — студент, а мачехины дети еще малы".

Движимый патриотическими чувствами, сказав отцу, что "требуется ему ехать в университет на практику прежде времени", Исаакий принял решение идти на фронт добровольцем.

Перед уходом на фронт Исаакий заявляет в разговоре со знакомой:

"Это — не японская... Ведь на нас напали. Что мы им сделали?.. Россию жалко".

Главы 6—9 романа посвящены описанию семьи ТОМЧАКОВ, крупных землевладельцев и скотоводов ("2000 десятин кубанского чернозема"), основатель которой в "детстве был простым чабаном в Таврии, пас чужих овец и телят, ... что только через десять лет дал ему хозяин десять овец, телку и поросят — и с того завертелось все его сегодняшнее богатство, трудами и боками", а сейчас он имеет все, даже "белый Роллс-Ройс, каких в России, говорили, только девять экземпляров, и всех знали по пальцам", и гордится тем, что "кормит всю Россию" и может за свои деньги остановить поезд, где ему нужно.

Сын ТОМЧАКА — Роман, хотя и окончил всего лишь четырехклассное училище, также обладает хозяйственной хваткой, женился на богатой невесте, независим от отца,

но стремится поскорее унаследовать землю, чтобы самому развернуться. Он ежегодно проводит 2 месяца в Москве и Петербурге, 2 месяца за границей, стремится съездить в Америку — посмотреть самую деловую страну. В отличие от отца он любит внешний лоск, в комнате у него висит портрет М. Горького, у которого он находит "свою черту": "не лебезить перед тем, кто к тебе благосклонен". Его самолюбие идет дальше отцовского — накопительского, он находит в себе даже "государственные способности" и не прочь выйти на политическую арену. Очень дорожит собой и ни в коей мере не хочет погибнуть на фронте.

Отношение Романа к социальному прогрессу видно из его следующих слов: "можно было бы подумать и о социализме, если бы это не было так связано с грабежом, с отнятием законного имущества". "Единственное личное воспоминание у Романа о социализме — от девятьсот шестого, кость в горле, обиднейшая... потеря на всю жизнь", когда некие "коммунисты-террористы" разослали письма владельцам крупных экономий с требованием денег на революционную работу под угрозой смерти, и он сам должен был отдать деньги "этим рожам мерзавским", у которых "ни ума, ни трудолюбия не хватило бы на двадцатую долю того заработать". Он мечтает о "законной революции — сбросить ненавистного царя".

Война застает отца и сына в ссоре, отец грозится лишить Романа наследства, но, тем не менее, едет к воинскому начальнику и путем подкупа получает у него "белый билет" для сына на всю войну и освобождение от нее для своих работников и казаков из охраны имения.

В 10—12 главах дается описание штаба второй армии генерала САМСОНОВА, как бы с его точки зрения характеризуется положение на Северо-Западном фронте, где две армии должны взять в клещи немецкие войска в Восточной Пруссии, от его лица сообщаются сведения о высших военных чинах этой армии.

Генерал Самсонов, прослуживший в разных должностях около 35 лет, отвык от оперативного руководства войсками. Положение усугубляется неразберихой, царящей на фронте, отсутствием продовольствия, амуниции, удаленностью от передовых частей, тем, что у него то отбирают, то придают корпуса, нелепыми приказами штаба фронта, по нескольку раз на день меняющего направление движения частей, отсутствием связи. Вырабатываемые Самсоновым планы по охвату противника отклоняются, войска сутками без отдыха движутся, не встречая

немцев, он чувствует, что командующий фронтом Жилинский и командующий первой армией Ренненкампф ведут дело к тому, чтобы только вытеснить немцев из Пруссии, оставив их войска в целости.

Самсонов — преданный царю патриот российской армии, видит, что военный министр Сухомлинов — ловкий царедворец, человек, запутавшийся в денежных махинациях, сносившийся в Петербурге с австрийской фирмой Альтшуллера; зять Ренненкампфа — начальник походной канцелярии царя; Жилинский близок ко двору императрицы Марии Федоровны — и он бессилен перед всеми ними. Лучших офицеров из штаба у Самсонова забрали, сожалеет, что в свое время не назначили генерал-губернатором в Варшавский округ, где бы он лучше мог знать обстановку предстоящей военной кампании. Вместо него был назначен Ренненкампф под предлогом знания французского языка, в действительности же — по протекции Сухомлинова. Самсонов с горечью думает, что из-за французского языка решается судьба России.

Показано полное бездействие Ставки верховного главнокомандующего — великого князя, где самый деятельный человек — адъютант, гоняющий голубей, остальные вовсе ничего не делают.

В этих главах вводится новое действующее лицо — полковник генерального штаба Воротынцев, образованный офицер, с передовыми взглядами на военное дело, патриотически настроенный, чувствующий "тягу и нужду" солдата, стремящийся "прикоснуться" к тому, что происходит на передовой, и для этого сам исхлопотавший себе командировку в штаб Самсонова.

Воротынцев — офицер из плеяды выпускников Академии генштаба, возникшей после поражения в японской войне в период русского "военного ренессанса", когда в академии "создалась и сплотилась малая группа военных, кто уразумел и почувствовал "XX военный век", почувствовал, что спасти Россию может не суворовская слава, а только сегодняшняя военная техника — сегодняшняя организация и быстрый кипучий разум".

Воротынцев считает, что "наступившая война могла стать или началом великого русского возрождения, или концом всей России", что после поражения в японской войне "общество могло радоваться и все валить на царя, на царизм, но патриоты могли только скорбеть".

По словам автора, "лишь это узкое братство генштабистов, да еще, может быть, кучка инженеров знали, что весь мир и с ним Россия невидимо, неслышимо пе-

рекатилась в новое время... Вся Россия, от императорской фамилии до революционеров, наивно думала, что дышит прежним воздухом и живет на прежней земле — и только кучке военных и инженеров дано было ощущать смененный зодиак".

В последующих главах показаны эпизоды военных действий, даются характеристики представителей командования, армейского офицерства, приводятся их рассуждения о ходе событий, о смысле войны, о судьбе России, вкрапливаются исторические документы эпохи.

Всем ходом описываемых событий автор приводит читателя к выводу, что, ворвавшись в Восточную Пруссию, русские войска могли окружить и уничтожить крупные силы немцев, однако целый ряд ошибок, допущенных генералом Ренненкампфом, разновременные действия различных частей армии, отсутствие охватывающего маневра, стремление догнать отступающие немецкие войска, хорошо поставленной разведки, а также обмен между частями радиограммами открытым текстом дали возможность немцам благополучно уйти и подготовиться к ответному удару, несмотря на то, что они были фактически на грани поражения.

Несколько глав автор посвящает контрнаступлению немецкой армии, разгрому русских войск на начальном этапе войны.

По мысли автора, "первое русское поражение определило, задало тон всему ходу войны для России: как начали первое сражение, не собравши сил, так и никогда впоследствии не успевали их собрать; как усвоили впервь, так и потом бросали необученных без отдышки, сразу по подвозу, затыкали, где прорвало и текло, и все дергались вернуть утерянное, не соображая смысла, не считая жертв; от первого раза был подавлен наш дух, уже не набравший прежней самоуверенности; от первого же раза скислились и противники и союзники — каковы мы вояки, и с печатью этого презрения провоевали мы до развала; от первого же раза и в нас заронилось, да те ль у нас генералы? справны ли?

Не позволяя себе ни взмаха выдумки, коль можно точно собрать и узнать, держась к историкам ближе, а от романистов подальше, разведем руками и заверим единожды тут: так худо сплошь мы б не осмелились придумывать, для правдоподобия распределяли бы в меру свет и тень. Но с первого же сражения мелькают русские генеральские знаки как метки непригодности, и чем дальше, тем безнадежней, и почти что не на ком остановить

автору благодарного взгляда. (И тут бы утешиться нам толстовским убеждением, что не генералы ведут войска, не капитаны ведут корабли и роты, не президенты и лидеры правят государствами и партиями — да слишком много раз показал нам XX век, что именно они)".

Заканчивается произведение докладом Воротынцева в Ставке о поражении армии Самсонова.

В отдельных главах эпизодически выводятся представители интеллигенции, по своим убеждениям принадлежащие к различным политическим течениям и партиям (анархист, социал-революционер, народник, социал-демократ). Их образы, предположительно, должны углубляться в последующих частях задуманного автором произведения. В романе совершенно не упоминается партия большевиков, ни слова не говорится о ее деятельности. Вместе с тем обращает на себя внимание фигура социал-демократа прапорщика Ленартовича (обрусевший немец). По отдельным его высказываниям читатель может сделать вывод, что он принадлежит к большевикам. В этом образе проявилось, по всей вероятности, тенденциозное отношение автора к большевистской партии. Ленартович представлен человеком трусоватым (при звуке отдаленной стрельбы у него дрожат коленные чашечки"), антипатриотом, политически бездеятельным, не имеющим твердых убеждений. Он с тоской думает о том, что в сложившейся обстановке желательнее быть в тюрьме или в ссылке, а еще лучше в эмиграции, как все "порядочные революционеры". Логическим завершением поступков и мыслей этого персонажа, который в своем стремлении к самосохранению не отвергал даже возможность сдачи в плен, является его дезертирство с фронта.

Автор недвусмысленно показывает свое отрицательное отношение к каким бы то ни было революционным изменениям посредством философских рассуждений персонажей романа:

"...История растет как дерево живое. И разум для нее — топор, разумом вы ее не вырастите. Или, если хотите, история — река, у нее свои законы течений, поворотов, завихрений, но приходят умники и говорят, что она — загнивающий пруд и надо перепустить ее в другую, лучшую, яму, только правильно выбрать место, где канаву прокопать. Но реку, но струю прервать нельзя, ее только на вершок разорви — уже нет струи. А нам предлагают рвать ее на тысячу саженей. Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев — это и есть связь струй..."

"...Но разумный человек не может быть за революцию,

потому что революция есть длительное и безумное разрушение. Всякая революция прежде всего не обновляет страну, а разоряет ее, и надолго. И чем кровавей, чем затяжней, чем больше за нее платить — тем ближе она к титулу Великой...

... Сам собой народ управлять все равно никогда не будет...

... Пусть сильнее грянет буря, да? Это — безответственно! Я вот поставил на юге России двести мельниц, паровых и электрических, а если сильнее грянет буря — сколько из них останутся молоть!.. И что жевать будем?..

... А скажите — у народа обязанности есть? Или только одни права? Сидит и ждет, пока ему подадим счастье, потом вечные интересы? А что если он сам-то не готов? Тогда ни святость, ни просвещение, ни смена учреждений — не помогут?

... Но счастье народного большинства — это сытость, одетость, благополучие, полная удовлетворенность, так? А накормить, одеть — на это, смотришь, также целое столетие понадобится?

Пока до вечных интересов нам мешают — бедность, рабство, непросвещенность, плохие государственные учреждения...

... Но какое производство вы будете развивать? Капиталистическое?.. Кто касался дела, кто сам что-нибудь руками делал, тот знает: не капиталистическое, не социалистическое производство, только одно, то, которое создает национальное богатство, общую материальную основу, без чего не может жить ни один народ..."

Приведенные выше выдержки и все содержание книги позволяют сделать вывод о том, что автор небезразлично относится к возможности развития России по капиталистическому пути в тот период. Его симпатии целиком на стороне образованных и националистически настроенных военных, таких, как ВОРОТЫНЦЕВ, МАРТОС, и некоторых других, на стороне квалифицированных инженеров, подобных АРХАНГОРОДСКОМУ и ОБОДОВСКОМУ, на стороне рационально и оборотисто ведущих свое хозяйство землевладельцев и промышленников. Критика же царского строя не идет дальше критики с меньшевистских позиций в самом их умеренном варианте, то есть позиций реформистских и националистически-шовинистических.

В романе не имеется какого-либо четкого анализа социально-политической обстановки, если можно говорить о философских взглядах автора, то только как о прелом-

ленном отражении философских и религиозных взглядов Л. Толстого. Это сказывается в какой-то мере в оценке военных действий, в проповеди абстрактного внеклассового добра, самосовершенствование в рассуждениях о смысле истории.

В целом тенденции, заложенные в ряде политических проблем, лишь затронутых в романе, свидетельствуют о возможности интерпретации этих проблем в последующих частях задуманной автором книги с позиций, чуждых нашей идеологии.

Верно: ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КГБ при СМ СССР
(*НИКАШКИН*)

Ф. 3, оп. 80, д. 656, л. 3—13. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК, секретарям ЦК КПСС и В. Шауро 1 июля 1971 г.

№ 62

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2067-А 16 августа 1971 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно

12 августа с. г. в связи с получением данных о предстоящей встрече эмиссара НТС с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ органами госбезопасности были приняты меры к задержанию иностранца.

Однако в одну из засад, организованную в этих целях на даче СОЛЖЕНИЦЫНА в районе Наро-Фоминска, попал сотрудник Государственного института типового и экспериментального проектирования и технических исследований Госстроя СССР ГОРЛОВ, которого задержали и доставили в милицию. После установления личности он был отпущен. В целях конспирации ему сказано, что засада на даче была организована в связи с сигналом о готовившемся ограблении.

СОЛЖЕНИЦЫН, который в настоящее время находится в состоянии нервозности, вызванной боязнью возможного разоблачения в печати своего социального происхождения, использовал этот инцидент для изготовления и распространения очередного письма на Запад (текст прилагается).

Изложенное СОЛЖЕНИЦЫНЫМ в письме, кроме

факта задержания ГОРЛОВА, является вымыслом. В представленном в Комитет госбезопасности объяснении ГОРЛОВ указывает, что инцидент на даче совершенно не связывает с органами госбезопасности и не имеет для этого никаких оснований. По его мнению, все это сейчас "используется в чисто политических целях".

В связи с этим СОЛЖЕНИЦЫНУ будет заявлено, что участие КГБ в этом инциденте является его досужим вымыслом, весь эпизод носит чисто уголовный характер, и поэтому ему следовало бы прежде всего обратиться в органы милиции.

В целях нейтрализации невыгодных нам последствий считали бы целесообразным поручить МВД СССР утвердить версию "ограбления" по линии милиции.

Прошу рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Приложение

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ АНДРОПОВУ

Многие годы я молча сносил беззаконие ваших сотрудников: регистрацию всей моей переписки, изъятие половины ее, розыск моих корреспондентов, служебное и административное преследование их, шпионство вокруг моего дома, слежку за посетителями, подслушивание телефонных разговоров, сверление потолков, установку звукозаписывающей аппаратуры в городской квартире и на садовом участке и настойчивую клеветническую кампанию против меня с лекторских трибун, когда они предоставляются сотрудникам Вашего министерства.

Но после вчерашнего налета я больше молчать не буду.

Мой садовый домик (село Рождество, Наро-Фоминского района) пустовал. Обо мне был расчет у подслушивателей, что я в отъезде. Я же, по внезапной болезни вернувшись в Москву, попросил моего друга Александра ГОРЛОВА съездить на садовый участок за автомобильной деталью. Но замка на домике не оказалось, а изнутри доносились голоса. ГОРЛОВ вступил внутрь и потребовал от налетчиков документов.

В маленьком строении, где еле повернуться трем-четырем, оказалось их до десятка в штатском. По команде старшего: "В лес его! И заставьте молчать!" — ГОРЛОВА скрутили, свалили лицом на землю, поволокли в лес и стали жестоко избивать. Другие же тем временем поспешно убе-

жали кружным путем через кусты, унося к своим автомобилям свертки, бумаги, предметы, может быть, и часть своей привезенной аппаратуры. Однако ГОРЛОВ энергично сопротивлялся и кричал, созывая свидетелей.

На его крик сбежались соседи с других участков, преградили налетчикам путь к шоссе и потребовали документы. Тогда один из налетчиков предъявил красную книжечку с удостоверением, и соседи расступились. ГОРЛОВА же с изуродованным лицом, изорванным костюмом повели к машине. "Хороши же ваши методы!" — сказал он сопровождающим. "Мы — на операции, а на операции нам все позволено".

По предъявленному соседям документу капитан, — а по личному заявлению Иванов, — сперва повез ГОРЛОВА в Наро-Фоминскую милицию, где местные чины почтительно приветствовали "Иванова". Там "Иванов" потребовал с ГОРЛОВА же объяснительную записку о происшедшем. Хотя и сильно избитый, ГОРЛОВ изложил цель своего приезда и все обстоятельства.

После этого старший налетчик потребовал от ГОРЛОВА подписку о неразглашении. ГОРЛОВ наотрез отказался. Тогда приехали в Москву. И в пути старший налетчик внушал ГОРЛОВУ в следующих буквально фразах: "Если СОЛЖЕНИЦЫН узнает, что произошло на даче, считайте, что ваше дело кончено, ваша служебная карьера (ГОРЛОВ — кандидат технических наук, работает в институте ГИПРОТИС Госстроя СССР) дальше не пойдет, никакой диссертации вам не защитить. Это отразится на вашей семье, на детях, а если понадобится, мы вас посадим". Знающие нашу жизнь, знают полную осуществимость этих угроз. Но ГОРЛОВ не уступил им, подписку дать отказался, и теперь над ним нависает расправа.

Я требую от Вас, гр-н министр, публичного поименования всех налетчиков, уголовного наказания их и публичного же объяснения этого события. В противном случае мне остается считать их направителем — Вас.

13 августа 1971 г.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Верно: НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КГБ
при СМ СССР *(БОБКОВ)*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 2—6. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе резолюция "Согласиться. М. Суслов 18/VIII" и подписи Д. Полянского, К. Мазурова, А. Пельше, Ф. Кулакова, Г. Воронова; на последнем — запись "тт. Брежнев Л. И., Гришин В. В.,

Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Подгорный Н. В., Шелепин А. Н. в отпуске. Секретариат т. Андропова Ю. В. сообщено. Н. Соловьев"

№ 63

ЗАПИСКА Н. ЩЕЛОКОВА "К вопросу о Солженицыне"[1]

не позднее 7 октября 1971 г.

При решении вопроса о Солженицыне необходимо учитывать следующее положение.

1. Солженицын стал крупной фигурой в идеологической борьбе. Это реальность, с которой нельзя не считаться. Ни замолчать, ни обойти этот факт нельзя. Антисоветские силы сделали его своим реакционным знаменем.

2. Объективно Солженицын талантлив. Это — явление в литературе. С этой точки зрения он представляет безусловно интерес для Советской власти. Было бы крайне выгодно, чтобы его перо служило интересам народа. При правильном решении "проблемы Солженицына" вполне реальной является задача поворота его творческих интересов в сторону тематики, безупречной в идеологическом отношении.

3. **При решении вопроса о Солженицыне необходимо проанализировать те ошибки в отношении творческих работников, которые были допущены в прошлом**[2]. Прежде всего надо учитывать ошибки, допущенные в отношении самого Солженицына. Солженицына на небывалую высоту поднял Хрущев, как своего сторонника в борьбе с так называемым культом личности. Видными литераторами страны он был вознесен по талантливости до уровня Льва Толстого. За первую же повесть "Один день Ивана Денисовича" он стал членом Союза писателей, в то время когда многие писатели даже после пяти-шести книжек не удостаивались этой чести. Непонятно, зачем следовало исключать Солженицына из Союза писателей за книгу "Раковый корпус", которая написана с тех же самых идейных позиций, что и "Один день Ивана Денисовича". В первом случае его приняли в Союз писателей. Во втором случае его исключили из Союза. Такая непоследовательность ослабляет наши позиции в борьбе за идейную чистоту нашей литературы. Она делает непонятными и непоследовательными наши отношения к самому Солженицыну.

"Проблему Солженицына" создали не умные администраторы в литературе.

4. Литераторы, стоящие на шатких идейных позициях, проявляющие идейную неустойчивость в художественных произведениях, должны находиться под постоянным вниманием и контролем. Ими нужно заниматься, их нужно воспитывать. В данном случае окрик, команда, гонение — совершенно негодные средства. Здесь нужна более интеллектуальная работа. Была полная возможность издать сочинения Солженицына в Союзе, но после тщательного редактирования. При всех обстоятельствах, даже помимо воли автора, такие сочинения можно отредактировать и издать, с тем, чтобы в последующем замолчать их. Нельзя ставить автора перед необходимостью искать издательство за границей. Уже хорошо известно, что за границей не проявляют интереса к тем авторам, которых мы поднимаем сами. Значит, таких авторов, которые могут своими сочинениями нанести вред советской власти, мы должны "поднимать", но "поднимать" так, чтобы антисоветская направленность их творений полностью исчезала. Это возможно, это доказано историей. **В данном случае надо не публично казнить врагов, а душить их в объятиях. Это элементарная истина, которую следовало знать тем товарищам, которые руководят литературой.**

5. **В истории с Солженицыным мы повторяем те же самые грубейшие ошибки, которые допустили с Борисом Пастернаком.** Пастернак безусловно крупный русский писатель. Он более крупный даже, чем Солженицын, и то, что его роман "Доктор Живаго"[3] был удостоен Нобелевской премии, вопреки нашему желанию, безусловно наша грубейшая ошибка, которая была усугублена во сто крат неправильной позицией после присуждения ему этой премии. "Доктор Живаго"[3] нужно было "отредактировать" здесь в стране и издать его. Без всякого сомнения, в этом случае никакого интереса к этому роману на Западе проявлено бы не было, тем более, что идейное его содержание можно было бы довести до требуемого уровня. Так или иначе "Доктор Живаго"[3] привлек к себе жгучее внимание читателей в стране, так как вокруг него был поднят настоящий ажиотаж. "Доктор Живаго"[3] разошелся в рукописи. Он поступал к нам в иностранных изданиях, он получил широкую огласку по радио. Таким образом замолчать литературное произведение в настоящее время уже невозможно, учитывая широкие связи с заграницей и широкие возможности слушать передачи Запада. С этой реальностью необходимо считаться. К сожалению, с ней никто не считается.

Нашим издательствам пора понять, что в настоящее время надо не отвергать литературные произведения, а трансформировать их.

В настоящее время наша литература снова обратила свое внимание к Пастернаку. Напечатан ряд статей, которые оценивают его, как великого русского писателя. Спрашивается, зачем же было занимать такую странную позицию по отношению к Пастернаку, когда сейчас мы поднимаем его на щит. То же самое может случиться и с Солженицыным.

6. **В прошлом в результате недостаточно гибкой политики в отношении крупных русских писателей они оказались за рубежом**. Речь идет о Бунине, Андрееве, Куприне и других. Среди тех, кто оказался за границей, был и Коненков. **История показывает, что наше отношение к этим писателям было неправильным. Мы требовали от них того, чего они не могли дать в силу своей классовой принадлежности и своего классового воспитания**. Сейчас наши позиции в отношении этих людей стали более четкими. Но из того, что произошло, мы должны сделать определенные выводы. **Эти выводы состоят в том, что по отношению к творческой интеллигенции позиция должна быть более гибкой, более терпимой, более дальновидной.**

7. Через некоторое время из мест лишения свободы выходят Даниэль и Синявский. С выходом на свободу интерес к ним всех антисоветских элементов бесспорно повысится. Эти подонки станут мучениками за идею, и такими мучениками мы их сделали сами. И в данном случае было немало средств обезвредить этих людей, не прибегая к крайностям. **Проблема Синявского и Даниэля не снята, а усугублена. Не надо таким образом усугублять проблему и с Солженицыным.**

8. **Каким же образом решить "проблему Солженицына" в настоящее время?**

Во-первых, не следует препятствовать ему выехать за границу для получения Нобелевской премии.

Во-вторых, ни в коем случае не стоит ставить вопрос о лишении его гражданства. Надо повести работу в том направлении, чтобы Солженицын вел достойно себя за границей. Надо добиться того, чтобы Солженицын выступил с таким тезисом: "у меня нет никаких расхождений с Советской властью. У меня нет никаких расхождений с партией. Я — советский писатель. Я горжусь тем, что происходит в стране. У меня расхождения с моими литературными коллегами. Это профессиональное расхож-

дение. Оно было, есть и будет, пока будет литература". Именно сделать нажим на профессиональный характер расхождения. **Солженицыну нужно дать срочно квартиру. Его нужно прописать, проявить к нему внимание. С ним должен поговорить кто-то из видных руководящих работников, чтобы снять у него весь тот горький осадок, который не могла не оставить травля против него.**

Короче говоря, за Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его. Бороться за Солженицына, а не против Солженицына.

Ф. 80. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе резолюция "т. Цуканову Г. Э. Эту запись иметь временно у себя. Л. Брежнев"; на первом листе помета Л. Брежнева "Записка тов. Щелокова Н. А."

[2]Здесь и далее текст подчеркнут Л. Брежневым

[3]Так в тексте документа

№ 64

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

7 октября 1971 г.

Председательствовал т. СУСЛОВ М. А.
Присутствовали т. т.: Демичев, Капитонов, Кулаков, Соломенцев, Устинов

ЗА ПОВЕСТКОЙ

СУСЛОВ. Есть записка т. Щелокова относительно Солженицына[1]. Вы с нею знакомились. Суть вопроса заключается в том, чтобы решить вопрос о месте жительства Солженицына. Музыкант Ростропович, у которого он сейчас проживает на даче в Жуковке, ставит вопрос о том, чтобы Солженицына выселить из его дачи. Но для того, чтобы выселить, нужно разрешить ему где-то проживать. Сейчас он не имеет московской прописки. Квартира у него находится в гор. Рязани, но на той квартире живет жена, с которой он развелся. Сейчас Солженицын женат на другой гражданке, которая живет в Москве, имеет двухкомнатную квартиру, и фактически Солженицын все время проживает у нее.

ПОНОМАРЕВ. Может быть, будет лучше, если его отправить обратно в Рязань?

ДЕМИЧЕВ. Но в Рязани у него нет квартиры.

КАТУШЕВ. Разрешить построить ему дачу на садовом участке под Малым Ярославцем, где у него есть летний домик, но едва ли это будет целесообразно, так как там живут многие работники из Москвы и других городов.

СУСЛОВ. А можно поступить пока и так: этого вопроса не решать сейчас, посоветоваться с КГБ, как будет лучше — то ли выслать Солженицына за пределы Москвы, то ли ему разрешить проживать в московской квартире у новой жены, что обеспечит лучшее наблюдение за ним. Потом можно будет еще раз обсудить этот вопрос.

РЕШИЛИ: Ограничиться обменом мнениями.

Рабочая запись заседаний Секретариата ЦК КПСС за 1971 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]См. документ № 63

№ 65

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3720-А/ОВ 27 октября 1971 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Особой важности

ЦК КПСС

В результате проведенных оперативных мероприятий у **Солженицына** обнаружены рабочие записи и наброски, в которых прослеживается его возможный замысел создать одно из новых произведений (как продолжение "Августа четырнадцатого"), извращающее некоторые события Великой Отечественной войны.

Так, излагая обстоятельства пленения изменника Родины ВЛАСОВА и окружения армии, которой он командовал, **Солженицын** отмечает, что ВЛАСОВ был одним "из наиболее удачливых генералов начала войны, как командир 99 стрелковой дивизии он отбил Перемышль и 6 суток удерживал город, эту дивизию 22 июня не захватило врасплох; будучи позднее командующим 37 армией под Киевом, он вышел из окружения и затем стал командующим 20 армией под Москвой, которая и нанесла там первый удар". Попытки прорвать блокаду во время окружения оказались тщетными, взаимодействующие армии, согласно записям **Солженицына**, "не получали под-

креплений, боеприпасов, продовольствия, войска были принесены в жертву авантюризма, не ВЛАСОВ погубил армию". **Солженицыным** проводится аналогия между указанными событиями и обстоятельствами разгрома 2 армии под командованием генерала САМСОНОВА в Пруссии в августе 1914 года.

Ко времени сдачи ВЛАСОВА в плен, указывает далее **Солженицын**, "там уже были пленные генералы, заявившие о своем несогласии с внутренней и внешней политикой", называя среди них генерал-майоров Ф. ТРУХИНА, И. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО, В. МАЛЫШКИНА и других.

В своих записях **Солженицын** излагает также детали создания немцами подразделений из бывших военнослужащих Советской армии, сдавшихся в плен, подчеркивая, что "ВЛАСОВ почти до самого конца войны никакого отношения к добровольческим формированиям не имел".

В последние дни войны ВЛАСОВ отдал приказ, как утверждает **Солженицын**, о переходе на сторону восставших в Праге чехословаков, и именно ему якобы принадлежала решающая роль в спасении этого города: "Так и очистили Прагу".

Определенное место **Солженицыным** отводится описанию политической программы вставших на путь сотрудничества с фашистами изменников Родины, которая, согласно записям, включала следующие положения: "Одобрение Февраля. Октябрь — кризис. Демагогия и террор. Где земля? Где свобода рабочих? — Восстановить свободы. Коммунистическая партия должна быть распущена, аппарат угнетения разрушен. Но это нам не под силу и вот помощь Великой Германии! Экономика: земля — государственная собственность, мелкая и средняя товарная частная собственность, транспорт и тяжелая промышленность — национальные, колхозы — по доброй воле, земля — арендная от государства. Сохранить: народное просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение. Не зачеркивать огульно все, что связано со словом "советский".

Содержатся в записях **Солженицына** и тезисы так называемого письма ГРИГОРЕНКО (находится на принудительном лечении в психиатрической больнице) в журнал "Вопросы истории КПСС", где автор клеветнически излагает события в канун и первые дни Великой Отечественной войны. **Солженицыным** выделены следующие моменты из письма:

"— После 1937-го в армии — психоз "командирского вредительства", и командиры парализованы";

"— Чтобы не рассердить Гитлера — не строили новых аэродромов. Авиация была скучена на старых, известных Германии";

"— Старый оборонительный рубеж разрушили, нового не построили";

"— За 3 дня лишились 90% авиации";

"— Только через 6 часов Москва разрешила открыть ответный огонь";

"— Отступавших героев войска второго эшелона встречали расстрелами ("предатели, открывшие фронт")";

"— Даже не было мобилизационного плана перестройки промышленности";

"—Вели поставки в Германию в 39—41 г. г., хотя она своих обязательств по договору не выполняла";

"— За все ошибки правительства расплатился народ";

"— Гитлеровцы потеряли 4 млн. (на всех фронтах), а мы (на фронте) — 13,5 млн.";

"— Величайшая невиданная в истории измена!"

На основании этого письма **Солженицыным** делается вывод: "Произведение БАКЛАНОВА "Июль 1941 года" — лакировка".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 8—10. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе подписи М. Суслова, А. Кириленко, Д. Полянского, А. Косыгина, Н. Подгорного, А. Шелепина, В. Гришина, А. Пельше, Ф. Кулакова, Л. Брежнева

№ 66

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР И МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

№ 1924/гс 16 ноября 1971 г.

Секретно

ЦК КПСС

В прошлом году Шведская академия присудила Нобелевскую премию Солженицыну. В соответствии с постановлениями Инстанции № П184/59 от 27 ноября[1] и П185/7 от 4 декабря 1970[2] года министру иностранных дел Швеции Нильссону и шведскому послу в Москве Яр-

рингу[3] были сделаны представления, в которых решение Шведской академии квалифицировалось как недружелюбный акт в отношении СССР. Было заявлено, что советская сторона ожидает, что шведские представители за границей воздержатся от участия в мероприятиях, имеющих отношение к Солженицыну.

Шведское правительство приняло во внимание наши представления, и нобелевские медаль и диплом вручены Солженицыну не были.

По сообщению посольства СССР в Стокгольме, в последнее время реакционные круги Швеции и ряда других западных стран вновь пытаются использовать Солженицына в ущерб интересам Советского Союза. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, по сообщениям шведской печати, МИД Швеции недавно заявил Нобелевскому фонду о согласии передать Нобелевскую премию Солженицыну через шведское посольство в Москве.

Представляется целесообразным поручить совпослу в Швеции подтвердить министру иностранных дел Викману нашу прежнюю позицию по этому вопросу. Заявить, что советская сторона ожидает, что шведское посольство в Москве воздержится от какого-либо участия в мероприятиях, связанных с вручением премии Солженицыну.

Проект постановления прилагается.[4]

Просим рассмотреть.

Ю. Андропов А. *Громыко*

Ф. 3, оп. 69, д. 221, л. 52. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 17 ноября 1971 г. за № 26—11

[2]См. документ № 47

[3]См. документ № 52

[4]19 ноября 1971 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П26/44 (см. документ № 67).

№ 67

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

"Об указаниях совпослу в Стокгольме в связи Нобелевской премией Солженицыну"

№ П26/44 19 ноября 1971 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Утвердить проект указаний совпослу в Стокгольме (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 44 прот. № 26

Секретно

СТОКГОЛЬМ
СОВПОСОЛ

Посетите министра иностранных дел Викмана и сделайте ему следующее заявление.

Как известно, в последнее время определенные круги в Швеции и за ее пределами пытаются вновь использовать присуждение Нобелевской премии Солженицыну в ущерб советско-шведским отношениям. В частности, предпринимаются попытки осуществить вручение премии Солженицыну через шведское посольство в Москве. В этой связи в Советском Союзе обратили внимание на сообщение шведской печати о том, что МИД Швеции заявил Нобелевскому фонду о готовности шведского посольства в Москве передать Солженицыну премию.

В связи с вышеизложенным мне поручено подтвердить позицию советской стороны в отношении присуждения Нобелевской премии Солженицыну, изложенную в декабре прошлого года министру иностранных дел Нильссону и послу Швеции в СССР Яррингу. В Советском Союзе по-прежнему рассматривают присуждение премии, а также намерение вручить ее Солженицыну через шведское посольство в Москве как недружественный акт в отношении Советского Союза, наносящий ущерб отношениям между нашими странами.

1 декабря 1970 года министр иностранных дел Нильссон заявил совпослу, что вмешательство шведского правительства в дела, связанные с присуждением Нобелевской премии, исключено.[1] Советская сторона ожидает поэтому, что шведское посольство в Москве воздержится от участия в каких-либо мероприятиях, имеющих отношение к присуждению премии Солженицыну.

Исполнение телеграфируйте.

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 11—12. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]См. документ № 49

№ 68

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2953-А 23 ноября 1971 г.

Совершенно секретно

Товарищу БРЕЖНЕВУ Л. И.

При этом направляется перевод публикации в журнале "Штерн" в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Приложение

Журнал "Штерн" № 48 от 21.11.
Перевод с немецкого

ХАМСКАЯ СЕМЬЯ

Так отзывается о своих родственниках, в прошлом крупных землевладельцах, Ирина — тетка лауреата Нобелевской премии СОЛЖЕНИЦЫНА. В своей новой книге, из-за которой спорят западные издательства, он описал экзотическую жизнь своих родных в канун первой мировой войны. Тете Ирине в книге также отведено место. "Штерн" разыскал эту 82-летнюю женщину в Южной России.

"Россией должны править дураки. Россия иначе не может". Эту горькую истину советский писатель лауреат Нобелевской премии Александр СОЛЖЕНИЦЫН вкладывает в уста офицера русского генерального штаба — умной и симпатичной, хотя и второстепенной фигуры, появляющейся на странице 740 его нового романа. Книга только что вышла в издательстве "Ланген Мюллер". Но еще раньше она вызвала сенсацию. И не только потому, что оспариваются права на ее издание, не только потому, что издательство "Лухтерханд", мобилизовав судей, обвиняет "Ланген Мюллер" в "краже издания". Роман получил большую популярность благодаря своим литературным качествам и содержанию.

Не считаясь с тупицами-бюрократами из советской

цензуры, СОЛЖЕНИЦЫН излил в нем идущую от сердца ненависть к власть имущим, терзающим терпеливую матушку-Русь. При этом он умно пользуется оправдавшими себя методами, не дающими возможность отправить его в тюрьму за враждебное отношение к государству: он переносит действие своего романа в дореволюционное время. Однако каждому, прочитавшему роман, тотчас же становится ясно, что писатель, обрисовывая исторические события, поднимает проблемы сегодняшнего дня. Историческое событие — это состоявшаяся в августе 1914 года битва под Танненбергом, в ходе которой русская армия была окружена и уничтожена.

С иронией и отчаянием описывает СОЛЖЕНИЦЫН спесивых генералов, их интриги, страх перед противником и перед царем. О генерале АРТАМОНОВЕ он пишет: одетый в генеральскую форму солдафон, из которого под началом толкового унтер-офицера, может быть, вышел бы примерный солдат. Или истинный служитель церкви: рослый, голосистый, ленив настолько, чтобы уметь махать кадилом с задатками артиста... Но почему он стал генералом от инфантерии? Почему под его неумелое командование было поставлено 60000 русских солдат?

Волокита в штабах, идиотские приказы, изнурительные передвижения воинских частей, бессмысленно марширующих до тех пор, пока хаос не приведет к катастрофе. СОЛЖЕНИЦЫН описывает все это с изумительным знанием деталей и критикует с умением офицера генерального штаба.

Читатель наблюдает гибель второй русской армии глазами молодого офицера ВОРОТЫНЦЕВА, который из салон-вагона штаб-квартиры главнокомандующего великого князя Николая Николаевича отправляется в дальний путь, на фронт, чтобы выяснить обстановку. Вот штабс-офицеры, устраивающие в разгар битвы пышный обед. Вот работники генерального штаба, которые, словно женщины, часами занимаются по утрам своим туалетом, прежде чем подумать о сражении. Приказы отдаются войскам по радио в незашифрованном виде и час спустя становятся известными ГИНДЕНБУРГУ и ЛЮДЕНДОРФУ. О противнике вообще никто ничего не знает.

Полный отвращения ВОРОТЫНЦЕВ скачет днем и ночью от одной дивизии к другой, организует контрудары, принуждает остановиться бегущие полки. Его ранят, он попадает в окружение, пробивается с несколькими каза-

ками через кольцо и, вернувшись в штаб-квартиру великого князя, в разукрашенный иконами и персидскими коврами салон, докладывает главнокомандующему о виденном, не скрывая ничего.

Внешне жизнь в штаб-квартире продолжала протекать спокойно, — описывает СОЛЖЕНИЦЫН. — Адъютант и гвардейский кавалерист граф МЕНГДЕН по-прежнему занимался голубями между вагоном великого князя и квартирмейстерством. Он подманивал голубей свистом, снова выпускал их и оправлял свою портупею.

Читатель не чувствует в романе автобиографический элемент. На первый взгляд кажется, что СОЛЖЕНИЦЫН описывает себя в образе ВОРОТЫНЦЕВА. Но может ли быть такое, если писатель родился лишь в 1918 году!

И все же найден ответ на вопрос, откуда у СОЛЖЕНИЦЫНА эта точка зрения специалиста, знание деталей восточнопрусского ландшафта, глубокое понимание психологии полководца и солдата. Во время второй мировой войны он был командиром батареи и воевал в Восточной Пруссии. Там в 1945 году он, отмеченный орденами капитан, был арестован и приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей с последующей ссылкой, потому что в своих письмах, отправлявшихся полевой почтой, он критиковал сталинскую политику и способы ведения войны.

Все действующие лица, выведенные в романе СОЛЖЕНИЦЫНА под собственными именами, давно умерли. Все, кроме одного человека. Ее зовут Ирина. Она представлена в самом начале романа как привлекательная, молодая и очень богатая женщина. Она замужем за Романом — постоянно одетым по английской моде землевладельцем. Кто такая Ирина. Корреспондент "Штерна" Дитер ШТЕЙНЕР выяснил, что ее зовут Ирина Ивановна Щербак и она является теткой Александра СОЛЖЕНИЦЫНА, невесткой матери СОЛЖЕНИЦЫНА, умершей в 1944 году от туберкулеза.

Ирине ЩЕРБАК сейчас 82 года. Она живет в Георгиевске, небольшом местечке вблизи кавказского курорта — города Кисловодска. Там и посетил ее недавно Дитер ШТЕЙНЕР. Вот как он описывает ее: "Старая, сгорбленная и почти ослепшая, но все еще энергичная женщина с живым умом ютится в пристройке старого крестьянского дома. Ее комната 2х3 метра. Глиняный пол, покосившиеся, крашенные известью стены. Она сидит на железной кро-

вати, над которой висит икона под стеклом и деревянный крест. Под кроватью спит ее собака Дружок — дряхлая лохматая дворняга. Четверть комнаты занимает кирпичная печь, на которой стоит горшок, две металлические тарелки и мешочек муки. Я сажусь на скрипящий табурет. "Вот видите, как я теперь живу, — говорит Ирина. — Это после 53 лет жизни при комиссарах! От государства я получаю в месяц 10 рублей да от Сани (Александра СОЛЖЕНИЦЫНА) 15 рублей. Я ведь единственная осталась в живых из всех его родственников".

До сих пор история семьи СОЛЖЕНИЦЫНЫХ была малоизвестна. Что можно найти в архивах? "Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН родился 11 декабря 1918 года в Кисловодске на Северном Кавказе в семье учителя". Правда, уже из этого можно сделать вывод о его мелкобуржуазном происхождении. Ирина ЩЕРБАК знает историю этой семьи значительно полнее. Отец СОЛЖЕНИЦЫНА Исай был сыном крупного землевладельца. После его женитьбы в 1917 году "деньги прилипли к деньгам": он женился на Таисии, дочери крупного землевладельца Захара Щербака.

Мать СОЛЖЕНИЦЫНА выросла в доме, обставленном как дворец. Ее брат Роман также сделал хорошую партию. Его жена Ирина, которая сегодня живет в нужде, унаследовала от отца миллионное состояние. Она была самая богатая из семьи, а поскольку все свои деньги она передала мужу, тот жил как феодал.

С грустью вспоминает Ирина о временах перед первой мировой войной, когда она вместе с мужем совершила большое путешествие за границу. В Штутгарте они посетили завод Даймлера и купили сигарообразную спортивную автомашину. На ней Роман собирался принять участие в автогонках Москва — Санкт-Петербург. У него уже был один автомобиль — "Роллс-ройс". Во всей России тогда было лишь девять таких машин. Когда началась война, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич реквизировал эту роскошную машину для себя.

Вернувшись в 1956 году из ссылки, СОЛЖЕНИЦЫН посетил свою тетку Ирину в Георгиевском и сутками сидел с ней, расспрашивая об истории семьи. Частично ее рассказы вошли в книгу "Август 1914". Вот как описывает он дядю Романа: Ему особенно нравилось путешествовать. Ошеломить Европу русской разухабистостью и своеобразием. В Лувре, в круглом пурпурном зале, где находится Венера Милосская и нет ни одного стула, он мог...широким жестом протянуть смотрителю десятифранковую бу-

мажку со словами: "Дайте стул". И пока Ирина осматривала экспонаты, он, сунув в рот папиросу, играл зажигалкой. В следующем зале то же самое: "Стул. Сюда, сюда".

Роман и Ирина жили в доме деда СОЛЖЕНИЦЫНА, которого писатель назвал в своей книге не ЩЕРБАК, а ТОМЧАК. Здесь он описывает сцену, когда его неотесанный дед, "этот живописный русак... в нарочито подчеркнутом городском, а на деле скорее в карнавальном костюме", разыскивает владелицу пансионата для детей из знатных семей, чтобы определить к ней свою дочь. ТОМЧАК не умел говорить вполголоса, как это принято. И даже, находясь в комнате для занятий, он громко кричал, как будто стоял рядом с повозкой, запряженной ослом, и понукал упрямую скотину.

В образе Ксении изображена мать СОЛЖЕНИЦЫНА Таисия. О ней СОЛЖЕНИЦЫН пишет: Когда Ксения ездила домой на каникулы, она пугалась грубости домашних. Как-то привела к себе Соню (подругу-еврейку) и, увидев ее глазами всю эту первобытную неотесанность, едва не сгорела со стыда. Старик ЩЕРБАК избивал свою жену, а ссорясь со своим сыном, бывало, хватался и за нож.

Ирина не любила семью, в которую вошла, вступив в брак по воле своего отца. "Это была семья хамов", — пишет она в своих воспоминаниях. Эти записи она сделала для своего знаменитого племянника, так как не могла рассказать ему обо всем во время его коротких посещений. Она передала свои воспоминания журналу "Штерн". "Наши землевладельцы, — пишет она, — жили, как свиньи: вино, карты, разврат". А вот о матери СОЛЖЕНИЦЫНА: "Она окончила школу с золотой медалью и поэтому считала себя умнее других. На деле же она была консервативна, заносчива и вздорна".

Родители Солженицына поженились в 1917 году на фронте, где воевал его отец-офицер. В 1918 году он вернулся в деревню Сабля, где у него были земельные владения. Вскоре началась гражданская война. Красная Армия начала преследовать землевладельцев. Многие из них были расстреляны. Однажды Ирина получила от матери СОЛЖЕНИЦЫНА Таисии телеграмму: "Исай тяжело болен". Она с мужем немедленно выехала к отцу СОЛЖЕНИЦЫНА и нашла его в больнице смертельно раненным. Несчастный случай на охоте — такова была официальная версия. Но, возможно, это было и самоубийство. За несколько минут до смерти он сказал Ирине: "Позаботься

о сыне. Я знаю — у меня будет сын". Таисия была в это время на третьем месяце беременности.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН родился в доме своей тетки Ирины. Имущество семьи было конфисковано красными. Таисия устроилась работать стенографисткой в ростовской милиции. Александр оставался пока у тети Ирины. Дядя Роман работал в то время шофером автобуса. После его смерти в 1944 году Ирина осталась без средств к существованию. Семнадцать дней спустя Таисия умерла от туберкулеза. Ирина похоронила ее в могиле мужа, так как не могла собрать денег на похороны.

В это время офицер Александр СОЛЖЕНИЦЫН воевал на фронте. Он изучил в Ростове математику и физику, отлично сдав экзамены. Во время войны он женился на Наташе — дочери еврейского торговца. Когда в 1953 году он вышел из заключения, его жена не поехала с ним в ссылку. Ирина ЩЕРБАК вспоминает по этому поводу: "В 1956 году вернулся Саня. Он поехал к своей жене в Ростов. Она жила с другим. Саня был очень подавлен этим. Он осел в Рязани, примерно в 180 километрах от Москвы. После того, как он получил там приличное место учителя математики, Наташа решила вернуться к нему. Саня приехал ко мне посоветоваться. Я прямо сказала, что уважаю лишь тех жен, которые готовы поехать за своим мужем даже в ссылку. Все другие для меня — просто содержанки. Однако Наташа была упряма, обвела Саню вокруг пальца и переехала к нему. Да еще привезла с собой мать и сестру. Так и жил Саня с этими тремя женщинами, пока не бросил их в прошлом году и не сошелся с другой, молодой женщиной".

Не без горечи вспоминает Ирина ЩЕРБАК последнюю встречу со своим знаменитым племянником. Это было в 1970 году. СОЛЖЕНИЦЫН пригласил свою тетю в Рязань и прислал ей денег на дорогу. "Когда я сошла с поезда, — рассказывает старая женщина, — я вдруг увидела, что Саня и Наташа прячутся в здании вокзала. Я бедно выглядела в своей старой одежде, и они стыдились меня. Если бы у меня были деньги, я бы немедленно вернулась домой. Но у меня было всего двадцать копеек".

Ирина ЩЕРБАК не подтвердила слухи о том, что писатель, исключенный в 1969 году из Союза писателей и не напечатавший с тех пор ни строчки, живет в большой бедности. "Они живут как буржуи, — рассказывает она (на Западе СОЛЖЕНИЦЫН, благодаря своим книгам, стал мультимиллионером). — Они часто ездят в Москву в театр или на концерт".

Ирина намеревалась прожить в Рязани три месяца. А уехала через 17 дней. В своем последнем письме она писала знаменитому племяннику: "Саня, ты нехорошо обращаешься со мной. А я до сих пор все еще вижу в тебе маленького мальчика, которого так часто носила на руках".

Верно: НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР (*БОБКОВ*)

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 14—22. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На документе запись "Доложено тт. Брежневу, Суслову, Кириленко. Архив ПБ. К. Черненко"

№ 69

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3256-Ц 25 декабря 1971 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно
Особой важности

ЦК КПСС

В Комитет госбезопасности поступают данные, свидетельствующие о том, что на Западе поднята новая волна антисоветской кампании, связанная с именем СОЛЖЕНИЦЫНА. В ней активно используются письма, направленные СОЛЖЕНИЦЫНЫМ в адрес Нобелевского фонда и Шведской академии, в которых он сообщал о своем отказе выехать в Стокгольм для получения диплома и медали лауреата ввиду того, что ему якобы не будет разрешено возвращение в СССР. Эти заявления буржуазная пресса пытается выдать за официальное запрещение выезда СОЛЖЕНИЦЫНУ за рубеж.

В этих же письмах СОЛЖЕНИЦЫН продолжает настаивать на вручении ему знаков лауреата в посольстве Швеции в Москве, в официальной обстановке с участием всех желающих присутствовать при этом и с произнесением традиционной речи лауреата Нобелевской премии. Для этого случая СОЛЖЕНИЦЫН подготовил и дал на

ознакомление узкому кругу лиц новый вариант речи, в которой намерен затронуть не только вопросы литературы, но и в тенденциозном освещении ряд социальных проблем.

Полученные Комитетом госбезопасности оперативные данные свидетельствуют о том, что СОЛЖЕНИЦЫН в настоящее время усиленно работает над произведением "Октябрь 1916", который явится продолжением опубликованного на Западе романа "Август четырнадцатого". Предполагается, что в новом романе будет дано описание действий русских войск на Южном участке фронта и, в частности, Брусиловского прорыва. В этом же произведении автор намерен показать РАСПУТИНА.

По словам СОЛЖЕНИЦЫНА, работа над "Октябрем шестнадцатого" оказалась гораздо более трудной, чем он предполагал. Это связано с тем, что автор стремится строить роман на документальной основе, однако, как он сам пишет в послесловии к "Августу четырнадцатого", "всякий сбор материалов, доступных другим, мне прегражден". В то же время он заявил, что "семнадцатый год" у меня пойдет легко".

Вместе с тем поступающие материалы свидетельствуют о том, что даже близкие друзья СОЛЖЕНИЦЫНА, полностью разделяющие его политические взгляды, "Август четырнадцатого" оценивают по многим позициям негативно.

Так, литературовед ЛАКШИН заявил, что, "симпатизируя больше всего патриотически настроенному офицерству, инженерам и просвещенной буржуазии, СОЛЖЕНИЦЫН не противопоставляет им умных собеседников из среды солдат и рабочего класса... В романе СОЛЖЕНИЦЫНА не показан рабочий класс".

Образ выведенного в романе единственного большевика поручика ЛЕНАРТОВИЧА, по мнению литератора КОПЕЛЕВА, не соответствует истинному облику большевика того времени. "ЛЕНАРТОВИЧ, — по словам КОПЕЛЕВА, — рассуждает совершенно дико. Большевик в 1914 году выглядел совершенно иначе. Он должен был бы помогать главному врачу в оказании помощи раненым, а не вести себя пренебрежительно по отношению к ним, не должен был сдаваться в плен. Даже то, что он ЛЕНАРТОВИЧА сделал немцем по происхождению — ни к чему. Получается, что ему недорога судьба России".

Однако некоторые друзья СОЛЖЕНИЦЫНА считают, что подобная трактовка обобщенного образа большевика задумана сознательно и поможет автору в "Октябре 1916"

и в последующих романах показать, что только такие люди имеют возможности роста в партии. "Поэтому, — по словам Р. МЕДВЕДЕВА, — ЛЕНАРТОВИЧ в дальнейшем будет, видимо, повышаться по номенклатуре большевистской единицы. Дальше он пойдет на уровне какого-нибудь члена ЦК".

Через своего доверенного за рубежом ХЕЕБА СОЛЖЕНИЦЫН регулярно получает со своего счета, открытого в швейцарском банке, значительные суммы денег в инвалюте, перечисляемые туда буржуазными издательствами за опубликование его произведений на Западе. За счет этих сумм он приобрел без очереди автомашины для тещи своей сожительницы — СВЕТЛОВОЙ Е. Ф., члена КПСС, начальника отдела Государственного института типового проектирования и технических исследований Госстроя СССР, и для своей бывшей жены РЕШЕТОВСКОЙ. За эти же средства СОЛЖЕНИЦЫН намерен приобрести себе кооперативную квартиру в гор. Москве, еще одну автомашину, регулярно покупает продукты и другие вещи в магазинах "Березка".

По имеющимся оперативным данным, СОЛЖЕНИЦЫН намерен 85% всех денежных средств, хранящихся у него за рубежом, завещать на постройку храма на Западе.

Из оперативных источников известно, что в последнее время в широких кругах советской творческой интеллигенции деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА расценивается как антисоветская, "ореол гения, мученика, правдолюбца, которым одно время небезуспешно пытались украсить СОЛЖЕНИЦЫНА определенные элементы, все заметнее и ощутимее исчезает, испаряется" (поэт Ц. СОЛОДАРЬ).

По заявлению писателя Б. ПОЛЕВОГО, "СОЛЖЕНИЦЫН — типичный случай спекуляции в литературе. Он все сделает для того, чтобы побольше говорили о нем как о человеке, на которого наша власть надела терновый венец. Он хочет выглядеть несчастным страдальцем в глазах Европы, Америки, а главным образом — сионистов. Хотя он русский, но ловко играет на ненависти наших врагов к нашей стране".

Поэт И. АБАШИДЗЕ: "Мало я видел таких наглецов, каким является СОЛЖЕНИЦЫН. Нет, большое терпение у нашего правительства, что терпит такого негодяя! После того, как я его видел несколько раз на секретариате, я убедился, что это мерзавец".

Литературный критик СТАРИКОВ Д.: "СОЛЖЕНИ-

ЦЫН спекулирует на своей и чужой ненависти врагов к нам. И все ему сходит с рук, и поэтому он совершенно обнаглел за последнее время".

Писатель Л. ЛЕОНОВ: "С помощью Запада СОЛЖЕНИЦЫНУ создан ореол мученика, об этом у нас спрашивают почти на каждой встрече с читателями. Словом, не настала ли пора порассказать нашим людям все честно и прямо — что это за писатель и что это за человек? Найти повод и форму для такого выступления не так уж трудно".

Композитор Д. КАБАЛЕВСКИЙ: "Мы говорим и говорим, а СОЛЖЕНИЦЫН все больше и больше разгуливается; он прекрасно понимает, что стал орудием в руках наших самых яростных врагов, но не только охотно мириться с такой ролью, но даже пытается ее укрепить и возвысить".

Драматург И. ШТОК: "СОЛЖЕНИЦЫН стал знаменем антисоветизма... он спокойненько разгуливает по Москве, снабжает наших врагов за рубежом идеологическим антисоветским оружием, а мы ему все прощаем. Доколе?!"

Кинодраматург К. МИНЦ: "В Англии не побоялись выслать сто наших работников за какой-то мифический шпионаж, а мы цацкаемся с одним СОЛЖЕНИЦЫНЫМ — очевидным поставщиком антисоветской гнильцы за рубеж".

Член Союза писателей СССР В. КРЕПС: "СОЛЖЕНИЦЫН психологически очень выгодная фигура для их пропаганды: ведь он живет в СССР — значит все видит своими глазами, значит все терпит на своей шкуре! Разве нет каких-нибудь решительных способов лишить наших врагов такого козыря, как СОЛЖЕНИЦЫН? Если опасаются, что это даст новый повод для новой волны клеветы, так эти волны и без того не стихают, а нарастают".

С учетом изложенного проводим мероприятия, направленные на локализацию антиобщественных действий СОЛЖЕНИЦЫНА.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *ЦВИГУН*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 25—29. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе резолюция М. Суслова "Вкруговую" и подписи Д. Полянского, К. Мазурова, А. Косыгина, В. Гришина, Н. Подгорного, А. Шелепина (дважды. — *Сост.*), П. Демичева, А. Пельше, Ф. Кулакова

№ 70

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3318-А 31 декабря 1971 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно

ЦК КПСС

По полученным Комитетом госбезопасности оперативным данным, ЯКИР передал корреспонденту западногерманской газеты "Ди Вельт" У. ФРОММУ для распространения среди иностранных журналистов следующий текст письма СОЛЖЕНИЦЫНА: "Есть много способов убить поэта. Для ТВАРДОВСКОГО было избрано: отнять его детище — его страсть — его журнал. Мало было шестнадцатилетних унижений, смиренно сносимых этим богатырем, — только бы продержался журнал, только бы не прервалась литература, только бы печатались люди и читали люди. Мало! — и добавили жжение от разгона, от разгрома, от несправедливости. Это жжение прожгло его в полгода, через полгода он уже был смертельно болен и только по привычной выносливости жил до сих пор — до последнего часа в сознании. В страдании.

Третий день. Над гробом портрет, где покойному близ сорока и желанно-горькими тяготами журнала еще не борожден лоб, и во все сиянье — та детски озаренная доверчивость, которую пронес он через всю жизнь, и даже к обреченному она возвращалась к нему.

Под лучшую музыку несут венки... "От советских воинов". Достойно. Помню, как на фронте солдаты все сплошь отличали чудо чистозвонного "Теркина" от прочих военных книг. Но помним, и как армейским библиотекам запретили подписываться на "Новый Мир". И совсем недавно за голубенькую книжку в казарме тягали на допрос.

А вот вся нечетная дюжина СЕКРЕТАРИАТА вывалила на сцену. В почетном карауле те самые мертво-обрюзгшие, кто с улюлюканьем травил его. Это давно у нас так, это — с Пушкина: именно в руки недругов попадает умерший поэт. И расторопно распоряжаются телом, вывертываются в бойких речах. Обстали гроб каменной группой и думают — отгородили. Разогнали наш единственный

журнал и думают — победили. Надо совсем не знать, не понимать последнего века русской истории, чтобы видеть в этом победу, а не просчет непоправимый. Безумные! Когда раздадутся голоса молодые, резкие — вы еще как пожалеете, что с вами нет этого терпеливого критика, чей мягкий увещательный голос слушали все. Вам в пору будет землю руками разгребать, чтобы Трифоныча вернуть. Да поздно.

К девятому дню".

Сообщая изложенное, одновременно направляем фотоснимки, на которых запечатлен СОЛЖЕНИЦЫН во время похорон ТВАРДОВСКОГО[2].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
при СМ СССР *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 30—31. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подписи П. Демичева, М. Суслова, Н. Подгорного, К. Мазурова, А. Пельше, А. Шелепина, В. Гришина, Ф. Кулакова, Г. Воронова, Д. Полянского; на последнем — запись "тт. Косыгин А. Н., Полянский Д. С. в отпуске, т. Кириленко А. П. в Чили. Н. Соловьев"

[2]А. Твардовский умер 18 декабря 1971 г. Гражданская панихида в Центральном доме литераторов и похороны на Новодевичьем кладбище состоялись 21 декабря 1971 г.

1972

№ 71

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

7 января 1972 г.

Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.
Присутствовали: т.т. Воронов, Кулаков, Мазуров, Пельше, Подгорный, Полянский, Суслов, Шелепин, Андропов, Демичев, Катушев

18. Сообщение т. Андропова о вручении Нобелевской премии Солженицыну.

После обмена мнениями сочтено нецелесообразным пока разрешать вручать Нобелевскую премию Солженицыну.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1972 г. Подлинник.

№ 72

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

16 февраля 1972 г.

Председательствовал т. КИРИЛЕНКО А. П.
Присутствовали: т.т. Кулаков Ф.Д., Демичев П.Н., Соломенцев М.С., Капитонов И.В., Катушев К.Ф., Пономарев Б.Н.

Вопросы, обсужденные за повесткой дня

6. О Солженицыне

ДЕМИЧЕВ информирует Секретариат ЦК о том, что выступления нашей печати, а также зарубежной печати

против Солженицына сильно подорвали его авторитет и имели большое значение. Но, несмотря на это, Солженицын продолжает вести антисоветскую пропаганду.

Секретариат ЦК высказался за принятие соответствующих мер по пресечению враждебной деятельности Солженицына.

Рабочая запись заседаний Секретариата ЦК КПСС за 1972 г. Подлинник.

№ 73

ПИСЬМО Е. ФУРЦЕВОЙ В ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС[1]

17 февраля 1972 г.
ОСОБАЯ ПАПКА

16 февраля с. г. я получила письмо А. Солженицына, которое прилагаю.

В связи с этим, мне хотелось бы высказать свои соображения, касающиеся Солженицына, его политических и литературных позиций.

Много лет работая среди интеллигенции, повседневно общаясь с деятелями искусства и культуры, я хорошо знаю их мнение и отношение к Солженицыну, который последовательно выступает, как открытый враг нашего строя и советского народа.

Мнение это единодушно. С резким осуждением Солженицына выступали, как известно, писатели на своих собраниях, трудящиеся крупных предприятий, артисты театров, в том числе солисты Большого театра Союза ССР — А. Масленников, Г. Андрющенко и др. Это возмущение вновь возросло после перепечатки материала из западно-немецкого журнала “Штерн” в “Литературной газете”, раскрывающего социальные корни “творчества” Солженицына и его моральный облик.

Однако честных советских художников глубоко волнует то, что враждебные позиции Солженицына не получают должной общественной оценки в печати. За исключением нескольких коротких довольно неубедительных заметок о Солженицыне (например, по поводу присуждения ему Нобелевской премии), на страницах “Литературной газеты” за многие годы опубликовано лишь два выступления, заслуживающих внимания, — политически острое письмо американского певца-коммуниста Дина Рида и перепечатка упомянутого материала из журнала “Штерн”.

Такое положение имеет, на мой взгляд, серьезные отрицательные последствия. Сам Солженицын, видимо, убежденный в своей безнаказанности, все больше наглеет, чему свидетельство его недавнее выступление о якобы многолетней травле в нашей стране поэта А. Твардовского, напечатанное многими буржуазными газетами и неоднократно передававшееся западными радиостанциями. В свою очередь, отдельные представители художественной интеллигенции, полагая, что Солженицыну все сходит с рук, сами начинают утрачивать чувство ответственности за свое творчество и общественное поведение.

Солженицын властный и умный человек, способный оказывать вреднейшее воздействие на шатких и неустойчивых людей. Хочу привести мой разговор с певцом Д. Ридом, который состоялся по его просьбе в конце прошлого года. Д. Рид рассказал, что к нему в ресторане гостиницы "Россия" и после концертов подходили люди и старались убедить, что его письмо о Солженицыне отрицательно воспринято интеллигенцией и молодежью нашей страны. "Я больше всего поражен, — заявил Д. Рид, — что советские люди называют мою статью неправильной; я же по-прежнему глубоко убежден в своей правоте". Я заверила Д. Рида, что его возмущение Солженицыным разделяют все советские люди.

Убеждена,что многие вопросы во взаимоотношениях с интеллигенцией были бы сняты и еще больше сплотили бы ее при осуществлении строгих мер по отношению к Солженицыну. Он всю свою жизнь ненавидел Советскую власть и не может жить среди народа и в обществе, которые ему ненавистны.

Поэтому прошу рассмотреть вопрос о выдворении Солженицына за пределы Советского Союза. Такая мера, по моему убеждению, принесет гораздо меньше издержек, чем проживание и разлагающая антисоветская деятельность Солженицына в нашей стране.

Это решение можно было бы подготовить публикацией статей и писем крупных деятелей литературы, искусства и науки, проведением собраний трудящихся ведущих предприятий страны. Уверена, что советская общественность потребует убрать из нашей страны Солженицына.

Член КПСС Е. Фурцева

17/II—1972 г.

P. S. Что касается ссылки Солженицына на мое интервью в США, то это его очередной грубый вымысел.

Приложение

Министру Культуры СССР Е. А. ФУРЦЕВОЙ

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА!

Я слышал, в одном из своих интервью Вы сделали заявление, что советское правительство не возражает против вручения мне Нобелевской премии в Москве, как поручила Шведская Академия своему постоянному секретарю К. Гирову. Это и естественно: во всякой вообще стране вручение Нобелевской премии ее гражданину считается национальным почетом — многократно большим, чем, например, золотая олимпийская медаль.

Однако приближается время вручения (секретарь Академии намеревается приехать весною), и стоит вопрос: в каком же помещении вручать? Шведское посольство пожелало остаться в стороне от этой церемонии, видимо, предполагая недоброжелательное отношение к ней советского правительства. Однако, если посольство официально узнает, что возглавляемое Вами министерство не имеет возражений, я думаю, оно охотно переменит решение и предоставит свое помещение. Но если даже не так, то в Вашем ведении находится и множество других московских помещений.

Конечно, можно провести вручение и в тесных домашних условиях. Но думаю, что Вы как министр культуры и Ваши эксперты понимаете: если и не тотчас, то через каких-нибудь 10—15 лет тот факт, что в Москве не нашлось помещения для вручения Нобелевской премии русскому писателю, будет восприниматься в истории нашей культуры как национальный позор.

При всех обстоятельствах я приглашаю лично Вас присутствовать на этой церемонии.

А. Солженицын

12 февраля 1972

Москва, К—9,
ул. Горького, 12, кв. 169

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 39—43. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе резолюция "Озн(акомить) вкруговую. А. Кириленко" и подписи А. Косыгина, Н. Подгорного, А. Пельше, П. Демичева, Г. Воронова, Д. Полянского, А. Шелепина, В. Гришина, Ф. Кулакова; на последнем — запись "О предложении т. Фурцевой, изложенном в этой записке, доложено т. Кириленко А. П. (См. записку т. Андропова Ю. В. от 20. II.72 г., № 421—А, В. Галкин 23.II.72 г.)"

№ 74

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 421—А

20 февраля 1972 г.
ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

Ц К К П С С

Комитет госбезопасности располагает оперативными данными о том, что СОЛЖЕНИЦЫН усиленно готовится к церемонии вручения знаков лауреата Нобелевской премии, которая должна состояться в Москве на квартире его сожительницы СВЕТЛОВОЙ Н. Д.

В настоящее время СОЛЖЕНИЦЫН окончательно подготовил традиционную речь лауреата, о содержании которой он говорит следующее: “У меня сейчас вот такое получилось построение. Сперва я дедуктивно излагаю божественное происхождение искусства. Хотите принимайте, хотите нет. Потом ДОСТОЕВСКИЙ весь обернутый иначе, лестницей вниз. Третья глава спускает даже в преисподнюю. В четвертой для спокойного рассмотрения вылезаю на поверхность и что могу из этого, увязываю с земными делами”.

На церемонию вручения СОЛЖЕНИЦЫН намерен пригласить до 30—40 советских граждан, в числе которых он называет САХАРОВА, МЕДВЕДЕВЫХ, КОПЕЛЕВА, ОРЛОВУ, ЧУКОВСКУЮ, БЕРЗЕР и ряд других лиц, известных своей антиобщественной деятельностью, а также до десяти иностранных корреспондентов. При этом имеется в виду опубликовать на Западе список и фотографии участников этой церемонии.

В последнее время он и его окружение усиленно распространяют слухи о том, что в церемонии вручения нобелевских знаков примет участие президент Пен-клуба Г. БЕЛЛЬ.

15 февраля БЕЛЛЬ прибыл в Москву, где его, кроме официальных представителей иностранной комиссии Союза писателей, встречал литератор КОПЕЛЕВ, близкий друг СОЛЖЕНИЦЫНА. После встречи КОПЕЛЕВ имел с БЕЛЛЕМ длительную беседу в ресторане, а затем показал ему дом, где проживает сожительница СОЛЖЕНИЦЫНА СВЕТЛОВА.

Учитывая указанные обстоятельства, считали бы целесообразным поручить Секретариату Союза писателей СССР провести с БЕЛЛЕМ беседу, в процессе которой рассказать ему о распространяемых СОЛЖЕНИЦЫНЫМ слухах, высказать отрицательное отношение советской общественности к деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА и рекомендовать ему не связывать свое имя с действиями, которые могли бы нанести ущерб отношениям советских писателей с ним.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 48—49. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе резолюция : "Тов. Демичев П. Н. Прошу обратить внимание на реализацию последнего абзаца этой записки. А. Кириленко 22.02.72", запись "тов. Демичев П. Н. сообщил, что им дано указание о выполнении предложения, изложенного в этой записке. В. Галкин" и подпись П. Демичева; на первом листе документа резолюция: "Озн(акомить) вкруговую. А. Кириленко" и подписи А. Косыгина, Н. Подгорного, А. Пельше, П. Демичева, Г. Воронова, Д. Полянского, А. Шелепина, В.Гришина, Ф. Кулакова; на последнем запись "тов. Лаптеву П. П. (КГБ) сообщено. В. Галкин 22.02.72"

№ 75

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 438—А 22 февраля 1972 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно

Ц К К П С С

По оперативным данным, президент ПЕН-клуба[2] западногерманский писатель Г. БЕЛЛЬ 20 февраля 1972 года имел в Москве продолжительную (около трех часов) беседу с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ на квартире его сожительницы СВЕТЛОВОЙ. Во встрече принимал участие член Союза писателей КОПЕЛЕВ, исключенный из членов КПСС за антиобщественную деятельность.

В беседе СОЛЖЕНИЦЫН заявил, что его якобы "постоянно преследуют как злостного преступника", лишают

доступа к архивным материалам и препятствуют посещению мест (например, бывшего Таврического дворца в Ленинграде), связанных с работой над новыми произведениями. Далее он подчеркнул: "Я живу в России, а кроме четырех стен ничего не вижу. Люди, которые встречаются со мной, помогают собирать материал, также подвергаются преследованиям".

БЕЛЛЬ ответил, что и у них в стране "человек, стремящийся к свободе, может стать прокаженным".

Одновременно СОЛЖЕНИЦЫН ознакомил БЕЛЛЯ предположительно со списком лиц, которых он намерен пригласить по случаю вручения ему знаков нобелевского лауреата.

Касаясь возможных встреч БЕЛЛЯ с советскими писателями, СОЛЖЕНИЦЫН выразил просьбу способствовать через них, в частности с помощью К. СИМОНОВА, получению в Союзе писателей официального разрешения на доступ к архивным материалам.

В завершение беседы СОЛЖЕНИЦЫН и БЕЛЛЬ условились встретиться в ближайшее время.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 51. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе резолюция "Вкруговую по П/Б. Кириленко" и подписи Д. Полянского, Г. Воронова, А. Шелепина, В. Гришина, А. Пельше, Н. Подгорного, Ф. Кулакова, А. Косыгина, П. Демичева

[2]Пен-клуб — Международное объединение писателей, основанное в 1921 г.

№ 76
ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 601—А 11 марта 1972 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно

Ц К К П С С

В дополнение к нашей информации № 438—А от 22 февраля 1972 года[2] о встречах президента ПЕН-клуба западногерманского писателя Г. БЕЛЛЯ с советскими ли-

тераторами сообщаем, что в Ленинграде, отказавшись от официальных контактов с представителями писательской организации, он имел частные беседы с членом Союза писателей Е. ЭТКИНДОМ, допускающим политически вредные высказывания.

Во время встреч БЕЛЛЬ и ЭТКИНД обсуждали вопросы творчества некоторых писателей еврейской национальности. БЕЛЛЬ проявлял также интерес к проблемам изучения иврита.

По возвращении в Москву из поездки по Советскому Союзу БЕЛЛЬ осуществил 8 марта 1972 года встречи с известными своим антиобщественным поведением писателями Л. КОПЕЛЕВЫМ и Б. ОКУДЖАВОЙ, а также намерен посетить недавно исключенного из членов Союза писателей А. ГАЛИЧА.

9 марта БЕЛЛЬ на частной квартире вновь встретился с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ и КОПЕЛЕВЫМ.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 53. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе подписи М. Суслова, Ф. Кулакова, А. Шелепина, А. Пельше, А. Косыгина, Д. Полянского; на обороте запись: "т. т. Воронов Г. И. в отпуске, Гришин В. В. в командировке, Кириленко А. П. в отпуске, Мазуров К. Т. болен, Пельше А. Я. в отпуске, Подгорный Н. В. в отпуске, Демичев П. Н. в отпуске. В. Галкин 14.03.72"
[2]См. документ № 75

№ 77

ЗАПИСКА А. АЛЕКСАНДРОВА[1]

24 марта 1972 г.

Леонид Ильич!

Напрашиваются такие выводы:

1. Может быть, опубликовать текст этой хорошей польской статьи в "Литературной газете"[2], — чтобы продолжить разоблачение Солженицына **по существу** его антисоветских, антипатриотических писаний.

2. Не решить ли сейчас, в спокойной обстановке, когда вокруг личности Солженицына нет никаких "ЧП", никаких скандальных сенсаций, — вопрос о лишении его гражданства СССР и выдворении за пределы страны за

антисоветскую клевету, за систематическую, многолетнюю деятельность, направленную против интересов социализма, нашей страны, советского народа? Люди бы это поняли.

Ф. 80. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе резолюция "**т. Александрову**. Л. Брежнев"
[2]Статья Е. Романовского "Август Четырнадцатого" Александра Солженицына или правда о книге и мифе" опубликована 7 апреля 1972 г. в газетах "Труд" и "Литературная Россия". См. документ № 86

№ 78

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР и ПРОКУРАТУРЫ СССР[1]

№ 778—А 27 марта 1972 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно

Ц К К П С С

Анализируя материалы в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА, а также его сочинения, нельзя не прийти к выводу, что мы имеем дело с политическим противником советского государственного и общественного строя. Ненависть СОЛЖЕНИЦЫНА к Советской власти, его попытки бороться с ней прослеживаются на протяжении всей его сознательной жизни, в разное время отличаясь лишь методами, степенью активности и возможностями распространения своих чуждых социализму взглядов.

В студенческие годы он писал сочинения антисоветского характера и читал их в узком кругу друзей. В период Отечественной войны, не имея нужной среды в армии, излагал свои взгляды в письмах, в дневниках, составлял программу переустройства социалистического общества. При первой возможности попытался сколотить антисоветскую группу, за что и был осужден в 1945 году к 7 годам лишения свободы. (В 1956 году реабилитирован). После опубликования сочинения "Один день Ивана Денисовича", замаскировавшись под борца с последствиями культа личности, СОЛЖЕНИЦЫН стал не толь-

ко пропагандировать антикоммунизм, но и призывать к действиям против социалистического правопорядка.

Политическим кредо СОЛЖЕНИЦЫНА является отрицание социалистической революции, как исторической закономерности развития общества, утверждение преимуществ капиталистического способа производства и его государственности.

"... Советская власть прекратила свое существование 6 июля 1918 года, — заявлял СОЛЖЕНИЦЫН в одной из бесед.— Абсолютно наглым образом были сфальсифицированы все выборы на 3,4,5 съезды Советов...с января 1918 года большевики вместе с "левыми" эсерами вытеснили из Советов "правых" эсеров и меньшевиков... А "левые" эсеры остались. Тогда были сфальсифицированы выборы на 5 съезде... Крестьянство было за "левых" эсеров. Крестьянство кипело от негодования. Правда была у народа, а не у большевиков".

Находясь на позициях реставратора, СОЛЖЕНИЦЫН в сочинении "В круге первом" утверждает, что русский крестьянин дважды в своей жизни жил спокойно: в период "славного семилетия России НЭПа", при бесколхозье, и при немцах, когда последние вернули ему клочок собственной земли.

Строительство социализма, по утверждению СОЛЖЕНИЦЫНА, — это необузданная эксплуатация людей. Лагеря, бесправный труд заключенных — не случайные явления, а продуманная система использования рабочей силы государством. "... Трудом заключенных создавалось богатство страны, завоевывались вершины в науке, воздвигались днепрогэсы, новые города, прорывались каналы" ("В круге первом").

В пьесе "Республика труда" изображается радостное шествие со знаменами, цветами и детьми, на сцене гремит динамик, и мощный хор с энтузиазмом поет:

"Мы подымаем знамя!
Товарищи! — сюда!
Идите строить с нами
Республику труда!"

Когда занавес раздвигается, зритель видит лагерь заключенных, который составляет фон всего спектакля.

В неопубликованной пьесе "Пир победителей" СОЛЖЕНИЦЫН пишет: "СССР! Ведь это лес дремучий!

Дремучий лес! Законов нет! — есть власть — хватать и мучить по конституции и без".

Выступая против коммунистической идеологии и практики социалистического строительства, СОЛЖЕНИЦЫН стремится создать круг единомышленников с целью вовлечения все большего числа лиц в провокационные антиобщественные акции. Действует он методом изготовления и распространения "открытых писем". Его письмо "IV съезду Союза советских писателей"[2] в 1967 году практически послужило сигналом к открытым выступлениям правых чехословацких писателей против компартии Чехословакии. Затем последовали и другие пасквили. В одном из них, в т. н. "Открытом письме Секретариату Союза писателей РСФСР", СОЛЖЕНИЦЫН писал: "... Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону, противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору нашему тяжелобольному обществу вы неспособны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть-бдительность..."

В настоящее время он ищет пути к возбуждению церковных кругов против государства. Заслуживает внимания в этой связи его письмо, направленное 16 марта с. г. Патриарху ПИМЕНУ. В нем пишется, в частности: "...мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганды, самой примитивной и недобросовестной.... Отрочеству, вырванному из христианства... для нравственного воспитания оставлено ущелье между блокнотом агитатора и уголовным кодексом.

Уже упущено полувековое прошлое, уже не говорю — вызволить настоящее, но будущее нашей страны как же спасти?". В заключение он призывает Патриарха принести себя в жертву протеста против действий атеистического государства.

Подобные писания СОЛЖЕНИЦЫНА, передаваемые им на Запад, активно подхватываются органами буржуазной пропаганды и ревизионистскими кругами, широко используются в борьбе с коммунизмом.

Анализ поведения СОЛЖЕНИЦЫНА в течение всей его сознательной жизни неоспоримо свидетельствует о том, что он осознанно и бесповоротно стал на путь борьбы с Советской властью и будет вести эту борьбу несмотря ни на что.

Антиобщественная деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА

еще до исключения его из членов Союза писателей СССР неоднократно подвергалась обсуждению в общественных организациях и на страницах советской печати. Ему оказывались помощь и содействие в литературной работе, обращалось внимание на действия, порочащие звание советского писателя. Однако все это СОЛЖЕНИЦЫН игнорировал.

Его вызывающее поведение, особенно после присуждения Нобелевской премии, поощряется материальным обеспечением за счет поступлений из-за границы и вкладами в иностранных банках. В короткий срок он купил на эти деньги два автомобиля, уплатил своей бывшей жене десять тысяч инвалютных рублей за развод, постоянно обменивает иностранную валюту на сертификаты.

В таких условиях безнаказанность в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА истолковывается некоторыми гражданами, как боязнь затронуть личность, известную на Западе, да к тому же еще и как мнимую жертву "культа личности". Поведение СОЛЖЕНИЦЫНА служит примером возможности жить на средства, получаемые от Запада за публикацию антисоветских сочинений.

Естественно, что такое положение ставит вопрос или о привлечении СОЛЖЕНИЦЫНА к уголовной ответственности, или о выдворении его за пределы Советского государства. Представляется целесообразным избрать последнее.

При этом учитывается, что факт выдворения СОЛЖЕНИЦЫНА и его пребывание за границей будет использовано нашими врагами для активизации антисоветской деятельности. Вместе с тем, СОЛЖЕНИЦЫН в глазах советских людей перестанет быть фигурой двусмысленной, так как будет определено отношение к нему Советского государства.

Исходя из вышеизложенного, полагаем возможным принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении СОЛЖЕНИЦЫНА А. И. советского гражданства и выдворении его за пределы Союза ССР (проект Указа прилагается) и дать по этому вопросу соответствующее сообщение ТАСС.

Выдворение СОЛЖЕНИЦЫНА поручить Комитету госбезопасности при Совете Министров СССР.

Просим рассмотреть.

АНДРОПОВ *РУДЕНКО*

Приложение

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС
Вопрос Комитета госбезопасности при СМ СССР и Прокуратуры СССР

Принять предложение Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР и Прокуратуры СССР.

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР Солженицына А. И.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС

Проект

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении советского гражданства и выдворении из пределов СССР Солженицына А. И.

На основании статьи 7 "Закона о гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" от 19 августа 1938 года Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. За несовместимые с высоким званием гражданина СССР попытки опорочить Советское общество, за направленность литературной деятельности, ставшей орудием самых реакционных антикоммунистических сил в их борьбе против принципов социализма и социалистической культуры, лишить Солженицына Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца гор. Кисловодска, гражданства СССР.

2. Выдворить Солженицына А. И. из пределов Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 59—65. Подлинник.

[1]На первом листе резолюция М. Суслова: "1. Ознакомиться вкруговую. 2. Политбюро" и подписи М. Суслова, Н. Подгорного, Ф. Кулакова, А. Косыгина, Д. Полянского, Г. Воронова, В. Гришина, А. Шелепина
[2]См. приложение к документу № 11

№ 79

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

30 марта 1972 г.

СОВ. СЕКРЕТНО
Экз. единственный
(Рабочая запись)

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.

Присутствовали: т. т. Воронов, Гришин, Кириленко, Косыгин, Кулаков, Кунаев, Подгорный, Полянский, Суслов, Шелепин, Шелест, Щербицкий, Андропов, Демичев, Машеров, Мжаванадзе, Рашидов, Соломенцев, Устинов, Капитонов, Катушев, Пономарев.

1. Информация т. Андропова Ю. В.
(Информация т. Андропова не записывалась).

БРЕЖНЕВ. Хорошо, что мы послушали информацию т. Андропова. В разное время мы были проинформированы по этому вопросу так или иначе, но это была информация в разрозненном виде, а сейчас дан сконцентрированный и систематизированный материал, что создает, таким образом, впечатление в целом о состоянии дел в этой области и, в частности, о работе органов КГБ, их работниках и раскрывает ту часть как бы затемненной деятельности, которая ведется за спиной рабочего класса, трудового крестьянства и нашей интеллигенции, ведется против их интересов, против интересов нашего социалистического государства и нашей партии.

Мне кажется, здесь нельзя только свести дело к частным фактам. Они в совокупности представляют большой и развернутый вопрос. Все эти, можно сказать, черные

дела ведутся небольшим кругом лиц, как видно из информации, да и мы сами чувствуем это из других источников, в частности, из писем, идущих в ЦК и другие органы, и т. д.

Мы прекрасно знаем, что народ наш предан партии, народ наш трудолюбивый и честный. Он впитал в себя идеи Ленина, идеи партии, и с этими идеями, и с этим великим знаменем Октября он прошел трудный, но славный путь. На этом пути встречались всякие преграды, в том числе и такая тяжелейшая из войн в мире, как вторая Отечественная война. И наш народ выдержал эту войну и не только выдержал, но и разгромил врага. Только народ, морально стойкий, видевший цели в своей жизни и деятельности и священные идеалы, мог выдержать такое испытание.

Послевоенные годы показали, что советский народ выполняет и перевыполняет планы, начертанные нашей партией, и он ей предан до конца и беззаветно. Одна пятилетка за другой выполняются у нас успешно, и это благодаря трудолюбию, мудрости и идейной стойкости нашего советского народа, благодаря систематическому и правильному воспитанию народа партией. И не было бы таких успехов у нас, если бы народ не воспринимал идеи и задачи нашей партии как свое родное, кровное дело. Только благодаря этому, только благодаря социалистической идеологии, мы имеем такие колоссальные успехи, которые дали нам возможность на деле стать великой державой мира, без которой никакие сколько-нибудь серьезные международные вопросы не могут быть решены, и международный авторитет нашей страны с каждым днем укрепляется.

На этом фоне обстановка в целом, если можно так сказать, морально-политическое состояние нашего общества хорошее, здоровое. Наш народ находится в динамическом движении вперед к заветной цели коммунизма, идет шествие народа, и все то, о чем здесь рассказывалось, исходит не от народа, не от тех людей, кто вершил победу в войне и вершит победы в труде сегодня, не от настоящих тружеников заводов, фабрик, колхозов и совхозов, не от трудовой интеллигенции, а от кучки отщепенцев.

Нам известно, как народ приветствовал решения XXIV съезда партии, наши планы, и сейчас народ рапортует о выполнении первого года пятилетки.

Но слушая сегодня вот эту информацию, мы не можем не задать себе вопроса, почему же все-таки происходят

на этом в целом здоровом организме нашего общества такого рода болячки и почему они разъедают здоровый организм, почему они уживаются в нашей действительности. Я думаю, что здесь несколько причин. Однозначно ответить на этот вопрос нельзя.

Прежде всего, очевидно, — это результат наших недоработок, результат того, что мы притупили бдительность, перестали кое-где вести настоящую большевистскую борьбу с такого рода явлениями и пресекать их в корне, в зародыше, а даем им таким образом возможность существовать, распространяться, хотя и в небольших масштабах. Разумеется, мы не можем себе представить все это иначе, как одну из форм классовой борьбы. А борьба эта остается и в международном масштабе и, благодаря воздействию на некоторую отсталую часть людей, — внутри нашей страны.

Мы не можем на самом деле представить, что, скажем, у нас не будет врагов или мы их ликвидируем за одну пятилетку или за какой-то срок, но мы не можем позволить существовать такого рода недостаткам длительное время и распространяться, наносить вред нашему общему делу — строительству коммунизма. Мы должны видеть эти недостатки и делать практические выводы из них, тем более, что часть этих отщепенцев за последнее время идут прямо в открытый бой, такие, как Якир, Дзюба и их приспешники. Надо дать понять и, очевидно, ощутительно понять, что мы не позволим отравлять нашу здоровую атмосферу этим подонкам человеческого общества.

Второй и наиболее, мне кажется, весомой причиной этих недостатков является отсутствие постоянной борьбы с проявлениями национализма. Дело в том, что именно на почве национализма, как наиболее благоприятной почве, прорастают антисоветизм и антикоммунизм, образуются разного рода идейки и группируются отсталые люди. Сам по себе национализм — это такое зловредное явление, говорил Ленин, которое разъедает наше единство, и он особенно опасен тогда, когда мы перестаем вести против него настоящую, последовательную большевистскую борьбу.

И, наконец, я думаю, что одной из немаловажных причин является то, что у нас кое-где ослаблена идеологическая работа. Не везде достаточно крепкие кадры на участках идеологической работы, мало ведется наступательной идеологической работы, проявляются факты, когда мы больше обороняемся, чем наступаем, не учитывается, что вся империалистическая машина брошена на

то, чтобы вести борьбу с нами. И если мы становимся в позу обороняющихся, мы обязательно теряем на этом, снижаем эффективность нашей борьбы. Между тем такие сильнейшие козыри, которые имеются в наших руках, как интернационализм, дружба народов, — это великое достояние, которое завещал нам Ленин беречь как зеницу ока, мы не всегда используем достаточно умело в нашу пользу, а казалось бы, имея в своем распоряжении такие сильные мотивы, мы могли бы вести аргументированную, наступательную идеологическую работу буквально на всех фронтах.

На самом деле, такое явление, например, как группа Дзюбы, как программа, написанная этой группой[1], и т. д. Ведь это явление Центральному Комитету партии Украины было известно давно, конкретно в 1966 году. А мы рассматриваем его только сейчас. Если бы ЦК КП Украины своевременно были приняты меры, то, наверное, не было бы сегодня таких фактов, а ЦК КП Украины стал реагировать спустя 5 лет, когда этот материал был опубликован за рубежом. Кстати, у нас появилось много разного рода публикаций о том, что то та самостоятельная республика, то другая. Например, недавно писали в общем-то в хорошем плане в одном из журналов о Туве, об ее успехах, и тут же пишут, что Тува стала самостоятельным государством. Почему, когда стала Тува самостоятельным государством?

Все эти явления наносят нам только ущерб. Мы с вами готовимся отметить 50-летие образованного Лениным и укрепленного партией Союза Советских Социалистических Республик. Поэтому, я думаю, нам как раз нужно обсудить этот вопрос более детально, более внимательно, осмотреться вокруг и условиться о мерах, которые надо будет принять. Вот почему этот вопрос своевременный и информация т. Андропова со всех точек зрения полезна и правильна.

Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

КУНАЕВ. Я считаю, что сообщение т. Андропова заслуживает очень серьезного внимания. Факты, приведенные в его сообщении, дают представление о деятельности этих людей. Введением к обсуждению этого вопроса т. Брежнев поставил перед нами очень серьезную задачу, над которой следует задуматься и организовать практически ее осуществление.

Главное, на мой взгляд, — это кадры. Надо так организовать работу с кадрами (особенно в национальных

республиках), чтобы у нас не было не только каких-нибудь обид, а наоборот, чтобы это святое слово "дружба" проходило через всю нашу работу с кадрами. У нас, например, в Казахстане работает свыше ста национальностей и народностей. Я должен сказать, что у нас нет обид, но иногда все-таки и мы, очевидно, допускаем в своей практической работе недостатки или невнимательность к отдельным нациям. Надо это нам учитывать. При этом надо помнить, что когда-то Казахстан был ссылкой и эти ссыльные не все ушли из жизни. Они живут, и многие из них действуют; например, Рухимович, который находится в Караганде, ведет работу явно троцкистского направления. В Казахстане живет 800 тысяч немцев. Мы для этой группы людей издаем специальную газету на немецком языке. Называется она "Дружба". Серьезных осложнений с этими группами людей у нас не возникало. Надо учитывать также и то, что Казахстан расположен на границе с Китаем и китайская пропаганда усиленно обрабатывает через радио и иные средства наших людей. Например, уйгуры, которых сейчас у нас насчитывается свыше 120 тысяч, ставят вопрос, и усиленно ставят, о том, что надо освободить Синцзян, что там находится свыше 6 миллионов человек уйгуров. В Казахстане живет 40 тысяч корейцев. Есть среди них отдельные группы, с которыми надо работать, очевидно, индивидуально, потому что их посещают посольские работники из Москвы, и это надо иметь в виду. Конечно, разные заявления Якира, Сахарова, Солженицына передаются как-то и к нам, но мне хочется в связи с этим сказать, что надо действительно, как говорил т. Брежнев, пресекать всякое такое явление в зародыше. У нас был случай, когда собралась небольшая группа интеллигенции, обсудили и приняли даже решение о том, что настала пора реабилитировать некоторых людей и восстановить "доброе имя" прежнего антисоветского руководства Казахстана. Мы об этом узнали и тут же, немедля, разобрались с товарищами. Некоторых исключили из партии, рассказали об этом широко среди интеллигенции, и они не только прекратили свою работу, но даже приходили к нам, извинялись, говорили, что заблуждались, что это временное заблуждение, простите нас и т. д. И не только к нам приходили, а приходили и к своим товарищам извинялись. Вот как надо вести борьбу. Я думаю, это правильно.

ГРИШИН. Я согласен со всеми выступающими здесь и принимаю к руководству указания т. Брежнева Л. И. На самом деле, товарищи, обстановка у нас в целом хо-

рошая. Это видно и по Москве — нашей столице. Все факты, которые перечислили здесь в информации, относятся к небольшому кругу людей, и они (эти явления) не находят поддержки ни среди народа, ни среди сколько-нибудь значительной части интеллигенции. Но правильно сказал Леонид Ильич, что нам надо учитывать, что идет острая классовая борьба и наши враги идут на все, чтобы навредить нам. Они вербуют обиженных, разных отщепенцев в виде Дзюбы, Якира, Солженицына и др. В Москве вопросы идеологической работы и работы, исключающей подобные явления, о которых говорилось в информации, заслуживают особого внимания, потому что у нас большое количество туристов, разного рода делегаций, совещания. Словом, едут со всего мира (я уже не говорю, что со всей страны) люди с разными настроениями, разными задачами, а может быть, даже и с разными конкретными целями. И это нам нельзя не учитывать в своей работе. Поэтому мы видим перед собой огромные задачи по дальнейшему воспитанию наших людей в духе партийности.

Правильно сказал Леонид Ильич, что среди этих отщепенцев нет (да и не может быть) ни одного трудового человека, ни одного сколько-нибудь значительного или выдающегося деятеля от нашей интеллигенции. Это просто люди без имени. На самом деле, что такое Якир и его группа? Я думаю, что эта группа и особенно сам Якир бравируют безнаказанностью. Якир прямо говорит, что люди, которые посажены в тюрьму, не сделали больше, чем сделал он, и хотя он сделал даже больше, он на свободе.

А кто такой Солженицын? Солженицын — это действительно переродившийся человек. Я думаю, что надо с Солженицыным и с Якиром просто кончать. Другое дело, как кончать. Надо внести конкретные предложения, но из Москвы их надо удалить. То же самое и с Сахаровым. Может быть, с ним надо побеседовать, я не знаю, но надо тоже кончать как-то с этим делом, потому что он группирует вокруг себя людей. Хотя и небольшая эта группа, но она вредная.

Мы мало знаем, что это за самиздат, где и как это делается, где издается литература, через какие источники она передается за границу.

Я думаю, правильно сказал Леонид Ильич, что в проявлении национализма мы должны видеть антисоветизм и антикоммунизм и из этого исходить в своей практической работе. Национализм взят на вооружение всеми

иностранными разведками и всеми империалистическими силами в борьбе с нами как одно из явлений, которое может нанести нам серьезный вред. Это нам надо учитывать. Национализм проявляется и в некоторых прибалтийских республиках, а в последнее время, как мы видим, на Украине. Поэтому нам надо сделать очень серьезные выводы из этого и проводить практические меры.

Надо учитывать также и не сбрасывать со счетов сионизм. Вот у нас, например, имеется несколько таких групп. Я думаю, что нам надо сдерживать выезд евреев в Израиль, а если их отправлять, то не отправлять через Москву со всей страны, а то ведь они едут сюда, привозят пианино, машины, организуются на аэродроме им проводы. Причем, это делается массовым порядком. Я думаю, этого делать не надо.

За последнее время появилась тенденция на смыкание этих антисоветских групп, которые существуют (и Сахаров, и Солженицын, и Дзюба, и Якир), на базе антисоветизма. А прикрываются они безнаказанностью. И мы действительно, как сказал т. Брежнев, находимся здесь в обороне.

Я хочу сказать, что мы сделаем все выводы из сказанного на заседании и примем практические меры. Может быть, нам следует принять решение по этому вопросу. Может быть, надо записать о том, чтобы вести практическую работу в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро.

СОЛОМЕНЦЕВ. Национализм сам по себе опасен, а тем более он опасен, когда он переплетается с антисоветизмом и антикоммунизмом. В народе у нас действительно существует единство, и мы гордимся этим. Поэтому тем более факты, указанные в информации т. Андропова, должны нас беспокоить. Они наносят колоссальный вред, хотя и являются единичными по своему характеру, особенно большой вред они наносят нашей молодежи.

Это объясняется прежде всего недостатками в нашей идеологической работе. Мы должны так строить свою работу, чтобы воспитывать весь народ в духе нетерпимости к подобным явлениям. Тогда они не будут распространяться.

Я думаю, что одной из серьезных причин, которые порождали до сих пор эти факты, является вред, который нанес в свое время Хрущев. Я должен сказать, что это он, Хрущев, открыл и Якира, носился с ним, поощрял его. Он открыл и поднял Солженицына — этого подонка

общества. А посмотрите, что означает его вольное толкование, что у нас вообще нет политических врагов и т. д. Я думаю, что это в свое время нанесло серьезный вред, и мы должны видеть этот вред.

Национализм у нас проявляется в разных формах, и, я должен сказать, наши враги ловят нас на этом, делают ставку на националистические настроения. Что, например, означает дискуссия о том, изучать или не изучать русский язык? Или что означают разные вывески в городах, магазинах только на родном языке? Проходит совещание — надо говорить только на родном языке, хотя половина, а иногда и больше людей, не знают этого "родного языка".

Мы действительно увлекаемся поднятием всякого рода исторической старины, что иногда приводит и к русификации. Начали восстанавливать гербы в областях, в республиках. А возьмите вы спорт. Разве не разжигают страсти вокруг отдельных спортивных мероприятий? Правильно здесь говорили, что кадры решают все. Надо серьезно относиться к подбору и расстановке кадров. У нас имеется целый ряд недостатков в этом деле. Руководящие кадры иногда подбираются только из местных национальностей. А ведь есть такие республики, вроде Хакасии, которые имеют 6—7 процентов коренных национальностей.

Я считаю, что надо Солженицына и Якира как врагов народа выслать из Советского Союза.

БРЕЖНЕВ. Дело в том, что, как сообщил т. Андропов, у нас нет закона, карающего за политическую болтовню.

АНДРОПОВ. Действительно, нет такой статьи о политическом шпионаже.

ПОНОМАРЕВ. Вопрос поставлен на обсуждение Политбюро правильно и своевременно. На самом деле, если мы взглянем на жизнь нашего народа, то основы нашего общества настолько теперь стали крепки, что несколько лет тому назад трудно об этом было даже подумать. Люди живут значительно лучше. Благосостояние растет с каждым днем, и каждый трудящийся это понимает. Растет культура нашего народа.

... Мы готовимся сейчас к 50-летию образования СССР. У нас по всем линиям идет сближение наций, и мы тем более не можем терпеть такое явление, такие факты. В мире мы с каждым днем завоевываем новые позиции. Авторитет Советского Союза растет. Теперь уже 70 государств в мире освободилось от колониализма. Это также наше большое завоевание, а тут внутри страны

мы не можем расправиться с каким-то Солженицыным, с какими-то Якиром и Сахаровым.

Главная задача состоит, на мой взгляд, в повышении уровня идеологической работы.

Есть у нас факты и русизма. Нам надо проявлять в идеологии нетерпимость ко всем явлениям национализма. Суть нашего воспитания — это настоящее ленинское интернациональное воспитание народа. Вот главная задача, которая стоит перед нами в области воспитания.

СУСЛОВ. Я считаю, что сегодня на Политбюро обсуждается очень важный и очень принципиальный вопрос. Его принципиальность возрастает еще и потому, что он просто-таки назрел. Это видно и из информации т. Андропова. Обстановка в стране действительно хорошая, как говорил здесь т. Брежнев, но на фоне этой хорошей обстановки нам нельзя не видеть, не замечать и недооценивать подобные факты. Их немного. За ними немного и людей, но недооценивать их все равно нельзя. Ведь в жизни бывает так, что здание строят тысячи людей, а разрушить может один человек. Есть у нас разные отщепенцы — и вроде Ильина[2], и др. И если мы не примем надлежащие меры по всем этим явлениям (причем не вообще меры, а эффективные и своевременные), то может быть нанесен серьезный ущерб нашему делу.

Наша линия была и есть правильная линия. Мы в последние годы сделали многое и в смысле идеологической, и экономической, и культурной деятельности нашей партии и народа, но не все мы, к сожалению, еще успели сделать. Не все мы ликвидировали, что осталось нам в наследство от Хрущева. Ведь действительно это его заявление, что у нас нет политических противников, нет политических врагов. Разве оно не нанесло вред народу? Конечно, нанесло. Я бы сказал, что Солженицына нашел и поднял на щит не только Хрущев, но и Микоян в этом повинен. Несмотря на категорические возражения Секретариата ЦК в то время, Хрущев и Микоян настояли на том, чтобы издать Солженицына, поднять его на щит, а дальше вы все знаете, что произошло с ним. Я думаю, что говорить о недостатке законов не совсем правильно. Законов у нас достаточно. Надо ими пользоваться и пользоваться смело и уверенно. Ведь вы возьмите этого Якира. Он ведь предает дело отца. Отец у него был замечательным борцом, настоящим революционером[3]. А он — подлец. И нечего нам бояться расправиться с таким отщепенцем. Я считаю, нельзя дальше оставлять Солженицына. Надо покончить с ним. Нужно выселить его из

Москвы. Другое дело, внутри страны или за границу. Об этом надо подумать.

О Сахарове. Я согласен с товарищами, что надо подумать о Сахарове. Однако я считаю, что агитировать Сахарова, просить его — время прошло. Это ничего абсолютно не даст. И нам надо также определиться с Сахаровым до конца.

Главная наша задача — поднять идеологическую работу. Правильно сказал т. Брежнев, что буржуазный национализм — это главная форма антисоветизма, и его взяли на вооружение в последнее время прочно наши враги. Это нам нельзя не учитывать.

КИРИЛЕНКО. Сегодня, товарищи, мы обсуждаем вопрос большой политической важности. Я полностью разделяю мнение товарищей о том, что общий политический фон в нашей стране очень хороший. Настроение у народа прекрасное. Трудовая и политическая активность советских людей находится на подъеме. Советский народ идет к 50-летию образования СССР на основе решений XXIV съезда партии, взяв на себя большие трудовые обязательства. И вот на этом хорошем фоне не могут не вызывать беспокойства проявления национализма, о чем здесь идет речь. Факты, о которых говорил т. Андропов и другие товарищи, нельзя недооценивать. У нас еще есть подонки общества, ярые враги нашей Родины, и об этом мы не можем забывать...

... Здесь говорили о Якире и Солженицыне. По-моему, надо применить к этим лицам административные меры. Что касается Якира, то его надо просто изолировать. Нельзя подходить слепо к Якиру, что он является сыном героя. Отец его действительно пользуется заслуженным уважением, а он заслуживает самого строгого наказания. Во всяком случае, его нужно из Москвы изолировать и как можно быстрее.

Солженицын представляет собой яркую антисоветскую личность. Это первосортный клеветник, антисоветчик. Почему мы терпим его в Москве? Его надо выселить за пределы нашей страны. Конечно, будут от этого издержки, но лучше пойти на эти издержки, чем терпеть его здесь.

Говорят, что надо принять общее решение по данному вопросу. Мне кажется, что надо дать оценку и поручить партийным организациям усилить идеологическую работу, используя полностью предоставленные права административного воздействия.

ДЕМИЧЕВ. Я полностью согласен с выступающими

товарищами. Обстановка на идеологическом фронте сложная. Вооруженная до зубов империалистическая пропаганда воздействует на советское общество. Против нас ведут работу маоистское руководство, разного рода организации капиталистических государств. Несмотря на это, мы противодействуем буржуазной пропаганде, даем отпор идеологически вредной деятельности. Дело у нас обстоит значительно лучше, чем было раньше. Империализм в прошлом пытался воздействовать на нас с помощью экономических санкций. Сейчас буржуазные страны понимают, что экономическими санкциями нас не возьмешь. Поэтому особое внимание капиталистическая пропаганда обращает на организацию идеологических диверсий против нашей страны. Все диверсионные акты, организуемые внутри нашей страны и за ее пределами, направлены против нас и находят питательную почву за рубежом в деятельности идеологических организаций буржуазии.

Наши творческие организации являются идеологически крепкими. Об этом свидетельствуют прошедшие недавно съезды писателей, кинематографистов, которые продемонстрировали высокое идейное единство. Такие маститые писатели, как, например, Симонов, являются хорошими агитаторами за высокую идейную сплоченность. Даже Симонов заявил, что Солженицын является главным его идейным противником, а ведь, как мы знаем, Симонов ранее не всегда выступал с правильных позиций.

Солженицын не хочет уезжать из Советского Союза. Он претендует на роль идейного наставника наших писателей. Буржуазная пропаганда делает ставку именно на Солженицына и хочет его иметь не за рубежом, а именно внутри нашей страны. С точки зрения художественного творчества Солженицын не является тем, за кого он себя выдает. Он использовал культ личности Сталина, отдельные недостатки в нашем развитии, делает ставку на сионизм, на верующих и т. д. и на этом хочет заработать себе авторитет. Наши идейные враги делают ставку на национализм как на основное оружие в борьбе против советского строя. Вот почему борьба против национализма приобретает сейчас исключительно важное значение.

МЖАВАНАДЗЕ. Политбюро правильно поступило, что вынесло такой важный вопрос на заседание. У нас сейчас происходят активные обмены между республиками, происходит постоянное перераспределение людей. В нашей республике проживает очень много евреев, и среди них много таких, которые деградированы, разложились. По-

этому не случайно, среди желающих эмигрировать в Израиль большое количество выходцев из Грузии.

В нашей идеологической работе очень много недостатков. Я думаю, что Солженицын не дошел бы до Нобелевской премии, если бы в свое время мы не поощряли его. Вы помните, что Хрущев дал указание опубликовать его повесть "Один день Ивана Денисовича".

Недавно мы в Грузии провели пленум горкома партии по обсуждению решения ЦК КПСС, а вчера у нас состоялся пленум ЦК компартии республики по обсуждению решения ЦК КПСС по подготовке к 50-летию образования СССР. Как пленум ЦК компартии Грузии, так и пленум Тбилисского горкома горячо и единодушно одобрили и поддержали решения ЦК КПСС. Эти решения помогут нам устранить недостатки в нашей работе и успешнее выполнить задачи девятой пятилетки, решения XXIV съезда КПСС.

ПОДГОРНЫЙ. Национальный вопрос является одним из сложных и трудных вопросов в нашей практике. И то, что в Советском Союзе этот вопрос решен правильно, является завоеванием нашей партии и нашей гордостью. В результате правильного решения национального вопроса у нас год от года крепнет дружба народов, растет и укрепляется идейно-политическое единство советских людей. И, конечно, все мы с большой досадой воспринимаем проявления таких националистических явлений, о которых здесь докладывалось. Чем это вызывается и что надо делать для того, чтобы не было ничего подобного в стране, чтобы правильно вести идейно-политическое воспитание народа?

Советский Союз год от года крепнет во всех отношениях. Нас невозможно сейчас поколебать экономически. Враги наши знают, что дружба народов Советского Союза является оплотом нашей мощи, нашей крепости, и вот они хотят поэтому вбить клин в дружбу народов. Даже наш "друг" Китай и тот выступает за предоставление самостоятельности Советской Украине. Конечно, когда выступают с такими идеями буржуазные деятели, то этому нечего удивляться, а когда выступают китайские коммунисты, то это должно нас настораживать. Есть ли у нас база для национализма? Я считаю, что такой базы нет. Во всех республиках достигнуты огромные успехи в хозяйственном и культурном строительстве. У нас хорошие творческие коллективы имеются во всех республиках и даже во многих областях. Идейно-политическая жизнь в каждой республике развертывается в полную ме-

ру. И это, конечно, не по вкусу враждебным элементам, таким, как Якир, Солженицын, Дзюба.

Якир, конечно, затаил злобу на советскую власть, и, находясь под воздействием буржуазной идеологии, проникающей с Запада, он выливает эту злобу на наши порядки, на нашу действительность своими антисоветскими действиями.

Возьмите вы Солженицына. Он тоже не простой человек, а выходец из имущего класса и, естественно, не может простить это советской власти. Публикация в западном немецком журнале материалов о Солженицыне проливает свет на этого человека[4]. Такие националистические деятели, как Шукевич, который командовал вооруженными силами оуновской организации[5], конечно, не могут быть лояльными людьми.

... Несмотря на то, что мы укрепили и радио, и телевидение, недостатков в этой работе очень много. Нередко можно слышать по радио такие песни, где без удержу прославляется старина или говорится не о советской Родине, а лишь о России, без которой якобы жить нельзя. А украинцы говорят — без Украины жить нельзя и т. д.

Все это и ведет к националистическим извращениям. Солженицын ведет враждебную деятельность. Он враждебно настроенный человек, и он не может быть в Москве. Но я считаю, что выселять его за границу не следует. Он сам не изъявил желания поехать в Швецию за премией. Я думаю, что его не следует выдворять. В Советском Союзе есть такие места, где он не может общаться. В свое время Литвинова выдворили и хорошо сделали. Так надо сделать и с Якиром, и с Солженицыным. К тому же Солженицын — лауреат Нобелевской премии, и это, конечно, буржуазная пропаганда использует в полной мере против нас. Кузнецов, как вы знаете, остался в Англии[6], но Солженицын — это не Кузнецов. Он может принести большой вред.

Что касается Сахарова, то я считаю, что за этого человека нам нужно бороться. Он другого рода человек. Это не Солженицын. Об этом, кстати, просит и т. Келдыш. Все же Сахаров трижды Герой Социалистического Труда. Он создатель водородной бомбы. Я считаю, что обсуждение, которое сегодня развернулось на заседании, является очень полезным, и это поможет нам в налаживании нашей работы.

КОСЫГИН. Я полностью согласен с выступлениями товарищей. Партия всегда уделяла серьезное внимание

национальному вопросу. Когда мы подошли к 1941 году — к году начала Великой Отечественной войны, то мы воочию убедились в плодотворных результатах огромной работы партии по сплочению нашего народа. Уже в первые годы войны проявилось великое единство советского народа, проявилась его нерушимая дружба. Победа в Великой Отечественной войне — это победа и национальной политики партии.

...Вопрос, связанный с Якиром, Солженицыным, Сахаровым, — это частный вопрос. Его надо решать так, как об этом говорил Леонид Ильич Брежнев. Главное, конечно, не карательная политика, а политико-воспитательная работа. С Сахаровым, мне кажется, мы должны будем поработать. Якир мнит из себя какого-то героя. Он по национальности еврей, но взял на вооружение не сионизм, а национализм. Солженицын перешел все рамки терпимого, все границы, и с этими лицами должен решать вопрос сам т. Андропов в соответствии с теми законами, которые у нас есть. А мы посмотрим, как он этот вопрос решит. Если неправильно решит, то поправим его.

АНДРОПОВ. Поэтому я и советуюсь с Политбюро.

БРЕЖНЕВ. Очевидно, желают выступить все присутствующие здесь товарищи, но, судя по выступлениям предыдущих товарищей, ясно одно, что мы едины в принципиальной оценке этого вопроса. Поэтому, может быть, на этом закончим обсуждение, если товарищи не настаивают на этом. Кто из товарищей настаивает на выступлении?

ГОЛОСА: Мы полностью "за", и можно на этом прекратить обсуждение.

БРЕЖНЕВ. Что касается Якира и Солженицына, то я согласен с мнениями товарищей. Надо их, безусловно, выдворить из Москвы.

ПОДГОРНЫЙ. Относительно Якира и Солженицына, я думаю, надо поручить мне, т. Андропову с привлечением товарищей из Прокуратуры, МВД, Министерства юстиции и других организаций еще раз разобраться и внести конкретные предложения в соответствии с законными основаниями и с учетом состоявшегося сегодня обмена мнениями.

БРЕЖНЕВ. Правильно. Давайте мы так и сделаем: поручим т. т. Подгорному и Андропову разобраться и внести по этому вопросу предложения.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1972 г. Подлинник.

[1]Дзюба И. Н. — украинский правозащитник, выступавший за национальную самостоятельность Украины, литературный критик, член СП Украины. В 1966 г. направил в ЦК КП Украины трактат "Интернационализм или русификация" от имени группы украинских правозащитников. В 1973 г. за "национализм и антисоветскую деятельность осужден к пяти годам лишения свободы"
[2]22 января 1969 г. мл. лейтенант В. И. Ильин произвел на территории Кремля 16 выстрелов по автомашине, в которой находились космонавты Г. Береговой, А. Леонов, В. Терешкова, А. Николаев. В феврале 1970 г. по приговору суда был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа. Сообщение о приговоре было напечатано 20 февраля 1970 г. в "Правде"
[3]Якир И. Э. (1896—1937) — советский военачальник, командарм первого ранга. В 1937 г. репрессирован
[4]См. документ № 68
[5]ОУН — организация украинских националистов
[6]Писатель А. В. Кузнецов остался в Англии в июле 1968 г., где находился в служебной командировке для сбора материалов к книге "Ленин в Лондоне".

№ 80
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "О Солженицыне и Якире"

№ П37/протокольно — 30 марта 1972 г.

Совершенно секретно

Поручить т. т. Подгорному, Андропову с привлечением соответствующих министерств и ведомств и с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК подготовить предложения и внести в ЦК КПСС.

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 57. Выписка из протокола.

№ 81
ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 854—А — 3 апреля 1972 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

ЦК КПСС

Комитетом госбезопасности получены оперативные данные, свидетельствующие о том, что СОЛЖЕНИЦЫН, не зная до настоящего времени о закрытии въезда

в СССР секретарю Нобелевского фонда ГИЕРОВУ, активно готовится к его приезду, связанному с вручением СОЛЖЕНИЦЫНУ знаков лауреата Нобелевской премии.

Для приема гостей, приглашаемых на вручение, сожительница СОЛЖЕНИЦЫНА СВЕТЛОВА и ее родственники закупают в большом количестве посуду и продукты питания. В связи с тем, что день вручения 9 апреля приурочен к первому дню религиозного праздника Пасхи, прием одновременно будет носить характер религиозного торжества, для чего готовятся соответствующие реквизиты — пасхальные куличи, крашеные яйца и т. п. СОЛЖЕНИЦЫН, находясь на даче РОСТРОПОВИЧА, разучивает наизусть текст подготовленной им ранее так называемой традиционной лекции лауреата Нобелевской премии.

Предполагается, что на указанном сборище СОЛЖЕНИЦЫН даст интервью приглашенным туда иностранным корреспондентам. Для подготовки интервью 30 марта СОЛЖЕНИЦЫН пригласил на квартиру своей сожительницы американских корреспондентов Роберта КАЙЗЕРА и Хедрика СМИТА, с которыми беседовал в течение четырех часов. СОЛЖЕНИЦЫН представил корреспондентам готовый текст ответов, объемом приблизительно 25 машинописных листов, заранее определив характер вопросов, которые ему должны быть заданы.

В самом начале беседы сожительница СОЛЖЕНИЦЫНА предупредила корреспондентов о том, что их разговор может подслушиваться, в связи с чем дальнейшее его продолжение велось в основном путем переписки.

Полученные в процессе беседы материалы свидетельствуют о том, что интервью охватывает широкий круг вопросов, которые один из корреспондентов сформулировал следующим образом: "По-моему, у нас есть три части. Что они делали против нас, о трудностях жизни, о друзьях, которые пострадали от того, что вас знали, и так далее..." Помимо этого, в интервью будут затронуты вопросы дальнейших литературных планов СОЛЖЕНИЦЫНА, отзывы о прогрессивных, с его точки зрения, советских писателях и поэтах. Значительное место будет уделено вопросам биографического характера, в частности, о пребывании СОЛЖЕНИЦЫНА в местах лишения свободы, о родственниках, и, в этой связи, о публикациях в "Литературной газете".

Беседа была записана корреспондентами на магнито-

фонную пленку. В конце беседы был сделан ряд фотографий СОЛЖЕНИЦЫНА с сожительницей и сыном.

Кроме того, по имеющимся у нас данным, корреспондент американского агентства ЮПИ ДЖЕКСОН намерен снять фильм о вручении СОЛЖЕНИЦЫНУ знаков лауреата.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 66—67. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подписи М. Суслова, Н. Подгорного, Д. Полянского, А. Косыгина, В. Гришина, А. Шелепина, Г. Воронова, Ф. Кулакова; на обороте последнего — запись "т. т. Кириленко в отпуске, Мазуров болен, Пельше в командировке. В. Галкин 04. 04. 72"

№ 82

ТЕЛЕГРАММА ПОСОЛЬСТВА СССР В ШВЕЦИИ

Спец. № 285
из Стокгольма

8 апреля 1972 г.

Секретно

Экз. № 7[1]

К НАШЕМУ НР 281. МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВИКМАН В ЗАЯВЛЕНИИ, РАСПРОСТРАНЕННОМ ДЛЯ ПЕЧАТИ, ОТМЕТИЛ, ЧТО ПО-ПРЕЖНЕМУ СОХРАНЯЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ВРУЧЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНУ МЕДАЛИ И ДИПЛОМА ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ. В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ОН ПОДЧЕРКНУЛ, ЧТО ВРУЧЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНО ЛИШЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТОБЫ "ПОСОЛЬСТВО НЕ УЧАСТВОВАЛО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ ПРОТИВ СТРАНЫ ПРЕБЫВАНИЯ".

ЭТО ЗАЯВЛЕНИЕ ВИКМАНА КОММЕНТИРУЕТСЯ ПЕЧАТЬЮ КАК КОСВЕННЫЙ ОТВЕТ НА ЗАПРОС В РИКСДАГЕ ДЕПУТАТА НАРОДНОЙ (ЛИБЕРАЛЬНОЙ) ПАРТИИ АЛЬМАРКА ОТНОСИТЕЛЬНО ГОТОВНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОДЕЙСТВОВАТЬ "ВРУЧЕНИЮ НОБЕЛЕВСКИМ ЛАУРЕАТАМ ПРЕМИЙ В ПОСОЛЬСТВАХ ШВЕЦИИ ПРИ ИХ СОГЛАСИИ НА ЭТО".

В ПЕЧАТИ, ОСОБЕННО В ПРАВОЙ, ПРОДОЛЖАЮТСЯ НЕДРУЖЕСТВЕННЫЕ НАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОТМЕНЫ ПОЕЗДКИ ГИЕРОВА В МОСКВУ. НЕКОТОРЫЕ ОРГАНЫ ПЕЧАТИ ВЫСТУПАЮТ С НАПАДКАМИ НА ПОСЛА ШВЕЦИИ ЯРРИНГА И ПРАВИТЕЛЬСТВО, СТАРАЯСЬ ВЫНУДИТЬ ИХ ПОЙТИ НА ОБОСТРЕНИЕ С НАМИ. УТВЕРЖДАЕТСЯ, В ЧАСТНОСТИ, ЧТО ПРАВИТЕЛЬСТВО "ПРИ УДОБНОМ СЛУЧАЕ И НЕОФИЦИАЛЬНО" МОЖЕТ ВЫРАЗИТЬ СВОЕ "СОЖАЛЕНИЕ" СОВЕТСКИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ.

В СЛУЧАЕ ПОДОБНОГО ОБРАЩЕНИЯ ИМЕЕМ В ВИДУ ПОДТВЕРДИТЬ НАШУ ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ ПОЗИЦИЮ ОТНОСИТЕЛЬНО УЧАСТИЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ШВЕДСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНУ ДИПЛОМА И МЕДАЛИ НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА.

М. ЯКОВЛЕВ

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 79—80. Копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Экземпляр Ф. Кулакова

№ 83

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

№ 942—А/ОВ 10 апреля 1972 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

Ц К К П С С

В результате осуществления оперативно-чекистских мероприятий предотвращена планировавшаяся определенными кругами Запада на 9 апреля с. г. акция по вручению СОЛЖЕНИЦЫНУ знаков лауреата Нобелевской премии.

По оперативным данным, СОЛЖЕНИЦЫН воспринял сообщение об отказе в визе на въезд в СССР секретарю Нобелевского фонда ГИЕРОВУ крайне нервозно, заявив своей сожительнице СВЕТЛОВОЙ: "Наглые собаки... они делают со мной все, что хотят... мы слишком терпеливы..." Перед своим окружением он старается держаться

более спокойно и уверенно, сообщил, что отказывается получать знаки лауреата в помещении шведского посольства и будет добиваться, чтобы получить эти знаки только из рук секретаря Нобелевского фонда ГИЕРОВА.

9 апреля на квартире своей сожительницы СВЕТЛОВОЙ, которая в последнее время начинает играть все более активную роль в различных провокационных акциях, СОЛЖЕНИЦЫН устроил обед по случаю религиозного праздника Пасхи. На обеде, кроме родственников сожительницы СОЛЖЕНИЦЫНА, присутствовали член-корреспондент Академии наук СССР ШАФАРЕВИЧ и бывший литературный секретарь И. ЭРЕНБУРГА СТОЛЯРОВА, полностью разделяющие взгляды СОЛЖЕНИЦЫНА и помогавшие ему в подготовке вручения знаков лауреата.

10 апреля квартиру СВЕТЛОВОЙ посетили два иностранных корреспондента (один из них СТИГ ФРЕДРИКСОН, корреспондент Швеции) и обменивались мнениями (с помощью переписки) по поводу вручения премии и другим вопросам, характер которых выясняется.

По полученным данным, РОСТРОПОВИЧ, на даче которого продолжает проживать СОЛЖЕНИЦЫН, 27 марта посетил посла США БИМА и беседовал с ним в присутствии ряда ответственных сотрудников посольства в течение двух часов, а 7 апреля он посетил посольство ФРГ. 9 апреля РОСТРОПОВИЧ вместе с женой ВИШНЕВСКОЙ в течение пяти часов находился в тронном зале духовной академии в гор. Загорске по случаю пасхальной службы, где отправлял религиозный обряд моления.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 69—70. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе подписи А. Кириленко, А. Косыгина, А. Шелепина, М. Суслова, К. Мазурова, Д. Полянского, В. Гришина, Г. Воронова, Ф. Кулакова, Н. Подгорного и запись "т. Брежневу Л. И. доложено. К. Черненко 14. 06. 72"; на обороте последнего — запись "т. Пельше в отпуске. В. Галкин 18. 06. 72"

№ 84

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР[1]

№ 739/ГС 12 апреля 1972 г.

Секретно

Ц К К П С С

Министр иностранных дел Швеции Викман в заявлении, распространенном для печати, отметил, что по-прежнему сохраняется возможность вручения Солженицыну медали и диплома лауреата Нобелевской премии в шведском посольстве в Москве (т-ма из Стокгольма № 285[2]).

МИД СССР полагал бы целесообразным сделать соответствующее заявление посольству Швеции в Москве по этому поводу.

Проект постановления прилагается[3].

Прошу рассмотреть.

А. Громыко

Ф. 3, оп. 69, д. 326, л. 15. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 12 апреля 1972 г. за № 40—45

[2]См. документ № 82

[3]13 апреля 1972 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П40/60 (см. документ № 85)

№ 85

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об устном заявлении посольству Швеции в Москве"

№ П40/60 13 апреля 1972 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Утвердить проект устного заявления посольству Швеции в Москве (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 60 прот. № 40

Устное заявление посольству Швеции в Москве

Министерство иностранных дел СССР вновь подтверждает позицию советской стороны по вопросу о присуждении Шведской академией Нобелевской премии Солженицыну, неоднократно излагавшуюся шведской стороне.

В заявлениях советской стороны по этому вопросу было решительно подчеркнуто, что в Советском Союзе расценивают решение о присуждении Нобелевской премии и намерение вручить ее Солженицыну через шведское посольство в Москве как недружественный акт в отношении Советского Союза. При этом указывалось, что периодически поднимаемая определенными кругами Швеции враждебная СССР кампания вокруг Солженицына направлена на то, чтобы нанести ущерб советско-шведским отношениям.

Министр иностранных дел Швеции заявил 7 декабря 1970 года[1], что шведское правительство не имеет какого-либо отношения к решению Академии о Солженицыне, и заверил совпосла, что вмешательство шведского правительства в дела, связанные с присуждением Нобелевской премии Солженицыну, исключено.

В этой связи не могут не вызвать удивление недавние официальные заявления в Стокгольме о том, что сохраняется возможность вручения Солженицыну Нобелевской медали и диплома через шведское посольство в Москве[2].

Мне поручено заявить, что советская сторона исходит из того, что шведское посольство в Москве, согласно данному ранее заверению со стороны шведского правительства, воздержится от какого-либо участия в мероприятиях, связанных с вручением Солженицыну медали и диплома. Выражается также надежда, что шведская сторона примет меры по прекращению в Швеции инспирируемых в отношении СССР враждебных выступлений вокруг Солженицына, что отвечало бы интересам благоприятного развития отношений между нашими странами.

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 76—77. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

[1]Дата указана ошибочно, см. документ № 49
[2]См. документ № 82

№ 86

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 969—А 13 апреля 1972 г.

Секретно

Ц К К П С С

Поступающие в Комитет госбезопасности материалы о реагировании представителей интеллигенции на статью Ежи РОМАНОВСКОГО "Август Четырнадцатого" Александра СОЛЖЕНИЦЫНА или правда о книге и мифе", опубликованную 7 апреля с. г. в газетах "Труд" и "Литературная Россия", свидетельствуют о единодушном одобрении этой публикации и осуждении антиобщественных позиций СОЛЖЕНИЦЫНА.

СМИРНОВ Н. П. , прозаик, член Союза писателей: "Статья умная, аргументированная, хорошо привлечен исторический материал, убеждает, кроме того, своим серьезным тоном, отсутствием бездоказательных наскоков — это производит большое впечатление. Мне можно судить о статье вполне объективно: я читал "Август Четырнадцатого". Суть романа не в том, что показано поражение русских и неразбериха в их рядах — все это было; главное, что СОЛЖЕНИЦЫН вложил в свое писание антиреволюционную идею".

КУДРЕВАТЫХ Л. А. , очеркист: "Наконец-то дали серьезно по зубам клеветнику и фальсификатору СОЛЖЕНИЦЫНУ! С ним нужно разговаривать доказательно, убедительно разоблачая его лживые утверждения и позицию. Но где наши-то критики? Прямо позор какой-то..."

НИЛИН П. Ф., прозаик: "Мне кажутся наиболее убедительными те места статьи, которые посвящены оценке русского человека, его качеств, как воина. Если СОЛЖЕНИЦЫН действительно писал так, как его цитирует польский публицист, то это возмутительно.

О храбрости русского солдата написаны прекрасные страницы классиками русской, да и мировой литературы, и нечего пересматривать эту точку зрения".

ГРИНБЕРГ И. Л., критик: "Судя по оценкам польского журналиста, СОЛЖЕНИЦЫН ставит под сомнение выносливость, храбрость, самоотдачу русского солдата, в то время как в "Одном дне Ивана Денисовича" он, напротив, именно эти качества превозносил, даже

впадая в русофильство. Здесь он противоречит сам себе. Опубликование статьи очень полезно — оно поможет развеять миф вокруг СОЛЖЕНИЦЫНА".

СТРУГАЦКИЙ А. Н., прозаик: "Слава богу, что СОЛЖЕНИЦЫН не еврей. Этого нам еще не хватало... Словом, он человек злобный, заносчивый и не столько писатель, сколько политикан. Он сам прекрасно это знает и играет в политику, ибо за границу именно этот товар может он экспортировать. Ежи РОМАНОВСКИЙ пишет серьезно, убедительно и без дураков, со скрытой желчью, но громит здорово".

ИСКАНДЕР Ф. А., поэт, прозаик: "Вначале я тоже попал под волну своих друзей и мне казалось, что СОЛЖЕНИЦЫН настоящий писатель. Но потом убедился, что он просто способный авантюрист, очень ловко пользуется международной политической амплитудой и ходит победителем: вот, мол, ничего со мной не могут сделать!"

КОЗЛОВСКИЙ И. С., народный артист СССР: "Я не знаю, по чьему заказу написана эта статья, но видно толковый человек писал. Я всем ее даю читать".

АКИМ Я. Л., поэт: "Статья написана очень объективно. СОЛЖЕНИЦЫНА давно пора поставить на место".

НЕКРАСОВ А. С., прозаик: "Статья производит сильное впечатление. Особенно хорошо то, что она помещена в "Труде" — газете рабочих. С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ надо что-то делать. Великий писатель из него не вышел, что подчеркивается в статье, а его политическое лицо определилось довольно четко — это явный враг нашей власти".

АЛИГЕР М. И., поэтесса: "Особенно ценно в этой статье то, что читателю, наконец, доверяют и рассказывают о том, что пишет СОЛЖЕНИЦЫН, какова его концепция, в чем он неправ".

ОСЕТРОВ Е. И., критик, прозаик: "Статья о романе СОЛЖЕНИЦЫНА в принципе полезна нам, "славянофилам", она раскрывает его антипатриотическую позицию, показывает, что он ненавидит русских, обижает поляков".

МОРОЗОВ А. И., кандидат искусствоведческих наук: "Статья РОМАНОВСКОГО — это серьезная публикация, которая с настоящих литературоведческих позиций дает анализ работе СОЛЖЕНИЦЫНА. На работников искусства как раз публикации такого характера могут оказывать нужное влияние. С другой стороны, не нужно забывать, что вопрос о СОЛЖЕНИЦЫНЕ в принципе

волнует очень неширокие круги московской, а еще меньше иногородней интеллигенции".

РЕЗНИЧЕНКО Н. А., преподаватель Новосибирского электротехнического института: "Если литературная общественность бессильна оказать воздействие на СОЛЖЕНИЦЫНА, то пусть он предстанет перед судом рабочего класса. Как смеет этот человек, живущий на нашей земле, жующий наш хлеб и сало, плевать на нашу действительность?"

СОРОКИН Л. Л., писатель (г. Свердловск): "Анализируя статью Е. РОМАНОВСКОГО, приходишь к выводу, что СОЛЖЕНИЦЫН — человек, настроенный враждебно к Советскому государству. Вредность влияния его "произведений" обращена прежде всего на молодежь... Назрел вопрос о его изоляции от советского общества, пресечении его враждебной деятельности".

АЛЕКСЕЕВА А. Н., доцент историко-филологического факультета Горьковского университета: **"Книга "Август Четырнадцатого" — самый настоящий плевок русскому народу, лишнее доказательство** тому, что хватит терпеть СОЛЖЕНИЦЫНА на нашей земле, пора его вышвырнуть на милый ему Запад".

БРИНСКИЙ А. П., прозаик (г. Горький): "СОЛЖЕНИЦЫН клевещет на историческую правду. За его деятельность его нужно судить или выдворить из нашей страны".

Одобрительное отношение к публикации статьи высказали также московские писатели Г. БРОВМАН, Ф. КУЗНЕЦОВ, Ю. ГАЛЬПЕРИН, Б. ЗУБАВИН, М. РУДЕРМАН, В. ЗАХАРЧЕНКО, С. МИХАЛКОВ, Г. МДИВАНИ, В. ПЕРЦОВ, композитор О. ФЕЛЬЦМАН, режиссер Ленинградского телевидения БЕЛИНСКИЙ и многие другие.

СОЛЖЕНИЦЫН по поводу публикации заявил следующее: "Я не ожидал, что "Литературная Россия" так развернется. Но я не понимаю, почему у них система — поручать все время кому-то такое... Сами ничего не напишут. БЕЛЛЬ мне правильно говорил, что надо нам не отгавкиваться на все. Раз пошло такое дело, что читает весь мир, то будут гавкать со всех сторон, изо всех нор. На это не надо обращать внимания. Пусть пишут! История разберется".

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 645, л. 72—75. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе подпись М. Суслова, А. Кириленко, В. Гришина, Ф. Кулакова, А. Шелепина, К. Мазурова, Д. Полянского, Г. Воронова, А. Косыгина, Н. Подгорного, Д. Устинова, П. Демичева, М. Соломенцева; на обороте последнего листа запись "т. Пельше в отпуске. В. Галкин 20. 06. 72"

№ 87
ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

14 апреля 1972 г.
Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.
Присутствовали: т. т. Воронов, Гришин, Кириленко, Косыгин, Кулаков, Мазуров, Полянский, Суслов, Шелепин, Андропов, Демичев, Соломенцев, Устинов, Катушев.

Вопросы, обсужденные за повесткой дня:

1. О Солженицыне

БРЕЖНЕВ. Солженицын все более нагло ведет себя, пишет всюду клеветнические письма, выступает на пресс-конференциях. Он очень озлоблен. Надо принять в отношении его решительные меры.

АНДРОПОВ. Видимо, надо его лишить советского гражданства. Пусть шведы примут его к себе.

БРЕЖНЕВ. На прошлом заседании было поручение т. Подгорному вместе с прокуратурой и КГБ решить вопрос, но т. Подгорный уехал[1]. Поэтому, может быть, мы подождем несколько дней, когда вернется т. Подгорный, и он вместе с товарищами внесет предложение по этому вопросу.

АНДРОПОВ. Я бы хотел посоветоваться, как поступить с Якиром. Можно, конечно, арестовать его сейчас и судить. Но правильно ли будет избран момент? Может быть, лучше это сделать после ратификации договоров.

КОСЫГИН. Солженицын ведет себя нагло. Все его поступки остаются безнаказанными, поэтому он и ведет так себя. Его, по-моему, надо выселить. Кроме того, нужно решить как-то вопрос о Растроповиче[2]. Надо его вы-

звать и предупредить, пусть он прекратит свои выступления за границей.

БРЕЖНЕВ. Он не выступает, например, в Барнауле или других советских городах, а едет в Нью-Йорк, Париж и другие города мира. Говорили о том, чтобы не пускать Растроповича[2] в зарубежные поездки, но он снова ездит повсюду. Одним словом, надо действовать в отношении этих лиц, как мы условились на заседании Политбюро.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1972 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]С 11 по 17 апреля 1972 г. Н. Подгорный находился с визитом в Турции

[2]Так в тексте документа

1973

№ 88

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 1707-А 17 июля 1973 г.

Совершенно секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

ЦК КПСС

В последнее время органами госбезопасности получены не вызывающие сомнения материалы, которые дают основание утверждать, что СОЛЖЕНИЦЫН, помимо публичной литературной деятельности и выступлений, носящих антисоветский характер, пытается вести **нелегальную подрывную работу,** вовлекает во враждебную деятельность отдельных советских граждан, подстрекая их к активным противоправным действиям.

Так, 19 июня с.г. в беседе с СУПЕРФИНОМ (в июле арестован за антисоветские преступления) и его другом БОРИСОВЫМ СОЛЖЕНИЦЫН призывал их изменить тактику борьбы с существующим в Советском Союзе государственным и общественным строем и перейти к активным формам враждебной деятельности. "Давайте, — говорил он, — больше не играть ни с "психушками", ни с чем, а давайте действовать".

Аналогичную беседу СОЛЖЕНИЦЫН провел 16 июня с.г. с литератором КОРЖАВИНЫМ, которого убеждал в необходимости организованного противодействия мероприятиям государственных органов в отношении лиц, занимающихся антиобщественной деятельностью.

О степени озлобленности СОЛЖЕНИЦЫНА свидетельствует его разговор 2 июля с.г. с неродным сыном Дмитрием, в ходе которого он внушал одиннадцатилетнему ребенку следующее: "Мы находимся в постоянном бою. Нет в этой стране человека ненавистнее правитель-

ству, чем я. Правительство всесильно, перед ним лежит весь мир, а я у них под носом, под боком сижу. Однако мы с мамой без боя ничего никогда в жизни не уступали и не уступим, умрем — и не уступим. Поэтому мы будем биться всегда во всем до конца. Биться, а не уступать, уступки погубили человечество... Если уж ты попадешь к ним туда (в КГБ), то знай, что вокруг тебя будет бой, причем мировой, международный. Ты должен там вести себя достойно. Не стой перед ними на коленях, не проси у них пощады, не выцеловывай, не обещай. Уверенно им говори, что все равно вы проиграете, все равно голову сложите".

Проводя работу по антисоветскому воздействию на лиц из своего окружения, СОЛЖЕНИЦЫН установил и расширяет с этой целью контакты в различных городах страны. Его единомышленники выявлены в Крымской области, Рязани, Тамбове, Новочеркасске и в других городах. Особый интерес представляют знакомые СОЛЖЕНИЦЫНА в Ленинграде, среди которых стоящий на антимарксистских позициях доктор филологических наук ЭТКИНД Е.Г., автор провокационного так называемого "Письма БРОДСКОГО в ЦК КПСС"; пенсионер САМУТИН Л.А., отбывавший наказание за службу в Русской освободительной армии предателя ВЛАСОВА в качестве начальника культчасти воинской бригады; пенсионерка ВОРОНЯНСКАЯ Е.Д.; преподаватель музыки ИВАНОВА Е.В. и другие. Все они активно поддерживают СОЛЖЕНИЦЫНА, разделяют его враждебные взгляды, размножают и хранят его сочинения.

В целях документации уголовно наказуемой деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА органами госбезопасности проведен ряд мероприятий, в результате которых добыты материалы, подтверждающие его враждебность социалистическому строю, политике Коммунистической партии и Советского правительства и твердую приверженность идеям и устремлениям наиболее реакционных кругов Запада. Особого внимания заслуживают документы, хранящиеся у ленинградки ПАХТУСОВОЙ Н.Ф., 1917 года рождения, до ухода на пенсию работавшей старшим геологом Северо-Западного геологического управления. В частности, ПАХТУСОВА хранит так называемые "Воспоминания" ВОРОНЯНСКОЙ, в которых автор излагает антисоветское содержание сочинения СОЛЖЕНИЦЫНА "Архипелаг ГУЛАГ". По мнению ВОРОНЯНСКОЙ, СОЛЖЕНИЦЫН в этом произведении показал: "...Растление 200-миллионного народа. Уничтожение лучшей части, в том числе и

половины партийных рядов. Убийство ума его, совести, человеколюбия..." (Более полные фрагменты из "Воспоминаний" прилагаются).

Проверкой близких знакомых СОЛЖЕНИЦЫНА установлено, что многим из них он оказывает материальную помощь, в том числе иностранной валютой.

Антисоветская сущность поведения СОЛЖЕНИЦЫНА отчетливо прослеживается и в его литературном творчестве. Все задуманные и частично готовые сочинения ("Октябрь шестнадцатого", "Шоссе энтузиастов" и другие) рассчитаны на развенчание идей Великой Октябрьской революции, дискредитацию истории Советского государства, инспирирование антиобщественных акций.

"Апофеозом" своих враждебных сочинений СОЛЖЕНИЦЫН рассматривает законченный роман "Архипелаг ГУЛАГ", который, по словам его единомышленников, призван показать советской и зарубежной общественности "кровавое истребление народа, страдания миллионов, потаенную скрытую каторжную жизнь доброй половины русского народа за полвека правления коммунистов". Сам СОЛЖЕНИЦЫН считает, что "Архипелаг": "Вещь убийственная, это такая убойная вещь!"

Все это свидетельствует, что в лице СОЛЖЕНИЦЫНА мы имеем дело с убежденным противником советского государственного и общественного строя, сознательно вставшим на путь проведения борьбы с Советской властью, использующим в этих целях пропагандистский аппарат и средства массовой информации Запада.

Антисоветские взгляды у СОЛЖЕНИЦЫНА стали проявляться еще в студенческие годы, когда он изготовил и распространил среди своих друзей политически вредную рукопись. В 1945 году он был осужден за антисоветскую деятельность к 8 годам лишения свободы, срок наказания отбыл полностью, но в 1957 году реабилитирован. После XX съезда КПСС СОЛЖЕНИЦЫН, замаскировавшись под борца с последствиями культа личности и спекулируя на решениях съезда, выступил в своих сочинениях "В круге первом" и "Раковый корпус" против коммунистической идеологии и практики социалистического строительства, утверждая, что социализм — это необузданная эксплуатация людей.

Исходя из того, что антисоветская деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА подтверждается добытыми материалами, Комитет госбезопасности осуществляет мероприятия по

ее документации с целью **возбуждения уголовного дела на СОЛЖЕНИЦЫНА.**

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Приложение

Секретно

ФРАГМЕНТЫ ИЗ "ВОСПОМИНАНИЙ" ВОРОНЯНСКОЙ Е.Д.

В "Воспоминаниях" автор рассказывает историю написания СОЛЖЕНИЦЫНЫМ произведения, именуемого в тексте "Арх" (речь идет о неопубликованном произведении "Архипелаг Гулаг"), а также о своих взглядах, сформировавшихся под воздействием произведений СОЛЖЕНИЦЫНА.

В указанных "Воспоминаниях" ВОРОНЯНСКАЯ пишет:

"...Растление 200-миллионного народа. Уничтожение лучшей части, в том числе и половины партийных рядов. Убийство ума его, совести, человеколюбия. Уничтожение всех христианских заповедей. Вместо этого: обмещанивание, оболванивание. Заветы тайные и явные: убей, укради, донеси, солги. Предай мать свою, отца своего. Сотвори себе кумира из вождя своего и благо тебе будет. Отныне церковь твоя — Министерство госбезопасности. Молись только ему и только его прислужникам — будешь богат, охраняем, никакие твои преступления наказуемы не будут...

...Я знаю современников А.И., прочитавших "Арх" и под воздействием этого произведения, начавших не только думать о судьбах своей страны, но и замечать то, мимо чего они раньше равнодушно проходили и делать то общественное нужное, что раньше не пришло бы им в голову. Да и гражданская позиция ТВАРДОВСКОГО, КАВЕРИНА, ГРИГОРЕНКО, академика САХАРОВА и других видных деятелей и современников писателя усиливалась, а иногда и возникала под прямым воздействием могучего духа С. с его бескомпромиссным противоборством".

"...При праве наций на самоопределение мы душили не только народы своей Федерации, но вышли с танками и на 14-ти миллионный народ Чехословакии. Давили танками Венгрию. Надо писать десятки томов, чтобы представить подлинную историю России после 1917 года.

За эти полвека русский народ со своими соплеменниками истреблялся бессмысленно кроваво, жестоко не тысячами, не десятками тысяч, а миллионами..." (стр. 59—60).

ВОРОНЯНСКАЯ частично пересказывает содержание этого произведения и дает ему свою оценку.

"...Об этом кровавом истреблении народа, о его не одной трагедии, о страданиях миллионов и повествует историческая хроника "Арх". Если род человеческий не прикончит себя в безумии, "Арх" будут заниматься историки, философы, экономисты, социологи, искусствоведы, художники, писатели, композиторы, кинематографисты, артисты и художники всех специальностей, всех наций. Ни один мыслящий, думающий человек не пройдет мимо этого Эвереста русской литературы, охватившего непостижимое народное страдание, показавшего потаенную скрытую каторжную жизнь доброй половины русского народа за полвека правления коммунистов. "Арх" поставил множество великих и вечных вопросов, показал подлинную диалектику истории, лжефилософию догматиков, всю преступность их деяний, всю ничтожность их позиций.

Писатель рассказал искренне и правдиво: как все это рождалось, процветало, цвело, скрывалось, секретилось, во что в конечном счете вылилось и к какому итогу привело.

Многое знали мы. И все же мы не знали, что наши советские каторжные лагеря были страшнее царских острогов и страшнее фашистских (ведь из фашистских все-таки убегали), что в истории лагерей были героические Кенгир, Экибастуз. Этого современники не знали, хотя многие из них потеряли в этих лагерях отцов, мужей, братьев, сыновей. Не в состоянии сказать я нужные слова об этой книге, эта книга поведала самую страшную, самую кровавую трагедию двухсотмиллионного народа за всю его вековую историю.

Между тем письменные и устные рассказы живых людей, ненапечатанные воспоминания, повести, архивные материалы, утаенные листовки, изъятые книги все текли и текли к уму и сердцу С. Через год после окончания "Арх" их собралось очень много. По-новому высветилось участие КОРОЛЕНКО в революции, пророчески увидевшего ад кромешный за мнимым светом.

Трусливая и гаденькая роль ГОРЬКОГО. За 1967 и 1968 годы были прочитаны все речи и статьи КРЫЛЕНКО, апостола советской юриспруденции. Произошли встречи с живыми, уцелевшими власовцами. Было записано для Ал.Ис. все случившееся в Новочеркасске, все подробности подавления там народного восстания тан-

ками. Приходили все новые и новые биографии пострадавших людей, свидетельствовавших, что было и еще страшнее, и еще бесчеловечней, и еще гаже..." (стр.60—64).

В своих "Воспоминаниях" ВОРОНЯНСКАЯ клеветнически утверждает, что Советское правительство, заинтересованное в переводе из-за границы валюты, ради этого готово пойти на все:

"...По ходу дела советское правительство за валюту готово продать не только отца родного, но весь марксизм-ленинизм с его тремя источниками (ну, конечно, не на свету, а тайно, секретно)..."

"... И пока был неизвестен "Арх" (а может и его проглотят?) С., оказывается можно было торговать и думать, как бы его состояние перевести в СССР да и отнять "на строительство коммунизма во всем мире..." (стр.89).

В конце "Воспоминаний" ВОРОНЯНСКАЯ пишет:

"В "Арх" он рассказал о пламени, в котором сгорела наша страна. Сейчас он захотел вернуться к искрам этого пламени. Как же это все загоралось, разгоралось, превратилось в пожар и что же это была за искра приведшая к огню, спалившим страну?" (стр.91).

(Орфография автора сохранена)
Верно: Начальник управления КГБ
при СМ СССР *(БОБКОВ)*

"16" июля 1973 года

Ф.3, оп.80, д.646, л. 18—25. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

---

[1]На первом листе резолюция: "Для ознакомления чл.ПБ (**вкруговую**) Л.Брежнев" и подписи А.Косыгина, А.Кириленко, Д.Полянского, К.Мазурова, Ф.Кулакова, Н.Подгорного, М.Суслова, А.Пельше, А.Шелепина, А.Громыко, А.Гречко, Д.Кунаева, В.Щербицкого; на обороте последнего листа запись "т.Гришин — болен"

№ 89

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 1902-А 10 августа 1973 г.

Совершенно секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

17 июля 1973 года № 1707-А[2] докладывалось о наличии в Ленинграде связей СОЛЖЕНИЦЫНА, у которых хранятся материалы, свидетельствующие о том, что литератор написал произведение "Архипелаг ГУЛАГ", носящее резко антисоветскую направленность.

Для документации враждебной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА 4 августа 1973 года с санкции Прокуратуры Союза ССР был проведен обыск на квартире у одной из связей СОЛЖЕНИЦЫНА — ПАХТУСОВОЙ. Во время обыска обнаружено и изъято 192 документа, большинство которых носит антисоветский и политически вредный характер. В числе изъятых документов "Воспоминания" ВОРОНЯНСКОЙ — близкой знакомой СОЛЖЕНИЦЫНА, в которых изложено содержание "Архипелага ГУЛАГ". (Копия этих "Воспоминаний" прилагалась к предыдущей записке). Одновременно изъят дневник самой ПАХТУСОВОЙ, в котором последняя дает следующую оценку этого сочинения:

"Такой книги еще не было ни разу во всей истории человечества. И по содержанию, и по жанру, который не поддается определению. Это не литер. жанр и не литер. произведение, а сама жизнь человеческая, сжатая в кровавый сгусток страдания, отчаяния, смирения и бунта. Это трансформированные крики. Боль, слезы, рыдания, гнев, молитвы, кличи пророка! Это Евангелие 20 века! И создал его Прометей, а в политическом смысле это бомба, и случись такое чудо, что свободно прочел бы ее весь народ — да это повело бы к восстанию и баррикадам!

Невозможно читать, нервная спазма не разжимает горло, хочется кричать, куда-то бежать, наконец бить, убивать всех этих благоденствующих, правящих бандитов, этих сталинских "паханов"!"

Из записей в дневнике ПАХТУСОВОЙ видно, что в

Ленинграде у близких связей СОЛЖЕНИЦЫНА хранилось несколько машинописных экземпляров "Архипелага ГУЛАГ", однако, по указанию СОЛЖЕНИЦЫНА, все они были сожжены, а им подготовлена третья редакция сочинения. В связи с этим обращает на себя внимание следующая дневниковая запись ПАХТУСОВОЙ:

"Приезжала взволнованная и расстроенная Е. (ВОРОНЯНСКАЯ). Она узнала, что А.И. (СОЛЖЕНИЦЫН) решил опубликовать... Я тоже была потрясена этим известием. Что привело А.И. к такому отчаянному решению? Ведь он всегда говорил, что эта книга увидит свет только после его смерти. И это так понятно: выйди она при его жизни, она убьет его сразу же. Суд. Лагеря, расстрел, яд, подстроенная гибель под колесами машины — вот что его ждет после издания этой книги. А он идет на это. Так почему? Может быть, он боится, что все равно РЕШЕТОВСКАЯ (бывшая жена) донесет и он погибнет не за грош, а его творение будет уничтожено? И поэтому он решил: если уж погибать, то по крайней мере за изданную книгу, которую уже нельзя будет МГБ ни изъять, ни уничтожить — ведь ее издадут за границей. Вот вопросы, которые нас волнуют. Книга будет издана в 73 году, но, возможно, А.И. замыслил другой ход: уехать из С.Р.[3] со своей семьей, т.е. довести правительство до того, чтобы его выгнали из страны. Во всяком случае, видно, что он готовится к какому-то решающему повороту в своей жизни. Об этом говорят такие факты, как ликвидация... в прежних редакциях, и то, что он затребовал назад свою переписку. И вот весной приезжал прощаться с ленингр. друзьями".

Одновременно у ПАХТУСОВОЙ изъята картотека со сведениями о лицах, репрессированных в период 1924—1954 годов, о которой сама ПАХТУСОВА пишет: "Наш мартиролог включает около 2000 имен репрессированных, причем только жертв 30-летия сталинского произвола... осужденных только по 58 статье УК РСФСР".

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л. 26—28. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция: "Для ознакомления (вкруговую) Л.Брежнев" и подписи А.Косыгина, А.Кириленко, Д.Полянского, К.Мазурова, Ф.Кулакова, Н.Подгорного, М.Суслова, А.Пельше, А.Шелепина, А.Гро-

мыко, А.Гречко, Д.Кунаева, В.Щербицкого; на обороте последнего листа запись: "т.Гришин — болен"
[2]См.документ № 88
[3]Так в тексте документа

№ 90

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2036-А 26 августа 1973 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

Ц К К П С С

Материалы, поступающие в Комитет госбезопасности, свидетельствуют о том, что СОЛЖЕНИЦЫН продолжает оставаться на антисоветских позициях и все чаще проявляет себя как открытый противник социалистического строя. В этих целях он активно использует пропагандистский аппарат Запада и поддерживает морально и материально лиц из числа советских граждан, проявляющих себя с антисоветской стороны.

Сейчас СОЛЖЕНИЦЫН заканчивает работу над романом "Октябрь шестнадцатого" и приступает к созданию нового, третьего "узла" — "Февраль семнадцатого", несколько глав которого уже написаны и отданы на рецензию близким знакомым. Одновременно, СОЛЖЕНИЦЫН с помощью своих единомышленников занимается сбором материалов о лицах, осужденных в последние годы за государственные преступления, об условиях их содержания в исправительно-трудовых учреждениях, а также подбирает факты о якобы незаконных действиях, осуществляемых официальными властями в отношении инакомыслящих. Он тенденциозно их систематизирует для западной прессы, умышленно искажая действительное положение дел. Так, касаясь смерти в местах заключения осужденного ГАЛАНСКОВА[2], СОЛЖЕНИЦЫН утверждает, что она наступила в результате сознательных действий врачей.

Стремясь привлечь внимание общественности к своей личности, СОЛЖЕНИЦЫН продолжает регулярно выступать с провокационными политическими документами, в которых, апеллируя к западному читателю, под-

вергает критике отдельные аспекты социалистической системы, что активно используется противником в идеологической диверсии против СССР. В указанных документах СОЛЖЕНИЦЫН постоянно поднимает тему о гонениях в отношении его со стороны органов власти, о своем якобы бесправном положении в СССР и тяжелых материальных условиях. Последним из таких выступлений явились заявления, сделанные им иностранным корреспондентам о своем письме на имя Министра внутренних дел СССР тов. ЩЕЛОКОВА, содержание которого, со слов СОЛЖЕНИЦЫНА, передано рядом буржуазных радиостанций. Спустя день СОЛЖЕНИЦЫН дал очередное интервью иностранным корреспондентам, обусловив его публикацию на Западе 28 августа 1973 года.

О положении СОЛЖЕНИЦЫНА и его материальной обеспеченности неоднократно сообщалось как в советской, так и в зарубежной прессе. Государством СОЛЖЕНИЦЫНУ предоставлена трехкомнатная квартира в Рязани, где он прописан до настоящего времени, под Москвой имеется зарегистрированная на его имя двухэтажная дача, вторая жена проживает в пятикомнатной квартире в центре Москвы. Летние месяцы он проводит с семьей на снятой им даче в поселке Фирсановка, Химкинского района. За последние два года СОЛЖЕНИЦЫНЫМ из иностранных банков получен 32301 инвалютный рубль, на которые он купил легковые автомобили марки “Москвич-412” для своей первой жены РЕШЕТОВСКОЙ и матери второй жены — СВЕТЛОВОЙ. Различные промышленные и продовольственные товары он, как правило, приобретает в валютных магазинах “Березка”.

Последние дни СОЛЖЕНИЦЫН готовит новый документ для передачи за границу о тяжелом положении, в котором якобы находится советская литература и ее наиболее талантливые представители. Объясняя иностранным корреспондентам необходимость такого своего выступления, СОЛЖЕНИЦЫН сказал им:

“...Сейчас такой момент, положение САХАРОВА видите какое. Есть в астрономии понятие: Надир. Зенит и Надир. Так вот, сейчас Надир общественный. Я все время сидел и писал свой роман. Меня много раз просили выступить, а я молчал: роман, роман, роман. А сейчас я чувствую, что мне уже больше нельзя... (не выступать)”.

Всю эту активность СОЛЖЕНИЦЫН развил, прикрывая ее требованиями о законной прописке в Москве.

Он действительно имеет на это юридическое право.

Однако вопрос о прописке СОЛЖЕНИЦЫНА в столице имеет ряд сторон.

Во-первых, проживая в Москве на законном основании, СОЛЖЕНИЦЫН, олицетворяя собой безнаказанность, становится естественным центром притяжения всякого рода недовольных лиц.

Во-вторых, СОЛЖЕНИЦЫН уже сейчас использует московскую квартиру своей жены для встреч с иностранцами. Получив прописку, он будет делать это более открыто, имея достаточно широкие знакомства и постоянные связи среди иностранных корреспондентов.

В-третьих, вопрос о его прописке приобретает политический оттенок, т.к. все требования определить свои позиции и дать четкую оценку своему участию в антисоветских кампаниях, проводимых на Западе, СОЛЖЕНИЦЫН отверг, отказавшись считаться с мнением советской общественности и законами страны, в которой он проживает.

И, наконец, нельзя не считаться с мнением Союза писателей СССР о нежелательности проживания СОЛЖЕНИЦЫНА в Москве, а также неоднократных заявлений такого же характера ряда видных представителей советской творческой общественности. В этих кругах до сих пор обсуждается, в частности, выступление на пленуме Союза кинематографистов известного деятеля кино ХРАБРОВИЦКОГО, потребовавшего не только осуждения антисоветских действий СОЛЖЕНИЦЫНА, но и выдворения его из страны.

Вполне очевидно, что западные спецслужбы, особенно в связи с подготовкой ко второму этапу общеевропейского совещания[3], возлагают определенные надежды на так называемых "диссидентов" и особенно на антисоветские заявления таких лиц, как СОЛЖЕНИЦЫН, рассчитывая использовать их для усиления позиций наших идеологических противников в вопросах о "гражданских свободах" в СССР и обмене информацией.

Разумеется, с формально-правовой точки зрения СОЛЖЕНИЦЫН может претендовать на прописку в квартире своей жены, однако его поведение вступает в противоречие с положением о прописке в Москве, и удовлетворение его демонстративных требований неизбежно нанесло бы политический ущерб.

Учитывая, что Министерство внутренних дел СССР в ответ на требование СОЛЖЕНИЦЫНА прописать его в Москве ответило, что этим вопросом занимается Моссовет, было бы целесообразным, чтобы в случае обращения туда СОЛЖЕНИЦЫНА ему был бы дан примерно следующий ответ: "Моссовет рассмотрел вашу

просьбу о прописке и не может разрешить ее вам, поскольку до последнего времени вы не прекращаете антисоветскую деятельность. Москва — город со строгим режимом, из которого за подобное поведение люди выселяются".

Просим рассмотреть.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л.30—33. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция: "Вкруговую по П/Б А.Кириленко" и подписи Ф.Кулакова, К.Мазурова, А.Косыгина, Д.Полянского, Л.Брежнева, А.Громыко. На последнем листе справка: "О согласии сообщено КГБ СССР (т.Лаптеву П.П.) В.Галкин 3.IX.-73 г.", на обороте запись: "тт. Гречко, Подгорный, Суслов, Шелепин — в отпуске, Гришин, Пельше — больны"

[2]Галанский Ю.Т., московский поэт и правозащитник, умер в 1972 г., отбывая 7-летний срок заключения в лагере в Мордовии

[3]Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе проходило в 1973—1975 гг. в три этапа. Первый этап в июле 1973 г. в Хельсинки на уровне министров иностранных дел, второй этап в сентябре 1973—июле 1975 гг. в Женеве — рабочие встречи по подготовке итоговых политических документов, третий завершающий этап состоялся в Хельсинки 30 июля—1 августа 1975 г. — встреча руководящих деятелей 33 европейских стран, США и Канады

№ 91

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2045-А 27 августа 1973 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

Ц К К П С С

Как ранее докладывалось[2], 26 августа 1973 года СОЛЖЕНИЦЫН встретился в Москве на квартире своей жены с корреспондентами американского агентства "Ассошиэйтед пресс" и французской газеты "Монд", которым передал текст своего нового интервью. Как установлено, СОЛЖЕНИЦЫН весь текст интервью подготовил заранее,

написав его собственноручно в форме им самим сочиненных вопросов и ответов.

Лейтмотивом всего интервью является клеветническое утверждение СОЛЖЕНИЦЫНА об отсутствии гражданских свобод в Советском Союзе и о систематических мерах, якобы осуществляемых государством по подавлению мысли в стране.

В частности, в этом интервью СОЛЖЕНИЦЫН пишет:

"Напрасно в прошлом году я пытался в своей речи по поводу Нобелевской премии сдержанно привлечь внимание на две неравные степени оценки полноты и морального значения событий и на факт, что нельзя позволить рассматривать как "внутреннее дело" события в стране, которая определяет судьбы мира.

Напрасно также я указывал там, что глушение передач западного радио в восточных странах создает ситуацию кануна катастрофы, сводит на нет договоры и международные гарантии. Все осталось так, как будто ничего не было сказано, и, может быть, бесполезно повторять это сегодня. Что означает глушение радиопередач, это невозможно объяснить тому, кто сам не испытал этого, кто не пережил это в течение многих лет. Это ежедневная мерзость в ушах, в глазах, это оскорбление и унижение человека. Это низведение взрослых до положения детей. Даже передачи доброй воли во время самых дружественных визитов очень часто заглушаются. В них не должно быть даже малейшего отклонения в оценке событий, в суждениях, в акцентах — все должны воспринимать события одинаково на 100%. И многие события, происходящие в мире, не должны быть известны нашему населению.

Москва и Ленинград парадоксально стали самыми плохо информированными столицами мира: жители пытаются получить информацию у тех, кто приезжает из сельских мест. Там по соображениям экономии (эта "служба" глушений стоит очень дорого нашему населению) глушат не так часто. Однако, согласно наблюдениям населения в различных местах, глушение за последние месяцы расширилось, оно охватило новые районы, усилилась его интенсивность. Вспоминается судьба Сергея Ханженкова, который в 1973 г. отбыл семь лет тюремного заключения за то, что пытался или даже имел такое намерение снять глушитель в Минске. И однако это "преступление" можно воспринять только как акт борьбы за всеобщий мир.

Цель нынешнего подавления мысли в нашей стране можно определить как "китаизацию", как осуществление китайских идеалов — и не были ли эти идеалы уже воплощены у нас в 30-е годы? Вот это уже забыто. Многие ли на Западе слышали в 30-е годы о Михаиле Булгакове, Платонове,Флоранском[3]. Все как в Китае. Сегодня существуют тысячи диссидентов, существуют тайные писатели и философы, но мир узнает об их существовании только спустя целую эпоху, через 50 или 100 лет, и только редкие их труды сохранятся от неумолимого уничтожения. Вот к такому идеалу хотели бы вернуться у нас. Однако я с убеждением утверждаю, что возврат к такому режиму невозможен в нашей стране. И вот по каким причинам: во-первых, международная информация, проникновение и влияние, несмотря ни на что, мыслей, фактов и протестов людей. Нужно понять, что Восток совершенно не безразличен к протестам западного общества, наоборот, он боится их смертельно, и только этот протест, так как речь идет об объединенном мощном голосе сотен известных людей, о мнении всего континента, только это может пошатнуть передовой режим. Когда раздаются робкие и изолированные протесты без всякой надежды на успех и сопровождаются неизбежными реверансами, как, впрочем, и в Греции, Турции и Испании, это вызывает только смех угнетателей. Когда расовый состав баскетбольной команды превращается в мировое событие более важное, чем ежедневные уколы, которые расслабляют мозг заключенных в психиатрических больницах, что, кроме неприязни, можно испытывать к цивилизации эгоизма и близорукости? В свете огласки всего мира наши тюрьмы отступают и скрываются.

Амальрик, которому еще в 1970 г. планировалось долгосрочное заключение, получил сначала 3 года, и его вынуждены были отправить на Колыму, чтобы не помещать в политический лагерь в Мордовию, а сегодня, благодаря новой волне мирового общественного мнения, должны были вновь "ограничиться" тремя годами. Иначе могло бы быть значительно больше.

Западный мир благодаря огласке помог и спас многих наших притесненных, которые не только испытывают чувство признательности за их защиту, но и подают также высокий пример стойкости и самоотверженности даже на пороге смерти и в застенках убийственных психиатрических лечебниц. Вот вторая и главная причина, по которой, я в этом убежден, китайские идеалы уже неприемлемы в нашей стране. И несгибаемому генералу

Григоренко нужно значительно больше мужества, чем это требуется на поле боя, чтобы в течение четырех лет в застенках тюремной психиатрической больницы отбрасывать все попытки купить свое освобождение от мучений ценой своих убеждений.

Владимир Буковский, который всю свою молодую жизнь провел в психиатрических и обычных тюрьмах и лагерях, не был побежден и не воспользовался возможностью жить на свободе, он предпочел жизнь убежденной жертвы на пользу другим.

В этом году его привезли в Москву и предложили следующее: он будет освобожден и может выехать за границу, но при условии, что не будет вести политической деятельности, и это все. И он может восстановить свое здоровье за границей. По современным западным нормам можно было бы заплатить значительно больше за его свободу, за то, чтобы освободиться от мучений. Некоторые американские военнопленные считают возможным подписать любую бумагу против своей страны, ставя свою драгоценную жизнь выше убеждений, а Буковский счел свои убеждения дороже, чем жизнь.

Урок ясен для всех на Западе, хотя, очень возможно, и бесполезен. Буковский, отвечая, поставил одно условие: чтобы были выпущены из психиатрических тюрем те, по поводу которых он писал. Ему показалось недостаточным то, что его освобождение не было бы платой за личную трусость, он не хотел бежать, оставив других в беде. И он был вновь отправлен в лагерь отбывать там свои 12 лет. Подобный же выбор был весной этого года у Амальрика. Он тоже мог подтвердить показания Красина и Якира, за что ему была обещана свобода. Он также отказался и был отослан на Колыму по второму приговору. И много других случаев, о которых мы не знаем сегодня подробностей, где муки и страдания скрыты от нас под видом государственных секретов.

Из того факта, что человек не сдался, мы можем с уверенностью сделать заключение, что этот человек непоколебим в своих убеждениях. Подобная же дилемма очень часто встает перед людьми, которые живут более нормальной жизнью, которые не арестованы, но должны сделать выбор. Так, Горлов, который был свидетелем в моем саду налета государственной безопасности два года тому назад[4]. Его не взяли сразу же только благодаря его активному сопротивлению, которое привлекло людей. А сейчас от него требуют молчаний, угрожая поломать всю его научную и профессиональную карьеру. Ясно, что

это не пустая угроза, но, несмотря на это, он не поддается давлению молчать — только молчать.

Этот дух жертвенности является светочем нашего будущего. И еще есть одна психологическая особенность человека, которая всегда удивляет: в счастье и беззаботности он боится малейших неудач, старается ничего не знать ни о страданиях других, ни о страданиях, которые ожидаются в будущем. Он идет на уступки во многих вещах, в том числе и в важных, с единственной целью — продлить свое счастье. И вдруг, когда человек совершенно обездолен, нищ и свободен от всего, что украшало, как он думал, всю его жизнь, он находит в себе твердость упорствовать до последнего шага, отрекаясь от своей жизни, но не от своих принципов.

Исходя из первой особенности, человечество никогда не удержалось бы на тех вершинах, которых оно достигло. Благодаря второй особенности оно может выйти из любой пропасти.

Было бы лучше, если бы, находясь еще на вершине, оно предусматривало падение, которое ожидает. Опыт последних поколений убеждает меня полностью в том, что только несгибаемость духа человеческого, твердо направленная против опасности, которая угрожает, только эта несгибаемость обеспечивает истинную защиту мира для личности, мира для всех, для всего человечества".

Публикацию интервью СОЛЖЕНИЦЫН обусловил на 28 августа 1973 года.

По мнению западных корреспондентов, СОЛЖЕНИЦЫН этим интервью преследует цель создания трудностей советской стороне в проведении второго этапа общеевропейского совещания по вопросам безопасности.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л. 36—40. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]К документу приложено указание: "Разослать по П/Б (шифр ос.папка) А.Кириленко."; рассылалась членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 28 августа 1973 г. за № П1630
[2]См.документ № 90
[3]Так в тексте документа. Речь идет о П.Флоренском
[4]См. документ № 62

№ 92

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

30 августа 1973 г.

Сов.секретно
Экз.единственный
(Рабочая запись)

Председательствовал тов.КИРИЛЕНКО А. П.
Присутствовали т. т. Андропов Ю. В., Косыгин А. Н., Кулаков Ф. Д., Мазуров К. Т., Полянский Д. С., Демичев П. Н., Долгих В. И., Капитонов И. В., Катушев К. Ф.

После заседания Политбюро т.Кириленко говорит о том, что письмо ученых относительно Сахарова сыграло большую роль[1]. Но если на этом остановиться и не поддержать этих ученых, то не получится должного эффекта. Может быть, в какой-то форме опубликовать материалы, осуждающие поведение Сахарова, и от имени других ученых, рабочих, представителей интеллигенции. Но в этом отношении надо соблюсти строгую меру.

КОСЫГИН говорит о том, что наши люди не знают, что за Сахаров и о чем он писал. Поэтому, может быть, стоило бы опубликовать статью о Сахарове.

КИРИЛЕНКО ставит также вопрос о том, что, может быть, следует подготовить небольшую информацию для секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии о Сахарове, Солженицыне и процессе над Якиром и Красиным[2].

Члены Политбюро поддерживают это предложение.

Поручается т.т.Демичеву и Капитонову рассматривать и решать вопросы, связанные с публикацией материалов о Сахарове, с учетом состоявшегося на заседании Политбюро обмена мнениями, а также подготовить текст информации для ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии.

КОСЫГИН говорит о том, что нам нужно принять более строгие меры в отношении Сахарова. Пусть т.Андропов подумает о дальнейших шагах в этом отношении. Все больше и больше активизирует свою деятельность Солженицын.

АНДРОПОВ. Это замечание справедливое. Выясняет-

ся, что Сахаров все же душевнобольной человек, но надо было бы с ним поговорить прямо и, может быть, даже поговорить с ним кому-то из руководящих товарищей, возможно, т. Кириллину.

КОСЫГИН. Тов.Кириллин заболел, лег в больницу на операцию.

АНДРОПОВ. Тогда, может быть, поговорить Вам, Алексей Николаевич.

КОСЫГИН. Я могу поговорить с ним.

АНДРОПОВ. Солженицын сейчас развертывает активную политическую деятельность, объединяет вокруг себя бывших заключенных, всех недовольных. Он дал антисоветское интервью корреспонденту газеты "Монд". Нам удалось добыть рукопись его книги "Остров Гулаг"[3]. Это грубое антисоветское сочинение, написанное Солженицыным еще в 1965 году и предназначавшееся к публикации после его смерти. Мы будем вызывать Солженицына и предъявлять ему обвинение в преступлении против Советской власти.

Хочу сказать несколько слов относительно процесса над Якиром и Красиным. Обвиняемые полностью признали себя виновными, в своих выступлениях разоблачили многих иностранных деятелей, выступили против Сахарова.

Имеется в виду после суда провести пресс-конференцию для иностранных корреспондентов по поводу процесса. Пресс-конференция состоится в среду в особняке МИДа, проведет ее Отдел печати МИД[4]. На пресс-конференции будет присутствовать заместитель генерального прокурора т.Маляров, будут приглашены все иностранные корреспонденты. Но там всего 60 мест, поэтому все не могут принять участия.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1973 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См.газету "Правда" от 29 августа 1973 г.

[2]В августе—сентябре 1973 г. в г.Москве состоялся открытый судебный процесс над П.И.Якиром и В.А.Красиным. 1 сентября они были приговорены по ч.1 ст.70 УК РСФСР к ссылке на 3 года

[3]Так в тексте документа. Речь идет о книге "Архипелаг Гулаг"

[4]6 сентября 1973 г. отчет о пресс-конференции был опубликован в газете "Правда"

№ 93

ТЕЛЕГРАММА ПОСОЛЬСТВА СССР ВО ФРАНЦИИ

Спец. № 2232 из Парижа

30 августа 1973 г.

СОВ.СЕКРЕТНО

экз. № 26[1]

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКИЕ ОРГАНЫ ИНФОРМАЦИИ ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРИЛИ ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ АНТИСОВЕТСКОГО ХАРАКТЕРА, ИСПОЛЬЗУЯ В ЭТИХ ЦЕЛЯХ ЗАЯВЛЕНИЯ САХАРОВА, СОЛЖЕНИЦЫНА И ДР.

ФРАНЦУЗСКИЕ ДРУЗЬЯ СЧИТАЮТ, ЧТО ЭТА КАМПАНИЯ ИНСПИРИРОВАНА ОФИЦИАЛЬНЫМИ КРУГАМИ И ОТРАЖАЕТ НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.

ЖОРЖ МАРШЕ ГОВОРИЛ НАМ, ЧТО, ПО ЕГО МНЕНИЮ, **В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ УСИЛИВАЮТСЯ ОПАСЕНИЯ В СВЯЗИ С ДАЛЬНЕЙШИМ РАЗВИТИЕМ РАЗРЯДКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ**. ЧАСТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗИИ ОПАСАЕТСЯ, ЧТО ЕЕ ИНТЕРЕСЫ МОГУТ ПОСТРАДАТЬ В ОБСТАНОВКЕ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРЯДКИ. **ПОСКОЛЬКУ СОЗДАЮТСЯ УСЛОВИЯ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В ЕВРОПЕ И НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ** В ЦЕЛОМ, А ВНУТРИ СТРАНЫ — ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ ЛЕВЫХ СИЛ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ КОМПАРТИИ. НЫНЕШНЯЯ АНТИСОВЕТСКАЯ И **АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ — ЭТО СВОЕОБРАЗНАЯ ПОПЫТКА ЗАТОРМОЗИТЬ ПРОЦЕСС РАЗРЯДКИ, ПОСЕЯТЬ НЕДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И СОХРАНИТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КЛИМАТЕ.**

ЖОРЖ МАРШЕ ОТМЕТИЛ, ЧТО ФРАНЦУЗСКИЕ ДРУЗЬЯ ПРИНИМАЮТ ЭНЕРГИЧНЫЕ МЕРЫ ДЛЯ ОТПОРА ЭТОЙ КАМПАНИИ (СТАТЬИ В “ЮМАНИТЕ”, ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ Т.МАРШЕ 29 АВГУСТА — ПЕРЕДАНЫ ПО ТАСС). ДРУЗЬЯ НАМЕРЕНЫ И ДАЛЬШЕ ДЕЙСТВОВАТЬ В ТАКОМ ЖЕ ДУХЕ.

ТОВ. МАРШЕ ВЫСКАЗАЛСЯ ЗА ТО, ЧТОБЫ С НА-

ШЕЙ СТОРОНЫ ТАКЖЕ БЫЛИ ПРЕДПРИНЯТЫ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ШАГИ ПО РАЗОБЛАЧЕНИЮ ЭТОЙ КАМПАНИИ, ИДУЩЕЙ В РАЗРЕЗ С ИНТЕРЕСАМИ ДЕЛА РАЗРЯДКИ.

КИЗИЧЕНКО

Ф.3, оп.90, д.259, л.61—62. Копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Экземпляр Ф.Кулакова

№ 94

ТЕЛЕГРАММА ПОСОЛЬСТВА СССР ВО ФРАНЦИИ

Спец. № 2256
из Парижа

1 сентября 1973 г.

СОВ.СЕКРЕТНО

экз. № 20[1]

ПЕРЕДАЮ ТЕЛЕГРАММУ КОРРЕСПОНДЕНТА "ПРАВДЫ" В.СЕДЫХ.

"ВСТРЕТИЛСЯ С Т.Т.МАРШЕ, ФАЖОНОМ, ПЛИССОНЬЕ. В ХОДЕ БЕСЕД ТОВАРИЩИ ПОДТВЕРДИЛИ ОЦЕНКИ, ВЫСКАЗАННЫЕ НАМ РАНЕЕ Т.Т.ЛОРАНОМ, ВЬЕГЕ И ПОПЕРЕНОМ И ИЗЛОЖЕННЫЕ В НАШЕЙ ПРЕДЫДУЩЕЙ ТЕЛЕГРАММЕ.

ТОВ.МАРШЕ ВНОВЬ ОСОБО ПОДЧЕРКНУЛ ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛА МЕЖДУНАРОДНОЙ РАЗРЯДКИ СОВЕТСКОЙ ПРОГРАММЫ МИРА, ВИЗИТОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС Л.И.БРЕЖНЕВА В США, ФРГ И ФРАНЦИЮ. ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ, СКАЗАЛ МАРШЕ, БОИТСЯ РАЗРЯДКИ, КОТОРАЯ СПОСОБСТВУЕТ ДАЛЬНЕЙШЕМУ УКРЕПЛЕНИЮ СИЛ СОЦИАЛИЗМА, А ТАКЖЕ ПОЗИЦИЙ ФКП В СТРАНЕ. ИМЕННО ЭТИМ, ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ, ОБЪЯСНЯЕТСЯ НАРАСТАНИЕ ВО ФРАНЦИИ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ, АНТИСОВЕТСКОЙ КАМПАНИИ. ПРИ ЭТОМ Т.МАРШЕ ПОИНТЕРЕСОВАЛСЯ, НЕ СОБИРАЕТСЯ ЛИ СОВЕТСКАЯ СТОРОНА ПРЕДПРИНЯТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДЕМАРШИ ПЕРЕД ФРАНЦУЗАМИ В СВЯЗИ С НЫНЕШНЕЙ АНТИСОВЕТСКОЙ КАМПАНИЕЙ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ. ОН ОБРАТИЛ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ НА ТОТ ФАКТ, ЧТО В ПРОВЕДЕНИИ ЭТОЙ КАМПАНИИ ВЕДУ-

ЩУЮ РОЛЬ ИГРАЮТ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ ПРОПАГАНДЫ ФРАНЦИИ (ИНТЕРВЬЮ САХАРОВА КОРРЕСПОНДЕНТУ АГЕНТСТВА ФРАНС ПРЕСС И Т.Д.). ПОДЧЕРКНУВ НЕОБХОДИМОСТЬ УСИЛЕНИЯ В НЫНЕШНИХ УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ, Т.МАРШЕ ЗАМЕТИЛ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ ФКП НА ЭТОТ СЧЕТ ИЗЛОЖЕНЫ В ЕГО ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕДШЕЙ КНИГЕ "ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ".

В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ Т.ПЛИССОНЬЕ ПОДТВЕРДИЛ СОГЛАСИЕ РУКОВОДСТВА ДРУЗЕЙ НА ПРИГЛАШЕНИЕ В СССР ДЕЛЕГАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВО ГЛАВЕ С МИТТЕРАНОМ. ПО ЕГО МНЕНИЮ, ЭТОТ ВИЗИТ ПОМОЖЕТ "СДЕРЖАТЬ" СОЦИАЛИСТОВ В МОМЕНТ ОЧЕРЕДНОЙ АНТИСОВЕТСКОЙ КАМПАНИИ ВО ФРАНЦИИ И БУДЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ УКРЕПЛЕНИЮ СОЮЗА ЛЕВЫХ СИЛ. МЫ, ЗАМЕТИЛ Т. ПЛИССОНЬЕ, ОТДАЕМ СЕБЕ ОТЧЕТ В ТОМ, ЧТО МИТТЕРАН СТРЕМИТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СОЮЗ ЛЕВЫХ СИЛ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ СОЦПАРТИИ. ЭТО ЕСТЕСТВЕННО ПРИ УСЛОВИИ, ЕСЛИ СОЦПАРТИЯ БУДЕТ УКРЕПЛЯТЬ СВОИ РЯДЫ В УЩЕРБ "ЦЕНТРИСТАМ" И ДРУГИМ БУРЖУАЗНЫМ ПАРТИЯМ, А НЕ ВО ВРЕД КОММУНИСТАМ.

СО СВОЕЙ СТОРОНЫ Т.ФАЖОН ПОДЧЕРКНУЛ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФКП ПРЕДСТОЯЩЕГО ПРАЗДНИКА "ЮМАНИТЕ" И УЧАСТИЯ В НЕМ "ПРАВДЫ" И ДРУГИХ СОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, А ТАКЖЕ ГАЗЕТ ДРУГИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН. ОН СООБЩИЛ, ЧТО РУКОВОДСТВО ФКП ПОРУЧИЛО ЕМУ ОРГАНИЗАЦИЮ ПРИЕМА ДЕЛЕГАЦИИ КПСС ВО ГЛАВЕ С Т.ЗИМЯНИНЫМ[2]. ТОВ.ФАЖОН ВЫРАЗИЛ ГОТОВНОСТЬ ОКАЗАТЬ НЕОБХОДИМОЕ СОДЕЙСТВИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ВСТРЕЧ ДЕЛЕГАЦИИ КПСС С РУКОВОДСТВОМ ФЕДЕРАЦИИ ФКП Д-ТА БУШ-ДЮРОН, А ТАКЖЕ В ПОСЕЩЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В АРЛЕ, НИМЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ. МЫ, ЗАМЕТИЛ Т.ФАЖОН, ОХОТНО ВЫПОЛНИМ ВСЕ ПОЖЕЛАНИЯ ДЕЛЕГАЦИИ КПСС. В.СЕДЫХ".

ЧЕРВОНЕНКО

Ф.3, оп.90. д.259, л.63—65. Копия.

[1]Экземпляр Ф.Кулакова
[2]Делегация КПСС во главе с М.В.Зимяниным выезжала во Францию на ежегодный праздник газеты "Юманите" с 7 по 14 сентября 1973 г.

№ 95

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2114-А 4 сентября 1973 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

ЦК КПСС

Как докладывалось ЦК КПСС[2], в Ленинграде 4—6 августа 1973 года были проведены обыски у ВОРОНЯНСКОЙ Е.Д., 1906 года рождения, пенсионерки, и ПАХТУСОВОЙ Н.Ф., 1917 года рождения, пенсионерки, в результате которых обнаружены и изъяты материалы, свидетельствующие о их близкой связи с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ. В частности, ВОРОНЯНСКАЯ, полностью разделявшая его взгляды, редактировала и печатала на пишущей машинке некоторые его сочинения антисоветского характера, в том числе "Архипелаг ГУЛАГ", а ПАХТУСОВА некоторое время по просьбе ВОРОНЯНСКОЙ хранила их у себя дома.

ВОРОНЯНСКАЯ по результатам обыска была допрошена и дала показания о характере знакомства с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, поручениях, которые выполняла по его просьбе, подробно рассказала о содержании романа "Архипелаг ГУЛАГ". Прибыв с допроса домой, ВОРОНЯНСКАЯ пыталась покончить жизнь самоубийством, но принятыми мерами эта попытка была предотвращена. В дальнейшем ВОРОНЯНСКАЯ пояснила, что причиной к этому послужил тот факт, что она дала показания, направленные против СОЛЖЕНИЦЫНА. ВОРОНЯНСКАЯ была помещена в больницу для приведения ее в нормальное физическое состояние, однако, будучи выписанной оттуда 23 августа 1973 года, находясь в своей квартире, покончила жизнь самоубийством через повешение.

По линии органов госбезопасности и прокуратуры

г.Ленинграда приняты меры к локализации возможных нежелательных последствий, и 30 августа 1973 года ВОРОНЯНСКАЯ похоронена своими родственниками.

В связи со смертью ВОРОНЯНСКОЙ близкие знакомые СОЛЖЕНИЦЫНА в Ленинграде проявили серьезное беспокойство о ее архиве, в особенности потому, что в органы госбезопасности может попасть "Архипелаг ГУЛАГ", обнаружение которого крайне опасно, по их мнению, для дальнейшей судьбы СОЛЖЕНИЦЫНА.

Принятыми мерами удалось обнаружить и изъять архив ВОРОНЯНСКОЙ, в том числе роман "Архипелаг ГУЛАГ". О нем будет доложено специально[3].

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л. 43—44. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция: "(**Вкруговую**). Озна(комлен) Суслов" и подписи Ф.Кулакова, А.Косыгина, К.Мазурова, А.Шелепина, Д.Полянского, А.Громыко, А.Гречко, Н.Подгорного, А.Пельше, Д.Кунаева, В.Щербицкого, А.Кириленко. На обороте последнего листа запись: "Тов. Гришин — в отпуске. 13.XI.73 г."
[2]См.документы № 88, 89
[3]См.документ № 100

№ 96

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ ЦК КПСС
"О реагировании трудящихся на материалы печати о клеветнических заявлениях академика Сахарова, писателя Солженицына и на судебный процесс по делу Якира и Красина"

4 сентября 1973 г.

Сов.секретно

Ц К К П С С

В ЦК КПСС поступает информация из обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик и других организаций о том, как реагируют советские люди на публикуемые в нашей прессе материалы о клеветнических заявлениях академика А.Д.Сахарова и писателя Солже-

ницына и о судебном процессе по делу П.И.Якира и В.А.Красина. В ней сообщается, что трудящиеся гневно осуждают политических отщепенцев, распространяющих злобную клевету на нашу партию и советское общество, дают подлинно классовую, по-партийному принципиальную оценку их подрывной деятельности.

Всеобщее возмущение вызывают заявления академика Сахарова, порочащие советский государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику партии и советского государства. В своих многочисленных высказываниях и письмах трудящиеся расценивают его взгляды и поступки как явно антисоветские и глубоко враждебные по своей сущности. Они с негодованием говорят, что академик Сахаров, выступая против политики партии, тем самым выступает и против всего нашего народа, ибо народ и партия неразделимы.

Рабочие, колхозники, представители интеллигенции выражают свое горячее одобрение и единодушную поддержку политике КПСС, ее ленинского Центрального Комитета. При этом они подчеркивают, что никому не удастся поколебать доверие к ней, вбить клин между партией и народом, подорвать морально-политическое единство нашего общества.

Повсеместно высказывается удовлетворение по поводу того, что провокационным измышлениям академика Сахарова дана достойная отповедь в нашей прессе, что его неблаговидные действия подвергнуты публичному осуждению. В народе положительно восприняты письма членов Академии наук СССР и советских писателей, а также другие коллективные заявления относительно его антиобщественной деятельности. С одобрением отмечается, что под ними поставили свои подписи знатные люди, крупнейшие ученые, деятели литературы и искусства, чьи имена хорошо известны не только у нас в стране, но и за рубежом. Эти публичные выступления получили глубокий отзвук среди всех слоев населения. Рабочие, колхозники, представители интеллигенции солидаризируются с ними, горячо поддерживают высказанные в них мысли и суждения.

Так, горновой доменной печи Нижнетагильского металлургического комбината Свердловской области т.Ефимов сказал: "Узнав о выступлении академика Сахарова перед зарубежными корреспондентами, мы, рабочие, глубоко возмущены его клеветой на нашу советскую действительность. Мы заверяем партию, что единодушно поддерживаем ее внутреннюю и внешнюю политику".

“Меня глубоко возмущает поведение академика Сахарова, — отметил заведующий лабораторией Ленинградского физико-технического института им.Иоффе академик т.Журков. — Этот ученый-физик в последние годы “прославился” в другой области — в области антисоветской клеветы. В знаменательные дни, когда все честные люди полностью и горячо одобряют ленинскую внешнюю миролюбивую политику нашей партии, от всего сердца приветствуют положительные сдвиги в разрядке международной напряженности, человек, носящий звание академика Советского Союза, призывает страны Запада опасаться “мирного сосуществования на условиях, установленных Кремлем”. Разве такие призывы достойны советского ученого? Мысль подобного рода глубоко чужда советским ученым, нашему народу, всем прогрессивным людям нашей планеты. Я и мои коллеги по институту считаем, что выступление Сахарова в зарубежной печати не только порочит высокое звание академика, но и является враждебным по отношению к советскому народу и его авангарду — ленинской партии”.

Член колхоза “XXI съезд КПСС” Кобринского района Брестской области т.Глинский заявил: “Меня до глубины души возмущают заявление и поступки академика Сахарова. Нам, советским людям, не нужны такие “защитники”, как Сахаров. Его предательский голос — это голос одиночки. Мы целиком и полностью поддерживаем внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского государства”.

“Это хорошо, — сказал рабочий Гомельского станкостроительного завода им.Кирова т.Каменчуков, — что наши академики в своем глубоко аргументированном письме так единодушно и убедительно показали истинное лицо Сахарова, дали ему достойную отповедь. Глубоко уверен, что под этим документом готов поставить свою подпись каждый честный советский человек, каждый, кому дороги идеалы мира и социализма”.

Решительно осуждая провокационную деятельность академика Сахарова, трудящиеся особенно негодуют по поводу того, как мог человек, которому партия и Советская власть дали образование, открыли путь к вершинам науки, создали все необходимые условия для научного творчества, выступать и действовать вразрез с интересами народа, нашего государства. В своих многочисленных высказываниях они подчеркивают, что взгляды и поступки академика Сахарова несовместимы с высоким званием и моральным обликом советского ученого, глав-

ным призванием которого всегда было и остается беззаветная преданность своему народу, служение великому делу партии, благородным идеалам коммунизма.

Обращается внимание на то, что академик Сахаров уже на протяжении ряда лет делает безответственные заявления, выступает в защиту отдельных антисоветчиков. В связи с этим широко высказывается мнение, что если он не одумается, публично не отрешится от своих взглядов, его следует лишить высокого звания советского академика, правительственных наград. Имеются также суждения о том, что к нему должны быть применены меры, предусмотренные советским законодательством.

Директор института микробиологии АН СССР (г.Москва) т.Имшенецкий заявил: "Мне известны взгляды Сахарова. Он приезжал ко мне с предложением подписать ходатайство за двух осужденных за самоиздат. Я категорически отказался и выразил отрицательную оценку действиям Сахарова. При беседе он высказал свои взгляды на советскую демократию, которые глубоко возмутили меня, о чем я проинформировал секретариат АН СССР. Я считаю поведение Сахарова несовместимым со званием советского ученого".

Слесарь-сборщик Чимкентского завода прессов-автоматов т.Рогачев сказал: "Академик Сахаров выступил как пособник поджигателей войны. Он на большую заботу партии и народа об ученых платит подлостью, черной неблагодарностью. Позор таким людям, им нет места в нашей социалистической отчизне".

В своем письме, присланном в Ломоносовский горком КПСС Ленинградской области, сотрудники Ленинградской атомной электростанции лауреат Ленинской премии т.Рябов, начальник научно-исследовательского отдела т.Воронин и ряд других товарищей пишут: "В период, когда расширяются контакты ученых мира и перед наукой стоят новые, наиболее интересные проблемы, ученый с высоким званием академика перестал заниматься наукой и злобно клевещет на свою Родину, которой он обязан всем. Это непостижимо! Если Сахаров в ближайшее время не одумается, вносим предложение лишить его всех ученых званий. Пусть он не позорит честное имя советского ученого".

Советские люди внимательно следили за ходом судебного процесса над антисоветчиками Якиром и Красиным. Трудящиеся клеймят позором и презрением этих гнусных клеветников, скатившихся на путь прямого сотрудничества с оголтелыми врагами нашей Родины, мирового со-

циализма. Повсеместно выражается удовлетворение по поводу того, что они предстали перед советским народным судом и понесли заслуженное наказание за свои преступные деяния. Вынесенный им Московским городским судом обвинительный приговор в целом положительно воспринят в народе. Как отмечается в ряде высказываний, этот приговор убедительно демонстрирует, что наш советский суд является строгим, но справедливым и гуманным. Вместе с тем, некоторые люди говорят, что суд слишком мягко покарал Якира и Красина, что такие лица заслуживают более сурового наказания.

Многие с негодованием отмечают, что в ходе судебного процесса над Якиром и Красиным еще более отчетливо выявилось подлинное лицо Солженицына, как злобного антисоветчика и вдохновителя всякого рода грязной клеветы против нашего народа, социалистического общественного строя. В связи с этим выражается мнение, что пора положить конец его враждебной деятельности, привлечь его также к уголовной ответственности. Поднимается вопрос и о лишении его советского гражданства.

Партийные организации проводят необходимую разъяснительную работу среди населения, направленную на разоблачение враждебных происков империализма против нашей страны, усиление воспитания трудящихся в духе советского патриотизма, высокой политической бдительности.

И.Капитонов

Ф.3, оп.80, д.689, л.51—54. Подлинник.

№ 97

ПИСЬМО А.СОЛЖЕНИЦЫНА Л.БРЕЖНЕВУ[1]

5 сентября 1973 г.

Уважаемый Леонид Ильич!

Вопреки написанному мною множественному заголовку я раздумал посылать это письмо Вашим коллегам и посылаю письмо в **единственном** экземпляре Вам одному, притом через окошко приемной ЦК. (Сопроводительное же письмо — в двух экземплярах, одно из них — по почте).

Я полагаю, что решения будут зависеть больше всего от Вас лично, а Вы уже сами изберете, с кем из Ваших коллег Вы захотите посоветоваться.

Вы увидите, что мое письмо написано не с публи-

цистическим задором, не с упреками, а только с живым желанием убедить Вас.

Я не теряю надежды, что Вы, как простой русский человек с большим здравым смыслом, вполне можете мои доводы принять, а уж тогда тем более будет в Вашей власти их осуществить.

Если Вы решитесь на этот благодетельный шаг, на этот спасительный путь, Россия в своей будущей истории не раз еще вспомнит Вас с благодарностью.

А.Солженицын

Если Вы пожелаете побеседовать со мной по поводу этого письма — я готов.

Приложение

ПИСЬМО ВОЖДЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Этого письма могло не быть. Оно могло быть заменено частным разговором с одним или несколькими из вас и, вероятно, тогда бы легче слушалось и принесло бы больше пользы тому народу — русскому, к которому по рождению принадлежите почти все вы — и я.

Хотя я и не вскормлен на иллюзиях, а все же предполагал, допускал, по мере того, как мое имя приобретало некоторый вес и в нашей стране и за границей, а все виды давления, примененные против меня, не вогнали меня в общее указанное русло, — допускал, что, может быть, кто-то из вас, от кого зависит направление жизни в нашей стране, когда-нибудь в часы досуга, которых вы не лишены, пожертвует несколькими — из чистой любознательности: что же может думать этот заблудший упрямец, на чем же основано его ошибочное противостояние Светлым Идеям Прогрессивного Мировоззрения и нет ли хоть крупинки истины в его убеждениях, предложениях — и, значит, какой-то раковинки в монолите вашей Идеологии? Но ни у одного из вас никогда не нашлось ни часа для такого исследования, ни движенья — поговорить с таким редким соотечественником, который не стоит на подчиненной вам лестнице, не зависит от вас по службе, не может быть вами ни уволен с поста, ни понижен, ни повышен, ни награжден, и, таким образом, можно с большой вероятностью услышать от него мнение искреннее, безо всяких служебных расчетов, —

как не бывает даже у лучших экспертов в вашем аппарате. Нет, никто из вас не поинтересовался такой встречей (как не нашлось ни у кого времени серьезно выслушать один раз Сахарова или Григоренко).

А я, хотя весь мой жизненный опыт и вся система взглядов отчетливо предупреждали меня, что никто из вас не возжелает подобной встречи, а если и встретится, то не для поисков истины, но лишь принуждать меня к отречению, — я такую встречу не считал невозможной и мысленно подготовился, как в короткое время сказать главное: что я считаю спасением и добром для нашего русского народа.

Это не оговорка — "русского". Я желаю добра всем народам, и чем ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас — тем более горячо. Но преимущественно озабочен я судьбой именно русского народа, по пословице — где уродился, там и пригодился, а глубже того — из-за несравненных страданий, перенесенных им.

Это письмо я пишу в предположении, что такой же преимущественной заботе подчинены и вы, что вы преданы своему происхождению — отцам, дедам, прадедам и родным просторам, что вы — не безнациональны. Если я ошибаюсь, то дальнейшее чтение этого письма бесполезно, и я не смею злоупотреблять вашим вниманием далее.

Еще: не подумайте, что это письмо пишется для публичного ущерба вам, для нанесения урона вашей репутации. Отнюдь нет, поверьте. И не стану я здесь окунаться в тягчайшие подробности последних 60 лет. Как тянется наша история и что была она, я пытаюсь выяснить в книгах, о которых не думаю, чтобы вы читали их, может быть, никогда и не захотите прочесть. Но это письмо я обращаю именно к вам: высказать вам мое понимание будущего, которое мне кажется верным и еще пока своевременным. Своевременным выходом из главных опасностей, ждущих нашу страну в ближайшие 10–30 лет.

Эти опасности: война с Китаем и общая с западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли.

1. ЗАПАД НА КОЛЕНЯХ

Никакой самый оголтелый патриотический предсказатель не осмелился бы ни после Крымской войны, ни, ближе того, после японской, ни в 1916-м, ни в 21-м, ни в 31-м, ни в 41-м годах даже заикнуться выстроить

такую заносчивую перспективу: что вот уже близится и совсем недалеко время, когда все вместе великие европейские державы перестанут существовать как серьезная физическая сила; что их руководители будут идти на любые уступки только за одну лишь благосклонность руководителей будущей России и даже соревноваться за эту благосклонность, лишь бы только русская пресса перестала их бранить; и что они ослабнут так, не проиграв ни единой войны, но — от ожирения, от торговли и от слабости духа; что страны, объявившие себя "нейтральными", будут искать всякую возможность, чтоб угодить и подыграть нам; что вечная греза о **проливах**, не осуществясь, станет, однако, и не нужна — так далеко шагнет Россия в Средиземное море и в океаны; что только боязнь экономических убытков и лишних административных хлопот будут аргументами против российского распространения на Запад; и даже величайшая заокеанская держава, вышедшая из двух мировых войн могучим победителем, лидером человечества и кормильцем его, вдруг проиграет войну с отдаленной маленькой азиатской страной, начнет зримо рассыпаться от внутреннего несогласия, деятельность когда-то грозного ее сената снизится почти до балагана, и соответственно обезьяньи мелодии потекут в эфир из этой страны, передавая ее растерянность в канун ее великих сотрясений.

Действительно, внешняя политика царской России никогда не имела успехов сколько-нибудь сравнимых. Даже выиграв большую европейскую войну против Наполеона, она никак не расширила своего влияния в Восточной Европе. Она бралась подавлять венгерскую революцию — в пользу Габсбургов, обеспечивала прусский тыл в 1866 и 1879, ничего за то не взяв, то есть бескорыстно возвышала германские державы. Напротив, сама спутывалась ими же в балканских и турецких войнах, проигрывала, и при своих огромных ресурсах и замахах так никогда и не исполнила мечты своих руководящих кругов о проливах, хотя и в последнюю гибельную для себя войну вступила с этой главной целью. Россия часто оказывалась исполнителем чужих задач, вовсе не своих. Множество промахов ее внешней политики происходило от недостатка практического расчета на верхах, от бюрократической неповоротливой дипломатии, — но отчасти, очевидно, и от некоторой доли идеализма в представлениях руководителей, что мешало им последовательно **проводить в жизнь национальный эгоизм.**

От всех этих слабостей с начала и до конца осво-

бождена советская дипломатия. Она умеет требовать, добиваться и брать, как никогда не умел царизм. С точки зрения деловой, по своим достижениям она могла бы считаться даже блистательной: за 50 лет, при всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других, — возвыситься от разоренной гражданскою смутою страны до сверхдержавы, перед которой трепещет мир. Некоторые моменты особенно поражают сгромождением успехов. Например, конец второй мировой войны, когда Сталин, без затруднений всегда переигрывавший Рузвельта, переиграл и Черчилля, взял не только все, что хотел, в Европе и Азии, но даже, вероятно, сверх своих ожиданий, легко получил от них еще и сотни тысяч советских граждан в Австрии и Италии, отбивавшихся от возвращения на родину, но возвращенных западными союзниками обманом и силой. Нисколько не меньше сталинских успехов надо признать успехи советской дипломатии последних лет: Западный мир как единая весомая сила перестал противостоять Советскому Союзу, да даже почти перестает и существовать. Найдя в себе единство, стойкость и мужество для Второй мировой войны и еще силы найдя выйти из послевоенной разрухи, Европа, видимо, на том и исчерпалась надолго. Державы-победительницы без всяких внешних причин ослабли и одряхли.

На такой вершине ошеломляющих успехов неохотнее всего воспринимаются чьи-то мнения или сомнения. При нынешних ваших блестящих дипломатических победах сейчас, конечно, самый неудачный момент приступать к вам с советом или увещанием. В момент внешних успехов труднее всего бывает самоограничиться, перестроиться, отказаться от дальнейшей накатки таких легких успехов.

Но тем и отличаются мудрые от немудрых, что они принимают советы и опасливые соображения много ранее крайней необходимости.

Да и в этих успехах далеко не все есть повод для самовосхищения. Катастрофическое падение западного мира, западного духа и всей западной цивилизации далеко-далеко не только успех неуклонимой настойчивой советской дипломатии, это главным образом результат исторического, психологического и нравственного кризиса всей той культуры и системы мировоззрения, которая зачалась в эпоху Возрождения и получила высшие формулировки у просветителей XVIII века. Анализ того кризиса — за пределами этого письма.

А еще в наших успехах можно увидеть — нельзя не увидеть! — два удивительных провала: среди всех успехов

мы **сами** вырастили себе двух лютых врагов, прошлой войны и будущей войны, — германский вермахт и теперь маоцзедуновский Китай. Германскому вермахту в обход версальского договора мы помогли получить на советских полигонах первые офицерские кадры, первые навыки и теорию современной войны, и танковых прорывов, и воздушных десантов, что очень пригодилось потом гитлеровской армии при ее сжатых сроках подготовки войны. А как мы вырастили Мао-Цзе-Дуна вместо миролюбивого соседа Чан-Кай-Ши — эта история ближе, известнее.

И вот что заметим здесь главное, для дальнейшего: провалы эти истекали не из ошибок наших дипломатов, не из просчетов наших генералов, а ИЗ ТОЧНОГО СЛЕДОВАНИЯ УКАЗАНИЯМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА: в первом случае — повредить мировому империализму, во втором — поддержать зарубежное коммунистическое движение. Соображения **национальные** в обоих случаях отсутствовали.

Я знаю прекрасно, что говорю с крайними реалистами, и не стану пусто взывать: о, призаймем хоть немного неудачливого идеализма от старой русской дипломатии! Или: облагодетельствуем мир тем, что перестанем вмешиваться в его жизнь. Или: проверим нравственные основания нашей победной дипломатии — она приносит Советскому Союзу внешнюю мощь, но приносит ли истинное добро его народам?

Я говорю с крайними реалистами, и проще всего назвать ту опасность, которую вы знаете детальнее меня, и давно уже смотрите туда тревожно, и правильно, что тревожно: КИТАЙ.

Как бы вы ни торжествовали сейчас, как бы высоко ни вознеслись — но приходится помнить и учиться, что во всей мировой истории еще не бывало (и не будет никогда) такой силы, на которую не нашлось бы противосилы.

По нашей пословице: вырос лес, так выросло и топорище.

В данном случае — 900 миллионов топорищ.

2. ВОЙНА С КИТАЕМ

Я надеюсь, вы не повторяете ошибки многих мировых правителей до вас: вы не строите расчетов на победоносный блицкриг. Против нас — почти МИЛЛИАРДНАЯ страна, какая не выступала ни в одной войне мировой истории. Ее население, очевидно, еще не успело с 1949

года утерять своего исконного высочайшего трудолюбия — выше нашего сегодняшнего, своего упорства, покорности и находится в верном захвате тоталитарной системы, нисколько не упустительнее нашей. Союзника — в той войне не будет у нас, во всяком случае — размера Индии. Оружия ядерного вы, конечно, не примените первые — это было бы совершенно непоправимо со стороны репутации, которой вы не можете пренебречь, да и с практической стороны все равно не принесло бы быстрой победы. Тем более не применит его противная сторона, более слабая в нем. (Да вообще, к счастью для человечества, оно из простого самосохранения умеет удерживаться на самой последней грани гибели. Так после 1-й мировой войны никто не посмел применить химического оружия, так после 2-й, я верю, никто не применит ядерного. Таким образом, все нынешнее разорительное его сверхнакопление бессмысленно, лишь тешит изобретателей и генералов, оно есть тяжкий жребий тех, кто взялся быть в переднем ряду ядерных держав. Накопление это никогда не пригодится, а к началу конфликта еще и устареет.)

Война же **обыкновенная** будет самой длительной и самой кровавой изо всех войн человечества. Уж по крайней мере подобно вьетнамской (с которой будет схожа во многом) она никак не будет короче 10—15 лет и разыграется, кстати, почти по тем нотам, которые написал Амальрик, посланный за это на уничтожение, вместо того чтобы пригласить его в близкие эксперты. Если в 1-й мировой войне Россия потеряла до 1,5 миллиона человек, а во 2-й (по данным Хрущева) — 20, то война с Китаем никак не обойдется нам дешевле 60 миллионов голов — и, как всегда в войнах, лучших голов, все лучшие, нравственно высшие, обязательно погибают там. Если говорить о русском народе — будет истреблен последний наш корень, произведется последнее из истреблений его, начатых в XVII веке уничтожением старообрядцев, потом — Петром, потом — неоднократно, о чем тоже не буду в этом письме, а теперь — последнее и уже окончательное. После **этой** войны русский народ практически перестанет существовать на планете. И уже только это одно будет означать **полный** проигрыш той войны, независимо ото всех остальных ее исходов (во многом безрадостных, в том числе и для вашей власти, как вы понимаете). Разрывается сердце: представить, как наша молодежь и весь лучший средний возраст пошагает и поколесит погибать в войне, да какой? — ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, за

что? — главным образом за идеологию. Я думаю, и **вы** не способны взять на себя такую ужасную ответственность!

Щемящее сочувствие вызывают и рядовые китайцы — потому что они будут самыми беспомощными жертвами той войны, они находятся в столь зажатом положении, что не только не могут изменить своей судьбы, не только обсудить ее, но даже ушками пошевелить.

Вот это гибельное будущее, по темпам приближения совсем уже недалекое, ложится бременем на нас сегодняшних — и на тех, кто имеет власть, и кто силу имеет повлиять, или кто только голос имеет, чтобы произнести: этой войны не должно быть вообще, ЭТА ВОЙНА ВООБЩЕ НЕ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬСЯ! Не ставить задачу **выиграть** ту войну, ибо выиграть ее никому не возможно, но — ИЗБЕЖАТЬ ЕЕ!

Мне кажется, я такой путь вижу. И потому взялся за это письмо сегодня.

Какие причины клонят к той войне? Вторая — это динамическое давление миллиардного Китая на до сих пор не освоенные наши сибирские земли — не на ту полоску, о кой идет спор по старым договорам, но на **всю** Сибирь, до которой у нас впопыхах великих социальных и даже космических преобразований не дошли руки, — и это давление будет возрастать с ростом общей перенаселенности Земли. Однако **первая** причина нависающей войны, причина гораздо более острая, главная и безвыходная — ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ. Не удивимся: во всей истории не было войн и междуусобиц лютее, чем вызванные идеологическими (в том числе, увы, и религиозными) разногласиями. Вот уже 15 лет между вами и вождями Китая идет спор о том, кто вернее понимает, толкует и продолжает Отцов Передового Мировоззрения. И помимо и острей государственного столкновения между нами вырастает это глобальное соперничество, претензия единосмысленно толковать коммунистическое учение и в нем вести именно за собою все народы мира.

И как же вы представляете? — возникнет война, и обе воюющих стороны так и понесут на знаменах чистоту своей идеологии? И 60 миллионов наших соотечественников дадут себя убить за то, что именно на 533 странице ленинского тома написана главная истина, а не на 335-й, как утверждает наш противник? Разве только самые-самые первые...

Когда началась война с Гитлером, Сталин, так многое пропустивший и погубивший в военной подготов-

ке, э т о й стороны, идеологической, не упустил. И хотя идеологические основания для той войны казались несомненнее, чем ожидающие вас, — война велась против идеологии, по внешности диаметрально противоположной, — Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порченую подпорку идеологии, а разумно отбросил ее, почти перестал ее поминать, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь — и победил! (Лишь к концу войны и после победы снова вытащили идеологию из нафталина).

Так неужели вы думаете, что при столкновении идеологий близких, смежных, расходящихся лишь в оттенках, **вам** не придется совершать ту же переориентировку? Но будет — поздно, в военном напряжении — уже очень тяжело.

Насколько же разумнее **этот** самый предохранительный поворот сделать уже сегодня? Если все равно **для войны** его делать неизбежно, то не разумнее ли сделать его много заблаговременней — ЧТОБЫ НЕ ВОЕВАТЬ вообще?!

Отдайте им первенство в этой идеологии! Пусть китайские вожди погордятся этим короткое время. И за это взвалят на себя весь мешок неисполнимых международных обязательств, и кряхтят, и тащат, и воспитывают человечество, и оплачивают все несуразные экономики, по миллиону в день одной Кубе, пусть содержат хоть и всех террористов и партизан южных континентов.

Отпадет главная лютая рознь между нами и ими, отпадет множество пунктов нынешнего состязания и столкновения во всем мире — и военный конфликт отодвинется намного, а может быть — **и не состоится вовсе никогда**.

Посмотрим совершенно трезво, непредубежденно: нерусский темный вихрь ПЕРЕДОВОЙ ИДЕОЛОГИИ налетел на нас с Запада в конце прошлого века, достаточно потерзал и разорил нашу страну и нашу душу — и если теперь сам утягивается дальше на Восток — так пусть утягивается, не мешайте! (Не значит, что я хочу духовной гибели Китаю. Я верю, что и наш народ скоро излечится от этой болезни и китайский со временем тоже, — надеюсь, не слишком поздно, чтоб успеть спасти свою страну и оберечь человечество. Но с нас после всего перенесенного хватит заботы — как спасти н а ш народ.)

Отпадет идеологическая рознь — и советско-китайской войны скорее всего не будет вовсе. А если в отдаленном будущем и будет, то уж действительно оборонительная,

действительно отечественная. В конце XX века отдавать сибирскую территорию мы не можем, это несомненно. Но отдать идеологию — только к нашему облегчению и выздоровлению! (Скажу больше: надо спешить. Не исключено, что китайские вожди сообразят и сделают это раньше вас, они крутые повороты умеют. И тогда они выиграют, а вся непосильная ноша — на вас).

3. ТУПИК ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вторая опасность — многосторонний тупик западной цивилизации, к которой и Россия давно избрала честь принадлежать, — не так близка, еще в запасе есть два-три десятилетия, и тупик этот мы разделяем со всеми передовыми странами, даже у них заклинено грозней и гораздо хуже, чем у нас; и сохраняются надежды на новые и новые научные лазейки и изобретения, оттягивающие расплату. И я не касался бы той опасности в этом письме, если бы решение обеих задач не **совпадало** бы во многом, если бы один и тот же поворот, **единое** решение не избавляло бы нас от **обеих** опасностей! Так благоприятно редко сходится в истории, эти дары ее надо ценить, эти возможности не упускать.

И как это "внезапно" вывалилось перед человечеством и перед Россией!.. Наши передовые публицисты и до революции и после — как излюбили высмеивать тех **ретроградов** (именно в России их было много всегда), кто звал беречь и жалеть нашу старину, даже самые глухие деревушки в три избы, даже проселочные дороги рядом с железной колеей, сохранять лошадей при уже автомобилях, не забрасывать малых производств для огромных заводов и колоссальных комбинатов, не пренебрегать навозными удобрениями для химических, не скопляться миллионами в городах, не карабкаться друг другу на голову в многоэтажных зданиях. И как смеялись, как затравили реакционными "славянофилами" (из посмешища это стало термином, простаки и не придумали себе названия другого), затравили тех, кто говорил, что не надо слепо подражать западной цивилизации, что такой колосс, как Россия, да со многими душевными особенностями и бытовыми традициями, вполне может поискать и свой особый путь в человечестве; и не может быть, чтобы путь развития у всего человечества был только и непременно один.

Нет, мы должны были протащиться всем западным буржуазно-промышленным и марксистским путем, чтобы

к концу XX века узнать, опять-таки от передовых западных ученых, то, что искони понимал любой деревенский дед на Украине или в России и мог бы давно-давно растолковать ученым людям, если б те в своем запале нашли бы время поконсультироваться с ним: что не может дюжина червей **бесконечно** изгрызать одно и то же яблоко; что если земной шар **ограничен**, то ограничены и его пространства и его ресурсы, и не может на нем осуществляться **бесконечный**, **безграничный** прогресс, вдолбленный нам в голову мечтателями Просвещения. Нет, мы должны были брести и брести за чьими-то спинами, не зная переда дороги, пока не услышали теперь, как передние перекликаются: забрели в тупик, надо заворачивать. Весь "бесконечный прогресс"оказался безумным напряженным нерассчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация "вечного прогресса" захлебнулась и находится при конце.

И не "конвергенция" ждет нас с западным миром, но — полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба в тупике.

Все это сейчас широко распубликовано и разъяснено на Западе трудами "Общества Тейара де-Шардена" и "Римского Клуба" (70 видных ученых из 25 стран). Вот их выводы в самом сжатом виде.

"Прогресс" должен перестать считаться желанной характеристикой общества. "Бесконечность прогресса" есть бредовая мифология. Должна осуществляться не "экономика постоянного развития", но **экономика постоянного уровня**, стабильная. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НЕ ТОЛЬКО НЕ НУЖЕН, НО И ГУБИТЕЛЕН. Надо ставить задачу не увеличения народных богатств, а лишь **сохранения** их. Надо срочно отказаться от современной технологии гигантизма — и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в расселении (нынешние города — раковые опухоли).

Главная цель техники становится сейчас: устранить плачевные результаты предшествующей техники. "Третий мир", еще не ставший на гибельный путь западной цивилизации, может быть спасен лишь "раздробленной технологией", требующей не сокращения ручного труда, но увеличения его, техники самой простой и основанной только на местных материалах.

Вся безудержность промышленного развития осуществилась не за тысячелетия, не за столетия ("От Адама до 1945 года"), а только за последние 28 лет (после 1945 года). Эта бурность темпа последних лет и является

самой опасной для человечества. Указанные группы ученых провели компьютерные расчеты по разным вариантам экономического развития — и ВСЕ варианты оказались БЕЗНАДЕЖНЫ, предвещая катастрофическую гибель человечества между 2020 и 2070 годами, ЕСЛИ ОНО НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА. В этих расчетах рассматривались 5 главных факторов: население, природные ресурсы, с/х производство, промышленность и загрязнение среды. Если верить существующим сведениям о ресурсах Земли, некоторые из них идут к быстрому концу: через 20 лет окончится вся нефть, через 19 вся медь, через 12 — ртуть и многие другие близки к концу, очень ограничены энергетические ресурсы и пресная вода. Но даже если последующими разведками запасы окажутся и вдвое, и втрое больше известных ныне и если вдвое увеличится производительность сельского хозяйства и подчинена будет человеку неограниченная ядерная энергия — ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ В ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XXI ВЕКА ДОЛЖНА НАСТУПИТЬ МАССОВАЯ ГИБЕЛЬ НАСЕЛЕНИЯ: если не от остановки производства (конец ресурсов), то от избытка производства (гибель среды) — во всех случаях... **Совместно все пять** вышеназванных факторов решить оптимально при нынешней ставке на "прогресс" НЕВОЗМОЖНО. Если человечество не откажется от экономического прогресса — биосфера станет непригодной для жизни практически уже ПРИ НЫНЕ ЖИВУЩИХ. А чтобы человечество спасти — технология должна быть перестроена к стабильной в ближайшие 20—30 лет, для этого перестройка должна начаться НЕМЕДЛЕННО, СЕЙЧАС.

Впрочем, наиболее вероятно все же, что западная цивилизация не погибнет. Она столь динамична, столь изобретательна, что изживет и этот нависающий кризис, переломает вековые ложные представления и в несколько лет приступит к необходимой перестройке. А "Третий мир" заблаговременно внимет предупреждениям и **вообще не пойдет по западному пути**, это еще очень доступно для большинства африканских, для многих азиатских стран (и никто их не будет за это дразнить "негрофилами").

Но — м ы?? С нашей неповоротливостью, косностью, с нашей неспособностью и робостью менять хоть единую букву, хоть штрих один в том, что сказал Маркс о промышленном развитии к 1848 году?

Экономически, физически — мы вполне можем спастись. Но на пути нашего спасения стоит, перегоражи-

вает — Единственно Передовое Мировоззрение: если откаааться от промышленного развития, то как же тогда рабочий класс, социализм, коммунизм, безграничный рост производительности труда и т.д.?.. Исправлять Маркса нельзя, это ревизионизм...

Но "ревизионистами" вас все равно уже клеймят, что бы вы впредь ни делали. Так не верней ли — трезво, ответственно и решительно выполнить свой долг — отказаться от мертвой буквы ради живого народа, целиком зависящего от вашей власти, от ваших решений? И — не промедлять. Зачем нам тянуть, если все равно потом придется очнуться? Зачем доделывать, повторять за другими мучительную петлю до конца, пока мы еще недостаточно в нее впоролись? Если в череде идущих кричит передний "я заблудился!" — надо ли нам непременно дотопывать до того места, где он осознался, и лишь потом заворачивать? А почему бы нам не свернуть на верную дорогу — сразу, от того места, где мы есть?

Мы и так слишком долго и слишком верно шли за западной технологией. Казалось бы, "первая в мире социалистическая страна", которая показывает образец другим народам Запада и Востока, и такая "оригинальная" в следовании некоторым уродливым доктринам — о крестьянстве, о мелком ремесле, — почему же были так уныло неоригинальны в технологии, так безмысло и слепо шли за западной цивилизацией? (А — от военной спешки, а спешка — от необъятных "интернациональных задач", и все опять — от марксизма...) При центральном плане, которым мы так гордимся, уж у нас-то была, кажется, возможность **не** испортить русской природы, **не** создавать противочеловеческих многомиллионных скоплений. Мы же сделали все наоборот: измерзопакостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России, дорогую нашу Москву, — какая нерусская рука разорвала бульвары, так что нельзя уже ими пройти, не ныряя в унизительные каменные тоннели? какой нерусский топор вырубил Садовое кольцо, заменил его бензинно-асфальтной отравленной зоной? Изничтожен неповторимый облик города, вся старая планировка, наляпаны подражания Западу вроде Нового Арбата, стиснут, раскинут и возвышен город, в котором жить стало невыносимо, — и что теперь делать? Воссоздать прежнюю Москву на новом месте? — вероятно невозможно. Значит, примириться с полной утратой ее?

Мы бестолково-неоглядно тратили наши ресурсы, истощали нашу почву, безобразили наши просторы то глу-

пейшими "сухопутными морями", то зараженными околопромышленными пустырями — но пока еще гораздо больше сохранилось неиспорченного нами, где мы не успели. Так очнемся вовремя, так повернем с места!

4. РУССКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК

И тут есть дополнительная надежда для нас — одна особенность, одна оговорка в рассуждениях вышеназванных ученых. Оговорка эта: ВЫСШЕЕ БОГАТСТВО народов сейчас составляет ЗЕМЛЯ. Земля как простор для расселения. Земля как объем биосферы. Земля как покров глубинных ресурсов. Земля как почва для плодородия. И хотя о плодородии тоже прогнозы мрачные: земельные пространства в среднем по планете и рост плодородия будут исчерпаны к 2000 году, а если удастся с/х производство **удвоить** (не колхозам, конечно, не нам) — то к 2030 году все равно плодородие исчерпается — это **в среднем по планете**. Однако есть четыре счастливых страны, обильно богатые неосвоенною землей еще и сегодня. Это — Россия (я не оговариваюсь, именно — РСФСР), Австралия, Канада и Бразилия.

И в том русская надежда на выигрыш времени и выигрыш спасения: на наших широченных северо-восточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырех веков, еще не обезображенных нашими ошибками, мы можем **заново** строить не безумную пожирающую цивилизацию "прогресса", нет — безболезненно ставить сразу **стабильную** экономику и соответственно **ее** требованиям и принципам селить там впервые людей. Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации.

Без догматической предвзятости вспомним Столыпина и отдадим ему должное. В 1908 г. в Государственной Думе он пророчески сказал: "ЗЕМЛЯ — ЭТО ЗАЛОГ НАШЕЙ СИЛЫ В БУДУЩЕМ, ЗЕМЛЯ — ЭТО РОССИЯ". И по поводу Амурской железной дороги: "Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию".

Сегодня, в противостоянии Китаю, эта опасность распространяется едва ли не на всю нашу Сибирь. Две опасности смыкаются — но от обеих счастливым образом рисуется единый выход: **отбросить мертвую идеологию**, которая грозит нам гибелью и на путях войны и на путях экономики, отбросить все ее чуждые мировые фантасти-

ческие задачи, а сосредоточиться на освоении (в принципах стабильной, непрогрессирующей экономики) русского Северо-Востока — северо-востока Европейской нашей части, севера Азиатской, всей полярной полосы и главного массива Сибири.

Не будем греть надежд и не будем подгонять того сотрясения, которое, очевидно, скоро произойдет в Соединенных Штатах, а затем, возможно, распространится и на весь Запад. Эти надежды могут так же обмануть, как и надежды на Китай в 40-х годах: если на Западе создадутся новые общественные системы, они могут оказаться к нам и жестче и недружелюбнее нынешних. И оставим арабов их арабской судьбе, у них есть ислам, они разберутся сами. И оставим самой себе Южную Америку, ей никто не грозит внешним завоеванием. И оставим Африку самой узнать, каково начинать самостоятельный путь государственности и цивилизации, лишь пожелаем ей не повторить ошибок "непрерывного прогресса". Полвека мы занимались: мировой революцией; расширением нашего влияния на Восточную Европу; на другие материки; преобразованием сельского хозяйства по идеологическим принципам; уничтожением помешных классов; искоренением христианской религии и нравственности; эффектной бесполезной космической гонкой; само собой — вооружением, себя и других, кто просит оружия; — чем угодно, кроме развития и благовозделания главного богатства нашей страны — Северо-Востока. Но не предстоит нашему народу жить ни в Космосе, ни в Юго-Восточной Азии, ни в Латинской Америке, а Сибирь и крайний Север — наша надежа и отстойник наш.

Скажут, что мы и там много **делали**, строили — но не столько строили, сколько людей губили, как на "мертвой дороге" Салехард — Игарка, да уж не будем тут все лагерные истории перебирать. Так строить, чтоб затоплять Кругбайкальскую железную дорогу, а обходную бессмысленно гнать горами, сжигая тормоза; так строить, как целлюлозные комбинаты на Байкале и Селенге, поскорей к выручке и к отраве, — так лучше бы и повременить. По темпам века мы сделали на Северо-Востоке очень мало. Но сегодня можно сказать — и к счастью, что так мало: зато теперь можем делать все разумно с самого начала, по принципам стабильной экономики. Еще сегодня — к счастью, а в близком завтра уже будет к беде.

И какая ирония: с 1920 года, полвека, мы гордо (и справедливо) отказывались доверить иностранцам разра-

ботку наших природных богатств — и это могло выглядеть обещающими национальными чаяниями. Но мы тянули, тянули, но мы теряли, теряли время, и вдруг именно теперь, когда обнажилось истощение мировых энергетических ресурсов, мы, великая промышленная сверхдержава, подобно последней отсталой стране, приглашаем иностранцев разрабатывать наши недра и предлагаем им в расплату забирать бесценное наше сокровище — сибирский природный газ, за что через полпоколения наши дети будут нас проклинать как безответственных мотов. (У нас было бы много других хороших товаров для расплаты, если бы наша промышленность тоже не была бы построена главным образом на... ИДЕОЛОГИИ. И тут поперек дороги нашему народу — идеология!)

Я не счел бы нравственным советовать политику национального эгоизма, обособленного спасения среди всеобщих затруднений, если бы наш народ в XX веке не пострадал бы, я думаю, больше всех народов мира: **помимо** двух мировых войн, мы потеряли от одних гражданских раздоров и неурядиц, от одного внутреннего "классового", политического и экономического, уничтожения — 66 (шестьдесят шесть) миллионов человек!!! Такой подсчет произвел бывший ленинградский профессор статистики И.А.Курганов, вам принесут в любую минуту. Я не ученый-статистик, не берусь проверять, да и вся же статистика скрыта у нас, тут расчет косвенный, но действительно: н е т ста миллионов (именно с т а, как и предсказывал Достоевский!), мы потеряли **треть** того населения, которое могли бы иметь сейчас, почти **половину** того, которое имеем! **Кто** еще из народов расплачивался такою ценой? После **таких** потерь мы можем допустить себе и небольшую льготу, как дают больному отдых после тяжкой болезни. Нам надо излечить свои раны, спасти свое национальное тело и свой национальный дух. Достало бы нам наших сил, ума и сердца на устройство нашего собственного дома, где уж нам заниматься всею планетой.

И опять-таки, по счастливому совпадению, весь мир от этого — только выиграет.

Другое нравственное возражение может быть — что наш Северо-Восток не вовсе-то русский, что при овладении им был совершен и исторический грех: было уничтожено немало местных жителей (ну да несравненно с нашим недавним самоуничтожением) и потеснены другие. Да, это было, было в XVI веке, но **этого** исправить уже никаким образом нельзя. С тех пор малолюдными, даже

безлюдными лежат эти раскинутые просторы. По переписи 1959 г. всех народностей Севера — 128 тысяч, они редкой цепочкой разбросаны по огромным пространствам, освоением Севера мы нисколько их не тесним. Напротив, сегодня мы естественно поддерживаем их быт и существование, они не ищут себе обособленной судьбы и не могли бы найти ее. Изо всех национальных проблем, стоящих перед нашей страной, эта — самая мягкая, ее и нет почти.

Итак, наш выход один: чем быстрей, тем спасительнее — перенести центр государственного внимания и центр национальной деятельности (центр расселения, центр поисков молодежи) с далеких континентов, и даже из Европы, и даже с юга нашей страны — на ее Северо-Восток.

5. РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕЕ, А НЕ ВНЕШНЕЕ

Это перенесение центра внимания и центра усилий, конечно, не будет иметь только один географический смысл: не только с внешних пространств на внутренние, но и с **внешних задач на внутренние**. Во всех смыслах: с внешнего на внутреннее. Этого требует от вас истинное, не показное состояние наших людей, наших семей, наших школ, нашего народа, нашего духа, нашего быта, нашего хозяйства.

С конца, с хозяйства. Парадоксально, поверить нельзя: но при таких блестящих успехах во внешней политике, у такой военно-могуче великой державы — такой тупик и даже безнадежность в экономике. Все, чего мы тут достигли, получено не уменьем, а числом — т.е., непомерными затратами людских сил и материалов. Все создаваемое обходится много дороже, чем оно стоит, но государство разрешает себе не считать расходов. Наше "идеологическое сельское хозяйство" уже стало посмешищем для всего мира, а скоро — при всеобщей недостаче продуктов — станет и обузой для него. Во многих местах мира вспыхивает и еще гуще будет вспыхивать голод из-за перенаселенности, земельной скудости, первичного выхода из колониального состояния — то есть люди **не могут** произвести зерна. Мы же не производим достаточно или сотрясаемся от одного засушливого года (а ведь знает история земледелия и по семи подряд?) всего потому, что **не хотим** признать свою колхозную ошибку. Веками Россия **вывозила** хлеб, перед мировой войной — по 10—12 миллионов тонн ежегодно, и вот

55 лет нового строя и 40 лет прославленной колхозной системы — и мы вынуждены 20 миллионов тонн **ввозить**! Ведь стыдно, ведь пора же очнуться! Деревня, на которой веками стояла Россия, стала главной слабостью ее! Долгие десятилетия мы истощали колхозную деревню до полного отобрания сил ее, до полного отчаяния — наконец, стали ей **возвращать** ценности, стали вполне соразмерно платить — но ПОЗДНО. Истощены ее вера в дело, ее интерес. По старой пословице: отбей охоту — рублем не возьмешь. При угрожающей в мире нехватке зерна один выход у нас быть сытою страной: отказаться от принудительных колхозов, оставить только добровольные. На пространствах Северо-Востока ставить (с большими затратами, конечно) такое сельское хозяйство, которое будет кормить своим естественным экономическим ходом, а не наплывами агитаторов и мобилизованных горожан.

Предполагаю, знаете вы (это видно по вашим указам), что и во всем народном хозяйстве, во всей государственной служебной громаде так: люди не кладут сил на казенной работе и не рвутся к ней, но сколько могут — обманывают (а то и воруют), служебные часы тратят на личные дела (вынуждены так! — ибо при нынешних заработках не хватит никаких сил и никакой жизни), все стараются получить денег больше, а работать меньше — и с таковым народным настроением какими же сроками можно располагать?

Но еще разрушительнее — водка. Тоже знаете вы хорошо, вот и указ ваш был — а что он изменил? Пока водка — важная статья государственного дохода, ничего не изменится, так и будем ради барыша прожигать народную внутренность. (Я когда-то в ссылке работал в потребкооперации и четко помню, что водка составляла 60—70% нашего оборота).

По сравнению с нравами людей, их душевным состоянием, их отношением друг ко другу и к обществу — мелки и ничтожны все те **материальные** достижения, которыми у нас так трубно гордятся.

То, что географически будет называться освоением Северо-Востока, хозяйственно — построением стабильной экономики, во всех своих решаемых задачах — градостроительных, транспортных, социальных, должно углубиться в задачи **нравственные**. Физическое и духовное здоровье народа должно стать целью и всего этого движения, и каждого его этапа, и каждой его стороны.

Построение более чем половины государства на новом свежем месте позволяет не повторить губительных оши-

бок XX века — с промышленностью, с дорогами, с городами. Если не жечься куцыми экономическими потребностями дня, а создавать для наших детей страну с чистым воздухом и чистыми водами, придется тотчас начинать ограничивать ядовитые двигатели внутреннего сгорания в пользу электрических, а где и просто лошадей и отказаться от многих видов промышленного производства с ядовитыми отходами. Скажут — военная необходимость диктует? Но военных необходимостей у нас **вдесятеро** меньше, чем мы делаем вид, чем мы напряженно и суетливо создаем сами себе, изобретая интересы в Атлантическом или Индийском океанах. На ближайшие полвека у нас единственная истинная военная необходимость — оборониться от Китая, а лучше и вовсе с ним не воевать. Больше **никто на Земле** нам не угрожает, **никто** на нас не нападет. Мы вооружены для мирного времени многократно избыточно, мы производим массу оружия, которое потом будем менять и менять на свежее, в избытке тренируем личный состав, который и из возраста выйдет к моменту военной необходимости.

Со всех сторон, кроме Китая, мы имеем большой запас безопасности по срокам, и это дает нам возможность на многие годы сильно сократить военную подготовку и освободившееся бросить на экономику и устройство жизни. Технологическая гибель — не меньшая опасность, чем война.

Пришла пора и освободить русскую юность от обязательной всеобщей воинской повинности, которой нет ни в Китае, ни в Соединенных Штатах, ни в одной большой стране мира. Мы эту армию держим все из той же генеральской и дипломатической суеты — для престижа, из чванства; для внешнего расширения, от которого надо отказаться, физически и душевно спасая самих же себя; и еще — от ложного представления, что мужскую молодежь нельзя **воспитать** государственно полезной иначе, как пропуская ее через армейский котел долгими годами. Если и будет признано,что мы не можем обеспечить обороны иначе, как проводя через армию **всех**, то на много может быть сокращен срок службы и очеловечено “воспитание” в армии. При нынешнем мы как народ теряем **внутренне** гораздо больше, чем нашагивают наши парады.

Резко уменьшая вооружение, мы освободим и наше небо от надоевших грохочущих самолетных армад — над какими обширными пространствами денно и нощно, без поры и времени, они производят свои нескончаемые по-

леты и учения! — с переходами звукового порога, с гулом и ревом, нарушающим быт, отдых, сон и нервы сотен тысяч людей, эффективно оглупляя их под своим гулом (все видные начальники над своими дачными местностями полеты запрещают) — и все это десятилетиями, ни для какого спасения страны, а — никчемушняя суета. Верните стране здоровую **тишину**, без которой и не может быть здорового народа.

Нынешняя городская жизнь, которой обречена уже половина нашего населения, совершенно противоестественна, и все вы единодушно с этим согласны, ибо единодушно, ежевечерне спасаетесь из города на загородные дачи. И все вы по вашему возрасту хорошо помните прежние до-автомобильные города — города для людей, лошадей, собак, еще — трамваев, человечные, приветливые, уютные, всегда с чистым воздухом, зимою многоснежные, весною через заборы на улицы льются запахи из садов; сады чуть не при каждом доме, и редко какой дом выше двух этажей — приятнейшая высота человеческого жилища; жители тех городов были не кочевники, не кочевали дважды в год, спасая детей от пылающего ада. Экономика **не**-гигантизма, с дробной технологией, не только позволит, но даже потребует построения **новых** городов **прежнего** типа. И вполне можно поставить на всех въездах шлагбаумы, пропуская лошадей и электрические двигатели, но не двигатели внутреннего сгорания; и в самом городе на перекрестках если нужно кому нырять под землю — то двигателям, а не старым, малым и больным людям.

Вот такими городами пусть украсится наш растепленный отмороженный Северо-Восток, и на то растепление пусть грохаются дурные космические деньги. (Космос для обороны? — все страны как-то без Космоса обороняются).

Правда, в прежних русских городах была еще одна особенность, уже духовная, позволявшая самым образованным людям с наслаждением жить там и не сгущаться всем в одну семимиллионную столицу: многие провинциальные города, не только Иркутск, Томск, Саратов, Ярославль, Казань, многие были значительными и **самостоятельными** культурными центрами. А у нас сейчас разве допустим какой-нибудь самодеятельный, самомыслящий центр, кроме Москвы? Даже Питер затускнел совсем. Бывало, в каком-нибудь Вышнем Волочке могло появиться уникальное книжное издание большой ценности — а разве сейчас это допустит наша **идеология**? Нынешняя централизация всех видов духовной жизни —

уродство, духовное убийство. Без таких 40—80 городов нет России как страны, лишь какой-то безгласный придаток. Вот и тут, как на каждом месте, на каждой линии построить Россию здоровую нам мешает ИДЕОЛОГИЯ.

Так каждая сторона быта неразрывно связана с душевным состоянием людей. Тот, кто вынужденно калечит гусеницами тракторов или колесами огромных грузовиков не приспособленные к ним, не ожидающие их травяные и проселочные дороги или остервенелым "неподвижным мотоциклом" бензопилы на рассвете от жадности перебуживает целый поселок, — становится жесток и циничен. Не случайны и эти бесчисленные пьяные и хулиганы, не дающие женщинам проходу в вечерние и праздничные часы, — никакой милиции на них не хватит, тем более не удержит их **идеология**, претендующая, что она заменила нравственность.

Достаточно поработав в школах — и городских, и сельских, могу утверждать, что школа наша плохо учит и дурно воспитывает, а лишь разменивает и мельчит юные годы и души. Все поставлено так, что ученикам не за что уважать свой педсовет. Школа будет истинной тогда, когда в учителя пойдут люди отборные и к тому призванные. Но для этого — сколько средств и усилий надо потратить! — не так оплачивать их труд и не так унизительно держать их. А сейчас пединститут — в ряду институтов последний по своему авторитету, и взрослый мужчина стыдится быть школьным учителем. Абитуриенты как мухи на мед летят на военную электронику — неужели для таких бесплодностей мы развивались тысячу сто лет?

Не получая нужного в школе, наши будущие граждане немного получают и в семье. Мы много хвастаем достигнутым женским равноправием и детскими садами и скрываем, что это все — взамен подорванной семьи. А равноправие женщин не в том, чтобы занимать **столько** же рабочих мест и служебных постов, сколько мужчины, но лишь — принципиальная незакрытость всех этих постов для женщины. Реально же состояние мужского заработка должно быть таково, чтобы в семье с двумя ли, с четырьмя ли детьми (и даже чем больше детей, тем надежнее) женщина **не нуждалась** бы в отдельном заработке, не нуждалась бы поддерживать семью еще и деньгами сверх своих всех трудов и забот. В погоне за пятилетками, за лишними руками мы никогда не давали мужчинам такого заработка, и подрыв и разорение семей — одна из наших страшных плат за пятилетки. И как

не сжаться сердцу стыдом и жалостью, когда мы видим наших женщин с тяжелыми носилками, на мощении мостовых, на подсыпке ж-д путей? Видя такую картину — о чем еще можно говорить? в чем еще сомневаться? Чтоб освободить их от такого унижения — как не отказаться от финансирования южноамериканских революционеров?

Так почти каждое направление народной деятельности мы видим запущенным, требующим средств, труда и терпения. Но не выше того и **досуг**, сведенный к телевизору, картам, домино и все той же водке, а кто **читает**, так или спорт или все ту же Идеологию. Неужели это и есть тот манящий социализм-коммунизм, для которого клались все жертвы и гибли 60—90 миллионов?

Потребности **внутреннего** развития несравненно важней для нас, как народа, чем потребности **внешнего** расширения силы. Вся мировая история показывает, что народы, создававшие империи, всегда несли духовный ущерб. Цели великой империи и нравственное здоровье народа несовместимы. И никаких интернациональных задач мы не можем знать и платить по ним, пока наш народ в таком нравственном разорении и пока мы считаем себя его сыновьями.

Еще ли нам не отказаться от Средиземного моря?

6. ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ АВТОРИТАРНОСТЬ?

Если искренно признать и положить в основу построения общественной жизни народа и государственных целей — **принцип нравственности**, нравственный путь и духовное здоровье, то в новом свете предстает и противопоставление демократического и авторитарного строя. Именно: оно становится второстепенным.

Все те же дразнимые презираемые русские "славянофилы" давно указывали на главную недостаточность западной демократии: на то, что она не имеет **этической основы**. Это значит: высшим ее регламентом является всего лишь конституция, и по правилам, допускаемым ею, без дополнительных нравственных условий и ограничений, партии и классы вступают в **борьбу интересов**, всего лишь **интересов**, не выше.

И вот эта западная демократия после своих великих успехов сейчас, на склоне XX века, переживает, увы, свой великий упадок, может быть — и последний. Уж не говорю о "разгуле демократии" в Соединенных Штатах, где она и всегда имела буйные формы, где каждый 4-й год политических деятелей и даже всей страны чуть

не полностью ухлопывается на избирательную кампанию, на угождение массе, и на этом многократно играли не только внутренние группировки, но и внешние силы, иностранные правительства; где вожди сената последние годы представляют собой фигуры суматошные, полубезумные: в стремлении угодить толпе многошумные многоизобретательные сенаторы зорко опережают каждое предложение своего правительства, как бы оно не удержалось на грани разумного компромисса, спешат сдвинуть его до полной капитуляции Америки; где суды, потеряв беспристрастность, оправдывают несомненных врагов своей страны, лишь бы угодить страстям массы.

Но и демократия европейских стран, значительно более пристойная, устоявшаяся, отработанная, дает нам много примеров, когда роковые пути избраны в результате самообмана масс, или всеобщей низости инстинктов, или ловкой демагогии кандидатов, или случайного перевеса, даваемого маленькой непопулярной партией между двух больших — и от этого ничтожного перевеса, никак не выражающего волю большинства, решаются важнейшие направления государственной, а то и мировой политики. Самая старейшая уважаемая демократия как английская, вот оказывается неспособной справиться с кучкой террористов.

Демократия, построенная в строгих нравственных ограничениях, была бы, может, близка к идеальному строю — но такой демократии, сколько знаю, нигде никто никогда не показал и не осуществил — от античности и до современности. Нынешняя же западная демократия, не имеющая этической основы и даже более того — принципиально безрелигиозная, сегодня на наших глазах испытывает не только политический крах, но и духовную слабость — полное **падение духа** у Запада, с чего и начато это письмо и что уже непоправимо, вероятно.

У нас в России, по полной непривычке, демократия просуществовала всего 8 месяцев — с февраля по октябрь 1917 года. Эмигрантские группы к-д и с-д, кто еще жив, до сих пор гордятся ею, говорят, что **им** ее загубили посторонние силы. На самом деле та демократия была именно **их** позором: они так амбициозно кликали и обещали ее, а осуществили — сумбурную и даже карикатурную, оказались не подготовлены к ней прежде всего сами, тем более была не подготовлена к ней Россия. (Опыт, конечно, трудный: первая германская демократия — веймарская, была не намного сильней). А за последние полвека подготовленность России к демократии, к мно-

гопартийной парламентской системе, могла еще только снизиться. Пожалуй, внезапное введение ее сейчас было бы лишь новым грустным повторением 1917 года.

Из вышесказанного — непоказанности или недостижимости демократии со строгими этическими условиями; духовного бессилия современной западной демократии; и неподготовленности нашей страны к демократическому строю, — я осмелюсь не согласиться с лозунгом "демократии", едва ли не самым популярным в нашей интеллигентской общественности сегодня. В нем — и некритический перехват чужого опыта, и большая дань интеллигентской традиции.

Больше столетия русская интеллигенция все силы клала на борьбу с авторитарным строем — и теперь мы видим, что довольно тщетно, с огромными потерями для себя и для простого народа, и даже с обратным конечным результатом. Так, может быть, признать, что для России этот путь или ложен или преждевременен? Может быть, на обозримое будущее, хотим мы этого или не хотим, назначим так или не назначим, — России все равно сужден авторитарный строй? Может быть, только к нему она созрела сегодня, и даже смена нынешнего руководства (всей пирамиды) на других могла бы вызвать только путаницу, новую уничтожающую борьбу и наверняка очень сомнительный выигрыш в качестве руководства.

Конечно, высоко желанна была бы демократия под этическим куполом, с большим **общим** объемом ценностей, принятых всеми состязателями. Но тогда на разрешение остаются, по сути, уже второстепенные вопросы, и работоспособна может оказаться не только демократия, а и другие политические формы, в том числе и власть, основанная на авторитете.

И вот, придя к такому ответственному предположению, а еще из русской истории **ставши противником всяких вообще революций** и вооруженных потрясений, значит, и в будущем тоже — и тех, которых вы жаждете, и тех, которых вы остерегаетесь (пристальным изучением я убедился, что массовые кровавые революции всегда губительны для народов, среди которых они происходят), — я обращаюсь к вам как к реалистам. Хотя совсем с другой стороны, хотя совсем по другим соображениям, но ведь и вы тоже желаете так: избежать у нас и революционных потрясений и не вводить западной парламентской системы, и сохранить все нынешнее размещение руководства.

И вот, я **не** предлагаю вам: "дайте завтра всю полную

свободу". Уж мы так долго, так долго не поспевали за Западом, что, может быть, теперь покинем все виды гонки: и в технологии гигантизма в момент ее краха, и в демократии в момент ее краха. Может быть, в этом был и Божий замысел, задержавший наше развитие на века? Может быть, и в политическом развитии, повернувши не из самого тупика, а раньше того, мы сэкономим сколько-то сил и времени, так нужных нам после всех потерь? Тысячу лет жила Россия с авторитарным строем — и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа.

Однако выполнялось там важное условие: тот авторитарный строй имел, пусть исходно, первоначально, сильное нравственное основание — не идеологию всеобщего насилия, а православие, да, древнее, семивековое, православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, еще не издерганное Никоном, не оказененное Петром. С конца московского и весь петербургский период, когда то начало исказилось и ослабилось, — при внешних кажущихся успехах государства авторитарный строй стал клониться к упадку и погиб.

Итак, я предлагаю — вам и всем, кому когда-нибудь придется прочесть это письмо, предлагаю согласиться и примириться: Россия — авторитарна, и пусть остается такой, и не будем ныне бороться с этим. Но этот авторитарный строй должен быть основан на **истинной заботе** и любви правителей — не к себе самим, не к близкому своему окружению, но ко всему своему народу — и ко всем соседним народам тоже. Этот строй не должен руководиться соображениями политического гигантизма, не замышлять о судьбах других полушарий, от этого надо отказаться навек, это наверняка все лопнет, другие полушария и теплые океаны будут развиваться все равно без нас, по-своему, и этим никто из Москвы не управит и этого никто не предскажет даже в 1973 году, а тем более Маркс из 1848-го. Руководить этим авторитарным строем должны соображения **внутреннего**, нравственного, здорового развития народа и страны, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов, освоения Северо-Востока — и никакого Космоса еще на столетие, и никаких всемирно-исторических завоеваний и даже интернациональных задач: другие народы ничуть не глупее нас, а есть у Китая лишние деньги и дивизии — пусть пробует.

Авторитарный строй — но основанный не на "классовой" ненависти неисчерпаемой, а на человеколюбии. И самый первый признак, отличающий этот путь, нравственный путь от насилия, есть великодушие и милосердие к узникам. Оглянитесь и ужаснитесь: ведь за 55 лет **ни один человек** не был освобожден движением доброй души! Если кого и выпускали изредка, то по голому политическому расчету: насколько уже сломлен духом или насколько нестерпимо давит мировая общественность. Уж, конечно, придется отказаться навек от психиатрического насилия, и от негласных судов, и от того жестокого безнравственного мешка лагерей, где провинившихся и оступившихся калечат и уничтожают. Семеро заключенных (А.Гинзбург, Ю.Галансков и другие) в 1969 году послали из лагеря 7 одинаковых писем ("коллективки" запрещены) семи общественным деятелям (Твардовскому, Гамзатову, Шостаковичу и др.), в том письме исключительно глубоко и своевременно объяснено, как система лагерей, уже не сталинских и не хрущевских, а в а ш и х (и всех бытовых, не политических только) разлагает и губит весь наш народ. Вам не составит труда затребовать этот документ.

Учил нас Сталин — и вас, и всех нас, что **благодушие** есть "величайшая опасность", то есть добрая душа правителей — величайшая опасность!.. Это нужно было ему так для его замысла — уничтожать миллионы подданных. Но у в а с же нет этой цели! — так отречемся от его проклятой заповеди!

Строй, основанный на авторитете, только тогда может быть здоровым, когда **авторитет** — не топора и решетки, но добра и заботы обо всех живущих, не о мертвой злой Идеологии.

Однако возможно ли нам к такому строю перейти? Мне кажется — да, потому я и взялся за это письмо. Перейти без всякого сотрясения, только стянуть, стряхнуть со всех нас эту потную грязную рубашку Идеологии, на которой уже столько крови, что она не дает дышать живому телу нации, крови тех 66 миллионов. На ней — вся ответственность за все пролитое, убеждать ли мне вас, что надо поскорее скинуть ее — и пусть подбирает, кто хочет.

7. ИДЕОЛОГИЯ

Эта идеология, доставшаяся вам по наследству, не только дряхла, не только безнадежно устарела, но и в

свои лучшие десятилетия она ошиблась во всех своих предсказаниях, она никогда не была наукой.

Примитивная верхоглядная экономическая теория, которая объявила, что только рабочий создает ценности, и не увидела вклада ни организаторов, ни инженеров, ни транспорта, ни аппарата сбыта. Она ошиблась, предсказывая, что пролетариат будет безгранично нищать, что он никогда ничего не добьется при буржуазной демократии, — нам бы сейчас так накормить его, одеть и осыпать досугом, как он получил это все при капитализме! Она дала маху, что благополучие европейских стран держится на коленях, — а они, только освободясь от колоний, и стали совершать свои "экономические чудеса". Она ошиблась, что социалисты никогда не сумеют приходить к власти иначе, как вооруженным переворотом. Она просчиталась, будто эти перевороты начнутся с передовых промышленных стран, — как раз все наоборот. И как революции быстро охватят весь мир, и как будут быстро отмирать государства — все сплошь заблуждения, все сплошь незнание человеческой природы. И что войны присущи только капитализму и кончатся с ним, — мы уже видели самую пока долгую войну XX века, 15 и 20 лет не капитализм отвергал переговоры и перемирие, — и не дай нам Бог увидеть самую жестокую и самую кровавую изо всех войн человечества — войну между двумя коммунистическими сверхдержавами. Так и национализм был этой теорией в 1848 году погребен как уже "пережиток" — а найдите сегодня в мире силу большую! И со многим так, перечислять устанешь.

Марксизм не только не точен, не только не наука, не только не предсказал **ни единого события** в цифрах, количествах, темпах или местах, что сегодня шутя делают электронные машины при социальных прогнозах, да только не марксизмом руководясь, но поражает марксизм своей экономико-механической грубостью в попытках объяснить тончайшее человеческое существо и еще более сложное миллионное сочетание людей — общество. Лишь корыстью одних, ослеплением других и жаждой **верить** у третьих можно истолковать этот жуткий юмор XX века: каким образом столь опороченное, столь провалившееся учение еще имеет на Западе стольких последователей! У н а с-то их меньше всего осталось! М ы-то, отведавшие, только притворяемся поневоле...

Мы видели выше, что всеми жерновами, которые топят вас, наградил вас не ваш здравый смысл, а именно наследное дряхлое Передовое Учение: и коллективиза-

цией; и национализацией мелких ремесел и услуг (что сделало невыносимой жизнь рядовых граждан, но вы этого не ощущаете); и необходимостью для великого интернационального замаха так раздувать военное развитие, что пущена в прорву вся внутренняя жизнь, и даже вот Сибирь освоить за 55 лет не нашлось времени; и помехами в промышленном развитии и перестройке технологии; и преследованием религии, очень важным для марксизма, но бессмысленным и невыгодным для практических государственных руководителей — с помощью бездельников травить своих самых добросовестных работников, чуждых обману и воровству, — и страдать потом от всеобщего обмана и воровства. Для верующего его вера есть **высшая** ценность, выше той еды, которую он кладет в желудок. Задумались ли вы: насколько ж для него **родина** та страна, где топчут его веру? Задумались ли вы: зачем же эти лучшие миллионы подданных вы отвращаете от родины? Вам как государственным руководителям это только вредно, а делаете вы это автоматически, механически, потому что марксизм навязывает вам так. Как навязывает он вам, руководителям сверхдержавы, давать отчеты о своих действиях каким-то дальним приезжим гостям — с другого полушария вождям невлиятельных, незначительных компартий, меньше всего озабоченных русской судьбой.

Воспитанным в марксизме кажется страшным такой шаг: вдруг начать жить без этой привычной идеологии. Но тут, по сути, выбора и не осталось, сами обстоятельства заставят сделать его, да может оказаться поздно. Национальным руководителям России в предвидении грозящей войны с Китаем все равно придется опираться на патриотизм и только на него. Разумно же совершить перегруппировку сил перед великой опасностью — раньше, а не позже. Да этот отказ, только нерешительный, уже и начат у нас давно, ибо что такое "совмещение" марксизма с патриотизмом? — бессмыслица. Эти точки зрения можно "слить" только в общих заклинаниях, на любом же конкретном историческом вопросе эти точки зрения всегда противоположны. Это так явно, что Ленин в 1915 г. даже декларировал: "мы — антипатриоты". И то было истинно, искренне. И все 20-е годы слово "патриот" у нас значило абсолютно то же самое, что "белогвардеец". Хорошо помню, как в 1931 г. меня, еще школьника, травили за патриотизм. И все это письмо, которое я сейчас кладу перед вами, есть патриотизм — и **значит** отрицание марксизма. Марксизм, напротив, ве-

лит не осваивать Северо-Востока и оставить наших женщин с ломами и лопатами, но торопить и финансировать мировую революцию.

В ту минуту, когда уже будут стрелять первые пушки на советско-китайской границе, бойтесь оказаться в этой двойственной шаткости, с недостатком и нечеткостью национального самосознания в нашей стране, — вы видите, как могучая Америка проиграла маленькому Северному Вьетнаму, как легко сдали нервы американского общества и молодежи — именно потому, что в Соединенных Штатах очень слабое, невыявленное национальное самосознание. Не пропустите момент!

Шаг поначалу кажется трудным, а на самом деле вы очень скоро испытаете большое облегчение, отбросив эту никчемную ношу, облегчение всего государственного устройства, всех движений в руководстве. Ведь эта идеология, доводя до острейшего конфликта наше внешнее положение, давно уже перестала помогать вам во внутреннем, как помогала в 20-е и 30-е годы. Сейчас в стране **ничто конструктивно не держится** на ней, это ложная фанерная театральная колонна, которую убери — и ничто не рухнет, ничто не поколеблется. Все в стране давно держится лишь на материальном расчете и подчинении подданных, ни на каком идейном порыве, вы отлично знаете это. Сегодня эта идеология уже только ослабляет и связывает вас. Она захламляет всю жизнь общества, мозги, речи, радио, печать — ложью, ложью, ложью. Ибо как же еще мертвому делать вид, что оно продолжает жить, если не пристройками лжи? Все погрязло во лжи, и **все это знают** и в частных разговорах открыто об этом говорят, и смеются, и нудятся, а в официальных выступлениях лицемерно твердят то, "что положено", и так же лицемерно, со скукой читают и слушают выступления других — сколько же уходит на это впустую энергии общества! И в ы — открывая газеты или включая телевизор, — ВЫ САМИ разве верите сколько-нибудь в искренность этих выступлений? Да давно уже нет, я уверен. А иначе — глухо ж вас отъединили от внутренней жизни страны.

Эта всеобщая обязательная, принудительная к употреблению ложь стала самой мучительной стороной существования людей в нашей стране — хуже всех материальных невзгод, хуже всякой гражданской несвободы.

И все эти арсеналы лжи, совсем и не нужные для нашей **государственной** устойчивости, привлекаются как налог в пользу Идеологии: связать, увязать происходящее,

как оно течет, и цепкую когтистую умершую Идеологию. Именно из-за того, что наше государство по привычке, по традиции, по инерции все еще держится за эту ложную доктрину, за ее ответвленные заблуждения — оно и нуждается сажать за решетку инакомыслящих. Потому что **именно ложной идеологии** нечем ответить на возражения, на протесты, кроме оружия и решетки.

Отпустите же эту битую идеологию от себя! Отдайте ее вашим соперникам или куда она там тянется, пусть она минует нашу страну как туча, как эпидемия, и пусть о ней заботятся и в ней разбираются другие, только не мы! И вместе с ней мы освободимся от необходимости наполнять всю жизнь ложью.

И заверяю вас, что поворот этот будет не тяжелей и не сложней, чем поворот XX съезда от Сталина. Да его можно сделать еще и гораздо более плавно, медленно, постепенно, почти **ничего не объявляя вслух**, — но неуклонно, но эффективно. Да Сталин **уже совершил однажды такой поворот** — вспомните! Никто даже не удивился, никто не зарыдал по марксизму — все приняли как самое **естественное**, наше, русское!

8. И МЕНЯТЬ — МАЛО ЧТО

Я вовсе не предлагаю вам принять другую крайность — преследовать или запрещать марксизм, даже спорить против него (с ним спорить скоро никто уже и не будет, из лени одной). Я только предлагаю вам — спастись от него самим и спасти от него свое государственное устройство и свой народ. А для этого только — лишить марксизм мощной государственной поддержки, и пусть он существует сам по себе, на своих ногах. И пусть его пропагандируют, защищают и внедряют беспрепятственно все желающие — но в свободное от работы время и не на государственной зарплате. То есть вся система агитпропа должна перестать оплачиваться из народных средств. У многочисленных работников агитпропа это не может вызвать негодования или сопротивления: новое положение освободит их от всяких обидных упреков в возможной корысти, оно впервые даст им возможность понастоящему доказать свою идейную убежденность, свою искренность. И им должна быть только радостна эта двойная нагрузка: в будни, в дневное время, принять на себя продуктивный труд для страны, производить реальные ценности (любой труд, какой бы они ни избрали взамен нынешнего, будет много продуктивнее, ибо их нынешний

— нулевой, если не отрицательный), а по вечерам, по свободным дням и в отпуска посвятить свой досуг пропаганде любимого учения, бескорыстно наслаждаясь истиной! Ведь именно так поступают, например, верующие, да еще под преследованием — и считают себя духовно удовлетворенными. Какой будет замечательный случай не говорю проверить, но — доказать искренность всех тех, кто десятилетиями агитировал всех нас.

Я предлагаю вам — всю вашу иерархию, совокупность всех тех, от верху до низу, кого вы считаете действующим и желательным руководством страны, полностью перевести в систему советскую, то есть систему советов депутатов трудящихся. Это можно безо всякой декларации, безо всякого шумного объявления, даже совсем незаметно сделать за 2—3 года, в ходе очередных выборов. Всем важным деятелям занять посты не в партийной системе, а — в советской, государственной, что будет и более удобно всем для единого руководства.

Я не предлагаю вам ничего менять в системе и традиции советских выборов, пусть остаются такие, которые гарантируют все посты вам и назначенным вами. Я не предлагаю вам ни вторых кандидатов (хотя даже в Восточной Европе на это решаются), ни тем более других партий, никакой избирательной борьбы, что поставило бы вашу власть под угрозу. Я не предлагаю вам ни с кем этой властью делится. Но пусть государственный пост не будет прямым следствием партийной принадлежности. Освободите и свою партию от упреков, что люди получают партийные билеты для карьеры. Дайте возможность некоторым работящим соотечественникам тоже продвигаться по государственным ступеням и без партийного билета — вы и работников получите хороших, и в партии останутся лишь бескорыстные люди. Вы, конечно, захотите сохранить свою партию как крепкую организацию единомышленников и конспиративные от масс ("закрытые") свои отдельные совещания. Но расставшись с чужой идеологией, лишь бы отказалась ваша партия от невыполнимых и не нужных нам задач мирового господства, а исполнила бы национальные задачи: спасла бы нас от войны с Китаем и от технологической гибели. Эти задачи и благородны, и выполнимы.

Я не предлагаю вам допустить другие партии или другие политические движения. Но чтобы не задохнулись страна и народ, чтоб они имели возможность развиваться и обогащать вас же идеями, свободно допустите к равному честному соревнованию — не за власть! за истину — все

идеологические и все нравственные течения, в частности, все религии — их некому будет преследовать, если их гонитель марксизм лишится государственных привилегий. Но допустите честно, не так, как сейчас, допустите их с молодежными духовными организациями (не политическими совсем, политический пусть будет один комсомол), допустите их с правом воспитывать и учить детей, с правом свободной приходской деятельности. (Сам я не вижу сегодня никакой живой духовной силы, кроме христианской, которая могла бы взяться за духовное исцеление России. Но я не прошу и не предлагаю никаких ей льгот, а только: честно — не подавлять). Допустите свободное искусство, литературу, свободное книгопечатание — не политических книг, Боже упаси! не воззваний! не предвыборных листовок! — но философских, нравственных, экономических и социальных исследований, ведь это все будет давать богатый урожай, плодоносить — в пользу России, но и вас же, вы же русские интересы будете представлять. Такая свободная колосьба мыслей быстро избавит вас от необходимости все новые идеи с запозданием переводить с западных языков, как это происходит все полвека, вы же знаете.

Чего вам опасаться? Неужели это так страшно? Неужели вы так не уверены в себе? У вас остается вся неколебимая власть, отдельная сильная замкнутая партия, армия, милиция, промышленность, транспорт, связь, недра, монополия внешней торговли, принудительный курс рубля, — но дайте же народу дышать, думать и развиваться! Если вы любите его, если вы сердцем принадлежите к нему — для вас и колебания не должно быть!

Вы можете с негодованием или смехом отбросить советы какой-то одиночки, писателя. Но с каждым годом то же самое будет настойчиво предлагать вам жизнь — по разным поводам, в разное время, с разными формулировками — но именно это. Потому что это единственный осуществимый и вместе с тем здоровый путь спасения нашей страны, нашего народа — и вас самих.

Конечно, такие решения не принимаются в неделю. Но сейчас вы имеете возможность совершить этот переход плавно, спокойно — хоть в три года, хоть в пять, хоть, со всем процессом, и в десять. Лишь бы начать — уже сейчас, лишь бы решиться — уже сейчас. Потом жизнь выставит требования и неотложней, и резче.

Ваше заветное желание, чтобы наш государственный строй и идеологическая система не менялись и стояли

вот так веками. Но так в истории не бывает. Каждая система или находит путь развития или падает.

Невозможно вести такую страну, исходя из злободневных нужд: в 1942 году осуждать Неру как клику за его национально-освободительное движение (подрывал военные усилия наших союзников англичан), в 1956 году лобызаться с ним. И то же с Тито и со многими, многими. Вести такую страну — нужно иметь национальную линию и постоянно ощущать за своими плечами все 1100 лет ее истории, а не только 55 лет, 5% ее.

Вы заметите, конечно, что это письмо не преследует никаких личных целей. Я из вашей скорлупы вырос уже все равно, написанные мною вещи будут все равно напечатаны, помимо вашего дозволения или запрета. Все, что я сказал — я уже сказал. Мне — тоже 55 лет, и я, кажется, доказал многими своими шагами, что не дорожу материальными благами и готов пожертвовать жизнью. Для вас такой тип жизнеощущения необычен — но вот вы наблюдаете его.

Этим письмом я тоже беру на себя тяжелую ответственность перед русской историей. Но не взять на себя поиски выхода, но ничего не предпринять — ответственность еще большая.

А.Солженицын

5 сентября 1973 г.
Пакет № 366. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]К письму приложены записка К.Черненко: "Уважаемый Леонид Ильич! Направляю Вам, как просили, письмо Солженицына на Ваше имя. Вначале было указание тов.Суслова ознакомить всех членов Политбюро, затем он предупредил меня, что следует ознакомить только т.т. Косыгина, Подгорного, Андропова. Эти товарищи ознакомлены нами вкруговую. Сейчас подлинник находится у тов. Подгорного. С приветом К.Черненко. 28 сентября 1973 г.", лист с подписями М.Суслова, А.Косыгина, Н.Подгорного, А.Кириленко, Ю.Андропова и резолюция: "**Тов.Черненко К.У**. Мы обсуждали вопрос о Солженицыне по частям на нескольких заседаниях ПБ — считаю, что необходимо, чтобы все товарищи прочли его письмо. 29/XII.73 г. Л.Брежнев". На первой странице резолюция Л.Брежнева: "Ознакомить чл. ПБ (вкруговую) 4/X.73 г." и подписи А.Шелепина, Д.Полянского, А.Пельше, А.Гречко, В.Гришина, А.Громыко, П.Демичева, Б.Пономарева, М.Соломенцева, К.Катушева, В.Долгих, И.Капитонова, К.Мазурова, Ф.Кулакова, Д.Устинова, Г.Романова, Ш.Рашидова, В.Щербицкого

№ 98

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР и МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС[1]

№ 2175/гс 7 сентября 1973 г.

Секретно

ЦК КПСС

В последнее время французская буржуазная печать играет активную роль в ведущейся на Западе антисоветской кампании. Помимо "независимых" от правительства буржуазных газет и журналов в ней участвуют, очевидно, не без ведома официальных кругов такие органы массовой пропаганды Франции, как агентство Франс Пресс, радио и телевидение. Агентство Франс Пресс, например, взяло интервью у А.Сахарова, а газета "Монд" совместно с американским агентством Ассошиэйтед Пресс — у А.Солженицына.

Международный отдел ЦК КПСС и МИД СССР считают целесообразным в этой связи сделать французскому правительству соответствующее представление, обратив его внимание на то, что ведущаяся во Франции антисоветская кампания находится в противоречии с официально проводимым Францией курсом на развитие дружественных отношений с Советским Союзом.

Французские друзья (т-мы из Парижа № 2232 и № 2256)[2] также высказываются в пользу такого представления. О его содержании было бы целесообразно информировать руководство ФКП.

Проект постановления прилагается[3].

Просим рассмотреть.

В. Кузнецов *В.Загладин*

Ф.3, оп.69, д.789, л.130. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 8 сентября 1973 г. за № 103-105

[2]См.документы № 93, 94

[3]13 сентября 1973 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П103/138 (см.документ № 102)

№ 99

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2176-ч 8 сентября 1973 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно

ЦК КПСС

6 сентября 1973 года СОЛЖЕНИЦЫН пригласил на московскую квартиру своей жены академика САХАРОВА с его супругой. САХАРОВ принял приглашение и во время состоявшейся затем встречи ознакомился с некоторыми подготовленными СОЛЖЕНИЦЫНЫМ документами. Он одобрил также антиобщественную деятельность САХАРОВА, но посоветовал временно воздержаться от активности, "пока молчать".

Характерно, что в последнее время СОЛЖЕНИЦЫН систематически предпринимает попытки привлечь к себе внимание лиц, известных своими антиобщественными выступлениями и действиями.

Как докладывалось ранее[2], он поощрял антисоветскую деятельность ныне арестованного СУПЕРФИНА и поддерживал его материально, влиял на антиобщественные выступления КОРЖАВИНА. Выявлены его тесные взаимоотношения с отбывшим наказание и оставшимся на антисоветских позициях ГИНЗБУРГОМ.

Встречи с указанными лицами так же, как и с отдельными иностранными корреспондентами (в отличие от тех, которым он дал интервью), СОЛЖЕНИЦЫН тщательно скрывает и проводит конспиративно.

Полученные данные учитываются нами в проведении мероприятий по локализации антиобщественных проявлений.

Заместитель Председателя Комитета
Государственной Безопасности
при Совете Министров СССР *(ЧЕБРИКОВ)*

Ф.3, оп.80, д.646, л.45. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе подписи М.Суслова, А.Косыгина, Н.Подгорного, А.Кириленко

[2]См.документ № 88

№ 100
ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2180-ч 10 сентября 1973 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

Совершенно секретно

Ц К К П С С

В своих последних интервью для западной прессы литератор СОЛЖЕНИЦЫН с угрозой заявлял, что если он будет арестован или погибнет, то мир узнает о его самых главных, разоблачительных произведениях, составляющих смысл его жизни.

В числе этих произведений он имеет в виду, видимо, и свое, тщательно скрываемое и хранимое в тайне, сочинение "Архипелаг Гулаг", написанное в 1964—67 г.г.

В августе с.г. в результате оперативных мероприятий, проведенных органами КГБ в Ленинграде, удалось заполучить одну из копий этого сочинения, имеющей авторские рукописные правки.

"Архипелаг Гулаг", объемом в 1104 страницы машинописного текста, состоит из 7 частей, каждая из которых содержит в себе от 5 до 22 глав. Посвящен он "...всем, кому не хватило жизни об этом рассказать..."

Рассказ же автора посвящен тому, как в годы Советской власти в нашей стране была создана "система Гулага", по утверждению автора, планомерно разраставшаяся и заполнявшаяся людьми, подвергавшимися массовым репрессиям, и в итоге превратившаяся в целый "архипелаг" со своим бытом, законом, правами и психологией.

Автор пытается воссоздать историю "архипелага", т. е. исправительно-трудовых лагерей, описать произвол и беззаконие, приведшие к гибели массы безвинных людей.

Аннотация этого сочинения СОЛЖЕНИЦЫНЫМ прилагается. Вместе с тем, представляется целесообразным остановиться на некоторых наиболее серьезных, на наш взгляд, положениях и выводах автора.

СОЛЖЕНИЦЫН утверждает, что "лагеря не просто "темная сторона" нашей послереволюционной жизни", а явились экономической потребностью использования при-

нудительного труда, якобы нашедшей теоретическое обоснование еще в трудах Маркса и Энгельса.

"Главный смысл, — пишет он, — существования крепостного права и Архипелага один и тот же: это общественные устройства для принудительного и безжалостного использования дарового труда миллионов рабов". Разница лишь в том, что в наше время такой труд подчинен строительству социализма, а создавала систему лагерей Коммунистическая партия при непосредственном участии В.И.Ленина.

Поэтому, говорит далее СОЛЖЕНИЦЫН, все сделанное по восстановлению законности является пропагандой, по существу ничего не изменило, так как является порождением строя, общественной системы. "Мы живем по-прежнему в стране без закона, без права, без правосудия",— клеветнически заключает он в одной из глав.

Выход он видит в одном — издать десятки "белых книг" по разоблачению беззакония, царившего якобы в стране, начиная с 1918 года (после выхода левых эсеров из Советского правительства), и судить не столько конкретных нарушителей закона, а преступления государства, подобно тому, как были осуждены преступления германского фашистского государства.

Характерно, что в этой связи СОЛЖЕНИЦЫН уповает к тем, кто был и находится в исправительно-трудовых лагерях. Вообще красной нитью через сочинение проходит вымысел автора о том, что в результате заключения в "системе Гулага" огромной массы людей в нашем обществе якобы создалась своеобразная социальная категория ("нация") заключенных ("зеков") со своей психологией, мировоззрением и даже языком. Они и должны сказать свое слово.

Таким образом, это сочинение, как и некоторые другие произведения СОЛЖЕНИЦЫНА, дает основание полагать, что он ставит целью не только описать прошлое, но и объединить бывших заключенных под знаком "борьбы за законность". При этом не скрывает, что восстановление законности возможно лишь с изменением существующего в нашей стране государственного и общественного строя.

Заместитель Председателя Комитета
Государственной Безопасности
при Совете Министров СССР (*ЧЕБРИКОВ*)

Секретно

экз.№ 1

АННОТАЦИЯ

сочинения СОЛЖЕНИЦЫНА "Архипелаг Гулаг"

Сочинение имеет подзаголовок "Опыт художественного исследования" и эпиграф "Посвящаю всем, кому не хватило жизни об этом рассказать... В этой книге нет ни вымышленных лиц, ни вымышленных событий..."

Сочинение состоит из 7 частей от 5 до 22 глав с отдельными названиями и составляет в общей сумме 1104 машинописные страницы.

В оглавлении указывается, что, кроме того, к нему прилагаются: фотографии, послесловие, орфографическая оговорка, указатель тюремных и лагерных мест, именной указатель, объяснение терминов, примечание (в аннотируемой рукописи отсутствуют).

В предисловии к сочинению СОЛЖЕНИЦЫН следующим образом раскрывает его название: "А Колыма была — самый крупный и знаменитый остров, полюс лютости этой удивительной страны ГУЛаг, географией, разодранной в архипелаг, но психологией, скованной в континент, — почти неосязаемой страны, которую населял народ зэков.

Архипелаг этот чересполосицей иссек и испестрил другую, включающую, страну, он врезался в ее города, навис над ее улицами..." Цель автора — попытаться создать историю этой "страны", которую якобы всяческими путями пытаются скрыть и обелить.

В связи с этим СОЛЖЕНИЦЫН подчеркивает: "...те же самые руки, которые завинчивали наши наручники, теперь примирительно выставляют ладони: "Не надо!.. не надо ворошить прошлое..."

... "У тех, не желающих вспоминать, довольно уже было (и еще будет) времени уничтожить все документы дочиста..."

Далее он сообщает, что материалом для исследования ему послужили рассказы и письма 202 бывших заключенных, а кроме того, личные воспоминания и записи. При этом СОЛЖЕНИЦЫН саркастически замечает: "также дали бесценный материал для этой книги" лица, бранившие "Ивана Денисовича", и тридцать шесть советских писателей во главе с Максимом ГОРЬКИМ — "авторы

позорной книги о Беломорканале, впервые в русской литературе воспевшие рабский труд".

Наибольшую смысловую нагрузку в первой части книги, озаглавленной "Фабрики-тюрьмы", несет вторая глава, которой СОЛЖЕНИЦЫН дал название "История нашей канализации".

Словом "канализация" СОЛЖЕНИЦЫН обозначил целую систему лагерей, якобы "задуманную" уже в первые же годы после Великой Октябрьской Социалистической революции и служащую затем "с полным блеском и безотказностью... во фронтальном наступлении на народ".

В соответствии со своим замыслом СОЛЖЕНИЦЫН делает "исторический обзор" трех больших и не поддающихся учету меньших "потоков", распиравших "вонючие трубы тюремной канализации", протолкнувших в тундру и тайгу "целые нации", "миллионы и миллионы бывших военнопленных, мужиков, людей с партийным прошлым, интеллигентов, "инженерий" и прочих.

Особому рассмотрению в этом "обзоре" СОЛЖЕНИЦЫН подвергает содержание 58-й статьи Уголовного кодекса, так как, по его словам, "поток Десятого Пункта... не пресекался вообще никогда и набухал особенно полноводно" во времена трех "больших" потоков — 29—30-го, 37—45-го и 49-го годов. При этом он делает злобный выпад против В.И.ЛЕНИНА, записка которого к Наркомюсту Д.И.КУРСКОМУ с наброском одного из параграфов Уголовного кодекса якобы послужила для окончательной редакции этой статьи в 1926 году.

Глава заканчивается словами: "Предыдущее изложение должно было... показать, что в выбивании миллионов и заселении ГУЛага была хладнокровно задуманная последовательность и неослабевающее упорство.

Что пустых тюрем у нас не бывало никогда, а бывали либо полные, либо чрезмерно переполненные".

Этот же тезис СОЛЖЕНИЦЫН развивает в последующих главах "Следствие" и "Голубые канты", стремясь с его помощью подвести читателя к следующему провокационному выводу: "Молча о пороке... мы сеем его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем... Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие.

И неуютно же и страшно будет в такой стране жить".

В соответствии с избранной схемой построена шестая глава под названием "Та весна", посвященная периоду Великой Отечественной войны. В ней СОЛЖЕНИЦЫН грубо глумится над всемирно-историческим, освободитель-

ным значением Победы Советской Армии над фашистскими войсками, которая якобы лишь переполнила ГУЛаг за счет нового контингента "зэков" из числа бывших военнопленных.

В этой главе он оправдывает действия "власовцев", призывая пересмотреть оценку "довольно небывалому явлению: чтобы десятки тысяч молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати подняли оружие на свое Отечество". Подводя читателя к выводу, что "движение власовцев" явилось закономерным порождением существующей "системы угнетения", СОЛЖЕНИЦЫН демагогически призывает задуматься: "Кто же больше виноват — эта молодежь или седое Отечество?"

Цель подобных заключительных выводов предыдущих глав отчетливо просматривается в следующей седьмой главе под названием "Машинное отделение", в которой СОЛЖЕНИЦЫН значительное место отводит описанию своего пребывания в лагерях. В частности, рекламируя свою книгу "Один день Ивана Денисовича", как самую правдивую и необходимую, СОЛЖЕНИЦЫН заявляет:

"Если первая крохотная капля правды разорвалась как психологическая бомба — что же будет в нашей стране, когда Правда обрушится водопадами?

А — обрушится, ведь не миновать".

В восьмой главе "К высшей мере", изображая различные периоды применения в истории России в качестве высшей меры наказания — смертной казни, СОЛЖЕНИЦЫН на основе тенденциозно подобранных материалов стремится доказать, что угроза смертью с самого начала служила Советскому государству для психологического и прямого подавления политических противников.

Для подтверждения выдвинутого тезиса он приводит ряд примеров вынесения приговоров по политическим мотивам и утверждает, что эта мера не применялась даже к уголовникам-рецидивистам.

Часть вторая книги носит название "Вечное движение", состоит из 4 глав, в которых рассказывается об условиях перевозки заключенных по различным лагерям, взаимоотношениях политических арестантов и уголовников, подробно поясняется смысл жаргонных слов и кличек.

В этой части СОЛЖЕНИЦЫН так же, как в первой и дальнейших частях, подчеркивает, что различные ухищрения, способы и методы издевательского обращения с заключенным не только заимствованы от дореволюционного времени, но еще более развиты, усовершенствованы

и превращены в уничтожающую и подавляющую личность машину.

Часть третья имеет общее название "Истребительно-трудовые".

В главе первой — "Персты Авроры" СОЛЖЕНИЦЫН вновь утверждает, что основоположником системы концентрационных лагерей и тюрем в СССР являлся В.И.ЛЕНИН. И в частности, он пишет, что ЛЕНИН постоянно требовал ужесточения наказаний. В то же время он проводит параллель с царской Россией, где по его "подсчетам" было, вероятно, всего несколько сотен политзаключенных, а в СССР с момента Великой Октябрьской Социалистической революции до 1959 года — 66 миллионов человек. Указывает, что в период от февраля до октября 1917 года в тюрьмах вообще не было политзаключенных.

В этой же главе СОЛЖЕНИЦЫН с иронией заявляет о том, что система исправительно-трудовых учреждений, находившаяся до июля 1918 года в руках левых эсеров, была через чур[2] либеральна. После подавления мятежа 6 июля 1918 года, который СОЛЖЕНИЦЫН именует "переворотом", вряд ли уступающим 25 октября", руководство системой исправительно-трудовых учреждений перешло в руки большевиков. СОЛЖЕНИЦЫН, описывая процесс создания концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ, в частности, указывает: "Владимир Ильич в телеграмме к Евгении БОШ... написал "всех лиц, находящихся под сомнением (не "виноватых", а под сомнением. — А.С.) помещать в концентрационные лагеря вне города". Далее СОЛЖЕНИЦЫН перечисляет систему исправительно-трудовых учреждений и хронологию их организации. "Можно сказать, что от этой вот Инструкции от 23 июля 1918 г. (через ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ после Октябрьской революции) и пошли лагеря, и родился архипелаг. (Кто упрекнет, что роды были преждевременны?)".

Во второй главе "Архипелаг возникает из моря" СОЛЖЕНИЦЫН описывает историю создания монастырей на Соловецких островах, превращения Соловков в место ссылок и использование Соловецкого острога при Советской власти в качестве лагеря для содержания заключенных. СОЛЖЕНИЦЫН указывает, что Соловецкие лагеря особого назначения практически являлись не местом исправления, а местом уничтожения заключенных. Так он пишет: "...И опять ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ! Эти словечки тоже не всуе поставили, они достойны были словечка "концентрационные". Если прочие лагеря — "ис-

правительно-трудовые", то какое же могло быть назначение ОСОБОЕ? Очевидно, не — без труда. Значит, без исправления. Они исправляют только горбатых. Потому что могила..." "Ротмистр КУРИЛКО, неизвестный по гражданской войне, но, пожалуй, вписавший имя свое в историю всей России как начальник соловецкого режима, каждый новый этап встречает... обращением яростным и пророческим: "Э-эй! Здесь республика — не Совецкая, а Соловецкая! Знайте: присланы вы сюда не для исправления! А для уничтожения!"

Далее в главе автор описывает жестокость и издевательства, которым якобы подвергались заключенные в Соловецких лагерях: "На штрафной Секирной горе обливают водой на морозе и шлют на колокольню со сквозняками, получается — хрустальный покойник. На этой же Секирной горе сажают на жердочку над прудом, и сколько б ни силился человек удержаться, он не петух, сваливается в воду. Еще сажают в жидкую грязь по горло. Еще "ставят на пеньки", это вот что, голого под комаров. Иногда привязывают к дереву, чтобы и отогнать не мог. А то — запрягают лошадь в пустые оглобли, к оглоблям привязывают ноги виноватого, на лошадь садится охранник и гонит ее по лесной вырубке, пока стоны и крики сзади кончатся".

Охрану Соловецких лагерей несли чекисты и заключенные из числа белогвардейских офицеров, так как последним "естественнее держать винтовку, нежели идти под дулом ее... Союз чекистов и белогвардейцев — одно из удивительных соловецких смешений... Такова охранная команда Эйхманса" (начальник лагерей). Описывая условия содержания заключенных в Соловецких лагерях, СОЛЖЕНИЦЫН, со ссылкой на А.П.СКРИПНИКОВУ, замечает, что они, однако, были намного уступчивее и просторнее, чем лагеря 30-х и 50-х годов. В издевательском тоне СОЛЖЕНИЦЫН пишет о приезде А.М.ГОРЬКОГО в Соловецкий лагерь. В сноске автор указывает: "Жалкое поведение ГОРЬКОГО после возвращения из Италии и до смерти я приписывал прежде всего его заблуждениям и не уму. Но недавно опубликованная переписка 20-х годов дает толчок объяснить это ниже того корыстью. Оказавшись в Соренто, ГОРЬКИЙ с удивлением не обнаружил вокруг себя мировой славы, а затем и денег. Стало ясно, что за деньгами и оживлением славы надо возвращаться в Союз и принять все условия. Если это так, то СТАЛИН совершенно зря его убивал: он воспел бы 37-й год".

Глава третья названа “Архипелаг дает метастазы”. В ней автор указывает, что с 1928 года, когда был принят план индустриализации страны, система расширения лагерей приобрела экономический смысл. Если раньше “в стране была безработица и не было погони за рабочими руками заключенных... в канун Года Великого Перешиба изменился и взгляд на архипелаг... Упразднялась безработица в стране, и появился ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СМЫСЛ расширения лагерей”.

СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что 26 марта 1928 года Совнарком признал недостаточной карательную политику в стране и принял решение о РАСШИРЕНИИ ЕМКОСТИ трудовых колоний. Далее автор описывает, как происходило образование все новых и новых лагерей в стране, историю жизни Натана ФРЕНКЕЛЯ, бывшего заключенного, ставшего начальником Беломорстроя и Бамлагстроя. В главе рассказывается о строительстве Беломорско-Балтийского канала, тяжелых условиях труда заключенных, примитивной технике. При этом автор с сарказмом приводит отдельные выдержки из книги “Беломорско-Балтийский канал”, подготовленной группой писателей, побывавших на строительстве. “Нет, несправедливо — эту дичайшую стройку 20-го века, материковый канал, построенный “от тачки и кайла”, — несправедливо было бы сравнивать с Египетскими пирамидами: ведь пирамиды строились с привлечением СОВРЕМЕННОЙ им техники!! А у нас была техника — на 40 веков назад! В том-то душегубка и состояла. На газовые камеры у нас газа не было”, — пишет СОЛЖЕНИЦЫН. По его “подсчетам”, в результате невыносимых условий на строительстве канала погибло несколько сотен тысяч заключенных.

В следующей главе — “Архипелаг каменеет” говорится о том, что, начиная с 1934 года, началось новое расширение системы лагерей и ужесточения режима содержания заключенных. Обусловлено это было якобы тезисом И.В.СТАЛИНА о том, что “отмирание государства придет через максимальное усиление государственной власти”. Вследствие перенасыщенности лагерей заключенными и нехватки жилья, еды, одежды была якобы дана секретная инструкция НКВД относительно уменьшения заключенных. Выполнялась эта инструкция, как пишет СОЛЖЕНИЦЫН, путем ужесточения режима в лагерях, вследствие чего многие заключенные умирали от невыносимых условий жизни, а также расстреливались за провинности, невыполнение плана и т.д. Причем в карательных акциях лагерная администрация зачастую опиралась

на уголовников, которые, по словам СОЛЖЕНИЦЫНА, были признаны лагерными властями "социально близким элементом". Далее СОЛЖЕНИЦЫН пишет о том, что во время войны условия содержания заключенных еще более ухудшились, однако "во время войны вся раковая опухоль архипелага оказалась (или выдавала себя) как бы важным, нужным органом русского тела — она как бы тоже работала на войну! От нее тоже зависела победа".

Указывая на тот факт, что часть заключенных из лагерей отправляли на фронт, СОЛЖЕНИЦЫН пишет: "А награды общеизвестны, их объявили вскоре после войны: дезертирам, жуликам, ворам — амнистия, Пятьдесят Восьмую — в Особые лагеря". В этой же главе описывается история строительства в 1939 году ГУЛЖДС — магистралей для доставки войск и грузов к Финской границе.

Глава пятая — "На чем стоит архипелаг". "Лагеря не просто "темная сторона" нашей послереволюционной жизни. Их размах сделал их не стороной, не боком — а едва ли не сердцем событий. Редко в чем другом наше пятидесятилетие проявляло себя так последовательно, так до конца", — заявляет СОЛЖЕНИЦЫН. СОЛЖЕНИЦЫН считает, что экономическая потребность и счастливо сложившееся теоретическое оправдание привели к организации системы лагерей, пишет о том, что теоретическое обоснование экономической потребности использования принудительного бесплатного труда заключенных было начато еще МАРКСОМ и ЭНГЕЛЬСОМ. Далее СОЛЖЕНИЦЫН приводит четкую параллель между использованием труда заключенных в Советском Союзе и крепостным правом: "Главный смысл существования крепостного права и Архипелага один и тот же: это общественные устройства для принудительного и безжалостного использования дарового труда миллионов рабов" и дает "развернутое обоснование" всех преимуществ крепостного права перед Архипелагом ГУЛага. В этой же главе СОЛЖЕНИЦЫН описывает систему организации заключенных в лагерях и делает вывод, что в конечном итоге она построена на обмане государства и очковтирательстве.

В главе шестой — "Фашистов привезли!" описывается приезд в лагерь в Новом Иерусалиме осужденных по 58-й статье УК. Заключенные уголовники называли заключенных по этой статье фашистами. Один из прибывших — офицер, которому администрация лагеря поручает руководить работой группы заключенных, на собственном опыте убеждается, что это гораздо тяжелее, чем в условиях

фронта командовать батареей. В лагере действуют свои неписаные "законы", против которых бывший офицер оказывается бессильным. Его товарищ — фронтовик, также бывший офицер, АКИМОВ, попробовавший не подчиниться этим законам, был убит уголовниками. Далее СОЛЖЕНИЦЫН описывает амнистию 1945 года, которая распространилась практически на всех уголовников, но не на осужденных по 58-й статье УК. "А потом хотят от народа нравственности", — пишет СОЛЖЕНИЦЫН. В этой же главе СОЛЖЕНИЦЫН описывает изнурительный, бесправный труд заключенных в лагере, отмечает, что на Западе не представляют условий жизни в СССР: "Где-то учатся ровесники наши в Сорбонах и Оксфордах, играют в теннис.., спорят о мировых проблемах в студенческих кафе... сердятся на свои правительства и своих реакционеров, не желающих понять и перенять передовой советский опыт... уверенно судят обо всем на свете, но особенно — о процветании и высшей справедливости нашей страны. Только когда-нибудь к старости, составляя энциклопедии, они с удивлением не найдут достойных русских имен на наши буквы, на все наши буквы..."

Описывая "ужасы" принудительного труда заключенных в лагере, СОЛЖЕНИЦЫН восклицает: "Господи, господи! Под снарядами и под бомбами я просил тебя сохранить мне жизнь. А теперь прошу тебя, пошли мне смерть."

В начале седьмой главы "Туземный быт" СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что "жизнь туземцев (заключенных) состоит из работы, работы, работы; из голода, холода и хитрости... работа эта ОБЩАЯ, та самая, которая из земли воздвигает социализм, а нас загоняет в землю".

Далее описываются различные виды работ в лагере и условия труда заключенных, проводятся сравнения с условиями труда заключенных в царской России, при этом делаются ссылки на произведения ЧЕХОВА, ДОСТОЕВСКОГО, ЯКУБОВИЧА. Здесь же СОЛЖЕНИЦЫН пишет о жизни так называемых "доходяг" — физически ослабленных и морально сломленных заключенных, которые не в состоянии работать, а следовательно получать соответствующую норму питания, и обреченных на медленную голодную смерть. Говоря о работе медицинского персонала в лагере, СОЛЖЕНИЦЫН заявляет, что "в 1932 они были полностью переданы в ГУЛаг (из Наркомздрава) — и стала их цель помогать угнетению и быть могильщиками... кто держал бы эту санчасть на Архипелаге, если б она не служила общей цели?". Многие заклю-

ченные, не выдерживая лагерного режима, занимались членовредительством и, таким образом, будучи инвалидами, оказывались в несколько более лучших условиях, чем остальные. Во многих лагерях заключенные умирали по нескольку десятков тысяч человек в год. "... наваливали как бревна (трупы), а потом покрывали рогожей. Если был аммонал, то особая бригада могильщиков рвала им ямы... Весной из мелких ямок начинает на лагерь пованивать, посылают доходяг углублять. На Оротукане (Колыма) зимою вовсе нельзя было копать — и штабелями трупов обставляли палатки еще живых", — пишет СОЛЖЕНИЦЫН.

Глава "Женщина в лагере" посвящена описанию условий пребывания женщин в заключении. Основная мысль автора заключается в том, что с момента попадания в лагерь женщина становится товаром и в более выгодном положении оказываются те из них, которые вовремя смогут найти себе подходящего человека, который оказывал бы им "покровительство". СОЛЖЕНИЦЫН в качестве примеров приводит судьбы нескольких женщин и стремится доказать, что даже женщины с твердыми моральными принципами вынуждены идти на сожительство с самыми мерзкими типами, чтобы не умереть с голоду или от непосильной работы. В 1948 году было закончено разделение лагерей на мужские и женские, после чего в женских лагерях стала процветать лесбийская любовь. В главе приводятся примеры массовых венерических заболеваний в лагерях, с грубым натурализмом описываются связи мужчин и женщин.

В главе "Туземцы, да не те" рассказывается о так называемых "придурках", то есть заключенных, занятых в лагере на каких-либо хозяйственных работах или работающих прорабами, инженерами, врачами. Эти заключенные, как правило, находятся в значительно лучших условиях по сравнению с остальными, их не выводят на общие работы. Основная мысль, которую проводит СОЛЖЕНИЦЫН в этой главе, заключается в том, что труд заключенных "придурков", пусть даже интеллигентных, все же остается трудом рабским. В ряде случаев заключенные, занятые на работе в ШАРАШКАХ (Научно-Исследовательский институт), по мнению СОЛЖЕНИЦЫНА, своим трудом укрепляли тоже Министерство Внутренних дел и всю общую систему подавления. "Придурки" работяг не объедают... но помогают держать их в угнетенном состоянии", — пишет СОЛЖЕНИЦЫН.

Глава десятая, под названием "Комната уродов", по-

священа рассказу о соседях СОЛЖЕНИЦЫНА по комнате в Московском лагере. Ими были генерал авиации Б., осужденный после возвращения из США, где он находился в составе миссии по закупке военной техники, бывший сотрудник МВД ЗИНОВЬЕВ, осужденный за злоупотребления по службе ("взял не по чину"), врач-невропатолог ПРАВДИН, десятник ОРАЧЕВСКИЙ, бригадир ПРОХОРОВ, инженер-строитель Александр Федорович К. В большинстве эти лица — бывшие руководящие работники — выводятся автором с явной несимпатией, как люди высокомерные, нечистоплотные, получившие незначительные сроки наказания и живущие в лагере в более лучших условиях, нежели остальные заключенные.

В главе одиннадцатой — "Вместо политических" СОЛЖЕНИЦЫН рассматривает вопрос о лицах, привлекавшихся к уголовной ответственности по статье 58-й УК РСФСР. "...У нас нет политических. Установилась всеобщая справедливость. А те, кого сажают... пусть будут ВРАГИ НАРОДА, еще лучше звучит. Если бы счесть всех посаженных по этой статье... то надо будет признать, что впервые в истории НАРОД стал ВРАГ самому себе, зато приобрел ЛУЧШЕГО ДРУГА — тайную полицию". Далее СОЛЖЕНИЦЫН подчеркнуто утрированно описывает несколько случаев привлечения к уголовной ответственности по 58-й статье УК. В лагерях, указывает СОЛЖЕНИЦЫН, также шла политическая борьба. Здесь он приводит цитату из книги И.АВЕРБАХА[3] "От преступления к труду" со своим замечанием, данным в скобках: "Тактика перевоспитания основана на классовом расслоении", "опереться на наиболее близкие пролетариату слои" (а кто ж это близкие!, "да бывшие рабочие", то есть ВОРЫ, вот их-то и натравить на Пятьдесят Восьмую!), "перевоспитание невозможно без разжигания политических страстей" — говорится в книге АВЕРБАХА[3]. В указанной главе СОЛЖЕНИЦЫН на примерах А.БЕЛЕНКОВА[4], группы ГЕРШУНИ и других доказывает, что в Советском Союзе были и настоящие политзаключенные. "Я пишу за Россию безъязыкую и потому могу мало сказать о троцкистах... Они вели регулярную подпольную борьбу в конце 20-х годов с использованием всего опыта прежних революционеров. Не знаю, готовились ли они к тотальной гибели, которую определил им СТАЛИН... Во всяком случае, они были мужественные люди". Заканчивает главу СОЛЖЕНИЦЫН словами: "Нет, политические истинные были. И много. И — жертвенны".

Глава двенадцатая названа "Благонамеренные". В ней

автор рассматривает вопрос о заключенных, ортодоксально настроенных, которые до ареста обычно занимали крупные посты. К этой же категории СОЛЖЕНИЦЫН относит писателей СЕРЕБРЯКОВУ, ДЬЯКОВА, АЛДАН-СЕМЕНОВА. СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что будучи на свободе они имели завидное положение и в лагере именно они яростней всего выбивались приподняться от всеобщего поля: "БОРОТЬСЯ! Бороться из них не пробовал никто". По описанию СОЛЖЕНИЦЫНА эти люди всеми силами стараются устроиться "придурками" — на те места, которые не требуют знаний и которые поспокойнее, подальше от главной лагерной рукопашной. Эти же люди становились стукачами.

Главу тринадцатую "Стук-стук-стук" СОЛЖЕНИЦЫН посвящает "почти единственным глазам и почти единственным ушам ЧК г/б — СТУКАЧАМ". В ЧК они названы секретные сотрудники, в манере тех лет это название сократилось — СЕКСОТЫ. На Архипелаге были свои слова: "в тюрьме — "наседка", в лагере — "стукач". "Вербовка — в самом воздухе нашей страны. В том, что государственное выше личного. В том, что Павлик МОРОЗОВ герой. В том, что донос не есть донос, а Помощь тому, на кого доносим".

В главе четырнадцатой — "Сдавши шкуру, сдай вторую!" СОЛЖЕНИЦЫН описывает различные способы продления заключенным второго лагерного срока, которые всячески изыскивают оперчекисты на "погибель грязных животных".

Глава пятнадцатая — "Менять судьбу!" Этим термином (да еще — "зеленым прокурором") называют зэки побег. Симпатии СОЛЖЕНИЦЫНА на стороне таких заключенных.

Глава шестнадцатая — "ШИЗО, БУРы, ЗУРы". Еще одна из форм сделать заключенного покладистей, отбить у него всякую охоту к побегам:

ШИЗО — штрафные изоляторы,

БУРы — бараки усиленного режима, тюрьмы,

ЗУРы — зоны усиленного режима.

В семнадцатой главе под названием "Малолетки" СОЛЖЕНИЦЫН рассматривает следующую категорию заключенных, юных преступников. По его утверждению, "почти ПОЛОВИНУ всего Архипелага в 1927 году представляла молодежь, которую Октябрьская революция застала в возрасте от **6 до 14 лет**". Комментируя такое

положение, автор заявляет: "Это плохо согласуется с борьбой против пережитков буржуазного сознания, доставшихся нам от старого общества, но цифры есть цифры. Они показывают, что Архипелаг никогда не был беден юностью". Далее СОЛЖЕНИЦЫН заявляет, что в ГУЛАГе из малолеток готовились маленькие упрямые фашисты... "Нельзя было изобрести лучшего способа оскотинения ребенка!" И делает трагический вывод: "... детям тоже сидеть, в свой черед и им отправляться на обетованный Архипелаг". Окончание главы звучит кощунственно: "Да здравствуют дети, хозяева коммунизма! Отзовись та страна, которая так любила бы своих детей, как мы своих!"

В главе девятнадцатой под заглавием "Музы в ГУЛаге" СОЛЖЕНИЦЫН подвергает разбору деятельность КВЧ — культурно-воспитательной части, которая, как ехидствует автор, должна заменить тюремных попов и тюремное богослужение. Далее рисуется следующая картина: начальник КВЧ из вольных подбирал себе воспитателей обязательно из "близких пролетариату слоев", стало быть из воров с двумя-тремя судимостями, да городских мошенников, растратчиков и растлителей. Парни из таких вот зэков сворачивали газетку в трубочку и шли в барак Пятьдесят Восьмой проводить беседы...

Глава двадцатая — "Псовая служба". Речь идет о лагерных распорядителях, о лагерщиках и тюремщиках (сюда же). СОЛЖЕНИЦЫН задает вопрос: а вообще МОЖЕТ ЛИ ЛАГЕРЩИК БЫТЬ ХОРОШИМ? И отвечает: нет! Вот их всеобщие черты: СПЕСЬ, САМОВЛАСТИЕ, САМОДУРСТВО, ЖАДНОСТЬ, СТЯЖАТЕЛЬСТВО, ПОХОТЬ, ЗЛОСТЬ, ЖЕСТОКОСТЬ.

Глава двадцать первая — "Прилагерный мир". Кто живет в нем?

1) Коренные местные жители,
2) ВОХРа — военизированная охрана,
3) лагерные офицеры и их семьи,
4) надзиратели с семьями,
5) бывшие зэки,
6) разные ущемленные,
7) производственное начальство,
8) собственно, вольняшки.

Разряды эти по описанию СОЛЖЕНИЦЫНА смешиваются, встречаются, покупают, продают, ссорятся из-за профсоюзных елочных подарков. Духовные центры их поселков — главная Чайная. В последней главе этой части — "Мы строим" СОЛЖЕНИЦЫН отвечает на собствен-

ный вопрос: выгоден ли государству труд заключенных — лагеря были неповторимо выгодны покорностью рабского труда и его дешевизной.

Глава двадцать вторая — "Мы строим". В главе ставится вопрос — выгоден ли труд заключенных, нужен ли Архипелаг?

СОЛЖЕНИЦЫН расчленяет вопрос на три части:

— оправдывают ли себя лагеря в политическом и социальном смысле?

— оправдывают ли они себя экономически?

— самоокупаются ли они?

На первый вопрос отвечает: лагеря — место, куда можно загонять миллионы для испуга. Выгодны они огромному социальному слою — офицерам и надзирателям.

По мнению автора, набор в лагеря диктовался экономическими замыслами. Беломорканал, Волгоканал, где только заключенные могли работать вручную, в трудных условиях, Джезказган, где по 12 часов в сутки, без масок — сухое бурение, откуда через четыре месяца отправляют человека умирать. "Лагеря были неповторимо выгодны покорностью рабского труда и его дешевизной, нет, даже не дешевизной, а бесплатностью, потому что за покупку античного раба все же платили деньги, за покупку же лагерника никто не платил".

Далее автор в издевательском тоне дает ряд надуманных причин, по которым лагеря не давали возможности осуществить принцип самоокупаемости. В конце главы дается список крупнейших строек — "работ", выполненных заключенными в период с первой пятилетки до, как он говорит, хрущевских времен ("легче перечислить, чем заключенные никогда не занимались").

Глава девятнадцатая "Зэки как нация". Автор считает, что зэки Архипелага составляют КЛАСС общины. Ведь эта многомиллионная группа людей имеет единое (общее для всех них) отношение к ПРОИЗВОДСТВУ (именно: подчиненное закрепление и без всяких прав этим производством руководить), также имеет она единое общее отношение и к РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПРОДУКТОВ. ПРОДУКТОВ труда (именно: никакого отношения, получает лишь ничтожную долю продуктов, необходимую для худого поддержания собственного существования).

Далее он стремится "доказать", что зэки составляют особую отдельную "НАЦИЮ". Общая территория, единый экономический уклад, общность культуры — все эти признаки, определяющие понятие "НАЦИЯ", даются СОЛЖЕНИЦЫНЫМ с издевательскими комментариями, вроде

"культуры мы не можем требовать от ЗЭКОВ, так как они лишены письменности".

Далее в главе дается расшифровка слова "ЗЭКИ", описываются их внешний, характерный для всех, вид, "речевая манера", отношение к "казенной работе", "начальству", "шкале ценностей", подчеркивается при этом, что ЗЭКИ "нацело лишены патриотического чувства", а основным их мерилом всего является "ПАЙКА" — "кусок черного хлеба с подмесями, дурной выпечки, который мы с вами и есть бы не стали".

Главнейшими чертами ЗЭКОВ, говорится в книге, являются:

— неуемный напор,

— изворотливость,

— гибкость поведения,

— скрытность,

— круговая недоверчивость,

— "недальний взгляд" — неспособность мыслить о будущем,

— соблюдение традиций и заповедей зэков,

— душевная уравновешенность, психологическая устойчивость зэков,

— настрой на худшее,

— жизнелюбие,

— суеверие,

— легковерие,

— тайная жажда справедливости, стремление к юмору.

Часть четвертая — "Душа и колючая проволока".

Глава первая — "Восхождение". Основная посылка главы — УГРЫЗЕНИЙ СОВЕСТИ НЕ ЗНАЕТ ГУЛАГ. Воры и бандиты считают свои преступления доблестью. Остальные — что у них преступлений вообще не было — "чистая совесть как горное озеро светит из наших глаз". Отсюда, — пишет СОЛЖЕНИЦЫН, — сознание слитности с народом, в этом, наверное, причина удивительной редкости лагерных самоубийств (приводятся примеры самоубийств, в том числе, среди иностранцев, и истолковываются их причины, основная из которых — "умереть легче, чем жить").

Далее автор пространно размышляет, "как человек становится злым и как добрым", и приходит к выводу: "С тех пор (период отбывания в лагерях) я понял правду всех религий мира: они борются СО ЗЛОМ в ЧЕЛОВЕКЕ (в каждом человеке), с тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных

им НОСИТЕЛЕЙ ЗЛА (впрочем, не разбирая впопыхах — и носителей добра) — само же зло, еще увеличенное, берут себе в наследство".

СОЛЖЕНИЦЫН считает, что, пройдя Архипелаг, он стал "тверже, сильнее мыслями, душу там взрастил". Поэтому, пишет он: "Благословление тебе, неволя! Благословление тебе, тюрьма!"

(Отсюда название главы — "Восхождение").

Глава вторая — "Или растление?" В ней СОЛЖЕНИЦЫН полемизирует с ШАЛАМОВЫМ, заявлявшим, что "в лагерной обстановке... осталась только злоба", однако затем соглашается, что многих лагерь растлевает. У некоторых развиваются такие качества, как ЗАВИСТЬ (бытовиков освобождают по амнистии — ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ ЗАВИДУЕТ), ОБМАН, принцип "чем больше людям делаешь гадости, тем больше тебя будут уважать". В главе приводятся "конкретные примеры": назначение на привилегированные должности бригадиров, учетчиков, нарядчиков и т.п., подчеркивается, что неплохо живется "стукачам". Автор пишет о том, что "сохраняются" в лагере "истые религиозные люди". О них он говорит: "Это какой-то молчаливый крестный ход. Как от пулемета падают среди них — и следующие заступают и опять идут. Твердость, невиданная в XX веке".

Подытоживая главу, автор заявляет: "Не вернее ли будет сказать, что никакой лагерь не может растлить тех, у кого есть устоявшееся ядро, а не жалкая идеология, выбиваемая первым ударом нарядчикова дрына".

Далее в главе поднимается проблема ИСПРАВЛЕНИЯ. "Все судебные системы мира, не одна наша, мечтают о том, чтобы преступники не просто отбывали срок, но исправлялись бы". Автор категорически отрицает такую возможность, "подтверждая" это свое суждение цитатами из произведений ДОСТОЕВСКОГО, ЧЕХОВА, ПИСАРЕВА, некоторых анонимных заключенных. Как итог, приводит слова тюремного инспектора, обращенные к ЧЕХОВУ: "Если в конце концов из ста каторжных выходит 15—20 порядочных, то этим мы обязаны не столько исправительным мерам, сколько судам, присылающим на каторгу так много хорошего надежного элемента".

Глава четвертая — "Замордованная воля".

Описывая бесправие заключенных в ГУЛаге, СОЛЖЕНИЦЫН ставит вопрос: есть ли вообще ВОЛЯ в стране? С пространными комментариями он перечисляет "признаки ВОЛЬНОЙ жизни, которые определялись соседством Архипелага":

— Постоянный страх перед арестом, перед чисткой, заполнением анкеты, увольнением с работы, лишением прописки, высылкой или ссылкой;

— Скрытность и недоверчивость, "заменившие открытое русское радушие, гостеприимство", чему "способствовало невероятное, умонепостижимое стукачество, сотни тысяч оперативников";

— Предательство — как постоянная черта характера. "При постоянном страхе за себя и за свою семью и при постоянном опасении предательства со стороны окружающих каждый человек необходимо склоняется к предательству и сам";

— "Тление" души: "В обстановке многолетнего страха и предательства уцелевшие люди уцелевают только внешне, телесно. Уже не может остаться нравственно непоколебимых, душевно не взбаламученных людей — такие все попадают под топор, такие все отправляются на Архипелаг";

— Отречение — "от отца, от матери — разве те, кто купили себе этим жизнь, еще сохранили частицу души? Тлея заживо — кого они могут теперь породить и воспитать?

Так происходит ОТБОР: все, кто чище и лучше, не могут остаться в этом воздухе. Общество месяц от месяца дряннеет";

— Ложь — как форма существования. "Постоянная ложь становится единственно безопасной формой существования". Люди "должны ГОВОРИТЬ — а что же, как не ложь? Они должны бешено аплодировать — а искренность с них и не спрашивают";

— Жестокость: "А где же при всех предыдущих качествах удержаться добросердечности, как же сохранить доброту? Уже измазавшись в кровушке — ведь потом только жесточеешь, уже теряешь, где эта черта между дурным и хорошим. К тому же жестокость ("классовую жестокость") воспевали и воспитывали. Ну а уж когда высмеяна доброта, высмеяна жалость, высмеяно милосердие — кровью напоенных на цепи не удержишь".

Глава пятая — "Несколько судеб".

По словам автора, судьбы всех арестантов он "распылил", подчиняясь плану книги — контуру Архипелага. В этой же главе он описывает "несколько арестантских судеб целиком".

Автор пространно рассказывает о судьбах некоторых заключенных, длительное время находившихся в местах заключения СКРИПНИКОВОЙ А.П., ЛОЩИЛИНА С.В.,

ФЛОРЕНСКОГО А.Д.[5], КОМОВА В.И. "Может быть, и очень бы сюда бы легла биография какого-нибудь заядлого эмведиста — ГАРАНИНА или ЗАВЕНЯГИНА. Но всего этого мне, очевидно, уже не суждено сделать. Обрывая эту книгу в начале 1967 года, нет, кончая годом позже, не рассчитываю я больше, что достанется мне возвратиться к теме Архипелага. Да уж довольно, мы с ней — 20 лет".

Часть пятая — "Каторга"

Глава первая — "Обреченные"

Автор дает "исторический экскурс" — объясняет, что через 26 лет после революции, отменившей каторгу, СТАЛИН снова ее ввел. Рассказывает о первых каторжных пунктах — Воркута, Норильск, Джезказган. Объясняет цели — "каторжан предстояло умертвить". Подробно описывает быт "каторжан", особо останавливается на женских лагерях, на их составе, причинах, по которым женщины, совершившие предательство в период оккупации, попали в лагеря. Практически оправдывает их действия, относится к ним с симпатией, приводит целый ряд примеров в собственной интерпретации. Рассказывает о некоторых конкретных лицах, их судьбах, с характерным для автора крайне тенденциозным уклоном.

Конец главы посвящен эволюции, касающейся "каторжных" лагерей, причинам, по которым, как автор считает, надобность в них отпала. "Кончилась война, острастка такая уже не была потребна, новых полицаев образоваться не могло, рабочая сила была нужна, а в каторге вымирали зря".

Глава вторая — "Ветерок революции". В ней СОЛЖЕНИЦЫН пространно пишет об изменениях в режиме содержания лиц, осужденных за государственные преступления. Споры с конвоем, изменение отношений "политических" с уголовниками, перерастающее в превосходство над ними, возникновение чувства того, что "вся Россия с нами и что подходит время кончать это заведение". Подробно останавливается на отношении к арестованным из Прибалтийских республик и Западной Украины, полностью оправдывает совершенные ими преступления, заявляя: "Мне так стыдно перед ними, будто посадил их я. Не испорченные, работящие, верные слову, не дерзкие — за что и они втянуты на перемол в наше проклятое колесо".

Передергивая исторические факты, давая присущую ему оценку событиям, заявляет, что мы после Октябрьской революции аннексировали Украину. "Едва пали не-

мцы перед Антантой, за ними пал Гетман, а наших силенок оказалось побольше, чем у Петлюры. (Вот еще ругательство: "петлюровцы". А это были украинские горожане и крестьяне, которые хотели устроиться жить без нас). Мы сейчас же перешли признанную нами границу и навязали единокровным братьям свою власть".

Возвращается к судьбам ряда заключенных, в большинстве своем совершивших преступления во время Отечественной войны, полностью оправдывает их.

Глава третья — "Цепи, цепи..."

Описывает прибытие этапа заключенных в Джезказган, отмечает, что "ветер перемен дул только на сквозняках — на пересылках. Сюда, за высокие заборы Особлагов, он не задувал". Подробно рассказывает о введении наручников, которые "из предохранителя, сковывающего действия, превращались (благодаря их конструкции) в орудия пытки".

Описывает меры, предпринимаемые по охране заключенных в Особлагах, особенности БУРов (лагерных тюрем), говорит о том, что в этих лагерях "совершенно откровенно заимствовали ценный гитлеровский опыт с НОМЕРАМИ: заменить фамилию заключенного, "Я" заключенного, личность заключенного — номером". Подробно описывает быт заключенных в такого рода лагерях, меры наказания за нарушение ими лагерного распорядка, режим, который "был рассчитан на полную глухость: на то, что отсюда никто никому не пожалуется, никто никогда не освободится, ничто никуда не вырвется".

По словам автора, характерным для этих лагерей являлось жестокое обращение с заключенными. Побои — "коменданты и бригадиры бить могли всласть и с полного одобрения начальства. Начальство мало огорчалось, если, скажем, зимний этап замерз по дороге, уцелевшие забили все палаты и проходы санчасти, гнили заживо с отвратительной вонью и доктор КОЛЕСНИКОВ ампутировал десятки рук, ног и носов".

В деталях описывается лагерь в Спасске, где "было около 15 тысяч зэков обоего пола", тяжелейшие условия работы в нем, когда "в мороз, почти не одетые, орудовали над камнем с огромным молотком". "Еще не знал Спасск медикаментов и постельных принадлежностей". Характерным для лагеря, по словам автора, была большая смертность." Даже в летние благополучные месяцы 1949 года умирало по 60—70 человек в день, а зимой — по сотне".

Подчеркивается, что "все это было в 1949 году, после

того, как все человечество узнало об ужасах фашистских лагерей и вздохнуло с облегчением: "Это не повторится!"

Приводятся примеры сопротивления отдельных заключенных установленному порядку поведения и меры к их пресечению, причем в обычном для автора стиле, в самых черных красках.

Глава четвертая — "Почему терпели?"

Основное содержание главы сводится к стремлению автора показать разницу между правосудием при царизме и "репрессиями" в социалистическом обществе.

Приводится целый ряд примеров, которые, по мысли литератора, должны показать, что при царизме практически отсутствовали репрессии за совершение преступлений против строя. В частности, автор пишет: "Все СОЛДАТЫ, стоявшие в декабристском каре, были объявлены невиновными, не несли наказания". Тут же, в примечании, указывается, что "в Новочеркасске в 1962 году солдаты части, НЕ ВОССТАВШЕЙ, а лишь ОТКАЗАВШЕЙСЯ СТРЕЛЯТЬ В ВОССТАВШИЙ НАРОД — сосланы в дисциплинарный батальон в Якутию". Далее указываются фамилии некоторых революционеров — ОЛЬМИНСКОГО, СПИРИДОНОВОЙ, ИВАНОВА-РАЗУМНИКА, а также ГОРЬКОГО и других, которые за антиправительственную деятельность были осуждены лишь к незначительным срокам наказания и имели возможность продолжать ее дальше. Одновременно даются предполагаемые (самые высокие) сроки наказания, которые грозили бы этим людям после Октябрьской революции. И как итог этого общего тезиса, заявление автора — "Устами СТАЛИНА раз и навсегда призвали страну ОТРЕШИТЬСЯ ОТ БЛАГОДУШИЯ".

Автор задает вопрос: каковы же причины того, что народ терпит "многомиллионное беспричинное уничтожение?" По его мнению, все дело в том, что "не было общественного мнения НА ВОЛЕ".

Глава пятая — "Поэзия под плитой, правда под камнем".

Сравнением режима мест заключения при царизме и в системе ГУЛАГа делается попытка показать, что "либерализм" царских тюрем позволял политзаключенным писать то, что они хотят, иметь для этого "тишину, стол, чернила, бумагу и шмонов не было..." "У нас так не попишешь! ПАМЯТЬ — это единственная ЗАНАЧКА, где можно держать написанное, где можно проносить его сквозь обыски и этапы". Подробно останавливается на методах, которыми он и другие заключенные пользова-

лись для того, чтобы конспиративно писать и хранить написанное.

Далее перечисляет фамилии ряда заключенных, давая им достаточно пространные характеристики, которые так же, как и он, увлекались поэзией и писали стихи, объясняет причины, по которым они были арестованы, вновь стремится показать, что их арест и осуждение — результат недостатков социалистической системы.

Глава шестая — "Убежденный беглец".

Дает "понятие" термина "убежденный беглец", объясняет, что это "тот, кто ни минуты не сомневается, что человеку жить за решеткой нельзя".

Это "тот, кто знает, на что идет. Кто видел и трупы застреленных беглецов, для показа разложенных у развода. Кто видел и привезенных живыми — синекожего, кашляющего кровью, которого водят по баракам и заставляют кричать: "Заключенные! Смотрите, что со мной! Это же будет и с вами!" Кто знает, что чаще всего труп беглеца слишком тяжел, а поэтому приносят в вещмешке только голову пойманного".

Это "тот, против которого вмуровывают решетки в окна, против которого обносят зону десятками нитей колючей проволоки, воздвигают вышки, заборы, расставляют секреты, засады, кормят серых собак багровым мясом".

Далее автор подробно и многословно дает историю попыток побегов одного из заключенных Г.ТЕННО[6], бывшего морского офицера, с которым он встретился в лагере.

Заканчивая главу, автор пишет: "А дальше пусть сам ТЕННО рассказывает".

Глава седьмая — "Белый котенок".

(рассказ Георгия ТЕННО)

Продолжается подробное описание совместного с другим заключенным побега ТЕННО — уход с территории лагеря, трудности перехода по степи без воды и питания, встречи с казахскими семьями, у которых заключенные отбирали лошадей, питание. Особенно подробно автор останавливается на встрече с двумя прохожими, у которых заключенные хотели отобрать документы и деньги, а затем убить их. Стремясь показать благородство заключенных, вскрыть динамику их переживаний, автор приводит диалог ТЕННО со встретившимися людьми, в ходе которого появляется маленький белый котенок. "Он выпрыгнул из лодки, мурлычет и трется о мои ноги. Он не знает моих мыслей. И от этого котячего прикосновения

я почувствовал, что воля моя надломилась... Не могу я убить простых работяг, не могу отнять последние деньги". Заканчивается глава описанием поимки ТЕННО и новым судом над ним.

В целом глава, как и предыдущие, выдержана в крайне враждебном нашему строю тоне.

Глава восьмая — "Побеги с моралью и побеги с инженерией".

Делается попытка дифференцированного подхода к побегам из обычных исправительно-трудовых лагерей и Особлагов, исходя из задач и контингентов лиц, содержащихся там.

"На побеги из ИТЛ вершители ГУЛАГа смотрели, видимо, примиренно. Они понимали их как явление стихийное, как бесхозяйственность, неизбежную в слишком обширном хозяйстве, — подобно падежу скота, утоплению древесины, кирпичному половняку вместо целого... Не так было в Особлагах. Выполняя особую волю Отца Народов, лагеря эти оснастили многократно — усиленной охраной и усиленным же вооружением на уровне современной мотопехоты... Здесь уже не содержали СОЦИАЛЬНО-БЛИЗКИХ, от побега которых нет большого убытка. При самом основании Особлагов было заложено в их инструкции, что побегов из этих лагерей вообще БЫТЬ НЕ МОЖЕТ, ибо всякий побег здешнего арестанта — все равно, что переход госграницы крупным шпионом, это политическое пятно на администрации лагеря и на командовании конвойными войсками. Именно с этого момента Пятьдесят Восьмая стала получать сплошь уже не ДЕСЯТКИ, а ЧЕТВЕРТНЫЕ, то есть потолок уголовного кодекса.

И людей-то погнали в эти лагеря не тех — рассуждавших, как в свете Единственно Верной Теории оправдать произвол лагерного начальства, а крепких здоровых ребят, проползавших всю войну, у которых пальцы еще не разогнулись как следует после ручных гранат. Они оказались и безоружные достойны мотопехотной техники нового регулярного конвоя".

Далее в главе приводится ряд примеров побегов, совершенных из Особлагов. Общая линия, проводимая автором при описании побегов, — стремление доказать, что они пользовались поддержкой подавляющего большинства населения.

Дается подробное описание лагерей в Экибастузе, особо обращается внимание на попытку побега оттуда в 1951 году группы заключенных (описывается подготовка к по-

бегу, техническое решение его, опять выводится фигура ТЕННО, как одного из руководителей этого побега, поимка бежавших, их жестокое избиение).

Заключает автор главу следующей фразой: "Если мне могут теперь указать побеги русских революционеров XIX или XX века с ТАКИМИ трудностями, с таким отсутствием поддержки извне, с такой беззаконной карой пойманных — пусть назовут! И после этого пусть говорят, что мы — не боролись".

Глава девятая — "Сынки с автоматами".

С позиций автора в главе дается полное описание задач, стоявших перед охраной лагерей, раскрывается принцип воспитания солдат в духе ненависти к заключенным и как результат — их жестокость, доходящая до неоправданных расстрелов заключенных.

"Любой из них волен убить любого из нас. Они все время смотрят на нас, им по уставу все время надо смотреть на нас. Они должны пресечь выстрелом наше каждое движение и шаг... Эти сынки все время смотрят на нас — и из оцепления, и с вышек, но ничего им не дано знать о нас, а только право дано: стрелять без предупреждения".

"Их сочувствие к нам карается как измена родине, их желание с нами поговорить — как нарушение священной присяги... И зачем говорить, когда придет политрук и прочтет машинописные бумажки о злодеяниях, за которые мало всех печей Освенцима. Он никогда не расскажет мальчикам, что люди тут сидят и просто за веру в Бога, и просто за жажду правды, и просто за любовь к справедливости. И еще ни за что вообще. Вся сила этих мальчиков в их незнании. Вся сила лагерей — в этих мальчиках. Краснопогонниках. Убийцах с вышек и ловцах беглецов... Формируются мальчики, которые упавшего беглеца стараются бить ногой непременно в голову. Те, кто у седого старика в наручниках выбивают ногою хлеб изо рта..."

Далее перечисляется ряд случаев убийств заключенных в лагерях, цитируются письма одного из бывших солдат охраны, который впоследствии стал переписываться с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ и раскрыл ему содержание секретных документов, регламентирующих действия охраны.

Глава десятая — "Когда в зоне пылает земля".

В главе речь идет о мятежах и восстаниях в лагерях, "участники которых уничтожены, дальние свидетели перепуганы, донесения подавителей сожжены или скрыты за двадцатью стенками сейфов".

Описывается "ретюнинский" (по имени главаря) мятеж в 1942 году, когда двести человек разоружили конвой и "с лошадьми ушли в леса партизанить. Их перебили постепенно", восстание 1948 года на строительстве железной дороги Салехард — Сивая Маска, где мятеж возглавили бывшие офицеры-власовцы, красновцы, причем описываются они СОЛЖЕНИЦЫНЫМ с особой симпатией и теплотой. Дается мятеж в лаготделении Нижний Атурях в 1949 году, подавленный войсками и танками.

Подытоживая тему, автор высказывает следующее: "Военная безнадежность восстания очевидна. Но кто скажет, что НАДЕЖНЕЕ было медленно доходить и умирать".

В связи с этим поднимается другая тема — тема объединения "многотысячных масс" в Особлагах, в результате чего "скисли блатные — в лагере не стало воровства, кажется, мелочь? Нет, огромно! Люди без подозрения и с симпатией посмотрели на своих соседей". Таким образом, по мнению автора, рухнула вся система, основанная на РАЗЪЕДИНЕНИИ недовольных. "Начинает отмирать вся прежняя лагерная психология", люди, по автору, постепенно привыкают к мысли о борьбе за справедливость, пространно объясняется, в чем смысл этой борьбы. "Смелая мысль, отчаянная мысль, а как сделать, чтобы НЕ МЫ ОТ НИХ бежали, а ОНИ побежали ОТ НАС. Довольно только задать этот вопрос, и окончилась в лагере эпоха побегов, и началась эпоха мятежей".

Далее даются следующие рецепты, "с чего ее (эпоху мятежей) начинать":

— стукачей надо убивать, а вместе с ними и других подлецов — заведующих столовыми, поваров и т.д.

"Убийства в лагерях стали НОРМОЙ. В этом жутком спорте ушам заключенных слышался подземный гонг справедливости". Перечисляется целый ряд примеров подобных убийств. В результате "отказал работать тот самый осведомительный аппарат, на котором только и зиждилась слава всемогущих и всезнающих ОРГАНОВ". Снова целым рядом примеров пытается подтвердить свой тезис о том, что "не мы побежали! — ОНИ побежали! Небывалое, невозможное на земле время: человек с нечистой совестью не может спокойно лечь спать!"

Глава одиннадцатая — "Цепи рвем на ощупь".

Развивается тема сопротивления органам власти. "Говорили мы теперь вслух, без оглядки, все, что хотели... Какие же другие ПОЛИТИЧЕСКИЕ требования мы могли выставить?" Перечисляет их:

— пересмотр дел и сроков;
— держать открытыми ночью бараки;
— снять номера;
— платный труд;
— разрешение писать двенадцать писем в год;
— восьмичасовой рабочий день.

"Обдумывались и ПУТИ — как выступить? Что сделать? Ясно было, что голыми руками мы ничего не сможем против современной армии, и потому путь нам — не вооруженное восстание, а забастовка". Пространно описывает, как готовилась забастовка, действия администрации по ее срыву и, как итог, все же восстание, которое было подавлено с помощью пулеметов — убитые и раненые до 20 человек. Продолжая описание действий заключенных, автор с удовольствием пишет о забастовке-голодовке, последовавшей вслед за перечисленными событиями, переговорах, предпринятых администрацией, о ее попытках вынудить заключенных принять пищу и выйти на работу. Описание этого составляет около 20 страниц. В конце концов — многочисленные аресты заключенных и вывоз их в тюрьму, этап в другие лагеря, в результате чего забастовка была ликвидирована, о чем автор откровенно сожалеет. Далее, в главе излагается ряд уступок заключенным со стороны администрации лагеря.

Глава двенадцатая — "Сорок дней Кенгира".

Действие главы относится к периоду смерти И.В.СТАЛИНА, когда "что-то неведомое в подземелье стало сотрясаться, сдвигаться, пошел гул нарастающий — и с жестяным грохотом, как пустое ведро, покатила кубарем еще одна ЛИЧНОСТЬ — с самой верхушки лестницы и в самое навозное болото". С антисоветских позиций дается объяснение амнистии лицам, осужденным за уголовные преступления, рассказывается о впечатлении, произведенном арестом БЕРИЯ, "который озадачил всех — и заключенных и охрану".

Возвращаясь к событиям, происшедшим за год до смерти СТАЛИНА, автор перечисляет целый ряд случаев, когда охраной были застреляны заключенные, и переходит к так называемому кенгирскому мятежу.

Пространно, с восторгом автор описывает конвенцию, заключенную между "ворами и политическими", согласно которой "первые должны были начать мятеж, поскольку "начинателей", если они из Пятьдесят Восьмой, подвешивают потом в веревочных петлях, а если они воры — только журят на политбеседах".

Описывается ход мятежа, когда "воры" заняли ряд административных помещений лагеря, а затем к ним присоединились "политические" и женские бараки. Много места уделено описанию переговоров с администрацией, тому, что, "испытывая недостаток карательного состава, командование ввело в женскую зону "чернопогонников" — солдат строительного батальона. Однако они ОТКАЗАЛИСЬ ОТ НЕСОЛДАТСКОГО ДЕЛА! — И пришлось их увести".

"Сложность обстановки 1954 года заставила администрацию мяться... Если бы это все свершилось (мятеж) на два года раньше, то лагерные хозяева не стали бы медлить и отдали бы известный приказ — "патронов не жалеть" и с вышек перестреляли бы всю толпу. И надо ли было бы при этом уложить все восемь тысяч или только четыре — ничто бы в них не дрогнуло, потому что они были несодрогаемые".

Подробно описывается ход мятежа и его подавление. "Танки давили всех, попадавшихся на дороге... Танки наезжали на крылечки бараков, давили там... Танки притирались к стенам бараков и давили тех, кто виснул там, спасаясь от гусениц... Опер БЕЛЯЕВ в это утро своею рукой застрелил десятка два человек... Убитых и раненых было: по рассказам — около шестисот, по материалам производственно-плановой части кенгирского отделения — более СЕМИСОТ".

Часть седьмая — "СТАЛИНА нет".

Глава первая — "Зэки на воле".

В этой главе СОЛЖЕНИЦЫН на нескольких примерах прослеживает судьбы бывших заключенных, оказавшихся на свободе. СОЛЖЕНИЦЫН пытается доказать, что даже те из них, кто был реабилитирован, все равно подвергаются преследованиям со стороны официальных властей. Им якобы чинятся препятствия при устройстве на работу, в вопросах прописки и т.д. Так, СОЛЖЕНИЦЫН пишет: "У нас ведь ПРАВА нет, закона нет, да и человека нет — есть документ!.. Находишься по воле — наплачешься вдоволе". Самым лучшим выходом для заключенных, утверждает СОЛЖЕНИЦЫН, "было — выйти за ворота лагеря и тут же остаться".

Глава вторая — "Читают "Ивана Денисовича".

Глава состоит из двух частей, в которых дается оценка повести "Один день Ивана Денисовича" бывшими заключенными (часть I) и бывшими работниками органов МВД (часть II), а также комментарий самого СОЛЖЕНИЦЫ-

НА. В заключение главы СОЛЖЕНИЦЫН сравнивает работников органов внутренних дел и госбезопасности, работавших в лагерях и проводивших следствие по делам, с гитлеровскими военными преступниками, возмущается, почему их не судят так же, как фашистских убийц. "Для чего Германии дано наказать своих злодеев, а России — не дано? Что же за путь будет у нас, если не дано нам очиститься?.. Боже мой! Неужели и вся наша страна обречена погибнуть в этой скверне, гниющей в ней?!.."— пишет СОЛЖЕНИЦЫН.

В главе третьей — "Кто это теперь через плечо" СОЛЖЕНИЦЫН резко критикует авторов повестей на лагерную тему (Б.ДЬЯКОВА, Г.СЕРЕБРЯКОВУ, Г.ШЕЛЕСТА, АЛДАН-СЕМЕНОВА, И.ЧИЧЕРОВА), упрекает их в том, что они якобы не написали истинной правды о лагерях, а всего лишь выполнили то, что от них ждали власти. По существу издеваясь над книгами этих авторов, СОЛЖЕНИЦЫН делает попытку обвинить в имевших место нарушениях законности КПСС, при этом с сарказмом заявляет: "Лагеря-то, оказывается, были не от Советской власти, не от Партии! Наверное, и суды были — не советские... Вот тебе раз!". "У АЛДАН-СЕМЕНОВА: "Хвала Партии — это она уничтожила лагеря!" Да уничтожила ЛИ?.. Не осталось ли чего?.. И потом — КТО их СОЗДАЛ, лагеря?.. Молчат", — пишет СОЛЖЕНИЦЫН. Пытаясь опровергнуть И.ЧИЧЕРОВА, написавшего в своей повести, что заключенные коммунисты тайно устраивали в лагерях партийные собрания, СОЛЖЕНИЦЫН с нескрываемой злобой говорит: "Вот только о чем единственном могли быть партийные собрания в лагерях: как НАШИМ людям захватить все придурочьи места и уцелеть, а не-наших, не коммунистов — спихнуть, и пусть сгорают в ледяной топке лесоповала, задыхаются в газовой камере медного рудника!"

Глава четвертая — "Статьи меняются, Архипелаг остается".

Основная мысль, высказанная СОЛЖЕНИЦЫНЫМ в этой главе, заключается в том, что с 1953 года положение в исправительно-трудовых учреждениях ничуть не изменилось, наоборот, во многих отношениях оно ухудшилось. В главе описывается система исправительно-трудовых учреждений после 1953 года, приводятся в качестве примеров письма ряда заключенных, а также рассказывается о "попытках" автора доказать несправедливость существующей системы исправительно-трудовых учреждений.

СОЛЖЕНИЦЫН описывает свои визиты и беседы с членами комиссии законодательных предположений Верховного Совета СССР, бывшим Министром Внутренних Дел РСФСР ТИКУНОВЫМ В.С., бывшим директором Института изучения причин преступности КАРПЕЦОМ И.И. Говоря о якобы несовершенстве законов и преступности в стране, СОЛЖЕНИЦЫН заявляет: "Политических распустили (имеется в виду освобождение осужденных по 58-й статье УК) — а БЫТОВИКОВ кто же напек? Не производственные ли отношения? Не СРЕДА ли?.. Не ВЫ ли?.. Так к свиньям собачьим надо было отбросить космическую программу!.. Хотя бы сесть да затылок почесать:... Почему наши лучшие в мире законы отвергаются миллионами наших граждан?.. Да, может, законы наши — не те, что надо?.. Ну, КОНЧАТЬ Архипелаг — надо или нет? Или он — НАВЕКИ? Сорок лет он гнил на нашем теле — хватит? Нет, оказывается! Нет, не хватит! Мозговые извилины напрягать лень, а в душе вовсе ничего не отзванивает. Пусть Архипелаг еще на сорок лет останется, а мы займемся Асуанской плотиной и воссоединением арабов!"

Глава пятая — "Закон сегодня".

В этой главе СОЛЖЕНИЦЫН с резко антисоветских и клеветнических позиций рассматривает вопрос об органах суда и прокуратуры, о Советском законодательстве. В главе приводится ряд примеров, конкретных лиц, которые, по мнению СОЛЖЕНИЦЫНА, необоснованно привлечены к уголовной ответственности уже в шестидесятые годы. В особенности много приводится рассуждений о якобы имеющихся преследованиях за веру. В заключение главы СОЛЖЕНИЦЫН пишет: "Я назвал эту главу "Закон сегодня". А назвать бы было ЗАКОНА НЕТ. Мы живем по-прежнему в стране без закона, без права, без правосудия".

Послесловие.

В послесловии СОЛЖЕНИЦЫН пишет, что создавалась эта книга с большим трудом, так как приходилось быть осторожным, что "книга не имеет высоты настоящего исторического исследования". СОЛЖЕНИЦЫН сожалеет, что писал эту книгу один, а не с другими людьми, которые в свое время отбывали заключение в лагерях. Заканчивается послесловие словами: "Я кончаю ее (книгу) в знаменательный дважды юбилейный год (и юбилеи-то связанные): 50 лет революции, создавшей Архипелаг, и

100 лет от изобретения колючей проволоки (1867). Второй-то юбилей небось пропустят..."

Верно: Начальник управления КГБ
при СМ СССР (БОБКОВ)

9/IX-73 г.

Ф.3, оп.80, д.646, л.47—81. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подписи М.Суслова, А.Косыгина, Н.Подгорного, А.Кириленко. Копия аннотации романа "Архипелаг Гулаг" была направлена повторно в ЦК КПСС Ю.Андроповым 3 января 1974 г. с сопроводительным письмом № 15-А и разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 3 января 1974 г. за № П11
[2]Так в тексте документа
[3]Так в тексте документа, правильно И.Авербах
[4]Так в тексте документа, правильно А.Белинков
[5]Так в тексте документа, правильно Флоренского П.А.
[6]Так в тексте документа, правильно Г.Тэнно

№ 101

ИНФОРМАЦИЯ ОБЩЕГО ОТДЕЛА ЦК КПСС "О письмах трудящихся в связи с антисоветскими заявлениями А.Сахарова и А.Солженицына"[1]

10 сентября 1973 г.

ЦК КПСС

В Центральный Комитет партии поступают письма трудящихся, в которых гневно осуждаются действия академика Сахарова, а также Солженицына, направленные на дискредитацию советского государственного строя, внешней и внутренней политики СССР. Особенно глубокое возмущение вызвали у миллионов граждан высказывания А.Сахарова против активных и плодотворных действий Советского Союза по разрядке международной напряженности и закреплению положительных сдвигов, достигнутых в этом направлении за последнее время. Авторы писем единодушно отмечают, что Сахаров и Солженицын в своих действиях смыкаются с наиболее реакционными империалистическими кругами, потеряли право называться советскими гражданами, клеймят их позором, как предателей интересов народа, и требуют принятия решительных мер по пресечению их враждебной деятельности.

По поручению группы рабочих сборочного цеха 2-го Государственного подшипникового завода в ЦК КПСС обратился ударник коммунистического труда т.Кочура. Он пишет: мы, рабочие люди, крайне удивлены и возмущены действиями академика Сахарова. Нам трудно понять, каким образом советский ученый встал на путь предательства интересов нашей социалистической Родины в деле борьбы за мир и безопасность на Земле. С кем вы, академик Сахаров? Трудящиеся, в том числе мы, рабочие, помогли вам подняться к вершинам науки, чтобы вы со своей стороны способствовали еще более быстрому росту материальных и культурных ценностей в нашей стране. Почему же вы отвечаете на это черной неблагодарностью? Если ваши действия глубоко осмыслены и преднамерены, то вы наш враг и не имеете никакого права носить высокое звание академика. Запомните раз и навсегда, что мы не позволим клеветать на нашу советскую действительность. И никакие самые грязные вымыслы не смогут затмить наши успехи в борьбе за мир и дружбу между народами.

Рабочие Кишиневского тракторного завода т.Журавлев и другие заявляют: нас особенно радуют крупные успехи, достигнутые за последнее время в осуществлении Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС. В результате предпринятых Центральным Комитетом партии и Советским правительством мер на международной арене происходит переход от политики "холодной войны" к нормализации отношений между социалистическими и капиталистическими странами на основе ленинских принципов мирного сосуществования.

Мы хорошо знаем, продолжают авторы письма, какой большой вклад в достижение разрядки международной напряженности внес лично Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л.И.Брежнев. Его визиты в ФРГ, США, Францию, в итоге которых заключена целая система договоров и соглашений, закладывают фундамент перестройки международных отношений, отодвигают угрозу новой мировой войны, ведут к торжеству мира на земле. Эту политику приветствует все прогрессивное человечество. С тем большим возмущением мы узнали о том, что академик Сахаров солидаризируется с реакционными империалистическими кругами, выступающими против укрепления мира между народами, клевещет на нашу партию, на нашу Советскую Родину. Сахаров потерял лицо советского ученого, и мы клеймим его позором.

С каждым днем хорошеет и расцветает наша Совет-

ская Латвия, все республики нашей многонациональной Родины, отмечает т.Капуста из г.Риги. И особенно дорого становится все то, что мы завоевали своим трудом, своей кровью. Изо дня в день растет и укрепляется авторитет СССР в мировом масштабе. Всему миру известна миролюбивая внешняя политика Советского государства, его борьба против гонки вооружений, за мирное сосуществование между странами с различным общественным строем. И как низко и подло на этом фоне выглядят измышления и стремления очернить достижения Советского Союза, его героического народа. Если изменником (иначе его не назовешь) становится академик, ученый, которому созданы такие условия для творческой работы, о которых в капиталистическом мире могут только мечтать, то вдвойне обидно и стыдно становится за этого человека.

В судебном процессе по делу Якира и Красина, говорится далее в письме, неоднократно упомянуто имя академика Сахарова, материалы которого для своей антисоветской пропаганды использовали подсудимые. Грубые искажения советской действительности поставили Сахарова в один ряд с врагами нашей Родины, выступающими против линии Коммунистической партии. Такой человек заслуживает презрения и ненависти всех честных людей, заслуживает того, чтобы его лишили всех наград и званий, чтобы освободили от всех занимаемых должностей, заслуживает строгого наказания и кары по нашим советским законам. И еще заявляю: "Нет, сахаровы, солженицыны и прочие, зря стараетесь, не столкнуть вам нас с пути строительства коммунизма, не повернуть вам колесо истории назад, нет такой силы и не будет!"

Токарь московского завода "Красный пролетарий" т.Рыбаков, выражая отношение к поступкам академика Сахарова, также подчеркивает, что своими заявлениями западным журналистам он предал наши идеалы и занял враждебную позицию. Принятая XXIV съездом партии Программа мира, продолжает автор письма, важна и необходима на современном этапе не только для советского народа, но и для народов всего мира. Среди нас, советских людей, среди рабочего класса и трудового крестьянства нет таких, кто бы не разделял курса нашей партии, Советского правительства на разрядку международной напряженности. Мы, рабочие, с гневом осуждаем враждебные заявления академика Сахарова и клеймим позором этого отщепенца. Как и все советские люди, мы приложим все силы в борьбе за счастливое будущее нашего народа, за мир на земле, за коммунизм.

В письме Героя Социалистического Труда, бригадира колхоза "Ленинский путь" Молдавской ССР т.Таукчи говорится: люди мира облегченно вздохнули, сердечно приветствуя последние результаты мирной политики КПСС и Советского правительства. И вот академик Сахаров выступает против разрядки международной напряженности. Его заявления глубоко чужды интересам простого человека. По существу они на руку реакционным империалистическим кругам.

Поступающие в ЦК КПСС письма свидетельствуют, что поведение А.Сахарова и А.Солженицына вызвало волну глубокого возмущения в среде советской интеллигенции, особенно ученых. О полной поддержке принципиальной позиции членов Академии наук СССР, осудивших антисоветское поведение академика Сахарова, заявляют, в частности, ученые Института философии АН СССР. В их письме отмечается: советские философы своими исследованиями стремятся внести вклад в общее дело нашего народа, который вместе с Коммунистической партией ведет строительство общества нового типа, где создано все для свободной и счастливой жизни людей. Мы знаем, в каких сложных условиях ведется идеологическая борьба в современном мире, и те клеветнические нападки, с которыми выступает Сахаров на наше государство, наносят большой ущерб делу коммунистического строительства и миролюбивой политике Советского правительства. Такое поведение вызывает справедливое чувство негодования и осуждения.

Профессорский и преподавательский состав Таллинского политехнического института, говорится в телеграмме, присланной ректором т.Аарна и секретарем парткома т.Хийре, возмущен недостойным поведением академика Сахарова. Коллектив института считает, что такое поведение оскорбляет патриотические чувства советского человека и противоречит принципам этики советского ученого.

Поступило коллективное письмо и от работников Института социологических исследований Академии наук СССР. Они заявляют: советские социологи оскорблены поведением академика А.Д.Сахарова. В его писаниях, не первый год распространяемых западной прессой и эмигрантским отребьем, содержится явная клевета на общественный и государственный строй нашей страны, на образ жизни советских людей. В последнем своем заявлении Сахаров прямо выступает против внешней политики нашей партии и Советского государства, направленной на

разрядку напряженности международных отношений, на упрочение мира. Сахаров смыкается с наиболее реакционными империалистическими кругами, стоящими на позициях оголтелого антисоветизма. Мы полностью осуждаем, подчеркивается в письме, деятельность Сахарова, порочащую имя советского ученого и честь Академии наук СССР, членом которой он пока что состоит.

Прочитав письмо членов Академии наук СССР, опубликованное в "Правде" 29 августа с.г. относительно недостойного поведения академика А.Д.Сахарова, мы выражаем полное согласие с позицией его авторов, заявляют профессора МВТУ им.Баумана. Нас возмущают выступления академика Сахарова против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности, против курса на мирное сосуществование стран с различными общественными системами, против тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время. Советские ученые всегда вместе со своим народом и Коммунистической партией боролись и борются за высокие идеалы коммунизма, за мир и дружбу между народами, активно работают над созданием материально-технической базы коммунизма, над улучшением жизни трудящихся. Действия академика Сахарова идут вразрез с борьбой всех советских людей за мир, за счастье, за светлое будущее всего человечества. Мы надеемся, что академик Сахаров серьезно задумается над своими действиями и сделает правильные выводы.

Композиторы т.т.Ревуцкий, Майборода, Мейтус и другие пишут: выражаем глубокое возмущение поведением Сахарова и Солженицына, позволивших себе порочить политику Советского Союза, родной Коммунистической партии, которая направляет свои усилия на разрядку международной напряженности, на мирное сосуществование стран с разными общественными системами. Последовательное осуществление задач, поставленных XXIV съездом КПСС, горячо поддержанных советским народом, всеми прогрессивными силами мировой общественности, открывает широкие горизонты для всесторонней творческой и созидательной деятельности во имя мира, гуманизма и прогресса. Тем удивительнее звучат злобные выпады Сахарова и Солженицына против политики нашего государства, нашей социалистической Родины. Их писания смыкаются с вражеской реакционной империалистической позицией. Эта позиция — сродни предательству.

Мне стало известно, говорится в письме Героя Социалистического Труда, директора школы-интерната

т.Спурга (Литовская ССР), что в последние годы академик Сахаров своим поведением порочил имя гражданина Советского Союза. Выступая в зарубежной печати, он высказался против линии нашей партии и государства и ищет связей с реакционными империалистическими кругами. Мы, педагоги, и нами воспитуемая молодежь от всей души поддерживаем внутреннюю и внешнюю политику, проводимую Политбюро ЦК нашей родной Коммунистической партии и правительством. Мы и впредь будем прилагать все свои знания и усилия к тому, чтобы воспитать подрастающее поколение в духе патриотизма и преданности коммунистическим идеалам, в духе интернационализма. Я выражаю свое глубокое возмущение деятельностью академика Сахарова, порочащей честь советского ученого.

Кинорежиссер т.Левчук (г.Киев) телеграфирует: прочитал в газетах гневные письма ученых, писателей, рабочих по поводу поведения академика Сахарова. Не могу сдержать своего глубокого возмущения Сахаровым, Солженицыным — клеветниками на наш государственный и общественный строй. Они вызывают презрение и осуждение, как люди, потерявшие честь и совесть. Только враги мира, провокаторы войны могут выступать против миролюбивой политики нашего государства, за продолжение "холодной войны". Полностью присоединяюсь к мнению писателей и ученых.

В ряде поступивших в Центральный Комитет писем и телеграмм выражается недоумение в связи с тем, что лица, подобные А.Сахарову и А.Солженицыну, на протяжении длительного времени занимались по существу антисоветской деятельностью, не получая надлежащего отпора. Не зная всех обстоятельств дела, я, конечно, могу допустить ошибку, пишет т. Злобин из Москвы, но прямо-таки невероятным кажется положение, при котором такие люди, как Сахаров и Солженицын, имеют в нашей стране возможность годами (я подчеркиваю это) служить орудием враждебной нам пропаганды.

Член КПСС т.Разумный спрашивает, когда наступит конец антисоветскому поведению некоторых наших интеллектуалов, ставших в один ряд с вражескими элементами Запада, методически клевещущих на нашу страну. Речь идет, в частности, об академике Сахарове, ведущем контрреволюционную пропаганду. Не слишком ли мы распустили людей, которые своими конвергентными взглядами забыли о классовой борьбе и желали бы предать забвению достояние Великой Октябрьской революции, па-

мять миллионов борцов, погибших за дело революции. Сколько можно возиться, к примеру, с Андреем Альмариком[2], явным контрреволюционером, вопрошающим: "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" Откуда взялся такой "пророк", почему его так мягко судят (на три года лишения свободы)? Руководствуясь революционной совестью, считаю, что Альмарик заслуживает более суровой меры наказания. Нам, подчеркивает автор письма, нужно действовать так, как подсказывают интересы нашего социалистического государства, ибо контра почувствовала некоторую свободу для себя.

После опубликования ряда статей с разоблачениями вражеской деятельности Солженицына, замечает член партии т.Зуйков из г.Херсона, казалось, что соответствующие компетентные органы СССР найдут управу на этого ублюдка. Но этого, к сожалению, не случилось, хотя миллионы преданных своей Родине советских людей, какое бы общественное положение они ни занимали, испытывали желание и духовную потребность в том, чтобы этот пасквилянт и клеветник, откровенно афиширующий себя в своих "сочинениях" непримиримым врагом не только всего советского, но и славного прошлого России, был, наконец, привлечен к суровой судебной ответственности. Гнусный отщепенец, фальсификатор Солженицын, оставаясь на свободе, продолжает стряпать антисоветское и антирусское месиво для подкормки идеологов буржуазии, не гнушается никакими средствами для очернения советской действительности. Не пора ли, заканчивает автор письма, забить осиновый кол над его фамилией?

Решительного пресечения враждебной советскому народу деятельности Сахарова, Солженицына и других требуют в своих письмах многие советские граждане. В таком духе высказывается, например, т.Хасанова из г.Чарджоу. Касаясь необходимости принять строгие меры к прекращению антисоветских деяний А.Солженицына, она пишет: почему мы терпим у себя в стране этого вражеского выродка? Рабочий совхоза "Восход" Краснодарского края т.Нос с возмущением спрашивает: что, Сахарову птичьего молока не доставало или хотелось луну с неба снять? У нас, трудящихся, подчас не всего бывает в достатке, но мы в любую минуту пойдем защищать Родину, свой народ, потому что у нас много прекрасного, радостного и веселого в жизни. Автор письма приходит к выводу, что или А.Сахаров должен одуматься, или его следует заклеймить как изменника и предателя интересов Родины.

Это действия злобствующего врага, пишет член партии т. Кактыш из г.Рязани относительно заявлений академика Сахарова. Нужно, как вредную траву — с поля долой, лишить его всех званий, гражданства и выслать в отдаленные места на лесозаготовки. Пусть кусок хлеба зарабатывает тяжелым трудом. Также выражая свое возмущение действиями академика Сахарова, автор письма без подписи из Москвы подчеркивает: он оскорбляет нашу Коммунистическую партию, наше правительство, нашу Академию наук. Он оскорбляет советских людей, которые любят свою родную партию. Его не надо жалеть. Нельзя надеяться, что Сахаров исправится. Инженер, член КПСС т.Гамолин из г.Горловки замечает, наша печать призывает А.Сахарова задуматься над своими действиями. Но он же академик, он, видимо, думал, когда отвечал иностранным корреспондентам. Автор письма высказывает убеждение, что Сахаров — враг Советской власти, что его надо привлечь к судебной ответственности.

В поступающей почте встречаются отдельные письма, как правило анонимные, авторы которых дают неправильную оценку вредной деятельности А.Сахарова и А.Солженицына. Из содержания подобного рода заявлений видно, что лица, писавшие их, недостаточно осведомлены о характере и направленности заявлений Сахарова и Солженицына, не вполне представляют размеры нанесенного ими пропагандистского ущерба. Автор письма без подписи, поступившего из Краснодарского края, предлагает опубликовать в печати содержание заявлений, сделанных академиком Сахаровым за последнее время, а также предоставить ему возможность публично выступить с разъяснением своей позиции.

Сообщается в порядке информации.

Заведующий Общим отделом ЦК КПСС *(К.Черненко)*

Ф.3, оп.80, д.689, л.68—75. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подписи М.Суслова, Ф.Кулакова, И.Капитонова, В.Долгих, К.Катушева, Д.Устинова

[2]Так в тексте документа, правильно А.Амальрик

№ 102

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "О представлении правительству Франции в связи с антисоветской кампанией во французской печати"

№ П103/138 13 сентября 1973 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Поручить МИД СССР сделать устное представление посольству Франции в СССР (прилагается).
2. Поручить Международному отделу ЦК КПСС информировать об этом представлении руководство ФКП.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 138 прот. № 103

Секретно

УСТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОСОЛЬСТВУ ФРАНЦИИ В СССР

Советская сторона обращает внимание французской стороны на то, что в последнее время органы массовой информации Франции активно участвуют во враждебной Советскому Союзу кампании, которая ведется реакционными кругами на Западе. Публикуемые статьи и материалы грубо извращают как намерения и действия Советского Союза на международной арене, так и внутреннюю политику Советского государства. Многие французские газеты и журналы, радио и телевидение пошли на предоставление трибуны так называемым "советским диссидентам". Вокруг их клеветнических измышлений поднимается шумиха, цели ее не скрываются: речь фактически идет о том, чтобы настроить общественное мнение Франции недружественно по отношению к Советскому Союзу.

Приходится констатировать, что в этой кампании неблаговидную роль играет такой орган пропаганды, как агентство Франс Пресс, являющееся основным поставщиком информации для французских газет. Так, бюро агентства Франс Пресс в Москве по своей инициативе взяло у А.Сахарова и опубликовало интервью, в котором со-

держатся недопустимые призывы к вмешательству во внутренние дела Советского Союза, а также к приостановке разрядки международной напряженности. В том же духе выдержано и интервью А.Солженицына, распространенное, в частности, газетой "Монд".

Советская общественность с презрением отвергает попытки этих людей посеять недоверие к миролюбивой политике Советского государства, затормозить процесс разрядки, создать препятствия на пути укрепления мира в Европе и во всем мире. Тем большее недоумение вызывает у советских людей тот факт, что эта враждебная кампания ведется в стране, с которой Советский Союз поддерживает традиционно дружественные отношения.

Ни у кого не должно быть сомнений в отношении того, что единственной реальной основой для развития всесторонних контактов и сотрудничества является уважение суверенитета государств, невмешательство в их внутренние дела.

В связи с действиями упомянутых французских органов информации возникает вопрос: чего они добиваются и чью точку зрения отражают в данном случае? Ведь очевидно, что антисоветская кампания находится в явном несоответствии с характером советско-французских отношений и заявлениями правительства Франции на этот счет.

Что касается Советского Союза, то он твердо придерживается духа и буквы советско-французских договоренностей о развитии чувств дружбы и взаимного уважения между народами наших стран.

Советская сторона ожидает, что французская сторона с должным вниманием рассмотрит изложенное выше и сделает необходимые выводы.

Ф.3, оп.80, д.646, л. 82—84. Выписка из протокола.

№ 103

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

17 сентября 1973 г.

Сов.секретно
Экз.единственный
(Краткая рабочая запись)

Председательствовал тов.БРЕЖНЕВ Л.И.
Присутствовали т.т. Гречко А.А., Косыгин А.Н., Кулаков Ф.Д., Мазуров К.Т., Полянский Д.С., Суслов М.А., Шелепин А.Н., Соломенцев М.С., Долгих В.И., Капитонов И.В.

7. К вопросу о Сахарове и Солженицыне

БРЕЖНЕВ говорит, что, очевидно, мы длительное время терпим их антисоветские действия, и это неправильно. Надо было пресечь их действия сразу. Тут, я думаю, что наша просто ошибка, а они в свою очередь используют наше терпение и, очевидно, думают, что это какая-то слабость. Как можно иначе расценить последнее обращение Сахарова в сенат Соединенных Штатов Америки? Это не только антигосударственный и антисоветский, но это просто какой-то троцкистский поступок. За такие вещи, я думаю, что в любой стране стали бы судить. У нас в свое время было принято решение, чтобы послушал его тов.Косыгин[1]. Может быть, сейчас это следует осуществить.

КОСЫГИН. Я не возражаю. Только надо подумать, как с ним вести беседу.

БРЕЖНЕВ говорит, что нужно ему прямо сказать, что он ведет антисоветскую, антигосударственную линию и что если он не прекратит этих действий, то мы вынуждены будем принять меры в соответствии с советскими законами. Мы не можем нарушать (как он делает это) нашего советского закона. Вот что ему надо передать.

ШЕЛЕПИН говорит, что, может быть, не стоит сейчас впутывать Политбюро в это грязное дело и, в частности, т.Косыгина. Как известно, его принимал т.Маляров, и это ничего не дало[2]. А сейчас вот в таком духе, как сказал Леонид Ильич, надо поручить провести беседу т.Руденко, а после этого уже определить, как нам с ними быть. А вообще надо нам принимать меры.

БРЕЖНЕВ говорит, что на мое имя поступило заяв-

ление в ЦК КПСС от Солженицына[3]. Он пишет, в отличие от всех предыдущих писем, несколько иначе, но тоже бред. Я просил т.Суслова ознакомиться с этим делом и дать его на ознакомление вкруговую членам Политбюро.

СУСЛОВ говорит, что он не успел ознакомиться с этим делом. Как только ознакомится, так обязательно даст это письмо на ознакомление другим.

Принимается решение[4] — поручить комиссии в составе т.т. Суслова, Косыгина, Шелепина, Келдыша, Кузнецова, Чебрикова, Руденко подготовить и внести в ЦК КПСС соответствующие предложения по этому вопросу с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК КПСС.

Разрешить этой комиссии принимать необходимые оперативные меры в соответствии с предложениями, которые были высказаны на заседании Политбюро ЦК КПСС, освещать в печати, проводить беседы и т.д.

БРЕЖНЕВ. Может быть, подумать этой комиссии о том, как изолировать этого Сахарова. Может быть, сослать его в Сибирское отделение Академии наук СССР.

ГОЛОСА. В Нарым его надо сослать, а в Сибири он будет опять мутить воду.

БРЕЖНЕВ. Словом, все эти вопросы нужно продумать как следует комиссии и внести конкретные предложения.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1973 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См.документ № 92
[2]16 августа 1973 г. состоялась беседа А.Д.Сахарова с первым заместителем Генерального прокурора СССР М.П.Маляровым
[3]См.документ № 97
[4]См.документ № 104

№ 104

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"К вопросу о Сахарове и Солженицыне"

№ П104/VIII 17 сентября 1973 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Поручить Комиссии в составе т.т.Косыгина, Суслова, Шелепина, Келдыша, Кузнецова, Чебрикова, Руденко подготовить и внести в ЦК КПСС соответствующие пред-

ложения по этому вопросу с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК.

Разрешить этой Комиссии принимать необходимые оперативные меры в соответствии с предложениями, которые были высказаны на заседании Политбюро ЦК (освещение в печати, беседы и т.д.).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф.3, оп.80, д.646, л.92. Выписка из протокола.

№ 105

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2239-А 17 сентября 1973 г.

Совершенно секретно

ОСОБАЯ ПАПКА

ЦК КПСС

Анализ материалов, которыми располагает Комитет государственной безопасности, позволяет сделать вывод о том, что противники разрядки международной напряженности в последнее время усилили свою активность в борьбе против советской внешнеполитической инициативы, пытаясь вновь повернуть развитие событий в мире в сторону "холодной войны". При этом они, в целях завоевания на свою сторону общественного мнения, пытаются путем обмана скомпрометировать советский общественный строй, посеять к нему недоверие среди людей, не располагающих полной и объективной информацией.

В борьбу включены государственные деятели и общественные организации, средства массовой информации, принадлежащие крупным монополиям и находящиеся в ведении государства. Спецслужбами осуществляются различные подстрекательские действия, рассчитанные на создание провокационной шумихи вокруг так называемого вопроса "о гражданских правах в СССР".

По мере того, как нарастает активность спецслужб и пропагандистских усилий противника, становится все более очевидным его основной замысел: создать с помощью всех средств политического давления обстановку,

в которой могли бы возникнуть определенные деформации в структуре Советского общества. Если же это окажется невозможным, то, по крайней мере, поставить под сомнение дальнейшую нормализацию отношений государств Запада с нашей страной.

Поднятая в последнее время на Западе истерия вокруг имен Сахарова и Солженицына прямо подчинена указанным выше целям и является результатом заранее подготовленной и согласованной программы.

Солженицын, который и раньше был известен на Западе как антисоветски настроенный человек, теперь привлекается западными пропагандистскими центрами к прямому сотрудничеству в первую очередь на идейной основе, а также за большие денежные вознаграждения. Бывший литератор пытается выступать ныне с позиций некоего политического деятеля и идеолога. Он не скрывает в своих последних документах желания убедить человечество "в противоправности социализма", его идеологии и практики. Наряду с этим Солженицын, как теперь стало ясно, осуществляет конспиративные связи с людьми, которые ранее находились в заключении по политическим мотивам. В неопубликованном произведении Солженицына "Архипелаг Гулаг" прямо проводится мысль об идейной и иной близости этих людей и делается намек на возможность их объединения.

Сахаров, который в отличие от Солженицына более сдержан в своих потугах доказать "неприемлемость Советского строя", тем не менее определенно деградирует в сторону антисоветизма.

По существу оба они, не объединяясь формально, действуют довольно согласованно, подыгрывая западным реакционным кругам, а в ряде случаев выполняют их прямые заказы.

Естественно, что империалисты, нашедшие в Солженицыне и Сахарове людей, которые в силу сложившихся обстоятельств пока еще могут безнаказанно лаять на Советскую власть, лезут из кожи вон, чтобы сохранить им такую возможность как можно дольше. В свою очередь и Солженицын, и Сахаров, подбодряемые реакцией на Западе, ведут себя все более разнузданно.

При этом очень важным обстоятельством является то, что оба они не только твердо убеждены в своей безнаказанности, но стараются убедить в этом и свое близкое окружение. Солженицын в беседе с одним из иностранных корреспондентов прямо заявил: "Будьте уверены, что ни один волос не упадет с моей головы".

Безнаказанная антисоветская деятельность Солженицына и Сахарова привлекает все большее внимание советских людей. У абсолютного большинства она вызывает негодование, но в известных кругах интеллигенции и молодежи иногда порождает и такие разговоры: "Действуй смело, гласно, привлекай западных корреспондентов, опирайся на поддержку буржуазной прессы, и никто тебя не посмеет тронуть". Развитие подобной тенденции таит в себе немалые негативные последствия и заставляет думать о более радикальных мерах пресечения враждебных выступлений Солженицына и Сахарова.

Сегодня нет никаких реальных оснований считать, что Солженицын и Сахаров добровольно откажутся от своей враждебной деятельности. Беседы с Солженицыным в ЦК КПСС и в Союзе писателей СССР, попытки воздействовать на него с помощью общественности, через прессу ничего не дали. Беседы с Сахаровым в Президиуме Академии наук СССР, в руководстве институтов, где он работал, также ни к чему не привели. Вызов Сахарова в Прокуратуру СССР[2] с целью предупреждения его от дальнейших антисоветских шагов был использован им и его окружением для новых враждебных пресс-конференций, в ходе которых он прямо призывал США и другие западные страны не идти на нормализацию отношений с СССР без того, чтобы "не выжать из советского руководства уступок" на пути "либерализации режима".

Имеются данные, свидетельствующие о том, что Сахаров и Солженицын намереваются и впредь встречаться с представителями западной реакционной печати, клеветать на нашу страну, вербовать себе сообщников из числа советских людей.

В этих условиях представляется целесообразным поиному рассмотреть вопрос о поведении Солженицына и Сахарова.

1. Поскольку есть документальные основания рассматривать действия Солженицына в последнее время уже не как заблуждения литератора, а как сознательную легальную и нелегальную деятельность человека, глубоко враждебного Советскому строю, целесообразно в подходящее время возбудить против него уголовное преследование с целью привлечения к судебной ответственности.

2. В связи с тем, что указанная акция является крайней мерой, представляется возможным рассмотреть также вопрос о промежуточном решении: поручить Министерству иностранных дел СССР через своих послов в Париже, Риме, Лондоне, Стокгольме обратиться к прави-

тельствам указанных стран с предложением предоставить Солженицыну право убежища, поскольку в ином случае по советским законам он должен предстать перед судом. Этот наш замысел можно было бы прямо или через специальные каналы легализировать. Правительства указанных государств оказались бы перед дилеммой: или предоставить Солженицыну убежище, или — в другом случае — они фактически соглашаются на привлечение его к судебной ответственности. Возможно, что при такой ситуации официальные круги западных государств не станут так прямо, как теперь, поощрять разжигание страстей средствами пропаганды вокруг Солженицына и Сахарова.

3. Было бы крайне необходимо, чтобы с академиком Сахаровым встретился один из руководителей Советского правительства[3]. Мало надежды на то, что в результате такой беседы Сахаров изменит свое поведение (он болен, сломлен своим окружением, находится в состоянии экзальтации). Но указанная встреча выбивала бы почву из-под ног у тех, кто пытается сегодня упрекать нас в том, что с таким "уважаемым" человеком (трижды Герой, академик) никто из руководства не поговорил, не попытался его образумить. Подобные разговоры есть среди хороших людей за рубежом и даже в нашей стране. Нельзя не учитывать, что, пользуясь безнаказанностью, Сахаров в то же время очень боится, что с него "снимут Звезды" или изгонят из Академии. Сейчас он в превентивном порядке неоднократно подбрасывает эти опасения западным журналистам, которые в свою очередь акцентируют внимание прессы на том, что советское руководство ни в коем случае не пойдет и не имеет права пойти на такую меру.

В свете этого на беседе, возможно, следовало бы твердо заявить Сахарову, что если он не прекратит антисоветские выступления, то может лишиться звания академика и звания Героя Социалистического Труда (а это значит к тому же потерять и 800 рублей в месяц, которые он получает, ничего не делая). Как альтернативу Сахарову следовало бы сделать предложение поехать на работу в Новосибирск, Обнинск или какой-либо иной, режимный город, с тем чтобы помочь ему оторваться от враждебного окружения, прежде всего из числа корреспондентов западной прессы.

Разумеется, указанные акции вызовут шум на Западе, возможно, новый всплеск антисоветизма, известное недовольство в некоторых братских партиях и прогрессивных кругах. Будут разговоры и среди некоторой (неболь-

шой) части советских людей. Но все это не станет долгосрочным явлением и будет носить временный характер.

Оставление же дела Солженицына и Сахарова в неопределенном состоянии может продлиться очень долго, причем все вышеуказанные негативные явления будут так или иначе иметь место, а элемент безнаказанности — работать, безусловно, не в нашу пользу.

4. Чтобы локализовать негативные последствия наших акций в отношении Солженицына и Сахарова, возможно, следовало бы подготовить информацию по этому вопросу для руководства социалистических стран и ряда братских партий.

5. Поскольку в антисоветской кампании подвергаются нападкам многие стороны общественно-политической структуры и образа жизни советского общества, представляется целесообразным обратить на это особое внимание в нашей пропаганде, активнее выступать с теоретическими материалами, разъясняющими содержание политики нашего государства и всю многосторонность опыта строительства коммунистического общества. Раскрыть существо демократических преобразований в нашей стране и в то же время прямо и косвенно развенчивать взгляды Солженицына и Сахарова, как взгляды людей, которым чужды и враждебны завоевания социализма. Представляется необходимым также шире использовать трибуны различных международных форумов и совещаний для активного наступления и разоблачения реакционных кругов Запада, препятствующих нормализации международной обстановки.

Такого рода материалы следует настойчивее продвигать не только в советской печати, но и за рубеж через возможности ТАСС, АПН, Гостелерадиокомитета. Возможно, стоит разработать единый план действий по этому вопросу, вплоть до конкретных поручений отдельным работникам общественных организаций и государственных учреждений.

В связи с тем, что в своих последних документах Сахаров и, особенно, Солженицын, в целях прикрытия своих антисоветских взглядов и привлечения симпатий различных категорий населения, пытаются демагогически спекулировать на таких вопросах, как вопрос "о роли русского народа в Советском государстве", "о положении женщины при социализме", о правомерности "воинской повинности" в нашей стране, об охране исторических памятников и в этой связи о якобы неверной реконструкции Москвы и др., было бы целесообразно уделить этим воп-

росам должное внимание через средства массовой информации.

6. Комитету госбезопасности через свои возможности больше добывать и передавать для использования в пропагандистских и контрпропагандистских акциях документальных материалов, разоблачающих связь реакционных сил, препятствующих разрядке, со спецслужбами противника, инспирирование разведками империалистических государств всякого рода антисоветских кампаний и связь с ними и с антисоветскими зарубежными центрами отщепенцев нашего общества типа Солженицына, Сахарова и др.

Просим рассмотреть.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л.85—91. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция: "Для ознакомления. Л.Брежнев" и подписи М.Суслова, Н.Подгорного, А.Косыгина, Ф.Кулакова, А.Громыко, А.Гречко, Д.Полянского, К.Мазурова, А.Шелепина; на последнем — справка: "Данный вопрос рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 7 января 1974 г. См.№ П120/1-прот.". На обороте документа запись "тт.Гришин, Кириленко, Пельше в отпуске. 11.10.73 г."
[2]См.примечание 2 к документу № 103
[3]Намечаемая встреча М.А.Суслова с А.Д.Сахаровым не состоялась

№ 106

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2487-А 19 октября 1973 г.

Секретно

Ц К К П С С

Комитет госбезопасности сообщает, что САХАРОВ А.Д. и СОЛЖЕНИЦЫН А.И., несмотря на меры предупредительного характера, продолжают своим провокационным поведением дискредитировать внешнеполитический курс Советского государства, активизируют контакты с иностранцами и передачу им клеветнических заявлений.

В последнее время САХАРОВ выступает ярым защит-

ником агрессивной политики Израиля, публично обвиняет Советский Союз и другие социалистические страны в "односторонней поддержке арабских государств", требует предания широкой огласке его обращений в поддержку Израиля.

Буржуазные пропагандистские органы широко комментируют произраильские выступления САХАРОВА, инспирируют солидарность с ним американских сионистов и недвусмысленно дают понять САХАРОВУ, что со своей стороны готовы содействовать его "миссии" в Советском Союзе. "... Евреи Америки, — говорил САХАРОВУ по телефону уехавший в США его единомышленник ГЛАЗОВ, — это единственная, в сущности, прослойка здесь большая, которая понимает положение в Советском Союзе и готова откликнуться. Эти люди, по сути дела, интересуются не только положением дел с еврейством, как это часто бывает, но и в более широком аспекте. В частности, как вы знаете, к вам очень определенное отношение..."

В сентябре с.г. САХАРОВ в беседе с заместителем председателя фракции ХДС/ХСС бундестага ФРГ ВАЙЦЗЕККЕРОМ просил оказать содействие в выезде в ФРГ советским гражданам немецкой национальности. Отвечая на вопросы референта ВАЙЦЗЕККЕРА о значении Великой Октябрьской Социалистической революции для нашей страны, Сахаров заявил: "... Я думаю, что история могла бы развиваться, может быть, более благоприятно без Октябрьской революции".

В этой беседе САХАРОВ дал положительную оценку резолюции американского конгресса по вопросам выезда из Советского Союза лиц еврейской национальности: "Это очень хорошая резолюция. Она касается не только Израиля, а вообще всех вопросов выезда. И немцев должна касаться" — и выразил пожелание, чтобы бундестаг принял аналогичное решение.

САХАРОВ продолжает клеветнически утверждать об использовании в нашей стране психиатрических больниц для расправы с "инакомыслящими" и систематически поставляет на Запад соответствующую информацию. В одном из телефонных разговоров английский психиатр ЛОУЭР проинформировал САХАРОВА о предстоящей конференции английских психиатров и зачитал ему основные положения, которые САХАРОВ должен был осветить в своем очередном обращении к мировой общественности по этому вопросу.

Выполняя это поручение, САХАРОВ и другие члены

т.н. "Комитета прав человека"[2] (ШАФАРЕВИЧ и ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ) составили и передали на Запад обращение о якобы продолжающемся использовании в нашей стране психиатрических больниц в политических целях.

Характерно, что САХАРОВ все чаще допускает враждебные выпады и при встречах с советскими гражданами. Так, в беседе с киевским писателем НЕКРАСОВЫМ САХАРОВ, касаясь подписанного им обращения к военной хунте Чили, сказал: "... В этом письме я ее не защищал. Я защищаю ее за этим столом. Хунта — это корниловский мятеж, только удавшийся. Если бы Корнилов победил, то он расстрелял бы 500 большевиков... Или 10 тысяч и спас бы 40 миллионов, которых погубили большевики. Корниловский мятеж, к сожалению, не удался".

Услугами иностранцев для передачи на Запад клеветнической информации пользуется и СОЛЖЕНИЦЫН, демонстративно заявляя при этом, что "известность за границей надежно защищает его от советского правосудия".

В сентябре с.г. СОЛЖЕНИЦЫН вместе с БАРАБАНОВЫМ (сотрудник издательства "Искусство", систематически передает на Запад клеветнические материалы) составил провокационное обращение по поводу произведенного у последнего обыска. Это заявление СОЛЖЕНИЦЫН вручил корреспонденту агентства "Ассошиэйтед Пресс" КРЕППО и настоятельно просил опубликовать его за рубежом.

Мотивируя КРЕППО свою просьбу, СОЛЖЕНИЦЫН сказал, что считает преступлением отказ издавать произведения, которые, по его мнению, не противоречат существующим в стране законам. "...Человека (имеется в виду БАРАБАНОВ) собираются посадить в тюрьму. Я думаю, что это вполне достойно внимания прессы, особенно в сегодняшней обстановке, когда так остро стал вопрос с европейской конференцией, во-первых, а потом — в Соединенных Штатах обсуждается вопрос о торговых привилегиях".

В последнее время СОЛЖЕНИЦЫН и его жена передали иностранным журналистам ФРЕДРИКСОНУ и СТЕНХОЛЬМУ (Швеция), ЛЯКОНТРУ и ВИШНЕВСКОМУ (Франция) тенденциозную информацию о некоторых аспектах политической жизни в СССР, и в частности о состоянии т.н. "демократического движения" после процесса над ЯКИРОМ и КРАСИНЫМ.

Поскольку САХАРОВ и СОЛЖЕНИЦЫН не только не прекращают провокаций, но все более активно предлагают свои услуги реакционным империалистическим и

особенно сионистским кругам, полагали бы целесообразным рассмотреть рекомендации, **выработанные Комиссией во главе с тов.Косыгиным А.Н. с учетом соображений, изложенных в записке Комитета госбезопасности** № 2239-А от 17 сентября с.г[3].

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л.94—97. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция: "Вкруговую" и подписи М.Суслова, Н.Подгорного, А.Гречко, А.Косыгина, К.Мазурова, Ф.Кулакова, Д.Полянского, А.Громыко, А.Шелепина, А.Пельше, Д.Кунаева, В.Щербицкого, А.Кириленко; на последнем — справка: "Данный вопрос рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 7 января 1974 г. См. № П120/1-прот.". На обороте документа записи: "КГБ СССР (т.Карпещенко) сообщено о том, что Комиссия т.Косыгина А.Н. рекомендации еще не представила в ЦК КПСС. В.Галкин 23.X.-73 г." и "т.Гришин — болен.31.X.73г."
[2]"Комитет прав человека" был создан в 1970 г. Чалидзе В.Н., в его состав входили А.Д.Сахаров, И.Р.Шафаревич и др. Комитет был принят в состав Международной лиги прав человека (США) и Международного комитета защиты прав человека (Франция)
[3]См.документ № 105

№ 107

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2654-А 2 ноября 1973 г.

ОСОБАЯ ПАПКА

Секретно

Ц К К П С С

Комитет госбезопасности информирует о том, что СОЛЖЕНИЦЫН продолжает оставаться на враждебных позициях, принимает меры к консолидации антиобщественных элементов и провоцирует зарубежную общественность к антисоветским выступлениям.

На встречах с БАРАБАНОВЫМ (о нем сообщалось № 2487-А от 19 октября 1973 года)[2] СОЛЖЕНИЦЫН настоятельно рекомендует немедленно передавать негативную информацию о внутреннем положении в СССР

на Запад, что, по его мнению, является "гарантией безопасности" БАРАБАНОВА и его единомышленников. Комментируя появление в буржуазной прессе провокационного заявления БАРАБАНОВА по поводу произведенного у него обыска, СОЛЖЕНИЦЫН заявил: "Вы совершили то, что каждый наш дурак, болван должен уметь делать. Вчера вашего имени никто не знал, а сегодня знает весь мир. Вы же теперь в безопасности... Вы сейчас начинаете играть ту роль, которая нужна, потому что 20 миллионов до вас потерялось... Вы сейчас абсолютно выиграли бой, вас сейчас никто не тронет".

27 октября 1973 года СОЛЖЕНИЦЫН встретился с известным своими антиобщественными взглядами литератором ИВАНОВЫМ В.В., которому заявил: "Я считаю своим долгом вновь выступить в защиту САХАРОВА, но так, чтобы это заявление было не только в защиту САХАРОВА, но и защитой всех нас... Поддержать так, чтобы это не носило характер поддержки Израиля". СОЛЖЕНИЦЫН обсудил с ИВАНОВЫМ факты, которые можно было бы использовать в заявлении, а затем составил текст, согласовал его с САХАРОВЫМ и передал заявление на Запад.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л.98. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе подписи М.Суслова, А.Косыгина, Н.Подгорного
[2]См.документ № 106

№ 108
ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 3079-А 12 декабря 1973 г.

Совершенно секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности располагает материалами, которые свидетельствуют о том, что в лице СОЛЖЕНИЦЫНА мы имеем дело с политическим противником советского государственного и общественного строя. Ненависть СОЛЖЕНИЦЫНА к Советской власти, его по-

пытки бороться с ней прослеживаются на протяжении всей его сознательной жизни, в разное время, отличаясь лишь методами, степенью активности и возможностями распространения своих чуждых социализму взглядов.

СОЛЖЕНИЦЫН происходит из семьи крупных землевладельцев и скотопромышленников. Дед его, СОЛЖЕНИЦЫН С.Е., имел более 2 тысяч гектаров земли, около 20 тысяч голов овец. После Великой Октябрьской социалистической революции дед скрылся и судьба его неизвестна; отец, офицер царской армии, покончил жизнь самоубийством.

Мать СОЛЖЕНИЦЫНА — ЩЕРБАК Т.З. также происходит из семьи помещика, имевшего крупное поместье в районе нынешней станции Кубанская.

Уже в студенческие годы СОЛЖЕНИЦЫН начал писать сочинения антисоветского характера и распространял их в узком кругу друзей. В период Отечественной войны, не имея нужной среды в армии, излагал свои взгляды в письмах, дневниках, составлял программу переустройства социалистического общества, а затем попытался создать антисоветскую группу, за что был осужден в 1945 году к 8 годам лишения свободы.

Политическим кредо СОЛЖЕНИЦЫНА является отрицание социалистической революции, как исторической закономерности развития общества, утверждение преимуществ капиталистического способа производства и буржуазного общественного строя. Это нашло отражение, в частности, в его последней книге "Август четырнадцатого", в которой СОЛЖЕНИЦЫН, с враждебных позиций трактуя предреволюционную ситуацию в России и значение Октябрьской революции, пишет: "...Разумный человек не может быть за революцию потому, что революция есть длительное и безумное разрушение. Всякая революция прежде всего не обновляет страну, а разоряет ее и надолго. И чем кровавее, чем затяжнее, чем больше стране за нее платить — тем ближе она к титулу Великой".

Подобные взгляды СОЛЖЕНИЦЫН высказывает в кругу своих единомышленников. Так, в частности, он заявлял: "...Советская власть прекратила свое существование 6 июля 1918 года... Власть Советов кончилась... Стала диктатура партии... Наши систематически подделывали результаты выборов. Абсолютно наглым образом. Все фальсифицировали, и все больше и больше большевиков проходило. Правда была у народа, а не у большевиков".

"...У меня совсем не восторженное мнение о ЛЕНИНЕ

в период революции... Это просто змея, это просто беспринципнейший человек. Если он буквально может Вам сказать, что он за Вас, а Вы подойдете к двери — он Вам выстрелит в спину. Полная беспринципность".

Строительство социализма в СССР, по утверждению СОЛЖЕНИЦЫНА, это необузданная эксплуатация людей. Лагеря, бесправный труд заключенных — не случайные явления, а продуманная система использования рабочей силы государством. Эти мысли изложены "В круге первом", где СОЛЖЕНИЦЫН, например, утверждает: "Трудом заключенных создавалось богатство страны, завоевывались вершины в науке, воздвигались днепрогэсы, новые города, прорывались каналы".

Говоря о Советском правительстве, СОЛЖЕНИЦЫН в беседе со своими связями заявил: "...Это правительство без возможностей. У них просто нет приводов ни к идеологии, ни к массе, ни к экономике, ни к мировому коммунистическому движению, ни к чему. Рычаги всех приводов обломились, не работают. Они могут решать, сидя за столом, все, что угодно. Но сразу выясняется, что это не сработает. Они — паралитики".

И далее уже в поэме "Шоссе энтузиастов": "...Московско-грузинское княжество у самых столичных стен. Где орден и назначение решают меж близких лиц, где пьют до остервенения и пользуют танцовщиц... А тут — вокзал Белорусский, а тут — Охотный ряд. Нависнув над улицей узкой, огни Совнаркома горят. Засыпь его завтра ядра, корежься бетон и сталь — вот этого только театра, четверку коней жаль".

Для пропаганды своих антисоветских взглядов СОЛЖЕНИЦЫН избрал тактику распространения внутри страны и за рубежом так называемых "открытых писем", текстов интервью иностранным корреспондентам, которые активно используются западной пропагандой в идеологической борьбе против СССР и других социалистических стран.

В одном из таких заявлений, в открытом письме Секретариату Союза писателей РСФСР[2] он писал: "Слепые поводыри слепых! Вы даже не замечаете, что бредете в сторону, противоположную той, которую объявили. В эту кризисную пору нашему тяжелобольному обществу вы не способны предложить ничего конструктивного, ничего доброго, а только свою ненависть-бдительность, а только "держать и не пущать!"...

Да что бы вы делали без "врагов"? Да вы бы и жить

уже не могли без "врагов", вашей бесплодной атмосферой стала ненависть, ненависть, не уступающая расовой...

Да растопись завтра только льды Антарктики — и все превратятся в тонущее человечество — и кому вы тогда будете тыкать в нос "классовую борьбу"?"

В последнее время СОЛЖЕНИЦЫН пытается выступать в роли организатора и идеолога отдельных лиц, враждебно настроенных к существующему в СССР государственному и общественному строю. Так, в одной из бесед, убеждая САХАРОВА в необходимости активизировать свою антиобщественную деятельность, СОЛЖЕНИЦЫН сказал: "У меня опыт общения с властью с 45-го года, когда они меня схватили, никогда не просить, а всегда стоять как камень и добьешься...". И далее, провоцируя САХАРОВА к выступлению с очередным пасквилем, СОЛЖЕНИЦЫН продолжал: "...Прекрасное короткое исследование, которое вы делаете за неделю и публикуете, о том, что совершенная ложь, что в Советском Союзе нет безработицы. У нас по двум причинам есть безработица. Безработица массовая, это можно экономически доказать... У нас существует безработица как политическое давление... Долбайте их по-настоящему, в атаку идите. В атаку, но не в просьбу... Если вы сейчас будете их активно долбать — отступят, гады!.. Достичь вы можете тогда, когда будете наглее разговаривать, тверже давить... Поверьте, я с 45 года, а сегодня 73-й, 28 лет с ними состязаюсь и всегда только твердостью выигрываю и выстаиваю..."

Заявления СОЛЖЕНИЦЫНА приобрели характер политической платформы, направленной на объединение единомышленников, прежде всего из числа бывших заключенных, в целях подрыва Советской власти. В частности, в Нобелевской лекции он говорит: "Писатель — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он — совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы — то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя".

В интервью корреспонденту газеты "Монд" СОЛЖЕНИЦЫН заявил: "Нельзя согласиться с мыслью о том, что убийственный ход истории непоправим и что верящий в себя ум не может влиять на самую могущественную в мире силу.

... Пора действовать, чтобы ответить на усиление репрессий, направленных против советских инакомыслящих".

Имеющиеся материалы о конкретной антисоветской и антиконституционной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА дают полное основание привлечь его к уголовной ответственности по статье 70 УК РСФСР, которая гласит: "Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или ссылкой на срок от двух до пяти лет".

Привлечение СОЛЖЕНИЦЫНА к уголовной ответственности имело бы положительное значение и в том смысле, что положило бы конец безнаказанности его действий, вызывающей подчас недоумение советских граждан и ненужные кривотолки.

Однако, во избежание всякого рода спекуляций и имея в виду предложения ряда известных представителей советской общественности, высказанные в разное время, **можно было бы заменить такую меру лишением СОЛЖЕНИЦЫНА советского гражданства и выдворением за пределы СССР.**

Поскольку для осуществления такого замысла необходима въездная виза одного из иностранных государств, **считаем возможным поручить послам СССР в Швеции, Швейцарии, Дании и Ливане официально обратиться к правительствам этих стран с просьбой предоставить СОЛЖЕНИЦЫНУ въездную визу в эти страны.** При этом прямо заявить им примерно следующее: "СОЛЖЕНИЦЫН, в прошлом занимавшийся литературной деятельностью, за последние годы под влиянием западной пропаганды и особенно после получения им Нобелевской премии встал на путь деятельности, которая по советскому законодательству подпадает под соответствующие статьи уголовного кодекса. Поэтому советские компетентные органы в ближайшее время вынуждены будут возбудить против СОЛЖЕНИЦЫНА уголовное дело со всеми вытекающими последствиями.

Советское правительство, руководствуясь гуманными побуждениями и имея в виду, что на иждивении СОЛЖЕНИЦЫНА имеются четыре малолетних сына, считало бы возможным заменить привлечение его к уголов-

ной ответственности выдворением за пределы советского государства. По желанию СОЛЖЕНИЦЫНА члены его семьи могли бы свободно последовать за ним.

Как известно, печать, телевидение и радио Вашей страны систематически с симпатией популяризируют взгляды СОЛЖЕНИЦЫНА. Поэтому Советское правительство обращается к Вам с просьбой предоставить СОЛЖЕНИЦЫНУ и его семье возможность проживать на территории Вашей страны. В противном случае Советские власти будут вынуждены поступить в соответствии с законами СССР".

Не исключено, что такое обращение послов не достигнет цели. Однако и в случае отказа зарубежных стран в предоставлении СОЛЖЕНИЦЫНУ прав на жительство мы будем иметь безусловные преимущества. Во-первых, оно еще раз покажет мировой общественности гуманность Советского правительства в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА, ставшего на путь уголовного преступления, и даст возможность использовать это обстоятельство в случае привлечения его к ответственности. **Во-вторых**, СОЛЖЕНИЦЫН, узнав об этом шаге и опасаясь выезда из СССР (он считает, что с ним за границей могут расправиться физически), может пойти на некоторое снижение своей враждебной активности и сокращение связей с антисоветскими кругами за рубежом.

С товарищами А.Н.КОСЫГИНЫМ и М.А.СУСЛОВЫМ согласовано.

Просим рассмотреть.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф.3, оп.80, д.646, л.99—104. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция: "Доложить (вкруговую) **по ПБ и Секр-ту ЦК. Затем обсудить**. Л.Брежнев", подписи Н.Подгорного, М.Суслова, А.Кириленко, К.Мазурова, А.Пельше, В.Гришина, Ф.Кулакова, А.Гречко, А.Шелепина, Д.Устинова, П.Демичева, Б.Пономарева, И.Капитонова, К.Катушева, Д.Полянского, А.Косыгина и помета А.Громыко: "Считаю, что следует обсудить". На последнем — справка: "Данный вопрос рассмотрен на заседании Политбюро ЦК 7 января 1974 г. См.№ П120/1-прот." На обороте запись: "т.Долгих — в отпуске. В.Галкин"

[2]См.Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Приложение 13// Новый мир. 1991. № 7. С. 157—158

1974 г.

№ 109

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2-А 2 января 1974 г.

Совершенно секретно

Ц К К П С С

Как неоднократно докладывал Комитет госбезопасности, Солженицыным подготовлена книга под названием "Архипелаг Гулаг", содержание которой является явно антисоветским. Краткое содержание этой книги сообщалось в ЦК КПСС № 2180-Ч от 10 сентября 1973 г.[2]. В этой же записке нами указывалось, что нельзя исключать того, что несколько экземпляров упомянутой книги находятся уже за границей.

Несмотря на принимаемые КГБ меры по изъятию книги, западная пропаганда в конце декабря 1973 г. начала публикацию выдержек из нее, старательно подчеркивая те места, где Солженицын наиболее злобно клевещет на советский строй, на деятельность КПСС и на вождя нашей партии В. И. Ленина.

Судя по уже имеющимся публикациям, можно предположить, что зарубежные реакционные центры в разных странах и довольно синхронно по времени пытаются организовать вокруг книги Солженицына широкую антисоветскую кампанию в целях дискредитации нашей страны и советской внешней политики.

КГБ в своей записке от 15 декабря 1973 г.[3], сообщая информацию о злостной антисоветской деятельности Солженицына, вносил предложение об осуществлении некоторых шагов, связанных с возможностью принудительного выдворения Солженицына из нашей страны. В частности, предлагалось поручить послам СССР в Швеции, Швейцарии, Дании, Ливане официально обратиться к пра-

вительствам этих стран с просьбой предоставить Солженицыну въездную визу в указанные страны. При этом прямо заявить примерно следующее: "Солженицын, в прошлом занимавшийся литературной деятельностью, за последние годы под влиянием западной пропаганды и особенно после получения им Нобелевской премии, встал на путь деятельности, которая по советскому законодательству подпадает под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Поэтому советские компетентные органы в ближайшее время вынуждены будут возбудить против Солженицына уголовное дело со всеми вытекающими последствиями.

Советское правительство, руководствуясь гуманными побуждениями и имея в виду, что на иждивении Солженицына имеются четыре малолетних сына, считало бы возможным заменить привлечение его к уголовной ответственности выдворением за пределы Советского государства. По желанию Солженицына члены его семьи могли бы свободно последовать за ним".

Внося такое предложение, Комитет госбезопасности не исключал того, что правительства указанных стран могут отказать нашей просьбе о въезде Солженицына в эти страны. Органы госбезопасности располагают данными, из которых видно, что спеццентры западных государств крайне заинтересованы в том, чтобы Солженицын оставался в Советском Союзе. Так, один из руководителей НТС в беседе с нашим агентом прямо заявил: "Солженицын потому не приезжает на Запад, что мы этого не позволим. Мы не позволим этого потому, что если он выедет из Советского Союза и приедет сюда, в западный мир, то через полгода он будет забыт. Ведь он слабый как писатель, а сейчас каждое его заявление, присланное сюда, находится в центре большого интереса. Там он как червь в яблоке, а вне яблока он не стоит больше ни эре и превращается, так сказать, в ничто".

Исходя из изложенного, считали бы целесообразным наряду с обращением к правительствам указанных стран начать через специальные органы немедленный зондаж мнения руководства одного из дружественных нам государств о возможности принять туда Солженицына, выдворенного из Советского Союза.

По нашему мнению, в этом случае Солженицына следовало бы выдворить одного, без семьи, с оставлением за ним права в последующем воссоединиться с семьей в стране его пребывания. При этом мы исходим из того, что Солженицын переедет в одну из европейских запад-

ных стран, где у него имеются значительные финансовые средства.

В случае получения такого согласия, выдворение Солженицына могло бы состояться по решению Президиума Верховного Совета Союза ССР с кратким сообщением об этом в печати.

Просим рассмотреть.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 646, л. 105—107. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе резолюция: "Необходимо обсудить предлагаемые шаги на Политбюро ЦК. Н. Подгорный" и подписи Л. Брежнева, А. Косыгина, А. Кириленко, М. Суслова. На последнем — запись: "На заседании Политбюро ЦК 7 января 1974 г. рассмотрен этот вопрос (см. П120/1-прот.) В. Галкин"
[2]См. документ № 100
[3]Дата указана неправильно, см. документ № 108

№ 110

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

№ 4-А 2 января 1974 г.

Секретно

При этом направляются три экземпляра ксерокопии одного из вариантов сочинения Солженицына "Архипелаг Гулаг".

В настоящее время оно издано, по сообщениям буржуазной прессы, отдельной книгой на Западе.

Приложение: упомянутое, только в адрес[1].

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 657, л. 2. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]К документу приложена справка заведующего Общим отделом ЦК КПСС: "Экземпляры "сочинения" Солженицына по просьбе т. Андропова Ю. В. и по согласованию с т. Сусловым М. А. направлены 2.1.74 г. т. т. Суслову, Подгорному и Косыгину. 2.1.74 г. К. Боголюбов"

№ 111

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС
"О разоблачении антисоветской кампании буржуазной пропаганды в связи с выходом книги Солженицына "Архипелаг Гулаг"

Ст-108/4с — 4 января 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Утвердить текст телеграммы совпослам. (См. приложение).

2. Опубликовать в "Правде", в "Литературной газете"[1] статьи, раскрывающие антисоветскую, антисоциалистическую суть злостных писаний Солженицына, подлинные цели пропагандистской шумихи вокруг Солженицына, поднятой на Западе.

3. Поручить ТАСС, АПН, Гостелерадио СССР в оперативном порядке распространить материалы, в которых показать подлинные политические цели враждебных делу мира и социализма писаний и деятельности Солженицына, а также раскрыть суть антисоветской кампании, направленной против успехов внешней политики СССР и деятельности, направленной на разрядку международной напряженности.

4. ВААП изучить вопрос о возможности применения правовых санкций против нарушения Солженицыным норм советского законодательства и доложить ЦК КПСС по этому вопросу.

5. Средствам массовой пропаганды и информации активизировать работу по разоблачению антинародной сущности буржуазной демократии, расизма, аморализма буржуазной культуры, в особенности буржуазного диктата по отношению к деятелям демократической культуры.

Секретарь ЦК — *М. СУСЛОВ*

Секретно
К п.4с, пр. № 108

БЕРЛИН
ПРАГА
БУДАПЕШТ
ВАРШАВА
ПАРИЖ
БОНН
ЛОНДОН
БРЮССЕЛЬ
РИМ
СОФИЯ
УЛАН-БАТОР
ГАВАНА
КОПЕНГАГЕН
ВЕНА
БУЭНОС-АЙРЕС
НЬЮ-ЙОРК

СОВПОСОЛ

Встретьтесь с представителем руководства друзей и передайте следующее.

“Реакционная печать, прежде всего в США и во Франции, начала, как вам известно, новую антисоветскую кампанию в связи с выходом книги Солженицына “Архипелаг Гулаг”. Момент выпуска этой книги совершенно очевидно выбран с таким расчетом, чтобы нанести ущерб дальнейшему развитию разрядки напряженности. Одновременно книга Солженицына, носящая антисоветский и антисоциалистический характер, направленная на дискредитацию Октябрьской революции, социализма как системы и лично В. И. Ленина, бесспорно будет использована антикоммунистами, чтобы нанести ущерб всему нашему движению, интересам революционной классовой борьбы.

С нашей стороны будут приняты меры политического и пропагандистского характера, для того чтобы в должной форме дать спокойный, аргументированный ответ на клеветническую кампанию буржуазной печати. Имеем в виду, в частности, подчеркнуть, что книга Солженицына на этот раз в более полной, чем ранее, форме раскрывает суть контрреволюционных, по существу белогвардейских, воззрений ее автора. Она направлена не против каких-то отдельных сторон жизни в Советском Союзе, а против социалистического строя в целом, против самой идеи социалистической революции и строительства нового общества.

Автор книги стремится дискредитировать саму идею коммунизма, злостно клевещет на Маркса и Энгельса, на основоположника Советского государства — В. И. Ленина.

Касаясь периода гражданской войны, Солженицын расписывает решительные меры со стороны Советской власти и "забывает" сказать, что они были ответом народной власти на массовый белый террор, который был составной частью классовой борьбы буржуазии и помещиков против трудящихся и опирался на иностранную интервенцию против Советской России. В результате этого были расстреляны сотни и сотни тысяч коммунистов и беспартийных, выступавших на стороне Советской власти. Солженицын глумится над подвигом Советской Армии в годы Отечественной войны, полностью оправдывает тех, кто перешел на сторону Гитлера и воевал вместе с ним против собственного народа.

Даже буржуазная печать (например, агентство Франс Пресс) признает, что книга Солженицына не содержит каких-либо новых фактов и соображений помимо тех, которые уже широко использовались им в своих предыдущих публикациях. Дело в том, что никаких фактов такого рода современная советская жизнь не дает и дать не может.

КПСС, как хорошо известно товарищам, еще на своем XX съезде твердо и определенно подвергла критике нарушения социалистической демократии и законности, имевшие место в прошлом, в 30—40-х годах, и заявила, что ничего подобного впредь никогда допущено не будет. Это наша принципиальная позиция, которую вновь подтвердил XXIV съезд КПСС, и она последовательно проводится в жизнь.

Учитывая все вышесказанное, мы хотели бы обратить внимание друзей на новую антисоветскую кампанию и считали бы желательным, чтобы ваша партия в подходящей для нее форме дала на нее ответ. Мы исходим из того, что, как неоднократно подчеркивалось в документах вашей партии, борьба против антисоветизма является общим делом коммунистов.

(Только для Парижа. В Москве с удовлетворением обратили внимание на статью т. Лейрака в "Юманите" от 31 декабря 1973 г. Думаем, что взаимодействие наших партий в этом случае, как и во многих других, может сыграть действенную роль в деле борьбы с противниками социализма).

Исполнение телеграфируйте.

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 1—4. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]14 января 1974 г. в газете "Правда" опубликована статья Н. Соловьева "Путь предательства", 16 января в "Литературной газете" статья "Кому выгодна антисоветская шумиха"

№ 112

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

7 января 1974 г.

Совершенно секретно
Экземпляр единственный
Рабочая запись

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.
Присутствовали т.т. Андропов Ю.В., Гришин В.В., Громыко А. А., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Подгорный Н. В., Полянский Д. С., Суслов М. А., Шелепин А. Н., Демичев П. Н., Соломенцев М. С., Устинов Д. Ф., Капитонов И. В., Катушев К. Ф.

5. **О Солженицыне.**

БРЕЖНЕВ. Во Франции и США, по сообщениям наших представительств за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына — "Архипелаг ГУЛаг". Мне говорил тов. Суслов, что Секретариат принял решение о развертывании в нашей печати работы по разоблачению писаний Солженицына и буржуазной пропаганды в связи с выходом этой книги[1]. Пока что этой книги еще никто не читал, но содержание ее уже известно. Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня посоветоваться, как нам поступить дальше. По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть, на все, что дорого нам.

В свое время мы посадили в тюрьму Якира, Литвинова и других, осудили их, и затем все кончилось. За рубеж уехали Кузнецов, Алиллуева[2] и другие. Вначале пошумели, а затем все было забыто. А этот хулиганствующий элемент Солженицын разгулялся. На все он помахивает, ни с чем не считается. Как нам поступить с ним? Если мы применим сейчас в отношении его санкции, то будет ли это нам выгодно, как использует против нас это буржуазная пропаганда? Я ставлю этот вопрос в порядке обсуждения. Хочу просто, чтобы мы обменялись мнениями, посоветовались и выработали правильное решение.

КОСЫГИН. По этому вопросу есть записка товарища Андропова[3]. В этой записке содержится предложение о выдворении Солженицына из страны.

БРЕЖНЕВ. Я беседовал с тов. Андроповым по этому вопросу.

АНДРОПОВ. Я считаю, что Солженицына надо выдворить из страны без его согласия. В свое время выдворили Троцкого из страны, не спрашивая его согласия[4].

БРЕЖНЕВ. Очевидно, сам Солженицын такого согласия не даст.

КИРИЛЕНКО. Можно его вывезти без его согласия.

ПОДГОРНЫЙ. Найдется ли такая страна, которая без согласия примет его к себе?

БРЕЖНЕВ. Надо учитывать то, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

АНДРОПОВ. Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантиях возвращения его в Советский Союз. Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя. Его сочинение "Архипелаг ГУЛаг" не является художественным произведением, а является политическим документом. Это опасно. У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов. В общем, сотни и тысячи людей, среди которых Солженицын будет находить поддержку. Сейчас все смотрят на то, как мы поступим с Солженицыным, применим ли мы к нему санкции или оставим его в покое.

Мне недавно звонил тов. Келдыш и спрашивал, почему мы не предпринимаем мер в отношении Сахарова. Он говорит, что если мы будем бездействовать в отношении Сахарова, то как будут вести себя дальше такие академики, как Капица, Энгельгард и другие.

Все это, товарищи, очень важно, и решать эти вопросы мы должны сейчас, несмотря на то, что проходит общеевропейское совещание[5].

Я считаю, что мы должны провести Солженицына через суд и применить к нему советские законы. Сейчас к Солженицыну едут многие зарубежные корреспонденты, другие недовольные люди. Он проводит с ними беседы и даже пресс-конференции. Допустим, что у нас существует враждебное подполье и что КГБ проглядел это.

Но Солженицын действует открыто, действует нахальным образом. Он использует гуманное отношение Советской власти и ведет враждебную работу безнаказанно. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны. Предварительно мы попросим наших послов прозондировать у правительств соответствующих стран, могут ли они его принять. Если мы сейчас его не выдворим, то он будет продолжать свою враждебную деятельность. Вы знаете, что он написал враждебный роман "Август 14-го", написал пасквиль "Архипелаг ГУЛаг", теперь пишет "Октябрь 17-го". Это будет новое антисоветское произведение.

Поэтому я вношу предложение выдворить Солженицына из страны в административном порядке. Поручить нашим послам сделать соответствующий запрос в ряде стран, которые я называю в записке, с целью принять Солженицына. Если мы не предпримем этих мер, то вся наша пропагандистская работа ни к чему не приведет. Если мы будем помещать статьи в газетах, говорить о нем по радио, а не примем мер, то это будет пустым звуком. Надо определиться, как нам поступить с Солженицыным.

БРЕЖНЕВ. А если его выдворить в социалистическую страну?

АНДРОПОВ. Едва ли, Леонид Ильич, это будет принято социалистическими странами. Ведь мы подарим им такого субъекта. Может быть, нам попросить Ирак, Швейцарию или какую-то другую страну? Жить за рубежом он может безбедно, у него в европейских банках на счетах находится 8 млн. рублей.

СУСЛОВ. Солженицын обнаглел, оплевывает советский строй, Коммунистическую партию, он замахнулся на святая святых — на Ленина.

Вопрос времени, как поступить с Солженицыным: то ли его выдворить из страны, то ли судить по нашим советским законам — это надо сделать. Для того, чтобы осуществить ту или иную меру в отношении Солженицына, надо подготовить наш народ, а это мы должны сделать путем развертывания широкой пропаганды. Мы правильно поступили с Сахаровым, когда провели соответствующую пропагандистскую работу. По существу, больше нет уже злобных писем относительно Сахарова. Миллионы советских людей слушают радио, слушают передачи об этих новых сочинениях. Все это воздействует на народ.

Надо нам выступить с рядом статей и разоблачить Солженицына. Это обязательно надо сделать.

По решению, принятому Секретариатом, имеется в виду опубликовать одну-две статьи в "Правде", в "Литературной газете"[6]. Народ будет знать об этой книге Солженицына. Конечно, не надо развертывать кампании вокруг этого, а несколько статей напечатать.

КИРИЛЕНКО. Это только привлечет внимание к Солженицыну.

СУСЛОВ. Но и молчать нельзя.

ПОЛЯНСКИЙ. Надо сочетать пропагандистские меры и одновременно принимать административные меры.

ГРОМЫКО. Солженицын — это враг, и я голосую за самые строгие меры в отношении его.

Что касается проведения пропагандистских мер, то их надо дозировать. Надо внимательно их продумать. Но нельзя отказываться и от таких шагов, которые предлагает тов. Андропов. Если мы его насильно без согласия выдворим из страны, то надо иметь в виду, что это может буржуазная пропаганда обратить против нас. Выселить с согласия было бы хорошо, но он не даст такого согласия. Может быть, нам немножко потерпеть еще какое-то время, пока идет европейское совещание? Даже если какая-то страна и согласится, то сейчас его выселять было бы нецелесообразно, потому что против нас может быть развернута широкая пропаганда, и это не поможет нам при завершении общеевропейского совещания. Я имею в виду подождать три-четыре месяца, но еще раз говорю, что в принципе я за строгие меры. Солженицына сейчас надо окружить кордоном с тем, чтобы он эти месяцы был изолирован, чтобы не допускать к нему людей, через которых он может вести пропаганду.

В ближайшее время предстоит визит Леонида Ильича на Кубу[7]. И это тоже сейчас не совсем выгодно для нас, потому что будут много помещать разного рода материалов против Советского Союза. Внутри страны нужно принять необходимые меры пропагандистского характера по разоблачению Солженицына.

УСТИНОВ. Я считал бы начать работу по осуществлению предложений, которые внес тов. Андропов. Вместе с тем надо опубликовать пропагандистские материалы, разоблачающие Солженицына.

ПОДГОРНЫЙ. Я бы хотел поставить вопрос этот таким образом: какую административную меру принять в отношении Солженицына: или его судить по советским законам внутри страны и заставить его отбывать нака-

зание у нас, или, как предлагает тов. Андропов, выдворить его из страны. То, что Солженицын враг, наглый, ярый, и что он ведет за собой отщепенцев, — это бесспорно. То, что он делает все это безнаказанно, это тоже для нас всех ясно. Давайте посмотрим, что будет более выгодно для нас, какая мера: суд или высылка. Во многих странах — в Китае открыто казнят людей; в Чили фашистский режим расстреливает и истязает людей; англичане в Ирландии в отношении трудового народа применяют репрессии, а мы имеем дело с ярым врагом и проходим мимо, когда обливает грязью все и вся.

Я считаю, что наш закон является гуманным, но в то же время беспощадным по отношению к врагам, и мы должны его судить по нашим советским законам в нашем советском суде и заставить его отбывать наказание в Советском Союзе.

ДЕМИЧЕВ. Конечно, шум за рубежом будет, но мы уже опубликовали несколько материалов о новой книге Солженицына. Нам нужно дальше развертывать пропагандистскую работу, так как молчать нельзя. Если в своем произведении "Пир победителей" Солженицын говорит, что он пишет так потому, что обозлен на Советскую власть, то теперь в книге "Архипелаг ГУЛаг", которую он написал в 1965 году, он с большей наглостью, с большей откровенностью выступает против советского строя, против партии. Поэтому мы должны дать резкие выступления в нашей печати. Это, по-моему, не повлияет на разрядку международной напряженности и на общеевропейское совещание.

СУСЛОВ. Партийные организации ждут, социалистические страны тоже ждут, как мы будем реагировать на действия Солженицына. Буржуазная печать сейчас вовсю трубит об этой книге Солженицына. И нам молчать нельзя.

КАТУШЕВ. Все мы однозначно определяемся в оценке действий Солженицына. Это — враг, и с ним нужно поступить соответствующим образом. Видимо, мы не уйдем от того, чтобы не решать вопрос с Солженицыным сейчас, но его надо решать в комплексе. С одной стороны, использовать всю нашу пропаганду против Солженицына, и, с другой стороны, нам нужно предпринять меры в соответствии с запиской тов. Андропова.

Можно, очевидно, по постановлению Верховного Совета выселить его за пределы нашей страны и сказать об этом в печати. Он посягнул на наш суверенитет, на

наши свободы, на наши законы и должен понести за это наказание.

Переговоры о выдворении Солженицына, очевидно, займут 3—4 месяца, но, повторяю, решать этот вопрос нужно в комплексе и выдворять его из страны чем скорее, тем лучше.

Что касается нашей печати, то со статьями в ней нужно выступить.

КАПИТОНОВ. Я хотел бы порассуждать по этому вопросу так: если мы выдворим Солженицына за пределы страны, то как поймет это наш народ. Могут, конечно, быть всякие недомолвки, пересуды и т. д. Что мы этим покажем — свою силу или слабость? Я думаю, что мы во всяком случае своей силы этим не покажем. Мы пока что идеологически его не развенчали и народу по существу о Солженицыне ничего не сказали. А это надо сделать. Нужно прежде всего начать работу по разоблачению Солженицына, вывернуть его наизнанку, и тогда любая административная мера будет понятна нашему народу.

СОЛОМЕНЦЕВ. Солженицын — матерый враг Советского Союза. Если бы не внешнеполитические акции, которые осуществляет сейчас Советский Союз, то можно было бы, конечно, вопрос решать без промедления. Но как то или иное решение отразится на наших внешнеполитических акциях? Но, очевидно, при всех случаях мы должны сказать народу о Солженицыне все, что надо сказать. Надо дать острую оценку его действиям, его враждебной деятельности. Конечно, у народа возникнет вопрос, почему не предпринимают мер по отношению к Солженицыну? В ГДР, например, уже напечатали статью о Солженицыне, в Чехословакии — тоже. Я не говорю о буржуазных странах, а наша печать молчит. По радио мы слушаем о Солженицыне очень много, о его произведении “Архипелаг ГУЛаг”, а наше радио молчит, ничего не говорит.

Я считаю, что молчать нам нельзя, народ ждет решительных действий. В печати нужно дать острые материалы по разоблачению Солженицына. Очевидно, надо договориться с социалистическими странами и с компартиями капиталистических стран о мерах пропагандистского характера, которые они бы проводили у себя в странах.

Я считаю, что Солженицына надо судить по нашим законам.

ГРИШИН. Тов. Андропову, очевидно, следует поискать страну, которая согласилась бы принять Солже-

ницына. Что касается разоблачения Солженицына, то это надо начинать немедленно.

КИРИЛЕНКО. Когда мы говорим о Солженицыне как об антисоветчике и злостном враге советского строя, то каждый раз это совпадает с какими-то важными событиями, и мы откладываем решение этого вопроса. В свое время это было оправдано, но сейчас откладывать решение этого вопроса нельзя. То, что написали о Солженицыне, — это хорошо, но писать о Солженицыне надо, как здесь уже говорили товарищи, более солидно, остро, аргументированно. Например, писатель ПНР Кроликовский написал о Солженицыне очень хорошую разоблачительную статью. Сейчас Солженицын все более и более наглеет. Он не одиночка, он контактируется с Сахаровым. За рубежом он имеет контакты с НТС. Поэтому настал момент взяться за Солженицына по-настоящему, но чтобы после этого последовало бы выселение его из страны или другие административные меры.

Андрей Андреевич говорит, как бы эта мера не обернулась против нас. Но как бы она ни обернулась против нас, а так оставлять нельзя этот вопрос. Враги вставляют нам палки в колеса, и молчать об этом мы не можем. Даже многие буржуазные газеты сейчас выступают о Солженицыне и заявляют, что его, очевидно, будут судить по советским законам и что он уже подпадает под действие закона о нарушении конвенции об охране авторских прав, к которой мы присоединились.

Я за предложение, которое выдвинул тов. Андропов.

В газетах нужно дать статьи, но очень аргументированные, обстоятельные.

КОСЫГИН. У нас у всех, товарищи, общее мнение, и я полностью присоединяюсь к сказанному.

Несколько лет Солженицын пытается хозяйничать в умах нашего народа. Мы его как-то боимся трогать, а между тем все наши действия в отношении Солженицына народ приветствовал бы.

Если говорить об общественном мнении, которое создастся за рубежом, то нам надо рассуждать так: где будет меньше вреда — или мы его разоблачим, осудим и посадим, или мы будем ждать еще несколько месяцев, потом выселим в другую страну.

Я думаю, что для нас будет меньше издержки, если мы поступим сейчас в отношении его решительно и осудим по советским законам.

Очевидно, статьи о Солженицыне в газетах надо дать, но серьезные. Солженицын куплен буржуазными компа-

ниями, агентствами и работает на них. Книга Солженицына "Архипелаг ГУЛаг" — это махровое антисоветское произведение. Я беседовал с тов. Андроповым по этому вопросу. Конечно, капиталистические страны Солженицына не примут. Я за то, чтобы попытаться тов. Андропову прозондировать в капиталистических странах вопрос, какая из них может его принять. Но, с другой стороны, нам нечего бояться применить к Солженицыну суровые меры советского правосудия. Возьмите вы Англию. Там уничтожают сотни людей. Или Чили — то же самое.

Нужно провести суд над Солженицыным и рассказать о нем, а отбывать наказание его можно сослать в Верхоянск, туда никто не поедет из зарубежных корреспондентов: там очень холодно. Скрывать от народа нам нельзя. Статьи в газетах надо поместить.

ПОДГОРНЫЙ. Солженицын ведет активную антисоветскую работу. В свое время менее опасных врагов, чем Солженицын, мы высылали из страны или судили, а к Солженицыну пока мы подойти не можем, все ищем подхода. Последняя книга Солженицына не дает никаких оснований для снисхождения к нему.

Надо, чтобы эта мера, конечно, не повредила проведению других акций. У Солженицына есть немало последователей, но проходить мимо его действий нам нельзя.

Я считаю, что любую нашу акцию народ поддержит. Статьи в газетах нужно опубликовать, но очень аргументированные и убедительные. Сейчас о нем многое знают и о последней книге тоже уже знают. Ведут передачи "Голос Америки", "Свободная Европа" и другие радиостанции. И у нас, и за рубежом ждут, какие же меры примет Советское правительство к Солженицыну. Он, конечно, не боится и полагает, что к нему никаких мер не будет принято.

Я считаю, что, даже несмотря на общеевропейское совещание, нам нельзя отступать от того, чтобы не применять мер по отношению к Солженицыну. И даже независимо от того, что происходит общеевропейское совещание, надо провести меру суда над Солженицыным, и пусть знают, что мы проводим в этом отношении принципиальную политику. Мы не даем никакой пощады врагам.

Я считаю, что мы нанесем большой ущерб нашему общему делу, если не предпримем мер к Солженицыну, даже несмотря на то, что за рубежом поднимется шум. Будут, конечно, всякие разговоры, но интересы нашего

народа, интересы Советского государства, нашей партии нам превыше всего. Если мы не предпримем этих решительных мер, то нас спросят, почему мы таких мер не предпринимаем.

Я хочу высказаться за то, чтобы провести над Солженицыным суд. Если мы его вышлем, то этим покажем свою слабость. Нам нужно подготовиться к суду, разоблачить Солженицына в печати, завести на него дело, провести следствие и передать через Прокуратуру дело в суд.

ПОЛЯНСКИЙ. До суда его можно арестовать?

АНДРОПОВ. Можно. Я советовался по этому вопросу с Руденко.

ПОДГОРНЫЙ. Что касается выселения в какую-то другую страну, то без согласия этой страны этого делать совершенно нецелесообразно.

АНДРОПОВ. Мы начнем работу по выдворению, но одновременно заведем на него дело, изолируем его.

ПОДГОРНЫЙ. Если мы его вышлем за границу, то и там он будет нам вредить.

ГРОМЫКО. Надо, очевидно, нам остановиться все же на внутреннем варианте.

АНДРОПОВ. Я считаю, что если мы будем затягивать дело по отношению к Солженицыну, то это будет хуже.

ПОДГОРНЫЙ. Можно и растянуть дело с Солженицыным, скажем, затянуть следствие. Но пусть он это время находится в тюрьме.

ШЕЛЕПИН. Когда мы три месяца тому назад собирались у тов.Косыгина и обсуждали вопрос о мерах, которые должны приниматься по отношению к Солженицыну, то пришли к выводу, что административных мер принимать не следует. И тогда это было правильно. Теперь сложилась другая ситуация. Солженицын пошел открыто против Советской власти, Советского государства. И сейчас нам, я считаю, выгодно до окончания европейского совещания решить вопрос с Солженицыным. Это покажет нашу последовательную принципиальность. Если мы проведем эту акцию после европейского совещания, то нас обвинят, что мы на самом совещании были неискренними, когда принимали решение, что уже начинаем нарушать эти решения и т. д. У нас чистая и правильная линия. Мы не позволим никому нарушать наши советские законы. Высылка его за границу, по-моему, эта мера не является подходящей. По-моему, не следует впутывать иностранные государства в это дело. У нас есть органы

правосудия, и пусть они начинают расследование, а затем и судебный процесс.

БРЕЖНЕВ. Вопрос в отношении Солженицына, конечно, не простой, а очень сложный. Буржуазная печать пытается связать дело Солженицына с проведением наших крупных акций по мирному урегулированию. Каким образом нам поступить с Солженицыным? Я считаю, что лучший способ — это поступить в соответствии с нашими советскими законами.

ВСЕ. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Наша Прокуратура может начать следствие, подготовить обвинение, подробно расскажет в этом обвинении, в чем он виновен. Солженицын сидел в свое время в тюрьме, отбывал наказание за грубое нарушение советского законодательства и был реабилитирован. Но как он был реабилитирован? Его реабилитировали два человека — Шатуновская и Снегов. В соответствии с нашим законодательством надо лишить его возможности связи с заграницей, пока ведется следствие. Следствие вести нужно открыто, показать народу его враждебную антисоветскую деятельность, осквернение нашего советского строя, очернение памяти великого вождя, основателя партии и государства В. И. Ленина, осквернение памяти жертв Великой Отечественной войны, оправдание контрреволюционеров, прямое нарушение наших законов. Его нужно судить на основании нашего закона.

Мы в свое время не побоялись выступить против контрреволюции в Чехословакии. Мы не побоялись отпустить из страны Алиллуеву. Все это мы пережили. Я думаю, переживем и это. Нужно дать аргументированные статьи, дать строгий и четкий ответ на писания такого журналиста, как Олсоп, опубликовать статьи в других газетах.

Я беседовал с тов. Громыко относительно влияния наших мер в отношении Солженицына на общеевропейском совещании. Я думаю, что это не окажет большого влияния. Высылать его, очевидно, нецелесообразно, так как никто его не примет. Одно дело, когда Кузнецов и другие убежали сами, а другое дело, когда мы выселяем в административном порядке.

Поэтому я бы считал необходимым поручить КГБ и Прокуратуре СССР разработать порядок привлечения Солженицына к судебной ответственности и с учетом всего того, что сказано было здесь, на заседании Политбюро, принять соответствующие меры судебного порядка.

ПОДГОРНЫЙ. Надо его арестовать и предъявить ему обвинение.

БРЕЖНЕВ. Пусть товарищи Андропов и Руденко разработают всю процедуру предъявления обвинения и все, как следует, в соответствии с нашим законодательством.

Я бы считал необходимым поручить т. т. Андропову, Демичеву, Катушеву подготовить информацию для секретарей братских коммунистических и рабочих партий социалистических стран и других руководителей братских коммунистических партий о наших мерах в отношении Солженицына.

ВСЕ. Правильно. Согласны.

Принято следующее постановление[8].

О мерах по пресечению антисоветской деятельности Солженицына А. И.

1. За злостную антисоветскую деятельность, выразившуюся в передаче в зарубежные издательства и информационные агентства рукописей книг, писем, интервью, содержащих клевету на советский строй, Советский Союз, Коммунистическую партию Советского Союза и их внешнюю и внутреннюю политику, оскверняющих светлую память В. И. Ленина и других деятелей КПСС и Советского государства, жертв Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации, оправдывающих действия как внутренних, так и зарубежных контрреволюционных и враждебных советскому строю элементов и групп, а также за грубое нарушение правил печатания своих литературных произведений в зарубежных издательствах, установленных Всемирной (Женевской) Конвенцией об авторском праве, Солженицына А. И. привлечь к судебной ответственности.

2. Поручить т. т. Андропову Ю. В. и Руденко Р. А. определить порядок и процедуру проведения следствия и судебного процесса над Солженицыным А. И., в соответствии с обменом мнениями на Политбюро, и свои предложения по этому вопросу представить в ЦК КПСС[9].

О ходе следствия и судебного процесса информировать ЦК КПСС в оперативном порядке.

3. Поручить т. т. Андропову, Демичеву и Катушеву подготовить информацию для первых секретарей ЦК Коммунистических и рабочих партий социалистических и некоторых капиталистических стран о наших мерах, предпринимаемых в отношении Солженицына с учетом состоявшегося на Политбюро обмена мнениями, и представить ее в ЦК КПСС[10].

4. Поручить Секретариату ЦК определить срок направления этой информации братским партиям.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1974 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См. документ № 111
[2]Так в тексте документа. Правильно С. Аллилуева. В декабре 1966 г. С. Аллилуева выехала в Индию для захоронения праха ее мужа, умершего в Москве. В марте 1967 г. из Индии она переехала в США, где и осталась на постоянное жительство.
[3]См. документ № 108
[4]На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) Л. Д. Троцкий в феврале 1929 г. был выслан из СССР
[5]См. примечание 3 к документу № 90
[6]См. документ № 111
[7]Визит Л. И. Брежнева на Кубу проходил с 28 января по 3 февраля 1974 г.
[8]В протокол заседания Политбюро ЦК КПСС был записан другой вариант постановления (см. документ № 113)
[9]См. документ № 135
[10]См. документы № 116, 122.

№ 113

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"О Солженицыне"

№ П120/1 — протокольно 7 января 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ограничиться обменом мнениями, состоявшимся на заседании Политбюро ЦК КПСС по этому вопросу.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 9. Выписка из протокола.

№ 114

ЗАПИСКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ ГАЗЕТЫ "ПРАВДА" Ю. ЖУКОВА[1]

11 января 1974 г.

В ЦК КПСС

9 января 1974 года, выступая по телевидению с ответами на вопросы телезрителей о буржуазной пропаганде, я, в частности, затронул вопрос о том, как иностран-

ные радиостанции, ведущие антисоветские передачи на русском языке, используют враждебные нам выступления Солженицына и Сахарова для клеветы на нас.

При этом я показал телезрителям большую пачку возмущенных откликов советских людей на действия Солженицына и Сахарова и сказал, что читать эти письма не намерен, дабы не давать возможности Солженицыну и Сахарову изображать себя в роли мучеников, подвергающихся травле, но добавил, что если иностранные корреспонденты этого пожелают, то я охотно предоставлю данные письма в их распоряжение для опубликования. Попутно я напомнил, что в свое время, выступая по поводу позиции, занятой Сахаровым, я уже обращался к иностранным корреспондентам с аналогичной просьбой, но ни один из них не воспользовался моим приглашением.

Назавтра, 10 января, ко мне обратились корреспонденты "Нью-Йорк таймс", "Вашингтон пост", "Балтимор сан", журнала "Тайм" и агентства Юнайтед пресс интернэшнл, а также корреспонденты скандинавских газет с просьбой познакомить их с письмами советских людей. 10 и 11 января я принял этих корреспондентов, показал им эти письма и прочел многие из них.

Я рассказал, что всего мною получено несколько сот писем, авторы которых единодушно осуждают поведение Сахарова и Солженицына и, в частности, опубликование Солженицыным книги "Архипелаг ГУЛАГ", отрывки из которой в последнее время передают иностранные радиостанции.

Среди писем, с которыми я ознакомил американских корреспондентов, было письмо ветерана Октябрьской революции А. Конторщикова, живущего в городе Электрогорске. Тов. Конторщиков пишет, что он в свое время подвергался незаслуженным репрессиям и провел в лагерях 17 лет, но сохранил веру в партию и в Советскую власть, остался преданным Родине патриотом. Он отвергает попытки Солженицына спекулировать на нарушениях законности в период культа личности Сталина, изображая весь Советский Союз как большой концлагерь, и делает вывод: "Надо оградить советский народ, нашу советскую столицу Москву от контрреволюционеров Сахарова и Солженицына. Пусть визжат идеологические диверсанты всех мастей и зарубежные радиостанции, но советский воздух будет чистым".

Во время беседы с американскими корреспондентами мне позвонил один телезритель из города Солнечногорска и сказал, что он слушал мою телевизионную передачу

и хотел бы через меня передать ответ “этому гаду Солженицыну”. Этот товарищ сказал, что он в период культа личности был незаслуженно репрессирован и провел в лагерях 18 лет. “Тем не менее, — сказал он, — я и другие товарищи, оказавшиеся в таком же положении, даже в той трудной обстановке сохранили преданность партии и делали все возможное для Родины. Вспомнился такой эпизод. В 1943 году в Находку, где мы работали, находясь в лагере, прибыл пароход с шасси американских грузовиков “Студебеккер” для фронта. Надо было срочно сделать для них кузова, собрать машины и быстро отправить их на запад. Мы, заключенные, собрались и приняли решение: не выходить из цеха, пока не сделаем все кузова. Спали мы всего по три часа в сутки. И вот моя бригада за десять дней сделала 365 кузовов, и машины были отправлены на фронт досрочно. Какое же право имеет Солженицын спекулировать на лагерной теме?”

Я тут же передал этот разговор сидевшим рядом со мной американским корреспондентам. Выглядели они весьма жалко, словно побитые собаки.

Я заставил их записать выдержки из писем, фамилии авторов и их домашние адреса.

Сегодня, 11 января, я в течение двух часов читал журналистам из Швеции, Норвегии и Дании выдержки из других писем, из свежей почты, авторы которых также резко критикуют Сахарова и Солженицына и требуют принятия решительных мер против этих клеветников.

К сказанному хочу добавить, что авторы многих получаемых мною писем высказывают недовольство тем, что у нас, как они выражаются, проявляется “слишком либеральное отношение” к Сахарову и Солженицыну. Авторы писем требуют принятия административных мер против них, вплоть до высылки из Советского Союза.

— Если можно, то сообщите, чем вызывается такая снисходительность и терпимость в отношении к Сахарову, Солженицыну и другим, которые живут в нашей стране, клевещут на нас, — пишет товарищ А. И. Рыбкин из Москвы.

— Меня глубоко возмущает то мягкосердечие, которое наше правительство проявляет к таким отщепенцам, как Сахаров и другие, — пишет В. Черных из города Фрунзе.

— Наш народ терпелив, но его терпению приходит конец, и пусть Сахаровы и Солженицыны пеняют на себя, когда народ попросту выбросит их вон. Слишком долго мы не обращали на них серьезного внимания. Они

и возомнили, что им все дозволено, — пишет Т. Рябова из Калининграда.

— Мне кажется, настал момент спросить этих исказителей советской действительности: любите ли вы свою Родину? Если нет, то скатертью дорога, — пишет тов. Котов из Мурманска.

Я прилагаю к этой записке некоторые из полученных мною писем.

Ю. Жуков
Политический обозреватель "Правды"

Приложенце 1

Главному редактору газеты "Правда" т. Жукову Юрию.

С 1943 года я остался инвалидом, до этого я был здоровым жизнерадостным советским человеком, в тяжелых боях отступая от Чучуева и до Шаумяновских перевалов под Туапсе, я был дважды ранен, не бросил оружие, вверенное мне советской властью, не сдался в плен, вырываясь из окружения, не раз терял товарищей, друзей-солдат жизнелюбов. И только под Туапсе меня увезли в далекий тыл, после третьего тяжелого ранения. И врачи, и сестры — **наши советские люди** — душой и сердцем, своей собственной кровью спасли от смерти и сохранили мне жизнь, и все это **потому, что они и я сражались за советскую власть, и советская власть не забыла** меня и я еще живу, благодаря неустанной заботе нашей советской власти и партии коммунистов, членом которой я состою.

До какой же степени падения нужно было дойти Солженицыну, чтобы обливать грязью весь строй советский? Ведь он остался жив потому, что 20 миллионов погибли, чтобы он мог жить и учиться, творить полезное, а не воспевать уголовную сволочь, отщепенцев, предателей Родины, которым в любом государстве пожизненное место жительства — концлагерь и тюрьма. Значит, он такой же предатель и изменник нашей Родины и неслучайный попутчик фашизма, он бьет нас в спину с дальним прицелом. Почему же наши советские органы до сих пор с ним гуманничают, почему же он и Сахаров гуляют на свободе и еще дипломатничают?!

От имени павших в боях за нашу советскую Родину и оставшихся еще живыми калеками **я требую** к таким, как Солженицын; Сахаров и еще 200 имен, которых он

назвал в своем пасквиле, — самых строгих мер изоляции и карающих действий. Нас, советских людей, строящих новое коммунистическое завтра, — 250 миллионов человек, и если наше общество лишится таких паразитов, то от этого Революция не пострадает.

Инвалид Отечественной войны II группы, член КПСС Елфимов Андрей Иванович.

г. Львов.

Т. Жуков, прошу напечатать мое возмущение в нашей газете "Правда".

Приложение 2

Товарищ Жуков!

Я решил написать Вам письмо по вопросу поведения изменников Родины — Сахарова, Солженицына и им подобных.

Меня поражает безнаказанность антисоветской и антинародной деятельности этих ублюдков.

Я не знаю, чем знаменит Сахаров и Солженицын, какие ученые и литературные "шедевры" преподнесли они человечеству, но уверен, что не от хорошей жизни они зарабатывают бизнес на антисоветском поприще, так как на более полезное для народа дело они уже не способны. Не понимаю, почему органы государственной безопасности позволяют им так себя вести?

Если это из демократических соображений, то грош цена таким соображениям, так как они противоречат непримиримости классовой борьбы на идеологическом фронте. Сахаров и Солженицын без зазрения совести жрут наш советский хлеб и льют грязь на наш народ, доходя в своей вражде к стране, которая дала им все, к открытому призыву к империалистам вмешаться во внутренние дела нашего государства, т. е. к войне. А чего стоит их поддержка чилийской хунты — кровавых убийц Сальватора Альенде, Пабло Неруды и других многих тысяч чилийских рабочих и крестьян, их "солидарность" с империалистами Израиля и США. Не пора ли с этим кончать! Очень жаль, что нет у нас сейчас таких людей, как В. И. Ленин. Они бы заставили эту сволочь уважать свою Родину и свой народ!

Пора назвать Сахарова и Солженицына не "инакомыслящими" (слово-то какое — церковно-славянское), а

врагами народа, изменниками Родины и судить их по законам нашего государства. Гнать их нужно в шею из Советского Союза! Как минимум! Прошу сообщить — прав ли я?

Иванов Михаил Николаевич,
пенсионер, член КПСС с 1940 года.

Приложение 3

Юрий Александрович!

Недавно наша печать сообщила об антисоветском выступлении Сахарова и Солженицына перед иностранными буржуазными журналистами, в которых они вновь клевещут на внешнюю политику Коммунистической партии и Советского правительства. Сахаров и Солженицын своими действиями причиняют вред нашему государству. Все прогрессивные люди мира осуждают фашистскую хунту Чили и Израильских агрессоров, при этом одобряют позицию Советского правительства, занятую по отношению к этим событиям. Между тем, Сахаров и Солженицын одобрительно отзываются о действиях чилийской хунты и Израильских агрессоров, охаивая при этом политику Советского Союза.

Возникает законный вопрос, тов. Жуков — почему этих космополитов и антисоветчиков Сахарова и Солженицына до сего времени не привлекли к уголовной ответственности на основании наших законов. Ст.70 УК РСФСР предусматривает ответственность в отношении лиц, которые проводят агитацию или пропаганду в целях подрыва Советской власти либо распространяют в тех же целях клеветнические измышления, которые порочат советский государственный и общественный строй. На основании этого закона и следует этих отщепенцев изолировать от общества, чтобы пресечь их вредную деятельность.

Сахаров и Солженицын не заблуждающиеся люди, а злобные враги, которые в силу своих убеждений, сознательно, целеустремленно выступают против Советского Союза, против мероприятий Советской власти. Нельзя бесконечно испытывать терпение наших советских людей, которым бесконечно дороги интересы нашей Родины. Советские люди всемерно одобряют и поддерживают политику родной Коммунистической партии, Советского правительства, доверяют им беспредельно, а Сахаров и Солженицын стремятся подорвать это дове-

рие. Такого права никто им не давал, а поэтому не должно быть им места в рядах строителей коммунизма, в рядах честных советских людей.

Максимов П. И.

г. Киров.

Приложение 4

Многоуважаемый тов. Жуков!

Вопрос о Солженицыне.

До каких пор Советское правительство будет разрешать этому "писателю", который считает себя гражданином СССР, живет на нашей земле, ест хлеб, заработанный нашим народом, — клеветать на этот народ, позволять нашим зарубежным врагам использовать свои "писания" против нашего народа?

Наши советские законы надежно охраняют и защищают свободу слова и критики, направленные на благо народа, а не во вред ему, но у нас есть законы и против клеветников, врагов и изменников нашей Родины.

Мне кажется, что уже давно пора или изолировать Солженицына, или отправить его в одну из любезных его сердцу капиталистических стран, где "мода" на него быстро пройдет и его за ненадобностью выбросят на свалку истории, как это неоднократно было и с другими, подобными ему, отступниками.

8.01.74 г.

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 3—6. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе указание: "Ознакомить секретарей ЦК КПСС" и подписи В. Долгих, К. Катушева, Д. Устинова, И. Капитонова, Б. Пономарева, М. Суслова, П. Демичева.

№ 115
ИНФОРМАЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КПСС[1]

11 января 1974 г.

Секретно

Ц К К П С С

С глубоким возмущением узнали трудящиеся Москвы из материалов газет, радио и телевизионных передач о выходе на Западе антисоветского издания Солженицына "Архипелаг Гулаг".

Публикация этого издания оценивается москвичами как новое проявление антикоммунистической кампании буржуазной пропаганды, направленной против нашей страны, на подрыв социалистического строя, ослабление усилий Советского Союза по укреплению мира, разрядке международной напряженности. "1973 год войдет в историю как год разрядки международной напряженности,— сказал ударник коммунистического труда, токарь Люблинского литейно-механического завода т. Булычев П. П.,— как год, в котором, благодаря усилиям нашей партии, ленинского Политбюро, лично Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, сделаны важные шаги в сторону укрепления мира во всем мире. Мы знаем, что кое-кому на Западе это не по душе, что в мире есть еще люди, которые не прочь бы были повернуть вспять колесо истории, поддержать пламя "холодной" войны. И вот очередным антикоммунистическим и антисоветским выступлением явилась публикация клеветнической книги Солженицына на Западе как раз в конце года разрядки международной напряженности. Видно, плохие дела у буржуазных пропагандистов, если они уже прибегают к помощи таких отщепенцев, каким является Солженицын.

Публикация на Западе писаний Солженицына, полных очернения нашей Родины, нашего народа, вызывает законный гнев всего народа".

"Новая шумиха, поднятая на Западе в связи с появлением книги "Архипелаг Гулаг", — сказал главный редактор журнала "Новый мир" т. Косолапов В. А., — имеет своей целью помешать делу мира, разрядке напряженности.

Писательская общественность СССР уже выразила свое отношение к деятельности отщепенца Солженицына, исключив его из Союза писателей. Его поведение несовместимо с высоким званием гражданина Советской страны".

"Не случайно, — отметил кандидат технических наук, начальник сектора Центрального научно-исследовательского технологического института т. Филиппов А. И., — ценится в антисоветских кругах Запада клеветник Солженицын. Его подрывные акции, среди которых защита расистского режима в Южной Африке, клевета на вьетнамских патриотов, призыв к Западу воспрепятствовать разрядке международной напряженности, на руку самой оголтелой реакции. Советская интеллигенция давно вычеркнула из своих рядов Солженицына. Он должен быть вычеркнут из числа граждан СССР".

В своих многочисленных высказываниях при беседах агитаторов и политинформаторов, в письмах в редакции газет трудящиеся Москвы говорят о Солженицыне как отщепенце, идеологическом диверсанте, клевещущем на советский государственный строй, советский народ, его героическую историю.

"Утверждения" Солженицына в его пасквиле, — сказал инженер конструкторского бюро Общего машиностроения т. Краснов Г. Н., — не выдерживают никакой критики. С ним даже не хочется спорить — да он и не достоин того, чтобы с ним спорили. Вся наша советская действительность, вся наша жизнь убедительно отвечают на ложь Солженицына и до конца разоблачают как бездарного писаку".

Швея-мотористка, ударник коммунистического труда швейного объединения "Смена" т. Елизарова В. Ф. сказала:

"Я простая работница, мать двоих детей, ежедневно убеждаюсь в том, как заботится партия и Советское правительство о советских людях. Мы постоянно ощущаем, как растет наше благосостояние. На заботу партии и правительства мы отвечаем ударным трудом, понимая, что этим мы укрепляем экономическую мощь, повышаем авторитет своей Родины. Я и мои товарищи глубоко возмущены поведением Солженицына и считаем, что этому подонку не может быть места на нашей советской земле".

"Я возмущен, и как гражданин и как ученый-историк, искажением фактов действительности в книге Солженицына, — сказал директор Института археологии АН СССР, академик Рыбаков Б. А. — Это есть прямая фальсификация исторической правды".

Трудящихся Москвы возмущают оценки Солженицына, данные им периоду царизма в России, как "времени благоденствия", нападки на социализм, который действительно освободил миллионы людей от гнета эксплуатации, способствовал развитию творческой мысли народа, просвещения, науки и культуры, преобразовал отсталую страну в ведущую экономическую и политическую силу современного мира. С чувством глубокого негодования воспринимаются рассуждения Солженицына о так называемом "гуманизме" врагов социализма, гитлеровских убийц, об изменниках Родины.

"В угоду самым темным реакционным силам, — сказал слесарь-сборщик Первого Московского подшипникового завода т. Хованский С. М., — Солженицын чернит и об-

ливает грязью наш социалистический строй и наши завоевания.

Все, что достигнуто трудом советских людей, все, что для каждого советского человека является священным и дорогим, отрицается этим отщепенцем. Я и мои товарищи по работе считаем, что Солженицын потерял право называться гражданином нашей Родины, есть наш хлеб, ходить по советской земле.

Мы, рабочие, заявляем, что никому не позволим чернить наш строй, наших людей, нашу Коммунистическую партию".

Гневные отклики с осуждением Солженицына поступают от участников Великой Отечественной войны, которые заявляют, что так нагло и цинично может писать о войне только трус и дезертир, которому безразличны интересы народа, человек, которому незнакомо слово Родина.

Проявляя единство взглядов и оценок на книгу "Архипелаг Гулаг" и его автора, трудящиеся Москвы задают вопросы следующего характера: "До каких пор мы будем терпимо относиться к антисоветской деятельности Солженицына? Понесет ли ответственность Солженицын перед советским законом за публикацию своей книги? Может ли правительство СССР подать протест в ООН против деятельности издательства, выпустившего книгу Солженицына? Будет ли дана более широкая информация об идейной ущербности книги Солженицына "Архипелаг Гулаг"?" и другие.

Многие москвичи предлагают судить Солженицына или лишить его советского гражданства, выслать из страны.

В настоящее время МГК КПСС организует работу по разъяснению возникающих вопросов о Солженицыне и его книге, а также принимает меры по усилению пропагандистской, лекционной и массово-политической работы в коллективах, связанной с вопросами идеологической борьбы на современном этапе.

Секретарь МГК КПСС *В. Гришин*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 36—39. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 14 января 1974 г. за № П70

№ 116

ЗАПИСКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС

"Об информации братским партиям относительно антисоветской деятельности Солженицына"[1]

№ 25-С-90 — 15 января 1974 г.

Секретно

Ц К К П С С

В соответствии с поручением[2] представляем информацию для братских партий относительно антисоветской деятельности Солженицына.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[3].

Б. Пономарев

Ф. 3, оп. 69, д. 997, л. 139. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 16 января 1974 г. за № П86

[2]См. документ № 112

[3]17 января 1974 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П122/XVII (см. документ № 122)

№ 117

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС, ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС И ОТДЕЛА НАУКИ И УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЦК КПСС

"Об откликах советской общественности на выступление газеты "Правда" со статьей "Путь предательства"[1]

15 января 1974 г.

Секретно

Ц К К П С С

Выступление газеты "Правда" вызвало широкий отклик во всех слоях советской общественности. Свое отношение к перерожденцу Солженицыну в письмах и устных заявлениях в газеты "Правда", "Известия", "Совет-

ская культура", "Комсомольская правда", "Литературная газета", на радио и телевидение высказывают рабочие, ученые, писатели, художники, деятели театра и кино, воины Советской Армии и Флота, учащаяся молодежь.

Все единодушны в оценке Солженицына как изменника Родины и предателя советского народа, клеветника на советскую действительность, платного лакея врагов социализма и Советского Союза. Во всех заявлениях выражается гнев по поводу того, что Солженицын безнаказанно творит злонамеренные антисоветские деяния, оскорбляет самые высокие и святые чувства советских людей. Авторы писем высказываются за принятие неотложных мер к Солженицыну в соответствии с советскими законами.

Перечень высказываний, поступивших в органы печати, прилагается. Поток писем аналогичного характера продолжается.

Сообщаем в порядке информации.

Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС	Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС	Зам. зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС
Г. Смирнов	*З. Туманова*	*С. Щербаков*

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ
наиболее характерных высказываний в связи с публикацией в "Правде" статьи "Путь предательства"

К. Федин — писатель.

"Очень хорошо, что "Правда" выступила с обстоятельной статьей, посвященной Солженицыну. Давно пора было раскрыть перед советской общественностью подлинное лицо этого внутреннего эмигранта".

М. Шагинян — писатель.

"Целиком поддерживаю статью в "Правде". Удивляюсь нашей терпимости к таким подонкам. Солженицын, оставаясь безнаказанным, разлагает нашу молодежь. И вообще он никакой не писатель. Я об этом говорила и в Венгрии, и в Швейцарии".

К. Симонов — писатель.

"До глубины души возмущен и творчеством, и поведением Солженицына. Целиком согласен с выступлением "Правды", полностью разделяю все положения, ко-

торые высказаны в этой статье относительно Солженицына".

В. Кожевников — писатель.

"Солженицын открыто нарушает советские законы, ведет себя антиконституционно. Он поддерживает пропаганду войны, выступает против разрядки. Надо спокойно решить вопрос о выдворении его из СССР".

С. Бабаевский — писатель.

"Я к этому явлению отношусь очень зло. Нечего с ним нянчиться. Надо с ним поступить по-другому... Это вообще безобразие! Статья в "Правде" очень верно политически написана. Это внутренний эмигрант, человек, который наживается на антисоветизме".

Полностью поддержали статью "Правды" и выразили свое возмущение антисоветской деятельностью Солженицына писатели — Ю. Бондарев, П. Бровка, Ю. Марцинкявичус, Е. Мальцев, А. Барто, А. Салынский, А. Рекемчук, Л. Карелин, А. Ананьев, А. Сурков, В. Боков, С. Щипачев, Л. Леонов, С. Островой, В. Фирсов и другие писатели.

Гневом возмущения наполнены высказывания многих деятелей культуры и науки.

Софья Гиацинтова, народная артистка СССР.

"Я ничего из написанного Солженицыным не читала, потому не могу судить о его литературных талантах. По-человечески же мне его поведение представляется отвратительным. И вообще сама эта история кажется мне возмутительной. Просто страшно, что в нашей стране живут такие люди".

Борис Чирков, народный артист СССР.

"Мы боролись и будем бороться с такими людьми и в жизни и в искусстве".

М. Жаров, народный артист СССР.

"Этому сукиному сыну нет места среди нас".

Оскар Курганов, кинодраматург.

"Солженицын — абсолютный антисоветчик, который ненавидит Советскую власть и пытается сделать все, чтобы оболгать ее. Отвратителен он и в своих человеческих качествах, мне пришлось много слышать о его поведении в период пребывания в лагерях".

Ю. Козлов, профессор МГУ.

"Апеллируя к мнению заокеанских антисоветчиков, Солженицын уверен, будто он не может быть привлечен к ответственности. Но он ошибается. Клеветник и злопыхатель должен быть наказан".

С. Микулинский, член-корреспондент АН СССР.

“Сколько можно терпеть в своем доме врага и клеветника, до каких пор можно терпеть в своей среде человека, перешедшего на услужение врагам Родины? Солженицын своими действиями давно поставил себя вне советского народа!”

В. Петров, член-корреспондент АН СССР.

“Все, что пишет Солженицын, показывает, что его клеветнические измышления — это не непонимание происходящего у нас, а прислуживание врагам Советского Союза, социализма и прогресса”.

С. Вернов, академик, председатель Московского комитета защиты мира.

“Большие жертвы пришлось принести нашему народу для спасения человечества от фашизма. А Солженицын клевещет на наш народ, оправдывает злейших врагов человечества”.

П. Ионкин, профессор МЭИ.

“Остается непонятным и вызывает удивление, почему и на каком основании государственные органы СССР разрешают А. Солженицыну — предателю дела социализма, врагу советского народа жить на свободе, пользоваться материальными благами, созданными трудом народа, иметь все условия для его “писательской” деятельности, направленной против нашего советского государства. До каких пор это будет продолжаться?”

Т. Салахов, народный художник СССР.

“Пора поступить с Солженицыным по всей строгости советских законов”.

Б. Ефимов, народный художник СССР.

“Солженицын бесповоротно встал на путь предательства, огульного очернения и охаивания социалистического строя, стал своего рода знаменем для антикоммунистов и антисоветчиков всех мастей”.

И. Толчанов, народный артист СССР.

“Моя семья — семья потомственных деятелей русской и советской культуры — полностью солидарна со статьей в “Правде”, давшей четкую политическую квалификацию провокационной деятельности Солженицына.

Вызывает недоумение, как этот предатель может жить среди советских людей, до каких пор территория страны, на которую он так злобно клевещет, будет давать ему приют”.

Г. Соколов — пенсионер (г. Ленинград).

“Мне не понятна та терпимость, которая проявляется к Солженицыну и его поступкам со стороны наших органов власти. Я проработал на производстве 50 лет, и

мне не безразлично, когда наносится ущерб нашей родине".

П. Дементьев, наладчик моторного завода (г. Ворошиловград).

"Наши законы к таким, как Солженицын, слишком — я вправе сказать так — слишком мягкотелы. Знаю, что судить его нашим судом не будут и приговора не состоится, а жаль. Но выслать его из города-героя, города славных революционных и боевых традиций, города, связанного с именем великого Ленина, нужно и необходимо, ибо он только оскверняет это святое для всего миролюбивого человечества место".

В. Шебалин, теплотехник объединения "Таджикатлас".

"Хочу от себя и своих товарищей спросить вас и органы — не надоело ли? Неужели этому Солженицыну все позволено? От себя лично и моих товарищей требую принятия к нему самых строгих мер согласно нашим законам".

Шипунов Н. И. (г. Ленинград).

"...Доколе мы, советские люди, должны терпеть на советской земле этого негодяя? Как долго он будет, извините, жрать русский хлеб и русское сало и сочинять гнусную клевету на всех нас? Неужели у нас нет законов, чтобы выгнать этого новоявленного миллионера туда, кому он служит?"

Учащиеся 9 "Б" класса, сш № 5 (Александровский район Ставропольского края).

"Как больно узнать, что человек, родившийся на нашей земле, клевещет на нас, советских людей, призывает к походу на СССР. Да ведь это предательство!"

Захаров О. А., бригадир ремонтно-монтажного управления (г. Саратов).

"Не пора ли привести к порядку зарвавшегося антисоветчика? Нас 250 миллионов, и если имеются такие уроды, как Солженицын и им подобные, то как можно мириться с тем, что такие вот Солженицыны едят хлеб, выращенный руками и потом советских людей".

В письмах и телеграммах в газету "Правда" имеются пожелания о том, чтобы провести в ряде организаций обсуждение опубликованной статьи, что, по мнению авторов писем, позволит более активно воздействовать на тех, кто еще стоит не на четких идейных позициях. Вносятся предложения об издании для служебного пользования наиболее характерных выдержек из творений Сахарова и Солженицына, что помогло бы вооружить иде-

ологических работников конкретными фактами в разъяснительной работе.

Есть и такие письма, где сообщается, что "если в ближайшие дни "Правда" не даст ответ о дальнейших действиях в отношении Солженицына, то публикация газеты вызовет обратную реакцию. К газете "Правда" не будет доверия"[2].

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 41—46. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 16 января 1974 г. за № П87
[2]Последний абзац документа вычеркнут М. Сусловым перед рассылкой документа

№ 118

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 119-А 15 января 1974 г.

Секретно

Ц К К П С С

Поступающая в Комитет госбезопасности информация свидетельствует о том, что члены дипломатического корпуса, иностранные журналисты, а также другие иностранцы, временно находящиеся в СССР, проявляют большой интерес к статье "Путь предательства", опубликованной в газете "Правда" 14 января 1974 года.

Их общее мнение сводится к тому, что публикация этой статьи своевременна, ее содержание острое, и после нее, очевидно, последуют конкретные меры, направленные на пресечение враждебной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА.

Представитель американской фирмы "Сатра корпорейшн" ПЕРРИНЕЛЛ отметил, что ему понятен гнев советских людей, которых возмущает поведение СОЛЖЕНИЦЫНА, обливающего грязью все, чего достиг и чем гордится советский народ.

Посол Ирана в СССР ТЕЙМУР, обсуждая выступление газеты "Правда", заявил: "**Только шакал может** принимать пищу от человека и всегда быть его врагом.

Я сравниваю СОЛЖЕНИЦЫНА с таким шакалом". По мнению ТЕЙМУРА, ни одно демократическое общество не может брать под защиту таких людей. Правда, кое-кто на Западе поддерживает подобный "героизм", но это делают лишь люди, которым безразлично, кого поднимать на щит, лишь бы обливалась грязью советская действительность".

Корреспондент западногерманской газеты "Рурнахрихтен" ЛАТЕ считает, что время для такой статьи назрело, и "очень хорошо, что наконец-то состоялось выступление, поставившее все точки над "и". ЛАТЕ особо подчеркивает тот факт, что статья написана в спокойном, деловом тоне и **не содержит каких-либо угроз** репрессиями в адрес СОЛЖЕНИЦЫНА. По мнению журналиста, на западную общественность окажет положительное влияние и то обстоятельство, что газета "Правда" в своем выступлении очень четко разграничила положение вещей, существовавшее до XX съезда КПСС, и в настоящее время. Статья "Путь предательства", по высказыванию ЛАТЕ, убедительно свидетельствует о том, что СОЛЖЕНИЦЫН своей позицией и своими произведениями оскорбляет весь советский народ и тем самым ставит себя вне советского общества.

Посол Алжира в СССР МАЛЕК высказался в том плане, что он **поддерживает выступление газеты "Правда"**, поскольку СОЛЖЕНИЦЫН и ему подобные играют на руку империализму, подрывая престиж своей страны.

Корреспондент телеграфного агентства Франс пресс ДАНЗАС подчеркивает, что статья в газете "Правда" является официальной точкой зрения Советского правительства. Поэтому ДАНЗАС расценивает ее как первый шаг в ряде мероприятий, которые в ближайшее время, очевидно, будут проведены против СОЛЖЕНИЦЫНА.

Такого же мнения придерживается и корреспондент американской газеты "Крисчен сайенс монитор" ГРУЛЕВ, который заявляет, что после публикации статьи "Путь предательства" следует ожидать "довольно суровых мер против СОЛЖЕНИЦЫНА". ГРУЛЕВ считает, что Советский Союз попытается использовать тот факт, что он присоединился к Женевской конвенции об охране авторских прав. Однако, по мнению ГРУЛЕВА, такой шаг имеет и отрицательную сторону: кампания, которую, несомненно, поднимет западная пресса по этому поводу, сделает рекламу как самому СОЛЖЕНИЦЫНУ, так и его книге.

Советник по культуре шведского посольства ЛУНДСТРЕМ отметил в связи с публикацией статьи в газете “Правда”, что “кольцо вокруг СОЛЖЕНИЦЫНА сужается“. Советское правительство, по мнению ЛУНДСТРЕМА, “по-видимому, считает недостаточным ограничение допуска к нему западных журналистов и высылку отдельных из них из СССР. Судя по всему, оно готово принять более решительные меры”.

Посол Эфиопии ЦЫГЕ заявил: “СОЛЖЕНИЦЫН вступил в серьезный конфликт с обществом. Но Советская власть прочная, и ему не удастся ее подорвать. Скорее советское общество уничтожит самого СОЛЖЕНИЦЫНА”.

Многие иностранцы сходятся на мысли о том, что СОЛЖЕНИЦЫН, по всей вероятности, будет выслан из Советского Союза и лишен советского гражданства, поскольку это — “самый легкий способ решить комплекс связанных с ним проблем”.

Отдельные иностранные журналисты высказывают предположение, что против СОЛЖЕНИЦЫНА не будет предпринято каких-либо репрессивных мер. При этом они ссылаются на то, что, мол, “общественное мнение” на Западе осудило бы попытку преследовать СОЛЖЕНИЦЫНА, а некоторые западные правительства использовали бы в пропагандистских целях этот факт на проходящем в Женеве втором этапе совещания по вопросам европейской безопасности.

Корреспондент английского агентства Рейтер БЬЮИСТ отмечает, что “если бы советские власти посадили СОЛЖЕНИЦЫНА в тюрьму, то им почти наверняка пришлось бы принести в жертву свои политические цели”.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 48—50. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе резолюция: “Желательно разослать по П/Б. Кириленко” и подпись М. Суслова; разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 22 января 1974 г. за № П127. Отдельные фразы выделены при читке в ЦК КПСС.

№ 119

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 139-А 16 января 1974 г.

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

В Комитет госбезопасности продолжают поступать сведения о том, что члены дипломатического корпуса и иностранные журналисты, аккредитованные в Москве, оживленно обсуждают статью “Путь предательства”, опубликованную в газете “Правда”.

Выступая перед американскими журналистами в Москве, временный поверенный в делах США в СССР ДАБС заявил, что последняя книга СОЛЖЕНИЦЫНА “безусловно сыграла на руку тем кругам, которые сомневаются в необходимости разрядки напряженности”.

По мнению корреспондента агентства Франс пресс ВИШНЕВСКОГО, СОЛЖЕНИЦЫН создал себе рекламу и рассчитывает теперь, что он неуязвим. “В книгах СОЛЖЕНИЦЫНА, — сказал ВИШНЕВСКИЙ, — резко проявляется злоба к существующему в СССР строю”.

Иностранные корреспонденты подчеркивают невысокий художественный уровень произведений СОЛЖЕНИЦЫНА, а всю шумиху вокруг них объясняют политическими причинами. “Архипелаг Гулаг”, — сказал в частной беседе корреспондент западногерманской газеты “Рейнише пост” КУБАЛЛА, — не интереснее, чем список телефонных абонентов. В нем нагромождение справочного материала, перемешанного с действительными или надуманными фактами. “Правда” права в том, что шумиха, поднятая на Западе вокруг новой книги СОЛЖЕНИЦЫНА, объясняется не ее литературными качествами, а сугубо политическими мотивами”.

Корреспондент агентства Ассошиэйтед пресс МЕЙСОН обращает внимание на тот факт, что орган ЦК КПСС впервые выступил с осуждением СОЛЖЕНИЦЫНА от своего собственного имени. Публикацию статьи “Путь предательства” он расценивает как начало широкой кампании против СОЛЖЕНИЦЫНА. Такого же мнения придерживаются корреспондент американской газеты “Крисчен сайенс монитор” ГРУЛЕВ, глава московского бюро агентства Франс пресс ДИЛЛОН, корреспон-

дент объединенного телеграфного агентства северных стран ФРЕДРИКСОН и некоторые другие иностранные журналисты.

Иностранцы не исключают возможности того, что СОЛЖЕНИЦЫН будет лишен советского гражданства и выдворен из СССР. В этом случае, по мнению иностранцев, пропагандистским органам Запада будет трудно привлекать его к антисоветским кампаниям. Развивая эту мысль, третий секретарь посольства Великобритании ЛАЙН заявил: "СОЛЖЕНИЦЫН не смог бы работать на Западе. Там он был бы оторван от своей страны и, что самое главное, не имел бы материала для своих новых произведений".

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 52—53. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 17 января 1974 г. за № П94

№ 120

ИНФОРМАЦИЯ ОБЩЕГО ОТДЕЛА ЦК КПСС "О письмах трудящихся в связи с антисоветской деятельностью А. Сахарова и А. Солженицына"[1]

16 января 1974г.

В Центральный Комитет партии поступают многочисленные письма, в которых трудящиеся с гневом и возмущением осуждают враждебную, направленную против интересов советского народа деятельность А. Сахарова и А. Солженицына, требуют строгих мер по ее пресечению и сурового наказания этих лиц.

Авторы большого числа заявлений, адресованных ЦК КПСС, клеймят позором академика Сахарова в связи с его последними заявлениями для буржуазных газет и Солженицына в связи с выходом на Западе его клеветнической книги "Архипелаг Гулаг". Рабочие, труженики сельского хозяйства, деятели науки и искусства, работники советских учреждений решительно выступают против попытки зарвавшихся антисоветчиков оклеветать со-

циалистический образ жизни, внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, заявляют о своей твердой поддержке практических действий ЦК КПСС, направленных на претворение в жизнь исторических решений XXIV съезда партии.

Широкий отклик среди советских людей вызвала статья "Правды" "Путь предательства", разоблачающая Солженицына как врага и предателя. Комментируя это выступление газеты, авторы писем заявляют, что реакционной пропаганде, спекулирующей на антисоветской стряпне, не удастся отравить атмосферу разрядки международной напряженности, достигнутой благодаря титаническим усилиям Советского Союза.

Уже длительное время А. Сахаров, А. Солженицын и некоторые другие лица занимаются антисоветской деятельностью, пишет участник Отечественной войны т. Хомутенко из г. Новороссийска. В частности, Сахаров, обращаясь к участникам Европейского совещания по безопасности и сотрудничеству, предупреждает их о том, что Советский Союз якобы преследует лишь свои корыстные цели и тем самым намерен обмануть буржуазные страны. Солженицын продолжает переправлять на Запад свои "литературные произведения", искажающие советскую действительность. Они занимаются, по сути дела, политической диверсией, цель которой состоит в том, чтобы представить трудящимся капиталистических стран наше социалистическое общество в виде государства, где подавлены все права человека. Видимо, назрела необходимость, заканчивает автор письма, поручить органам государственной безопасности разоблачить этих лиц. Одновременно следовало бы опубликовать заявление, в котором осветить вопросы, касающиеся советской демократии.

Член партии, инвалид Отечественной войны т. Русецкий из г. Львова отмечает: в одной из недавних передач радиостанция "Голос Америки" сообщила, что наш враг Солженицын написал новую антисоветскую книгу "Архипелаг Гулаг", в которой идет речь о концлагерях в нашей стране и что происходящие в них деяния несравнимы даже с гитлеровскими. И вот я, простой гражданин Советского Союза, как и многие другие, задаю вопрос: почему мы так долго терпим этого мерзавца, предателя Родины, агента буржуазии. Как он мог писать на эту тему, когда не имеет доступа к архивным документам, а значит излагает только собственные клеветнические вымыслы, рассчитанные на людей, падких на все антисо-

ветское. Всему миру известно, сколько банд с политической окраской орудовало на территории СССР и сколько контрреволюционных организаций было раскрыто и обезврежено нашими чекистами. Разве не пора разоблачить Солженицына, показать его подлинное лицо предателя. Его надо изгнать из нашей страны, как был изгнан в прошлом Троцкий.

Услышав по радио сообщения о позиции, занятой Сахаровым в конфликте арабов с Израилем, мы, граждане Советского Союза, возмущены до глубины души его поведением, говорится в письме, полученном из г. Львова. Удивляет, что правительство терпит такого предателя в нашей стране. Сахарову нет места среди нас. Примите к нему необходимые в таких случаях меры. Письмо подобного характера прислал член партии, москвич т. Милехин. Он пишет: нам такой ученый не нужен. Дайте Сахарову возможность подумать о своем предательстве где-нибудь подальше от Москвы. Тов. Кравченко из Крымской области заявляет: действия физика Сахарова явно направлены на подрыв авторитета СССР, социалистических стран, на подрыв исторических завоеваний КПСС, доверия между народами. С этим нельзя мириться, здесь неуместны снисходительность и малодушие. Сахаров — враг не только внутренний, но и внешний. Такие люди заслуживают самого сурового наказания, с ними надо быть беспощадными и считать таких лиц антигосударственными элементами.

Насколько я информирована, Сахаров является крупным специалистом в области ядерной физики, замечает т. Борухман из Ленинск-Кузнецкого. В связи с этим возникает опасность, как бы наша гуманность не способствовала рождению второго Пеньковского. Ведь правильно в свое время говорили: "кто не с нами, тот против нас". Мне кажется, что Сахаров должен быть изолирован от всех дел, связанных с укреплением обороноспособности нашей страны. Как бы не стал он добычей иностранной разведки[2].

Содержание ряда писем свидетельствует о том, что многим советским людям непонятно, как могут пользоваться свободой в нашей стране явные и открытые враги Советской власти, трудового народа. В отдельных заявлениях высказываются, например, предположения, что Сахарова и Солженицына "кто-то поддерживает" внутри страны. Всем известно, кто такой Сахаров и Солженицын, но речь в моем письме не об этом, пишет т. Хомутова из Иркутской области. Очень уж неясно, почему они про-

должают наглые разглагольствования, кто им это позволяет. Они принимают иностранных корреспондентов у себя на квартире, но почему она у них до сих пор есть? Их же надо судить как изменников Родины. От имени своей семьи, своих товарищей и от себя лично прошу так наказать Солженицына и Сахарова, чтобы они никогда уже не могли призывать империалистов посягнуть на нашу Родину, которая им чужда, которую они, конечно, грудью не защищали. Член КПСС с 1928 года т. Майсурян из Армянской ССР напоминает: если враг не сдается, его уничтожают. Солженицын и Сахаров являются врагами советского народа. Если они не сдаются, то следует поступить с ними, как с предателями. Самого строгого наказания Сахарова и Солженицына требуют в своих письмах т. т. Джангиров из Ташкента, Бочкарев из Казани и многие другие.

Москвич т. Меркулов заявляет: наша священная земля полита кровью 20 миллионов погибших и многих изувеченных. Я дважды ранен при защите Родины. Она принадлежит тем, кто за нее боролся, и поэтому все мы вправе спросить, почему соответствующие органы проявляют непонятную гуманность по отношению к Солженицыну и Сахарову. Их превозносят за рубежом. Там им и следует быть. "Общество инакомыслящих" в СССР состоит из двух человек. Ему требуется пополнение. Вот поэтому Сахарову и Солженицыну нужен свободный выезд и въезд в нашу страну. Почему мы цацкаемся с Солженицыным и Сахаровым. Капиталисты заинтересованы, чтобы эти изменники находились здесь, у нас. На Западе же они сразу потеряют свою "ценность".

Обращаясь в ЦК КПСС, т. Кучеренко из Киевской области пишет: уважаемые товарищи! Судите меня, как хотите, но я не могу больше терпеть ваше попустительство по отношению к предателям Родины. Я понимаю, что нужна выдержка, но то, что мы сегодня знаем об этих отщепенцах, до глубины души возмущает. Когда в "Вечернем Киеве" было сообщено о том, чего требует Сахаров от Советского Союза, то у меня волосы на голове вздыбились. У нас в районной газете был опубликован репортаж о суде над преступником, который восхвалял капиталистические порядки и пытался удрать за границу. Ему дали семь лет тюрьмы. И поделом. Предателям нет места на нашей земле. Но почему же мы нянчимся с врагами народа Солженицыным и Сахаровым? Ведь они более опасны, чем тот, который получил семь лет.

В письме т. Иванова из Татарской АССР содержатся те же вопросы. До каких же пор можно терпеть антисоветские, контрреволюционные выступления Сахарова, Солженицына и им подобных? — спрашивает автор. Почему с ними нянчатся? Не является ли это ослаблением диктатуры пролетариата? Борьба с внешними и внутренними врагами всегда была одной из главных задач Советской власти. Не слишком ли расточительно тратить столько драгоценного времени на разъяснение жалкой группке отщепенцев их "заблуждений"? Разве не ясно, что Сахаров, Солженицын и другие своими антисоветскими выступлениями поставили себя вне рядов нашего социалистического общества. Интересы безопасности Родины требуют строгих карательных мер в отношении ее врагов.

Авторы ряда писем, не ограничиваясь оценкой действий А. Сахарова и А. Солженицына, пытаются установить причины, породившие антисоветскую сущность поведения этих лиц. Наиболее часто высказывается мысль о том, что не все, видимо, благополучно в коллективе Академии наук СССР. Так, т. Боголепов из Москвы пишет: не в пример трусливому прохвосту А. Кузнецову академик Сахаров всячески "отстаивает" свои антисоветские убеждения. Этим он вреден более, нежели все известные нам перебежчики.

Судя по всему, в Академии наук нет порядка, указывает далее т. Чернецкий. Отдельные академики действуют как кустари-одиночки. Руководство не осуществляет за ними никакого контроля, не знает, чем они занимаются, где, кому и по какому поводу дают интервью. Автор письма т. Чернецкий замечает: нет ясности в вопросе: как и откуда появились Сахаров и Солженицын. Где же был коллектив и партийная организация Академии наук СССР и др., как могла там образоваться эта гниль. Пора навести порядок, покончить с распущенностью, хватит проявлять либерализм, указывается в письме из Молдавии.

Нередко наши ученые советы, присуждая степени и звания, обращают внимание лишь на сугубо профессиональные качества человека, забывают такие основные компоненты учености, как высокие моральные качества, принципиальность, преданность народу и советской Родине. Заявив в своем письме о том, что А. Сахарову было предоставлено слишком много свободы, рабочий т. Гайниев подчеркивает: мы живем в сложное время. Поэтому партийный контроль за подбором и расстановкой

кадров во всех сферах нашей жизни должен быть усилен. Особое внимание следует уделить идейному воспитанию ученых и писателей.

Требуя пресечения враждебной деятельности А. Сахарова и А. Солженицына, авторы писем ставят вопрос об усилении идейно-воспитательной работы среди трудящихся, улучшении работы средств пропаганды. В заявлении т. Рябова из Белгорода говорится: я член КПСС с 1930 года. Для людей моего поколения поведение Сахарова и Солженицына кажется дикостью. Дело в том, что до 1930 года в нашем идейном арсенале была, в лучшем случае, политграмота. Социалистическая экономика только еще набирала свою силу. Для подкрепления коммунистической убежденности мы не имели должной экономической основы. Но мы умели призвать к порядку всех, с позволения сказать, "защитников" свободы. На мой взгляд, местным партийным органам следует провести во всех производственных коллективах и особенно в научных учреждениях разъяснительную кампанию.

Автор письма, поступившего из г. Львова, пишет: теперь, когда вышла сволочная книжка Солженицына, вызвавшая вопли всех тех, кто ненавидит нашу Родину, надо дать им сокрушительный отпор — издать на многих языках основанный на документах сборник о белом терроре. Такая книга была бы ответом на антикоммунистический вой о том, что "белые" — гуманисты, а "красные" — насильники. Нельзя молчать, нельзя позволять контрреволюции околпачивать доверчивых людей.

В единичных письмах содержится просьба об опубликовании полного текста заявлений А. Сахарова. Авторы их мотивируют это необходимостью иметь более ясное представление о степени вреда, наносимого им советскому обществу. В письме, полученном из Москвы, говорится: насколько известно из зарубежных радиопередач, академик Сахаров ставил некоторые вопросы социальных отношений в нашей стране. Здесь были и вопросы о недостатках нашей системы образования, здравоохранения, вопросы обеспечения личных прав человека и т.д. К сожалению, никто публично не решился ответить по поводу имеющихся у нас недостатков академику Сахарову. Автор заявления приходит к выводу, что без этого оценка деятельности А. Сахарова выглядит несколько односторонне.

В письме из г. Харькова говорится: позвольте в связи с делом А. Сахарова и Солженицына высказать некоторые критические замечания относительно примитивности

организации нашей борьбы с подобного рода явлениями. Ведь кампания "осуждения и разоблачения" Сахарова, проведенная в нашей печати, вместо того, чтобы раздеть этого "короля", увенчать его дурацким колпаком, фактически создала Сахарову популярность среди определенных слоев населения, окружила его ореолом "страдальца" и "борца". При этом нами упускается чрезвычайно благоприятный момент явить этого христосика голеньким народу и всему миру. Может быть, это следовало сделать с помощью интервью Сахарова советским журналистам и ученым по тем вопросам, в которых Сахаров в наибольшей степени саморазоблачился бы и показал, что занимается не своим делом, когда суется в политику. Такого рода интервью могло бы включать соответствующим образом подобранные вопросы о сущности сахаровской "смешанной экономики", о его отношении к событиям в Чили, о свободе выезда советских людей из СССР и т. п. Да мало ли вопросов, в которых Сахаров сыграет "в дурака". Поскольку интервью можно отредактировать, мы могли бы показать его по телевидению не только своему народу, но и всему миру. А вообще, заключает автор письма, нам надо позаботиться о том, чтобы вырвать корни, порождающие Сахаровых и Солженицыных.

Не хватает слов и выражений, чтобы высказать со всей силой и глубиной наше возмущение по поводу антисоветской, контрреволюционной деятельности Сахарова и Солженицына, заявляют члены партии т. т. Судакова и Кивлевы из г. Читы. Мы просим ЦК КПСС дать указание — судить их по всей строгости советских законов как предателей и изменников нашей Родины, чтобы другим подобным отщепенцам было неповадно клеветать на наш народ, на нашу Родину. Мы пишем потому, что уж очень все это сильно смакуется обывателями и злопыхателями, которые, к сожалению, еще водятся среди наших людей. Кроме того, просим ЦК КПСС принять меры к усилению идеологической работы среди населения страны, решительно бороться против всех тех, кто в той или иной форме порочит нашу советскую действительность, умаляет роль и значение КПСС в жизни нашего народа и государства, кто противопоставляет капитализм нашему образу жизни, кто попирает самое святое — социалистическое сегодня и коммунистическое завтра.

Решительно осуждая предательские действия Сахарова и Солженицына, трудящиеся в своих письмах выражают полное одобрение внутренней и внешней политики Центрального Комитета КПСС, Политбюро ЦК,

Советского правительства, направленной на дальнейшее повышение благосостояния советских людей, упрочение мира и безопасности народов. Заявляя об этом, член партии т. Яровой из Львова пишет: в 1938 году мой отец был незаконно осужден, а в 1956 году посмертно реабилитирован. С этим были связаны определенные материальные трудности нашей семьи. Но мы жили в среде советских людей, коммунистов, которые оказывали нам всяческую помощь и вселяли веру в торжество справедливости. Я всегда оставался родным сыном своей Родины. Мне была предоставлена возможность учиться, работать, служить в Советской Армии, которой я отдал 30 лет. Самым радостным днем в моей жизни был день вступления в ряды славной Коммунистической партии. Я любил, люблю и буду любить свою страну до конца своих дней. Пусть отщепенцы Сахаров, Солженицын и им подобные не думают, что они представляют какую-то силу. Я прошу им напомнить, что миллионы и миллионы трудящихся земного шара, все советские люди горячо поддерживают деятельность КПСС, ее волю, выражающую чаяния народов. Лично я как коммунист, как военнослужащий по первому зову партии и правительства готов отдать все силы делу защиты своей Родины и не ошибусь, если скажу, что все наши воины стоят на таких позициях. Пусть об этом знают Сахаров и Солженицын.

Сообщается в порядке информации.

Заведующий
Общим отделом ЦК КПСС *К. Черненко*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 56—63. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]К документу приложена записка: "Уважаемый Леонид Ильич! При обсуждении этого вопроса на Политбюро, как Вы помните, многие члены Политбюро говорили о том, что поступает много писем в разные организации. В связи с этим направляю Вам записку о письмах, которые поступают в ЦК КПСС по этому вопросу. С приветом К. Черненко 11.1.74 г." и резолюция Л. Брежнева: "Разослать по ПБ и Секр-ту ЦК и продолжать информировать Политбюро о поступающих письмах по этому вопросу. Очевидно, об этом пишут и в Верховный Совет — от отдела писем Верх.Совета желательно получить информацию. Л. Брежнев". Информация была разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 18 января 1974 г. за № П100

[2]Абзац вычеркнут К. Черненко перед рассылкой документа

№ 121

ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

17 января 1974 г.

Сов. секретно
Экз. единственный
(Краткая рабочая запись)

Председательствовал тов. СУСЛОВ М. А.
Присутствовали т.т. Андропов Ю. В., Гречко А. А., Громыко А. А., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Пельше А. Я., Подгорный Н. В., Полянский Д. С., Пономарев Б. Н., Романов Г. В., Устинов Д. Ф., Капитонов И. В., Катушев К. Ф.

16[1]. **Об информации братских партий относительно мер, принимаемых к Солженицыну**

Проект постановления принимается[2]. На 6 странице исключается первый абзац[3].

Члены Политбюро спрашивают, много ли пишут о Солженицыне в ЦК КПСС.

ЧЕРНЕНКО дает справку, что писем поступает много, все возмущаются поведением Солженицына.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1974 г. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Так в тексте. Постановление принято за № П122/XVII
[2]См. документ № 122
[3]Исключен абзац: "Солженицын преступил грань чисто идейных, тем более литературно-творческих расхождений, стал на путь прямого нарушения советских законов, на путь предательства. Советская общественность уже давно требует принятия решительных мер к пресечению антисоветской деятельности Солженицына"

№ 122

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об информации братским партиям относительно антисоветской деятельности Солженицына"

№ П122/XVII — 17 января 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Утвердить с учетом поправки[1] текст телеграммы совпослам (приложение 1).

2. Утвердить список партий, которым направляется информация (приложение 2).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение 1
К пункту XVII прот. № 122

Секретно

Встретьтесь с представителем руководства друзей и передайте следующее:

"Как вам известно, буржуазные органы пропаганды все шире разворачивают четко скоординированную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию, используя в этих целях одновременную публикацию в ряде стран книги Солженицына "Архипелаг Гулаг".

Эта книга — не просто очередное антисоветское сочинение Солженицына, а его политический манифест, где он прямо и недвусмысленно высказывает то, что прежде вкладывалось им в уста литературных персонажей, в какой-то степени камуфлировалось формой художественных произведений. Совокупность писаний, заявлений, интервью Солженицына позволяет характеризовать сущность его политической позиции. Она сводится к следующим основным моментам:

— Отчетливо выраженная контрреволюционность. "Я понял ложь всех революций истории", — заявляет Солженицын в книге "Архипелаг Гулаг". Во всех своих произведениях он изображает дело таким образом, что социалистическая революция и социалистическое переустройство общества не пошли и не могут пойти на пользу народу. Особую злобу у Солженицына вызывает Октябрьская революция, которая, в его клеветническом изобра-

жении, привела лишь к страданиям народа, к его угнетению.

— Сознательное извращение самой сути социалистического строя. Солженицын изображает его как строй, основанный исключительно на насилии, на полном отсутствии какой бы то ни было законности. В этой связи он клевещет на основателя КПСС и Советского государства величайшего революционера В. И. Ленина, заявляя, что именно Ленин якобы создал систему насилия, был "первопричиной всех бед". Имевшие место и открыто осужденные КПСС еще двадцать лет назад нарушения законности в 30—40-е годы являются, по утверждению Солженицына, не отклонением от нормы, а нормой или, как он выражается, "сердцем событий" всей истории Советского государства.

— Клевета относительно современного положения в Советском Союзе. Вопреки общеизвестным фактам Солженицын пытается утверждать, что нарушения законности, необоснованные репрессии не только не ликвидированы, но продолжаются в еще более изощренных формах. "Закона нет. Мы живем по-прежнему в стране без закона, без права, без правосудия", — пишет он.

— Духовное единство и солидарность со всеми врагами Октябрьской революции, социалистического строя. Обливая грязью подлинных революционеров-коммунистов, он в различных своих сочинениях весьма лестно характеризует гитлеровцев и их приспешников, прусское реакционное офицерство, петлюровцев, троцкистов, кулачество.

— Одобрение всех форм борьбы против социализма, в том числе и вооруженной борьбы. Солженицын оправдывает и одобряет участие власовцев в войне против СССР, дает высокую оценку подпольной, подрывной деятельности троцкистов. Солженицын отрицательно относится к итогам второй мировой войны именно потому, что она закончилась не поражением, а укреплением и расширением социализма, повышением международного авторитета Советского Союза. Он кощунственно заявляет: "Эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским".

— Оправдание преступных действий империализма. Солженицын ни разу не выступил с критикой империалистической реакции, с осуждением агрессии США во Вьетнаме и Израиля против арабских государств, преступлений чилийской хунты и других фашистских режимов. Он утверждает, что классовой борьбы в действительности

не существует, что она "изобретена" лишь для создания обстановки искусственной напряженности.

— Апелляция к международной реакции. Солженицын призывает реакционные круги оказать давление на Советский Союз, сорвать поворот к разрядке и дальнейшему улучшению межгосударственных отношений стран с различными общественными системами. Практически Солженицын смыкается с политической платформой империалистов и маоистов. Не случайно, что маоистская пропаганда совместно с буржуазной выступила в его поддержку.

Таким образом, воззрения Солженицына полностью совпадают с политическими позициями всех врагов социализма, начиная от контрреволюционной белогвардейщины и кончая современными махровыми антикоммунистами.

Факты свидетельствуют о том, что система взглядов Солженицына сложилась еще в довоенный период. Его мировоззрение формировалось в кругу людей, которых Октябрьская революция лишила богатства и привилегий. Он никогда не принимал советский строй, власть трудящихся, ставя свою личность выше "толпы", выше советского народа, характеризуемого им как скопище доносчиков, запуганных, скрытных и жестоких людей. Уже в материалах, написанных им в конце войны, Солженицын строил планы "перехода к действию" в целях "решительного удара по послевоенной реакционной идеологической надстройке" в Советском Союзе.

Идя к этой цели, Солженицын менял лишь тактику своих действий. В свое время можно было предположить, что он, наряду с другими советскими литераторами, выступает за преодоление последствий культа личности, критикует лишь допускавшиеся нарушения социалистической законности. Именно так воспринимала литературная общественность опубликованные в то время некоторые произведения Солженицына, рассчитывая, что заметные изъяны его творчества могут быть преодолены в дальнейшем.

Представленные Солженицыным в издательства и журналы рукописи романов "В круге первом" и "Раковый корпус" вызвали принципиальные критические возражения редакционных коллегий ввиду неприемлемой идейной направленности этих произведений. Секретариат Союза писателей СССР, отдельные литераторы, партийные органы терпеливо работали с Солженицыным, стараясь побудить его к нормальному, конструктивному сотрудниче-

ству в литературной и общественной жизни. Однако из-за совершенно нетерпимой позиции Солженицына все эти шаги оказались безрезультатными. Более того, он категорически отказался отмежеваться от тех антисоветских сил за рубежом, которые уже тогда использовали его имя и произведения в своих интересах.

Вскоре Солженицын сбросил маску и встал на путь открытой политической борьбы. Одно за другим следовали его произведения и заявления, показывавшие, что он выступает против самых основ социалистического строя. Отбросив лицемерные утверждения, будто его произведения публикуются на Западе без его ведома, он перешел к активной пропаганде антисоветизма и антикоммунизма, к прямому сотрудничеству с теми силами, которые ставят своей целью уничтожение реального социализма и всего коммунистического движения.

Не случайно, что все антисоветские кампании, связанные с именем Солженицына, проводятся на редкость скоординированно и приурочиваются к крупным событиям в жизни Советского государства и узловым моментам в реализации внешнеполитической программы КПСС (50-летие Октябрьской революции, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и т. д.). Публикацию книги "Архипелаг Гулаг", написанной 5 лет тому назад, Солженицын и его зарубежные единомышленники сочли необходимым осуществить именно в тот момент, когда она, по их расчетам, может нанести наибольший ущерб процессу разрядки, за которую последовательно выступает Советский Союз.

Сложилась целая система поддержки Солженицына силами реакции из-за рубежа. Она включает в себя широкую рекламу его произведений, их экранизацию, инспирирование писем и заявлений в его поддержку, создание легенды о "бескорыстном и преследуемом борце за идею", наконец, прямое финансирование его подрывной деятельности. Одной из форм такой политической и материальной поддержки явилось присуждение Солженицыну Нобелевской премии.

Солженицын не имел и не имеет никакой опоры на советской почве, находится в глубокой моральной и политической изоляции. Однако он получил в свое распоряжение мощные органы буржуазной пропаганды, фактически стал их платным сотрудником, особая ценность которого для них состоит в том, что он действует на территории СССР. Именно с помощью буржуазной пропаганды он получил возможность наносить ущерб делу

социализма, интересам международного коммунистического движения.

Ведя свою деятельность, направленную на дискредитацию коммунистических идеалов и подрыв социалистического строя, Солженицын клевещет в большом и малом. Извращение истории, оскорбления советского народа и его руководителей, клеветническое изображение советской действительности переплетаются с ложью о его собственном "бедственном" положении. Это явно рассчитано на то, чтобы вызвать жалость у обывателя и заставить раскошелиться своих покровителей. Фактически он делает бизнес на своем антисоветизме.

Версия буржуазной пропаганды о том, что Солженицын будто бы является борцом против последствий культа личности, за соблюдение законности — лжива от начала до конца. КПСС на своих съездах решительно осудила имевшие место нарушения законности, полностью исключила возможность повторения этих ошибок, развивает и будет развивать в стране социалистическую демократию. Такая линия проводилась, проводится и будет проводиться КПСС последовательно и решительно.

Взгляды Солженицына могли бы оставаться его личным делом. Но сейчас речь идет уже не о взглядах данного индивидуума, а об основанной на них активной и целенаправленной антисоветской деятельности. Речь идет о призывах к свержению социализма, о пропаганде ненависти в отношении партии, Советского государства и их руководителей. Речь идет о концентрированной атаке империалистических сил с участием Солженицына против марксизма-ленинизма, коммунистического движения. Речь идет, наконец, о явной попытке подорвать дело разрядки международной напряженности, подкрепить позиции сил реакции и агрессии в капиталистическом мире.

Взгляды и деятельность Солженицына получили должную оценку в советской печати (статьи в газете "Правда" от 14 января и "Литературной газете" от 16 января), в печати других социалистических стран. Деятельность Солженицына и развязанная буржуазной пропагандой новая антисоветская кампания осуждены в печатных органах коммунистических партий Франции, Италии, США, ФРГ, Австрии и других стран. Активное разоблачение позиции и деятельности Солженицына, выступающего как прямое орудие нашего классового врага, КПСС рассматривает как участие в общем деле борьбы с империализмом, силами реакции и агрессии, с антикоммунизмом во всех его формах и проявлениях".

Исполнение телеграфируйте.

Приложение 2
К пункту XVII прот. № 122

Секретно

СПИСОК
партий, которым направляется информация об антисоветской деятельности Солженицына

1.Болгарская коммунистическая партия
2.Венгерская социалистическая рабочая партия
3.Партия трудящихся Вьетнама
4.Социалистическая единая партия Германии
5.Трудовая партия Кореи
6.Коммунистическая партия Кубы
7.Монгольская народно-революционная партия
8.Польская объединенная рабочая партия
9.Румынская коммунистическая партия
10.Коммунистическая партия Чехословакии
11.Союз коммунистов Югославии

***

1.Коммунистическая партия Австрии
2.Коммунистическая партия Аргентины
3.Коммунистическая партия Бельгии
4.Социалистическая единая партия Западного Берлина
5.Коммунистическая партия Великобритании
6.Коммунистическая партия Венесуэлы
7.Германская коммунистическая партия
8.Коммунистическая партия Греции
9.Коммунистическая партия Дании
10.Коммунистическая партия Израиля
11.Коммунистическая партия Индии
12.Иорданская коммунистическая партия
13.Иракская коммунистическая партия
14.Коммунистическая партия Ирландии
15.Коммунистическая партия Испании
16.Итальянская коммунистическая партия
17.Коммунистическая партия Канады
18.Прогрессивная партия трудового народа Кипра (АКЭЛ)
19.Коммунистическая партия Колумбии
20.Партия Народный авангард Коста-Рики
21.Ливанская коммунистическая партия
22.Коммунистическая партия Люксембурга
23.Мартиникская коммунистическая партия

24.Коммунистическая партия Норвегии
25.Перуанская коммунистическая партия
26.Португальская коммунистическая партия
27.Реюньонская коммунистическая партия
28.Санмаринская коммунистическая партия
29.Сирийская коммунистическая партия
30.Коммунистическая партия США
31.Коммунистическая партия Турции
32.Коммунистическая партия Уругвая
33.Коммунистическая партия Финляндии
34.Французская коммунистическая партия
35.Коммунистическая партия Чили (загранбюро)
36.Швейцарская партия труда
37.Левая партия — коммунисты Швеции
38.Коммунистическая партия Эквадора
39.Социалистическая партия Австралии
40.Южно-Африканская коммунистическая партия (загранбюро)

Ф.3, оп. 80, д. 647, л. 46—54. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]См. примечание 3 к документу № 121

№ 123

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 147-А 17 января 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Поступающая в Комитет госбезопасности информация свидетельствует о том, что советские люди целиком и полностью одобряют опубликованную 14 января с. г. в газете "Правда" статью "Путь предательства", разоблачающую СОЛЖЕНИЦЫНА как антисоветчика и антикоммуниста, сознательно перешедшего в лагерь врагов демократии и социализма.

С чувством гнева и презрения отзываются о СОЛЖЕНИЦЫНЕ представители рабочего класса и колхозного крестьянства, выражающие свое возмущение развернутой на Западе антисоветской кампанией вокруг имени этого

предателя. Так, рабочий Рязанского завода электронных приборов СКИРКИН говорил: "После ознакомления со статьей у меня и у других рабочих нашего цеха к врагу нашей Родины СОЛЖЕНИЦЫНУ нет других чувств, кроме ненависти и презрения. Не место ему в нашем обществе".

Токарь завода "Коммутатор" САМОЛЕТОВ сказал: "Предателя Родины следует судить по советскому закону". Такую же точку зрения выразили рабочий Новолипецкого завода АЗОВЦЕВ, сварщик из г. Горького БОВИН, слесарь рижского завода "Эра" ЛАНСБЕРГ и многие другие представители рабочего класса.

Колхозница из Саратовской области ФЕРОВА, выражая мнение односельчан, говорила: "Озлобленного антисоветчика СОЛЖЕНИЦЫНА следует привлечь к ответственности за клевету на нашу великую Родину".

С резким осуждением предательской антисоветской позиции СОЛЖЕНИЦЫНА выступают представители научной и творческой интеллигенции. Так, директор Института физиологии им. Павлова АН СССР академик ЧЕРНИГОВСКИЙ считает, что СОЛЖЕНИЦЫНА за его антисоветскую деятельность следует выдворить из страны. Член-корреспондент АН СССР РЕИЗОВ полагает, что СОЛЖЕНИЦЫНА следует судить по советским законам, а не высылать, так как за рубежом он будет продолжать вредить Советскому государству.

Писатель ЯКОВЛЕВ говорил: "СОЛЖЕНИЦЫН вылез со своей ложкой дегтя, когда в стране трудовой подъем и у всех настроение хорошее. Пора положить конец его пакостям". Заместитель директора Латвийской госфилармонии ЛАЗДИНЬШ заявил: "Таких людей, как СОЛЖЕНИЦЫН, охаивающих наш советский строй, нужно изолировать от общества".

Писатель ЧЕТВЕРЯКОВ, литературный критик ЖУР, поэты БРАУН, НЕКРАСОВ, СОСНОРА, писатель-переводчик КОРНЕЕВ, считая, что СОЛЖЕНИЦЫН объективно заслуживает уголовного наказания по советским законам, высказывают мнение о политической нецелесообразности привлечения его к уголовной ответственности. Такая точка зрения мотивируется доводами о стремлении СОЛЖЕНИЦЫНА прослыть "мучеником" и "страдальцем", о необходимости учитывать реакцию зарубежной общественности и происходящую в мире разрядку напряженности. Предлагая выдворить СОЛЖЕНИЦЫНА из СССР, указанные представители творческой интеллигенции выска-

зываются за дальнейшее идеологическое и политическое разоблачение антисоветской позиции СОЛЖЕНИЦЫНА.

По имеющимся данным, антиобщественно настроенные связи СОЛЖЕНИЦЫНА — САХАРОВ, МАКСИМОВ, ГАЛИЧ и некоторые другие активно распространяют измышления о якобы грозящей СОЛЖЕНИЦЫНУ опасности и пытаются подогревать ведущуюся на Западе антисоветскую кампанию призывами к широкому распространению пасквиля "Архипелаг Гулаг" как за рубежом, так и внутри СССР.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 69—70. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 18 января 1974 г. за № П98

№ 124

ИНФОРМАЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КПСС

"Об откликах трудящихся г. Москвы на статью "Путь предательства" И. Соловьева, опубликованную в газете "Правда" 14 января 1974 г."[1]

№ 18 17 января 1974 г.

После опубликования 14 января 1974 года в газете "Правда" статьи И. Соловьева "Путь предательства" в Московский городской, районные комитеты партии, в первичные партийные организации города продолжают поступать многочисленные отклики трудящихся, в которых полностью поддерживаются содержащиеся в ней положения и оценки. Москвичи гневно осуждают предательскую, клеветническую деятельность Солженицына, а также развернувшуюся в буржуазной печати антисоветскую кампанию в связи с появлением на Западе его книги "Архипелаг Гулаг".

В письмах, откликах трудящихся Москвы отмечается, что эта пропагандистская шумиха имеет своей целью очернить социалистические завоевания в нашей стране, оклеветать советский народ, политику Коммунистической

партии, сдержать тенденции к миру и сотрудничеству между народами.

"С чувством возмущения узнали мы о новой антисоветской кампании, поднятой буржуазной пропагандой в связи с выпуском грязного пасквиля, — говорит слесарь-сборщик Первого Московского приборостроительного завода т. С. Хованский, — в угоду реакционным силам Солженицын без зазрения совести чернит наш социалистический строй, наши завоевания, все то, что нам дорого. Своим "архипелагом" Солженицын зарекомендовал себя врагом нашей страны".

В высказываниях и заявлениях трудящихся Москвы подчеркивается, что несостоятельность утверждений Солженицына полностью разоблачается всей нашей действительностью, огромными успехами, которых добился советский народ в развитии экономики, науки и культуры, ростом авторитета нашей страны на международной арене.

"Радостными, светлыми чувствами наполнены сердца советских людей, вступивших в новый, 1974 год, — говорит член-корреспондент АПН СССР профессор Е. Воронцова. — В них гордость за достигнутые в 1973 году успехи в хозяйственном и культурном строительстве, готовность порадовать Родину еще большими достижениями, желание еще активнее участвовать в общенародной борьбе за торжество коммунистических идеалов. И как жалко звучат злобные, лживые "сочинения" Солженицына, свидетельствующие о том, что их автор давно порвал все связи с Родиной, с советскими людьми, превратился в сознательного врага нашего государства, стал подстрекателем и провокатором".

Учителя 593 школы Ворошиловского района г. Москвы, прочитав и обсудив статью И. Соловьева "Путь предательства", единодушно присоединяются к осуждению антисоветской деятельности Солженицына: "Мы считаем, что в период разрядки международной напряженности, создавшейся в результате деятельности ЦК КПСС, Советского правительства, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, "творчество" Солженицына является враждебным нашей действительности, нашим планам.

То, что Солженицын опошляет и дискредитирует нашу советскую жизнь, вызывает гнев и возмущение".

Трудящиеся Москвы разделяют данные в статье "Путь предательства" слова о том, что Солженицын был и остается антисоветчиком и антикоммунистом, сознательно

перешедшим в лагерь врагов мира, демократии и социализма, что он выступает в роли провокатора и подстрекателя, зовущего империалистов проводить по отношению к СССР "политику силы".

Заслуженный штурман СССР, участник Великой Отечественной войны т. Рудич сказал: "На кого рассчитывает Солженицын своим клеветническим писанием — только на отщепенцев, озлобленных советской действительностью, успехами трудящихся нашей страны, строящих под руководством Коммунистической партии светлое будущее.

Мы гордимся могуществом СССР как оплота мира, свободы и социального прогресса всех народов нашей планеты и клеймим позором клевету и предательство Солженицына. И мы глубоко согласны с выводами статьи "Путь предательства", что Солженицын — провокатор и предатель".

"О патологической озлобленности Солженицына известно уже давно. И поэтому совершенно естественно, что его крикливые "произведения", "письма", "обращения" вызывали и вызывают в рядах советской интеллигенции справедливое возмущение, — сказал главный редактор издательства "Художественная литература", член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР т. А. Пузиков. — Этот "писатель", противопоставивший себя советскому обществу, вычеркнул себя из рядов литераторов, опустился до уровня мелкого буржуазного политикана и, попирая идеалы социалистической Родины, угоднически служит интересам самых реакционных, самых гнусных кругов империализма. Солженицын — классовый враг, и об этом лишний раз свидетельствует его последняя антисоветская диверсия. Такому человеку нет места не только в среде советских литераторов, но и в нашем обществе".

"До глубины души возмущен "творчеством" и поведением Солженицына, выступающего с враждебных классовых, антисоветских позиций", — говорит писатель К. Симонов.

"Все советские люди единодушны в своей оценке враждебной, антисоветской деятельности Солженицына",— заявляет народный художник СССР Б. Ефимов.

Это мнение разделяют и другие деятели советской литературы и искусства — писатель Г. Радов, народный художник СССР Т. Салахов, писательница, лауреат Ленинской премии М. Шагинян, главный режиссер театра

им. Евг. Вахтангова, народный артист РСФСР Е. Симонов и другие.

В своих высказываниях трудящиеся Москвы подчеркивают, что Солженицын не имеет права носить высокое звание гражданина Советского Союза, и требуют привлечения его к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, предательство и клевету на нашу страну.

Старший инженер московского управления проектно-монтажных работ объединения "Каскад", участник Великой Отечественной войны Д. Чернявский сказал: "Я считаю, что этого клеветника необходимо привлечь к судебной ответственности или заставить покинуть Советскую страну".

В связи с публикацией статьи в газете "Правда" "Путь к предательству"[2] количество вопросов, задаваемых по книге "Архипелаг Гулаг", сократилось. Вместе с тем, москвичи продолжают задавать вопросы, касающиеся тех мер, которые будут предприняты по отпору новой волны антисоветской кампании. Может ли СССР подать протест в международные организации, ведающие вопросами печати, по поводу деятельности иностранных издательств, которые публикуют литературу, направленную на дезориентацию общественности о Советском Союзе? Усилят ли наши информационные агентства, радио свою деятельность по разоблачению лжи и клеветы о Советском Союзе? Кто и какое издательство издали на Западе пасквиль Солженицына? Нельзя ли направить письма-протесты в адрес этого издательства?

МГК и РК КПСС, партийные организации столицы продолжают работу по разъяснению трудящимся вопросов, возникающих в связи с публикацией на Западе антисоветской книги Солженицына "Архипелаг Гулаг". Пропагандисты, лекторы, агитаторы, политинформаторы отвечают на вопросы, продолжают вести работу среди трудящихся Москвы по разоблачению буржуазной пропаганды.

Секретарь МГК КПСС *В. ГРИШИН*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 72—75. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На отдельном листе указание: "Ознакомить секретарей ЦК КПСС" и подписи Б. Пономарева, К. Катушева, В. Долгих, М. Суслова, П. Демичева, А. Кириленко

[2]Так в тексте. Статья называется "Путь предательства". См. выше.

№ 125

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 150-А 17 января 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

В Комитет госбезопасности продолжает поступать информация об откликах советских людей на опубликованную "Правдой" 14 января с.г. статью "Путь предательства". В подавляющей своей массе отклики свидетельствуют о том, что советские люди с гневом и презрением осуждают антисоветчика и клеветника СОЛЖЕНИЦЫНА, клеймят его как сознательного пособника реакции и врагов мира, демократии и социализма, заявляют о недопустимости провокационного и вызывающего поведения СОЛЖЕНИЦЫНА, позорящего звание советского гражданина.

Данные в статье "Путь предательства" оценки СОЛЖЕНИЦЫНУ — отщепенцу, много лет сотрудничающему с враждебными советскому народу зарубежными издательствами и органами печати, стороннику помещичье-капиталистических порядков и реставрации буржуазного строя, патологическому ненавистнику коммунизма и социализма, глубоко безнравственной личности — вызвали у многих советских граждан резкую неприязнь к СОЛЖЕНИЦЫНУ, которая выражается в требовании принятия к нему суровых мер.

Слесарь Жигулевского автотранспортного предприятия СОКОЛОВ говорил: "Как рабочий человек считаю, что СОЛЖЕНИЦЫНА давно следует арестовать". Служащая из Рязани КОЗЫРЕВА заявила: "Я бы удушила этого подлеца своими руками. С врагами нельзя миндальничать". Машинист липецкого завода "Свободный сокол" ФОМКИН решительно выразился: "Будь моя воля, от СОЛЖЕНИЦЫНА и останков не осталось бы". О необходимости пресечения враждебной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА заявляли скульптор из Ленинграда КОЧУКОВ, академики ЦЕЛИКОВ, ЗУРАБАШВИЛИ и другие граждане.

Наряду с гневом и возмущением статья "Путь предательства" вызвала у многих советских людей опреде-

ленное недоумение по поводу безнаказанности СОЛЖЕНИЦЫНА. Писатель из Грузии ДУМБАДЗЕ, например, говорил: "Удивительно, что явного антисоветчика не трогают. Наверное, опасаются, что скажут американские и прочие сенаторы". Прочитав статью, рабочий Куйбышевского стройуправления ТРОФИМЕНКО комментировал: "Просто непонятно, почему СОЛЖЕНИЦЫН не несет ответственность за явные антисоветские поступки". Литературовед из Киева ВОЛЫНСКИЙ заметил: "Если в СССР все равны перед законом, почему тогда СОЛЖЕНИЦЫНУ позволено вести враждебную деятельность против нашего государства?" Студент театрального института АЛЕКСЕЕВ выразил мнение: "Будь на месте СОЛЖЕНИЦЫНА кто-нибудь менее известный, то уже давно бы валил лес в тайге". Композитор ЛИСТОВ заметил: "Если церемониться с врагом СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, то он останется примером для подражания враждебным личностям".

Ряд советских людей считает, что карать СОЛЖЕНИЦЫНА в уголовном порядке политически невыгодно. При этом указывается на то, что внутренняя и внешняя политика КПСС пользуется единодушной поддержкой всего советского народа; утверждается, что для зрелого советского общества нестрашны враждебные вылазки СОЛЖЕНИЦЫНА и ему подобных; делаются ссылки на крупные успехи СССР на международной арене и в мирном строительстве коммунизма, на здоровую творческую атмосферу в советском обществе. Некоторые полагают, что привлечение к уголовной ответственности СОЛЖЕНИЦЫНА ему на руку, так как он рассчитывает этим вызвать за рубежом антисоветскую истерию и создать для себя рекламу мученика. Так, преподаватель Тбилисского института иностранных языков ГАХОКИДЗЕ сказал: "Из статьи следует, что СОЛЖЕНИЦЫНА нужно посадить. Но если это сделать, подымется в мире такой крик, что он перекроет пользу изоляции СОЛЖЕНИЦЫНА. Ведь есть еще САХАРОВ и другие единомышленники СОЛЖЕНИЦЫНА. Что же делать с ними? Мне кажется, следует разоблачать подобных лиц идеологическими и политическими средствами". Проживающая в Рязани бывшая жена СОЛЖЕНИЦЫНА РЕШЕТОВСКАЯ считает, что статья — серьезное предупреждение СОЛЖЕНИЦЫНУ, за которым последует высылка его из Москвы. Секретарь правления Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР, лауреат Государственной премии ХОЛОПОВ по-

лагает, что необходимо активнее формировать общественное мнение против СОЛЖЕНИЦЫНА.

По мнению многих граждан, СОЛЖЕНИЦЫНА следует выдворить из Советского Союза и лишить советского гражданства. Такую точку зрения, в частности, выразили преподаватель из Тамбова ИВАННИКОВ, ветеринар из Воронежа БОБРОВ, рабочий Орловского часового завода ГРАБАКИН, армянский писатель ПЕТРОСЯН.

Некоторые находящиеся в поле зрения органов госбезопасности враждебно и антиобщественно настроенные элементы, оправдывая и защищая СОЛЖЕНИЦЫНА, пытаются рекламировать его как борца за правду и свободу, распространяют измышления о возможном принудительном помещении его в психиатрическую больницу или убийстве, замаскированном под автомобильную катастрофу, и тому подобные провокационные слухи. С открытыми призывами взять под защиту "великого писателя" выступают САХАРОВ, АСБЕЛЬ, ЧУКОВСКАЯ, КОПЕЛЕВ и другие лица, известные своей антиобщественной деятельностью.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 65—67. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 18 января 1974 г. за № П105

№ 126

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 157-А 18 января 1974 г.

Секретно

Поступающая в Комитет госбезопасности информация свидетельствует о том, что советские писатели в подавляющем своем большинстве решительно осуждают антисоветскую и антикоммунистическую деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА, полностью одобряют опубликованную 14 января с.г. газетой "Правда" статью "Путь предательства". Так, писательница РАДУНСКАЯ говорила: "Я всегда

осторожно подхожу к ярлыкам, но СОЛЖЕНИЦЫН — враг, пособник антисоветчиков за рубежом и заслуживает сурового наказания. После публикации статьи многие сомневающиеся пересмотрят свое отношение к нему". Азербайджанский поэт ХАЗРИ отметил: "Грязной клеветой на Советский Союз и советский народ СОЛЖЕНИЦЫН помогает нашим врагам, которые только и ждут удобного случая, чтобы настроить общественное мнение за рубежом против нашего государства". Критик из Москвы ЧАПЧАКОВ сказал: "Это наш лютый и злейший враг. Он настолько ненавидит нас, что готов пожертвовать собой, лишь бы посеять напряженность в мире". Поэт из Абхазии ГУРГУЛИЯ заявил: "СОЛЖЕНИЦЫН перешел на службу к самым ярым врагам СССР и открыто дискредитирует нашу политику". В том же духе высказались армянский публицист МАРКАРЯН, прозаик из Москвы РУДНЫЙ, литератор из Молдавии КОПОЦ, писательница из Ленинграда СЕРЕБРОВСКАЯ, грузинский поэт ТЕВЗАДЗЕ, драматург КУПРИЯНОВ и другие.

Осуждая и клеймя позором СОЛЖЕНИЦЫНА, советские писатели заявляют, что его нужно привлечь к ответственности или выдворить из СССР. Так, волгоградский поэт КОСТИН сказал: "Мне больно и стыдно, что когда-то этот выродок числился в наших рядах. Обидно будет, если ему не найдется места в тюрьме".

Армянский писатель ПЕТРОСЯН, например, заявил: "Советская писательская интеллигенция уже неоднократно выносила свое гневное осуждение пасквилям СОЛЖЕНИЦЫНА, но он не делает выводов и продолжает свою антисоветскую деятельность". Писатель из Орла КАТАНОВ заметил: "СОЛЖЕНИЦЫН систематически нарушает закон, оскорбляет советский народ, его историческое прошлое и настоящее. Таких людей необходимо привлекать к уголовной ответственности или выдворять из страны". Прозаик из Тулы ПАНЬКИН сказал: "Приходится недоумевать, почему этого подонка, ставшего на враждебный путь, не привлекают к ответственности". Секретарь Союза писателей Украины ЧАЛЫЙ говорил: "Безнаказанность СОЛЖЕНИЦЫНА оказывает отрицательное воздействие на других писателей. Я думаю, что наиболее приемлемой формой в данном случае было бы лишение СОЛЖЕНИЦЫНА советского гражданства и выдворение его за пределы СССР".

Ряд писателей считает целесообразным продолжить разоблачение СОЛЖЕНИЦЫНА путем мобилизации про-

тив него общественного мнения, аргументированной критики его антисоветских и реакционных позиций.

В поддержку СОЛЖЕНИЦЫНА высказались члены Союза советских писателей ЧУКОВСКАЯ, КОПЕЛЕВ, СТОЛЯРОВА, ВОЙНОВИЧ, КОРНИЛОВ, ОРЛОВА (Москва), ЭТКИНД (Ленинград), НЕКРАСОВ (Киев), УРДЖУМЕЛАШВИЛИ (Тбилиси), а также исключенные из союза МАКСИМОВ и ГАЛИЧ. Указанные лица, оправдывая СОЛЖЕНИЦЫНА, заявляли, что он отстаивает право писателя на свободу слова и критики.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 77—78. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 21 января 1974 г. за № П109

№ 127
ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 174-А 19 января 1974 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Секретно

ЦК КПСС

СОЛЖЕНИЦЫН 18 января с. г. принял у себя дома американского корреспондента КРЕПО и передал ему для распространения на Западе очередное провокационное заявление (копия прилагается).

Поведение СОЛЖЕНИЦЫНА в последнее время, особенно после выступлений советских пропагандистских органов с разоблачением его антисоветских деяний, приобретает все более разнузданный и ярко выраженный враждебный характер. СОЛЖЕНИЦЫН, в частности, постоянно провоцирует Запад на раздувание антисоветской шумихи вокруг его имени, полагая, что это обеспечит надежную гарантию его безопасности.

Комитет госбезопасности продолжает наблюдение за СОЛЖЕНИЦЫНЫМ.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

ЗАЯВЛЕНИЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА[2]

18 января 1974 года

Нынешняя яростная кампания в прессе скрывает от советского читателя главное: О чем рассказывает эта книга? Что означает это странное слово "ГУЛАГ" в ее заглавии? "Правда" лжет: автор "видит глазами тех, кто вешал революционных рабочих и крестьян". Нет! — глазами тех, кто был расстрелян и замучен НКВД. "Правда" утверждает, что в нашей стране период до 1956 года был подвергнут "принципиальной критике". Так пусть же они вновь продемонстрируют свой принципиальный, бескомпромиссный критицизм. Я представляю им богатейший фактический материал.

Однако и по сей день еще этот этап не закончен, и какая же чистка предстоит в этой стране!

Публикуя "Архипелаг", я все же не представлял себе, что они до такой степени отрекутся от своих же собственных полупризнаний, сделанных в прошлом.

Нынешняя позиция наших пропагандистских органов объясняется их животным страхом перед разоблачением. Она показывает, как тесно они связаны с кровавым прошлым, свидетельствует о том, что они намереваются тащить его за собой, как запечатанный чемодан, в будущее — ни слова не говоря о моральном осуждении тех, кто вешал, допрашивал, доносил.

Показательно следующее: как только "Немецкая волна" объявила о том, что она каждый день в течение получаса будет транслировать отрывки из "Архипелага", они набросились на нее, стали всячески глушить ее — ни единого слова из этой книги не должно просочиться в нашу страну.

Как будто так может продолжаться бесконечно! Я уверен, что наступит время, когда в нашей стране эту книгу будут все читать широко и свободно. И найдутся люди памятливые и любопытные, которые захотят узнать: а что же писала советская пресса, когда появилась эта книга? Кто писал эти статьи? И в потоке ругательств они не найдут имен тех, кто был их автором. Все они анонимны и подписаны псевдонимами.

Вот почему они лгут так легко и о чем угодно: так, якобы цитируя мою книгу, они пишут, что "гитлеровцы были снисходительными и милосердными по отношению

к порабощенным народам", что "битва за Сталинград была выиграна штрафными батальонами". Все это ложь, товарищи писатели из "Правды". Я прошу вас указать точные страницы! (Вы увидите, что они их не назовут). ТАСС сообщает: "В своей автобиографии СОЛЖЕНИЦЫН признается в своей ненависти к советской системе и советскому народу". Моя автобиография опубликована в книге о Нобелевских лауреатах 1970 года. Она доступна всему миру. Убедитесь же, как бесстыдно лжет Телеграфное агентство Советского Союза. Да и стоит ли говорить об этом, если ТАСС бессовестно плюет в глаза тех, кто был уничтожен, утверждая, что их муки и смерти были описаны в моей книге только ради наживы.

И вновь ТАСС просчитался: цена книги, издаваемой на всех языках, будет чрезвычайно низкой, что позволит прочесть ее как можно большему числу людей. Эта цена такова, что позволит лишь оплатить услуги переводчиков и издательств, расходы на бумагу и т. д. Авторский гонорар, если он будет, я использую для того, чтобы увековечить память погибших, оказать помощь семьям политзаключенных в Советском Союзе. Я обращаюсь ко всем издателям с призывом пожертвовать свои доходы на те же цели.

А сейчас о той лжи, которая была опубликована в "Литературной газете": что в моей книге "советские люди — это злодеи", что сущность русской души такова, что "русский человек за пайку хлеба готов продать отца и мать". Назовите эти страницы, лжецы! Вот как пишут, чтобы настроить против меня моих соотечественников, не одетых в форму: СОЛЖЕНИЦЫН-де "сравнивает советских людей с фашистскими убийцами". Небольшая поправка: Да, я приравнял фашистских убийц к убийцам из ЧК, ГПУ, НКВД. "Литературная газета" намеренно пишет обо "всех советских людях" для того, чтобы наши собственные вешатели могли бы затеряться среди них.

Но какие же страницы они будут цитировать? Из какой книги? "Литературная газета" была поймана за руку, мародерствующей, срывающей одежду с трупа: она приводит цитаты из похищенной копии книги, 4 и 5-ой частей "Архипелага", которые до сих пор еще нигде не были опубликованы. Таким образом, "Литератор" (псевдоним автора статьи в "Литературной газете") писал свою статью в кабинете госбезопасности.

Четвертая часть будет опубликована, и вы прочтете такую фразу: "Я понял лживость всех революций истории" (в конце первой главы) и эту оценку не "русского

человека", но "советской воли" (4 глава) в заголовках частей: "Постоянный страх", "Секретность и недоверие", "Разложение души", "Ложь как условие существования"...

И они все еще смеют утверждать, что публикация "Архипелага" была использована мировой реакцией с целью нанести ущерб делу разрядки напряженности. Она была выбрана нашей госбезопасностью (в настоящее время именно она является главной "мировой реакцией"). Она была предопределена их стремлением похитить рукопись книги. Если они действительно хотят разрядки напряженности, тогда зачем же они в течение пяти дней августа прошлого года всеми правдами и неправдами пытались получить рукопись книги от бедной женщины? Я вижу руку всевышнего в этом: это значит, что время пришло, и как говорится в шекспировском Макбете: "Лес Бирнумский пошел".

Верно: Зам. Начальника Управления *НИКАШИН*[3]

19 января 1974 года

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 56—59. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подписи М. Суслова, Л. Брежнева, Н. Подгорного, А. Кириленко, А. Косыгина; на обороте документа запись: "Замечание тов. Кириленко А. П.: Это заявление А. Солженицына было в сообщении ТАСС".
[2]См. приложение 36 в книге "Бодался теленок с дубом"//Новый мир. № 8. 1991. с. 118—119
[3]Ошибка, правильно — Никашкин

№ 128

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 175-А — 19 января 1974 г.

ОСОБАЯ ПАПКА
Секретно

ЦК КПСС

В Комитет госбезопасности продолжает поступать информация о резком осуждении советскими людьми очередной враждебной вылазки СОЛЖЕНИЦЫНА, выразившейся в публикации на Западе антисоветского пасквиля

"Архипелаг Гулаг". Многие рабочие, колхозники, представители интеллигенции, осуждая и клеймя позором СОЛЖЕНИЦЫНА, высказываются за привлечение его к ответственности, предлагая подвергнуть уголовному наказанию или выслать за пределы Советского Союза.

Созданию вокруг СОЛЖЕНИЦЫНА атмосферы гнева и возмущения способствовали, помимо опубликованной 14 января с. г. "Правдой" статьи "Путь предательства", статья от 16 января в "Литературной газете" "Кому выгодна антисоветская шумиха" и другие материалы советской печати, а также выступления по радио и телевидению обозревателя Ю. ЖУКОВА, поэта С. МИХАЛКОВА, писателя А. ЧАКОВСКОГО.

Проректор МГУ ТЕРНОВ заявил: "Статьи и выступления выполнили свою роль, пора **уже и власть употребить.** Полагаю наиболее **целесообразным выдворить СОЛЖЕНИЦЫНА из СССР**, судебный процесс над ним сработает в конечном **счете против нас**". Народный художник РСФСР КАНЕВСКИЙ заметил: "После всего, что я прочел о СОЛЖЕНИЦЫНЕ, удивляюсь, почему его так долго терпят, **не арестовывают или не лишают гражданства**". Аспирант Ленинградского госуниверситета ХИЖНЯКОВ сказал: "Вопрос о СОЛЖЕНИЦЫНЕ непонятно затянулся, пора либо выслать его из страны, либо пресечь его антисоветскую деятельность". Аналогичные заявления сделали член-корреспондент АН СССР БОГОЛЮБОВ, актриса Херсонского театра кукол МАЖУРИНА, агроном из Тамбовской области ПОПОВ, врач из г. Горького КУКУШКИН и другие советские граждане.

С резким осуждением СОЛЖЕНИЦЫНА выступают и те лица, которые узнали о содержании пасквиля "Архипелаг Гулаг" из передач буржуазных радиостанций. Например, профессор одного из институтов в г. Тбилиси МАЧАВАРИАНИ говорил: "О содержании книги СОЛЖЕНИЦЫНА мне стало известно из передач Би-би-си. Это самое гнусное и мерзкое, что написано о нас за все 57 лет. Необходимо активнее опровергать эту клевету, а ее автора привлечь к ответственности".

Отвергая реакционные и антисоветские позиции СОЛЖЕНИЦЫНА, советские люди заявляют о своей безграничной преданности советскому социалистическому строю, Коммунистической партии Советского Союза, с гордостью указывают на выдающиеся успехи СССР на международной арене и в деле строительства коммунизма в нашей стране. Так, преподаватель Рязанского пединститута ФУЛИН подчеркнул: "Наш социалистический

строй силен сейчас как никогда, и мы не боимся укусов таких козявок, как СОЛЖЕНИЦЫН". Старший научный сотрудник Института кристаллографии АН СССР АРУТЮНЯН говорил: "Жизнь в СССР теперь совсем другая, чем была она в тот период, о котором в клеветническом духе пишет СОЛЖЕНИЦЫН. Современная действительность дает уверенность советскому человеку в его правах и свободах". Профессор Института философии и права Академии наук Армянской ССР БЕГИЯН отметил: "Любой живущий в СССР интеллектуальный человек осудит СОЛЖЕНИЦЫНА только за то, что он не замечает исторических завоеваний, достигнутых советским народом под руководством КПСС".

Вместе с тем со стороны отдельных политически незрелых граждан проявляется нездоровый интерес к содержанию пасквилей СОЛЖЕНИЦЫНА. В некоторых студенческих коллективах, редакциях и среди творческой интеллигенции зафиксированы высказывания, выражающие сомнения в оценках и выводах, данных СОЛЖЕНИЦЫНУ в нашей печати, радио-телекомментариях.

Находящиеся в поле зрения органов госбезопасности враждебные и антиобщественные элементы из числа националистов, сионистов и реакционно настроенных церковников и сектантов в ряде случаев с одобрением восприняли антисоветскую провокацию СОЛЖЕНИЦЫНА и выразили свое удовлетворение по поводу его открытых враждебных действий.

Председатель
Комитета Госбезопасности АНДРОПОВ

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 61—63. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе подписи А. Косыгина, Н. Подгорного. На отдельном листе указание: "Ознакомить секретарей ЦК КПСС" и подписи Б. Пономарева, К. Катушева, В. Долгих, П. Демичева, М. Суслова, А. Кириленко. Отдельные фразы выделены при читке в ЦК КПСС.

№ 129

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ ЦК КПСС
"Об отношении советских людей к публикации за рубежом очередного клеветнического сочинения А. Солженицына"

21 января 1974 г.

Сов. секретно

Ц К К П С С

ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии информируют, что трудящиеся глубоко возмущены антисоветской шумихой, поднятой буржуазной пропагандой в связи с публикацией за рубежом очередного клеветнического сочинения А. Солженицына под названием "Архипелаг Гулаг". Они расценивают это как новую попытку реакционных кругов Запада подорвать международный авторитет Советского государства, опорочить социалистический строй в глазах человечества, приостановить процесс разрядки международной напряженности. Рабочие, колхозники, интеллигенция в ответ на грязные инсинуации вражеской пропаганды выражают патриотические чувства, заявляют о своей преданности делу коммунизма, тесной сплоченности вокруг Коммунистической партии, полной поддержке ее внутренней и внешней политики.

Советские люди внимательно ознакомились с содержанием статьи "Путь предательства", помещенной в "Правде". С большим интересом ими были встречены публикация по этому вопросу в "Литературной газете", выступления политического обозревателя Ю. Жукова и писателя А. Чаковского по Центральному телевидению. Они были весьма своевременны и оказали большое положительное воздействие на общественное мнение. Повсеместно отмечается их политическая заостренность, публицистичность, наступательный характер. По общему признанию, в этих выступлениях хорошо раскрыто истинное лицо А. Солженицына, убедительно разоблачена враждебная, антисоветская сущность его злобных писаний, дана достойная отповедь проповедуемым им взглядам. Трудящиеся полностью разделяют сделанные в них выводы относительно так называемого литературного

творчества А. Солженицына. Наши люди высказывают удовлетворение тем, что очередной пасквиль А. Солженицына подвергнут острой, принципиальной критике в коммунистической печати зарубежных стран.

"В статье "Правды" все названо теперь своими именами. Такую оценку Солженицыну, которая дана в ней, мы ждали давно. Поведение этого, с позволения сказать, "писателя" не может быть охарактеризовано иначе, как предательство. А предательство всегда вызывает одновременно чувства возмущения и отвращения. Как же не осуждать его, если он в своих книгах очернил Советский Союз. И это тогда, когда наша партия, ЦК КПСС твердо ведут курс на разрядку международной напряженности", — заявил в беседе сталевар Нижнетагильского металлургического комбината Свердловской области т. Лобарев.

"Враги нашей страны из кожи лезут вон, чтобы принизить успехи внешнеполитического курса нашей партии и правительства, бросить тень на социализм, и в этом черном деле они находят опору в лице таких презренных негодяев, каким показал себя Солженицын. Я солидарен с выводом статьи в "Правде", что он заслуживает участи предателя со всеми вытекающими из этого последствиями", — сказал рабочий Норильского рудника "Медвежий ручей" Красноярского края, Герой Социалистического Труда т. Панфилов.

Гнусная антисоветская стряпня А. Солженицына вызывает гнев и негодование в народе. Представители всех слоев населения клеймят его позором и презрением как подлого предателя и злобного клеветника на наш государственный и общественный строй. В многочисленных высказываниях подчеркивается, что для этого политического отщепенца, ослепленного ненавистью, нет ничего святого, и он бессовестно торгует интересами Родины. Особенно сильно возмущает наших людей то, что А. Солженицын вопреки историческим фактам в новом своем пасквиле пытается обелить гитлеровских захватчиков и их пособников власовцев. Указывается, что тем самым он оскверняет память миллионов советских людей, ставших жертвами их кровавых злодеяний на советской земле в годы Великой Отечественной войны.

Белорусский писатель т. Кулаковский сказал: "Не так давно я долгое время был в США, присутствовал на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и слушал там различные выступления. Некоторые из них были весьма оголтелыми, профашистскими, антисоветскими. Однако такой

мерзкой клеветы, какую возводит Солженицын на наш советский народ, на нашу великую Родину, я не слышал даже из уст представителей крайне правых империалистических кругов".

Член КПСС с 1918 года, персональный пенсионер из Коми АССР т. Коюшев заявил: "Солженицын пытается представить извращения времен культа личности как норму советской жизни. Но это явная клевета. В 1937 году я тоже был безвинно репрессирован и находился в заключении 17 лет. Но за все годы ни на минуту не терял веры в партию. После реабилитации я сразу же получил благоустроенную квартиру, персональную пенсию, пользуюсь всеми правами советского человека, четырежды избирался в состав руководящих партийных органов. Солженицын пытается утверждать, что в СССР нельзя писать и говорить правду. Какая ложь! Я написал много статей об ошибках, допущенных в годы культа личности, о незаконно репрессированных, чтобы восстановить их доброе имя. И все статьи были опубликованы без каких-либо исправлений".

Повсеместно отмечается, что антисоветская деятельность А. Солженицына длится в течение многих лет и носит сознательный, откровенно враждебный характер. Обращается внимание на то, что он по существу является идейным вдохновителем отдельных антисоветски настроенных лиц, разного рода политических отщепенцев. В связи с этим многие выражают недоумение, почему к нему не применяются меры, предусмотренные нашим законодательством. В ряде высказываний указывается, что безнаказанность А. Солженицына может иметь вредные последствия, оказать отрицательное влияние на политически неустойчивых людей.

Слесарь Салаватского нефтехимического комбината т. Курманаев сказал: "О недостойном поведении Солженицына мы слышали и раньше. Из нашей печати мы недавно узнали, что этот омерзительный предатель вновь клевещет на свой народ и на свою страну. Нет предела нашему возмущению, и мы недоумеваем, почему его до сих пор не изолируют. Как нечисть, его надо убрать с нашей светлой дороги". Главный мелиоратор совхоза "Ушаки" Ленинградской области т. Куликов заявил: "Все народы мира и тем более советский народ всегда с чувством презрения относились к изменникам. Падение Солженицына — это падение одиночки, который в своей злобе на Советскую власть зашел так далеко, что забыл, где он живет и чьи интересы представляет. Мне только

непонятно, почему так долго наше правительство возится с этим, мягко говоря, мусором. Общество, как и человек, здорово, когда очищается от грязи".

Трудящиеся единодушны во мнении, что своими презренными деяниями А. Солженицын давно поставил себя вне советского общества. Рабочие, колхозники, интеллигенция требуют, чтобы его вредоносной деятельности был положен конец. С мест поступают многочисленные предложения привлечь его к уголовной ответственности и судить по всей строгости закона. Наряду с этим широко высказывается суждение о том, что А. Солженицына следовало бы лишить советского гражданства и выдворить за пределы СССР.

Старший научный сотрудник Рижского медицинского института, сын видного военного деятеля времен гражданской войны, погибшего в период культа личности, т. Эйдеман сказал: "Солженицын выдает себя за правдоискателя. Можно подумать, что ему ничего неизвестно о решительном осуждении нашей партией нарушений социалистической законности периода культа личности. Оплевывая все советское, он умудрился отыскать черты милосердия у нацистов, проклинаемых и ненавидимых всем прогрессивным человечеством, у нацистов, проливших реки крови на нашей земле. Это чудовищно! Быть гражданином СССР — великая честь, и этой чести Солженицын давно недостоин. Считаю, что он должен быть лишен советского гражданства и выдворен за пределы нашей Родины". Преподаватель Киевского госуниверситета т. Левищенко заявил: "Солженицын — предатель советского народа, а предателя, как известно, нужно привлекать к строгой уголовной ответственности. До каких пор мы будем терпеть на своей земле, кормить хлебом этого отщепенца? Нужно наконец-то избавиться от этого подлеца, освободить себя от необходимости постоянно разоблачать его лживость и клевету на нашу страну, партию, народ". И в таком же духе высказываются многие.

Как сообщает ЦК Компартии Украины, в республике со стороны отдельных политически неустойчивых, националистически и сионистски настроенных лиц в связи с публикацией за рубежом очередного клеветнического сочинения А. Солженицына допускаются высказывания негативного характера, в которых выражается откровенное сочувствие ему, поддержка проповедуемых им воззрений.

Партийные организации проводят необходимую разъяснительную работу среди населения, направленную на разоблачение враждебных происков империализма против нашей страны, усиление воспитания трудящихся в духе советского патриотизма, высокой политической бдительности.

И. Капитонов

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 80—83. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 21 января 1974 г.

№ 130

ИНФОРМАЦИЯ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА КПСС

"Об откликах трудящихся Московской области на статью "Путь предательства", опубликованную в газете "Правда" 14 января 1974 г."[1]

№ 10 21 января 1974 г.

ЦК КПСС

Трудящиеся Московской области с большим вниманием ознакомились со статьей т. Соловьева "Путь предательства", опубликованной в газете "Правда" 14 января 1974 года, в коллективах проходит оживленный обмен мнениями. В многочисленных откликах, поступающих в партийные комитеты, люди различных профессий и возраста с полным единодушием гневно осуждают предательское поведение Солженицына, извергающего потоки гнусной клеветы на советскую действительность.

Член Центрального Комитета КПСС, токарь Подольского машиностроительного завода имени С. Орджоникидзе, Герой Социалистического Труда т. Захаров М. Е. заявил: "Все советские люди клеймят позором Солженицына, который не только клевещет на нашу страну, но и оскорбляет святая святых — память погибших в Великой Отечественной войне. Мы знали и ранее, что он имеет взгляды, враждебные нашему строю, но за последнее время этот распоясавшийся писака дошел до последней стадии падения: желая угодить своим заграничным

"хозяевам", Солженицын ставит под сомнения те объективные завоевания Советской страны, которые вынуждены признавать даже самые лютые наши враги. Конечно, его патологические выпады бессильны. Ничто не изменит закономерного хода истории, и злобным "моськам" типа Солженицына никогда не удастся пошатнуть огромный авторитет СССР. В нашей стране, начиная с XX съезда КПСС, полностью восстановлены ленинские принципы и нормы жизни в партии и обществе, обеспечено широкое развитие социалистической демократии. Советский строй — самый гуманный, демократичный в мире, однако нельзя позволять, чтобы такие слизняки, раздувшиеся от иностранных подачек, как Солженицын и некоторые другие, могли безнаказанно отравлять атмосферу нашего общества. Фактически он сам отрекся от Родины, сказав, "что хуже всего на земле быть русским". Мое мнение — необходимо судить Солженицына и с позором выставить его за пределы страны. Думаю, что антисоветчики сразу потеряют интерес к его писанине и даже память об этом подонке не сохранится".

Управляющая отделением совхоза им. Крупской Серебряно-Прудского района т. Ильинская Н. С. сказала: "Нам, простым труженикам, совершенно очевидно, что Солженицын перешел в лагерь врагов мира и социализма, является ярым антисоветчиком. Весь мир восхищается нашими достижениями, и мы гордимся нашими успехами в области народного хозяйства, науки и культуры. Поэтому у нас, советских людей, его пропаганда вызывает гнев, возмущение и отвращение. В самом деле, советский народ спас мировую цивилизацию от коричневой чумы — фашизма, мы хорошо знаем, что такое война, и свято чтим павших за свободу и независимость нашей Родины. А этот деляга глумится над славными сынами и дочерьми нашего многонационального государства и, более того, восхваляет предателей-власовцев. Мы полностью одобряем и поддерживаем внешнюю и внутреннюю политику нашей партии и правительства и не можем терпимо относиться к злобной клевете на нашу партию, советский народ. Мнение трудящихся одно — предателю не место в нашей стране, требуем лишить Солженицына прав гражданина Советского Союза".

Механизатор совхоза "Озеры", Герой Советского Союза т. Харламов С. В. выразил следующее: "От всего сердца мне хотелось бы сказать рабочее спасибо нашей партии, ее Центральному Комитету, Политбюро и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду

Ильичу Брежневу за проводимую огромную работу по претворению в жизнь Программы мира, что позволяет нам, советским людям, вдохновенно трудиться, строить коммунизм. Мне, как участнику Великой Отечественной войны, дорого дело мира и созидания. Поэтому меня, моих товарищей по работе глубоко возмущает волна шумихи, вновь поднявшаяся на Западе вокруг антисоветских творений идеологического власовца — Солженицына. Мы презирали предателей на фронте, и не было для них ничего тяжелее, чем это презрение. Тем более достойно презрения предательство, совершенное сегодня, в мирное время, за спиной у Советской страны, отщепенцем, который никогда не был прочно связан корнями с ее интересами. Я, рабочий человек, лишаю Солженицына морального права на советское гражданство. Ему не по пути с нами!"

"Все советские люди, — говорит машинист торфоуборочной машины Ореховского торфопредприятия, Герой Социалистического Труда т. Иванищев И. И., — клеймят позором гнусного писаку Солженицына. Диву даешься — сколько злобы в этом человеке, он весь исходит ядом и задыхается от ненависти к нашей социалистической Родине. В своем больном воображении он оплевывает победу и завоевания Великого Октября, своим сюсюканьем превозносит царские порядки. С большим вниманием я прочитал о нем статью в "Правде", где дается оценка его литературным кривляниям. Целиком и полностью согласен со всеми положениями, изложенными в ней. Наша действительность такова, что все утверждения этого писаки вызывают удивление и смех. Я хочу сказать этому отщепенцу: "Советским людям не по пути с вами, господин Солженицын. Вы никак не можете отойти от своих классовых взглядов помещика, откуда ведется ваша родословная". Предлагаю принять к Солженицыну самые строгие меры. Нельзя мириться и терпеть контрреволюционные высказывания, призывающие к борьбе против Советской власти, реставрации капитализма в СССР. Сколько можно с ним церемониться. Предлагаю лишить его свободы или выслать за пределы нашей Родины".

Заместитель директора лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна), доктор физико-математических наук т. Барашенков В. С. отметил: "Во время моих поездок за границу мне приходилось читать отдельные отрывки из книг, изданных Солженицыным за рубежом. Моя оценка этих книг полностью совпадает с оценкой, данной товарищем Соловь-

евым в газете "Правда". Это — крайне вредная, резко антисоветская писанина. Ни о какой публикации в СССР этих книг не может быть и речи. Поскольку Солженицын — воинствующий антисоветчик и весьма активный, приносящий большой вред стране, его деятельности необходимо положить конец. Я хотел это особенно подчеркнуть. По моему мнению, наилучшим выходом было бы выдворить Солженицына из СССР. После этого интерес к нему существенно ослабнет, так как в литературном отношении его книги не представляют никакого интереса, а его популярность за рубежом искусственно раздувается оголтелой буржуазной, реакционной прессой. В то же время прогрессивные деятели зарубежных стран с презрением отзываются о самом Солженицыне и его писанине".

19 января т. г. состоялись 16 отчетно-выборных конференций в городских и районных партийных организациях. Многие делегаты, выступая на конференциях, давали суровую оценку предательской деятельности Солженицына.

Директор Тропаревской средней школы т. Павлов И. С., выступая на XXIII Можайской городской конференции, отметил: "Как коммунист и как гражданин великой родины Ленина, не могу не выразить свое возмущение в связи с антисоветской возней в буржуазном стане по случаю выхода очередного пасквиля отщепенца Солженицына под названием "Архипелаг Гулаг". Жалкий отпрыск помещичьей семьи, ярый антисоветчик, иудушка, предавший самое святое и святое для нас — Родину, дело революции, дело лучших сынов, ценою крови и жизни своей спасших мир и человечество, — вот кто такой Солженицын. Мерзость и ничтожность этой фигуры не знает границ. Он клевещет на оплот мира и социализма — Советский Союз, всю мировую социалистическую систему, восхваляет царизм и фашизм. Я, как и все честные люди страны, с гневом и возмущением осуждаю действия матерого деляги и предателя. В крепкой семье строителей коммунистического общества нет места таким типам, как Солженицын".

Свое отрицательное отношение к Солженицыну высказал ряд подмосковных писателей. Так, член Союза советских писателей Федор Каманин, проживающий в деревне Блиньково Рузского района, отметил: "По моему мнению, Солженицын — ненормальный человек, помешавшийся на злобе к своей земле, к своему народу. Таких на моей родине — Брянщине, называют либо выродками, либо вовсе уродами. На какого читателя он рассчитывает?

Видимо, на такого же, как и сам, — урода. Я лично пострадал в период культа личности, но у меня и в мыслях не было предавать свою Советскую Родину, свой народ. Я сражался в партизанском отряде. Мне сейчас под восемьдесят, но если бы потребовалось, я и сейчас бы надел партизанскую шапку и пошел в бой за нашу ленинскую Родину. Не место ему на нашей земле, предлагаю выставить негодяя за пределы страны".

Писатель Герман Нагаев так характеризует Солженицына: "Это оголтелый политический авантюрист, который клевещет на советский народ, на нашу социалистическую действительность. Он выступает против идей коммунизма, пытается очернить все, что делается и создается в нашем государстве. Его произведения, которые известны советским людям, совершенно беспомощны в художественном и идейном отношении. Примитивными репортерскими средствами Солженицын стремится принизить советского человека — строителя нового общества. Большинство советских писателей верно служат родной партии и народу. К их числу относился и Е. Пермитин, который был репрессирован и долго находился в заключении. Будучи реабилитированным, он создал произведения, правдиво изображающие жизнь и труд нашего народа, за что и был удостоен Государственной премии".

Партийные информаторы первичных парторганизаций, после опубликования 14 января т. г. в газете "Правда" статьи "Путь предательства", сообщают в городские, районные комитеты КПСС мнение трудящихся о личности Солженицына и его писаниях. Например, тракторист колхоза им. Ленина Серебряно-Прудского района т. Зайцев А. Ф. сказал: "А что о нем говорить, сказано уже достаточно. Надо гнать его в три шеи, а не церемониться с этой нечистью"; директор Егорьевского завода асбестовых технических изделий т. Краснов А. П. — "Бешеная злоба предателя Солженицына вызывает дикий восторг оголтелой реакции. Его деяния глубоко нас возмущают. Считаем, что он должен быть привлечен к строгой ответственности"; старший инженер отделения Всесоюзного электротехнического института (Истринский район) т. Романов Л. И. — "Этому, с позволения сказать, горе-литератору не место на нашей Родине. Терпение не беспредельно. Пора призвать его к порядку"; звеньевой картофелеводческого звена совхоза "Вперед" Рузского района т. Кудрявцев С. А. — "Предатель, клеветник, злобный антисоветчик не может нашу страну считать своей родиной. Он заслужил полной изоляции от общества, от

нашего народа. Должны же быть справедливость и возмездие"; Герой Социалистического Труда, сталевар завода "Электросталь" т. Корягин В. И. — "Я и мои товарищи возмущены и удивляемся, почему Солженицын находится на свободе. На него нужно надеть смирительную рубашку или посадить за решетку, чтобы не пакостил. По нашим законам его давно уже нужно было судить. Чем вызвана такая гуманность к этой темной личности?"

Трудящиеся задают следующие вопросы:

Имеют ли право граждане нашей страны иметь в личном пользовании по несколько автомобилей и на каком основании Солженицын имеет несколько автомашин?

Принимаются ли более действенные меры для перекрытия утечки разного рода информации за рубеж, особенно от ярых антисоветчиков.

Не настало ли время перейти к ликвидации личного дачевладения в нашей стране, а еще шире использовать для отдыха трудящихся пансионаты, дома отдыха, санатории, дома творчества и т. д. У многих лиц, имеющих дачи, рождается стремление расширять их, ремонтировать, нарушая наши законы.

Почему крупные советские писатели А. Чаковский, К. Симонов, Н. Тихонов, М. Шолохов и другие подлинные патриоты своей Родины не дадут в печати отпор гнусному отщепенцу Солженицыну. Дело не в полемике, а в том, чтобы широким массам трудящихся сказать подлинное партийное слово о наших успехах и о необходимости и дальше вести активную, наступательную пропаганду против буржуазной идеологии.

Секретарь МК КПСС *В. КОНОТОП*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 85—90. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе указание: "Ознакомить секретарей ЦК КПСС" и подписи К. Катушева, В. Долгих, М. Суслова, А. Кириленко, П. Демичева

№ 131

ИНФОРМАЦИЯ ОБЩЕГО ОТДЕЛА ЦК КПСС

"Об откликах трудящихся на статью "Правды" "Путь предательства" по поводу антисоветской деятельности А. Солженицына"[1]

25 января 1974 г.

ЦК КПСС

В Центральный Комитет партии продолжают поступать письма, в которых трудящиеся, откликаясь на статью газеты "Правда" "Путь предательства", клеймят позором провокационные действия А. Солженицына, А. Сахарова и других клеветников и пособников буржуазной пропаганды.

Как видно из многочисленных писем, [миллионы][2] советских [граждан] глубоко возмущены появлением на Западе нового пасквиля Солженицына "Архипелаг Гулаг", считают себя оскорбленными этим "сочинением" в своих лучших патриотических чувствах. По этому поводу пишут люди самых разных профессий, возрастов, коммунисты и беспартийные, участники Великой Отечественной войны, пишут люди, потерявшие в военные годы родных и близких.

Авторы писем, выражая полную и безоговорочную поддержку внутренней и внешней политики ЦК КПСС, Советского правительства, требуют принятия строгих [карательных] мер к антисоветчикам, ограждения нашей молодежи от тлетворного влияния идеологических диверсантов, вносят различные предложения, связанные с усилением воспитательной работы среди трудящихся.

Наш народ безгранично предан ленинской партии, своими трудовыми подвигами постоянно возвеличивает, укрепляет могущество и международный авторитет любимой Родины, пишут члены КПСС т. т. Сагамонов и Боровиков из г. Москвы. Советские люди с болью в сердце чтут светлую память многомиллионных жертв, отдавших жизнь во имя становления народной власти, в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мы гордимся теми внешнеполитическими успехами, которые позволили добиться ослабления международной напряженности, отодвинули угрозу новой войны.

Весь мир знает о гуманности советских законов, продолжают авторы письма. Отлично усвоил это и Солженицын. Пользуясь попустительством со стороны наших властей, он продолжает беспрепятственно ходить по советской земле, есть наш хлеб, сочинять свои пасквили на нашу действительность. Нам представляется, что каждому терпению должен быть предел. [Мы требуем от нашего правосудия принятия самых строгих мер к предателю Солженицыну, чтобы неповадно было другим.]

До глубины души, как и все мои товарищи, возмущен предательством и клеветой Солженицына на то святое, что есть у нашего народа, заявляет член партии т.Соловьев из Волгограда. Эта [сволочь] подлец утверждает, что Сталинград устоял благодаря штрафным батальонам. Мне не было и 17 лет, когда я стал бойцом истребительного батальона в Сталинграде. Мы не были штрафниками, мы были патриотами. Нас, добровольцев-сталинградцев, насчитывалось более 75 тысяч человек. Многие мои друзья погибли здесь. Они защищали Родину, родной город, свой народный строй. Мы не хотим с этим типом одним воздухом дышать, в одной стране жить. У нас демократия, но демократия для народа и во имя народа. А для тех, кто идет против народных интересов, у нас демократии нет и не должно быть. Это аксиома — так нас учил Ленин, и мы должны поступать по отношению к врагам по-ленински, беспощадно.

Я на себе испытал все тяготы войны, сообщает ленинградец т. Кац. Отец и еще шесть членов нашей семьи погибли. В памяти многих людей навеки останутся страдания, выпавшие на долю нашей страны, мы всегда будем отдавать дань уважения и свято чтить память павших в боях. В свете этого, продолжает автор, я с негодованием думаю об омерзительной "деятельности" А. Солженицына. Он не имеет морального права жить в нашей стране. На мой взгляд, это не "инакомыслящий", он — враг, предатель и негодяй. Такие люди оказывают разлагающее влияние на неустойчивых лиц. Не секрет, что у нас еще немало распущенности, разгильдяйства, пьянства, воровства. Все это вызывает чувство горечи. Необходимо принимать более жесткие меры ко всем тем, кто допускает отступления от норм социалистического общежития.

О решительном осуждении трудящимися провокационного поведения А. Солженицына и А. Сахарова поступают сведения из местных партийных органов. Так, Днепропетровский обком КП Украины сообщает, что новые факты антисоветской деятельности этих лиц, содержащи-

ется в опубликованных материалах, вызывают глубокое возмущение рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, творческой интеллигенции — всех слоев трудящихся области. Например, выступая на пленуме Днепропетровского областного комитета партии, токарь комбайнового завода, член обкома КПУ т. Лихолат заявил: мое мнение и моих товарищей по работе — от имени областной партийной конференции обратиться в ЦК КПСС с предложением, чтобы к Солженицыну были приняты, наконец, меры более сильного воздействия, нежели словесная критика. Этот человек недостоин носить звания гражданина Советского Союза, пользоваться благами советского общества.

В речи на Днепропетровской городской партийной конференции ректор Института инженеров железнодорожного транспорта т. Каблуков сказал: огромный вред воспитательной работе среди студенческой молодежи наносят "интеллигенты" типа Сахарова и Солженицына. Следуя их примеру, некоторые безответственные болтуны делают то же самое. Мне кажется, таких, как Солженицын и ему подобных, неплохо бы послать более глубоко изучать те организации, о которых он писал, либо выдворить за пределы нашей Родины. Это принесло бы большую пользу делу коммунистического воспитания студенчества.

Этой точки зрения придерживаются и другие авторы писем. Радиодиверсанты Запада, заявляет член партии т. Мусаев из г. Баку, предпринимают попытки влезть в души легковерных людей, завоевать умы и чувства юного поколения, посеять сомнения в правильности Программы коммунистической партии. И в этом им на помощь пришли Солженицын и Сахаров. Терпимость к ним, хотим мы этого или нет, льет воду на мельницу наших идеологических противников. Не видеть, не понимать этого нельзя. Мы не можем закрывать глаза на то, что в нашем обществе есть еще люди, недовольные Советской властью. Это разного рода дельцы, уголовники, сионисты, местные националисты. Пусть их мало, но они не молчат: распространяют вредного содержания анекдоты, затевают разговоры по поводу "правдивой" информации Запада и т. д. Где гарантии того, что эти ядовитые семена не поранят молодые души и не отравят лучшие годы их жизни.

Касаясь вопросов воспитательной работы, член партии москвич т. Петухов пишет: коммунистические идеи сильнее идей наших классовых врагов. Это доказано ходом исторического развития. Нам во много раз легче наступать на вымыслы лживой пропаганды эксплуататоров. Но,

вместе с тем, хотелось бы подчеркнуть необходимость усиления идейно-воспитательной работы, которая, к сожалению, не везде организована на должном уровне. Было бы полезным проверить и проанализировать, хотя бы в московских организациях, как выполняются соответствующие решения ЦК КПСС директорами институтов, заводов, руководящими работниками других организаций, как они сами лично ведут среди инженерно-технических работников, служащих, рабочих, среди всех своих подчиненных идейно-воспитательную работу.

Член КПСС т. Петрыгин из г. Архангельска в связи с провокацией Солженицына замечает: нечего греха таить, у некоторой части населения еще проявляется безразличие к политическим и общественным мероприятиям, [проводимым нашей партией]. В среде очень небольшой части, особенно интеллигенции, наблюдается не только неверие в необходимость этих мероприятий, но и некоторое противодействие им. Если добавить к этому, что на отдельных участках идеологической работы мы встречаемся с фактами формализма и казенщины, то станет ясным, какой может быть результат. Среди наших работников идеологического фронта: литературы, искусства, кино и т. д. — немало найдется таких, которые, как говорили в старое время, в черта верят, а богу молятся. Сегодня духовная пища в большинстве семей стала, если так можно выразиться, основным блюдом. Поэтому следует подкрепить нашу идеологическую работу организационными мероприятиями во всех областях. Тут одними совещаниями и семинарами не отделаешься. Надо создать нетерпимую обстановку для тех, кто фальшивит, обманывает, прикрывается красивой фразой. В первую очередь — надо укрепить кадры идеологического фронта.

В выступлениях печати и телевидения точно определено, кто такой Солженицын и для чего он написал свою грязную книгу "Архипелаг Гулаг", говорится в письме т. Хомутенко из Краснодарского края. Но Солженицын в Советском Союзе не один. Не менее опасен для нашего народа академик Сахаров. Это он вместе с Максимовым, Галичем и другими написали для буржуазной печати заявление в защиту своего единомышленника. Как видно, антисоветской деятельностью в нашей стране занимаются и друзья Солженицына и Сахарова. Их, наверное, немало. Писательские организации Советского Союза, научные учреждения и органы культуры и искусства следует в этом отношении хорошо проверить.

Конечно, есть у нас и недостатки, делится своими размышлениями т. Буков (г. Москва) в связи с публикацией в "Правде" статьи "Путь предательства". Мы еще не изжили полностью просчетов прошлых лет. Но партия ведет кропотливую повседневную работу в этом направлении. Свежее тому свидетельство — решения последнего Пленума ЦК КПСС. В нашей стране день ото дня крепнет социалистический демократизм, все больше людей привлекается к управлению государством. Каждый советский человек должен принять активное участие в строительстве коммунизма. Кто этого не хочет делать, того народ заставит, заставит по крайней мере честно работать. Если же кто-либо вознамерится противодействовать развитию нашего общества, тому народ же сумеет указать свое место. Вот и Солженицыну пора сказать, что наше терпение исчерпано. Пусть он убирается за рубеж, к своим единомышленникам.

К такому же выводу приходит член партии т. Малков из Московской области, заявляя: противно жить под одним небом с отвратительным врагом советского народа, стремящимся к "славе" посредством плевков в душу своего народа, с этим Власовым от литературы, сочинителем "Архипелага" вражды и ненависти к нашей цветущей стране, к народу — строителю нового, более совершенного мира на земле. Нет смысла вступать с ним в дискуссию, полемизировать с моськой, лающей на слона. Он так же, как и сам Власов, заслужил виселицу, но не стоит нам марать об него руки. Я предлагаю просто, без особого шума выдворить его за пределы нашей страны, к его хозяевам, к хору каркающих врагов в эмиграции, к накопленным им Иудиным деньгам. Пусть он там выплеснет остатки своего яда и канет затем в Лету.

Многие авторы писем, обращаясь в ЦК КПСС, просят дать ответы на некоторые волнующие их вопросы в связи с антисоветской деятельностью Солженицына и Сахарова. Так, член партии т. Урсов из Тургайской области по поводу выхода книги "Архипелаг Гулаг", например, спрашивает: как могло случиться, что человек, который живет на советской земле, ест хлеб, выращенный нашими трудолюбивыми крестьянами, пользуется предметами, изготовленными руками наших рабочих, без зазрения совести плюет нам в лицо? Мне непонятно вот что: почему мы терпим такую мерзость на нашей земле? Или боимся, что на Западе нас будут осуждать, если мы накажем этого фашиста по нашим законам? Если так, то пусть осуждают. Разве мы не привыкли за 56 лет Советской

власти к клевете и нападкам всякого рода Олсопов? Не только меня, продолжает автор письма, но и многих удивляет отношение к пасквилянту Солженицыну. Говорят: "Почему Якира осудили, а этот пасквилянт разгуливает на свободе и клевещет на нас?" Действительно: почему?..

Старший научный сотрудник Института русского языка АН СССР, доктор филологических наук т. Жуковская заявляет: я отношусь к числу лиц, которых крайне удивляет (если не сказать больше!) попустительство со стороны органов прокуратуры СССР и РСФСР по отношению к А. Солженицыну. Не пора ли все же положить конец клевете современного Герострата в адрес всех советских людей, в адрес 20 миллионов павших в Великой Отечественной войне? За навет по отношению только к одному какому-либо человеку советское и зарубежное законодательство наказывают клеветника. Солженицын, возводящий поклеп на целый народ, заслуживает наказания на сотни лет. Если раньше он вкладывал яд в уста своих героев, то теперь (судя по статье в "Правде") делает такие высказывания от своего лица. Сколько же можно попустительствовать ему?

Прочтя статью в "Правде", я задумался: почему в нашей стране еще встречаются такие люди, как Солженицын? — пишет т. Волков (г. Москва). Что питает их разум? Чья вина в том, что они действуют безнаказанно? Ведь оснований для привлечения Солженицына к ответу достаточно. Конечно, его арест отзовется воплями на Западе. Пусть! Мы знавали страсти и похлеще, выдюжим! Член КПСС т. Вагин из Пензенской области заявляет: надо все-таки показать всему миру, что Советская власть не только гуманна, но и сурова по отношению к изменникам Родины. Сколько же можно терпеть Солженицына? Ведь ко всему прочему говорят, что он ранее был судим за дезертирство. А сейчас вот ратует за фашизм. Я считаю, что нам не надо думать, что скажут за рубежом, если мы избавим свое общество от прямого ставленника буржуазии.

Мне непонятны мотивы терпимого отношения к А. Солженицыну и А. Сахарову, замечает ветеран войны т. Кодоев из Северо-Осетинской АССР. Неужели Советская власть чего-то боится, не решаясь пресечь очевидную преступную деятельность? Закон есть Закон. Перед Законом все равны. Сахаров и Солженицын не должны составлять исключения. [Персональный пенсионер т. Куликов (г. Москва) требует приговорить Солженицына к высшей мере

наказания — расстрелу. Нельзя допускать, пишет автор, чтобы безнаказанно предавалось дело нашей Революции.]

Член партии т. Якушев из Ставропольского края, высказав в своем письме возмущение по поводу злобной клеветы Солженицына на нашу действительность, спрашивает: почему этого врага народа не привлекут к строжайшей судебной ответственности. Нам нечего опасаться, что кто-то подумает о нас недоброжелательно, что могут испортиться отношения. На стороне нашего народа великая ленинская правда. Она во сто крат сильнее всех наших врагов.

Я сын петроградских рабочих, пишет член КПСС т. Михеев (г. Ленинград). Советская власть дважды дала мне высшее образование. Войну прошел хирургом, сделал тысячи операций раненым, кровью защищавшим честь и свободу нашей Родины. Тем более возмутительна для меня антисоветская деятельность этого "проходимца от литературы" — Солженицына. Ведь это же не писатель, а писака самого мелкого калибра. Его можно было понять еще по ранее опубликованным у нас пасквилям на социалистический образ жизни — "Матренин двор" и "Один день Ивана Денисовича". Неужели так немощны наши юридические органы, что не могут его привлечь к уголовной ответственности или вообще изгнать из нашей страны? В письме бригадира бурильщиков шахты "Гвардейская" т. Павлюченко (г. Кривой Рог) говорится: вместе с товарищами по работе я пришел к выводу, что Солженицыну своим бредом захотелось внести хаос и неразбериху в здоровую семью советских народов. На этот счет очень правильно говорил Леонид Ильич Брежнев в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил. Он указывал, что у нас действуют законы, направленные на пресечение любых антиобщественных проявлений. Я считаю, что солженицыновской брехне должен быть противопоставлен в широком масштабе голос людей труда страны Советов. Ведь мы имеем право на идейную защиту своих интересов. Никакой пощады клеветникам и подстрекателям!

Встречаются письма и иного содержания. В своем обращении житель Донецка В. Гриф пишет: я не могу равнодушно читать и слушать выступления, направленные против А. Сахарова и А. Солженицына. Если их действия противоречат интересам советского народа, то почему бы не дать разрешения на публикацию их выступлений и

произведений. Ведь если все ими написанное — ложь, то каждый перестанет уважать их не только как ученого, писателя, но и как людей, как граждан. Те же "критические этюды", которые публикуются нашими газетами, зачастую сформулированы так тонко, что и не поймешь, что хочет сказать автор.

Тов. Рекин из Киева считает, что по Центральному телевидению целесообразно показать интервью с Солженицыным. Это явилось бы, по словам автора письма, самым эффективным средством разоблачения сущности предателя. Интервью должен провести человек, уверенный в своей правоте и хорошо владеющий марксизмом-ленинизмом. Подобная телепередача, подчеркивается в заключение письма, принесет куда больше идеологической пользы, чем показ по телевидению некоторых зарубежных многосерийных фильмов.

Сообщается в порядке информации.

Заведующий Общим отделом
ЦК КПСС *(К. Черненко)*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 92—99. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 25 января 1974 г. за № П147

[2]Здесь и далее текст в квадратных скобках вычеркнут К. Черненко перед рассылкой документов

№ 132

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 266-А 29 января 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

26 января 1974 года в городе Ленинграде на станциях метро и в скверах неизвестными лицами были распространены политически вредные листовки с призывом выступить в защиту СОЛЖЕНИЦЫНА и САХАРОВА.

Листовки изготовлены чертежным шрифтом за подписью "Емеля" и размножены светокопировальным способом.

В местах распространения всего изъято 235 экземпляров листовок.

Комитетом госбезопасности приняты активные меры по розыску авторов и распространителей листовок.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 64. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На документе подписи М. Суслова, А. Кириленко, П. Демичева

№ 133

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС "О рассылке аннотации сочинения А. Солженицына "Архипелаг Гулаг"

№ Ст-111/14с 29 января 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Разослать аннотацию сочинения А. Солженицына "Архипелаг Гулаг" ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, окружкомам, горкомам и райкомам партии[1].

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 65. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Аннотация (см. приложение к документу № 100) разослана в феврале 1974 г. за № П170

№ 134

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 300-А 1 февраля 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

В дополнение к нашему № 174-А от 19 января 1974 года[2] направляем ксерокопию собственноручно написанной СОЛЖЕНИЦЫНЫМ биографии, опубликованной в

сборнике "Нобелевские лауреаты" за 1970 год (сборник издан в Стокгольме в 1971 году).

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Приложение

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Я родился в 1918 году, 11 декабря, в Кисловодске. Отец мой, студент филологического отделения Московского университета, не окончил курса, так как пошел добровольцем на войну 1914 г. Он стал артиллерийским офицером на германском фронте, провоевал всю войну, умер летом 1918 г., еще за полгода до моего рождения. Воспитывала меня мать, она была машинисткой и стенографисткой в г. Ростове-на-Дону, где и прошли все мое детство и юность. Там я кончил в 1936 г. среднюю школу. Еще с детства я испытывал никем не внушенное мне тяготение к писательству и писал много обычного юного вздора, в 30-е годы делал попытки печататься, но нигде не были мои рукописи приняты. Я намеревался получить литературное образование, но в Ростове не было такого, как я хотел, а уехать в Москву не позволяло одиночество и болезнь моей матери, да и наши скромные средства. Поэтому я поступил на математическое отделение Ростовского университета: к математике у меня были значительные способности, она мне легко давалась, но жизненного призвания в ней не было. Однако она сыграла благодетельную роль в моей судьбе, по крайней мере дважды она спасла мне жизнь: вероятно, я не пережил бы восьми лет лагерей, если бы как математика меня не взяли на четыре года на так называемую "шарашку"; и в ссылке мне разрешили преподавать математику и физику, что облегчило жизнь и дало возможность заниматься писательской работой. Если бы я получил литературное образование, вряд ли я уцелел бы в своих испытаниях: я подвергался бы большим ограничениям. Правда, позже я начинал и его: с 1939 и до 1941 года параллельно физмату учился также на заочном отделении Московского института Истории-Философии-Литературы.

В 1941 г. за несколько дней до начала войны я окончил физмат Ростовского университета. С начала ее из-за ограничений по здоровью я попал ездовым обоза и в нем

провел зиму 1941-42 года, лишь потом, опять-таки благодаря математике, был переведен в артиллерийское училище и кончил его сокращенный курс к ноябрю 1942 г. С того момента я был назначен командиром разведывательной артиллерийской батареи и в этой должности непрерывно провоевал, не уходя с передовой, до моего ареста в феврале 1945 г. Произошло это в Восточной Пруссии, странным образом связанной с моей судьбой: еще в 1937 году, студентом 1-го курса, я избрал для описания "Самсоновскую катастрофу" 1914 г. в Восточной Пруссии, изучал материалы по ней — а в 1945 году и своими ногами пришел в те места. (Как раз сейчас, осенью 70, та книга, "Август Четырнадцатого", окончена.)

Арестован я был на основании цензурных извлечений из моей переписки со школьным другом в 1944—45 годах, главным образом за непочтительные высказывания о Сталине, хотя и упоминали мы его под псевдонимом. Дополнительным материалом "обвинения" послужили найденные у меня в полевой сумке наброски рассказов и рассуждений. Все же их не хватало для "суда", и в июле 1945 г. я был "осужден" по широко принятой тогда системе — заочно, решением ОСО (Особого Совещания НКВД), к 8 годам лагерей (это считалось тогда смягченным приговором).

Приговор я отбывал сперва в исправительно-трудовых лагерях смешанного типа (описанного в пьесе "Олень и шалашовка"). Затем, в 1946 г., как математик был востребован оттуда в систему научно-исследовательских институтов МВД—МГБ и в таких "спецтюрьмах" ("Круг первый") провел середину своего срока. В 1950 г. был послан в новосозданные тогда ОСОБЫЕ лагеря для одних политических. В таком лагере в г. Экибастузе в Казахстане ("Один день Ивана Денисовича") работал чернорабочим, каменщиком, литейщиком. Там у меня развилась раковая опухоль, оперированная, но недолеченная (характер ее узнался лишь позже).

С передержкой на месяц после 8-летнего срока пришло — без нового приговора и даже без "постановления ОСО", административное распоряжение: не освободить меня, а направить на ВЕЧНУЮ ССЫЛКУ в Кок-Терек (юг Казахстана). Это не было особой мерой по отношению ко мне, а очень распространенным тогда приемом. С марта 1953 года (5 марта, в день объявленной смерти Сталина, я первый раз был выпущен из стен без конвоя) до июня 1956 г. я отбывал эту ссылку. Здесь у меня

быстро развился рак, и в конце 1953 г. я был уже на рубеже смерти, лишенный способности есть, спать и отравленный ядами опухоли. Однако, отпущенный на лечение в Ташкент, я в тамошней раковой клинике был в течение 1954 года излечен ("Раковый корпус", "Правая кисть"). Все годы ссылки я преподавал в сельской школе математику и физику и, при своей строго одинокой жизни, тайком писал прозу (в лагере, на память, мог писать только стихи). Мне удалось ее сохранить и привезти с собой из ссылки в европейскую часть страны, где я продолжал так же заниматься внешне — преподаванием, тайно — писанием, сперва во Владимирской области ("Матренин двор"), затем в Рязани.

Все годы, до 1961, я не только был УВЕРЕН, что никогда при жизни не увижу в печати ни одной своей строки, но даже из близких знакомых почти никому не решался дать прочесть что-либо, боясь разглашения. Наконец, к сорока двум годам, такое тайное писательское положение стало меня очень тяготить. Главная тяжесть была в невозможности проверять свою работу на литературно развитых читателях. В 1961 году, после XXII съезда КПСС и речи Твардовского на нем, я решился открыться: предложить "Один день Ивана Денисовича". Такое самооткрытие казалось мне тогда — и не без основания — очень рискованным: оно могло привести к гибели всех моих рукописей и меня самого. Тогда обошлось счастливо: А. Т. Твардовскому, в ходе долгих усилий, удалось через год напечатать мою повесть. Но почти сразу же печатание моих вещей было остановлено, были задержаны и пьесы мои и (в 1964 г.) роман "В круге первом", в 1965 г. он был изъят вместе с моим архивом давних лет — и в те месяцы мне казалось непростительной ошибкой, что я открыл прежде времени свою работу и так не доведу ее до конца.

Даже событий, уже происшедших с нами, мы почти никогда не можем оценить и осознать тотчас, по их следу, тем более непредсказуем и удивителен оказывается для нас ход событий грядущих.

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 66—69. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе подпись А. Кириленко
[2]См. документ № 127

№ 135

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР и ПРОКУРАТУРЫ СССР[1]

№ 348-А 6 февраля 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Как известно, в последнее время буржуазная пропаганда, используя враждебный пасквиль СОЛЖЕНИЦЫНА "Архипелаг ГУЛАГ", подняла во многих европейских странах и США шумиху, направленную против СССР, его внешней и внутренней политики. Причем, эта волна антисоветизма отличается не только клеветой на Советский Союз, но и стремлением инспирировать враждебные выступления в нашей стране, а также против ее представительств за рубежом.

Анализ показывает, что вся эта кампания достаточно хорошо скоординирована и направляется из единого центра. Получив определенный пропагандистский выигрыш после опубликования первых двух частей "Архипелага ГУЛАГ" (5 еще не напечатаны), противник в последние дни заметно свертывает выступления с использованием этого сочинения. Определенное влияние на это имели реакция с нашей стороны, отпор, который получил СОЛЖЕНИЦЫН от советской общественности. Немаловажную роль играет также опасение со стороны спецслужб противника за судьбу СОЛЖЕНИЦЫНА. Запад явно стремится к тому, чтобы предотвратить дальнейшее нагнетание обстановки и не возбуждать некоторое время выступлений против СОЛЖЕНИЦЫНА.

Такая тактика может создать невыгодную для нас обстановку спокойствия при осуществлении мер, намеченных в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА. Она, в частности, может снизить активность тех, кто заявляет о необходимости депортирования СОЛЖЕНИЦЫНА из Советского Союза на Запад.

Исходя из этого, представляется целесообразным вызвать СОЛЖЕНИЦЫНА к заместителю Генерального прокурора СССР т. Малярову М. П. и заявить ему, что в связи с его антисоветской деятельностью Прокуратура СССР считает необходимым заняться рассмотрением

имеющихся на этот счет материалов. При этом от СОЛЖЕНИЦЫНА будет взята подписка с требованием извещать Прокуратуру СССР об изменении своего местопребывания.

Очевидно, что СОЛЖЕНИЦЫН после вызова даст очередное интервью иностранным корреспондентам, что будет использовано на Западе в антисоветской шумихе. Если он этого не сделает, то через возможности КГБ самим продвинуть сообщение по этому вопросу в западную прессу, исходя из вышеизложенной цели.

Просим рассмотреть.

АНДРОПОВ *РУДЕНКО*

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 70—71. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе документа резолюция: "**Срочно**. Согласиться. М. Суслов" и подписи А. Кириленко, Н. Подгорного, А. Косыгина, на последнем — справка: "О согласии т. Андропову Ю. В. сообщил т. Черненко К. У. 7. II. 74 г. Н. Новиков"

№ 136
ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

№ 350-А/ов 7 февраля 1974 г.

Особой важности

ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

2 февраля с. г. западногерманский канцлер В. БРАНДТ, выступая в Мюнхене на церемонии присуждения ежегодных премий им. Теодора ХОЙСА, заявил, что СОЛЖЕНИЦЫН может свободно и беспрепятственно жить и работать в ФРГ, так как на Западе многие не представляют тех трудностей, с которыми всемирно известному писателю якобы пришлось встретиться в своей стране. При этом БРАНДТ демагогически подчеркнул право интеллектуала на свободное выражение своих мыслей[1].

Такое заявление БРАНДТА дает все основания для выдворения СОЛЖЕНИЦЫНА в ФРГ, приняв соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении его советского гражданства (проект Указа прилагается). Это решение будет правомерно и с учетом наличия в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА материалов о его преступной деятельности.

Для согласования практических шагов в этом направлении представляется целесообразным через неофициальные каналы войти в контакт с представителями правительственных кругов ФРГ. Конкретные предложения по порядку перемещения СОЛЖЕНИЦЫНА в Западную Германию будут доложены дополнительно.

Настоящие предложения согласованы с Прокуратурой СССР (тов. Руденко Р. А.).

Просим рассмотреть.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Приложение

Проект
Без опубликования в печати

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР СОЛЖЕНИЦЫНА А. И.

Учитывая, что СОЛЖЕНИЦЫН систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР,

Президиум Верховного Совета СССР

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года "О гражданстве Союза Советских Социалистических республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца г. Кисловодска.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

Москва, Кремль
" "________1974 года
№__________

Пакет № 367. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]В своем выступлении В. Брандт сказал:"Мы — и тут не может быть никакого сомнения — за свободу выражения мнений и свободу писателя высказываться с помощью доступных ему средств. Солженицын мог бы у нас в ФРГ свободно жить и беспрепятственно работать. Заявлять об этом — естественно, не означает вмешательства. Все знают, что мы имеем хорошие отношения с СССР. Различия в том, что мы называем идеологиями и системами, продолжают существовать. У нас на Западе многие не могут понять трудностей, с которыми встречается всемирно известный писатель в своей стране. Я опасаюсь, что некоторые власти там, кажется, не понимают, как было бы полезно для международного авторитета, если бы они мягче реагировали на описание государственной власти без прикрас" (телеграмма из Бонна от 5 февраля 1974 г.)

№ 137

ПИСЬМО Ю. АНДРОПОВА Л. БРЕЖНЕВУ

7 февраля 1974 г.

Сов. секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Леонид Ильич!

Представляю Вам справку, подготовленную т. т.Чебриковым В. М. и Бобковым Ф. Д., непосредственно занимающимися вопросом о Солженицыне. Из справки вытекает, что этот вопрос в настоящее время вышел за рамки уголовного и превратился в немаловажную проблему, имеющую определенный политический характер. Как видно из справки, подавляющее большинство советских людей правильно оценило критику в адрес Солженицына. Но именно с этой стороны все чаще и во все более резкой форме задается вопрос: "Почему власти не принимают мер против Солженицына, который после критики его взглядов не только не сложил оружия, но в еще более оголтелой форме выступает против Советской власти".

Меня особенно беспокоит, что такой вопрос все чаще раздается в среде военных и некоторой части работников партийного аппарата.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что книга Солженицына, несмотря на принимаемые нами меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие некоторых представителей творческой интеллигенции. Так, например, некоторые видные писатели, осуждая антисоветский характер "Архипелага Гулага", говорят о том, что

факты, описанные в этой книге, действительно имели место и что это произведение должно насторожить советское руководство, которое якобы осуществляет процесс "ресталинизации". Некоторые видят "полезность" книги Солженицына в том, что она "неизбежно привлечет внимание Центрального Комитета к интеллигенции, прежде всего творческой".

Нами зафиксированы высказывания среди отдельных рабочих, студенчества о том, что Солженицын призывает советское руководство снизить цены на товары широкого потребления, прекратить помощь Кубе и развивающимся странам в интересах повышения благосостояния советского народа. Эти мысли не содержатся в книге "Архипелаг Гулаг", но они, как Вы помните, имелись в пресловутом письме Солженицына "К вождям советского народа"[1]. По нашим данным, Солженицын, отказавшись от мысли публиковать в ближайшее время этот документ, в то же время через свое окружение придает гласности содержание этого документа.

Исходя из всего этого, Леонид Ильич, мне представляется, что откладывать дальше решение вопроса о Солженицыне, при всем нашем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать для нас крайне нежелательные последствия внутри страны.

Как я Вам докладывал по телефону, Брандт выступил с заявлением о том, что Солженицын может жить и свободно работать в ФРГ. Сегодня, 7 февраля, т. Кеворков вылетает для встречи с Баром с целью обсудить практические вопросы выдворения Солженицына из Советского Союза в ФРГ. Если в последнюю минуту Брандт не дрогнет и переговоры Кеворкова закончатся благополучно, то уже 9—10 февраля мы будем иметь согласованное решение, о чем я немедленно поставлю Вас в известность. Если бы указанная договоренность состоялась, то мне представляется, что не позже 9—10 февраля следовало бы принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы нашей Родины (проект Указа прилагается)[2]. Самую операцию по выдворению Солженицына в этом случае можно было бы провести 10—11 февраля.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, Солженицын начинает догадываться о наших замыслах и может выступить с пуб-

личным документом, который поставит и нас, и Брандта в затруднительное положение.

Если же по каким-либо причинам мероприятие по выдворению Солженицына сорвется, мне думается, что следовало бы не позднее 15 февраля возбудить против него уголовное дело (с арестом). Прокуратура к этому готова.

Уважаемый Леонид Ильич, прежде чем направить это письмо, мы, в Комитете, еще раз самым тщательным образом взвешивали все возможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением (в меньшей степени) и арестом (в большей степени) Солженицына. Такие издержки действительно будут. Но, к сожалению, другого выхода у нас нет, поскольку безнаказанность поведения Солженицына уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае выдворения или ареста Солженицына.

С уважением

Ю. АНДРОПОВ

Приложение

Секретно
Экз. № 1

КОМИТЕТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

В процессе агентурно-оперативной работы продолжает поступать информация о реагировании населения на антисоветские действия СОЛЖЕНИЦЫНА. Анализ ее показывает, что в массе своей советские люди дают политически правильную оценку и негодуют по поводу клеветнических выступлений СОЛЖЕНИЦЫНА и его враждебных советскому строю актов. У этой части населения не возникает вопросов о том, должен ли нести СОЛЖЕНИЦЫН ответственность за свои поступки. Если этот вопрос и ставится, то только в плоскости, как поступить с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ и долго ли ему позволят испытывать терпение Советской власти.

При этом нередки прямые нарекания в адрес органов власти относительно неприменения мер в отношении явного антисоветчика. Разговоры на такую тему отмечаются среди различных слоев населения, в том числе в армии.

В то же время имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что публикация СОЛЖЕНИЦЫНЫМ своих произведений на Западе находит поддержку и вы-

зывает к нему симпатии у некоторой части творческой и научно-технической интеллигенции и, особенно, в так называемой окололитературной среде. Есть высказывания и о том, что как ни тяжелы клеветнические сочинения СОЛЖЕНИЦЫНА, но в них есть доля правды и это заставит обратить внимание руководящих органов на улучшение работы с интеллигенцией. И хотя кое-кого из антисоветски настроенных лиц СОЛЖЕНИЦЫН шокировал своей разнузданной клеветой и откровенной враждебностью, они продолжают видеть в нем человека, вызывающего желание подражать ему. У отдельных лиц это проявляется в расчете на получение соответствующих гонораров в иностранной валюте, у других — в попытках вновь активизировать так называемый "самиздат".

Поскольку СОЛЖЕНИЦЫН в разные годы подвергался осуждению общественностью, причем это носило характер кампаний, за которыми не следовали меры пресечения его деятельности, то СОЛЖЕНИЦЫН стал своеобразным примером безнаказанности. Это рождает слухи о том, что и на этот раз с ним ничего не будет. Отсюда делают вывод, что все те, кто гласно выступает против Советского строя, находятся под надежной защитой Запада, как это происходит в случае с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ.

Многие антисоветские элементы внимательно следят, что будет с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, рассматривая наше отношение к нему через призму отношения к проводимой ими антисоветской деятельности. Один из близких знакомых СОЛЖЕНИЦЫНА профессор ЭТКИНД, проживающий в Ленинграде, прямо заявил: "Если СОЛЖЕНИЦЫНА вышлют, то и нам надо собираться в Израиль, потому что обстановка изменится и терпеть нас здесь не будут".

Враждебное влияние СОЛЖЕНИЦЫНА, инспирирование им антиобщественных проявлений выражаются по-разному. В одних случаях он прямо инструктирует о том, с чем надо выступать в буржуазной печати. Так, САХАРОВА, например, он призывал к тому, чтобы подготовить документ о наличии якобы в нашей стране скрываемой безработицы. Соответствующие консультации получали и другие лица, выступавшие с клеветническими документами (БАРАБАНОВ, ЧУКОВСКАЯ, БОРИСОВ и др.). В других случаях используются идеи СОЛЖЕНИЦЫНА, в частности, в таких нелегально распространявшихся документах, как "Хроника текущих событий", "Вече" и других, нередко имелись материалы, изготовленные под влиянием СОЛЖЕНИЦЫНА. К нему тянутся анти-

общественные элементы, стремясь получить необходимые советы.

В последние месяцы отмечен ряд проявлений, прямо вызванных действиями СОЛЖЕНИЦЫНА. В Москве и в Ленинграде, в частности, распространены листовки, призывающие к его защите и содержащие антисоветские выпады. Под влиянием СОЛЖЕНИЦЫНА и его публикаций возникают нездоровые настроения и более широкого плана. Зафиксированы высказывания среди рабочих о том, что он якобы выступает против снижения цен, против вывоза из страны необходимых народу товаров под видом помощи арабским государствам и т. д. Причем, эти слухи свидетельствуют о постепенном распространении СОЛЖЕНИЦЫНЫМ того, что написано им в так называемом письме "Вождям Советского Союза".

Таким образом, СОЛЖЕНИЦЫН и его книги стали в значительной мере факторами, объединяющими и оголтелых антисоветчиков, и всякого рода брюзжащих элементов, и даже лиц политически малосознательных. В результате получается довольно широкий круг.

Все эти обстоятельства тщательно изучаются органами госбезопасности в центре и на местах. Принимаются меры к предотвращению враждебных выступлений и к локализации вредных последствий деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА, а также негативных проявлений, возникающих под влиянием его антисоветских сочинений.

Представляется, что дальнейшее нерешение вопроса об ответственности СОЛЖЕНИЦЫНА создает невыгодную для нас обстановку, порождает нездоровые настроения и, в конечном счете, на этой почве возникают определенные позиции для активизации действий враждебных элементов.

ЧЕБРИКОВ
БОБКОВ

" 6 " февраля 1974 года

Пакет № 367. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См. документ № 97

[2]Проект указа Президиума Верховного Совета СССР к письму не прилагался

№ 138

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 388-А 9 февраля 1974 г.

Совершенно секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

Представляю справку[2], подготовленную тт. ЧЕБРИКОВЫМ В. М. и БОБКОВЫМ Ф. Д., непосредственно занимающимися вопросом о СОЛЖЕНИЦЫНЕ. Из справки вытекает, что этот вопрос в настоящее время вышел за рамки уголовного и превратился в немаловажную проблему, приобретающую определенный политический характер. Как видно из справки, подавляющее большинство советских людей правильно оценило критику в адрес СОЛЖЕНИЦЫНА. Но именно с этой стороны все чаще и во все более резкой форме задается вопрос: "Почему власти не принимают мер против СОЛЖЕНИЦЫНА, который после критики его взглядов не только не сложил оружия, но в еще более оголтелой форме выступает против Советской власти".

Особенно настораживает, что такой вопрос все чаще раздается в среде военных и некоторой части работников партийного аппарата.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что книга СОЛЖЕНИЦЫНА, несмотря на принимаемые нами меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие некоторых представителей творческой интеллигенции. Так, например, некоторые видные писатели, осуждая антисоветский характер "Архипелага Гулага", говорят о том, что факты, описанные в этой книге, действительно имели место и что это произведение должно насторожить советское руководство, которое якобы осуществляет процесс "ресталинизации". Некоторые видят "полезность" книги СОЛЖЕНИЦЫНА в том, что она "неизбежно привлечет внимание Центрального Комитета к интеллигенции, прежде всего творческой".

Нами зафиксированы высказывания среди отдельных рабочих,. студенчества о том, что СОЛЖЕНИЦЫН призывает советское руководство снизить цены на товары

широкого потребления, прекратить помощь Кубе и развивающимся странам в интересах повышения благосостояния советского народа. Эти мысли не содержатся в книге "Архипелаг Гулаг", но они, как известно, имелись в пресловутом письме СОЛЖЕНИЦЫНА "К вождям советского народа"[3]. По нашим данным, СОЛЖЕНИЦЫН, отказавшись от мысли публиковать в ближайшее время этот документ, в то же время через свое окружение придает гласности его содержание.

Исходя из всего этого, откладывать дальше решение вопроса о СОЛЖЕНИЦЫНЕ, при всем желании не повредить международным делам, просто невозможно, ибо дальнейшее промедление может вызвать нежелательные последствия внутри страны.

Известно, что 2 февраля БРАНДТ выступил с заявлением о том, что СОЛЖЕНИЦЫН "может жить и свободно работать в ФРГ". 8 февраля наш представитель имел встречу с доверенным лицом БРАНДТА с целью обсудить практические вопросы, связанные с выдворением СОЛЖЕНИЦЫНА из Советского Союза в ФРГ.

В результате обсуждения этого вопроса было достигнуто следующее решение, подсказанное представителем ФРГ. 12 февраля вечером совпосол в Бонне т. ФАЛИН обращается к статс-секретарю П. ФРАНКУ (именно к нему) с просьбой принять его по срочному вопросу в 8.30 13 февраля.

13 февраля в 8.30 т. ФАЛИН будет принят ФРАНКОМ, которому должен сделать заявление по поводу выдворения СОЛЖЕНИЦЫНА. (Текст заявления представляется отдельно совместно с МИДом). В 10.00 начинается заседание кабинета. БРАНДТ поручает БАРУ, ФРАНКУ и представителю МВД принять положительное решение. По просьбе западногерманских властей самолет с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ должен быть рейсовым и прибыть во Франкфурт-на-Майне к 17 местного времени 13 февраля.

С момента выхода СОЛЖЕНИЦЫНА из самолета советские представители уже не участвуют в осуществлении акции.

В целях строгого соблюдения законности представляется целесообразным, чтобы Прокуратура СССР 11 февраля с. г. возбудила против СОЛЖЕНИЦЫНА уголовное дело (с тов. Руденко Р. А. согласовано). Затем 12 февраля с. г. принять Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР и **выдворении за пределы СССР СОЛЖЕНИЦЫНА А. И.** (текст Указа и сообщение о нем в печати прилагаются)[4].

В этот же день СОЛЖЕНИЦЫН будет задержан и доставлен в следственный изолятор, где ему прокурор объявит, что против него возбуждено уголовное дело за антисоветскую деятельность.

Имеется в виду при этом не отпускать СОЛЖЕНИЦЫНА домой, а днем 13 февраля объявить ему Указ Президиума Верховного Совета и через несколько часов осуществить выдворение.

Все это важно сделать быстро, потому что, как видно из оперативных документов, СОЛЖЕНИЦЫН может догадываться о наших замыслах и выступить с публичным документом, который поставит как нас, так и БРАНДТА в затруднительное положение.

Если в последнюю минуту БРАНДТ, несмотря на все его заверения, по тем или иным причинам изменит свое решение, то СОЛЖЕНИЦЫН остается под арестом и по его делу прокуратура ведет следствие.

Внося вышеизложенное предложение, Комитет государственной безопасности еще раз самым тщательным образом взвешивал всевозможные издержки, которые возникнут в связи с выдворением СОЛЖЕНИЦЫНА. Такие издержки действительно будут. Но другого выхода нет, поскольку безнаказанность поведения СОЛЖЕНИЦЫНА уже приносит нам издержки внутри страны гораздо большие, чем те, которые возникнут в международном плане в случае его выдворения.

Просим рассмотреть[5].

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Пакет № 367. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подписи: за — М. Суслов, за — Н. Подгорный, за — А. Косыгин, за — А. Кириленко, за — Д. Полянский, А. Шелепин, за — А. Пельше, за — А. Громыко, за — В. Гришин, за — К. Мазуров

[2]Не публикуется. См. приложение к документу № 137

[3]См. документ № 97

[4]См. приложения к документу № 140

[5]11 февраля 1974 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П125/112 (см. документ № 140)

№ 139

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР и МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР[1]

№ 389-А 9 февраля 1974 г.

Совершенно секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

Ц К К П С С

В связи с решением вопроса о выдворении Солженицына в ФРГ представляем на рассмотрение проект указания советскому послу в Бонне[2].

Ю. АНДРОПОВ А. ГРОМЫКО

Пакет № 367. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На документе подписи: за — М. Суслов, за — Н. Подгорный, за — А. Косыгин, за — А. Кириленко, за — Д. Полянский, А. Шелепин, за — А. Пельше, за — В. Гришин, К. Мазуров

[2]11 февраля 1974 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П125/113 (см. документ № 141)

№ 140

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "Записка Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР от 9 февраля 1974 года № 388-А"

№ П125/112 11 февраля 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

1. Согласиться с предложениями т. Андропова Ю. В., изложенными в записке от 9 февраля 1974 года № 388-А[1].
2. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).
3. Утвердить текст сообщения ТАСС (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение 1
К пункту 112 прот. № 125

Сов. секретно

Проект
Без опубликования в печати

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А. И.

Учитывая, что Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

на основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца г. Кисловодска.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР — *Н. Подгорный*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР — *М. Георгадзе*

Москва, Кремль

Приложение 2
К пункту 112 прот. № 125

Секретно
После опубликования несекретно

СООБЩЕНИЕ ТАСС[2]

Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик, лишен гражданства СССР и ... февраля 1974 года выдворен за пределы Советского Союза Солженицын А. И.

Семья Солженицына сможет выехать к нему, как только сочтет необходимым.

Пакет № 367. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]См. документ № 138
[2]Опубликовано в газете "Правда" 14 февраля 1974 г.

№ 141

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об указании совпослу в Бонне"

№ П125/113 11 февраля 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

Утвердить текст указаний совпослу в Бонне (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 113 прот. № 125

Сов. секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

БОНН
СОВПОСОЛ

В связи с принятым решением о лишении Солженицына советского гражданства и о выдворении его за пределы СССР в соответствии с договоренностью с правительством ФРГ по неофициальным каналам Вам надлежит 12 февраля вечером связаться по телефону лично со статс-секретарем МИД П. Франком и, сославшись на то, что Вы ждете срочное и важное сообщение из Москвы, попросить его принять Вас в 8.30 утра 13 февраля. При этом Вы можете сказать, что характер вопроса Вам пока неизвестен.

При встрече с Франком 13 февраля сообщите ему следующее: "Прокуратурой СССР возбуждено уголовное дело в отношении Солженицына, и он по советским законам привлекается к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность. Однако, исходя из гуманных соображений и основываясь на высказывании 2 февраля

канцлера Брандта о том, что Солженицын мог бы свободно жить и работать в ФРГ, а также учитывая соответствующее положение конституции ФРГ, советскими органами решено депортировать Солженицына в Федеративную Республику Германии 13 февраля с. г. рейсовым самолетом Аэрофлота.

Как бы от себя добавьте, что, учитывая укрепляющиеся отношения между ФРГ и Советским Союзом, мы надеемся, что обстоятельства, связанные с депортацией Солженицына, не станут преждевременно достоянием гласности и не будут использованы в пропагандистских целях.

В заключение скажите, что мы выражаем надежду на благожелательное отношение к этому вопросу лично министра и канцлера Брандта".

Об исполнении доложите.

Пакет № 367. Выписка из протокола.

№ 142
УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
"О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А. И."

№ 5494-III 12 февраля 1974 г.

Не подлежит опубликованию

Учитывая, что Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца гор. Кисловодска.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР *Н. ПОДГОРНЫЙ.*

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР *М. ГЕОРГАДЗЕ.*

Москва, Кремль
Пакет № 367. Копия.

№ 143
ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

14 февраля 1974 г.

Совершенно секретно
Экз. единственный
Рабочая запись

Председательствовал тов. СУСЛОВ М. А.
Присутствовали т.т. Андропов Ю. В., Громыко А. А., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Пельше А. Я., Шелепин А. Н., Демичев П. Н., Пономарев Б. Н., Соломенцев М. С., Долгих В. И., Капитонов И. В.

9. **Об информации социалистическим странам относительно мер, принятых к Солженицыну**

АНДРОПОВ. Учитывая, что во всех социалистических странах по этому поводу уже все известно и что мы через своих представителей в социалистических странах дали соответствующую информацию, я считаю нецелесообразным готовить такую информацию и направлять.

СУСЛОВ. Поддерживает предложение т. Андропова.

Рабочая запись заседаний Политбюро ЦК КПСС за 1974 г. Подлинник.

№ 144
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об информации друзей в связи с акциями в отношении Солженицына"

№ П125/7-протокольно 14 февраля 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Считать целесообразным проинформировать друзей по этому вопросу.

Секретариату ЦК КПСС рассмотреть и утвердить текст соответствующей информации[1].

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 78. Выписка из протокола

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]См. документ № 145

№ 145

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС "Об информации руководителей братских коммунистических и рабочих партий по вопросу о Солженицыне"

№ Ст-114/51гс — 14 февраля 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Утвердить прилагаемый текст указаний совпослам по данному вопросу (согласно прилагаемому списку).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение 1
К п. 51гс, пр.№ 114

Секретно

СОВПОСОЛ

Посетите т. Мури (далее в соответствии со списком) или лицо, его замещающее, и передайте следующее:

"Мы уже информировали вас об антисоветской деятельности Солженицына, которая полностью обнажила его платформу, враждебную интересам социализма, всего революционного движения, его политическое лицо как человека, выступающего с позиций сил реакции и агрессии. Соответствующие материалы были широко опубликованы в советской и иностранной печати, в том числе печати братских партий.

Уже много лет Солженицын, отчаявшийся найти внутри советского общества какие-либо силы, готовые поддержать его платформу, вступил в постоянный контакт с враждебными советскому народу зарубежными издательствами и органами печати, включая белоэмигрантские. Он пошел по пути прямого сотрудничества с теми зарубежными центрами, которые открыто ставят своей целью уничтожение реального социализма и всего коммунистического движения, с организациями, являющимися явными филиалами империалистических разведок.

Солженицын не только опубликовал за рубежом с помощью этих организаций ряд сочинений, направленных против советского общественного строя, против советского народа, сочинений, в которых он клеветал на Ленина,

на Октябрьскую революцию, глумился над героями Отечественной войны, но и прямо обращался к внешним империалистическим силам с призывом оказать давление на СССР, вмешаться в его внутренние дела. Он не останавливался перед одобрением всех форм борьбы против социализма и открыто призывает следовать примеру предателей-власовцев, воевавших против нашей страны, против сил антифашистского сопротивления в других странах вместе с гитлеровскими войсками.

Иными словами, Солженицын давно преступил грань идейных расхождений с советским обществом и встал на путь неприкрытого нарушения Советской Конституции, советских законов, на путь предательства.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что развернутая на Западе в связи с очередным пасквилем Солженицына антисоветская пропагандистская кампания тщательно скоординирована между ведущими органами западных средств массовой информации ряда капиталистических стран, ему обеспечена беспрецедентная реклама. Все это не может расцениваться как простая случайность. На самом деле речь идет о широкой политико-пропагандистской акции в рамках империалистической стратегии борьбы против углубления процесса разрядки и возвращении к приемам "холодной войны". Проводниками этой стратегии выступают самые реакционные круги, в том числе те, которые опасаются, что нормализация отношений между странами с различным социальным строем, способствуя распространению правды о советской действительности, усилит притягательную силу социализма.

Важная цель развернутой в связи с Солженицыным антикоммунистической кампании — замаскировать те чудовищные репрессии реакционных сил против трудящихся, против народов, которые каждодневно осуществляются в капиталистическом мире. Империалисты выступают в поддержку человека, деятельность которого они сами направляли и активно использовали в своих коварных целях.

Солженицын пытается представить себя как литератора, пострадавшего за свои убеждения, за свое литературное творчество. Однако в вину ему вменяются не литературные произведения, хотя они носят совершенно откровенно антисоциалистический характер. Его вина состоит в том, что он регулярно совершал действия, наносящие ущерб государственным интересам Советского Союза.

Что касается имевших место в прошлом нарушений социалистической законности, то и по этому вопросу позиция Солженицына полностью фальшива. КПСС на своих съездах, в решениях своих пленумов сама решительно осудила имевшие место в прошлом нарушения социалистической законности. В своей практической деятельности партия и Советское государство полностью исключили возможность повторения подобных явлений. Наш курс — это курс последовательного укрепления социалистической законности, неуклонного развития социалистической демократии. Это наша твердая постоянная линия, от которой мы не отступим ни на шаг.

Советская общественность неоднократно предупреждала Солженицына о недопустимости его поведения, позорящего звание советского гражданина, требовала, чтобы он отказался от борьбы против социалистического строя. Органы прокуратуры, выполняя свои функции, установленные законом, не раз указывали ему на несовместимость осуществляемой им деятельности с нормами советского права, с обязанностями гражданина СССР. Однако Солженицын не только не внял этим предупреждениям, но, напротив, продолжал активизировать свои действия, направленные против социалистического строя, Советского государства, советского народа.

В соответствии с советскими законами деятельность в ущерб государственным интересам, переход на сторону врага, оказание реакционным империалистическим силам помощи в проведении враждебной деятельности против СССР является государственным преступлением — изменой Родине, и может караться самым суровым наказанием.

Однако высший орган государственной власти — Верховный Совет СССР — счел возможным ограничиться в отношении Солженицына такой акцией, как лишение его советского гражданства и выдворение из пределов Советского Союза.

Что касается семьи Солженицына, то она сможет выехать к нему в любой момент.

Показателен момент, который Солженицын и обслуживаемый им буржуазный пропагандистский аппарат выбрали для нагнетания антисоветской истерии. Несокрушимая прочность советского строя, небывало высокий авторитет советской внешней политики приводят наших противников в бешенство, заставляют их в поисках средств дискредитации нашей страны и ее международного политического курса прибегать к самым грязным про-

вокационным приемам. Они рассчитывают при этом и на то, что им удастся, играя на спекуляции вокруг "прав человека", внести колебания и разлад в ряды участников демократических партий и движений. Меры, принятые Советским государством, наносят удар по всем этим расчетам.

Характерно, что более трезвые буржуазные круги уже сейчас понимают слабость позиций реакционной пропаганды. Многие из представителей этих кругов подчеркивают, что в отношении Солженицына были приняты минимальные возможные меры, что любое государство должно применить санкции к человеку, дважды отказавшемуся явиться по вызову прокуратуры, к человеку, который прямо заявляет, что вообще не признает власти советского закона и суда над своей персоной. Они признают, что деятельность Солженицына носит антигосударственный характер и не могла оставаться не наказуемой.

Мы уверены, что братские партии не только правильно поймут нашу позицию, но и активно выступят в поддержку принятой нами меры против Солженицына, выступающего как прямое орудие антикоммунизма и антисоветизма.

Само собой разумеется, что наша партия и Советское государство, не поддаваясь ни на какие провокации, будет по-прежнему твердо и последовательно проводить свою политику — политику всемерного укрепления социалистического строя и строительства коммунизма, политику мира и разрядки напряженности. Очищаясь от предателей, народная власть только укрепляет свои позиции, укрепляет почву для развития подлинно социалистической демократии и дальнейшего строительства нового общества".

Исполнение телеграфируйте.

Приложение 2
к п. 51гс, пр. № 114

Секретно

СПИСОК
партий, которым направляется информация по вопросу о Солженицыне

1.Коммунистическая партия Австрии
2.Партия социалистического авангарда Алжира
3.Коммунистическая партия Аргентины
4.Коммунистическая партия Бельгии

5.Социалистическая единая партия Западного Берлина
6.Коммунистическая партия Боливии
7.Бразильская коммунистическая партия
8.Коммунистическая партия Великобритании
9.Коммунистическая партия Венесуэлы
10.Германская коммунистическая партия
11.Коммунистическая партия Дании
12.Коммунистическая партия Индии
13.Иорданская коммунистическая партия
14.Иракская коммунистическая партия
15.Коммунистическая партия Ирландии
16.Коммунистическая партия Испании
17.Итальянская коммунистическая партия
18.Коммунистическая партия Канады
19.Прогрессивная партия трудового народа Кипра (АКЭЛ)
20.Коммунистическая партия Колумбии
21.Ливанская коммунистическая партия
22.Коммунистическая партия Люксембурга
23.Мартиникская коммунистическая партия
24.Партия освобождения и социализма Марокко
25.Мексиканская коммунистическая партия
26.Никарагуанская социалистическая партия
27.Партия социалистического единства Новой Зеландии
28.Коммунистическая партия Норвегии
29.Народная партия Панамы
30.Перуанская коммунистическая партия
31.Португальская коммунистическая партия
32.Пуэрториканская коммунистическая партия
33.Реюньонская коммунистическая партия
34.Коммунистическая партия Сальвадора
35.Санмаринская коммунистическая партия
36.Сирийская коммунистическая партия
37.Коммунистическая партия США
38.Тунисская коммунистическая партия
39.Коммунистическая партия Уругвая
40.Коммунистическая партия Финляндии
41.Французская коммунистическая партия
42.Коммунистическая партия Чили (загранбюро)
43.Швейцарская партия труда
44.Левая партия — коммунисты Швеции
45.Коммунистическая партия Эквадора
46.Социалистическая партия Австралии

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 79—85. Выписка из протокола.

№ 146
ТЕЛЕГРАММА ПОСОЛЬСТВА СССР В ШВЕЦИИ

Спец. № 129 14 февраля 1974 г.
из Стокгольма

СЕКРЕТНО
экз. № 19[1]

С Р О Ч Н О

ЛИШЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА И ВЫДВОРЕНИЕ ЕГО ЗА ПРЕДЕЛЫ СССР ВЫЗВАЛИ ШИРОКИЕ КОММЕНТАРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ КРУГАХ ШВЕЦИИ, КОТОРЫЕ В ОСНОВНОМ ИМЕЮТ НЕДРУЖЕСТВЕННУЮ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАМ ТОНАЛЬНОСТЬ.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР У. ПАЛЬМЕ В ИНТЕРВЬЮ ТЕЛЕВИДЕНИЮ И ПЕЧАТИ НАЗВАЛ СОЛЖЕНИЦЫНА "СИМВОЛОМ БЕСКОМПРОМИССНОГО СТРАДАНИЯ ЗА ПРАВДУ", ПОДЧЕРКИВАЛ, ЧТО ЕГО АРЕСТ И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ВЫДВОРЕНИЕ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЛЕДУЕТ РАССМАТРИВАТЬ КАК "ЧРЕЗВЫЧАЙНО БОЛЕЗНЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ ВСЕХ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ УТВЕРДИТЬ ПРАВО ПУБЛИЧНОГО ОТСТАИВАНИЯ СВОЕЙ ПОЗИЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНЫМ ВОПРОСАМ". У. ПАЛЬМЕ ОТМЕЧАЛ, ЧТО "КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ИМЕТЬ ПРАВО РАБОТАТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ В СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ", И ВЫСКАЗЫВАЛСЯ В ТОМ ПЛАНЕ, ЧТО-ДЕ МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ СОЛЖЕНИЦЫНА "ВЫЗЫВАЮТ ТЕМ БОЛЬШЕЕ СОЖАЛЕНИЕ, ПОСКОЛЬКУ ПРИНЯТЫ В ТАКОЕ ВРЕМЯ, КОГДА КАК ЗАПАД, ТАК И ВОСТОК СТРЕМЯТСЯ К РАЗРЯДКЕ И ИНТЕНСИВНОМУ ОБМЕНУ ВЗГЛЯДАМИ И ИНФОРМАЦИЕЙ".

С ЗАЯВЛЕНИЯМИ В ПОДДЕРЖКУ СОЛЖЕНИЦЫНА ВЫСТУПИЛИ ТАКЖЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАРТИИ ЦЕНТРА ФЕЛЬДИН, ЛИДЕР УМЕРЕННОЙ КОАЛИЦИОННОЙ /ПРАВОЙ/ ПАРТИИ БУМАН И ПАРЛАМЕНТСКАЯ ФРАКЦИЯ НАРОДНОЙ /ЛИБЕРАЛЬНОЙ/ ПАРТИИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОТОРОЙ ХЕЛЕН ПРЕДПРИНЯЛ ПОПЫТКУ ЛИЧНО ВРУЧИТЬ СОВПОСЛУ "ТРЕБОВАНИЕ" О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СОЛЖЕНИЦЫНУ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗВРАТИТЬСЯ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ /ЭТА ПОПЫТКА БЫЛА НАМИ ОТКЛОНЕНА, А НАПРАВЛЕННОЕ ПОЧТОЙ ОБРАЩЕНИЕ ЛИБЕРАЛОВ ВОЗВРАЩЕНО ОТПРАВИТЕЛЯМ/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЛЕВОЙ ПАРТИИ—КОММУНИСТЫ ШВЕЦИИ ХЕРМАНССОН В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТАМ СООБЩИЛ, ЧТО ИСПОЛКОМ ПАРТИИ ПРИНЯЛ ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ВЫДВОРЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА, КОТОРОЕ ИМЕЕТСЯ В ВИДУ "ПЕРЕСЛАТЬ" КПСС. В ЗАЯВЛЕНИИ, ОПУБЛИКОВАННОМ В ПЕЧАТИ, ГОВОРИТСЯ В ЧАСТНОСТИ, ЧТО "КОГДА ВЛАСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРАНЕ ДЕЙСТВУЮТ ТАКИМ ОБРАЗОМ, КОТОРЫЙ ОЗНАЧАЕТ ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА И ПЕЧАТИ — КАК В ДЕЛЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА, — ТО ЭТО ПРОТИВОРЕЧИТ ПОНИМАНИЮ ДЕМОКРАТИИ НАШЕЙ ПАРТИИ... ПРОТИВ РЕАКЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ НАДО БОРОТЬСЯ В ХОДЕ СВОБОДНЫХ И ОТКРЫТЫХ ДЕБАТОВ, А НЕ ПУТЕМ ЦЕНЗУРЫ И ПОЛИЦЕЙСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА. РАБОТА ПО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ ТРЕБУЕТ СВОБОДЫ МНЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ".

В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ, РАДИО И ПЕЧАТИ ХЕРМАНССОН, ПРОДОЛЖАЯ СВОЮ ИЗВЕСТНУЮ ЛИНИЮ, НЕОДНОКРАТНО ВЫСКАЗЫВАЛСЯ В НЕДРУЖЕСТВЕННОМ НАМ ДУХЕ, ПОДЧЕРКИВАЯ, ЧТО "СЛЕДУЕТ РЕЗКО ОСУЖДАТЬ ВЫДВОРЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА".

ПУБЛИЧНО В ПОДДЕРЖКУ НАШЕГО РЕШЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ СОЛЖЕНИЦЫНА ВЫСТУПИЛ ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ ЛПК, ДЕПУТАТ РИКСДАГА А. ЛЕВЕНБОРГ, ДАВШИЙ В ИНТЕРВЬЮ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИНЦИПИАЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОЦЕНКУ "ТВОРЧЕСТВУ" ЭТОГО ДЕЯТЕЛЯ И ЗАЯВИВШИЙ О ТОМ, ЧТО С ПОНИМАНИЕМ ОТНОСИТСЯ К ПРИНЯТЫМ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМУ МЕРАМ. НА СОБРАНИИ, ОРГАНИЗОВАННОМ В СТОКГОЛЬМЕ 13 ФЕВРАЛЯ СОЮЗОМ ОБЩЕСТВ "ШВЕЦИЯ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ" /ПРИСУТСТВОВАЛО БОЛЕЕ 150 ЧЕЛОВЕК/, ТОВ. А. ЛЕВЕНБОРГ ВНОВЬ ПОДДЕРЖАЛ НАШУ ПОЗИЦИЮ В ОТНОШЕНИИ СОЛЖЕНИЦЫНА. ХАРАКТЕРНО, ЧТО ВСЕ 15 ВЫСТУПАВШИХ ВЫСКАЗАЛИ ПОНИМАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ВЫДВОРЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА ИЗ СССР.

КАК НАМ ДОВЕРИТЕЛЬНО СООБЩИЛ ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ ЛПК ТОВ. ТАКМАН, ХЕРМАНССОН ПЫТАЛСЯ ВОЗДЕЙСТВОВАТЬ НА ТОВ. А. ЛЕВЕНБОРГА, А ТАКЖЕ ДРУГИХ ТОВАРИЩЕЙ, КОТОРЫЕ ЗАНИМАЮТ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПАРТИИ ПОЗИЦИИ, В Т. Ч. ПО ВОПРОСУ О СОЛЖЕ-

НИЦЫНЕ. НЕ В ПОСЛЕДНЮЮ ОЧЕРЕДЬ С ЭТОЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛО СОЗВАНО ЗАСЕДАНИЕ ФРАКЦИИ ЛПК В РИКСДАГЕ, НА КОТОРОМ ХЕРМАНССОН, ОПИРАЯСЬ НА ПОДДЕРЖКУ Й. СВЕНССОНА, К. КВИСТА, Г. ЛОРЕНЦАНА И ДР., ССЫЛАЯСЬ НА ПРИНЦИП ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЦЕНТРАЛИЗМА, ДОБИЛСЯ ОДОБРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ ИСПОЛКОМА. В ДИСКУССИИ ПРОТИВ ЗАЯВЛЕНИЯ РЕЗКО ВЫСТУПИЛИ Т. Т. Й. ТАКМАН, А. ЛЕВЕНБОРГ, Р. ПЕТТЕРССОН, А ТАКЖЕ К. НУРДЛЕНДЕР.

РЕШЕНИЕ ИСПОЛКОМА, В КОТОРОМ ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО СОСТАВЛЯЮТ СТОРОННИКИ ХЕРМАНССОНА, И ЕГО ПОДДЕРЖКА ФРАКЦИЕЙ ДАЛА ПОВОД СЕКРЕТАРЮ ЛПК Т. ФОРШБЕРГУ ЗАЯВИТЬ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ, ЧТО ПОЗИЦИЯ ТОВ. А. ЛЕВЕНБОРГА НЕ ОТРАЖАЕТ ПОЗИЦИИ ПАРТИИ.

С ПОМОЩЬЮ ОРГАНОВ ИНФОРМАЦИИ НАШИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ СТРЕМЯТСЯ НАКАЛИТЬ АТМОСФЕРУ ВОКРУГ ВЫДВОРЕНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА. В ЭТОМ ПЛАНЕ ОНИ, В ЧАСТНОСТИ, ИСПОЛЬЗУЮТ САХАРОВА И ЕГО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ. 13 ФЕВРАЛЯ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ БЫЛО ПЕРЕДАНО ИНТЕРВЬЮ САХАРОВА, ДАННОЕ ИМ ПО ТЕЛЕФОНУ МЕСТНОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ "ПОСЕВА" А. МИЛИЦУ, В КОТОРОМ СОДЕРЖАЛСЯ ПРИЗЫВ К ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СБОРА ПОДПИСЕЙ ЗА "ВОЗВРАЩЕНИЕ" СОЛЖЕНИЦЫНА И Т. Д.

ВМЕСТЕ С ТЕМ В КОММЕНТАРИЯХ ПО СУТИ ДЕЛА ПРИЗНАЕТСЯ, ЧТО РЕШЕНИЕ, ПРИНЯТОЕ СОВЕТСКОЙ СТОРОНОЙ В ОТНОШЕНИИ СОЛЖЕНИЦЫНА, ЯВЛЯЕТСЯ НАИБОЛЕЕ "НЕУДОБНЫМ" ДЛЯ НАШИХ ПРОТИВНИКОВ. ПОДЧЕРКИВАЕТСЯ, В ЧАСТНОСТИ, ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ, ЧТО В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИНЯТЫХ МЕР ОН В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ ТЕРЯЕТ СВОЮ "ПОЛИТИЧЕСКУЮ" ЗНАЧИМОСТЬ И ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОДНОГО ИЗ АНТИСОВЕТЧИКОВ-ЭМИГРАНТОВ, К ГОЛОСАМ КОТОРЫХ МАЛО КТО ПРИСЛУШИВАЕТСЯ. ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ, ЗАЧАСТУЮ СО ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ДОЛЕЙ РАЗДРАЖЕНИЯ, УБЕЖДЕНИЕ, ЧТО НЫНЕШНЯЯ ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КАМПАНИЯ ВОКРУГ СОЛЖЕНИЦЫНА МОЖЕТ ИМЕТЬ ЛИШЬ КРАТКОВРЕМЕННЫЙ ХАРАКТЕР.

СЕКРЕТАРИ СДПШ С. АНДЕРССОН И Б. КАРЛССОН, КОТОРЫМ В БЕСЕДЕ БЫЛА ОБСТОЯТЕЛЬ-

НО РАЗЪЯСНЕНА НАША ПОЗИЦИЯ В ОТНОШЕНИИ СОЛЖЕНИЦЫНА И ПОДЧЕРКНУТО, ЧТО НЕДРУЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО НАШЕМУ АДРЕСУ НЕ ОТВЕЧАЛИ БЫ АТМОСФЕРЕ ДОБРОСОСЕДСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ НАШИМИ СТРАНАМИ, СКАЗАЛИ, ЧТО "ИСТЕРИЯ" ВОКРУГ ЭТОГО ДЕЯТЕЛЯ ИМЕЕТ ПРЕХОДЯЩИЙ ХАРАКТЕР. ОНИ ОТМЕТИЛИ, ЧТО, НЕСМОТРЯ НА РАЗЛИЧИЯ В НАШИХ ВЗГЛЯДАХ ПО ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СВОБОДАХ, ИХ РЕАКЦИЯ НА МЕРЫ В ОТНОШЕНИИ СОЛЖЕНИЦЫНА БЫЛА БЫ ЕЩЕ БОЛЕЕ СДЕРЖАННОЙ, ЕСЛИ БЫ НЕ ТО СИЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ СПРАВА НА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЮ, НАХОДЯЩУЮСЯ В ВЕСЬМА СЛОЖНОМ ПОЛОЖЕНИИ. С. АНДЕРССОН И Б. КАРЛССОН ПОДЧЕРКНУЛИ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА И СДПШ В ТОМ, ЧТОБЫ КАМПАНИЯ ВОКРУГ СОЛЖЕНИЦЫНА НЕ НАНЕСЛА УЩЕРБА СОВЕТСКО-ШВЕДСКИМ ОТНОШЕНИЯМ И НЕ ОТРАЗИЛАСЬ ОТРИЦАТЕЛЬНО НА МЕЖПАРТИЙНЫХ КОНТАКТАХ С КПСС. С НАШЕЙ СТОРОНЫ ИМ БЫЛО ЗАЯВЛЕНО, ЧТО ЭТО ЗАВИСИТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОТ ИХ ЛИНИИ.

В БЕСЕДАХ СО ШВЕДСКИМИ ОФИЦИАЛЬНЫМИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОСОЛЬСТВО ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТУ ПО РАЗЪЯСНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ НЕДРУЖЕСТВЕННОЙ НАМ КАМПАНИИ ВОКРУГ СОЛЖЕНИЦЫНА.

М. ЯКОВЛЕВ

Ф. 3, оп. 77, д. 817, л. 124—128. Копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Экземпляр Демичева П. Н.

№ 147
ИНФОРМАЦИЯ ЦК КОМПАРТИИ УКРАИНЫ[1]

№ 1/25 — 14 февраля 1974 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Сообщение ТАСС о лишении А. Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы страны воспринято трудящимися Украинской ССР с глубоким пониманием и большим удовлетворением. Целиком одобряя меры советского правительства по отношению к злостному клеветнику, отщепенцу и предателю, действия которого несовместимы с принадлежностью к

гражданству СССР и наносят ущерб нашей Родине, рабочие, колхозники, интеллигенция, все слои населения республики заявляют, что в Указе Президиума Верховного Совета СССР выражена воля всего советского народа.

Бригадир рабочих очистного забоя шахты имени Абакумова комбината "Донецкуголь", депутат Верховного Совета УССР В. Н. Пихтерев заявил: "Горняки нашей шахты всегда с нескрываемым презрением относились и относятся к писаниям Солженицына. В последнее время у нас не прошло ни одной лекции или беседы, на которых рабочие не задавали бы вопроса: когда же призовут к порядку этого антисоветчика? А если говорить откровенно, по-рабочему, то Солженицына в своем кругу шахтеры называют не иначе, как подонком и предателем. Он давно изменил не только советской литературе, но и Советской Родине. Для этого человека не было и нет ничего святого. Воспевая предателей типа Власова и ему подобных, Солженицын показал свое подлинное лицо. Донецкие шахтеры любят литературу, глубоко чтят художественное слово, уважают нелегкий писательский труд. Но таких "авторов", как Солженицын, мы презирали и будем презирать. Тот, кто не любит Родину, кто клевещет на нее, тот не достоин быть ни ее сыном, ни ее гражданином. Вот почему мы с таким удовлетворением встретили Указ Президиума Верховного Совета СССР о выдворении Солженицына из нашей страны. Его место — среди людей без имени, без родины. Своей антисоветской писаниной он заслужил эту позорную участь".

Старший вальцовщик тонколистового цеха завода "Запорожсталь", Герой Социалистического Труда В. А. Орлов сказал: "Указ о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы нашей страны отражает волю всего советского народа. От имени своей бригады горячо одобряю такое решение. Солженицын — злобный враг нашей Родины. Таким не место среди людей, строящих коммунизм".

Тракторист колхоза имени Мичурина Семеновского района Полтавской области Ф. Ф. Наухацько говорит: "Я, как и все труженики нашего колхоза, целиком и полностью одобряю Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы СССР. Своей грязной писаниной он давно уже поставил себя вне Родины. Литературный власовец, недостойный есть наш честный хлеб. Пускай кормят предателя те, кому он служит. Да он и им был нужен до тех пор, пока имел возможность

клеветать на советский народ, считаясь гражданином СССР.”

Горячо одобряют Указ о выдворении Солженицына, оскорбившего самые святые чувства советского народа, участники Великой Отечественной войны. Механизатор колхоза “Россия” Чемеровецкого района Хмельницкой области П. И. Калынюк сказал: “Миллионы наших людей отдали свои жизни, чтобы отстоять нашу социалистическую Родину от всякой нечисти. И не для того я прошел со своим танком всю войну, пролил кровь, потерял самых дорогих друзей, родных и близких, чтобы разные мерзавцы клеветали на самое святое, что у нас есть, бросали камни нам под колеса. Среди нас нет места для человека, оправдывающего действия фашистов и власовцев”.

Поступают многочисленные отклики от писателей, художников, композиторов, работников научных учреждений и других представителей советской интеллигенции. Секретарь правления Союза писателей СССР, член-корреспондент АН УССР Леонид Новиченко заявил: “Целиком и полностью одобряю решение Советского правительства о лишении Солженицына гражданства и выдворении за пределы СССР. Мы уже давно ожидали такого решения. Отщепенец и предатель не имеет права на звание гражданина Страны Советов. Своим политическим хозяевам, заправилам антисоветской пропаганды он был выгоден именно как человек с советским паспортом, которого можно было бы выдавать за представителя какой-то “внутренней оппозиции” в СССР. Теперь эта игра закончена. Маска с прислужника империализма окончательно сорвана. Пусть убирается вон из нашей священной земли, пусть догнивает в вонючих кублах с недобитыми власовцами, с которыми он давно уже объединился идейно. Наш советский воздух от этого будет только чище”.

Ответственный секретарь Крымского отделения Союза писателей Украины, прозаик Анатолий Домбровский заявил: “Мы, крымские писатели, одобряем Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына гражданства Советского Союза и выдворении его за пределы страны. Своими действиями он давно поставил себя в положение эмигранта, бессовестно клеветавшего на свою Родину и ее народ. Решение правительства поддержат все советские люди. Глубокое презрение ждет предателя за рубежом в глазах прогрессивных людей всех стран. Он лез в подворотню грязной славы и остался на задворках тех, от кого получал сребреники”.

Заведующий кафедрой Харьковского госуниверситета, доктор филологических наук, профессор Ф. Ф. Медведев подчеркнул: "Солженицын — враг советской действительности, ставящий основной целью продолжение и расширение холодной войны. Это тот человек, которому чужды интересы советского народа, чужды интересы мира, он, лютый враг социализма и коммунизма, воспевает в своих произведениях царизм и те круги, которые чужды социалистическому строю и советскому народу. Считаю, что решение нашего правительства правильное, так как это требование народа, голос народа. Солженицына расцениваю как гнусного преступника, злодея, врага всего передового, прогрессивного, который заслуживает еще большего наказания".

Лишение Солженицына советского гражданства и выдворение его за пределы страны явились именно той мерой, которую предлагали многие коммунисты, трудящиеся республики в своих выступлениях на собраниях, во время бесед и лекций, а также делегаты районных, городских и областных партийных конференций. Наряду с тем имеют место высказывания, в которых подчеркивается слишком гуманный характер наказания для Солженицына. Так, оплетчица киевского завода "Укркабель", Герой Социалистического Труда С. И. Девятова высказала такое мнение: "Я, рабочая, горжусь своей Родиной, нашей родной Советской властью и гневно осуждаю Солженицына и подобных ему. Мне кажется слишком гуманным Указ о выдворении Солженицына за пределы Советского Союза. Ведь он столько зла причинил, совершил открытое предательство. И пусть бы он отбыл за это наказание сначала у нас, а затем уж и выдворять его".

Высказывается также мнение, что участь Солженицына должна заставить призадуматься Сахарова и ему подобных, кто встал на путь открытой борьбы и клеветы на нашу советскую действительность. А если они не сделают выводов — к ним следует применить такую же меру.

Поступают вопросы следующего содержания: Где жил в последнее время Солженицын? Как осуществлялось выдворение Солженицына? Куда выдворен Солженицын? Есть ли у него сообщники, а если есть, то какая их ждет участь?

Секретарь
ЦК Компартии Украины *В. ЩЕРБИЦКИЙ*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 101—104. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 15 февраля 1974 г. за № П298

№ 148

ИНФОРМАЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА КПСС

"Об откликах трудящихся г. Москвы на Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР и выдворении за пределы Советского Союза Солженицына А. И."[1]

№ 41 14 февраля 1974 г.

Ц К К П С С

Трудящиеся Москвы с большим удовлетворением и полным пониманием встретили сообщение ТАСС о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Солженицын А. И. лишен гражданства СССР и выдворен за пределы Советского Союза.

В высказываниях и письмах москвичей, поступающих в партийные комитеты, редакции газет, радио, телевидения, выражается единодушное одобрение этого решения Президиума Верховного Совета СССР как совершенно справедливого, отвечающего конституционным и законодательным нормам нашей страны. Трудящиеся подчеркивают, что выдворение Солженицына из страны — закономерный итог его действий, несовместимых с высоким званием гражданина Советского Союза и наносящих ущерб интересам страны и народа.

"Решение, принятое Советским правительством, — говорит токарь машиностроительного завода, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда т. Ясиновский, — совершенно правильное. Солженицын пошел по пути предательства. В своих писаниях он обливает грязью нашу Родину, наш народ. У него нет ничего святого, даже памяти перед погибшими. Сколько советских людей отдали свои жизни в период Великой Отечественной войны за свободу своей Родины, за счастье народа, а Солженицын осквернил эту святыню. Я, как участник Великой Отечественной войны, прошедший от Москвы до Берлина, полностью поддерживаю и одобряю решение нашего правительства.

Пусть знают подобные Солженицыну, что мы, рабочие, все советские люди, не позволим глумиться над своей святыней — родиной и народом".

Трудящиеся города отмечают, что Советское правительство, наш народ в течение длительного времени проявляли большое терпение в отношении Солженицына, надеясь, что он поймет ошибочность своих взглядов и действий и вместе со всем народом будет участвовать в созидательном труде. Однако, как подчеркивается в высказываниях, правильных выводов Солженицын не сделал, активизировал свою клеветническую антисоветскую деятельность и тем самым потерял моральное и юридическое право жить в нашей стране, быть ее гражданином.

"Солженицыну не нравится наш строй, его не радуют успехи советского народа в строительстве коммунистического общества, — говорит зуборезчица Карачаровского механического завода, ударница коммунистического труда т. Борисова. — И несмотря на все попытки советской общественности показать глубину его идейных заблуждений, Солженицын сознательно перешел в лагерь врагов мира и социализма. Об этом свидетельствуют его книги, опубликованные за рубежом. Солженицын — предатель, и ему не должно быть места в нашей стране. Я, как и все члены нашей бригады, целиком и полностью поддерживаю решение Советского правительства о выдворении Солженицына за пределы Советского Союза. Считаю эту меру наказания правильной и справедливой".

"С таким прохвостом, как Солженицын, надо так и поступать, — сказал слесарь завода Владимира Ильича, Герой Социалистического Труда т. Антонов. — Решение правительства — своевременное. Солженицыну долго и многое прощалось за его антисоветскую деятельность, но это не пошло ему впрок. И хорошо, что его выгнали с позором из нашей страны".

Трудящиеся города считают, что систематические антисоветские действия Солженицына, его грязная клевета на социалистический строй, героическую историю нашей страны являются подлым предательством и пособничеством врагам Советского государства.

"Я, участник Великой Отечественной войны, до глубины души возмущен клеветой, которую Солженицын возвел на нашу Родину, наш социалистический строй, докатившись до прославления предателей и фашистов, — сказал научный сотрудник Института гигиены труда и профзаболеваний, кандидат медицинских наук т. Бобрищев-Пушкин. — И понятно, почему отъявленные враги

нашего государства раскрывают перед ним свои объятия, награждая поцелуями иуды. В своих действиях Солженицын смыкается с самыми оголтелыми врагами Советского государства. Не место ему в дружной семье наших народов".

"Так называемые "сочинения" провокатора Солженицына, — заявил секретарь правления Союза композиторов РСФСР т. Туликов, — стали материалом для политических диверсий против СССР. От души одобряю решение о выдворении из страны этого отщепенца". Эта мысль находит отражение в высказываниях московских писателей т. т. Шагинян, Щипачева, Беляева, народных артистов СССР т. т. Грибова, Станицына, Степановой, Смирнова, действительных членов Академии художеств СССР т. т. Кеменова, Решетникова и других.

В откликах и заявлениях москвичей содержится полная поддержка и согласие с той оценкой облика Солженицына, антинародного характера его "творчества", которая высказывалась в материалах, опубликованных в газете "Правда" и других органах советской печати, сообщенных по радио и телевидению.

"С огромным удовлетворением, — говорит студент Московского инженерно-физического института т. Богатов, — я, как и все мои товарищи по институту, прочитал сегодня в газете "Правда" сообщение ТАСС о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Солженицын лишен гражданства СССР и выдворен за пределы Советского Союза. Это справедливое наказание за ту предательскую деятельность Солженицына, о которой рассказывалось в советской печати. Именно такое наказание заслуживает человек, который чужд нашему строю. Таким людям не место у нас в стране. Пытаясь извратить советскую действительность, он полностью противопоставил себя нашему народу и скатился в лагерь врагов Советского государства".

Трудящиеся города подчеркивают, что контрреволюционный характер деятельности Солженицына, содержащийся в его книгах, гнусная попытка очернить советскую действительность является отражением растленности души этого человека, его бессильной злобы, вызванной успехами нашего народа в строительстве коммунистического общества.

Выступая от имени молодых рабочих автозавода имени Ленинского комсомола, секретарь комсомольской организации завода т. Болтачева подчеркнула, что молодежь с огромным удовлетворением восприняла Указ Президиума

Верховного Совета СССР о лишении советского гражданства Солженицына.

"Предателям Родины нет места на нашей прекрасной земле, в нашей социалистической стране, которую мы очень любим и никому не позволим клеветать на нее".

Трудящиеся Москвы говорят о том, что клеветники и отщепенцы типа Солженицына не в состоянии опорочить достижения советского народа, успешно осуществляющего под руководством Коммунистической партии развитие экономики, науки и культуры своей Родины. Заместитель директора научно-исследовательского института "Электроника" т. Сухов сказал: "Прочитав Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР и выдворении за пределы Советского Союза Солженицына, я целиком и полностью поддерживаю это справедливое решение. Вся деятельность этого предателя интересов советского народа направлена на то, чтобы очернить завоевания и благородные цели, стоящие перед нашим обществом. Но это ему не удастся. Весь мир является свидетелем успехов нашей страны в строительстве коммунистического общества. Поэтому таким жалким пигмеем выглядит Солженицын со своим гнусным писком".

В ряде писем и заявлений трудящихся высказывается мысль о том, что семья Солженицына должна проявить благоразумие и не покинуть Родину, где каждый советский человек пользуется великими правами, предоставленными ему Конституцией СССР.

"Наша советская Конституция — самая демократическая в мире, — отметила заслуженный врач РСФСР, заведующая отделением 51 поликлиники Москворецкого района т. Фарафонтова, — и лишение гражданских прав Солженицына не отражается на интересах его семьи. Хочется надеяться, что она не променяет высокое звание советского человека, права, предоставленные каждому гражданину СССР, на так называемую "свободу" в капиталистическом мире".

Клеймя позором предателя Родины Солженицына, трудящиеся столицы заявляют, что грязные происки врагов социализма, буржуазных пропагандистов не могут помешать советским людям с полной отдачей своих сил, знаний и энергии активно бороться за успешное осуществление решений XXIV съезда КПСС, умножать усилия в борьбе за выполнение планов партии, задач экономического и культурного строительства.

"Коммунистическая партия, Советское правительство делают все, чтобы создать условия для мирного, сози-

дательного труда нашего народа, — сказал арматурщик Востряковского завода ЖБИ ДСК-3 т. Борисов, — Центральный Комитет КПСС, его Политбюро и лично Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев проводят огромную работу по претворению в жизнь решений XXIV съезда партии, Программы мира. Я и мои товарищи по работе горячо одобряем и поддерживаем внутреннюю и внешнюю политику партии, ее ленинского ЦК, обеспечивающую успешный ход коммунистического строительства в нашей стране".

Партийные организации, пропагандисты, лекторы, агитаторы и политинформаторы продолжают проводить среди трудящихся города разъяснительную работу по разоблачению предательской деятельности Солженицына и поднятой на Западе шумихи вокруг его имени. Следует подчеркнуть, что трудящиеся Москвы, все население города с глубоким пониманием относятся к разъяснениям.

Сообщается для информации.

Секретарь МГК КПСС *В. ГРИШИН*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 106—110. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 15 февраля 1974 г. за № П295

№ 149

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 444-А 14 февраля 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Аккредитованные в Москве буржуазные корреспонденты оживленно комментируют сообщение о лишении Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы Советского Союза.

В своих корреспонденциях, а также в частных беседах они вынуждены признать, что советские власти нашли самое разумное и эффективное решение проблемы Солженицына.

Корреспондент американской газеты "Балтимор Сан" Паркс сказал: "Предпринятая Советским правительством

в отношении Солженицына акция является очень мудрым компромиссом между требованиями западного и советского общественного мнения". Американский корреспондент Смит заявил, что действия Советского правительства снимают почти все вопросы, которые еще несколько часов назад волновали мировую общественность и вызвали резкую реакцию в конгрессе США. Корреспондент английской радиокомпании Би-Би-Си Де Мони сказал, что судебный процесс над Солженицыным на протяжении длительного времени питал бы антисоветскую кампанию за рубежом, и поэтому решение о выдворении Солженицына несомненно является наилучшим выходом из создавшегося положения.

Корреспондент западногерманского агентства ДПА Майер сказал, что Советское правительство нашло единственно верный, смелый и необычный выход из весьма сложного положения. Он считает, что общественность в западных странах должным образом оценит выдворение Солженицына как жест доброй воли со стороны Советского правительства, которое имело все основания начать уголовное преследование Солженицына.

Корреспондент английского агентства Рейтер Бьюист, обсуждая возможные мотивы решения советского правительства, подчеркнул, что, отказавшись от судебного процесса над Солженицыным, советские власти стремятся прежде всего к сохранению атмосферы разрядки напряженности в отношениях с западными странами. Та же мысль была высказана немецким корреспондентом Клеменсом и корреспондентом французского агентства АФП Диллоном. Корреспондент японской газеты "Асахи" Икута считает, что акция Советского правительства будет способствовать дальнейшему ослаблению международной напряженности.

Одним из важнейших результатов выдворения Солженицына, по мнению многих корреспондентов, является тот факт, что западные пропагандистские центры будут лишены дальнейшей возможности активно использовать Солженицына для организации антисоветских кампаний в печати. Так, в частной беседе американский корреспондент Смит заявил, что отныне "единственной надеждой" западных корреспондентов остались Сахаров и сподвижники Солженицына, на которых, однако, история с Солженицыным несомненно произведет сдерживающий эффект. Японский корреспондент Икута сказал: "Западные журналисты, питавшие надежды на то, чтобы "погреть

руки" на "деле Солженицына", были разочарованы, узнав о его прибытии в ФРГ".

Корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс Крепо рассказал одному своему знакомому о намерении выехать в ФРГ для дальнейшего освещения "дела Солженицына", поскольку в СССР сейчас "нечего делать". Совместно с американским корреспондентом Смитом Крепо запросил в Отделе печати МИД СССР выездную визу в ФРГ. В ближайшее время они намерены забрать у жены Солженицына Светловой личные вещи для передачи их Солженицыну. Указанное намерение Крепо и Смита получило одобрение американского посольства.

Некоторые западные корреспонденты считают, что в результате лишения Солженицына советского гражданства и его выдворения из СССР сенсационная шумиха вокруг его имени на Западе постепенно уляжется. Так, американский корреспондент Паркс в частной беседе сказал, что в течение двух-трех месяцев западная пресса еще будет писать о Солженицыне, а затем всякий интерес к нему пропадет. Английский корреспондент Бьюист в доверительной беседе признал, что на Западе сильно переоценивают талантливость Солженицына как писателя, и выдворение его из Советского Союза будет началом конца его писательской карьеры.

Западные журналисты и дипломаты придают большое значение юридической стороне "дела Солженицына". В посольствах Франции и США в Москве журналистам было разъяснено, что согласно УПК РСФСР советские судебные органы имеют право принудительно осуществить привод лица, если этому предшествовали два вызова.

По имеющимся данным, "дело Солженицына" вызвало большой интерес и озабоченность в ФРГ. Для многих остается неясным, почему при выборе места депортации Солженицына предпочтение было отдано ФРГ. Очевидно, что на принятие решения по этому вопросу повлияло недавнее заявление канцлера Брандта о готовности ФРГ предоставить Солженицыну политическое убежище, а также выраженное Генрихом Беллем желание принять Солженицына у себя. Решение о выдворении Солженицына в ФРГ, возможно, было оговорено на самом высоком уровне. Поэтому пребывание Солженицына в ФРГ не сможет ухудшить крепнущие отношения между СССР и ФРГ.

Корреспондент американской газеты "Лос-Анджелес таймс" Сигер, который регулярно информировал политический отдел посольства США в Москве о развитии событий по "делу Солженицына", сообщил ему со ссылкой

на дипломатические источники, что американское посольство систематически направляло в Государственный департамент отчеты на эту тему. По мнению Сигера, призывы сенатора Джексона к прекращению торговли с Советским Союзом в определенной степени потеряли свой вес в связи с выдворением Солженицына, однако все противники Никсона наверняка попытаются использовать сложившуюся ситуацию в своих целях.

Первый секретарь посольства Франции в Москве Ж. Лоро в конфиденциальной беседе сообщил, что сотрудники посольства получили строгую установку воздерживаться от излишних высказываний и комментариев по поводу ареста и выдворения Солженицына. Среди американских дипломатов обсуждается заявление секретаря Белого дома по вопросам печати Уоррена о том, что СССР вправе решать свои внутренние дела самостоятельно.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 112—115. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 14 февраля 1974 г. за № П288

№ 150

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА ОРГАНИЗАЦИОННО-ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ ЦК КПСС

"Об откликах трудящихся на выдворение Солженицына из СССР"[1]

15 февраля 1974 г.

Ц К К П С С

Трудящиеся повсеместно с единодушным одобрением восприняли сообщение ТАСС о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб нашей Родине, лишен советского гражданства и выдворен за пределы страны Солженицын.

Как сообщают ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии, советские люди встретили это решение с глубоким удовлетворением, как вполне на-

зревший и обоснованный акт очищения нашей земли от предателя, вставшего на путь подрывной борьбы против Советской власти, всего социалистического строя. Рабочие, колхозники, представители интеллигенции заявляют, что выдворение Солженицына полностью отвечает их воле и желаниям. По общему мнению, этому отщепенцу, который оскверняет все самое святое для советского человека, глумится над памятью лучших сынов и дочерей нашего народа, злобно чернит славные страницы его истории, клевещет на советскую действительность, нет места в нашем обществе. В откликах говорится о том, что принятые к Солженицыну санкции явились логическим следствием его гнусной деятельности. Отмечается, что ему не пошли впрок ни острая критика, ни серьезные предупреждения советской общественности и государственных органов.

Герой Социалистического Труда, бригадир штукатуров треста "Сахалинпромстрой" т. Буравцева заявила: "Величайшие гнев и возмущение вызвали у каждого из нас предательские действия клеветника и антисоветчика Солженицына. С яростью нападал этот человеконенавистник на социализм, изо всех сил старался оболгать наше общество, наш родной советский строй, наши великие завоевания. Но тщетны потуги жалкого прихвостня империалистов. Мы, рабочие, вместе со всем советским народом строим самое прекрасное и светлое здание на земле — здание коммунизма, и мы его построим. В наших рядах, сплоченных вокруг родной Коммунистической партии, нет места подлым изменникам. Очень правильно, что Солженицына выдворили из страны. На великой стройке не должно быть такого мусора!".

Старший научный сотрудник МГУ, доктор химических наук т. Асланов сказал: "Советские ученые с чувством глубокого удовлетворения встретили справедливое решение Президиума Верховного Совета СССР. Клевета на Родину, на все, что дорого советским людям, не может оставаться безнаказанной. Долготерпение кончилось. Своими враждебными действиями Солженицын разоблачил себя, как беспринципный политикан, вставший в ряды врагов нашего государства. Такому человеку нет места на нашей земле. Мы не хотим терпеть его злобные измышления, оскорбляющие достоинство советских людей, отравляющие радость их созидательного труда".

Народная артистка СССР т. Бикбулатова (г. Уфа) сказала: "Не было предела нашему возмущению поведением Солженицына. Этот предатель выступил с открытым

надругательством над Великой Октябрьской социалистической революцией, славной когортой большевиков-ленинцев, над советской действительностью. Наша родная партия, ее Центральный Комитет, лично Леонид Ильич Брежнев проводят огромную работу по упрочению мира, а он в это время активно борется против нас, переметнувшись в стан империалистических агрессоров. Но пусть знает этот литературный власовец и ему подобные, что такое предательство не может остаться безнаказанным".

Повсеместно говорится о том, что мера пресечения враждебной деятельности Солженицына избрана правильно. По мнению многих, судебное преследование, которого вполне заслуживает этот предатель, лишь создало бы ему популярность мученика. Отмечая гуманность решения, принятого по отношению к Солженицыну и его семье, наши люди подчеркивают, что изгнание антисоветчика из страны явилось мудрым и дальновидным шагом, который подрывает возможные спекуляции империалистической пропаганды. Отныне, говорят товарищи, сочинительство Солженицына будет восприниматься на Западе не как писанина "очевидца", а как плод болезненной фантазии злобствующего человека, с презрением отвергнутого советским народом и ставшего лакеем международной реакции.

Секретарь правления Союза писателей СССР, член-корреспондент Академии наук УССР т. Новиченко сказал: "Своим политическим хозяевам, заправилам антисоветской пропаганды он был выгоден именно как человек с советским паспортом, которого можно было выдавать за представителя какой-то "внутренней оппозиции" в СССР. Эта игра закончена. Маска с прислужника империализма окончательно сорвана. Пусть убирается вон с нашей священной земли, пусть догнивает в вонючих клубах с недобитыми власовцами, с которыми он давно уже объединился идейно. Наш советский воздух от этого будет только чище".

Рабочий Рижского завода ВЭФ, Герой Социалистического Труда т. Круминьш сказал: "Я, как и все мои товарищи, убежден, что Солженицын является оружием в руках врагов страны Советов, врагов социализма, их агентом. Пройдет немного времени, и когда Солженицын не сможет больше поставлять из нашей страны гнусную ложь о жизни советских людей, хозяева от него отвернутся".

"Рабочие нашего объединения, — заявил старший мастер ленинградского объединения "Электросила" т. Хрен-

ков, — считают, что решение в отношении Солженицына принято правильное. Мы удивлялись долготерпению к этому негодяю, который открыто вел враждебную пропаганду и считал себя безнаказанным. Теперь он получил по заслугам. Я считаю, что нет более страшного наказания, чем изгнание с родной земли".

Решение по Солженицыну воспринимается и как предостережение тем, кто пытается стать на его путь, упорствует в своих идейных заблуждениях. ЦК Компартии Армении, Латвии, Узбекистана, Новосибирский, Ростовский и некоторые другие обкомы партии сообщают о таких высказываниях по адресу академика Сахарова и ему подобных. При этом высказывается мнение, что и к ним тоже есть основание принять строгие меры.

Отдельные товарищи из Киева, Кишинева, Южно-Сахалинска считают, что Солженицына следовало бы изолировать от общества внутри страны, а не выпускать за границу.

Партийный актив выражает удовлетворение по поводу того, что ЦК КПСС своевременно направил на места для ознакомления руководящих партийных работников аннотацию сочинения Солженицына "Архипелаг Гулаг". Эта аннотация, по мнению товарищей, помогает до конца уяснить омерзительное лицо автора сочинения, наглядно показывает всю глубину его нравственного и политического падения.

Партийные организации ведут разъяснительную работу в связи с сообщением ТАСС, дают ответы на поступающие вопросы. На местах высказывается мнение, что следует, не развертывая по этому поводу широкой пропагандистской кампании, опубликовать в печати ряд материалов. В частности, дать отдельные отклики советских людей, а также наших зарубежных друзей, помещать корреспонденции, разоблачающие провокационную шумиху на Западе.

Зам. зав. Отделом
организационно-партийной
работы ЦК КПСС *(Н. Петровичев)*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 117—120. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 15 февраля 1974 г. за № П302

№ 151

ИНФОРМАЦИЯ ОБЩЕГО ОТДЕЛА ЦК КПСС "О письмах трудящихся с откликами на лишение А. Солженицына гражданства СССР и выдворение его из Советского Союза"[1]

15 февраля 1974 г.

Ц К К П С С

В Центральный Комитет партии поступают письма и телеграммы, в которых трудящиеся выражают глубокое удовлетворение в связи с сообщением ТАСС об Указе Президиума Верховного Совета СССР относительно лишения А. Солженицына гражданства СССР и выдворения его за пределы Советского Союза за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик.

Как свидетельствует содержание поступающих в ЦК КПСС на протяжении длительного времени писем, это решение всецело отвечает воле и желаниям советских людей, которые клеймят позором Солженицына как клеветника и предателя Родины. Поэтому сообщение ТАСС вызвало поток заявлений, авторы которых приветствуют принятое решение. Фрезеровщик НИИТП т. Щепотьев (г. Москва), например, пишет: прочитав в газете сообщение об Указе Президиума Верховного Совета СССР о лишении советского гражданства Солженицына за антисоветскую стряпню, за клевету на наш народ, за поруганную память наших воинов-освободителей, искаженное изображение социалистической действительности, нанесение ущерба СССР, я и мои товарищи по работе полностью одобряем это решение. Солженицын не только должен быть выдворен за пределы СССР, но его следовало бы предать суду за антисоветскую деятельность. Гуманный шаг по отношению к этому человеку, который нанес моральный ущерб стране, доказывает, что картина, намалеванная Солженицыным, ничуть не отражает советскую действительность и что наше государство является самым справедливым в мире.

Неблаговидная роль Солженицына уже давно вызывала возмущение советского человека, отмечает член партии, профессор т. Брагинский. Вместе с тем многие думали: не является ли его поведение следствием заблуждений при субъективном доброжелательном намерении

подвергнуть критике отрицательные явления, связанные с культом личности, не используют ли империалистические круги его произведения вопреки его личному согласию. Однако Солженицын саморазоблачился, показав свое подлинное нутро. Он враждебно относится к тому, что является дорогим и священным для каждого советского человека — к Октябрьской социалистической революции, к героической борьбе советского народа против германского фашизма. Откровенная поддержка Солженицыным реакционных сил, включая фашистскую хунту в Чили, пытающихся сорвать великую Программу мира, осуществляемую нашей Родиной, окончательно сорвала маску с его лица.

В письме участника Великой Отечественной войны, гвардии капитана запаса т. Коломийца из г. Харькова говорится: кубанцы хорошо помнят хлеб 1943 года. Семена собирали в баночки. По дворам с сумками через плечо ходили пионеры и комсомольцы. Жители хуторов и станиц выносили к воротам зерно, кто сколько мог. Пахали на коровах, сеяли вручную. И, наверное, никогда так не ждали первых всходов, как в ту весну. Хлеб был нужен стране, фронту. И дали его женщины, старики, мальчишки и девчонки. Ведь все мужчины были на передовой. Солженицын не написал об этом книгу. Он ненавидит все советское, так как является сыном кубанского помещика. Мы слишком долго с ним нянчились. В свое время И. Тургенев писал о том, что Россия может обойтись без любого из нас, но ни один из нас не может обойтись без России. Советская Россия может обойтись без Солженицына. Вот пусть он попробует обойтись без нее.

Солженицын видит только теневые стороны в развитии нашего государства, отмечает т. Хуако из Краснодарского края. Он смакует отдельные нарушения социалистической законности, выдавая их за существо социалистического строя. Его нельзя считать ошибающимся писателем. Он сознательно все искажает, и поэтому ему не место среди нас. Мы, советские люди, будем трудиться без этого власовца еще лучше во имя могущества Родины, во имя укрепления единства и сплоченности всех социалистических стран.

Как и миллионы трудящихся нашей Родины, заявляет конструктор, член КПСС т. Тягунов (г. Москва), меня всегда возмущало каждое сообщение об очередной выходке "писателя" Солженицына. Думаю, что не ошибусь, если скажу: Солженицын в своих писаниях переплюнул

многих махровых клеветников и ненавистников. Сколько вылито им лжи и грязи на народ, на страну, где сам родился! Сколько сребреников получено им за яд, которым он пытался отравить советскую действительность! Поэтому я и моя семья слушали сообщение ТАСС о выдворении Солженицына из СССР с чувством глубокого удовлетворения. Таким не место на нашей советской земле. Скатертью дорога, господин Солженицын!

В письме большой группы жителей г. Обнинска говорится: мы, советские граждане, родившиеся после Октябрьской революции, горячо любим свою великую Родину и считаем, что никому не должно быть позволено позорить ее. Кто заявляет, что "хуже всего на земле быть русским", кто восхваляет гитлеровскую "снисходительность" к порабощенным народам, кто оправдывает преступления власовцев и бандеровцев, — тому не место в нашей социалистической стране.

Всем своим нутром Солженицын предал Родину, советский народ, замечает москвич т. Багиев. Он так же, как в 30-е годы кулаки намеревались голодом задушить молодую страну Советов, пытается лживыми писаниями нанести ущерб нашему народу, растлить подрастающую молодежь. Своими действиями он старается очернить все то, что сделано нами в гражданской войне, в период становления советского государства, в годы Отечественной войны. Он глумится над памятью 20 миллионов жертв этой войны. Есть хорошая, мудрая пословица: "Если болит зуб, то его лечат, если он не поддается лечению, его удаляют". Советские люди приветствуют принятые меры в отношении предателя.

Солженицын хотя и жил в Советском Союзе, но никогда не был советским человеком, пишет оператор Туймазинского газоперерабатывающего завода т. Князев. В душе он до конца оставался отпрыском крупного землевладельца, жил с обидой на наше государство, лишившее его богатого наследства и привилегий. Поэтому он стоит на одной платформе с злейшими врагами социализма и коммунизма, тщится затруднить развитие страны Советов. Но его грязная клевета не помешает величественной поступи нашего народа, не очернит в глазах честных людей планеты наш социалистический общественный строй. Я счастлив тем, что родился, живу и работаю в Советской стране. Я глубоко ненавижу и презираю этого отщепенца.

Предательство всегда и всеми презираемо, высказывает свое мнение участник Отечественной войны, москвич

т. Звездин. Солженицын по заслугам будет занесен в черный список предателей Родины. Народ ведет учет и не забывает добрых, благородных и героических дел своих лучших представителей и никогда не забудет их заслуг перед Отечеством. Но народ никогда не забудет и не простит того, кто решился подло, с циничной откровенностью наплевать ему в душу.

Я, Маркин А. С., член КПСС с 1931 года, говорится в одном из писем, в свое время добровольно пошел на защиту Москвы. Всю войну находился в действующей армии, участвовал в штурме Берлина. В настоящее время работаю в одной из организаций Москвы старшим мастером. Я целиком одобряю Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым А. Солженицын лишен гражданства и выдворен за пределы Советского Союза за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб Союзу Советских Социалистических Республик. Как участника Великой Отечественной войны меня глубоко возмущает искажение Солженицыным победной роли Советской Армии и советского народа в освобождении человечества от германского фашизма.

Авторы ряда писем высказываются относительно возможной реакции западной пропаганды на лишение А. Солженицына гражданства СССР и выдворение его из Советского Союза. На Западе сейчас, конечно, поднимут вой, замечает москвич т. Гулин. Но нам на это наплевать. В одной хорошей песне справедливо поется, что Русь только тверже выходила из огня. Нам незачем оглядываться на Запад. Мы сильны в своей правоте, и честные люди это оценят. Тот же вывод выражен в письме т. Акбарова (г. Андижан). Если наша страна, пишет он, выдержала иностранную интервенцию в первые годы своего существования, победила оголтелого врага свободы — фашизм, то теперь, когда мы особенно крепки и едины, нам нет смысла бояться шантажа империалистических кругов, защищающих Солженицына. Классовая борьба есть классовая борьба. Солженицын льет воду на мельницу монополистов, и за это ему платят.

Поднимут шум вокруг выдворения Солженицына те, кому это выгодно, пишет член партии т. Куракина. Но пошумят и перестанут, как это было в свое время с дочерью Сталина, Кузнецовым и еще с кем-то другим. Всем ясно, что этот фрукт Солженицын интересен нашим врагам только до тех пор, пока он находится среди нас, поскольку его писания выдаются как свидетельства оче-

видца — а это огромный козырь в их руках. Подобного мнения придерживается и член партии москвич т. Касаткин. Он заявляет: на Западе о нем скоро забудут, как забывали о тех, кто переметнулся до него из "писательской братии". Живя в Советском Союзе, Солженицыну было легче наносить вред, выдавать ложь за действительность. Правильно: ему нет места среди миллионов, строящих героическим трудом коммунизм.

Если мне скажут, что западная реакция поднимет вой, говорится в письме ветерана Отечественной войны т. Воронова из г. Вильнюса, то я бы ответил: "Нам ли бояться этих голосов. Есть ли что-либо такое, что может нас устрашить при защите интересов нашей Родины, заветов В. И. Ленина". Пусть Солженицын хоронит свои поганые кости где угодно, только не на нашей земле.

Тов. Аксенов из г. Риги высказывает свое мнение по поводу дальнейших шагов относительно Солженицына. Думается, пишет автор письма, что не стоит больше публиковать материалов об этом выродке. Не стоит давать пищу подстрекателям и провокаторам. Солженицын выдворен, и надо поставить на нем "крест", заявляет также т. Шестоперов. Хватит о нем писать. Ведь мы вроде как оправдываем себя перед кем-то. Между тем Советский Союз спас мир от фашистского порабощения, наша страна ведет величайшее строительство новой жизни, мы помогаем угнетенным народам бороться за свою независимость. Пусть там Солженицын пишет все, что ему вздумается. Кроме наших врагов, ему никто ни в чем не поверит.

В письмах высказываются и некоторые предложения. Мне довелось лет 10 назад прочитать повесть Солженицына "Один день Ивана Денисовича", пишет т. Тихомиров из Москвы. Скверная вещь. Видно было, что автор недобрый человек. Потом мне попались другие книги на ту же тему: Б. Дьякова — "Повесть о пережитом" и А. Алдан-Семенова — "Барельеф на скале". Какой контраст! В этих книгах люди оставались людьми. Они верили, что все случившееся с ними недоразумение, что законность восторжествует. Сейчас вокруг творений Солженицына вновь поднялся ажиотаж. Ходят разговоры, что, мол, заминаются старые грехи и т.п. Вот у меня и возникла мысль переиздать книги Дьякова и Алдан-Семенова. А в предисловии к каждой из них разъяснить, что были настоящие люди, не такие, как "мученик" Солженицын.

Подавляющее большинство советских граждан отмечают разумность предпринятого в отношении Солженицына шага. В письме группы художников из Башкирии т. т. Кащеева, Нурмухаметова, Домашникова и других говорится: этот явный агент империализма, не считаясь ни с какими нормами жизни, прибегая к всевозможным измышлениям, пытался очернить нашу жизнь, ему невмоготу видеть наш могучий социалистический строй, завоевывающий все новые позиции в мире. Этот предатель народа, суетясь перед мошной своих хозяев, идет на все и в угоду реакционным кругам строчит пасквили, враждебные делу мира и дружбы между народами. Со времен глубокой древности предателей ждала тяжелая кара — изгнание. Мы также не хотим того, чтобы этот человек осквернял нашу святую землю.

Семья Раковых из Крымской области телеграфирует: одобряем правильное решение о выдворении клеветника Солженицына из пределов нашей Родины. Клеймим позором, выражаем ненависть предателю.

Поступление писем и телеграмм подобного содержания продолжается.

Сообщается в порядке информации.

Заведующий Общим отделом
ЦК КПСС *К. Черненко*

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 121—127. Копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 15 февраля 1974 г. за № П301

№ 152

ИНФОРМАЦИЯ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС
"Об откликах деятелей советской культуры на выдворение А. Солженицына за пределы Советского Союза"[1]

№ 330-А/4 18 февраля 1974 г.

Ц К К П С С

Опубликование Указа Президиума Верховного Совета СССР о лишении А. Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы Советского Союза вызвало широкий отклик у деятелей советской культуры. Писатели, кинематографисты, художники, композиторы,

работники театра полностью одобряют и поддерживают меры Советского правительства, решительно осуждают деятельность и поведение Солженицына.

Перечень наиболее характерных высказываний прилагается.

Большое количество писем и заявлений работников культуры поступает в органы печати. Уже опубликованы письма писателей В. Катаева, Б. Полевого, М. Бажана, М. Стельмаха, кинорежиссера Г. Рошаля, композитора А. Новикова, народного художника РСФСР П. Васильева, народных артистов СССР Б. Смирнова, Б. Чиркова, В. Меркурьева и других широко известных деятелей советской культуры, которые дают четкую политическую оценку творчеству и действиям Солженицына и выражают свое удовлетворение тем, что этот отщепенец изгнан из советского общества.

Отдельные творческие работники (в частности, писатели Е. Евтушенко и В. Некрасов, кинорежиссер О. Иоселиани) проявили недопонимание осуществленной акции. В связи с этим проводится необходимая разъяснительная работа.

Докладывается в порядке информации.

Зав. Отделом культуры
ЦК КПСС *(В. Шауро)*

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ
наиболее характерных высказываний в связи с выдворением А. Солженицына за пределы Советского Союза

М. Шагинян — писательница.

"Возмущена творчеством и поведением Солженицына. Поддерживаю решение о выдворении его за пределы Советского Союза. Считаю, что это надо было сделать давно. Находясь на нашей территории, Солженицын был вреден тем, что собирал вокруг себя всевозможных отщепенцев. Его влияние было особенно опасным для нашей молодежи".

С. Щипачев — поэт.

"Все честные советские люди примут Указ Президиума Верховного Совета СССР о выдворении Солженицына за пределы Советского Союза с огромным удовлетворением. Такое же удовлетворение испытываю и я".

Ч. Айтматов — писатель.

"Как член редколлегии "Литературной газеты" я разделяю ее позицию по отношению к Солженицыну. Только что ознакомился с сообщением ТАСС: нахожу принятое решение оправданным, единственно верным".

О. Берггольц — поэтесса.

"Диву даешься, как мог человек, выросший на нашей земле, докатиться до такой степени нравственного падения, договориться до восхваления фашистов и их приспешников.

Наказание, постигшее Солженицына, — наказание страшное, впервые примененное за последние годы к противнику советского народа, партии, нашего государства. Но это наказание правильное".

М. Прилежаева — писательница.

"Когда я узнала, что Указом Президиума Верховного Совета СССР пасквилянт Солженицын лишен советского гражданства и выдворен за пределы Советского Союза, я облегченно вздохнула. Так ему и надо. Я всегда оценивала и сейчас оцениваю Солженицына как гнусного предателя нашего советского народа, социалистической Родины. Мера наказания, принятая Советским правительством по отношению к Солженицыну, — справедливая мера".

В. Беляев — писатель.

"Я с удовлетворением прочитал сообщение о выдворении Солженицына за пределы Советского Союза. Это естественное, логическое решение после всего того, что сделал Солженицын. Последние месяцы с кем бы я ни говорил: с рабочими, литераторами, артистами, молодежью — у нас находилась одна общая точка зрения — давно пора выгнать этого подпевалу враждебных сил за пределы нашего государства".

Ю. Райзман — кинорежиссер.

"В создавшемся положении считаю эту акцию наиболее правильной. Проблема была очень сложной, болезненной. Выдворение Солженицына позволило разрубить этот узел. Можно только сожалеть, что это не было сделано раньше".

В. Монахов — кинорежиссер.

"Солженицын выступил не только против социализма, против партии, но и против народа. Его поведение не могло оставаться безнаказанно. Завершение вполне естественное. Не сомневаюсь, что оно найдет поддержку во всем народе. За границей наши враги пошумят, но нет сомнения, что Солженицын быстро выйдет из моды".

А. Степанова — народная артистка СССР.

"Наша армия работников искусства Советского Союза — единомышленники партии, мы — часть советского народа. Мы гордимся успехами своей Родины, ее авторитетом как свершениями передового отряда человечества, борющегося за светлые идеи коммунизма. Нам хорошо жить и трудиться в родной и любимой стране, мы привязаны к ней всеми помыслами, сердцем.

И тому, кто клевещет на нее, кто относится к ней враждебно, нет места среди нас.

Полностью одобряю Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении советского гражданства Солженицына".

А. Грибов — народный артист СССР.

В. Станицын — народный артист СССР.

"Полностью одобряем Указ Президиума Верховного Совета о лишении А. Солженицына советского гражданства и выдворении его за пределы СССР.

Мы, люди искусства, давно возмущены тем, что А. Солженицын превратил литературу, призванную по самой своей сути служить гуманным целям, в орудие ненависти и клеветы. В конце концов он сам поставил себя вне нашего общества. Звание советского гражданина — высокое, гордое звание, и никому не позволено его позорить".

Е. Шатрова — народная артистка СССР.

"Можно только приветствовать решение о выдворении из нашей страны и лишении советского гражданства человека, который встал на путь предательства своей Родины, своего народа. Это надо было сделать еще раньше. Я выражаю свое удовлетворение этим решением.

Солженицын сейчас находится среди тех, кому он служил, создавая свои пасквили. Презрение всех честных людей — вот все, что он заслужил".

Н. Томский — народный художник СССР.

"С чувством большого удовлетворения присоединяю свой голос к благодарности советских людей Президиуму Верховного Совета СССР, принявшему Указ о лишении Солженицына гражданства СССР и выдворении его за пределы нашей Родины".

Ф. Решетников — народный художник СССР.

"Наверное, я выскажу наше общее мнение, что таким людям, как Солженицын, — не место среди нас. И мы все единодушно одобряем Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына гражданства и выдворении его из Советского Союза.

Пусть пестуют его хозяева-империалисты. Он выгоден им был только пока находился среди нас, а теперь они выбросят его, как выжатый лимон и ненужный мусор Такие случаи с предателями Родины нам известны".

А. Каневский — народный художник СССР.

"Как и все советские люди, приветствую справедливое решение Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына гражданства СССР и выдворении его за пределы Советского Союза.

Никто у нас не пожалеет о том, что такой человек, как Солженицын, перестал быть гражданином первого в мире социалистического государства".

А. Свешников — ректор Московской государственной консерватории.

"Выдворение ярого антисоветчика воспринято в консерватории с огромным одобрением и благодарностью партии и правительству".

Л. Коган — народный артист СССР.

"Клевета, расточаемая Солженицыным, приобрела особенно возмутительный характер в последней книге. Он выродился в литературного власовца".

Проректор Московской консерватории т. Куликов со слов т. Кальянова, ассистента **М. Ростроповича**, рассказал, что утром М. Ростропович, придя в консерваторию, с довольным видом заявил:"Я счастлив. Четыре с половиной года на мне лежал этот ужасный груз. Наконец-то все это с меня свалилось".

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 129—133. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 18 февраля 1974 г. за № П309

№ 153

ИНФОРМАЦИЯ ВЦСПС[1]

№ 36-н 19 февраля 1974 г.

Ц К К П С С

Рабочий класс, трудящиеся СССР полностью одобряют Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицына гражданства СССР и выдворении его из Советского Союза. В сообщениях, поступающих в ВЦСПС, трудящиеся страны единодушно поддерживают

справедливый и законный акт Советского государства, предпринятый против политического отщепенца, который проявил злобную ненависть к советскому народу, социалистическому строю, к его завоеваниям и свершениям, стал на путь служения международной реакции, ведущей борьбу против идей мира и социализма.

Выражая мнение ленинградских рабочих, сталевар завода "Большевик", Герой Социалистического Труда В. Манкин сказал: "Нельзя терпеть среди нас людей, клевещущих на свою Родину, на свой народ. Сталевары нашего завода с презрением отзываются о "деятельности" Солженицына, ставшего прямым пособником наших врагов. Литературному власовцу нет места в Советской стране".

"Солженицыну был не по душе наш советский строй, для него не было ничего святого, — говорит токарь Ленинградского завода турбинных лопаток имени 50-летия СССР, ударник коммунистического труда Г. Азовкин. — Я и мои товарищи по цеху единодушно поддерживаем Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении отщепенца гражданства СССР. Предатель получил по заслугам".

"У человека нет более высоких чувств, чем любовь к Родине, верность своему народу, — заявил бригадир комплексной бригады каменщиков треста "Мособлстрой" № 1, заслуженный строитель РСФСР Г. И. Виноградов. — И тот, кто охаивает эти святые чувства, вызывает гнев и презрение. Солженицын поставил себя вне нашего общества. Лишение его гражданства СССР и выдворение за пределы страны — это справедливый акт Советского государства".

Бригадир слесарей-сборщиков Подольского машиностроительного завода, кавалер ордена "Знак Почета" Н. В. Алехин сказал: "Политический отщепенец Солженицын перешел на службу международной реакции. Своей враждебной писаниной этот антисоветчик вызывает презрение у всего коллектива нашего завода. Очень правильно, что предатель выдворен из нашей Советской страны".

"С большим удовлетворением я и мои товарищи по работе встретили сообщение о лишении прав гражданства СССР и выдворении из страны Солженицына, — говорит бригадир зуборезчиков Уралмашзавода, Герой Социалистического Труда, член КПСС А. И. Храмцов. — Клевета и надругательство над советским народом ставят его в один ряд с оголтелыми врагами социализма. Он не может быть членом нашего общества. Мы считаем официальное

решение о выдворении его за пределы нашей Родины своевременным и справедливым".

Кузнец-штамповщик Харьковского тракторного завода, Герой Социалистического Труда М. И. Калашников сказал: "Нас, рабочих прославленного тракторного и всего нашего трудового города, до глубины души возмутило подлое, предательское поведение так называемого писателя Солженицына. Пусть падет на голову предателя наше рабочее презрение. Мы полностью поддерживаем решение Советского правительства о лишении Солженицына прав советского гражданина. Он восхищался капиталистическим "раем", пусть и живет в нем, пока его не выбросят на помойку, как и ему подобных".

"Мы своими руками поднимали из руин город-герой Киев, разрушенный войной, — говорит бригадир штукатуров треста "Киевгорстрой-4", Герой Социалистического Труда А. М. Серая. — И мы не можем не возмущаться подлостью потерявшего честь и совесть Солженицына. Решение нашего правительства о лишении его советского гражданства — это воля всех трудящихся страны".

"Я лично считаю, — говорит токарь целиноградского завода "Казахсельмаш" Байсадыков Амангельды, — что Солженицын правильно выдворен из нашей страны. Отщепенец не должен жить в стране, которую предает, не должен пользоваться благами, которые создаются трудом народа. Он не имеет право носить гордое звание гражданина Советского Союза".

Слесарь-лекальщик Минского тракторного завода, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Е. И. Климченко заявил: "Рабочие-тракторостроители Белоруссии полностью одобряют Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР Солженицына и выдворении его за пределы нашей страны. Он клевещет на наш советский строй, на ее трудолюбивый народ. Солженицын смыкается с нашими злобными врагами, стремится очернить бессмертный подвиг народов страны Советов в годы Великой Отечественной войны. Он сам лишил себя Родины".

Столяр Таллинского фанерно-мебельного комбината, депутат Верховного Совета Эстонской ССР Томсон Ринальдо сказал: "Считаю действия Солженицына несовместимыми со званием гражданина Советского Союза. Наше общество слишком долго терпело его клевету на советскую действительность. Полностью одобряю справедливый акт о лишении Солженицына гражданства СССР".

Решение Советского правительства о лишении Солженицына гражданства СССР и выдворение его из нашей страны полностью поддерживает советская интеллигенция.

Ответственный секретарь Алтайской краевой писательской организации И. Кудинов заявил: "Когда Гастелло, Матросов, генерал Карбышев и тысячи, миллионы других советских людей совершали свой подвиг, это не было "случайным порывом", как старается представить в своих сочинениях Солженицын. Это было подготовлено всей жизнью нашего общества, жизнью каждого из тех, кто шел на подвиг во имя Родины, во имя счастья своего народа.

Солженицын совершил предательство — и это тоже не было случайным, ибо он к этому шел многие годы, обливая грязью советских людей, клевеща на нашу страну. И вот суровое и справедливое возмездие — предатель и отщепенец лишен советского гражданства и выдворен за пределы СССР. Участь его не вызывает в сердцах советских людей жалости".

Узбекский композитор, народный артист СССР Мухтар Ашрафи сказал: "Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства и выдворении из страны Солженицына подытожил и выразил единодушное мнение советской общественности, всего нашего народа. Есть у нас, у узбеков, поговорка о том, что не может считать себя человеком тот, кто плюет в источник, из которого пьют. Солженицын как раз из того сорта людей; он оболгал самые святые для нас понятия — Родина, труд, подвиг во имя Отчизны, он попытался опорочить социалистический строй. Есть наш хлеб и обливать одновременно грязью тружеников, его взрастивших, — до какой же грани падения дошел этот литературный власовец!"

Поток подобных высказываний тружеников нашей страны в отношении мер, принятых к Солженицыну, продолжает поступать.

Сообщается в порядке информации.

А. ШЕЛЕПИН

Ф. 3, оп. 80, д. 664, л. 135—138. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро и секретарям ЦК КПСС 20 февраля 1974 г. за № П325

№ 154

ЗАПИСКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС
"Об указаниях совпослу в Швеции"[1]

№ 25-С-371 22 февраля 1974 г.

Секретно

Ц К К П С С

Совпосол в Швеции сообщает (т-ма спец. № 129 от 15 февраля с. г)[2], что председатель Левой партии — коммунисты Швеции К. Херманссон выступил в печати и по телевидению с критикой мер, принятых против А. Солженицына, охарактеризовав их как "ограничение свободы слова и печати". В таком же духе выдержано и опубликованное в печати заявление Исполкома Правления ЛПК (текст прилагается).

Как стало известно, К. Херманссон и его сторонники в руководстве партии добились принятия Исполкомом решения о созыве 10—11 марта с. г. внеочередного пленума Правления ЛПК, на котором они намерены осудить представителей здоровых сил в партии, в частности, члена Правления ЛПК А. Левенборга и газету областной организации партии "Норршенсфламман", выступивших с интернационалистских позиций и одобривших нашу акцию в отношении Солженицына.

С целью оказания поддержки здоровым, интернационалистским силам в ЛПК полагали бы целесообразным поручить совпослу передать руководству ЛПК от имени ЦК КПСС обращение с изложением нашей оценки выступлений К. Херманссона и заявления Исполкома ЛПК.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[3].

Б. Пономарев

Приложение

Перевод со шведского

ЗАЯВЛЕНИЕ ИСПОЛКОМА ПРАВЛЕНИЯ ЛЕВОЙ ПАРТИИ — КОММУНИСТЫ ШВЕЦИИ 13.2.74 г.

Борьба за демократические права и свободы имеет основополагающее значение. Это касается не в последнюю очередь свободы слова и печати. Левая партия — ком-

мунисты в отличие от правительства и буржуазных партий как единственная парламентская партия боролась против нарушения этих прав и свобод полицией и судом в связи с делом Информационного бюро*. Мы требуем прекращения нарушений свободы мнений и организаций, а также закрепления демократических прав и свобод в конституции страны.

Когда власти в социалистической стране действуют таким образом, что ограничивается свобода слова и печати, как в деле Александра Солженицына, то это противоречит пониманию демократии нашей партией. С реакционными взглядами следует бороться в свободной и открытой дискуссии, а не при помощи цензуры и полицейского вмешательства. Работа по социалистическому строительству требует свободы мнений и организаций.

ЛЕВАЯ ПАРТИЯ — КОММУНИСТЫ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Ф. 3, оп. 69, д. 1143, л. 127—128. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 26 февраля 1974 г. за № 127-56
[2]См. документ № 146. Указана дата получения телеграммы.
[3]28 февраля 1974г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П127/103 (см. документ № 156)

* Имеется в виду судебное преследование двух журналистов, разоблачивших деятельность шведской военной разведки в общественных организациях (*прим. пер.*).

№ 155

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 553-ц 23 февраля 1974 г.

Совершенно секретно

Ц К К П С С

Анализ имеющихся данных свидетельствует о том, что мероприятия Советского правительства в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА нанесли серьезный удар по планам тех сил на Западе, которые активно использовали его в подрывной деятельности, пытаясь дискредитировать внутреннюю политику и ослабить растущий авторитет Советского Союза на международной арене.

Представители правительственных кругов основных западных стран вынуждены признать правомерность действий правительства СССР в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА, который в течение длительного времени по существу бросал ему вызов, отказываясь подчиняться советским законам. Отмечая дальновидность этой акции, многие западные государственные и политические деятели в частных беседах и официальных заявлениях подчеркивают, что она не окажет сколько-нибудь значительного влияния на развитие двусторонних и многосторонних государственных связей с Советским Союзом.

Подобный подход наглядно продемонстрировало французское правительство, официально объявив о предстоящем приезде в Советский Союз президента Франции ПОМПИДУ. Премьер-министр Норвегии БРАТТЕЛИ, подтвердив свое намерение осуществить запланированный визит в СССР, подчеркнул, что "расширяющиеся контакты между Норвегией и Советским Союзом принесут мало пользы, если внимание будет концентрироваться на вопросах, точки зрения по которым совершенно не совпадают"[2].

В правительственных кругах ряда государств начинает выражаться опасение, что благожелательное отношение к СОЛЖЕНИЦЫНУ с их стороны может нанести определенный ущерб взаимоотношениям с СССР. Весьма показательно, что правительства некоторых стран проявляют известную сдержанность в вопросе о предоставлении СОЛЖЕНИЦЫНУ политического убежища и гражданства.

По имеющимся данным, в правительстве БРАНДТА с удовлетворением восприняли быстрый отъезд СОЛЖЕНИЦЫНА из ФРГ. Премьер-министр Канады ТРЮДО, хотя и подтвердил приглашение СОЛЖЕНИЦЫНУ посетить страну, но указал, что ему вряд ли будет предоставлено канадское подданство.

Деловые круги капиталистических государств, заинтересованные в дальнейшем расширении торгово-экономических связей с Советским Союзом, выражают удовлетворение по поводу высылки СОЛЖЕНИЦЫНА из СССР. По словам представителя "Чейз Манхэттен бэнк" в Москве УЭНТУОРТА, эта акция в значительной степени лишит противников расширения советско-американских деловых контактов возможности использовать деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА в качестве предлога для того, чтобы чинить препятствия нормальному развитию отношений между двумя странами.

Как показывают имеющиеся данные, в подавляющем большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки "дело Солженицына" большого внимания не привлекло.

В кругах западных политических партий социал-демократического толка значительная активность, вызванная первыми сообщениями об "аресте СОЛЖЕНИЦЫНА", после его выдворения из СССР сменилась замешательством и разочарованием.

Прогрессивные силы на Западе, прежде всего представители подавляющего большинства коммунистических и рабочих партий, с пониманием и одобрением отнеслись к акции в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА. Отмечается, что этот шаг выбивает почву из-под ног тех, кто пытался вызвать полемику в рядах левых сил по вопросу о СОЛЖЕНИЦЫНЕ. Показательно, что даже среди представителей тех партий и организаций, которые первоначально выступали с осуждением действий Советского правительства, наметился процесс переоценки их позиции по этой проблеме. Так, по словам депутата шведского парламента от Левой партии — коммунисты (ЛПК) ПЕТЕРССОНА, враждебная СССР резолюция руководства ЛПК по делу в настоящее время осуждается целым рядом партийных организаций, которые направляют в исполком партии письма с протестами против данной резолюции.

Антисоветская шумиха вокруг СОЛЖЕНИЦЫНА, поднятая средствами массовой информации капиталистических государств, явно идет на спад. Крупнейшие буржуазные газеты постепенно перемещают материалы о СОЛЖЕНИЦЫНЕ на задний план.

Большинство населения западных стран теряет интерес к "солженицынской теме". Сообщения о СОЛЖЕНИЦЫНЕ как о новом миллионере, сделавшем "хороший бизнес" на антисоветизме, в значительной степени разрушили о нем миф как об "идейном борце за свободу инакомыслящих в СССР".

Меняется отношение к СОЛЖЕНИЦЫНУ также среди творческой и так называемой "либеральной" интеллигенции, проявлявшей к нему значительный интерес. После более детального ознакомления с его широко разрекламированными "творениями" целый ряд специалистов уже высказали сомнения в их действительной художественной ценности. По словам вице-президента западногерманской секции международного объединения писателей "Пен-клуб" ЭНГЕЛЬМАНА, СОЛЖЕНИЦЫН завоевал себе популярность не как талантливый писатель, а всего лишь как "изобличитель", который постепенно превратился в явного слугу жаждущих сенсаций поборников "холодной войны". В этой связи все чаще выражается мнение, что СОЛЖЕНИЦЫНУ на положении эмигранта будет весьма трудно сохранить за собой "славу великого писателя", каким его провозгласили на Западе, поскольку его антисоветские высказывания вряд ли добавят что-нибудь новое к тому, что уже говорилось другими эмигрантами.

Антисоветские силы на Западе, в том числе представители спецслужб, рассматривают высылку СОЛЖЕНИЦЫНА как серьезный удар по "движению диссидентов" в СССР, лишившемуся основной фигуры, вокруг которой оно концентрировалось.

Вдохновители антисоветских кампаний понимают, что в долгосрочном плане СОЛЖЕНИЦЫН уже не принесет им тех дивидендов, которые он им давал, находясь в СССР. Показательна в этом плане оценка одного из ведущих американских "советологов" БЖЕЗИНСКОГО, который считает, что с наибольшей эффективностью "играть на СОЛЖЕНИЦЫНЕ можно будет только полгода, максимум — год, поскольку ни как писатель, ни как историк, ни как личность интереса для западной публики он не представляет".

Учитывая, что противники разрядки международной напряженности попытаются, особенно в ближайшем будущем, продолжать активное использование СОЛЖЕНИЦЫНА во враждебных Советскому Союзу целях, Комитет

госбезопасности принимает меры по предотвращению и ослаблению эффекта их возможных акций в этом плане.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЦВИГУН

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 88—91. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 23 февраля 1974 г. за № П368

[2]Рабочая встреча Ж. Помпиду с Л. Брежневым состоялась 12—13 марта 1974 г. в Пицунде; официальный визит премьер-министра Норвегии Т. Браттели в СССР состоялся 18—25 марта 1974 г.

№ 156

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об указаниях совпослу в Швеции"

№ П127/103 28 февраля 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Утвердить текст телеграммы совпослу в Швеции (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 103 прот. № 127

Секретно
ВНЕ ОЧЕРЕДИ

СТОКГОЛЬМ
СОВПОСОЛ

В связи с выступлениями К. Херманссона и заявлением Исполкома ЛПК по вопросу о Солженицыне, сославшись на поручение, передайте руководству ЛПК следующее:

"Как видно из печати, председатель Левой партии — коммунисты т. Херманссон выступил с заявлениями, в которых с недружественных Советскому Союзу позиций освещает вопрос, связанный с Солженицыным, и ставит под сомнение правомерность акции по выдворению его за пределы СССР. В опубликованном в газетах заявлении

Исполкома ЛПК по указанному вопросу также нашла отражение эта линия.

КПСС, как об этом хорошо известно шведским товарищам, в своих взаимоотношениях с братскими партиями руководствуется принципами пролетарского интернационализма, солидарности и взаимной поддержки, уважения самостоятельности и равноправия, невмешательства во внутренние дела друг друга. Мы считаем, что выступления т. Херманссона и заявление Исполкома ЛПК противоречат этим принципам, так как представители руководства ЛПК публично подвергли необоснованной критике политику КПСС и Советского государства, фактически поддержав антисоветскую кампанию, развернутую реакционными силами на Западе.

ЦК КПСС неоднократно информировал руководство ЛПК, как и других братских партий, по существу вопроса о Солженицыне. Речь идет о том, что Солженицын вот уже в течение многих лет выступает с позиций, откровенно враждебных социализму и международному революционному движению. Он пошел на прямое сотрудничество с силами империалистической реакции, действующими с целью уничтожения реального социализма, встал на путь неприкрытого нарушения советских законов, на путь предательства.

Своими антисоветскими действиями Солженицын раскрыл свое подлинное лицо, как человека, враждебного делу прогресса и социализма, делу мира и безопасности народов. Поэтому лишение Солженицына советского гражданства и выдворение его из пределов СССР находит полную поддержку советского народа и встречает правильное понимание со стороны братских партий, в том числе компартий стран Северной Европы, а также международной прогрессивной общественности.

Тем более у нас не могут не вызвать удивления выступления т. Херманссона и заявление Исполкома ЛПК. Мы решительно отвергаем утверждение о том, что выдворение Солженицына является нарушением социалистической демократии. Известно, что демократические права и свободы гарантируются советским гражданам Конституцией, советским законодательством и, в отличие от буржуазных государств, наполняются реальным содержанием в нашем социалистическом обществе, где власть принадлежит трудящимся.

КПСС и Советское государство последовательно проводят курс на укрепление социалистической законности, дальнейшее совершенствование социалистической демок-

ратии. Однако мы, коммунисты, не можем допустить злоупотребления кем бы то ни было демократическими правами и свободами в целях подрыва социалистического строя, который наш народ завоевал и защитил в упорной борьбе и ценой больших жертв.

Как раз на путь злоупотребления свободой слова и печати встал Солженицын. Шведские товарищи, видимо, знают, что он в течение ряда лет распространял злобные инсинуации в отношении нашей партии, Советского государства, советского народа, прямо обращался к внешней реакции с призывом оказать давление на СССР, вмешаться в его внутренние дела. Он открыто одобрял все формы борьбы против социализма, включая подпольную подрывную деятельность и вооруженную борьбу.

Что касается высказанного в заявлении Исполкома ЛПК положения о том, что на Солженицына следовало бы воздействовать путем открытой и свободной дискуссии, то мы уже информировали вас, что советская общественность, наши писатели в течение долгого времени пытались убеждать Солженицына, надеясь, что он откажется от борьбы против социализма. Однако он не только продолжал свою антисоветскую деятельность, но и встал на путь прямого нарушения существующих законов, участвуя в проведении враждебных действий против своей родины, что по советским законам, да и по законам любого государства, является государственным преступлением — изменой родине. Солженицын прямо заявлял, что он вообще не признает власти советского закона над своей личностью. Поэтому возникла необходимость применить к Солженицыну известные меры.

Мы выражаем надежду, что шведские товарищи примут во внимание изложенные соображения и не позволят втянуть себя в реакционную, антисоветскую кампанию, которая направлена как против реального социализма, так и против общего дела коммунистов всех стран.

Весь опыт развития нашего движения показывает, что только единство действий братских партий, международная солидарность коммунистов являются надежным залогом успеха в общей борьбе за мир, демократию и социализм".

Для совпосла. Можете ознакомить с настоящим посланием т. Левенборга или его представителя. Если шведские товарищи попросят передать им письменный текст этого обращения, можете сделать это.

Исполнение телеграфируйте.

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 92—95. Выписка из протокола.

№ 157

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР и КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 536/ГС 1 марта 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

В Посольство СССР в Швейцарии 25 февраля с. г. поступила просьба Федеральной правительственной канцелярии о легализации доверенности Солженицына, в которой он поручает своей жене, Солженицыной Н. Д., проживающей в Москве, получить из Внешпосылторга в виде сертификатов переведенные ему из Всесоюзного агентства по авторским правам в январе—феврале текущего года авторские гонорары в английских фунтах и финских марках (с учетом вычетов — около 700 инвалютных рублей). Доверенность заверена необходимыми подписями и печатями швейцарских компетентных учреждений.

Юридических оснований для отказа швейцарцам в выполнении их просьбы относительно легализации доверенности Солженицына нет (легализация состоит в проверке соответствия легализуемого документа действующим законам, а также в установлении подлинности подписи на документе должностного лица и в свидетельствовании этой подписи). Отказ с нашей стороны легализовать указанную доверенность мог бы быть только использован враждебными нам кругами в антисоветских целях.

В то же время по политическим соображениям было бы нежелательно, чтобы Посольство СССР в Швейцарии было причастно к урегулированию имущественных дел Солженицына.

В связи с этим КГБ при Совете Министров СССР и МИД СССР полагали бы целесообразным, чтобы Внешторгбанк СССР перечислил без удержания налога и комиссионных отчислений полученные Всесоюзным агентством по авторским правам суммы упомянутого авторского гонорара Солженицына на его счет в швейцарском банке.

В этом случае Посольство СССР в Берне могло бы возвратить швейцарским властям полученную от них доверенность Солженицына и сообщить им, что вопрос о легализации этой доверенности отпал, так как упомянутые в его доверенности средства после выдворения Солженицына из СССР были переведены на его счет в швейцарском банке.

Просим рассмотреть[2].

В. Кузнецов *С. Цвигун*

Ф. 3, оп. 69, д. 1160, л. 5. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 1 марта 1974 г. за № 127-106

[2]5 марта 1974 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П128/23 (см. документ № 158)

№ 158

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "О суммах авторского гонорара Солженицына"

№ П128/23 5 марта 1974 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Поручить Внешторгбанку СССР срочно перечислить без удержания налога и комиссионных отчислений полученные Всесоюзным агентством по авторским правам суммы авторского гонорара Солженицына на его счет в швейцарском банке.

2. Поручить МИД СССР дать указание Посольству СССР в Швейцарии возвратить швейцарским властям полученную от них доверенность Солженицына и сообщить им, что вопрос о легализации этой доверенности отпал, так как упомянутые в его доверенности средства после выдворения Солженицына из СССР были переведены на его счет в швейцарском банке.

3. Обязать Внешторгбанк СССР не принимать впредь сумм авторского гонорара в случае их перевода из-за границы на имя Солженицына.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 96. Выписка из протокола.

№ 159

ЗАПИСКА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР[1]

№ 154сс 20 марта 1974 г.

Сов. секретно

Ц К К П С С

На имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Подгорного Н. В. поступило заявление Солженицыной (Светловой) Н. Д. с просьбой разрешить ей выезд в Швейцарию к мужу — Солженицыну А. И., вместе с четырьмя детьми и матерью. Она просит также разрешить ей вывезти библиотеку и архив мужа. Солженицына Н. Д. и ее мать — Светлова Е. Ф. просят выдать им выездные визы со сроком действия не менее чем на один месяц.

В соответствии с поручением товарища Подгорного Н. В. это заявление было рассмотрено у Секретаря Президиума Верховного Совета СССР с участием заместителя Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР Чебрикова В. М., первого заместителя Генерального Прокурора СССР Малярова М. П., заместителя Министра внутренних дел СССР Шумилина Б. Т., начальника Управления МВД СССР Глебова И. А.

В сообщении ТАСС, опубликованном в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1974 года о лишении гражданства и выдворении за пределы СССР Солженицына А. И., было сказано, что его семья сможет выехать к нему как только сочтет необходимым. В связи с этим, в данном случае, вопросов, относящихся к компетенции Президиума Верховного Совета СССР, не имеется. Поэтому сочтено целесообразным направить указанное заявление Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерству внутренних дел СССР для решения вопроса в установленном порядке.

При этом предполагается, что другие поставленные в заявлении и возникающие в связи с ним вопросы, могут быть разрешены следующим образом.

Учитывая, что Солженицын был выдворен за пределы СССР, МВД СССР и Минфин СССР в данном случае не будут взыскивать с выезжающих к нему членов семьи государственной пошлины за выезд из СССР.

Сам Солженицын в своем заявлении, написанном в день выдворения, также просит о вывозе библиотеки и архива, "почти целиком состоящего из романа "Октябрь Шестнадцатого", материалов к нему и к следующему "Март Семнадцатого". Комитет государственной безопасности, Прокуратура СССР и МВД СССР считают возможным вывоз архива при условии тщательного с ним ознакомления при таможенном досмотре. Вывоз библиотеки также не вызывает возражений.

Копии заявлений Н. Д. Солженицыной и А. И. Солженицына прилагаются.

Докладываем в порядке информации.

М. Георгадзе

Приложение 1

Председателю Президиума
Верховного Совета СССР т. Подгорному Н. В.

Мне зачтен подписанный Вами Указ о лишении меня гражданства СССР от 12 февраля 1974 г.

Я могу ехать только в полном составе своей семьи:
жены — Солженицыной Натальи Дмитриевны
сыновей — Солженицыных Ермолая, Игната, Степана, Тюрина Дмитрия
тещи — Светловой Екатерины Фердинандовны.

И прошу Вас дать нам возможность вместе собраться и вместе выехать.

Кроме того, прошу Вас дать разрешение и практическую возможность выехать к месту нового пребывания моей тетке — Щербак Ирине Ивановне (проживающей г. Георгиевск Ставропольского края, ул. Линейная,93).

Также прошу Вашего разрешения на беспрепятственный вывоз моей библиотеки и моего литературного архива, почти целиком состоящего из романа "Октябрь Шестнадцатого", материалов к нему и к следующему — "Март Семнадцатого".

А. Солженицын

13 февраля 1974

Приложение 2

Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному

Поскольку Указ Президиума о высылке Александра Исаевича Солженицына фактически лишил его семью возможности жить на родине, прошу осуществить заявленные гарантии нашего выезда и беспрепятственного вывоза архива и библиотеки А. И. Солженицына.

14 марта 1974

(Н. Солженицына)

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 99—102. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе резолюция: "Вкруговую по П/Б. Можно согл. озн. Кириленко" и подписи А. Косыгина, К. Мазурова, А. Гречко, Д. Полянского, А. Шелепина, Ф. Кулакова, А. Громыко, М. Суслова, Ю. Андропова. На последнем — справка: "Тов. Георгадзе М. П. сообщено. В. Галкин. 28.03.74". На обороте запись: "т. т. Гришин — болен, Пельше, Подгорный — в отпуске. 29.04.73г."

№ 160

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 1168-А 2 мая 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности информирует о том, что СОЛЖЕНИЦЫН после лишения его советского гражданства и выдворения за рубеж остается на враждебных позициях и вынашивает планы проведения подрывной деятельности против СССР.

Проживая в Цюрихе, он установил, в частности, контакты с представителями чехословацкой эмиграции в Швейцарии, с помощью которых намерен организовать доставку в Советский Союз нелегальным путем своих сочинений и других материалов антисоветской направленности. В одной из бесед с чехословацкими эмигрантами СОЛЖЕНИЦЫН заявил, что его дальнейшая деятельность будет подчинена прежде всего интересам "оппозиции

внутри СССР". При этом он подчеркнул, что "диссиденты (САХАРОВ, ШАФАРЕВИЧ, ГИНЗБУРГ и др.) в настоящее время не способны к проведению эффективной пропагандистской деятельности и на этом этапе необходимо организовать и оформить их движение".

Наряду с этим СОЛЖЕНИЦЫН продолжает выступать в западной прессе с клеветническими заявлениями. Так, в апреле месяце им были сделаны два заявления в поддержку ГРИГОРЕНКО, НЕКРАСОВА и ГИНЗБУРГА, якобы преследующихся советскими властями. В марте СОЛЖЕНИЦЫН дал принципиальное согласие выступить на радиостанции "Свобода" и на публикацию 2-й и 3-й частей антисоветского пасквиля "Архипелаг Гулаг".

По имеющимся данным, семья СОЛЖЕНИЦЫНА в настоящее время испытывает серьезные бытовые затруднения. Так, например, жена СОЛЖЕНИЦЫНА в телефонном разговоре со своими московскими друзьями заявила, что условия жизни для советских граждан в Швейцарии плохие, и убеждала их "по своей воле сюда не ехать".

Комитет госбезопасности, с учетом складывающейся обстановки, продолжает наблюдение за СОЛЖЕНИЦЫНЫМ и его единомышленниками, оставшимися в СССР.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 114—115. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 5 мая 1974 г. за № П894

№ 161

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР[1]

№ 2035-А 24 июля 1974 г.

Секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности информирует о вновь полученных материалах в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА.

Поселившись в Цюрихе, СОЛЖЕНИЦЫН первое время воздерживался от каких-либо публичных выступлений,

однако остался на враждебных позициях и не отказался от подрывной деятельности против СССР. В одной из частных бесед он недвусмысленно заявил, что подчиняет себя интересам "оппозиции внутри СССР", так как "диссиденты в настоящее время не способны к проведению эффективной пропагандистской деятельности и на этом этапе необходимо организовать и оформить их движение".

В марте с. г. в беседе с представителями чехословацкой эмиграции в Швейцарии, с которыми СОЛЖЕНИЦЫН установил и поддерживает постоянные контакты, он высказал свою точку зрения о т. н. "демократическом движении в СССР". По его мнению, отдельные участники "движения" ошибочно утверждали, что для активизации борьбы против коммунизма следует опираться прежде всего на международную общественность, под давлением которой Советское правительство якобы вынуждено будет отступить. Сторонником такой тактики, по заявлению СОЛЖЕНИЦЫНА, являлся САХАРОВ. Критикуя позицию САХАРОВА, СОЛЖЕНИЦЫН считает, что в первую очередь необходимо оказывать воздействие на группировки среди советской интеллигенции и молодежи и таким путем бороться за изменение государственного строя в Советском Союзе. По словам СОЛЖЕНИЦЫНА, на этой почве между ним и САХАРОВЫМ, которого он называет "сумасшедшим и безответственным человеком", возникли глубокие личные разногласия.

Предпринимая практические шаги по реализации своих замыслов, СОЛЖЕНИЦЫН учредил и зарегистрировал в Швейцарии т. н. "Русский социальный фонд", в который будет поступать "авторский гонорар от продажи "Архипелага ГУЛаг" и других его работ" якобы для "оказания помощи семьям политзаключенных, содержащихся в советских лагерях". Одновременно СОЛЖЕНИЦЫН принимает меры к завершению издания и заключает новые контракты на опубликование "Архипелага ГУЛаг", нелегальную засылку которого в Советский Союз намеревается осуществлять с помощью чехословацких эмигрантов в Швейцарии.

Имеющиеся материалы свидетельствуют также о том, что после выдворения СОЛЖЕНИЦЫНА за рубеж интерес к нему на Западе неуклонно падает. Характерна в этом отношении, в частности, реакция некоторых чехословацких эмигрантов, участвовавших во встрече с СО-

ЛЖЕНИЦЫНЫМ. По их мнению, СОЛЖЕНИЦЫН — "заносчивый царский шовинист", отрицает идеи демократии и социализма, "на чехов смотрит как на латвийцев или эстонцев, т. е. как на губернию".

В настоящее время в западной прессе все чаще стали появляться материалы о противоречивости и несостоятельности политических амбиций СОЛЖЕНИЦЫНА.

Комитетом госбезопасности принимаются меры к локализации попыток СОЛЖЕНИЦЫНА проводить враждебную деятельность, дальнейшей компрометации его перед советской и мировой общественностью, усилению наблюдения за лицами, оказывавшими поддержку СОЛЖЕНИЦЫНУ в период его проживания в Советском Союзе.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 647, л. 117—118. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе резолюция: "Вкруговую" и подписи М. Суслова, Ф. Кулакова, А. Косыгина, Н. Подгорного, А. Шелепина, В. Гришина, Б. Пономарева, К. Мазурова, А. Кириленко, А. Пельше, П. Демичева, Д. Полянского; на обороте — помета:"т. т. Гречко, Громыко — в отпуске. 29.VII.74г."

1975

№ 162

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
"О книге "Бодался теленок с дубом" и дальнейшей компрометации СОЛЖЕНИЦЫНА"[1]

№ 1437-А 6 июня 1975 г.

Секретно

Ц К К П С С

Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР докладывает о том, что публикация в различных органах буржуазной печати выгодных нам материалов и документов привела к некоторой переоценке западной общественностью личности СОЛЖЕНИЦЫНА. Падение интереса к его личности вынудило СОЛЖЕНИЦЫНА к ряду непродуманных выступлений и публикаций. В частности, СОЛЖЕНИЦЫН в издательстве "Имка-Пресс" (Франция) опубликовал книгу под названием "Бодался теленок с дубом", рукопись которой, по его заявлению, была вывезена из Советского Союза западногерманским писателем Г. БЕЛЛЕМ (книга и ее краткая аннотация прилагаются). Одновременно СОЛЖЕНИЦЫН заявил о "продвижении к концу работы над очередными "узлами" — "Октябрь шестнадцатого" и "Март семнадцатого", являющихся продолжением пасквиля "Август четырнадцатого".

В целях рекламы книги "Бодался теленок с дубом" СОЛЖЕНИЦЫН прибыл в Париж, где 11 апреля с. г. принял участие в телевизионной передаче, посвященной выходу в свет указанного сочинения. В ходе этой передачи СОЛЖЕНИЦЫН выступал с махровых антисоветских позиций и проповедовал настолько реакционные взгляды по ряду вопросов, что привел в смятение даже приглашенных на передачу представителей французской буржуазной прессы. СОЛЖЕНИЦЫН, в частности, осудил западные страны за то, что они не оказывают дей-

ственную помощь реакционным режимам в Пномпене и Сайгоне в борьбе против "коммунистической" агрессии, и заявил, что "...победа народно-освободительных сил в Камбодже и Южном Вьетнаме самое худшее, что могло бы произойти с народами этих стран".

Выступление СОЛЖЕНИЦЫНА произвело крайне неблагоприятное впечатление на французскую общественность, и организаторы передачи вынуждены были "разъяснить" в печати отдельные положения.

По имеющимся данным, в очередных "узлах" "Октябрь шестнадцатого" и "Март семнадцатого" СОЛЖЕНИЦЫН пытается искаженно трактовать роль В. И. Ленина в Великой Октябрьской социалистической революции и стремится всячески выпятить роль лидера "рабочей оппозиции" ШЛЯПНИКОВА. Некоторую часть фактического материала для написания указанных "узлов" СОЛЖЕНИЦЫН получил от бывшего члена Союзного бюро меньшевиков М. ЯКУБОВИЧА. По мнению самого ЯКУБОВИЧА, СОЛЖЕНИЦЫН намеревается фальсифицировать полученные от него материалы с целью неправильной трактовки роли отдельных деятелей революции. В связи с этим от ЯКУБОВИЧА нами были получены дополнительные сведения, которые дают возможность разоблачить СОЛЖЕНИЦЫНА как фальсификатора истории.

На базе полученных от ЯКУБОВИЧА материалов, а также на основе книги Н. ЯКОВЛЕВА "1-е августа 1914" имеется в виду подготовить соответствующие публикации. Рассчитываем, что они нанесут ущерб СОЛЖЕНИЦЫНУ, так как и тот и другой автор использовали в своих работах фактический материал, включаемый СОЛЖЕНИЦЫНЫМ в свои книги "Октябрь шестнадцатого" и "Март семнадцатого".

Эти публикации будут распространены по каналам АПН за рубежом.

Просим согласия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Приложение

АННОТАЦИЯ
книги "Бодался теленок с дубом", автор А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, издательство "Имка-Пресс", Париж, 1975 год, 629 страниц

Книга "Бодался теленок с дубом" имеет подзаголовок "Очерки литературной жизни", состоит из краткого вступ-

ления, десяти глав и приложения, в которое включены так называемые открытые письма СОЛЖЕНИЦЫНА, его заявления, интервью и некоторые другие материалы.

В книге СОЛЖЕНИЦЫН описывает отдельные периоды своей жизни с момента подготовки к публикации повести “Один день Ивана Денисовича” до высылки за границу в феврале 1974 года, раскрывает свои взаимоотношения с органами государственной власти, редколлегией журнала “Новый мир”, представителями творческой и научной интеллигенции. Название книги аллегорично. СОЛЖЕНИЦЫН делает попытку представить себя в качестве “теленка”, которому оказалось не под силу справиться с “дубом” (Советским государством).

Характерно, что на протяжении всего повествования СОЛЖЕНИЦЫН с циничной откровенностью разоблачает себя как непримиримого врага социализма и власти трудящихся. Красной нитью через всю книгу проходит ненависть автора к марксистско-ленинской идеологии и Коммунистической партии Советского Союза. СОЛЖЕНИЦЫН на сей раз даже и не пытается скрывать своего презрительного отношения к творческой интеллигенции, которую обвиняет в трусости и конформизме, к подавляющему большинству печатных органов творческих союзов, а наряду с этим, в силу гипертрофированного самомнения, постоянно акцентирует внимание читателей на “исключительности” той роли, которую он якобы играл в политической и общественной жизни страны в 60-е — 70-е годы.

В первой главе повести СОЛЖЕНИЦЫН отмечает, что начал писать свои произведения, не надеясь когда-либо опубликовать их. Однако вскоре после XXII съезда КПСС и выступления на нем ТВАРДОВСКОГО, по словам СОЛЖЕНИЦЫНА, настал “долгожданный страшный радостный момент — тот миг, когда я должен высунуть макушку из-под воды... пропустить редкого мига... нельзя!”

В последующих главах СОЛЖЕНИЦЫН описывает, как ему удалось передать рукопись “Одного дня Ивана Денисовича” ТВАРДОВСКОМУ, историю ее публикации, останавливается на своих личных взаимоотношениях с ТВАРДОВСКИМ, членами редколлегии журнала “Новый мир”, Секретариатом СП СССР, рассказывает о подготовке публикации повести “Раковый корпус”. Обращает на себя внимание, что, делая легкий реверанс в сторону лишь пятерых современных советских писателей (ШУКШИН, МОЖАЕВ, ТЕНДРЯКОВ, БЕЛОВ, СОЛОУХИН), обо всех остальных представителях творческой интелли-

генции СОЛЖЕНИЦЫН высказывается с позиций крайнего пренебрежения и высокомерия, а в ряде случаев и просто в оскорбительном тоне. Союз писателей СССР он расценивает как "глумливое торжище в литературном храме, достойное только верvяного бича", а давая характеристику заместителю ТВАРДОВСКОГО — А. Г. ДЕМЕНТЬЕВУ, СОЛЖЕНИЦЫН пишет: "... ДЕМЕНТЬЕВ, кто в злом 1949 году не замялся на должности палача-парторга ленинградской писательской организации, а в хрущевские времена стал комиссаром самого либерального журнала ...послан был сюда? — долею освежиться, долею очиститься, — но и не пущать же!". И далее, говоря о выступлении ДЕМЕНТЬЕВА на обсуждении в редакции повести "Один день Ивана Денисовича": "Распаленным яростным кабаном выглядел ДЕМЕНТЬЕВ к концу своего монолога, и положить бы сейчас перед ним полтораста страниц моей повести — он бы, кажется, клыками их разметал".

В целом положительно отзываясь о ТВАРДОВСКОМ, признавая его талант поэта, СОЛЖЕНИЦЫН не может удержаться от постоянного акцентирования внимания читателей на его болезни. Описывая многочисленные свои ссоры с главным редактором "Нового мира", СОЛЖЕНИЦЫН обвиняет его в соглашательстве с государственной властью, а в качестве основной причины этих ссор, да и самой болезни ТВАРДОВСКОГО, указывает на его принадлежность к КПСС: "Сам в эти месяцы душимый, — он помогал и меня душить ... Не проходит поэту безнаказанно столько лет состоять в партии... в одном я понял ТВАРДОВСКОГО: ему тридцать пять лет чем же было снимать это досадливое, жгущее, постыдное и бесплодное напряжение, если не водкой?.. Вот и брось в него камень".

Перечеркивая весь путь развития советской литературы и извращая факты, СОЛЖЕНИЦЫН клеветнически утверждает о якобы имеющемся угнетении и цензурных ограничениях нашей литературы, о бесправном положении советских писателей.

В ряде глав книги СОЛЖЕНИЦЫН описыват, как играя на доверии ТВАРДОВСКОГО, несмотря на категорический запрет с его стороны, он активно распространял свои сочинения в "самиздате". В этих же главах проскальзывает чувство уязвленного самолюбия автора, затаившего обиду из-за неприсуждения ему Ленинской премии по литературе. Так, СОЛЖЕНИЦЫН пишет: "Да,

я раздаю!! Я написал — я и раздаю! Провалитесь все ваши издательства! — мою книгу хватают из рук, читают и печатают ночами, она станет литературным фактом прежде, чем вы рот свой раззявите! Пусть ваши ленинские лауреаты попробуют так распространить свои рукописи!". И далее:"Кончая 1-ю часть "Корпуса", я видел, конечно, что в печать ее не возьмут. Главная установка моя была — Самиздат".

Солженицын не скрывает и того факта, что, распространяя свои сочинения в "самиздате", он преследовал цель последующей передачи их на Запад для публикации.

Наиболее резкие антисоветские пасквили он, опасаясь привлечения к уголовной ответственности, в "самиздате" не распространял, а передавал на Запад лично, по сугубо законспирированному каналу: "Теперь имею возможность открыть, во что поверить почти нельзя... что все передачи на Запад я совершал не через посредников, не через цепочку людей, а сам, своими руками!".

Пытаясь опорочить ленинское положение о партийности литературы и принцип социалистического реализма в искусстве, СОЛЖЕНИЦЫН стремится доказать, что между творческой интеллигенцией и государственной властью существуют непреодолимые антагонистические противоречия, т. к. "в нашей стране не кто иной, как именно сама власть, от кровожадно-юных дней своих, загнала всю художественную литературу в политический жолоб — долбленый, неструганый".

С патологической ненавистью относится сам СОЛЖЕНИЦЫН к Советской власти и диктатуре пролетариата. В большинстве глав книги имеются его откровенные высказывания по этому поводу: "Давно мечтаю: какой-нибудь фотограф подготовил бы такой альбом: ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА. Никаких пояснений, никакого текста, только ЛИЦА — двести-триста чванных, разъеденных, сонных и свирепых морд — как они в автомобили садятся, как на трибуны восходят, как за письменными столами возвышаются — никаких пояснений, только: ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА!".

Призывая вести борьбу с Советской властью, СОЛЖЕНИЦЫН, не зная предела своей наглости, заявляет о том, что с руководителями государства нужно говорить только с позиции силы, создавать как можно больше шу-

михи на Западе, но саму борьбу вести именно в Советском Союзе. В этой связи он пишет: "... проявить силу. Как хорошо они понимают этот язык! ТОЛЬКО ЭТОТ ЯЗЫК! ОДИН ЭТОТ ЯЗЫК... КУЛАК они уважают, больше ничего, чем сильней кулаком их улупишь — тем и безопасней... Не пожалел я об этом ни разу: врезал им — чего только не сказал! С тем, что я нагрохал — ни э т и м вождям, ни следующим не разделаться и за пятьдесят лет... Напечатал "Архипелаг", в самой лучшей позиции — о т с ю д а!.. Напечатай я... с Запада — половины бы не было его убойной силы".

В юродствовании на религиозной основе СОЛЖЕНИЦЫН доходит до того, что пытается изобразить себя неким карающим мечом божьим:"я — только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!"

В ряде глав книги СОЛЖЕНИЦЫН описывает взаимоотношения с членами своей семьи, отмечая, что вторая его жена — Н. СВЕТЛОВА, была не только единомышленником и верной помощницей, но и часто подсказывала те или иные варианты поведения, давала советы и т. д. Одна глава книги посвящена периоду присуждения СОЛЖЕНИЦЫНУ Нобелевской премии по литературе.

В некоторых главах повести автор, не останавливаясь перед откровенной фальсификацией и клеветой, рассказывает о якобы имевших место "преследованиях" его со стороны КГБ и других органов государственной власти.

В целом книга содержит обширный материал для разоблачения СОЛЖЕНИЦЫНА как ярого классового врага, убежденного политического противника государственного и общественного строя Советского Союза и других социалистических стран.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КГБ
при СМ СССР (*БОБКОВ*)

Ф. 3, оп. 80, д. 663, л. 1—9. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На первом листе подписи М. Суслова, А. Кириленко, Б. Пономарева и запись:"КГБ при СМ СССР(т. Лаптеву П. П.) сообщено, что замечаний нет. 2. Книга оставлена в Секретариате тов. Суслова М. Доложено. С. Аветисян. 18.VI.75."

№ 163

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

"О публикации в итальянской газете "Унита" открытого письма В. А. Твардовской Солженицыну"[1]

№ 1812-А 11 июля 1975 г.

Сов. секретно

ЦК КПСС

Комитетом государственной безопасности с разрешения ЦК КПСС (наш № 1437-А от 6 июня 1975 года)[2] проводятся мероприятия по дискредитации СОЛЖЕНИЦЫНА и его антисоветских сочинений перед мировой общественностью.

В связи с этим в итальянской газете "Унита" 24 июня сего года опубликовано открытое письмо (газета и перевод письма прилагаются)[3] дочери ТВАРДОВСКОГО — В. А. ТВАРДОВСКОЙ, научного сотрудника Института истории Академии наук СССР, в котором она на конкретных фактах изобличает СОЛЖЕНИЦЫНА в грубом извращении роли ТВАРДОВСКОГО в его писательской судьбе. ТВАРДОВСКАЯ обвиняет СОЛЖЕНИЦЫНА также в гипертрофированном самомнении и попытках трактовать мировые события "сквозь призму своей предназначенности".

По имеющимся данным, письмо ТВАРДОВСКОЙ положительно воспринято западной общественностью.

Мероприятия по компрометации СОЛЖЕНИЦЫНА Комитетом государственной безопасности продолжаются.

Сообщаем в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Приложение

П Е Р Е В О Д

статьи из итальянской газеты "Унита" от 24.6.1975 года

Дочь поэта ТВАРДОВСКОГО рассказывает на страницах печати о писателе

ПИСЬМО СОЛЖЕНИЦЫНУ ИЗ МОСКВЫ

— В письме отвергается высказывание (СОЛЖЕНИЦЫНА) о бывшем главном редакторе "Нового мира" и

о том периоде в сознании и памяти непредубежденных людей, который начался с XX съезда КПСС;

— высказывание поверхностное и примитивное;

— "бывает простота, которая хуже воровства: эта простота обкрадывает душу и ум, лишая исторической перспективы, без которой призыв к мужеству и правде остается пустым словом".

От нашей редакции, Москва, июнь

В последней книге СОЛЖЕНИЦЫНА, вышедшей в настоящее время на Западе (название французского издания: "la chene et le veau") много говорится об Александре ТВАРДОВСКОМ, умершем в 1971 году. Это имя очень широко известно в советской поэзии, оно тесно связано с частью истории журнала "Новый мир", которым ТВАРДОВСКИЙ руководил в течение 16 лет. Личность и работа ТВАРДОВСКОГО особенно стали широко известны в период, следующий за поворотом, сделанным XX съездом. Именно "Новый мир" опубликовал первую работу СОЛЖЕНИЦЫНА "Один день Ивана Денисовича". Но в настоящее время, пишет дочь поэта Валентина Александровна, СОЛЖЕНИЦЫН искажает роль, которую играл ТВАРДОВСКИЙ в кругах советской интеллигенции. И для восстановления истины Валентина Александровна решила направить "Открытое письмо" СОЛЖЕНИЦЫНУ через газету "Унита", газету, которую читают и к мнению которой прислушиваются рабочие и интеллигенты. Дочь ТВАРДОВСКОГО напомнила нам, что ее отец знал и любил свою страну и ее культуру. "Я надеюсь, — сказал он нам, — что вы не забудете ваши гражданские, моральные и политические обязательства".

Валентина Александровна ТВАРДОВСКАЯ живет в Москве и работает в Институте истории Академии наук СССР. Совсем недавно в Италии в издательстве "Эдитори Реунити" вышла одна из ее книг о русском народничестве.

Что касается СОЛЖЕНИЦЫНА, то вот одна из последних его точек зрения: заявление, сделанное им неофашистскому итальянскому журналу, в котором он, между прочим, утверждает:"Следует правому антикоммунистическому крылу совершить последний крестовый поход, и среди этих правых поверий и цивилизаций я чувствую себя великолепно".

Карло БЕНЕДЕТТИ

Александр Исаевич!

Вы решили ознакомить мир со своей жизнью на родине в течение тех памятных лет, которые начались публикацией "Одного дня Ивана Денисовича" — событием поворотным не только для Вас, но и для многочисленных читателей, Ваших соотечественников. С этого момента жизнь Ваша стала общественным фактом.

"Я верю, что Вы выдержите испытания славой" — приводите Вы в книге слова Александра Трифоновича ТВАРДОВСКОГО, человека, который открыл — сначала себе, а потом читателям — Вас вместе с Вашим героем, Вашим писательским миром, вобравшим в себя целый пласт человеческой жизни нашего века. Открыл и принял, как то, без чего, уж и его собственное существование и существование других людей, представлялось ему уже не полным.

"Этой повести, — писал ТВАРДОВСКИЙ в статье "По случаю юбилея" (к сорокалетию "Нового мира", январь 1965), — попросту не могло не быть, она как бы уже была, такая, как есть, и только ждала часа своего появления на свет..." До сих пор, — отмечал далее А. Т., — СОЛЖЕНИЦЫН опубликовал всего четыре небольшие — по счету страниц — вещи, каждая из которых свидетельствовала о многостороннем развитии таланта автора, находящегося в лучшей писательской поре... "Перед нами большой, многообещающий путь, на котором, конечно, могут быть и трудности, и задержки, и промахи, но верится, будут и еще более значительные удачи и достижения".

Что было потом — достаточно известно с фактической стороны и вместе с тем нуждается в серьезном исследовании и оценке. Как историк я отдаю себе отчет, насколько такая задача трудна, вне зависимости от посторонних делу соображений и препятствий. У меня и в мыслях нет предпринимать такую попытку своими силами и тем более походя. Но и не откликнуться на Вашу книгу для меня невозможно. Слишком большое место отвели Вы в ней моему отцу. "Портрет" ТВАРДОВСКОГО составляет самое ядро Вашей версии развития советской литературы и истории за тот большой отрезок времени, исходным пунктом которого явился — в сознании и памяти большинства непредубежденных людей — XX съезд КПСС и начатый им процесс общественных и индивидуальных, внутричеловеческих перемен.

Прочитав книгу, убеждаешься, как далеки Вы от по-

нимания значимости этого процесса, которому, видно, суждено быть долгим и трудным, который, начавшись здесь, у нас, не ограничился — в самом важном, общечеловеческом смысле — нашей страной. Как далеки от понимания необратимости огромных сдвигов и перемен, заполнивших нынешнее столетие и особенно последние десятилетия его. У Вас свой отсчет событий, своя периодизация — от себя. И, конечно, соответственное понимание их смысла. Поверив в свой путь, предначертанный "свыше", в свое почти мистическое призвание — Вы все вокруг — и судьбы людские, которые пересеклись с Вашей, и события в своей стране и в мире рассматриваете сквозь призму этой своей предназначенности.

Над всей вереницей людей, прошедших по страницам Ваших воспоминаний, возвышаетесь Вы — единственный, кто знал и знает, что делать, куда идти. "Я вижу лучше, я вижу дальше, я решил" — в этих словах из Вашей книги — для меня весь Вы, Александр Исаевич — каким Вы были, и в еще большей степени, каким хотите выглядеть сейчас, "выпрямляя" собственную жизнь в соответствии с заданной целью. И ТВАРДОВСКИЙ для Вас — прежде всего — отражение Вашей жизни, только с отрицательным знаком, так сказать, анти-СОЛЖЕНИЦЫН. Не сразу заметишь ту нить, на которую Вы тщательно нанизываете все факты, но, заметив, уже не можешь за ней не следить. Нить эта, пронизывающая книгу, — несовместимость двух начал. Одно воплощается в Вас — Александре Исаевиче СОЛЖЕНИЦЫНЕ — цельном, лишенном сомнений и колебаний, всегда и везде идущем "напролом", последовательном в своем отрицании всего в нашей жизни, что имеет первоисточником революцию, идет от нее и уже потому обречено стать злом непоправимым, пока Россия не вернется к своим исконным устоям патриархальным, но подновленным под руководством свободной от идеологии технократической верхушки. Не только социализм, но и демократия в этом случае, конечно же, ни к чему.

Воплощение противоположного начала — ТВАРДОВСКИЙ, преданный революционной традиции, не отделявший себя от социальных сдвигов и перемен, заполнивших нынешнее столетие и у нас и за пределами России. ТВАРДОВСКИЙ, для которого марксизм "не был простым литературным балластом", ТВАРДОВСКИЙ, не принимавший мира "без его разграничения на капитализм и социализм", ТВАРДОВСКИЙ с красной книжечкой в на-

грудном кармане, о которую билось его сердце. Этот ТВАРДОВСКИЙ и есть анти-СОЛЖЕНИЦЫН, каким ему надлежит быть в Ваших глазах — двойственным, непоследовательным, слабосильным, без почвы во всем, что касается понимания его и настоящего и будущего.

Двойственность ТВАРДОВСКОГО — одна из краеугольных Ваших идей. Она видится Вам в том, что ТВАРДОВСКИЙ не отряхнул с себя того, что Вы считаете историческим прахом, не отряхнул, хотя и мучился теми страшными событиями и судьбами, которые неотделимы от определенной эпохи в истории нашей страны и только равнодушно-циничному или мертвенно-доктринерскому взгляду могут представляться частностями, просто "зигзагами". Но ведь и Вы, Александр Исаевич, не очень далеки от этого доктринерства, только вывернутого наизнанку. Вы тоже жаждете простых решений, однозначных формул.

Читая Вашу книгу, я снова и снова думала о том, что между Вами и А. Т. различия не просто во взглядах — они в самих основаниях личности. Вы человек раз навсегда решенных для себя вопросов. Все, о чем размышляет и страстно спорит мир — будь то история или современность, ЛЕНИН и Октябрь, необходимость социальной революции при новизне ее в нынешней, послевоенной эпохе, нарастающее единство мира, при все более явном его разнообразии, общее и частное, война во Вьетнаме или уотергейтское дело — все это Вам изначально ясно, все для Вас просто. Но есть простота, что хуже воровства, говорит русская пословица. Она обкрадывает души и мозг, лишая действительной исторической перспективы, без которой призыв к мужеству и правде, как бы красноречив он ни был, остается пустым звуком.

Для ТВАРДОВСКОГО же не было готовых ответов. Он был открыт вопросам, касалось ли это сокровенных проблем творчества или сложнейших проблем общественной жизни. И самым открытым для него до последних дней жизни был вопрос об исторической, объективной, бескомпромиссной оценке поколения, к которому принадлежал он сам, поколения, в сознании, делах, судьбах которого столь противоречиво соединились победы и поражения, ясность и слепота, мужество и бессилие. Несчетное число раз говорили мы с отцом на эту неотпускавшую его тему. А. Т. все отчетливее понимал, что ответ должен включать в себя всю эпоху без изъятия, без всякой "фигуры умолчания", что пробиться к глу-

бинам эпохи сможет только серьезная, ответственная перед собой и обществом мысль, не стесненная в своем развитии наперед данными, обтекаемыми "формулировками". И потому более всего волновало его, как помочь новым поколениям выработать самостоятельность мышления, критическое сознание, верность себе. Лишь в этом видел он подлинную марксистскую социалистическую и демократическую преемственность, но именно преемственность, продолжение развитием.

Нет, не к забвению призывал он, повторявший: "Память, как ты ни горька, будь зарубкой на века". Забвение было для него физически невозможно, самоубийственно. Но и память для него не была просто призывом к возмездию и покаянию. "На одной злобе, на одном отрицании ничего не построишь" — вот о чем говорил он, касаясь расхождений с Вами.

Раньше, в XIX веке, называли "иронией истории" отрицание, которое, будучи справедливым в самых глубоких своих стимулах и основах, оказывается вместе с тем бессильным освободить себя от многих свойств нравов и психологии отрицаемого. Ваша связанность неизжитым прошлым не вина Ваша, а беда — но ведь и объяснение — не оправдание. "Отдавая обстоятельствам то, что им принадлежит, мы не покроем, однако, ими людей, — люди тоже факты и пусть несут ответственность за свои дела". Это сказано одним из любимых писателей отца, одним из самых проницательных и нравственных представителей социалистической мысли России — ГЕРЦЕНОМ. Критерий, им заявленный, сегодня еще обязательнее и прежде всего для тех, кто считает себя поборником правды и справедливости.

"Жизнь научила меня плохому и плохому я верю сильнее", пишете Вы — и это не случайное для Вас признание. Вчитываясь в Вашу книгу, понимаешь, что в Вашей душе действительно живет вера в плохое, разрешающая Вам искать в любом человеке, с которым сталкивает Вас жизнь, прежде всего дурное, некую ущербность, слабость, неполноценность — все, что принижает человека. Я не стану сейчас говорить, насколько эта вера в плохое, в чем-то объяснимая трагическими обстоятельствами вашей жизни, отвечает нравственному смыслу тех произведений Ваших, которые А. Т. ценил как раз за прямо противоположное — за продолжение и обновление гуманистической традиции русской литературы. Веря плохому, Вы прежде всего изменяете себе — созда-

телю образа Ивана Денисовича. Но обращает на себя внимание и другое — то, что она, эта Ваша вера в плохое — не стихия, не бессознательное порождение темного чувства, с которым Вам трудно справиться, а скорее контролируемое Вами мироощущение. Ведь и люди, которые населяют Вашу книгу — я имею в виду не только тех, кого Вы заведомо считаете своими врагами, — все изображены так, что своими изъянами и слабостями, вымышленными или действительными, призваны служить контрастным фоном для Вас, своеобразным пьедесталом, на котором возвышаетесь Вы — Единственный. Результат, мне кажется, получился прямо противоположный. Разумеется, никто не имеет посягать на Ваше право изображать свою жизнь такой, как Вы ее видите сами, — любые воспоминания субъективны. Но когда человек решается сделать общим достоянием свою жизнь, ее уроки, ее смысл, тогда особенно отчетливо проступают свойства личности его, которые в других случаях не так бьют в глаза. И никакой талант художника не может скрыть их, наоборот, талантливость заостряет личное, выявляет подспудное. Трудно представить себе что-либо более поучительное в этом смысле, чем рисуемая Вами картина Ваших взаимоотношений с журналом, на страницах которого Вы начали свой писательский путь. С особой выпуклостью выявились здесь Ваши "волевые начала", авторитарность, нетерпимость. Именно эта нетерпимость к разномыслию с Вами — в основе вашей концепции несостоятельности ТВАРДОВСКОГО как поэта и редактора. Признавая убежденность ТВАРДОВСКОГО, Вы, в конечном счете, всегда разногласия с ним трактуете как результат его непоследовательности, заискивания перед властью, даже просто беспринципностью и трусостью. В основе освещения всех фактов — заведомая истинность Ваших мнений, столь же заведомая наперед данная неправота ТВАРДОВСКОГО, так и не сумевшего подняться до СОЛЖЕНИЦЫНА. Послушай ТВАРДОВСКИЙ Вас, и все было бы иначе. Что именно иначе? Ваша программа, в сущности, не очень велика. Главное, если не единственное в ней — публикация без всякого промедления всех до единого Ваших произведений. Невыполнение ее Вы прежде всего ставите в вину А. Т. Сегодня ТВАРДОВСКОГО нет, а история "Нового мира" еще не написана, и похоже, что это обстоятельство облегчает Вашу задачу.

Но откуда у Вас эта уверенность, что ТВАРДОВСКИЙ, у которого была, по Вашему же выражению, своя

"орбита", должен был тем не менее подчиниться Вашему влиянию, следовать за Вами. А если он не делал этого, если, высоко ценя Ваше сотрудничество, не мог и не хотел бы ни при каких обстоятельствах принести в жертву ему всю новомирскую прозу (представленную и теми именами, которые Вы сами относите к активу отечественной литературы, и другими), то, конечно же, потому, что сам вельможа, скованный своей номенклатурностью, он крепко держался за подлокотники редакторского кресла...

Известный девиз — "Кто не с нами, тот против нас" Вы, фактически, переделали на свой лад — "Кто не с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, тот против совести и правды". И с этой точки зрения для Вас нет фактически разницы между "Новым миром" и другими журналами, в том числе и относившимися к нему с явной враждебностью. Оценка "Нового мира" как журнала, находившегося на обочине литературной и общественной жизни, журнала, так и "не поднявшегося с колен", "умершего со согбенной спиной", не основывается на сколько-нибудь серьезном анализе литературного процесса. Как ни парадоксально, но при многочисленных страницах, посвященных Вами "Новому миру", этот журнал фактически отсутствует в Ваших "Очерках литературной жизни". В них есть лишь слабый, неспособный редактор и несколько карикатурно изображенных его сотрудников — подхалимов и трусов. Но журнал — это не только плохой или хороший редактор, не только редколлегия и небольшой редакционный коллектив в целом. Это — куда более обширный круг авторского актива, разнообразных представителей литературного мира, ученых и публицистов, тяготеющих к данному журналу, и не менее широкий круг авторов рецензий, статей; и, наконец, читательский актив, адресующий журналу свои отклики, замечания, пожелания и оценки изо всех краев, и больших и малых городов, и поселков страны. Все это в целом — есть существенная часть того, как бы трудно поддающегося учету, но вполне реального и весомого, что принято называть общественным мнением.

Ничего этого в Вашей книге нет и не могло быть — здесь Вы просто некомпетентны, не в курсе дел, за которыми не следили, но которым теперь беретесь выносить свой приговор. "Новый мир", который Вы, по собственному признанию, не читали, конечно же, казался Вам ненужным в том виде, каким он был в реальной действительности, не свободный от ее слабых сторон, но причастный к сильным, отражавший в себе и собою дви-

жение времени — по общему признанию сформировавший и своего читателя, и своего автора, притом автора, имевшего многообразный индивидуальный облик (кредо ТВАРДОВСКОГО — "все, что талантливо, все и правдиво в искусстве — все нам на пользу").

Думается, что для Ваших западных читателей, не знакомых с реальными фактами жизни, так и останется непонятным, почему же "Новый мир", говоря Вашими словами, "умер", когда ему следовало бы благоденствовать, извлекая пользу и из своей склонности к компромиссу. Но это странно, если стоять на почве действительности. Если же держаться Вашей нити, как уже говорилось, продернутой сквозь все воспоминания, то следует признать: свершилось предопределенное, осуществился приговор судьбы над теми, кто не захотел внимать Вам, знавшему истинное решение.

Авторитарность плохо уживается с нравственностью. И если нужны были дополнительные доказательства этому, Вы их представили книгой, своим способом переписывать историю.

Иллюстрируя свою концепцию несостоятельности ТВАРДОВСКОГО, его неспособности удержать в своих руках журнал, Вы рисуете его "заблудившимся, бессильным" человеком, опустившимся пленником собственного недуга, скованным по рукам и ногам своей "номенклатурностью, официальным положением "первого поэта России", окружившего себя беспринципными приспособленцами и в результате выронившего из своих "слабых рук" "Новый мир". Без такого ТВАРДОВСКОГО сооружаемый Вами для себя пьедестал был бы, видно, не так прочен и высок, как Вам бы хотелось, и Ваша миссия и исключительность, и единственность Ваших суждений о будущем могли бы показаться не столь убедительными, какими они кажутся Вам самому.

Но существуют элементарные нравственные правила, принятые всеми людьми, независимо от их убеждений и степени их развитости. Вы и здесь исключение? Утверждающий примат нравственности над политикой, Вы во имя своих личных политических замыслов считаете возможным преступить всякие пределы дозволенного. Вы позволяете себе бесцеремонно использовать подслушанное и подсмотренное в замочную скважину, приводите сплетни, взятые не из первых рук, не останавливаетесь даже

перед тем, чтобы "цитировать" ночной бред А. Т., записанный, по Вашему уверению, дословно. Призывающий людей "жить не по лжи", Вы с предельным цинизмом, хотя иной раз и не без кокетства, рассказываете, как сделали обман правилом в общении не только с теми, кого считали врагами, но с теми, кто протягивал Вам руку помощи, поддерживая в трудное для Вас время, доверяя Вам. Неужели Вы, называющий себя верующим христианином, пишущий слово Бог с большой буквы, не понимаете кощунственности всего этого. И сейчас, выворачивая наизнанку чужую жизнь, произвольно распоряжаясь сведениями о ней, случайно попавшими в Ваши руки, к себе Вы относитесь с предельной "личной бережностью", Вы откровенный ровно настолько, чтобы завоевать доверие читателя, а также оправдать в его глазах право на свое вторжение в самые запретные области чужой жизни. Но Вы отнюдь не склонны раскрыться с той полнотой, которая рекламируется в Вашей книге. Так, по-своему перетолковывая борьбу А. Т. за присуждение Ленинской премии повести "Один день Ивана Денисовича" (хотел-де орден получить за обложку своего журнала), Вы ведь ничего не говорите о своей готовности тогдашней обеими руками принять эту премию. И кто знает, какой могла бы оказаться судьба СОЛЖЕНИЦЫНА-лауреата? Кто знает, как бы повернулась она, если бы удалось Вам сотрудничество с журналом, находившимся в полемике с "Новым миром", которое Вы за спиной А. Т. двурушнически налаживали.

А как Вы рассказываете о себе в сценах ухода ТВАРДОВСКОГО из "Нового мира"? "Не уходите, Александр Трифонович", — уговаривали Вы его, думая про себя: давно ему следовало это сделать. Страшновато представить Вас в роли руководителя журнала или хотя бы единственного советника редактора. Генеральство и двоедушие отравили бы этому журналу жизнь и без всяких внешних стеснений.

Да, мемуары Ваши — не исповедь — нечто противоположное в прямом и переносном смысле этого слова. И все же картина, встающая из книги, явно не соответствует заданной цели. Так что же противопоставили Вы "двойственности" ТВАРДОВСКОГО, которую Вы усматриваете и которая так Вам не импонирует? Цельность

или закрытость всем вопросам, отстранение от исканий и сомнений? Последовательность или стояние на месте? Верность себе, но только одному себе, допускающую двоедушие в отношениях с другими? И Вы думаете, Александр Исаевич, что все это совместимо с высоким призванием Вашим? Тогда в чем оно сегодня, на деле?

Оспаривать нарисованный Вами портрет ТВАРДОВСКОГО, входя в детали жизни отца, доказывая противоположное по принципу: "не так", "не совсем так", "совсем не так", — занятие, с моей точки зрения, постыдное и бессмысленное. Ведь Вы-то знали, что делали, у Вас-то была определенная задача, и то, какими средствами Вы ее решили, пожалуй, более всего обнаруживает ее идейную и нравственную суть. Этой задаче и подчинялась Ваша память, ставшая своеобразно избирательной. Все, что способно нарушить нужную Вам картину, забывается, отбрасывается, замалчивается, отрицается. Местами было трудно-сознательное искажение истины или полное непонимание водит Вашим пером — но впечатление неправды не оставляло меня даже в тех местах, где Вы вроде бы дословно приводите слова А. Т. Вам помнится, например, что в разговоре с Вами ТВАРДОВСКИЙ не смог привести никаких доводов в пользу Революции, кроме одного: "Что бы со мной было, кем бы я был, если бы не революция!" То, что А. Т. назвал это в качестве единственного обоснования целесообразности революции — пусть, как и многое другое, останется на Вашей совести. Но характерно, как Вы поняли или, вернее, как не поняли эту фразу. Для Вас она — доказательство чуть ли не своекорыстной заинтересованности человека, которому социальная ломка позволила взобраться "наверх". Для ТВАРДОВСКОГО же его собственная судьба просто была частицей судьбы народа. Нужно совершенно не знать, не понимать этого человека, чтобы предположить, что в основу отношения к действительности он мог положить личные обстоятельства. И Вы обнаруживаете на каждом шагу такое незнание, непонимание. Не я буду свидетельствовать читателям Вашу неправду. Против Вас — все, что осталось от ТВАРДОВСКОГО, его собственные произведения, книжка журнала, редактировавшегося им шестнадцать лет, огромная переписка с писателями и читателями, его живой образ в памяти всех, знавших его. Все это — не ночной бред, не домыслы и измышления, не сплетни, которые нельзя проверить. Это — реальность, в которой

самой силы опровержения Ваших воспоминаний и которая со временем будет действовать против Вас только сильнее.

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КГБ
при СМ СССР *БОБКОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 648, л. 1—14. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]На первом листе подписи М. Суслова, А. Кириленко, Б. Пономарева
[2]См. документ № 162
[3]Газета не публикуется

№ 164

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
"О публикации в газете "Голос Родины" статьи ЯКОВЛЕВА "Теленок с пером" о СОЛЖЕНИЦЫНЕ"

№ 2337-А 30 августа 1975 г.

Секретно

Ц К К П С С

Комитет государственной безопасности направляет гранки статьи профессора ЯКОВЛЕВА Н. Н., написанной в связи с публикацией на Западе пасквиля СОЛЖЕНИЦЫНА "Бодался теленок с дубом" (сообщено № 1437-А от 6.7.75 г.)

Представляется целесообразным опубликовать статью ЯКОВЛЕВА в газете "Голос Родины", распространяемой за рубежом, а также продвинуть ее на Запад по каналам Агентства печати Новости.

Просим согласия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

"ТЕЛЕНОК С ПЕРОМ"

Перо" — на уголовном жаргоне — нож, финка.

Книга эта* — хроника (конечно, с оговоренными и неоговоренными пропусками) жития последних двадцати

*А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. IMKA—PRESS, PARIS, 1975.

лет самого великого человека нашего времени в понимании сочинителя, т. е. его самого. Нет, пожалуй, даже не человека, тут забирай повыше. А именно — "То и веселит меня, то и утерживает, что не я все задумываю и провожу, что я — только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!" (стр. 407—408).

Коль скоро сделана заявка на интимные отношения с богом, тогда не удивляет история книги. Все, что случалось с ним, в эти годы Солженицын торопился записать, а листочки те прилежно прятал в очередном укрывище. Теперь на Западе, на приятном досуге — "под окном моего горного домика — солнечная чаша швейцарских гор" (стр. 412) — собрал в книгу, только 629 страниц убористой печати. Подработал, дал подзаголовок "Очерки литературной жизни" и напечатал в Париже.

Вероятно, получив пухлый том, сочинитель сгоряча расстроился: "Сам себя проклиная за скучную обстоятельность, трачу время читателей и свое". Но тут же поправился: "Ни с чем не могу сравнить этого состояния — **облегчение от высказанного**... рявкнуть да не с крыши, не на площадь, а на целый мир" (стр. 181). И последовала циничная исповедь. Со страниц книги он предстал неописуемо обгаженным, причем только собственным радением.

На что он рассчитывает — уму непостижимо. В качестве рабочей гипотезы можно принять разве одну — вероятно, на Западе пакостник оказался в кругу таких подонков, среди которых исповедываемое им кредо общепринято и не бьет в нос. А чтобы перещеголять их, обратить на себя внимание, нужно выкинуть номер похлеще, что и попытался сделать честолюбец. И бойко заработал пером, совсем как уголовник ножом...

"А за голенищем-то нож,
и показать никак нельзя,
сразу все порушится"

— таким всегда (стр. 291), признался ныне Солженицын, он был во время короткой прогулки среди советских писателей. Тут не убавить, не прибавить, подлая получилась история. Иные наши проницательные литераторы на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов раскрыли объятия — из глубин безвестности выплыл талантище, да какой — глыба! Забыли мудрость народную, точно указавшую, что именно поверху плавает. Когда вместе с "Одним днем Ивана Денисовича" открыли его ав-

тора и привели в "Новый мир", то был день великого торжества в журнале. А. Т. Твардовский "все больше сиял. Сейчас был один из самых счастливых его моментов, именинником за столом был не я — он. Он смотрел на меня с доброжелательством, уже почти переходящим в любовь... Расспрашивали о моей жизни — прошлой и настоящей, и все смущенно смолкли, когда я бодро ответил, что зарабатываю преподаванием шестьдесят рублей в месяц, и мне этого хватает. (Я и не хотел полной ставки, чтобы время было, а при высокой зарплате жены мог семьи не содержать)... Да и одет я был в уровень со своей зарплатой. Властно и радостно распорядился Твардовский тут же заключить со мной договор по высшей принятой у них ставке (один аванс — моя двухлетняя зарплата). Я сидел как в дурмане, силясь удержать внимание на том, чтобы не сказать о себе лишнего... Говорила лиса мужику: ты мне дай только на воз лапку положить, а вся-то я и сама вспрыгну. Так и со мной" (стр.30,32).

Так дебютировал страдалец в литературе. Дружеское рукопожатие добрейших литераторов, однако, повисло в воздухе. Далеко не был он искренен с прекраснодушными, густо облепившими долгоовальный стол редколлегии. Новоявленный правдострадатель был лжив до кончиков ногтей. Давно он наловчился ремеслу вышибать слезу жалости. По чистому недосмотру (вот он, неумолимый рок графоманов!) забыл, как за два десятка страниц до описания прекрасной сцены в "Новом мире" рассказал, как дело обстояло, например, со школой. И там не истины ради, а токмо подчеркнуть свою незаурядность: "Мало было тридцати учебных часов в школе, классного руководства, одинокого кухонного хозяйства (из-за тайны своего писания я и женится не мог); мало было самого подпольного писания..."

Прервем пока исповедь и отметим: со всех сторон тянулись тогда руки дружбы и участия, чтобы навсегда окончилось лихолетье жизни бедолаги. Помогали всем, чем могли. Директор школы дотянуться до кассы "Нового мира" не мог, но любой учитель оценит — тридцать часов в неделю, вырвал, выделил сердечному более полутора ставок. Где уж тут рядиться на шестьдесят рублей. Однако продолжим:

..."Еще надо было теперь учиться ремеслу — прятать написанное. А за одним ремеслом потянулось другое: самому делать с рукописей микрофильмы... а микрофильмы

потом — вделать в книжные обложки, двумя готовыми конвертами: США ... с кем-то знакомство, через него другое, там условная фраза в письме или при явке, там — кличка, там цепочка из нескольких человек, — просыпаешься однажды утром: батюшки, да ведь я давно подпольщик!" (стр. 9—10).

Прошляпили, а гусь лапчатый прямиком прошлепал в Союз советских писателей, под вздохи, стенания простаков, обильно смоченный слезами умиления. В ССП отряхнулся и началось! Благожелатели толковали с ним о высоком призвании литератора, ждали, что инженер человеческих душ займется прямым делом, но с удивлением, сначала слабым, подметили: тянет-то его отнюдь не к деятельности литературной. Надо думать, в прекрасной общине писателей немало обсуждали сей феномен между собой, да и с самим Солженицыным. О том, как оценил проходимец тех, кто желал ему по неистребимой интеллигентской слабинке добра и, наверное, откровенничал, пока промолчим. Проще тем, кто тогда рвался обнять гениального, покопаться в собственной душе, припомнить и на будущее крепко запомнить — пасквилянт еще не все выложил. Осталось и на завтра.

В клочковатых абзацах книги — многие имена и фамилии, события, факты, что было и чего, наверное, не было. Орудовала рука не дилетанта, а профессионала. В 1945 г. намесил Солженицын задушевному другу детства и юности Н. Д. Виткевичу десять лет заключения, вознаградил за предшествовавшую восемнадцатилетнюю дружбу. Так то был только первый шаг, на следствии. В лагере для него, ставшего штатным осведомителем под псевдонимом "Ветров", открылись куда большие перспективы. Он исправно строчил доносы на заключенных, но, как признал в третьей части "Архипелага ГУЛаг", при этом очень терзался. "Я вздыхаю, — кривляется в зарубежье Солженицын, вспоминая о тех годах. — Я успокаиваю себя оговорочками и ставлю подпись о продаже души. О продаже души для спасения тела" ("Архипелаг ГУЛаг", чч. 3—4. Париж, 1974, стр. 359). Насчет вздохов он хватил через край. Виткевич, встретившись много лет спустя с Солженицыным и памятуя его предательство, все же не стал говорить об этом, ибо, "зная моего друга, я не сомневался в том, что он все равно посчитал бы себя правым и сослался бы на то, что его главной задачей было спасти для России великого писателя" ("В круге последнем", АПН. 1974, стр. 141—142).

Солженицын-Ветров очень разгневался на бывшего друга, заподозрившего его в душевной черствости. В заявлении 2 февраля 1974 г. он нашел, что Виткевич стал на путь "клеветы и личной дискредитации", а в "Архипелаге ГУЛаг" раскрыл глубины своей чувствительности: "ВЕТРОВ. Эти шесть букв выкаляются в моей памяти позорными трещинами. Ведь я же хотел умереть с людьми! Я же готов был умереть с людьми! Как получилось, что я остался жить во псах?" ("Архипелаг ГУЛаг", стр. 359). Продолжим солженицынское многоточие — псом смердящим, готовым загубить всех и вся ради своей шелудивой шкуры. Но хватит об этом. Отметим только, что за тридцать лет, со времен первого — и первого ли? — предательства, квалификация Солженицына-Ветрова заметно повысилась — теперь он многоопытный провокатор, что имеет прямое отношение к его делам литературным.

Кто принял участие в его судьбе на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, не усмотрели, что не существует для него советской литературы и, следственно, создающих ее. "Литература, ее десяток толстых журналов, две литературные газеты, ее бесчисленные сборники, и отдельные романы, и собрания сочинений, и ежегодные премии, и радиоинсценировки нуднейших произведений раз и навсегда были мною признаны ненастоящими, и я не терял времени и не раздражался за ними следить: я заранее знал, что в них не может быть ничего достойного" (стр. 13). А коль так, то и разговор с литераторами, да и с советскими людьми вообще короткий.

Скажем, встреча творческой интеллигенции в Кремле. "Я нарочно поехал в своем школьном костюме, купленном в "Рабочей одежде", в чиненых-перечиненных ботинках с латками из красной кожи по черной и сильно нестриженным. Так легче было мне отпираться и придуряться" (стр. 71). И где только красной кожи нашел. Задача не из легких, не верите, побеседуйте в комбинате бытового обслуживания. Наверное, с дорогим частным сапожником столковался юродивый окаянный. Ну ладно. Вполз несчастненький в зал, затих, латаные ботинки выставив на всеобщее обозрение. В других обстоятельствах другое поведение. Позвали его на секретариат ССП в высоких целях — доступно растолковать, что негоже передавать тайком и печатать пасквили о своей стране. "Я вошел, как жердь с головой робота, — ни человеческого движения, ни человеческого выражения" (стр. 187). Доброхоты, снаряжая Солженицына, чего греха таить, на нелицеприят-

ный разговор, всплескивали руками — ради бога не волнуйтесь. Он им: "Я взорвусь — только по плану, если мы договоримся взорваться, — на девятнадцатой минуте или — сколько раз в заседание. А нет — пожалуйста, нет" (стр. 200).

Он начал говорить "елейным голоском". Пошло заседание как заседание, скучновато, подзевывают, конечно. Не ведают писатели, что для Солженицына — то Бородино, и неожиданно "я дал в них залп из ста сорока четырех орудий и в клубах дыма скромно сел" (стр. 202). Читал из папочки специальной, которую давно подготовил, написав на обложке внушительно: "Я и ССП" (стр. 280). И на том спасибо, не перепугал их другим приемчиком: "сделав страшноватые арестантские глаза, я заявляю металлически..." (стр. 364).

Но к чему совершенно не были готовы доблестные писатели: "заседание окончилось в пятницу вечером. Прошел week-end — и в понедельник днем англичане (ББС) уже передавали о вызове меня на секретариат и о смысле заседания — довольно верно (с голоса Солженицына, о чем дальше — **Н. Я.**). Не иголочка в стогу, теперь не потеряюсь!" (стр. 206).

Во всем объеме испытал Солженицын душевную щедрость и доброту замечательного человека Твардовского. После первых встреч в "Новом мире" записывает: "Так приятели задушевные, так же и сотрудничать можно! Не такими я представлял наши редакции" (стр. 31). В отношении Солженицына "Твардовский брался и через силу продвигать невозможное" (стр. 67). Старый провокатор обеими лапами вцепился мертвой хваткой в поэта, который стремился выделить рациональное зерно из многостраничных опусов, которые ему таскал Солженицын. Твардовский нашел, что в одном из "романов" Солженицына кое-что написано "с партийных позиций", но решительно потребовал отмести многое. "Это "с партийных позиций" (мой-то роман!..) — примечательно очень, — ухмыляется теперь Солженицын. — Это не была циничная формулировка редактора, готовящегося пробивать роман. Это совмещение моего романа и "партийных позиций" было искренним, внутренним, единственно возможным путем, без чего он, поэт, но и коммунист, не мог бы поставить себе цель — напечатать роман. А он такую цель поставил — и объявил мне об этом" (стр. 89).

Но при всем желании Твардовского дело не пошло, Солженицын настырно стремился превратить "Новый

мир” в трибуну для антисоветской проповеди. Провокатор крепко получил по носу. А ведь какой замысел рухнул, сокрушается он теперь через столько лет: “Зачем же я давал его Твардовскому?.. чего хотел? Пожалуй, опять как с “Иваном Денисовичем”: переложить с себя на него ответственность за эту вещь” (стр. 90). Да, никогда Солженицын не переставал быть Ветровым!

Твардовского во все возрастающей степени тревожил вопрос — кто перед ним. Поэт, вероятно, верил, что рано или поздно в его глазах неразумный упрямец одумается. А лицом к лицу с ним стоял убежденный враг. Но почему, почему не мог распознать до конца Твардовский, что лежало в основе “творчества” этого?

Ответ прост — Твардовский руководствовался общепринятыми в человеческом обществе нормами общения, а имел дело с человеком с психологией уголовника. Издевательски повествует Солженицын: “Он со мной открыто — а я — никогда” (стр. 263). “Ни разу и никогда я не мог быть с ним так откровенен” (стр. 58). В пространные описания почти всех бесед с Твардовским вкрапливаются пояснения — “вру” (стр. 228). “Я притворился, конечно” (стр. 248) и т. д. Отнюдь не наивным человеком был поэт: “Когда эта конспирация кончится?!” — топал он в редакции. И можно понять его раздражение и даже отчаяние: ну, как со мной договариваться и совместно действовать? Вероятно, не раз зарекался он меня обязать твердой связью, но я явлюсь, обезоружу его готовностью, дружелюбностью, — он смягчается и не имеет настояния жестко условиться на будущее” (стр. 247). Этой тактике Солженицын, на каждом шагу поминающий Христа и распинающийся о Правде, следовал всегда. Даже описывая последнюю встречу с Твардовским, когда было очевидно, что дни великого поэта сочтены, он замечает: “Увы, и в этот последний раз я должен был скрытничать перед ним, как часто прежде...” (стр. 344).

Но почему всегда двоедушие со стороны человека, избравшего, по его словам, профессию правдолюбца? Ответ очевиден — и минуты не удержался бы Солженицын поблизости от кристально честного Твардовского, если бы открылся перед ним. В далеком зарубежье смакует Солженицын: “Расхождение наше было расхождением литературы русской (в его понимании.— **Н. Я.**) и литературы советской, а вовсе не личное”. Твардовский был “сын своей партии” (стр. 143) — лязгает зубами Солженицын-Ветров. Этим все сказано.

Ненависть к поэту-коммунисту сжигала Солженицына, и, прикрываясь маской благожелательности, он буквально травил его. Впрочем, дозированно — "если сейчас это открыть Твардовскому — у него разорвется сердце!" (стр. 121). Солженицын создавал постоянный стресс для Твардовского. Вот поэт бросает ему "новые упреки, как стон" (стр. 142), вот он "очень напугался" (стр. 248), в отчаянии "вскочил и гневно крикнул" (стр. 144). Значит, нужен задний ход — "я его мягко похлопал по спине, он пуще вскипел — я не нервный!" (стр. 229). И все вот из-за чего: "он оседлал только главные свои обиды...— я за вас голову подставляю, а вы... Да и можно его понять: ведь я ему не открывался, вся сеть моих замыслов, расчетов, ходов, была скрыта от него и проступала неожиданно" (стр. 113). Но когда тайное становилось явным, к сожалению, приподнимался только уголок занавеса, тогда "было буйство в редакции, стулья ломал, кричал: "Предатель!!"... заревел он в телефон.— Это — **антисоветская листовка!** — это ложь" (стр. 293—294). Как бы то ни было, на последнее письмо Солженицына Твардовскому "не пришло ответа" (стр. 309).

И этот, по мере сил поганивший жизнь великого поэта, уверяющий направо и налево, что истово верит в бога, имел наглость явиться на похороны, а к девятому дню написать фарисейское, кощунственное поминальное слово о Твардовском. И усмотрел святоотступник в портрете над гробом "во все сияние — та детски-озаренная доверчивость, которую пронес он черезо всю жизнь". Прежде всего она бросилась пустосвяту в глаза, ибо бесчестно, безжалостно злоупотреблял он доверчивостью покойного...

А в книге нынче морозно-трескучим тоном заключил: "Но слишком много хотел я от Твардовского!" (стр. 293). Деловито, без эмоций.

Да всегда он был тем, кем с мазохистским оттенком называл себя ныне и что раньше скрывал, живя на русском хлебе, — **"Идеологически экстерриториален!"** (стр.147)

Лагерная тема, репрессии времен культа личности, на которую сделал заявку Солженицын, были кощунственной спекуляцией негодяя. Тема эта для него не больше чем пресловутая красная латка на черном замысле — привлечь внимание, занять позицию правдолюбца, чтобы с нее попытаться опорочить и подорвать советский строй. Ныне из книги со всей очевидностью предстает: эта тема,

больная для всех нас, советских людей, для лицемера была преходящей, цоколем, на котором воздвигнется главное — роман о Годе 1917. Ее он взял для того, чтобы сделать карьеру в подрывной работе.

Зимой 1966/67 года "я обнаружил, что на сорок девятом году жизни окончу "№-1" свою работу — все, что я собирался в жизни написать, кроме последней и самой главной — Р-17. Тот роман уже 30 лет — с конца 10-го класса, у меня обдумывался, перетряхивался, отлеживался и накоплялся, всегда был главной целью жизни" (стр. 167). Через два года он помечает: "Я как раз перешел тогда через пятьдесят лет, и это совпало с чертой в моей работе: я уже не писал о лагерях, окончил и все остальное, мне предстояла совсем новая огромная работа — роман о 17-м годе (как я думал сперва — лет на десять)" (стр. 317—318).

Писаниной этой, с величайшей гордостью возвещает Солженицын, он вознамерился сначала повернуть умы, а затем ход истории. На меньшее пророк не замахивается. "Я вижу, — вещает он, — как делаю историю" (стр. 162). А, собственно, как? "Почему все это непременно должно быть так случиться и как это с 17-го года вьется и вяжется" (стр. 14). В тот год грянула Великая Октябрьская социалистическая революция. Для начала нанесем по ней посильный удар, будем называть ее с маленькой буквы. Сказано — сделано (стр. 344, например). Немного полегчало. Теперь атакуем по другой линии, будем изъясняться не на том языке, на котором писали русские, совершившие великую революцию, "более всех испортили русский язык социалисты в своих неряшливых брошюрах и особенно — Ленин" (стр. 135). Так вот оно в чем дело! А то диву даешься, почему Солженицын так коверкает слова и изобретает новые — невероятные, безобразные. Везде, значит, глубокий умысел, а не словесное ерничество. Принципиальная борьба с Великим Октябрем, а не беспринципное загрязнение великого русского языка.

Еще одно открытие (в уместном месте в швейцарских горах): "**коммунисты** они, никакие не русские" (стр. 138), а с высоты помянутых гор отчетливо видно — "социализм порочен **сам по себе**" (стр. 308). Достигнув этих блистательных интеллектуальных высот, впрочем, давным-давно, Солженицын занял руки, принявшись прилежно плести узел первый — "Август четырнадцатого". Именно плести, а не писать, ибо работа эта не имеет

никакого отношения к литературе. Это даже не политика, а элементарная подрывная деятельность. Бормотавшие что-то насчет толстовской хватки в описании Года 1914, познакомитесь с откровениями из первоисточника да попутно с солженицынским "русским языком":

"Это совсем не писательская задача, но напряженная стратегия. Книги — как дивизии или корпуса: то должны, закопавшись в землю, не стрелять и не высовываться; то во тьме и беззвучии переходить мосты; то, скрыв подготовку до последнего сыпка земли — с неожиданной стороны в неожиданный миг выбегать в дружную атаку. А автор, как главный полководец, то выдвигает одних, то задвигает других на пережидание... 20 Узлов, если каждый по году — 20 лет. А вот "Август" 2 года писался — значит, 40 лет? или 50?

Постепенно сложилось такое решение. Критерий — открытое появление Ленина. Пока он входит по одной главе в Узел и не связан прямо с действием — этим главам можно оставлять пустые места, утаивать их, Узлы выпускать без них. Так возможно с первыми тремя, в IV Узле Ленин уже в Петрограде и ярко действует, открыть же авторское отношение к нему — это все равно, что "Архипелаг". Итак: написать и выпустить три Узла — а потом уже двигать все оставшееся в последнюю атаку" (стр. 338—339).

Ну и ну. Рехнулся, что ли? Да нет, пребывает в здравом рассудке, только хитер, а хитрость, как известно, ум зверя. Пустил слух Солженицын, что работает над книгой о 1914 годе. А затем стал раздавать направо и налево главы для читки в рассуждении публикации. Литераторы оказались, как обычно, добры. Твардовский "прочел двенадцать пробных глав самсоновской катастрофы и остался ими сверх-доволен, очень хвалил и уже редакторски предсмаковал, как я кончу — и все будет **проходимое**, патриотическое, и уж тут нас никто не остановит, и напечатается Солженицын в "Новом мире", и заживем мы славно! Ведь не говорил же я ему, какие еще будут в "Августе" шипы" (стр. 287—288).

Окрыленный кажущимся успехом — вывернулся, обманул, — Солженицын замахивается на большее. С глумливой внутренней ухмылкой стряпает благопристойное письмо в ЦК КПСС: "Я могу передать Вам для опубликования мой новый, в этих днях кончаемый роман "**Август четырнадцатого**". Эта книга и вовсе не может встретить цензурных затруднений: она представляет деталь-

ный военный разбор "самсоновской катастрофы" 1914 г., где самоотверженность и лучшие усилия русских солдат и офицеров были обессмыслены и погублены параличом царского военного командования. Запрет в нашей стране еще и этой книги вызвал бы всеобщее изумление" (стр. 545).

Отправил и притих на время, полагая, что никому не дано разгадать игру. Лисьи увертки на этот раз оказались бесполезными. И было отчего — вокруг имени Солженицына, по его же, как увидим дальше, инициативе, уже начали накручиваться на Западе мифы. Он подстрекал грязную антисоветскую кампанию, с удовлетворением помечая: "самиздатовские батальоны уже шагали!" (стр.153). Для "дивизий и корпусов" самиздат, естественно, хил, не отсюда ли мысль подключить печатный станок Советского государства. "Умник" крепко прошибся. По причинам, раскрытым им теперь в Швейцарии, "Август четырнадцатого", конечно, не мог увидеть света в СССР. Что до реакции на книгу и на поднятую вокруг нее антикоммунистической пропагандой шумиху, то она хорошо известна. Солженицын опрометчиво подставил бока для битья. И соответственно всыпали ему по первое число.

Почесывая шрамы, оставшиеся с тех времен, горе-стратег кряхтит в Швейцарии: "С "Августа" начинается процесс раскола моих читателей, потери сторонников, и со мной остается меньше, чем уходит. На "Ура" принимали меня, пока я был, по видимости, только против сталинских злоупотреблений... Следующими шагами мне неизбежно себя открывать, пора говорить все точней и идти все глубже. И неизбежно терять на этом читающую публику, терять современников в надежде на потомков. Но больно, что терять приходится даже среди близких" (стр. 352).

А чего ты хотел? Твоим же пером в нынешней книжке выведено то, к чему сводятся 20 или сколько их там Узлов, — буржуазия "сгусток национальной энергии — наибольший" (стр. 269). Дали ей по шапке в 1917 году в России, гонят в шею в наши дни во многих странах, и потомки не свернут с этого пути. Крот истории роет глубоко.

"Обнаглел в своей безнаказанности"

— сладострастно припоминает Солженицын о своих деяниях в СССР в начале семидесятых годов (стр. 283). Вел себя "с наглой уверенностью" (стр. 244), ибо "я

так обнаглел, что уже не пугаюсь: я начинаю ощущать свою силу и взятую высоту" (стр. 233). Что это за неведомая сила? Да Запад, конечно, к которому, бесстыже повествует теперь недавний претендент на роль писателя земли русской, он подбирал отмычки всю сознательную жизнь.

Уже к середине пятидесятых годов "я сумел довести всю свою лагерную работу до начинки книжного переплета (пьесы Б. Шоу на английском). Теперь если бы кто-нибудь взялся поехать в Москву, да там на улице, встретив иностранного туриста — сунул бы ему в руки, а тот, конечно, возьмет, легко вывезет, вскроет переплет, дальше в издательство, там с радостью напечатают неизвестного Степана Хлынова (мой псевдоним) — и... Мир, конечно, не останется равнодушным!" Но никого о такой миссии просить не решался, был один-одинешенек. "Когда же в 1956 году я и сам поехал в Москву и присматривался, кому б из западных туристов эту книгу перекинуть", то попросту струсил (стр. 315).

С самого начала, когда Солженицын стал публиковаться, главный его прицел — Запад. Только мнение тех, кто формирует там оценки, принимается им в расчет, и соответственно торопился он потрафить сильным тустороннего мира за советским кордоном, откуда ждал материальных и моральных благ. Вот ведь как получилось: жил в России, а работал для Запада. Могут сказать преувеличение, сгущение красок. Вовсе нет. Когда публикуется за рубежом первый объемистый пасквиль, сочинитель вне себя: выходит "на Западе! И не о том надо волноваться, что выходит, а как его примут? Первая настоящая проверка меня как писателя!" (стр. 225). Походя заметим, пишется в то время, когда высоко поднялся гребень солженицынской популярности у нас после публикаций в "Новом мире", когда близорукие добряки предрекают великое будущее знатоку человеческой психологии и прочее, и прочее.

Неизбежные вопросы. Он таится, рукопись-де не передавал, а как все же попала к зарубежному издателю, юродствует: "ну, значит, так надо, пришли божьи сроки" (стр. 224). Отмежевываясь на словах от того, что тайком сует за границу свои рукописи, Солженицын переписывает и перечитывает соответствующее, насквозь, конечно, лживое опровержение: "вдруг меня серое щемление охватывает изнутри: а не допустил ли я подлости? а не

слишком ли я резок к Западу" (стр. 232). Не проходит и трех лет, как наглеет: на Западе "печатать уже готовый "Август". Новизна шага: открыто, в западном издании, от собственного имени, безо всяких хитрых уклонов, что кто-то использовал мою рукопись, распространил без ведома, а остановить-де руки мои коротки... И для будущих публикаций небезразлично, как будет принят на Западе "Август" (стр. 339). И упаси боже на крутых поворотах "хитрых уклонов" рассердить тамошних книголюбов.

Отнюдь не для самовыражения, удовлетворения пусть извращенного, но авторского тщеславия гнал он публикацию за публикацией в зарубежных издательствах. Ждал в ответ помощи и поддержки, жадно приникал ухом к радиоприемнику: "в самом глубоком течении работы не бываешь совсем защищен от современности: она ежедневно вливается через радио (западное, конечно, но тем смекается и вся наша обстановка)" (стр. 368). Хор зарубежных радиоголосов настраивает на нужный лад: "Гнал последние доработки "Архипелага", по вечерам балуя слушанием западного радио" (стр. 221). Бог, о котором истово хлопочет Солженицын, далеко, а надо Пасху встретить, да недосуг — "только ночная передача Би-Би-Си заменит всенощное стояние" (стр. 231). Неслыханная приверженность вере христовой!

Дождался, разменяв Бога на Би-Би-Си, — все чаще и чаще повторяют его фамилию зарубежные дикторы в передачах на русском языке. Мало, надо больше, а связи нужные уже установлены. Солженицына рязанская писательская организация исключает из своего состава, он в тот же вечер к междугороднему автомату, звонок куда надо. На следующий день "в 6 утра проснулся, включил по обычаю "Голос Америки", и уже передается сообщенное им накануне. "Я — подскочил. Ну, век информации! Чтобы так моментально — нет, не ожидал!! Четыре раза в кратких известиях передали, четыре раза в подробных. Хор-рошо!" (стр. 286). Ничто происходящее в собственной стране не интересует его, "главное же — как разливался звон по загранице" о Солженицыне (стр. 186).

Звон в эфире все же неосязаем, а нужно более существенное, например, Нобелевская премия. Вероятно, не таил он мыслей этих, а намеками и прямо вызвал: "м н е эту премию надо! Как ступень в позиции, в битве! И чем раньше получу, тверже стану, тем крепче ударю! Дотянусь до нобелевской трибуны — и грянуть!" (стр. 316). С удвоенным, утроенным рвением служит он Западу, по-

нося все советское. Нельзя не удивляться фантастической работоспособности на ниве антисоветской работы. Тут ничего не скажешь, любимое дело. И все же не так просто.

Из книги видно, что образовался синдикат Солженицын и Ко, где трудилась не одна пара нечистых рук. На существование его прямо указывает неутомимый труженик: "издали кажется: как это я не переломлюсь? как это я выстаиваю в одиночку да еще и махинную работу проворачиваю, когда-то ж успеваю и в архивах рыться, и в библиотеках, и справки наводить, и цитаты проверять, и старых людей опрашивать, и писать, и перепечатывать, и считывать, и переплетать — выходят книга за книгой в Самиздат (а через одну и в запас копятся) — какими силами? каким чудом? И миновать этих объяснений нельзя, а назвать — еще нельзее" (стр. 209). Почему же? теперь выдворенный из пределов Советского Союза мог бы и рассказать. Но таится, по причине прозрачно ясной: главные части Синдиката, вне всяких сомнений, не в нашей стране, где у него не могло быть поддержки, а на том любимом Западе.

А объяснение? Вот оно: "только теперь, нет, только сегодня, я понимаю, как удивительно вел Бог эту задачу к выполнению" (стр. 416). Ведь вот что удивительно, для получения Нобелевской премии, оказывается, была установлена некая временная грань: "Для меня 70-й год был последний год, когда Нобелевская премия еще нужна мне была, еще могла мне помочь. Дальше уже — я начал бы битву без нее" (стр. 324). Но вмешались "высшие силы", и провидение явило милость точно в установленный срок — в том самом 1970 году получил соискатель искомую премию. Ему бы радоваться необыкновенно — премия по литературе, на возлюбленном Западе признан за писателя. Но иные, не литературные мысли посетили голову лауреата:"Вот когда я могу как бы на равных поговорить с правительством. Ничего тут зазорного нет: я приобрел позицию силы — и поговорю с нее. Ничего не уступлю сам, но предложу уступить им" (стр. 326).

В самом деле Гигант Мысли, а они кто — государство, всего 250 млн. человек. "Да, да, конечно, кто же не знает: не проткнуть лозой железобетонных башенных стен. Да вот догадка: может, они на рогоже нарисованы?" (стр. 15). Еще, кажется, есть вооруженные силы? Так видел я воочию ваших полководцев, тех, кто победил вермахт в Великую Отечественную. На собрание литераторов

приходили Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев. Окинул их взором Солженицын не с очень близкой дистанции и доподлинно выяснил, первый "холоп, как все маршалы и все генералы" (стр. 130), второй "туповатый средний колхозный бригадир" (стр. 85). О чем тут говорить. В общем, "пропали вы, большевики, как ни считай" (стр. 454).

Бред, конечно. Гигантская гипертрофия мании величия. Подстегнутый премией, Солженицын покоя себе не знал, все рассовывал свои пасквили, зажил жизнью фантастической и на шестом десятке лет прямо-таки обременительной и нездоровой. Нельзя без улыбки читать его похождения: "нобелевский лауреат — сам, как мальчишка, по неосвещенным углам в неурочное время шныряет со смененной шапкой (обычная в рюкзаке), таится в бесфонарных углах — и передает. **Ни разу не уследили** и **ни разу не накрыли!**". И далее детально описывается техника шныряния по подворотням, прыгания с электрички на электричку и т. д. и т. п. (стр. 430—431). "Не только полный, но избыточный набор у них был для моего уголовного обвинения, десятикратно больший" (стр. 133). Несерьезно, несуразно и прямо-таки глупо. Великий борец, вероятно, не может взять в толк, что смотрели на его проделки сквозь пальцы, ибо были они, с точки зрения Советского государства, не больше, чем мышиной возней пакостника. В одном из считанных правдивых мест в книге Солженицына вырвался вопль: когда летом 1973 г. дикторы различных "голосов" языки отбили, склоняя его фамилию, он пожаловался бумаге: "гудит западное радио десятикратно в день: преследования, гонения Солженицына, а я этих г о н е н и й и не замечаю" (стр. 378).Так и было.

Но терпению бывает предел. Солженицын преступил грань допустимого в любом организованном обществе. В наше время, когда в мире происходит ломка льдов "холодной войны", провокатор Солженицын-Ветров оказался рядом с теми, кто стремится вернуть самую лютую стужу. Раскиданные по книге оценки им приметных вех в международной жизни последних полутора десятков лет точно вписываются в отработанную концепцию антикоммунистов, более того, их самого экстремистского крыла. Избиение индонезийских коммунистов в начале шестидесятых годов, например, принесло ему политическую "радость" (стр. 127).

Где бы ни происходила вылазка реакции, она непре-

менно вызывает у него величайшее удовлетворение. Он стремится, торопится идти в ногу с реакцией.

О чем он рвался "поговорить с правительством"? Он цедит сквозь зубы свои требования — "снятие запрета с прежних вещей, затем и печатание "Августа" это было бы изменение не только со мной, а — всей литературной обстановки, а там дальше и не только литературной" (стр. 327). А засим Солженицын видит себя на белом коне, въезжающим куда-то. Иными словами, добиться того, чего не могла достичь вся мощь империализма, единолично свергнуть Советскую власть.

Вот только беда: его не спешат выслушать, а "Запад перед ним едва ли не не коленях" (стр. 232). Значит, рвать эту ненавистную разрядку, в раскаленном воображении Солженицына он стал выше народов и правительств, затеяв вкупе с группкой отщепенцев кампанию против разрядки.

У него буквально не хватает слов, чтобы определить место этой группки в мировой истории. А Сахаров-то, "в сентябре (1973 г.) арбитр европейских правительств" (стр. 405). Каким же образом достигнут столь гигантский результат, в глазах Солженицына, конечно. Процитируем по уместному источнику — "Нью-Йорк Таймс" суть его кредо, приведшего к космическим выводам: "А большой писатель в стране — как бы второе правительство" ("Нью-Йорк Таймс", 9 февраля 1974 г.). Когда человек сам себя посадил в кресло правителя 250-миллионного народа, тогда, естественно, он судит и рядит, что нам, людям обычным, надобно, а именно — никакой разрядки, никаких нормальных отношений с зарубежными странами.

Жалкий слепец нагло заявляет, что это **его** политика, выработанная где-то в очередном укрывище. На деле гг. Солженицын, Сахаров и К° пронзительным визгом вызвали из нор динозавров "холодной войны", гальванизировали на короткое время то, что уже было отброшено здравомыслящими на Западе. А дальше события развивались по избитым канонам "психологической войны". И без солженицыных тамошние мастера грязных дел знают свое ремесло. Провокатор рад безмерно, прилип к приемнику и пишет, пишет. Записывает злобные инсинуации в адрес страны, которая еще считается его Родиной. "Уже всю первую неделю, с 24 августа (1973 г.) "инакомыслящие в СССР были **главной** темой всей европейской печати... На еще большем накале прошла следующая не-

деля — первая сентябрьская... Кампания западной поддержки как разогнанный маховик с силой вымахивала и дальше" (стр. 379, 382). Зачем? Только нагородить новый вздор о нашей стране?

Нет! Дело перешло в практическую плоскость, грязными словами обосновывались куда как неприглядные дела. Зоологический антикоммунизм с подачи Солженицына рационализируется в лицемерные объяснения нежелания отойти от времен "холодной войны". Вот как обстояло дело по его собственной книге: "10-го (сентября 1973 г.) раздался голос больного, со своей фермы, Вильбора Милза, председателя бюджетной комиссии палаты представителей США: он — против расширения торговых связей с СССР, пока не прекратятся преследования таких людей, как Солженицын и Сахаров. То есть расширялась поправка Джексона: от эмиграции до прав человека в СССР! А в его комиссии обсуждение подходило как раз к решительному моменту" (стр. 381). Но тут Солженицына (читай "второе правительство") подвел неугомонный Сахаров — он не оценил великого замысла, а высказался только за поправку Джексона. И из швейцарского далека Солженицын ныне посылает Сахарову проклятье: то был "вывих, мало замеченный наблюдателями боя, а по сути — сломивший наш бой, лишивший нас главного успеха... Письмо Сахарова "Вашингтон Пост" набрала 18.9 **крупными буквами**. И конгресс — возвратился к поправке Джексона... Если м ы просим только об эмиграции — почему же американскому сенату надо заботиться о большем?" (стр. 404).

Фантасмагория какая-то, чудовищный бред и чушь. Объявив себя "правительством" нашей страны, Солженицын посягает и на ту сторону океана. Не иначе метит в Правители Мира, меньшими категориями не мыслит. Во всяком случае, убежден, что на Капитолийском холме в Вашингтоне 535 сенаторов и конгрессменов послушно вотируют угодные горстке отщепенцев законопроекты. С какой точки зрения не подойти — явно клинический случай, помешательство на основе мании величия. Но, помимо прочего, прекрасный аттестат тем на Западе, кто берет его в союзники.

Наш герой закусил удила, теперь и Сахарова не нужно, ибо "ясность действия Сахарова была сильно отемнена расщепленностью жизненных намерений" (стр. 387). Хватит сражаться пешим, скорее на боевую лошадь, Ветров! "Тут — на коне, на скаку, в момент, избранный мною

же (вот оно, предчувствие! — начинать кампанию, когда как будто мирно и не надо!) — и рядом другие скачут лихо (надо думать ковбой сенатор Джексон. — **Н.Я.**), и надо только завернуть лишь немного в сторону, и — руби туда!!! Провал — в момент, когда движутся целые исторические массы, когда впервые серьезно забеспокоилась Европа, а у **наших** связаны руки ожиданием американских торговых льгот да европейским совещанием, и несколько месяцев стелятся впереди просто **просящих** моего действия!" (стр. 376—377). То, что бился Солженицын против Советского государства, дополнительных разъяснений не требует, но, оказывается, он записывает на свой счет и многое другое — в "затруднении были **правительства** Никсона и Брандта, кому стоянием нашим срывалась вся игра. Киссинджер уклонялся так и сяк" (стр. 385).

Солженицын сам избрал себе дорогу — в эскадрон Джексонов, где ему и помогли занять место, выдворив из СССР. Пусть там политиканствует и рубится на стороне, к которой всегда принадлежал душой и телом. Но невелико тамошним подкрепление привалило.

* * *

Теперь за кордоном, припоминая годы, когда вел подрывную работу в СССР (на чем составил состояние), он еще набивает себе цену перед покровителями, подчеркивая свою лисью хитрость и изворотливость, удивляясь советским людям: "Да неужели ж не понимали, что я — как тот велосипед заминированный, какие бросали нам немцы посреди дороги: вот лежит, доступный, незащищенный, но только польстись, потяни — и нескольких наших нет" (стр. 449). Да видели прекрасно, потому осторожно, за шиворот взяли гаденыша, сунули в самолет и выбросили вон. Вместе с архивом, письменным столом и прочим.

Но все же в книге кое-где проскальзывает: готов вернуться в СССР на белой лошади, учить советских людей уму-разуму. Вот это не выйдет, для Солженицына граница закрыта на замок.

Он, видимо, и сам понимает, что эти надежды несбыточны, и, устроившись удобно на денежном мешке, удовлетворенно рыгнул: "Не тот борец, кто поборол, а тот, кто вывернулся" (стр. 241). Достиг!

Ф. 3, оп. 80, д. 648, л. 28—30. Подлинник.

[1]На отдельном листе указание: "Тов. Черноуцану И. С. Прошу дать заключение. М. Суслов. 1 сентября 1975 г."
[2]См. документ № 162 (дата указана ошибочно)

№ 165

ЗАПИСКА КОНСУЛЬТАНТА ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС И. ЧЕРНОУЦАНА М. СУСЛОВУ[1]

9 сентября 1975 г.

Секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС СУСЛОВУ М. А.

Уважаемый Михаил Андреевич!

В соответствии с поручением[2] направляю свои замечания о статье Н. Яковлева "Теленок" с пером", подготовленной для публикации в газете "Голос Родины"[3].

Выпущенная на Западе книга А. Солженицына "Бодался теленок с дубом" проникнута неистовой злобой к советской действительности, основана на многочисленных передержках, фальсификациях и может быть опровергнута фактами по всем пунктам.

Думается, что следует отобрать и высмеять лишь наиболее клеветнические места сочинений Солженицына, изобличив его как провокатора и мелкого пакостника, который видимостью правдоподобия пытается прикрыть самую заурядную клевету.

Статья историка, профессора Н. Н. Яковлева, уже выступавшего ранее с критикой Солженицына (в февральском номере газеты "Голос Родины" за 1974 год), **в основном отвечает этому требованию**. В своей новой статье Н. Яковлев, опираясь на новое сочинение Солженицына "Бодался теленок с дубом", а также на другие его злопыхательские высказывания в адрес СССР и стран социалистического содружества, ставит задачу раскрыть саму "методологию" этого пасквилянта, показать его отвратительные личные качества. Статья содержит немало справедливых суждений, написана весьма темпераментно. **Однако** нельзя не обратить внимания на некоторые издержки этой статьи, а также недостаточно аргументированные, а порой и неверные ее места.

Естественно, что многие измышления Солженицына не заслуживают обстоятельного, академического разбора, а могут быть подвергнуты фельетонному осмеянию, чем во

многих случаях удачно пользуется Н. Яковлев. Но нельзя пользоваться только лишь фельетонным приемом в качестве единственного оружия полемики. В ряде случаев необходим более основательный и серьезный разговор, раскрывающий несостоятельность аргументов Солженицына, фальсификаторский характер его концепций. Например, представляется явно недостаточным, когда Н. Яковлев, приведя слова Солженицына о том, что "коммунисты никакие не русские", а "социализм порочен сам по себе", ограничивается лишь иронией по поводу "этих блистательных интеллигентских высот", с которых Солженицын "плетет", а не пишет" свой "Август четырнадцатого".

Весьма большие сомнения вызывает то, что следует ли писать так, как говорится в статье Н. Яковлева о Твардовском и других литераторах, которые в свое время (в начале 60-х годов) положительно оценивали "Один день Ивана Денисовича". Заметим, кстати, что в книге Солженицына "Бодался теленок с дубом" вызывает омерзение его циничное саморазоблачение, когда он повествует о своем двурушничестве по отношению к Твардовскому. Солженицын хвастливо рассказывает о том, как он обманывал Твардовского, скрывая от него подлинную правду о своих взглядах и своих намерениях, спекулировал на допускавшейся в отдельных случаях А. Твардовским односторонней эстетической позиции. По меткому выражению Н. Яковлева, Солженицын выступал по существу как провокатор, "обеими лапами вцепившийся мертвой хваткой в поэта". Сообщая об этом, Н. Яковлев, по всей видимости, непреднамеренно подчас бросает тень и на самого А. Твардовского, чего последний не заслуживает.

Твардовский, вначале действительно безоглядно доверившийся Солженицыну, разумеется, не знал клеветнических сочинений, уже в то время заготовленных впрок этим иудушкой. При всех своих ошибках, иногда весьма серьезных, Твардовский оставался до конца дней своих коммунистом и никогда не разделял антисоветских позиций Солженицына. Об этом хорошо сказал поэт Ярослав Смеляков в выступлении, опубликованном за рубежом в ответ на ханжеские причитания Солженицына над гробом Твардовского. Я. Смеляков писал о том, что у Твардовского были свои беды и свои сложности, но что он никогда, в отличие от Солженицына, не допускал и мысли об отказе от Советской Родины и социализма — он оставался подлинным советским патриотом, а потому и был

великим народным поэтом. Лично мне Твардовский неоднократно с возмущением говорил о Солженицыне как о человеке, который рассматривал его только как журнального функционера, демонстративно выражая свое полное равнодушие к его творчеству. Вот почему мне кажется ошибочным и для памяти Твардовского и для репутации руководителей СП СССР то, как говорит о них Н. Яковлев: "Позвали его (Солженицына) на секретариат ССП в высоких целях — доступно растолковать, что негоже передавать тайком и печатать пасквили о нашей стране. "Прошляпили, а гусь лапчатый прямиком прошлепал в Союз советских писателей, под вздохи, стенания простаков, обильно смоченный слезами умиления. В ССП отряхнулись и началось! Благожелатели толковали с ним о высоком призвании литератора, ждали, что инженер человеческих душ займется прямым делом, но с удивлением, сначала слабым, подметили: тянет-то его отнюдь не к деятельности литературной. Надо думать, в прекрасной общине писателей немало обсуждали сей феномен между собой, да и с самим Солженицыным", желая ему добра "по неистребимой интеллигентской слабинке".

Думается, что в данном случае Н. Яковлевым избран неверный адрес критики. **Надо** не высмеивать советских писателей как этаких близоруких и доверчивых простачков, а раскрыть двурушническую позицию Солженицына, с которой он пришел тогда на Секретариат и в которой публично признается теперь в "Теленке".

Несправедливым представляется мне и тон, в котором в статье ведется речь о литераторах, неверно оценивших на первых порах "Один день Ивана Денисовича". "Иные наши проницательные литераторы на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, —пишет он,—раскрыли объятия — из глубин безвестности выплыл талантище, да какой — глыба! Но забыли мудрость народную, точно указавшую, что именно наверху плавает. Когда вместе с "Одним днем Ивана Денисовича" открыли его автора и привели в "Новый мир", то был день величайшего торжества в журнале".

С позиции сегодняшнего дня, в свете всего накопленного с тех пор опыта подобные "филиппики" не требуют особой проницательности и гражданского мужества. Адресованы они, как видно, не только Твардовскому и членам редколлегии "Нового мира", но и таким "проницательным литераторам", как Симонову и Ермилову, опубликовавшим статьи в "Правде" и "Известиях", а также многим другим писателям и критикам (см. напр. статьи

и книги А. Овчаренко, В. Панкова, Л. Фоменко и др.), выступления которых возникли на волне восхваления Солженицына, который ставился в пример советским литераторам и деятелям культуры в речи Хрущева на приеме 17 декабря 1962 г. Такие вещи нельзя игнорировать и забывать, но не следует, совсем не обязательно напоминать о них в статье, разоблачающей предателя.

Пасквильные сочинения Солженицына дают столько материала для неотразимой, убедительной критики, что нет никакой нужды прибегать к натяжкам, неправильному цитированию. А подобных фактов, к сожалению, немало.

Например, обратившись к упоминаемым в книге Солженицына весьма сомнительным высказываниям некоторых молодых авторов, выступавших в свое время в молодежных журналах и перепевавших по существу веховские идеи, Яковлев цитирует: "буржуазия — сгусток национальной энергии, наибольший", буржуазии "дали по шапке в 1917 году в России, гонят в шею в наши дни, и потомки не свернут с этого пути". Обратившись к "Теленку", нетрудно заметить, однако, что в данном случае у Солженицына речь идет не о буржуазии вообще, а о купечестве и крестьянстве. Подобная неточность полемики не допустима.

Совсем неловко читать о том, что наше государство и советское общество "смотрели на его (Солженицына) проделки сквозь пальцы", ибо были они, "с точки зрения Советского государства, не больше, чем мышиная возня пакостника". Но для чего тогда, как говорится, огород городить? Ясно ведь, что деятельность этого клеветника была и остается отнюдь не "безвредной мышиной возней"; она активно используется Западом в современной идеологической борьбе.

Неуместным представляется мне в другом месте статьи цитирование выпадов Солженицына, обозвавшего "холопами" всех прославленных полководцев минувшей войны. А в ответ на все это Н. Яковлев заявляет: "Бред, конечно, гипертрофия, мания величия". Очень сомнительна убедительность подобной аргументации.

В последней колонке статьи речь идет о том, что Солженицын, "объявив себя правительством нашей страны... метит в правители мира... С какой точки зрения не подойти, это явно "клинический случай, помешательство на основе мании величия". Если бы все было так просто!

Хлесткая концовка статьи рисует Солженицына, устроившегося удобно на денежном мешке и удовлетворенно

рыгающего: "Не тот борец, кто поборол, а тот, кто вывернулся". Думается, что изображение Солженицына как просто "вывернувшегося" проходимца весьма приблизительно передает суть дела.

Говоря об оголтелом выступлении против разрядки напряженности, автор пишет, что в "раскаленном воображении Солженицына он стал выше народов и правительств, затеяв вкупе с группкой отщепенцев кампанию против разрядки". И здесь эмоции вместо доказательств, восклицательные знаки вместо разбора вопроса по существу. Хорошая цитата из "Нью-Йорк таймс" сопровождается весьма хлесткой, но малопонятной фразой о том, что "зоологический антикоммунизм с подачи Солженицына рационализируется в лицемерные объяснения и нежелания отойти от времен "холодной войны". А вот о возмутительных для всякого честного человека саморазоблачениях Солженицына, у которого трагедия индонезийских коммунистов вызывает только чувство "политической радости", говорится в статье бегло и мимоходом.

Письмо Солженицына советским руководителям — документ действительно беспредельной наглости и хлестаковской беспардонности. Но говорится о нем в статье весьма невнятно. Сообщается, что "Солженицын видит себя на белом коне, въезжающим куда-то. Иными словами, добиться того, чего не могла достичь вся мощь империализма, единолично свергнуть Советскую власть".

Я уже говорил, что Н. Яковлев вторично выступает на страницах "Голоса Родины". К сожалению, и первое выступление его не было свободно от упрощенчества, а в пафосе обличительном он подчас смыкался с явно антиленинскими концепциями войны и революции. Игнорируя принципиально различный характер Великой Отечественной войны и первой мировой войны — грабительской и несправедливой с обеих сторон, Н. Яковлев утверждал, что советские воины, вступив в январе 1945 г. в Восточную Пруссию, взяли реванш за поражение армии Самсонова. "Советские войска, — пишет он, — пошли по тем же дорогам, по которым, задыхаясь в пыли, в августе 1914 года несли свой крест солдаты армии Самсонова". Советские солдаты, подчеркивает Н. Яковлев, "в январе 1945 г. брали те же населенные пункты, за которые бились их отцы в августе 1914 г.", и что "студеным январем 1945 г. Восточную Пруссию потрясло тысячекратное эхо шороха шагов самсоновских воинов — мучеников жертв августа 1914 г.". И далее приводятся (ни-

как не документированные) слова советских солдат и офицеров, которые радовались освобождению Кенигсберга и других городов Восточной Пруссии, ибо "много славянской крови пролито на этой земле".

Не знаю, где воевал в это время Н. Яковлев и от кого услышал он эти слова, но я был офицером в составе войск, штурмовавших Кенигсберг и другие крепости тевтонских рыцарей, и свидетельствую, что никто из нас и не вспоминал тогда о трагедии 1914 г. Воевали мы не ради того, чтобы "отомстить за армию Самсонова", "восстановить славу русского оружия", а за то, чтобы разгромить фашистских ублюдков и ускорить победу над Германией.

Думаю, что даже учитывая специфическую аудиторию читателей "Голоса Родины" (статья, однако, печаталась и в "Литературной газете"), не стоило подлаживаться к ее вкусам и освещать события истории с позиций единого потока, возрождать неославянофильские концепции, которые беспощадно были осмеяны Лениным и другими марксистами ленинской школы.

Статьи Н. Яковлева, повторяю, написаны полемически остро и темпераментно, но неглубоко, порой в обход сути, причем аргументация подменяется иногда едкими, но малодоказательными, хотя и остроумными репликами. Я пытался показать, как это происходит в последней статье Н. Яковлева, а также в его рассуждениях по поводу "Августа четырнадцатого", где он уверял, что даже "с позиций советологии ценность романа равна нулю, ибо речь попросту идет о вздоре". Но если бы речь действительно шла "просто о вздоре", бессмысленность которого очевидна, то, по-видимому, не удалось бы Солженицыну пробраться в лидеры всех антисоветских и антисоциалистических сил, и действительно не стоило бы тратить на полемику с ним бесценное время, на что не без некоторого кокетства сетует Н. Яковлев в начале статьи об "Августе четырнадцатого".

Дело обстоит, однако, несколько иначе. Солженицын аккумулировал в своих произведениях и в фальсифицированных мемуарах (подобных "Теленку") и в "Опыте художественного исследования" (каким объявлен "Архипелаг Гулаг") центральные, корневые идеи антисоветизма и антисоциализма. Вот почему в них можно наблюдать весьма схожие идеи и ситуации, единые "силовые линии". В "Августе четырнадцатого" он стремится показать, что ленинизм чужд, враждебен родине и подлинно народным

интересам (вспомним хотя бы истерические выкрики прапорщика-большевика Ленартовича о том, что не надо оказывать помощь раненым, ибо чем хуже, тем лучше, чем больше умрет солдат от ран, тем лучше для России и революции). Разрушая армию, большевики открыли дорогу революции, а в ней, по Солженицыну, главная беда России, ибо революция душит и уничтожает все подлинно человеческое, гуманное, калечит души и сердца людей.

Эта идея находит выражение на другом материале в "Раковом корпусе", "В круге первом", где Солженицыным последовательно, не брезгуя сплетнями и инсинуациями, провозглашается бесчеловечность большевизма, который будто бы насаждает в душах людей циничное, своекорыстное, вытаптывает все доброе и чистое, что искони было свойственно русской душе.

Другой подручный Солженицына — В. Максимов (ныне редактор "Континента") в романе "Семь дней творения" со злобным остервенением пытается доказать, что чем ближе были советские люди к власти, к партии и революции, тем омерзительней, ничтожней и несчастнее стали они к концу жизни, мало того, пошли с покаянием и поклоном к бывшим своим врагам эпохи гражданской войны и коллективизации.

Почему антисоветчики всех мастей поднимают на щит произведения подобного толка?

Да потому, что они целиком смыкаются и как бы "подтверждают" всевозможные концепции конвергенции, изображая дело так, будто советский человек, воспитанный партией и показавший миру силу и красоту духа на полях труда и сражений, ничем не лучше западного обывателя, а даже хуже его, ибо обуреваем жаждой стяжательства и власти, той же, что и западные обыватели в современном потребительском мире. Разница только в том, что понапрасну погибли у нас миллионы людей (по Солженицыну, около 60 миллионов), а там, на Западе, все обошлось без кровопролития.

В клевете на наш строй Солженицын многое "подобрал" и заимствовал у таких литераторов недавнего прошлого, как Л. Андреев, Арцыбашев и Винниченко, мародерствующие похождения которых были блистательно заклеймлены Лениным, Горьким и соратниками Ленина по работе в большевистской печати.

У Солженицына есть, таким образом, не только свои приверженцы и поклонники, но и свои предшественники и продолжатели (типа хотя бы того же Максимова, Куз-

нецова и К°), и закрывать глаза на это, по-моему, не следует. С особой полнотой гнусная фальсификация воинствующего врага социализма и демократии продемонстрирована в "Архипелаге Гулаг", который по праву можно назвать энциклопедией ренегатства и предательства.

Исходя из всего изложенного и признавая несомненную ценность статьи Н. Яковлева, я считаю совершенно необходимым осводить ее от некоторых неточностей и передержек, а также таких полемических приемов, которые могут только огорчить друзей, нуждающихся в аргументах для серьезной, доказательной полемики.

Подведем некоторые итоги. В статье Яковлева, посвященной последнему периоду деятельности Солженицына, дается острая критика омерзительной деятельности этого претендента на роль великого гуманиста и спасителя душ.

Много в статье удачных полемических тезисов и рассуждений. Но, как отмечалось выше, наряду с этим встречаются и абзацы, слабо аргументированные, где доказательства подменяются крикливой и не всегда удачной фразой, что вряд ли поможет главному — убеждению читателей, разоблачению пасквилянта.

Статья о Солженицыне должна служить объединению прогрессивных сил, помочь им увидеть истинный облик этого политического проходимца и авантюриста. Полагаю, что представленная Яковлевым статья пока не в полной мере отвечает этой задаче[4].

И. ЧЕРНОУЦАН,
консультант Отдела культуры,
профессор

Ф. 3, оп. 80, д. 648, л. 31—41. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]К документу приложено указание "Тов. Андропову Ю. В. Следовало бы доработать статью профессора Яковлева Н. Н. с учетом замечаний, высказанных т. Черноуцаном И. С. М. Суслов. 10 сентября 1975 г.". Отдельные фразы подчеркнуты при читке документа.
[2]См. примечание к док. № 162
[3]См. документ № 164
[4]10 декабря 1975 г. на имя М. Суслова поступила переработанная статья Н. Яковлева, которая была отправлена Ю. Андропову на его усмотрение. К документу приложена справка С. Аветисяна от 2 июля 1976 г., что по сообщению П. П. Лаптева решено воздержаться от публикации данной статьи

1976

№ 166

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
"О враждебной деятельности Солженицына и падении интереса к его личности за рубежом и в СССР"[1]

4 января 1976 г.

Сов. секретно

№ 7-А **ОСОБАЯ ПАПКА**

ЦК КПСС

Комитетом государственной безопасности проанализированы материалы, поступившие в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА после его выдворения за пределы нашей страны и лишения советского гражданства.

Находясь за рубежом, СОЛЖЕНИЦЫН принял активные меры к публикации своих антисоветских пасквилей ("Архипелаг ГУЛаг", "Письмо вождям Советского Союза", "Прусские ночи"), которые были написаны им до выдворения из СССР и переправлены на Запад по нелегальным каналам. Одновременно были осуществлены театральные постановки "пьес" СОЛЖЕНИЦЫНА "Республика труда" (ФРГ), "58-я статья" (Канада) и экранизирован его пасквиль "Знают истину танки" (Франция).

Под влиянием буржуазных органов массовой информации определенная часть зарубежной общественности первоначально проявила интерес к личности СОЛЖЕНИЦЫНА. Это обстоятельство было использовано наиболее реакционными кругами Запада для раздувания очередной волны антисоветизма. Пресса и радиостанции капиталистических государств, особенно "Свобода" и "Немецкая волна", предприняли попытки дискредитации государственного и общественного строя СССР и советской внешней политики путем организации широкой клеветнической

кампании в связи с публикацией пасквиля "Архипелаг ГУЛаг".

В целях нейтрализации враждебной деятельности СОЛЖЕНИЦЫНА Комитетом госбезопасности в 1974—1975 годах на Запад были продвинуты выгодные нам материалы и документы, в которых раскрывалось истинное лицо пасквилянта и классовые корни его ненависти к Советской власти. Наибольший резонанс произвели в этом плане публикации "Меня предал СОЛЖЕНИЦЫН" — автор Н. ВИТКЕВИЧ, газета "Крисчен сайенс монитор", США; "СОЛЖЕНИЦЫН и НТС" — газета "Русский голос", США; "Продавшийся и простак" — автор Н. ЯКОВЛЕВ, газета "Голос Родины", Франция, США; "Мой муж — СОЛЖЕНИЦЫН" — автор Н. РЕШЕТОВСКАЯ, Италия, Япония; "Архипелаг лжи" — автор Н. ЯКОВЛЕВ, а также телевизионные интервью с Н. РЕШЕТОВСКОЙ, М. ЯКУБОВИЧЕМ, А. КАГАНОМ, Н. ВИТКЕВИЧЕМ, знавшими лично СОЛЖЕНИЦЫНА и в разное время разделявшими его взгляды.

Компрометирующие СОЛЖЕНИЦЫНА сведения, преданные гласности на Западе, привели к определенной переоценке его личности, способствовали появлению и укреплению сомнений в правдивости и исторической достоверности его "сочинений" и вызвали целый ряд позитивных публикаций и выступлений представителей прогрессивной западной общественности. Так, известный швейцарский писатель Ф. АРНАУ в статье "СОЛЖЕНИЦЫН — общеизвестный изобличенный лжец", опубликованной в журнале "Фемина" (Швейцария), обвинил СОЛЖЕНИЦЫНА в "умышленном нагнетании обстановки страха западных читателей перед коммунизмом ради получения огромных гонораров за клевету на свою Родину". Резкой критике подвергли СОЛЖЕНИЦЫНА в своих выступлениях пользующиеся популярностью на Западе писатели ДИГГЕЛЬМАН, ШТАЙГЕР, д'АРЛЕ и другие.

Указанные меры значительно снизили эффективность враждебных сочинений СОЛЖЕНИЦЫНА и вынудили его публично заявить о своей истинной политической платформе антисоветчика. Показательно, что СОЛЖЕНИЦЫН все более откровенно пытается консолидироваться с представителями правооппортунистических кругов чехословацких эмигрантов, которых он намеревался использовать для пропаганды своих антисоветских сочинений. Однако его попытки не увенчались успехом, так как, по мнению ряда руководителей чехословацкой эмиграции, СОЛЖЕНИ-

ЦЫН в общении с ними вел себя как "заносчивый царский шовинист... отрицал идеи демократии и социализма", а на Чехословакию "смотрел как на... губернию".

В 1974—1975 годах СОЛЖЕНИЦЫНУ реакционными кругами были организованы выступления в Швеции, Швейцарии, Франции, Канаде и США, во время которых он продолжал злобствовать против коммунизма и допускал зачастую просто абсурдные политические заявления, шокировавшие даже его единомышленников. Так, в ходе телевизионного интервью, посвященного опубликованию во Франции пасквиля "Бодался теленок с дубом", СОЛЖЕНИЦЫН проповедовал настолько реакционные взгляды, что организаторы передачи были вынуждены "разъяснять" в печати отдельные его высказывания. Автор одной из статей, А. БЕЗАНСОН, признавал, что выступление СОЛЖЕНИЦЫНА не было понято многими телезрителями, хотя и пытался доказать, что произошло это из-за того, что на Западе не представляют реальной жизни в социалистических странах.

Особенно ярко СОЛЖЕНИЦЫН выразил свои политические "убеждения" во время выступления в вашингтонском отеле "Хилтон", организованного председателем АФТ—КПП Дж. МИНИ. В ходе выступления СОЛЖЕНИЦЫН, в частности, подверг резкой критике администрацию президентов ГУВЕРА и РУЗВЕЛЬТА за экономическую помощь, оказанную молодой Советской республике, за установление дипломатических отношений с нашей страной и за участие Соединенных Штатов Америки во второй мировой войне на стороне государств антигитлеровской коалиции. Одновременно с этим СОЛЖЕНИЦЫН обрушился на бывшего президента НИКСОНА и администрацию ФОРДА за их "уступки" Советскому Союзу. Он обвинил правящие круги США в том, что они недостаточно активно вмешиваются во внутренние дела СССР, и в том, что "советский народ брошен на произвол судьбы". "Вмешивайтесь, — призывал СОЛЖЕНИЦЫН, — вмешивайтесь снова и снова настолько, насколько можете". Далее СОЛЖЕНИЦЫН обвинил правительство США в том, что оно "подарило" Вьетнам коммунистам, и заявил: "Победа народно-освободительных сил в Камбодже и Южном Вьетнаме — самое худшее, что могло бы произойти с народами этих стран".

По данным информированных источников, реакция зала на выступление СОЛЖЕНИЦЫНА в отеле "Хилтон" была более чем сдержанной. Спустя час после начала

выступления было заметно, как многие из присутствовавших покидали зал. По признанию американской газеты "Вашингтон пост", среди слушавших речь СОЛЖЕНИЦЫНА неоднократно раздавались такие комментарии в его адрес:"Этот тип хочет заставить нас таскать за него каштаны из огня".

Небезынтересен и тот факт, что после выступлений СОЛЖЕНИЦЫНА в Вашингтоне среди американской общественности и деловых кругов США все шире стало распространяться мнение о его психической неполноценности. Так, в заметке газеты "Нью-Йорк Таймс" от 3 июля с. г.[2] указывалось, что при рассмотрении вопроса о возможности аудиенции СОЛЖЕНИЦЫНА у президента ФОРДА советники последнего в обосновании своего отрицательного отношения к организации этого приема ссылались, в частности, на сомнение в "умственной стабильности" СОЛЖЕНИЦЫНА. Газета "Вашингтон стар", отмечая фанатичный характер политических разглагольствований СОЛЖЕНИЦЫНА, отмечала: "Только фанатик может давать подобные рекомендации в качестве практических внешнеполитических рецептов, а одного фанатизма для внешней политики недостаточно" и далее: "Глупость не перестает быть глупостью, даже если ее изрекает СОЛЖЕНИЦЫН". Влиятельный американский обозреватель Дж. КРАФТ в газете "Вашингтон пост" от 4 июля с. г. указывал, что призывы СОЛЖЕНИЦЫНА к тому, чтобы Америка скатилась назад, к холодной войне, лишний раз должны убедить американцев "поменьше слушать чужих советов и стараться жить своим умом".

Являясь непримиримым врагом социализма и убежденным противником политики международной разрядки, СОЛЖЕНИЦЫН в своем заявлении газете "Нью-Йорк Таймс", сделанном в июле 1975 года, назвал участие президента ФОРДА в предстоящей конференции в Хельсинки "предательством народов Восточной Европы". Во многих своих выступлениях СОЛЖЕНИЦЫН неоднократно подвергал резкой критике страны Западной Европы и Америки за то, что они ради собственного благополучия и спокойствия постоянно уступают позиции на международной арене государствам с "тоталитарными режимами".

Указанные заявления СОЛЖЕНИЦЫНА, его непомерные амбиции, махровые реакционные взгляды и, вместе с тем, элементарная политическая безграмотность полностью разрушили о нем миф как о "поборнике демократии" и оттолкнули от него видных представителей ли-

беральных кругов, некоторых политических деятелей, а также представителей научной и творческой интеллигенции Запада. Об этом красноречиво свидетельствует и тот факт, что, несмотря на неоднократные попытки СОЛЖЕНИЦЫНА получить гражданство какой-либо из западных стран, руководители этих государств под благовидным предлогом до сих пор уклонялись от решения этого вопроса. В частности, премьер-министр Канады П. ТРЮДО ответил СОЛЖЕНИЦЫНУ, что вопросы иммиграции "не входят в компетенцию премьер-министра".

Ряд видных государственных деятелей Швейцарии недвусмысленно выразили желание отмежеваться от СОЛЖЕНИЦЫНА и его провокационной деятельности. 28 августа с. г. на заседании комиссии по иностранным делам парламента Швейцарии президент швейцарской конфедерации П. ГРАБЕР в своем ответе одному из депутатов парламента, ссылавшемуся на негативную оценку значимости Совещания в Хельсинки, данную СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, отверг правомерность подобных ссылок и в резкой форме заявил, что швейцарцы "сами в состоянии разобраться в значимости Совещания". 16—17 сентября с. г. председатель внешнеполитической комиссии национального совета парламента Щвейцарии В. РЕНШЛЕР во время дебатов в национальном совете прямо назвал выступления СОЛЖЕНИЦЫНА демагогическими, а П. ГРАБЕР, отвечая одному из немногочисленных апологетов пасквилянта Дж. ШВАРЦЕНБАХУ, заявил в раздраженном тоне: "ШВАРЦЕНБАХУ следовало бы поменьше читать СОЛЖЕНИЦЫНА и ... побольше уделять внимания швейцарским писателям".

Высказывая определенную озабоченность о сохранении престижа Швейцарии как традиционно нейтрального государства, влиятельная буржуазная газета "Националь цайтунг", 30 июля с. г. в статье, анализирующей деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА, отмечала, что его поведение "не принадлежит к числу факторов, способствующих развитию отношений Швейцарии с Советским Союзом".

Политическое кредо СОЛЖЕНИЦЫНА, его мания величия, стремление представить себя в роли "высшего судьи", "пророка" явились причиной глубоких разногласий между ним и целым рядом лиц, выехавших в последнее время из Советского Союза на Запад (СИНЯВСКИЙ, МАКСИМОВ, НЕКРАСОВ).

Постоянно чувствуя падение интереса к своей личности не только на Западе, но и со стороны немного-

численных единомышленников, оставшихся в СССР, СОЛЖЕНИЦЫН решил восстановить пошатнувшийся "авторитет" путем учреждения так называемого "Русского социального фонда" по оказанию помощи лицам, якобы преследуемым в Советском Союзе по политическим мотивам. Однако организация "фонда" явилась для СОЛЖЕНИЦЫНА лишь очередной рекламой своего имени, а незначительные суммы денег, перечисленные в адреса некоторых советских граждан, известных своей антиобщественной деятельностью (ГИНЗБУРГ, ГОРБАНЕВСКАЯ и др.), были подачкой за поставленную ими клеветническую информацию.

Откровенно неприкрытая враждебная деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА и его реакционная политическая платформа, изложенная в пасквилях "Из-под глыб" и "Письмо вождям Советского Союза", вызвали негативную реакцию со стороны советской научной и творческой интеллигенции, а публикация пасквиля "Бодался теленок с дубом", в котором СОЛЖЕНИЦЫН допустил оскорбительные выпады в адрес известных советских писателей и творческой интеллигенции в целом, способствовала окончательной дискредитации пасквилянта даже перед теми, кто ранее оказывал ему практическую помощь и поддержку. Характерно в этом отношении резко осуждающее СОЛЖЕНИЦЫНА открытое письмо дочери А. ТВАРДОВСКОГО, которое опубликовано в газете "Унита" и получило одобрительную оценку со стороны известных советских литераторов.

Наиболее резкое осуждение со стороны писательской общественности нашей страны встречают последние публичные выступления СОЛЖЕНИЦЫНА, которые расцениваются, по существу, как прямой призыв к развязыванию войны империалистических государств против СССР.

В настоящее время лишь единицы из числа бывших связей СОЛЖЕНИЦЫНА, проживающих в СССР, продолжают поддерживать с ним контакт (ПАСТЕРНАК, ГИНЗБУРГ, ГОРБАНЕВСКАЯ, ТЮРИН, БУХАРИНА, БОРИСОВ). Враждебная деятельность СОЛЖЕНИЦЫНА была подвергнута осуждению даже такими известными антиобщественными элементами, как ЧУКОВСКАЯ, КОПЕЛЕВ и другие, являющимися наиболее близкими его друзьями.

Характерно, что если раньше, в период пребывания СОЛЖЕНИЦЫНА в СССР, каждая публикация о нем в

советской печати, равно как и публикации его пасквилей за рубежом, находили отражение в некоторых антиобщественных проявлениях (листовки, учинение надписей и т. п.), то сейчас подобных явлений практически не наблюдается.

В последнее время СОЛЖЕНИЦЫН, осознавая неприязненное отношение к нему не только советских людей, но и западной общественности, пытается любыми средствами гальванизировать шумиху вокруг своего имени и для этого вынужден все чаще прибегать к помощи наиболее реакционных экстремистских сил Запада, а также различного рода антисоветских и белоэмигрантских организаций ("Народно-трудового союза", "Организации украинских националистов" и других).

Комитет государственной безопасности совместно с заинтересованными учреждениями и ведомствами продолжает мероприятия по дальнейшей компрометации СОЛЖЕНИЦЫНА.

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 648, л. 43—50. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС 4 января 1976 г. за № П30

[2]Здесь и далее ошибка документа. Имеется в виду 1975 г.

№ 167

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

"О лишении гражданства СССР Солженицыной Н. Д."[1]

№ 2302-А 12 октября 1976 г.

Сов. секретно

ЦК КПСС

Солженицына Наталья Дмитриевна (до заключения брака с Солженицыным А. И. — Светлова), 1939 года рождения, уроженка г. Москвы, русская, окончившая в 1970 году механико-математический факультет и аспиран-

туру МГУ, в настоящее время проживает в США вместе со своим мужем Солженицыным.

До выезда из СССР Солженицына принимала активное участие в проведении различных антиобщественных акций. Она содействовала Солженицыну в антисоветской деятельности, оказывая ему помощь в сборе материалов для клеветнических пасквилей, их размножении и распространении.

После выезда из Советского Союза Солженицына вместе со своим мужем продолжает активно заниматься проведением враждебной деятельности против СССР. В частности, по ее инициативе в Швейцарии создан так называемый "Русский социальный фонд", средства которого "предназначены для оказания помощи советским политзаключенным и их семьям". В 1974—1976 годах Солженицына перевела из указанного фонда в адреса ряда своих бывших единомышленников (Гинзбурга, Григоренко, Горбаневской, Дремлюги и других лиц) значительные денежные средства в швейцарской валюте. "Полномочным" представителем этого фонда в СССР Солженицын и его жена объявили судимого в прошлом за антисоветскую деятельность Гинзбурга А. И., который использует поступающие к нему средства для активизации преступных действий антиобщественных элементов.

Солженицына предпринимает попытки к получению тенденциозной информации из Советского Союза для ее использования в проведении антисоветских акций. В опубликованной на Западе Солженицыным книге "Бодался теленок с дубом", проникнутой ненавистью к советской власти и марксистско-ленинской идеологии, отдельные главы подготовлены лично Солженицыной.

В настоящее время, по заявлению Солженицыной, она занимается подготовкой книги о "преследованиях инакомыслящих в СССР", которую намерена опубликовать в реакционных зарубежных издательствах, а затем организовать ее пересылку в Советский Союз.

Таким образом, поведение Солженицыной после выезда из СССР свидетельствует о том, что она активно включилась в антисоветскую деятельность мужа, формально оставаясь советской гражданкой. Указанное обстоятельство может быть использовано супругами Солженицыными в крайне нежелательном для нас направлении, т. к. Солженицына в провокационных целях может обратиться с просьбой о въезде в Советский Союз. Решение этого вопроса, безусловно, вызовет для нас определенные

трудности. С учетом изложенного представляется целесообразным рассмотреть вопрос о лишении Солженицыной советского гражданства. Проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются[2].

Просим рассмотреть.

Председатель
Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР *Ю. Андропов*

Ф. 3, оп. 70, д. 237, л. 5—6. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 13 октября 1976 г. за № 29—105

[2]17 октября 1976 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П30/8 (см. документ № 168)

№ 168

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "О лишении гражданства СССР Солженицыной Н. Д."

№ П30/8 17 октября 1976 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР[1] по данному вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Приложение
К пункту 8 прот. № 30

Проект
Без опубликования в печати

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении гражданства СССР Солженицыной Н. Д.

Учитывая, что Солженицына Н. Д. систематически совершает действия, наносящие ущерб престижу Союза ССР и не совместимые с принадлежностью к советскому гражданству, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании ст. 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР Солженицыну Наталью Дмитриевну, 1939 года рождения, уроженку г. Москвы.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР *Н. Подгорный*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР *М. Георгадзе*

Москва, Кремль

Ф. 3, оп. 80, д. 648, л. 51—52. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Указ Президиума Верховного Совета СССР № 4640-IX от 19 октября 1976 г.

1977

№ 169

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
"Об издании рукописи о СОЛЖЕНИЦЫНЕ"[1]

№ 87-Ц 17 января 1977 г.

Секретно

Ц К К П С С

Комитетом государственной безопасности проводятся мероприятия по дальнейшей дискредитации СОЛЖЕНИЦЫНА перед мировой и советской общественностью. В этих целях, в частности, подготовлена рукопись публицистического характера (прилагается)[2], автором которой является чехословацкий журналист Т. РЖЕЗАЧ.

С 1968 по 1975 год Т. РЖЕЗАЧ находился в эмиграции в Швейцарии, где познакомился с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, некоторое время являлся переводчиком его пасквилей на чешский язык, участвовал при переговорах СОЛЖЕНИЦЫНА с руководителями чехословацкой эмиграции. Возвратившись в Чехословакию, Т. РЖЕЗАЧ выступил с разоблачениями связей чехословацких эмигрантов и СОЛЖЕНИЦЫНА с реакционными кругами Запада, после чего ему была предоставлена возможность посетить СССР для сбора дополнительных материалов о личности СОЛЖЕНИЦЫНА и его враждебной деятельности до выдворения из страны. В рукописи на основе документальных материалов автор разоблачает СОЛЖЕНИЦЫНА как ярого классового врага социализма, политики мирного сосуществования и мировой разрядки.

Комитетом государственной безопасности приняты меры к публикации указанной рукописи за рубежом. В частности, в марте 1977 года предполагается ее выход на

итальянском языке, а в последующем — на французском и английском языках.

Сообщается в порядке информации.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *ЦВИГУН*

Приложение

АННОТАЦИЯ

на рукопись книги чехословацкого журналиста Т. Ржезача о Солженицыне

Комитетом государственной безопасности при СМ СССР в порядке информации представлен перевод рукописи книги Т. Ржезача о Солженицыне под условным названием "Это не биография писателя, а протокол вскрытия трупа предателя". КГБ при СМ СССР принимает меры к изданию в 1977 г. рукописи за рубежом на итальянском, французском и английском языках.

Автор рукописи — чехословацкий журналист, находившийся в эмиграции в Швейцарии в период с 1968 г. по 1975 г., был переводчиком Солженицына и лично знал его.

Рукопись имеет 329 страниц и ряд вставок, дополнений и сокращений. Сопровождается предисловием автора. В книге две части: "Шрамы" и "Слепки" и одиннадцать глав, имеющих названия — "Детские болезни", "Наталия, Наталия...", "Победа принадлежит честным", "Момент истины", "Мученик без мук", "Борец за правду", "Великан", "Любой ценой", "Пророк", "Изгнание".

Автор показывает подлинное лицо Солженицына: провокатора, антисоветчика, врага мира и прогресса, злобного, мелкого человека, труса и предателя по натуре. Он, как сообщается в рукописи, неоднократно встречался с Солженицыным, беседовал с людьми, знавшими его в школьные и студенческие годы, в период лагерной жизни и после отбытия наказания, и вынес определенные личные впечатления об этом человеке.

В книге рассказывается, что Солженицын стал на путь предательства, антисоветизма и антикоммунизма не случайно, а сознательно и продуманно из низменных личных побуждений, чтобы любой ценой обрести мировую известность и славу великого русского писателя ("Л. Толстого XX века").

Основываясь на свидетельствах близко знавших его людей, Т. Ржезач показывает, что Солженицын еще с юности проявлял патологическую манию величия, граничащую с истерией (стр. 30), был ловким изворотливым приспособленцем, "достигшим совершенства интриганом" и "находчивым лицемером" (стр. 26,28). Он всегда хотел быть первым, стремился к славе великого писателя, пытался добиться известности, не считаясь со средствами и попирая все человеческие нормы этики и порядочности. Для достижения своих целей он использовал все средства: ложь, подтасовку фактов, преднамеренное их искажение и т. д.

На счету Солженицына, как пишет автор рукописи, не одно предательство близких ему людей: друзей, жены, матери и др.

Существенное место в рукописи Ржезача занимают главы, в которых Солженицын характеризуется как провокатор и интриган.

Опираясь на признание самого Солженицына, сделанное в "Архипелаге ГУЛАГ" о том, что он был секретным информатором лагерной администрации под кличкой Ветров, автор прослеживает эту версию и доказывает, что Солженицын был платным доносчиком и причастен к гибели людей (стр. 183—187). В книге приводятся свидетельства его бывших школьных друзей (известного советского хирурга профессора Симоняна и доцента Брянского пединститута Виткевича) о том, что им были показаны протоколы, содержавшие доносы Солженицына на них, сделанные в 1945 г. и в 1952 г. (стр. 150, 151, 153, 154, 168 и др.). Рукопись содержит много фактов, характеризующих Солженицына как изворотливого приспособленца, умеющего создать себе выгодное и привилегированное положение. В школе он был отличником, но чтобы избежать нежелательной ему оценки, умел имитировать припадки. В институте ему назначили сталинскую стипендию за отличную успеваемость и активную общественную работу. Будучи выходцем из семьи крупного помещика и белогвардейца, Солженицын умело скрывал прошлое своей семьи, а также свои политические взгляды и мировоззрения (стр. 38—40).

В главе "Мученик без мук" автором приведены факты, развеивающие миф о нечеловеческих страданиях Солженицына во время его ареста, следствия и пребывания в лагерях. Используя выдержки из книг самого Солженицына, Т. Ржезач показывает истинное положение дел. На

Лубянке в период следствия он жил в камере, где была хорошая чистая постель, пуховые подушки, шахматы, книги, газеты, чайный столик, чистый паркетный пол (стр. 149—150). Отбывать наказание за доказанную преступную деятельность в военное время Солженицын тоже начал не на Севере, а в Москве на строительстве жилого дома в качестве паркетчика, а затем в Марфино (на окраине Москвы) в специнституте по исследованию акустики. Везде он имел хорошее питание, доступ к литературе, мог писать и писал. Последние годы заключения он отбывал в Экибастузском лагере, где тоже имел привилегированное положение, работая в библиотеке. Питался в столовой за деньги, два раза в неделю ходил в кино (стр. 182—183).

Разоблачая ложь, нагроможденную Солженицыным в его писаниях о советском образе жизни, о лагерях смерти, наподобие гитлеровских, о пытках заключенных в ходе следствия, автор книги приводит свидетельства людей, бывших в заключении вместе с Солженицыным, которые опровергают эти вымыслы. Из опрошенных автором людей, ни один не подтвердил, что подвергался пыткам и издевательствам. Не подтвердил это и сам Солженицын в доверительном разговоре с автором. Все бывшие заключенные утверждают, что, несмотря на вину их перед советским народом, им не мстили, их убеждали и требовали одного — честного труда (стр. 192—200).

В рукописи автором разоблачается версия Солженицына о причинах его ареста, подхваченная западной буржуазной пропагандой. Он утверждает, что Солженицын испытывал патологический страх за свою жизнь, его преследовал ужас перед возможностью погибнуть на фронте. И он сам расчетливо и продуманно осуществил идею отсидки в тылу любой ценой, даже ценой ареста (стр. 124, 13—140, 149—150). В книге говорится о том, как Солженицын в конце 1943 года и в начале 1944 года по разным адресам рассылает через полевую почту, просматриваемую военной цензурой, провокационные письма, в которых содержатся антикоммунистические высказывания и резкие слова в адрес Сталина. В это же время он вместе со своим школьным дружком офицером Виткевичем (ныне доцент Брянского института) сочиняет "Резолюцию № 1", где допускаются антисоветские выпады и критика Сталина (стр. 135—138). В своей машине он хранит книги 20-х годов (Троцкого, Бухарина, Зиновьева) и немецкую книгу с портретом Гитлера. По мнению Рже-

зача, Солженицын рассчитывал, что переписка будет замечена и его увезут с фронта в тыл для допросов и распутывания группового "заговора".

Автор говорит, что сам Солженицын подтвердил в своей книге "Архипелаг ГУЛАГ", что косвенно просил органы контрразведки "СМЕРШ": "Арестуйте меня, увезите от мин и гранат в безопасное место в тишину тыловой тюрьмы" (стр. 216, стр. 150). Просчет Солженицына, как пишется в книге, состоял в том, что он, планируя эту провокацию, надеялся на амнистию после Победы. Однако амнистия не затронула предателей и изменников.

Вторая часть рукописи "Слепки" (стр. 201—329) содержит описание масок Солженицына, которыми он прикрывает истинную свою сущность доносчика и предателя по натуре. Здесь приводятся факты лицемерия, ханжества, злобной зависти Солженицына к таким писателям, как Шолохов и Твардовский.

В этой части рукописи автором анализируются политические причины, побудившие определенные круги на Западе выдвинуть кандидатуру Солженицына на Нобелевскую премию, показывается возня, предпринятая пропагандистской машиной антикоммунизма вокруг вопроса о "преследовании" Солженицына в Советском Союзе. Раскрывается лживость солженицынских утверждений о бедственном его положении и нищете: он много путешествует, приобретает автомобиль для своей тетки, посещает концерты, театры и т. д. У него много поклонниц, которым он не отказывает во внимании, число любовных похождений растет как лавина (стр. 291—296).

В главе "Пророк" автором показываются провокации, задуманные Солженицыным и выполненные им, чтобы побудить правительство к его "выдворению" из Советского Союза. Он хотел не добровольной эмиграции, а именно "выдворения", чтобы предстать перед западными друзьями-антисоветчиками в ореоле мученика и страдальца за правду (стр. 305—308).

В заключительной главе "Изгнание" автор рассказывает о собственных впечатлениях о Солженицыне, полученных в Швейцарии. Он говорит о претензиях Солженицына возглавить зарубежную эмиграцию, о его пророчествах и кликушестве, о его позерстве и угрозах в адрес России и русского народа, о требовании "покаяния" русских перед миром за грехи революции. Эти же наблюдения высказаны автором и в предисловии к книге.

Он вспоминает патологические пророчества и призывы Солженицына к народам — "покаяться", которые он произнес в кружке чешских политэмигрантов. Россия должна покаяться за революцию и убраться в свои исконные границы, "границы времен Ивана IV Грозного". Отказаться от Прибалтики и Черного моря, "от своих земель в Советской Азии" (стр. 6). Чехи должны покаяться за гуситские войны и таборитов (стр. 10), а немцы — за крестьянские войны и Либкнехта (а не за фашизм и Гитлера) (стр.9).

Как показывает Ржезач, в своих проповедях мракобесия Солженицын доходит до того, что провозглашает "великой и свободной Россией" — Россию Романовых (стр. 9).

Автором рукописи делается вывод о том, что Солженицын как писатель не состоялся и давно уже не интересен западному читателю. Он нужен пока пропагандистам антисоветизма, содержится ими и работает на них.

Ф. 3, оп. 80, д. 649, л. 3—9. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Разослана членам, кандидатам в члены Политбюро ЦК и секретарям ЦК КПСС 24 января 1977 г. за № П117

[2] Рукопись не публикуется

№ 170

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

"Об опубликовании Указа Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицыной Н. Д. советского гражданства"[1]

№ 423-А 2 марта 1977 г.

Секретно

ЦК КПСС

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1976 года[2] за систематическое совершение действий, наносящих ущерб престижу Союза ССР и не совместимых с принадлежностью к советскому гражданству, лишена гражданства СССР Солженицына Наталья Дмитриевна, 1939 года рождения, уроженка г. Москвы, находящаяся в США.

В то время было принято решение данный Указ не

публиковать, имея в виду вызвать Солженицыну в Посольство СССР и изъять советский паспорт. Однако Солженицына вызовы в Посольство игнорирует.

С учетом изложенного Комитет госбезопасности считает целесообразным опубликовать Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицыной гражданства СССР в "Ведомостях Верховного Совета СССР".

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[3].

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР *Ю. Андропов*

Ф. 3, оп. 70, д. 460, л. 136. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 3 марта 1977 г. за № 48—42
[2]См. документ № 168
[3]5 марта 1977 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС № П49/23 (см. док. № 171)

№ 171

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС "Об опубликовании Указа Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицыной Н. Д. советского гражданства"

№ П49/23 5 марта 1977 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Опубликовать в "Ведомостях Верховного Совета СССР" Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1976 года о лишении советского гражданства Солженицыной Н. Д. (текст Указа прилагается)[1].

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф. 3, оп. 80, д. 650, л. 1. Выписка из протокола.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Не публикуется. См. приложение к документу № 168

№ 172

ЗАПИСКА КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

"Об издании на русском языке книги о Солженицыне"[1]

№ 1432-А 5 июля 1977 г.

Секретно

Ц К К П С С

17 января 1977 года Комитет госбезопасности докладывал (№ 87-Ц)[2] о мероприятиях по изданию за рубежом книги чехословацкого журналиста Т. Ржезача под названием "Спираль измены", в которой содержатся материалы, дискредитирующие личность и пасквили Солженицына.

В июне с. г. сокращенный вариант указанной книги опубликован на итальянском языке в Милане издательством "Тети и К°". Некоторые сокращения в книге произведены с целью адаптации материала для зарубежного читателя. Предприняты меры к продвижению книги в издательства других стран.

Комитет государственной безопасности считает целесообразным для дальнейшей дискредитации Солженицына перед советской общественностью издать полный вариант книги Т. Ржезача на русском языке через возможности Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли для ограниченного пользования. С Госкомиздатом СССР (т. Чхиквишвили И. И.) согласовано.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[3].

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР *Ю. Андропов*

Ф. 3, оп. 70, д. 673, л. 69. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Разослана членам Политбюро ЦК КПСС на голосование 7 июля 1977 г. за № 62—55

[2] См. документ № 169

[3] 11 июля 1977 г. было принято постановление Политбюро ЦК КПСС за № П63/31 (см. документ № 173)

№ 173

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
"Об издании на русском языке книги о Солженицыне"

№ П63/31 11 июля 1977 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Согласиться с предложением Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР об издании книги чехословацкого журналиста Т. Ржезача[1].

2. Поручить Государственному комитету Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (т. Стукалину) издать на русском языке для ограниченного пользования книгу Т. Ржезача.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Ф. 3, оп. 80, д. 650, л. 5. Выписка из протокола

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См. документ № 172

№ 174

ИНФОРМАЦИЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
"О попытке создания СОЛЖЕНИЦЫНЫМ т. н. "Всероссийской мемуарной библиотеки"[1]

№ 2439-А 11 ноября 1977 г.

Секретно

Ц К К П С С

Комитет государственной безопасности располагает данными о том, что СОЛЖЕНИЦЫН, обеспокоенный резким падением на Западе интереса к своей личности и пасквилям, пытается привлечь к себе внимание буржуазных органов массовой информации. В связи с этим в октябре с. г. он выступил с так называемым "обращением к русской общественности" о создании "Всероссийской мемуарной библиотеки", которое активно используется пропагандистскими центрами противника в проведении враждебных идеологических акций против СССР.

Из "обращения" СОЛЖЕНИЦЫНА видно, что целью указанной "библиотеки" является концентрация различ-

ного рода антисоветских, клеветнических и других материалов, связанных с предреволюционным и советским периодами истории нашей страны. Характерен тот факт, что СОЛЖЕНИЦЫН подчеркивает свою заинтересованность в получении материалов от представителей так называемого "второго поколения русских эмигрантов", то есть от лиц, являющихся свидетелями событий 20-х и 30-х годов, а также периода Великой Отечественной войны.

Комитетом государственной безопасности принимаются меры по локализации и пресечению указанной акции противника.

Сообщается в порядке информации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *АНДРОПОВ*

Ф. 3, оп. 80, д. 650, л. 9. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]На отдельном листе указание: "Ознакомить секретарей ЦК КПСС, а также т. Тяжельникова" и подписи В. Долгих, Я. Рябова, М. Зимянина, М. Суслова, И. Капитонова, А. Кириленко, К. Русакова, К. Черненко

№ 175

ЗАПИСКА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СССР ПО ДЕЛАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ, ПОЛИГРАФИИ И КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ И АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ "НОВОСТИ"

№ 0500 8 августа 1978 г.

Секретно
Экз. № 1

Ц К К П С С

Госкомиздат СССР и Агентство печати Новости вносят предложение об издании на русском языке тиражом 100 тысяч экземпляров книги чехословацкого писателя и публициста Томаша Ржезача "Спираль измены Солженицына".

По каналам АПН эта книга была выпущена в Италии миланским издательством "Тети эдиторе" в 1977 году и вызвала положительные отзывы читателей. Автор использовал большой фактический материал, глубоко вскрывает классовые корни ненависти Солженицына к социализму и разоблачает активное использование реакционными кругами Запада подобных отщепенцев в идеологической диверсии против социалистических стран. Книга написана живо, остро, талантливо.

В 1978 году издательство "Прогресс" выпустило ограниченным тиражом книгу Т. Ржезача в авторизованном переводе. Советская общественность, встретившая книгу с большим интересом, ставит вопрос о ее издании массовым тиражом.

Просим согласия на выпуск нового издания книги "Спираль измены Солженицына" на русском языке в издательстве "Прогресс". Одновременно просим поручить Госкомиздату СССР, АПН и ВААП принять меры к опуб-

ликованию и распространению этой книги через зарубежные издательства и книготорговые фирмы.

Председатель Государственного комитета ССС по делам издательств, полиграфии и книжной торговли	Председатель Правления Агентства печати Новости
Б. И. Стукалин	*Л. Н. Толкунов*

Ф. 3, оп. 78, д. 16, л. 105. Подлинник.

№ 176

ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС И ОТДЕЛА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС
"О книге Т. Ржезача "Спираль измены Солженицына"

18 сентября 1978 г.

Секретно

ЦК КПСС

Госкомиздат СССР (т. Стукалин) и Агентство печати "Новости" (т. Толкунов) внесли предложение о распространении на русском и основных иностранных языках книги чехословацкого писателя Томаша Ржезача "Спираль измены Солженицына"[1].

Книга Т. Ржезача, опубликованная в 1977 году в Италии издательством "Тети эдиторе" при содействии АПН, вызвала положительные отзывы. Отклики на книгу свидетельствуют о том, что автору удалось в острой публицистической форме показать отвратительный облик Солженицына, контрреволюционную сущность его деятельности, разоблачить замыслы международной реакции использовать подобных отщепенцев в целях идеологических диверсий против социалистических стран.

В 1978 году книга Т. Ржезача была опубликована издательством "Прогресс" на русском языке тиражом 10 тысяч экземпляров.

Основная часть тиража (7 тыс.) передана Комитету Государственной безопасности СССР. Оставшаяся часть тиража направлена через книжную экспедицию Управления делами ЦК КПСС членам ЦК КПСС, кандидатам

в члены ЦК КПСС, членам Центральной ревизионной комиссии КПСС, заведующим и заместителям заведующих отделами ЦК КПСС, заведующим секторами, руководителям групп консультантов и консультантам отделов оргпартработы, пропаганды, науки и учебных заведений, культуры, международного, Отдела ЦК КПСС и Отдела внешнеполитической пропаганды, лекторам Отдела пропаганды ЦК КПСС, секретарям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, Московского, Ленинградского и Киевского горкомов КПСС, заведующим отделами пропаганды, науки и учебных заведений, культуры, руководителям лекторских групп, республиканским, краевым и областным домам политического просвещения (включая Москву, Ленинград, Киев), начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота и его заместителям, Комитету партийного контроля при ЦК КПСС (председателю, заместителям и членам Комитета), редакторам и членам коллегий газет, журналов и издательств ЦК КПСС, а также руководителям и работникам других центральных идеологических учреждений и ведомств по списку, согласованному с Отделом пропаганды ЦК КПСС, Отделом внешнеполитической пропаганды и Общим отделом ЦК КПСС.

В связи с изложенным дополнительное издание книги на русском языке представляется нецелесообразным. Госкомиздату СССР, АПН и ВААП рекомендовано принять меры к продвижению книги в зарубежные страны через иностранные издательства и фирмы.

Тт. Стукалину, Толкунову, Панкину сообщено.

Зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС	Зам. зав. Отделом внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС
(*В. Севрук*)	(В. *Фалин*)

Ф. 3, оп. 78, д. 16, л. 103—104. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См. документ № 175

1979

№ 177

ТЕЛЕГРАММА А. СОЛЖЕНИЦЫНА К. ЧЕРНЕНКО[1]

20 декабря 1979 г.

Москва, Старая площадь, члену Политбюро ЦК КПСС Константину ЧЕРНЕНКО лично.

Советское посольство в Вашингтоне сообщило о категорическом отказе моей единственной родственнице тете Ирине Ивановне Щербак в визе выехать ко мне в Соединенные Штаты.

Неужели мало всего оглашенного уже позора, чтобы еще добавить произвол над девяностолетней, слепой, глухой, скрюченной, безграмотной старухой?

Дайте, пожалуйста, указание, отпустите старуху, не вынуждайте меня оглашать.

Александр Солженицын

Ф. 3, оп. 80, д. 650, л. 12. Копия.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] На документе указания: "**т. Щелокову Н. А.** К. Черненко", "Срочно. т. Елисову Б. К. Решить с КГБ, согласовав в инстанциях. Н. Щелоков. 28.12.79г.", "Согласовано"

№ 178

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

"О рассмотрении телеграммы А. Солженицына"[1]

№ 1/703 **6 февраля 1980 г.**

Секретно
экз. № 1

Ц К К П С С

В связи с поручением докладываем, что телеграмма А. Солженицына рассмотрена совместно с КГБ СССР.

Признано целесообразным в выезде в США советской гражданке Щербак И. И., являющейся дальней родственницей автора телеграммы, отказать. При этом учитывается, что во время выдворения Солженицына из СССР все его пожелания о выезде за границу членов семьи и родственников были полностью удовлетворены и что было принято решение в дальнейшем официальных отношений с этим лицом не иметь. Признано также целесообразным ответа Солженицыну в связи с его обращением не давать.

Приложение: на 2 листах.

Министр *Н. Щелоков*

Ф. 3, оп. 80, д. 650, л. 11. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]См. документ № 177

Иллюстрации

Эти снимки были приложены к текстам документов, направленных в Политбюро ЦК КПСС

Сов. секретно

ОСОБАЯ ПАПКА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ПОЛИТБЮРО

Фонд № 8

Опись № 80

Дело № 644

Дело № 41-В/1-д/1-2

О писателе А.И.Солженицыне

Постановления Политбюро, Секретариата ЦК КПСС и др.материалы о писателе А.Солженицыне и его произведениях, мерах в связи с присуждением ему Нобелевской премии 1970г. в области литературы и о реагировании на это решение в стране и за рубежом.

Начато 9 октября 1970 г.

Окончено 18 февраля 1971 г.

На 162 листах

Одна из многих папок дела
«О писателе А. И. Солженицыне»

Экземпляр первого издания «Теленка»
(«IMKA-пресс»)
с резолюцией: «Уничтожить».

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

«9» февраля 1974 г.
№ 388-А
гор. Москва

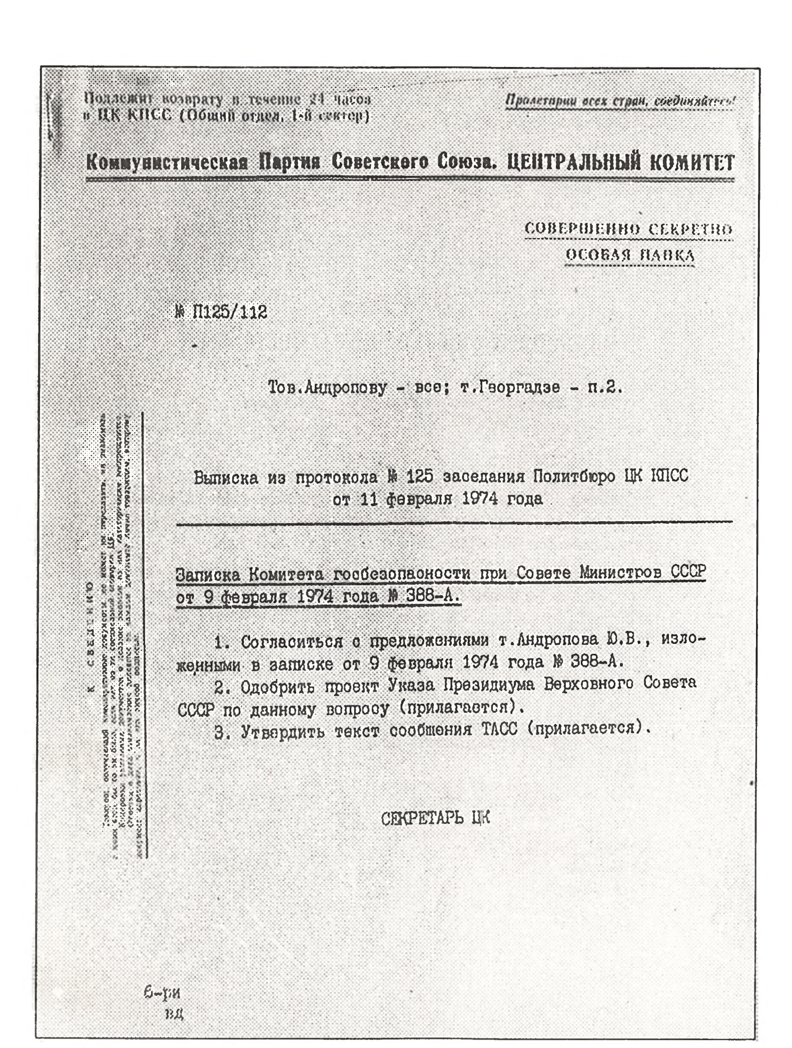
Совершенно секретно
ОСОБАЯ ПАПКА

ЦК КПСС

Представляю справку, подготовленную тт.ЧЕБРИКОВЫМ В.М. и БОБКОВЫМ Ф.Д., непосредственно занимающимися вопросом о СОЛЖЕНИЦЫНЕ. Из справки вытекает, что этот вопрос в настоящее время вышел за рамки уголовного и превратился в немаловажную проблему, приобретающую определенный политический характер. Как видно из справки, подавляющее большинство советских людей правильно оценило критику в адрес СОЛЖЕНИЦЫНА. Но именно с этой стороны все чаще и во все более резкой форме задается вопрос: "Почему власти не принимают мер против СОЛЖЕНИЦЫНА, который после критики его взглядов не только не сложил оружия, но в еще более оголтелой форме выступает против Советской власти". Особенно настораживает, что такой вопрос все чаще раздается в среде военных и некоторой части работников партийного аппарата.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что книга СОЛЖЕНИЦЫНА, несмотря на принимаемые меры по разоблачению ее антисоветского характера, так или иначе вызывает определенное сочувствие у некоторых представителей творческой интеллигенции. Так, например, некоторые видные писатели, осуждая антисоветский характер "Архипелага Гулага", говорят о том, что факты, описанные в этой книге, действительно имели место и что это произведение должно насторожить советское руководство, которое якобы осуществляет процесс "реставлинизации". Некоторые видят "полезность" книги СОЛЖЕНИЦЫНА в том, что она "неизбежно привлечет внимание Центрального Комитета к интеллигенции, прежде всего творческой".

Записка КГБ в ЦК КПСС накануне высылки писателя.
На полях — резолюции членов Политбюро.

Подлежит возврату в течение 24 часов
в ЦК КПСС (Общий отдел, 1-й сектор)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

№ П125/112

Тов.Андропову - все; т.Георгадзе - п.2.

Выписка из протокола № 125 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 11 февраля 1974 года

Записка Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР
от 9 февраля 1974 года № 388-А.

1. Согласиться с предложениями т.Андропова Ю.В., изложенными в записке от 9 февраля 1974 года № 388-А.
2. Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).
3. Утвердить текст сообщения ТАСС (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

6-ри
вд

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС,
на котором был утвержден текст Указа о лишении А. И. Солженицына
советского гражданства и выдворении за пределы СССР.

Общий отдел ЦК КПСС
тов. ЧЕРНЕНКО К.У.

Не подлежит опубликованию

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении гражданства СССР и выдворении
за пределы СССР Солженицына А.И.

Учитывая, что Солженицын систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим враждебным поведением ущерб Союзу ССР, Президиум Верховного Совета СССР п о с т а н о в л я е т:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР лишить гражданства СССР и выдворить за пределы СССР СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича, 1918 года рождения, уроженца гор. Кисловодска.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР П. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
12 февраля 1974 г.
№ 5494-VIII.

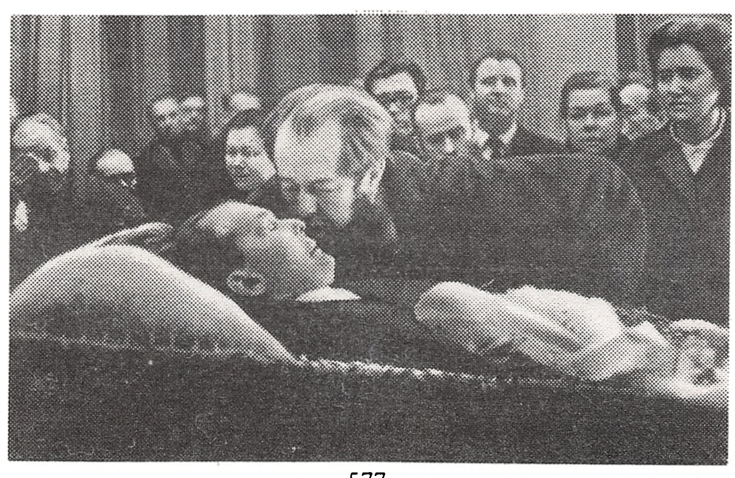
Указ Президиума Верховного Совета СССР
о лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР
А. И. Солженицына (Указ не публиковался).

А. И. Солженицын на похоронах А. Т. Твардовского (к документу № 70)

У гроба в ЦДЛ

Прощание в ЦДЛ

Процессия при выносе тела А. Т. Твардовского

На Новодевичьем кладбище.
Рядом вдова покойного

На Новодевичьем кладбище рядом с вдовой покойного

На Новодевичьем кладбище

12.9.67.

Дорогой Александр Трифонович!

Сегодня весь день искал Вас в „Новом мире", но к сожалению Вас не было. Я хотел посоветоваться с Вами. Секретариат СП тянет, тянет, и время уходит непростительно. Я считаю необходимым подтолкнуть их к решению. Но я не могу рассматривать 3-4х секретарей как представляющих весь секретариат, и поэтому шлю письмо всем секретарям СП — строго и точно им, больше никому. С моей повесткой они обязаны сказать „да" или „нет".

В перечне секретарей на встрече 12 июня не пишу Вас. Не сочтите это за пренебрежение: просто перо не повернулось вписать Вас — не могу я отвыкнуть видеть каждую строчку из дали лет. Да Вы в тот день и не были, собственно, „хозяином двора", так что это вполне справедливо.

Имею сведения, что Марков и Воронков сами приложили усилия к искажению событий. Марков распространяет сведения, что мы с Вами на встрече 12 июня якобы „крупно поругались", а Воронков с трибуны добавляет фантастические подробности к истории изъятия моего архива.

Крепко жму руку!

С самыми добрыми пожеланиями

Письмо А. И. Солженицына
А. Т. Твардовскому. 12.09.67.

6 СЕН 1973
ПРИЕМ ПОЧТЫ

Уважаемый Леонид Ильич!

Вопреки написанному мною множественному заголовку я раздумал посылать это письмо Вашим коллегам и посылаю письмо в единственном экземпляре Вам одному, притом через окошко приемной ЦК. /Сопроводительное же письмо – в двух экземплярах, одно из них – по почте/

Я полагаю, что решения будут зависеть больше всего от Вас лично, а Вы уже сами изберете, с кем из Ваших коллег Вы захотите посоветоваться.

Вы увидите, что мое письмо написано не с публицистическим задором, не с упреками, а только с живым желанием убедить Вас.

Я не теряю надежды, что Вы, как простой русский человек с большим здравым смыслом, вполне можете мои доводы принять, а уж тогда тем более будет в Вашей власти их осуществить.

Если Вы решитесь на этот благодетельный шаг, на этот спасительный путь, Россия в своей будущей истории не раз еще вспомнит Вас с благодарностью.

5 сент. 1973 А.Солженицын

Если Вы пожелаете побеседовать со мной по поводу этого письма – я готов.

Письмо А. И. Солженицына
Л. И. Брежневу. 5.09.73.

Снимки из журнала «Штерн»
(к документу № 68, статья «Хамская семья»)

Тетка Солженицына Ирина Щербак в 16 лет

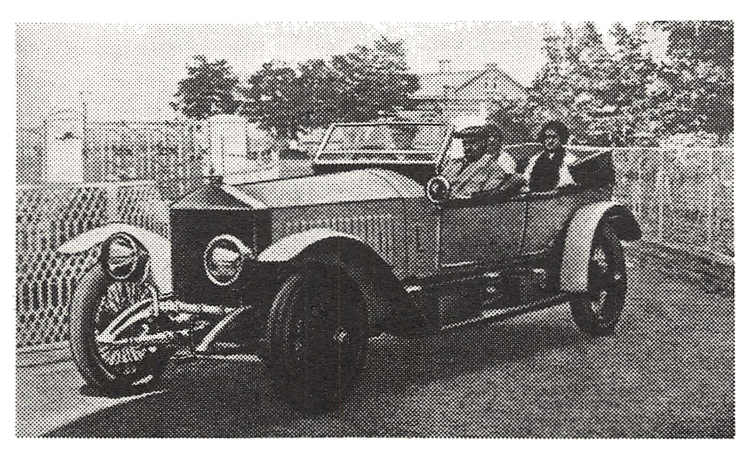
И. И. Щербак

А. Солженицын с теткой И. Щербак

Солженицын родился в 1918 году в Кисловодске, на юге России. Этот дом, в котором размещается больница, раньше принадлежал его тетке Ирине Щербак.

В 1910 году в России было всего девять автомашин типа «Роллс-ройс». На одной из них ездил дядя Солженицына Роман. На заднем сиденье его жена Ирина с матерью Солженицына.

ПЕРЕЧЕНЬ
документов, включенных в сборник

I. РАБОЧИЕ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЙ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

II. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

* В скобках указан порядковый номер документа

№ П185/7. *Приложение. Проект заявления послу Швеции в Советском Союзе.* (52)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "О заявлении МИД СССР посольству Италии в Москве в связи с выступлением министра Маттеотти по т. н. "делу Солженицына" от 18 декабря 1970 г. № П185/135. *Приложение. Текст заявления посольству Италии в Москве.* (54)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "Вопрос Комитета госбезопасности и Прокуратуры СССР (О Солженицыне)" от 7 января 1971 г. № П187/XI. (56)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "Об указаниях совпослу в Стокгольме в связи с Нобелевской премией Солженицыну" от 19 ноября 1971 г. № П26/44. *Приложение. Проект указаний совпослу в Стокгольме.* (67)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "О Солженицыне и Якире" от 30 марта 1972 г. № П37/прот. (80)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "Об устном заявлении посольству Швеции в Москве" от 13 апреля 1972 г. № П40/60. *Приложение. Проект устного заявления Посольству Швеции в Москве.* (85)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "О представлении правительству Франции в связи с антисоветской кампанией во французской печати" от 13 апреля 1973 г. № П103/138. *Приложение. Текст устного представления посольству Франции в Москве.* (102)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "К вопросу о Сахарове и Солженицыне" от 17 сентября 1973 г. № П104/VIII. (104)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "О Солженицыне" от 7 января 1974 г. № П120/прот. (113)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "Об информации братским партиям относительно антисоветской деятельности Солженицына" от 17 января 1974 г. № П122/XVII. *Приложение 1. Текст телеграммы совпослам. Приложение 2. Список партий, которым направляется информация.* (122)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "Записка Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР от 9 февраля 1974 г. № 388-А" от 11 февраля 1974 г. № П125/112. *Приложение 1. Проект Указа Президиума Верховного Совета СССР "О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А. И." Приложение 2. Текст сообщения ТАСС.* (140)

Постановление Политбюро ЦК КПСС "Об указаниях

III. РАБОЧИЕ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЙ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

IV. ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

V. УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

VI. ЗАПИСКИ МИНИСТЕРСТВ, ВЕДОМСТВ, ОТДЕЛОВ ЦК КПСС И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 27 августа 1973 г. № 2045-А. (91)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 17 сентября 1973 г. № 2239-А. (105)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 19 октября 1973 г. № 2487-А. (106)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 12 декабря 1973 г. № 3079-А. (108)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 2 января 1974 г. № 2-А. (109)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 2 января 1974 г. № 4-А. (110)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 7 февраля 1974 г. № 350-А/ОВ. *Приложение. Проект Указа Президиума Верховного Совета СССР "О лишении гражданства СССР и выдворении за пределы СССР Солженицына А. И."* (136)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 9 февраля 1974 г. № 388-А. (138)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР "О книге "Бодался теленок с дубом" и дальнейшей компрометации Солженицына" от 6 июня 1975 г. № 1437-А. (162)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР "О публикации в газете "Голос Родины" статьи Яковлева "Теленок с пером" о Солженицыне" от 30 августа 1975 г. № 2337-А. *Приложение. Статья Н. Яковлева "Теленок с пером"*. (164)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР "О лишении гражданства СССР Солженицыной Н. Д."от 12 октября 1976 г. № 2302-А. (167)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР "Об опубликовании Указа Президиума Верховного Совета СССР о лишении Солженицыной Н. Д. советского гражданства" от 2 марта 1977 г. № 423-А. (170)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР "Об издании на русском языке книги о Солженицыне" от 5 июля 1977 г. № 1432-А. (172)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства иностранных дел СССР от 16 ноября 1971 г. № 1924/ГС. (66)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства иностранных дел СССР от 9 февраля 1974 г. № 389-А. (139)

Записка Министерства иностранных дел СССР и Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 1 марта 1974 г. № 536/ГС. (157)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Прокуратуры СССР от 20 ноября 1970 г. № 3181-А. *Приложение. Проект Указа Президиума Верховного Совета СССР "О лишении советского гражданства и выдворении из пределов СССР Солженицына А. И." (45)*

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Прокуратуры СССР от 27 марта 1972 г. № 778-А. *Приложение. Проекты постановления ЦК КПСС "Вопрос Комитета госбезопасности при СМ СССР" и Указа Президиума Верховного Совета СССР "О лишении советского гражданства и выдворении из пределов СССР А. Солженицына."* (78)

Записка Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Прокуратуры СССР от 6 февраля 1974 г. № 348-А. (135)

Записка Министерства иностранных дел СССР от 3 декабря 1970 г. № 2235/ГС. (50)

Записка Министерства иностранных дел СССР от 17 декабря 1970 г. № 2322/ГС. (53)

Записка Министерства иностранных дел СССР от 12 апреля 1972 г. № 739/ГС. (84)

Записка Министерства иностранных дел СССР и Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран от 16 июня 1968 г. № 1506/ГС, 15-Д-887. (23)

Записка Международного отдела ЦК КПСС и Министерства иностранных дел СССР от 23 ноября 1970 г. № 2147/ГС, 25-С-1993. (46)

Записка Министерства иностранных дел СССР и Международного отдела ЦК КПСС от 7 сентября 1973 г. № 2175/ГС. (98)

Записка Международного отдела ЦК КПСС от 10 июля 1967 г. № 25-С-1014. (14)

Записка Отдела культуры ЦК КПСС "О литераторе А. Солженицыне в связи с публикацией его произведений за рубежом" от 22 января 1969 г. (25)

Записка Отдела культуры ЦК КПСС "О письме А. Солженицына" от 27 октября 1970 г. (34)

Записка Отдела культуры ЦК КПСС "О Солженицыне" от 11 ноября 1970 г. (38)

Записка Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран и Отдела культуры ЦК КПСС "Об указаниях послу СССР в ДРВ" от 17 ноября 1970 г. (42)

Записка Отдела культуры ЦК КПСС "О публикации материалов о Солженицыне" от 20 ноября 1970 г. *Приложение. Тексты материалов для публикации "Необходимое разъяснение", "Наше мнение".* (44)

Записка Отдела пропаганды ЦК КПСС от 22 января 1971 г. (59)

Записка Международного отдела ЦК КПСС "Об информации братским партиям относительно антисоветской деятельности Солженицына" от 15 января 1974 г. № 25-С-90. (116)

Записка Международного отдела ЦК КПСС "Об указаниях совпослу в Швеции" от 22 февраля 1974 г. № 25-С-371. *Приложение. Заявление Исполкома правления ЛПК.* (154)

Записка Отдела пропаганды и Отдела внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС "О книге Т. Ржезача "Спираль измены Солженицына" от 18 января 1978 г. (176)

Записка Секретариата Союза писателей СССР от 12 декабря 1967 г. № 812. *Приложение 1. Текст сообщения для публикации "О письмах А. Солженицына". Приложение 2. Письмо А. Солженицына в Секретариат Союза писателей СССР от 1 декабря 1967 г.* (20)

Записка Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1974 г. *Приложение 1. Заявление А. Солженицына от 13 февраля 1974 г. Приложение 2. Заявление Н. Солженицыной от 14 марта 1974 г.* (159)

Записка Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Агентства печати "Новости" от 8 августа 1978 г. № 0500. (175)

Записка Министерства внутренних дел СССР "О рассмотрении телеграммы А. Солженицына" от 6 февраля 1980 г. № 1/703. (178)

VII. ИНФОРМАЦИИ МИНИСТЕРСТВ, ВЕДОМСТВ, ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ, ОТДЕЛОВ ЦК КПСС И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 3 декабря 1970 г. № 3271-А. (51)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 28 декабря 1970 г. № 3511-А. (55)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 25 июня 1971 г. № 1630-А. *Приложение. А. Солженицын "Август Четырнадцатого" (аннотация).* (61)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 27 октября 1971 г. № 3720-А/ОВ. (65)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 23 ноября 1971 г. № 2953-А. *Приложение. Перевод статьи "Хамская семья", опубликованной в журнале "Штерн".* (68)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 25 декабря 1971 г. № 3256-Ц. (69)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 31 декабря 1971 г. № 3318-А. (70)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 22 февраля 1972 г. № 438-А. (75)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 11 марта 1972 г. № 601-А. (76)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 3 апреля 1972 г. № 854-А. (81)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 10 апреля 1972 г. № 942-А/ОВ. (83)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 13 апреля 1972 г. № 969-А. (86)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 10 августа 1973 г. № 1902-А. (89)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 4 сентября 1973 г. № 2114-А. (95)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 8 сентября 1973 г. № 2176-Ч. (99)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 10 сентября 1973 г. № 2180-Ч. *Приложение. Аннотация сочинения. Солженицына "Архипелаг Гулаг".* (100)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 2 ноября 1973 г. № 2654-А. (107)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 15 января 1974 г. № 119-А. (118)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 16 января 1974 г. № 139-А. (119)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 17 января 1974 г. № 147-А. (123)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 17 января 1974 г. № 150-А. (125)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 18 января 1974 г. № 157-А. (126)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 19 января 1974 г. № 174-А. (127)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 19 января 1974 г. № 175-А. (128)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 29 января 1974 г. № 266-А. (132)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 1 февраля 1974 г. № 300-А. *Приложение. Биография Солженицына, опубликованная в сборнике "Нобелевские лауреаты" за 1970 г.* (134)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 14 февраля 1974 г. № 444-А. (149)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 23 февраля 1974 г. № 553-Ц. (155)

Информация Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 2 мая 1974 г. № 1168-А. (160)

писательской общественности на присуждение Нобелевской премии А. Солженицыну" от 15 октября 1970 г. (32)

Информация Отдела культуры ЦК КПСС "Об откликах творческих работников на публикацию материалов о Солженицыне" от 21 октября 1970 г. (33)

Информация Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС "О реагировании трудящихся на материалы печати о клеветнических заявлениях академика Сахарова, писателя Солженицына и на судебный процесс по делу Якира и Красина" от 4 сентября 1973 г. (96)

Информация Общего отдела ЦК КПСС "О письмах трудящихся в связи с антисоветскими заявлениями А. Сахарова и А. Солженицына" от 10 сентября 1973 г. (101)

Информация Московского городского комитета КПСС от 11 января 1974 г. № 11 (115)

Информация Отдела пропаганды ЦК КПСС, Отдела культуры ЦК КПСС и Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС "Об откликах советской общественности на выступление газеты "Правда" со статьей "Путь предательства" от 15 января 1974 г. *Приложение. Перечень наиболее характерных высказываний в связи с публикацией в "Правде" статьи "Путь предательства"*. (117)

Информация Общего отдела ЦК КПСС "О письмах трудящихся в связи с антисоветской деятельностью А. Сахарова и А. Солженицына" от 16 января 1974 г. (120)

Информация Московского городского комитета КПСС "Об откликах трудящихся г. Москвы на статью "Путь предательства" И. Соловьева, опубликованную в газете "Правда" 14 января 1974 г." от 17 января 1974 г. № 18. (124)

Информация Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС "Об отношении советских людей к публикации за рубежом очередного клеветнического сочинения А. Солженицына" от 21 января 1974 г. (129)

Информация Московского комитета КПСС от 21 января 1974 г. № 10. (130)

Информация Общего отдела ЦК КПСС "Об откликах трудящихся на статью "Правды" "Путь предательства" по поводу антисоветской деятельности А. Солженицына" от 25 января 1974 г. (131)

Информация ЦК Компартии Украины от 14 февраля 1974 г. № 1/25. (147)

Информация Московского городского комитета КПСС "Об откликах трудящихся г. Москвы на Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении гражданства СССР

и выдворении за пределы Советского Союза Солженицына А. И." от 14 февраля 1974 г. № 41. (148)

Информация Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС "Об откликах трудящихся на выдворение Солженицына из СССР" от 15 февраля 1974 г. (150)

Информация Общего отдела ЦК КПСС "О письмах трудящихся с откликами на лишение А. Солженицына гражданства СССР и выдворение его из Советского Союза" от 15 февраля 1974 г. (151)

Информация Отдела культуры ЦК КПСС "Об откликах деятелей советской культуры на выдворение А. Солженицына за пределы Советского Союза" от 18 февраля 1974 г. № 330-А/4. *Приложение. Перечень наиболее характерных высказываний в связи с выдворением А. Солженицына за пределы Советского Союза.* (152)

Информация Советского комитета защиты мира от 20 января 1971 г. № 15. *Приложение 1. Письмо Д. Рида ответственному секретарю Советского комитета защиты мира А. Котову от 26 декабря 1970 г. Приложение 2. Открытое письмо Д. Рида А. Солженицыну от 16 ноября 1971 г.* (57)

Информация редакции журнала "Огонек" от 22 января 1971 г. *Приложение 1. Письмо Д. Рида главному редактору журнала "Огонек" А. Софронову от 26 декабря 1971 г. Приложение 2. Открытое письмо Д. Рида А. Солженицыну от 16 ноября 1971 г.* (58)

Информация ВЦСПС от 19 февраля 1974 г. № 36-н. (154)

Информация В. Лебедева от 22 марта 1963 г. (1)

Информация главного редактора газеты "Правда" М. Зимянина № ГЛ-124. *Приложение. Открытое письмо главным редакторам газет "Правда", "Известия", "Литературная газета", "Советская культура" М. Ростроповича от 31 октября 1970 г.* (36)

Информация главного редактора газеты "Известия" Л. Толкунова от 13 ноября 1970 г. (39)

VIII. ТЕЛЕГРАММЫ ПОСОЛЬСТВ СССР В ШВЕЦИИ И ФРАНЦИИ

Телеграмма Посольства СССР в Швеции от 15 ноября 1970 г. (41)

Телеграмма Посольства СССР в Швеции от 1 декабря 1970 г. (49)

Телеграмма Посольства СССР в Швеции от 8 апреля 1972 г. (82)

IX. ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММА А. СОЛЖЕНИЦЫНА И ДРУГИХ ЛИЦ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* В именном указателе ссылки даются на порядковые номера документов

СОДЕРЖАНИЕ

"КРЕМЛЕВСКИЙ САМОСУД"

(Сборник. документов).

Техническое редактирование и компьютерная верстка
Т. А. Киселевой, О. П. Солововой.

Корректор *И. В. Топоровская.*

Сдано в набор 01.11.93. Подписано в печать 23.02.94.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,76. Уч.-изд. л. 26,11

Тираж 10000 экз. Заказ № 866

Набор и верстка произведены в компьютерном центре
журнала "Родина".

Типография "Новости".
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.